

А. И. НЕБУСЫХИН

ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЕЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА

АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ НЕУСЫХИН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. И. НЕУСЫХИН

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Избранные труды

код экземпляра

320832

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Д. СКАЗКИН (ответственный редактор), М. Л. АБРАМСОН,
Ю. Л. БЕССМЕРТНЫЙ, А. И. ДАНИЛОВ, Л. А. КОТЕЛЬНИКОВА,
Л. Т. МИЛЬСКАЯ (зам. ответственного редактора)

1032201

Сборник избранных трудов выдающегося советского медиевиста профессора А. И. Неусыхина (1898—1969) состоит из трех частей: в первую часть входит докторская диссертация «Собственность и свобода в варварских правдах» (1946 г.), во вторую — «Очерки по истории Германии в средние века (до XV в.)» (ок. 1948—1949 гг.), третья часть включает четыре статьи, написанные в 1923—1929 гг.

В Приложении публикуются фрагменты и выдержки из писем, хранящихся в личном архиве А. И. Неусыхина. Они знакомят с его взглядом на значение, методiku и методологию исторической науки, а также с его отношением к преподавательской работе, которой он отдал так много сил.

Составители сборника, выбирая материал из обширного научного наследия А. И. Неусыхина (более 100 работ объемом свыше 125 печатных листов, не считая переводов, редактирования, публикаций и т. п.), стремились сделать доступными для читателей прежде всего еще не опубликованные труды, сохранившиеся в его архиве¹, а также некоторые весьма ценные в научном отношении статьи, давно ставшие библиографической редкостью.

Труд А. И. Неусыхина «Собственность и свобода в варварских правдах» в данной редакции публикуется впервые. Хотя часть этой работы вошла в текст монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (1956) и печаталась в виде отдельных статей, она имеет самостоятельную ценность именно в том ее виде, в котором она предлагается вниманию читателей настоящего сборника, ибо в дальнейшем при подготовке монографии А. И. Неусыхин обратился к проблемам возникновения крестьянства как класса феодального общества, вследствие чего все исследование оказалось как бы сдвинутым в будущее. В публикуемой же диссертации освещаются основные проблемы социального развития так называемого варварского общества как такового, т. е. чита-

¹ Архив А. И. Неусыхина в настоящее время частично передан в Архив АН СССР, где создан фонд его хранения. По мере разбора и изучения остальной части личного архива А. И. Неусыхина этот фонд будет пополняться.

тель получает возможность познакомиться с самыми истоками европейской истории. Составители сочли возможным не вносить никаких изменений и добавлений в научный аппарат, полагая, что читатели могут легко навести необходимые справки о более новой специальной литературе в позднейших трудах А. И. Неусыхина (см. «Возникновение крестьянства...», немецкое расширенное и дополненное издание этой же книги 1961 г., цикл статей, посвященных новым данным по источниковедению Салической правды, статьи о дофеодалном периоде).

«Очерки истории Германии в средние века (до XV в.)» имеют более сложное происхождение. Они были задуманы как монография и представляют собой, по-видимому, первоначальный ее вариант; в них использован материал глав, написанных в 1947 г. для предполагавшегося издания «Истории Германии». В основе публикуемых очерков лежат мысли, развивавшиеся Александром Иосифовичем в специальном курсе по истории средневековой Германии, читанном им на кафедрах истории средних веков МИФЛИ и МГУ (в конце 30-х и в 1945/46 учебном годах). Намерению кафедры истории средних веков МИФЛИ полностью опубликовать этот спецкурс помешала война. Частично идеи спецкурса нашли свое отражение в большой статье «Исторический миф третьей империи», опубликованной в 1945 г. Составители считают полезным опубликовать сохранившиеся в архиве А. И. Неусыхина очерки как развернутое научно-популярное изложение основных линий развития средневековой Германии на протяжении более чем тысячелетнего периода. Несмотря на сокращенный научный аппарат (а иногда и его отсутствие), эта работа одного из крупнейших советских специалистов по истории Германии принесет, как надеются составители, большую пользу широкому кругу читателей, прежде всего студенчеству, тем более что в нашей специальной и научно-популярной литературе, а также среди учебных пособий книга такого рода отсутствует². Публикуемые очерки в известной мере восполняют этот пробел и вместе с указанной выше статьей представляют достаточно полный обзор истории средневековой Германии до конца XV в.

Принимая во внимание неполноту научного аппарата, составители вместе с очерками публикуют библиографию по истории Германии указанного периода, не претендующую на исчерпывающую полноту, но в достаточной мере ориентирующую читателя в специальной литературе, начинающая с 1947 г.

Две статьи А. И. Неусыхина посвящены древним германцам (одна из них — «К вопросу об исследовании общественного строя древних германцев» — печатается впервые по рукописи); составители руководствовались тем, что советская историография крайне бедна работами, освещающими этот весьма важный для понимания исторического процесса период, который представляет собой предысторию средневековья. По существу после А. И. Неусыхина этими проблемами у нас никто больше не занимался, а ориентироваться в море работ буржуазных историков без пред-

² «Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г.» (М., 1959) содержит лишь очень краткое изложение средневековой истории Германии.

варительной подготовки чрезвычайно трудно. В двух других статьях дается подробный разбор и критика взглядов Макса Вебера. Статьи эти представляют собой ценный вклад в разработку вопросов, связанных с методологией истории, и до сих пор остаются одними из лучших работ в сравнительно немногочисленной марксистской литературе о Максе Вебере. А между тем острая полемика вокруг его работ в зарубежной историографии не прекратилась и в наши дни, они служат отправным пунктом для целого ряда направлений современной социологии и являются необходимой основой для понимания многих концепций буржуазных социологов и историков. Изучение их сопряжено с большими трудностями, преодолеть которые очень помогают глубокие, блестяще написанные статьи А. И. Неусыхина, вполне сохранившие свою научную ценность.

* * *

Сборник избранных трудов профессора А. И. Неусыхина составлен и подготовлен к изданию Комиссией по литературному наследию А. И. Неусыхина (председатель — акад. С. Д. Сказкин), М. Н. Неусыхина, М. Л. Абрамсон, Ю. Л. Бессмертный, Л. А. Котельникова, М. И. Левина, Л. Т. Мильская).

Очень большая работа по разбору весьма обширного архива А. И. Неусыхина проделана М. Н. Неусыхиной и Е. А. Огневой-Неусыхиной.

Текст труда «Собственность и свобода в варварских Правдах» сверен и подготовлен к печати канд. ист. наук С. Д. Ковалевским, которому Комиссия приносит свою благодарность.

Текст «Очерков истории Германии...» подготовлен к публикации Л. Т. Мильской (Введение, гл. I), Л. А. Котельниковой (гл. II), Ю. Л. Бессмертным (гл. III), М. Л. Абрамсон (гл. IV—V), библиография составлена М. И. Левиной.

Материалы, вошедшие в Приложение, подготовлены Ю. Л. Бессмертным и Л. Т. Мильской. Оригиналы публикуемых фрагментов и писем хранятся в личном архиве А. И. Неусыхина и печатаются с разрешения М. Н. Неусыхиной.

А. И. Неусыхин — ученый, педагог, человек *

А. И. Неусыхин — признанный создатель школы исследователей социально-экономической истории раннего средневековья в странах Европы. В его фундаментальных трудах исследуются самые основы раннефеодального строя, его начала и истоки — процессы классовообразования и возникновения феодальных отношений. Труды А. И. Неусыхина составили целый этап в развитии исторической науки, прежде всего медиевистики, хотя влияние его идей не исчерпывается этой специальной областью знаний — оно значительно шире ¹.

Продолжавшееся почти полвека неустанным научное творчество А. И. Неусыхина оставило глубокий и заметный след в советской исторической науке. Но его деятельность не исчерпывается лишь научными трудами, хотя, на первый взгляд, только они, спустя сравнительно недолгое время после ухода ученого из жизни, остаются в памяти людей. Три десятилетия самоотверженного и бескорыстного труда А. И. Неусыхина на педагогическом поприще, его самобытная личность, его напряженное и высокое духовное горение, оставили, быть может, не менее глубокий след в развитии гуманитарных наук, чем его научное наследие, «овеществленное» в книгах и статьях.

Трудно представить себе исторические (да и филологические) факультеты ряда московских вузов (прежде всего МИФЛИ и МГУ) без профессора А. И. Неусыхина, без его блестящих, отточенных лекций, которые не скрывали от слушателей всех трудностей, всех «белых пятен», всех подводных камней исторической науки, лекций, в которых с первых слов он стремился пробудить в слушателях дух научного исследования, вкус к нему, потребность в нем; без его семинаров и спецкурсов, его не изменившихся никакими установленными часами консультаций, одинаково доступных для «своих» и «чужих» учеников. Все это постепенно отодвигается в прошлое, становится «преданием», которое хотелось бы сохранить и донести до читателей, ибо влияние яркой личности учено-

* Доклад, прочитанный на траурном заседании памяти профессора А. И. Неусыхина в Институте всеобщей истории АН СССР 26 января 1970 г.

¹ См. оценку научного творчества А. И. Неусыхина в статье: А. И. Данилов. А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог. — СВ, вып. 32, 1969.

го — и тем сильнее, чем глубже он сумел найти и утвердить свою связь с миром, — воздействует на ряд поколений, которые уже вышли из сферы непосредственного общения с ним.

* * *

Александр Иосифович родился 19 января (н. ст.) 1898 г. в Москве, а раннее детство провел на Смоленщине в селе Борисовщина. Его отец был земским врачом, а мать — земской фельдшерницей, и оба они принадлежали к той демократической интеллигенции, которая свой долг и смысл жизни видела в служении народу. От родителей Александр Иосифович получил и прекрасное знание русской литературы. Это — серьезный факт его биографии, становления его личности. Тогда было положено начало выработке тончайшего душевного слуха, неизменно поражавшего каждого, кто встречался впервые с Александром Иосифовичем, той высокой культуры общения с людьми, в основе которой лежало сознание человеческой ответственности за каждого, с кем сталкивала его жизнь.

Увлечение литературой не только сформировало его моральный облик. Занятия поэзией открыли ему тайну слова, дали постижение многообразия слова, пафос проникновения во все новые и новые открывающиеся ему толкования и смыслы, научили снимать оболочки с внутреннего и сокровенного, находить корни... Эта проникновенная любовь к толкованию стихов не могла потом не отразиться и на его умении толковать исторические источники, глубоко вникать в их скрытый от поверхностного взора смысл, на его особом вкусе к пониманию многообразия и многозначности терминов. Он умел, как редко кто другой, видеть именно многозначность слов и явлений.

Занятия историей литературы, исследование поэзии сопровождали Александра Иосифовича всю жизнь. Это было для него не развлечением или отдыхом, а таким же, если не больше, важным путем постижения мира и человека, как и научное творчество. В каких-то глубоких истоках и его научное творчество, и его постижение поэзии были взаимно соотнесены. В рукописях Александра Иосифовича сохранились некоторые его работы в этой области. В военные годы в Томске он выступил с докладом, посвященным сравнительной характеристике Тютчева и Гёльдерлина². В одном из писем той поры³ он писал об этом докладе: «Доклад вызвал оживленные и для меня интересные прения. У меня много замислов разных работ, — как по истории, так и в области вопросов, смежных и пограничных между философией и двумя эмпирическими науками — историей и историей литературы»⁴.

² В докладе был дан сравнительный анализ стихотворения Тютчева «Два голоса» и «Песни судьбы» («Schicksalslied») Гёльдерлина. Подробное изложение основных положений доклада сохранилось в письме к Е. Е. Слуцкому от 18.VII 1942 г.

³ Письмо к М. И. Левиной от 27.VII 1942 г.

⁴ Представляется излишним сказать здесь, что А. И. Неусыхин, благодаря известному переводчику Б. О. Румеру познакомившийся в 1926 г. с творчеством крупнейшего лирического поэта Р. М. Рильке, до последних дней жизни занимался иссле-

Среднее образование Александр Иосифович получил в одной из лучших гимназий России — в Ростове Ярославском (куда он поступил, проведя три года в Рижском реальном училище, — оно оставило у него тяжкие воспоминания казенной мертвенностью преподавания). В Ростове директором гимназии был известный историк, один из даровитых учеников П. Г. Виноградова — С. П. Моравский, а историю преподавал человек не менее выдающихся способностей — Е. А. Мороховец, открыто преподносивший гимназистам марксистское понимание истории. В гимназии, построенной на средства частного благотворителя, царили весьма либеральные взгляды, ибо она пользовалась правом приглашать преподавателей по усмотрению педагогического совета. Многие преподаватели Ростовской гимназии стали впоследствии известными университетскими профессорами. На уроках Е. А. Мороховца Александр Иосифович получил вкус к истории и первые навыки и опыты исторического исследования⁵. Благодарную память о своих гимназических учителях Александр Иосифович свято хранил всю жизнь; на его докторском диспуте первые слова благодарности были обращены к ним.

Окончив в 1916 г. Ростовскую гимназию с золотой медалью и с отметкой об особой склонности к гуманитарным наукам, Александр Иосифович, уважая волю своего отца, имевшего на него большое влияние, поступил, однако, на медицинский факультет Московского университета и проучился там два года, уделяя особое внимание занятиям общей химией. Возможно, что эти занятия пробудили в нем любовь к точности методики и четкости в выражении своих мыслей, которыми он всю жизнь отличался.

Однако ярко выраженное призвание победило, и в 1918 г. Александр Иосифович перевелся на историко-филологический факультет, который под названием Исторического отделения факультета общественных наук окончил в конце 1921 г. Среди курсов, прослушанных Александром Иосифовичем (опуская традиционные), — история христианства (Р. Ю. Виппер), история городского строя средних веков (Д. М. Петрушевский), история мировоззрений, учение о развитии общественных форм. В его семинарских зачетах отмечены: история революции 1848 г. во Франции, систематическое изучение литературы по основным вопросам средневекового развития, городской строй средних веков.

дованием его поэзии; в последние месяцы жизни он приступил к подготовке статьи о Рильке для предполагаемого издания стихов поэта в серии «Литературные памятники» — этот труд был оборван смертью. К сожалению, не осталось готовых к публикации текстов, но многочисленные тетради с заметками и набросками мыслей о творчестве Р. М. Рильке сохранились в архиве ученого — они представляют несомненный интерес и могут послужить ценным подспорьем для исследования творчества этого поэта.

⁵ О характере подготовки А. И. Неусыхина в Ростовской гимназии можно судить по сохранившимся в его архиве рефератам, написанным им под руководством Е. А. Мороховца: в V—VII классах гимназии им были прочитаны такие рефераты, как «Положение низших классов Киевской Руси по Русской Правде», «Политические и религиозные идеи индпендентов», «Сравнительный разбор французской конституции 1791 и 1793 гг.», «Общественные взгляды Л. Толстого».

В Университете в результате экзамена по общему курсу средних веков Д. М. Петрушевский пригласил Александра Иосифовича в число участников своего семинара. Это была большая честь. Д. М. Петрушевский не обманулся, высоко оценив способности одаренного студента, который стал одним из самых близких его учеников.

Под руководством Д. М. Петрушевского Александр Иосифович специализировался по средневековой истории⁶ в Университете и продолжал работу у него, став аспирантом Института истории РАНИОН. Какой школой научного исследования были для него семинары Петрушевского, Александр Иосифович рассказал в памятной всем статье, посвященной памяти Д. М. Петрушевского⁷. Поразительно, как часто его характеристики учителя совпадают с теми чертами, которые А. И. Неусыхин воспитал в себе сам. В письмах, написанных вскоре после кончины Д. М. Петрушевского, Александр Иосифович писал: «Ему я обязан всем, что имею и в области исследовательской, и педагогической и даже еще гораздо большим. Он стоял на недостижимой высоте как крупнейший историк и как неподражаемый мастер преподавания в высшей школе. Но еще выше он был как Человек (обязательно с большой буквы), как одно из воплощений «Гуманного Разума». У Петрушевского Александр Иосифович учился ставить общие проблемы широкого исторического значения, связывать любой вопрос конкретной истории с общими проблемами исторического развития, учился «подлинной исторической точности»⁸.

В 1922 г. появилась первая печатная работа А. И. Неусыхина «Культурная катастрофа античного мира или столкновение двух культур?», опубликованная в журнале «Печать и революция», на страницах которого он неоднократно выступал и позднее. Эта работа открывает первый период научного творчества, которое с этих пор и стало главным содержанием его жизни, иногда совпадая с педагогической работой, начатой в 1927 г., иногда чередуясь с ней в смысле интенсивности, но всегда находясь с ней в тесной связи.

Этот период завершается в 1929 г. окончанием аспирантуры и выпуском в свет монографии «Общественный строй древних германцев», которая фактически была его кандидатской диссертацией. Она и поныне остается единственной в нашей медиэвистике книгой о древних германцах. Эта книга вызвала в свое время богатством и насыщенностью своих

⁶ В семинаре Д. М. Петрушевского А. И. Неусыхин прошел серьезную школу историографической подготовки, сделав ряд докладов по крупным работам в области социально-экономической истории («Аграрные отношения VII—IX вв.— взгляд А. Д. Удальцова», «Экономическое развитие раннего средневековья в свете новой теории (Допш)», «К вопросу об истинности вотчинной теории экономического развития раннего средневековья (Зеелигер)», «Рыночная теория Зомба», «Новый труд Зомбарта и его критики», «Аграрно-исторические исследования Каро, их место в историографии и их ценность»), заключив эту серию работ докладом «Экономический и социальный строй королевского поместья Каролингской эпохи по *Capitulare de villis* и *Brevium exemplum*», который был переработан им в дипломную работу.

⁷ А. И. Неусыхин. Дмитрий Моисеевич Петрушевский (Опыт характеристики). → СВ, вып. II, 1946.

⁸ Там же, стр. 21.

идей много споров, от некоторых положений автор в ходе дальнейших исследований отказался, но и сейчас она содержит ценнейший материал, оригинальное толкование давно известных текстов, в ней используются прежде мало известные данные⁹. В ней уже тогда проявился пристальный интерес Александра Иосифовича к началам и истокам европейской истории, к генезису исторических явлений. Эта книга сразу же выдвинула его как первоклассного знатока жизни, истории и общественного строя древних германцев.

Между первой его статьей и этой книгой было напечатано около трех десятков критических статей-рецензий, которые, почти все без исключения, посвящены самым значительным, принципиально важным прежде всего в методологическом отношении трудам, определявшим в то время пути развития исторической науки в Европе. Уже тогда были выработаны те черты, которые отличают все критические статьи и рецензии Александра Иосифовича: стремление полностью охватить и понять концепцию автора, а не вырывать из нее отдельные, наиболее удобные и эффектные для возражений положения, блестящее и точное изложение этой концепции, точное определение методологических позиций и методических приемов автора, значения его работы в общем ходе развития науки, предельно добросовестная и фундаментальная обоснованность критики, убедительность аргументации и незаурядный талант и темперамент полемиста.

Именно в этот период выработался тот широкий синтетический взгляд на развитие исторического процесса, который всегда чувствуется в любой его работе, даже в самом локальном исследовании. Оно всегда вставало в рамки общего.

На следующее десятилетие приходится расцвет педагогической деятельности А. И. Неусыхина, в 1934 г. получившего звание профессора. С 1927 по 1941 г. он преподавал если не на всех, то почти на всех исторических факультетах Москвы.

В сфере исследовательской работы он переходит к конкретно-историческим исследованиям и к концу этого периода публикует в 1939 г. статью «Итальянская политика германской империи»¹⁰ и завершает работу над статьей «Общественный строй лангобардов». К концу 30-х годов Александр Иосифович был признанным научным авторитетом в области медиевистики. Д. М. Петрушевский писал в отзыве о его работах: «А. И. Неусыхин, бесспорно, один из самых выдающихся наших историков-медиевистов и как исследователь, и как профессор»¹¹.

Статья «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.», опубликованная несколько позднее, в 1942 г., в первом выпуске сборника «Средние века», была связана с работой Александра Иосифовича над главами для 50-томной «Всемирной истории», задуманной как большой обоб-

⁹ Ср. характеристику монографии А. И. Неусыхина о древних германцах: А. И. Данилов. А. И. Неусыхин — историк-медиевист..., стр. 5—6.

¹⁰ Здесь и далее см. библиографию трудов А. И. Неусыхина в конце данной книги.

¹¹ Отзыв Д. М. Петрушевского о научной деятельности А. И. Неусыхина (хранится в личном архиве А. И. Неусыхина).

щающих коллективный труд Института истории АН СССР, старшим научным сотрудником которого Александр Иосифович являлся с момента его возникновения и в коллективе которого работал с самого окончания университета и до конца жизни. Эта статья составляет переломный момент в его исследовательской работе: именно тогда определился переход к истории варварского общества, к созданию труда, который стал главным фактом его научной биографии. Р. Ю. Виппер, которого Александр Иосифович считал одним из своих учителей, отзывался об этой статье так: «... она содержит претворение памятников лангобардского права в картину народной жизни». Александр Иосифович, приводя в частном письме отзыв Р. Ю. Виппера, писал: «Я ценю мнение моего бывшего учителя..., и тем не менее я не думаю, чтобы такое стремление «дать картину» была важнейшей задачей исторического исследования: это лишь одна из задач, а их много... эта статья первоначально предназначалась... для «Всемирной истории», но этот общий очерк оказался слишком «специальным», и пришлось наиболее специальную часть выделить в сборник... Я и смотрю на эту статью как на предварительный общий очерк. Меня привлекают спец. вопросы лангобардской истории, в частности «понятие свободы» и др. Может быть, и займусь ими...»¹².

Уже через несколько месяцев, вернувшись из эвакуации в Москву, он пишет: «В Институте истории взялся за две темы: «Понятие свободы в варварских Пrawdах» и «Ср[едневеко]вые теории феодально-сословного государства»»¹³. Понятие свободы в процессе исследования было сопоставлено с понятием собственности, работа расширилась. Александр Иосифович опубликовал ряд статей на эти темы по данным различных Правд, и завершилось это написанием сравнительно небольшой по объему, очень компактной, богатой по содержанию работы «Собственность и свобода в варварских Пrawdах», защищенной в июне 1946 г. в качестве докторской диссертации. (Докторский диспут А. И. Неусыхина, на котором в качестве оппонентов выступили крупнейшие советские медиeвисты Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. Д. Удальцов, стал научным событием).

Сам Александр Иосифович сформулировал свою задачу как попытку составить возможно более конкретное представление о процессе перехода от родо-племенного уклада к варварскому обществу и от последнего — к начальным стадиям классового общества и возникновения феодальных отношений в варварских государствах Западной Европы V—VIII вв.¹⁴ Это исследование самых истоков феодального общества было справедливо оценено как новое слово в науке. При дальнейшей разработке поставленной в диссертации проблемы на ее основе была написана фактически новая книга «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (1956 г.). При переводе на немецкий язык книга была еще раз переработана и настолько расширена, что ее объем в три раза превысил объем диссер-

¹² Письмо к М. И. Левиной от 18.V 1943 г.

¹³ Письмо к М. И. Левиной от 24.VIII 1943 г.

¹⁴ См. ниже, стр. 35.

тации (немецкий перевод книги более чем на 10 печатных листов превышает объем русского издания). По существу это три частично совпадающих произведения, объединенных общностью материала и ряда идей¹⁵. В диссертации А. И. Неусыхина наиболее полно отразился основной метод его работы: слияние тончайшего анализа источников с широким синтетическим построением.

К тому же периоду относится и опубликование статей, посвященных проблеме общины, которые дали медиэвистам фундаментальную обоснованную материалом источников, прочно поставленную на базу марксистской методологии теорию стадий развития и типов общины. Обо всех статьях этого периода в кратком очерке сказать невозможно — все они прочно вошли в золотой фонд советской медиэвистики и имели и имеют глубокое воздействие на ход ее развития. После 1961 г., когда вышел в свет немецкий перевод его книги, в последние восемь лет своей жизни Александр Иосифович, с 1959 г. свободный от преподавательской работы, написал третью свою книгу — «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.» (1964), которая является продолжением предыдущей. В этой книге он полностью отдал дань своей склонности к конкретным исследованиям, объединив их, однако, как всегда, с широкой постановкой проблемы и общетеоретическим ее осмыслением. Книга должна была стать частью более обширного и общего труда, который намеревался предпринять исследователь, заканчивая свое изучение варварских Правд. Он успел осуществить это намерение лишь частично, ибо поставленная им обширная задача требовала многих лет напряженной работы.

В последние годы жизни Александр Иосифович опубликовал серию статей по источниковедению. В них он обобщил достижения современной науки по источниковедению Салической правды. Он принял деятельное участие в разработке принципов издания и подготовке проспекта I тома «Истории европейского крестьянства в средние века», ответственным редактором которого он был (он успел написать одну главу для этого издания: «Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению в ее недрах индивидуального хозяйства. Основные этапы формирования крестьянства»).

В двух статьях, посвященных проблеме дофеодального периода¹⁶, Александр Иосифович снова возвращается к теоретическому осмыслению результатов исследований всей своей жизни.

Эти переходы ученого от конкретных исследований к обобщающим работам совершенно закономерны и связаны с самым пониманием задач и особенностей исторической науки. Да и переходами их можно назвать лишь условно — в том смысле, что в разные периоды одно превалировало над другим, но всегда и та и другая стороны его исследовательской деятельности были теснейшим образом связаны и взаимно переплетались.

¹⁵ Диссертация впервые публикуется в настоящем сборнике в том виде, как она была защищена и хранится в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина.

¹⁶ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. — ВИ, 1967, № 1; в расширенном и дополненном виде — в кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968.

лись. У Александра Иосифовича (и это во всех сферах его жизни и творчества) был особый дар постижения индивидуального в соотношении с целым, любовь к детализации, умение видеть важное и существенное в, казалось бы, незначительных мелочах. Он мог бы словами одного из своих любимых поэтов сказать: «Мой взгляд созрел..., для меня нет ничего слишком мелкого...»¹⁷. Он умел прозревать подлинность и в малом.

Александр Иосифович, говоря об историческом синтезе, писал: «В нем и усматриваю я смысл историч[еского] познания. Но он должен быть органически слит и спаян с оригинальным творческим анализом в неразрывное единство, а этого достигают лишь немногие, лишь мастера, и притом самые крупные (пример: «Восстание Уота Тайлера»)»¹⁸. Творчество А. И. Неусыхина показало, что он и сам принадлежит к таким мастерам. Живой интерес Александра Иосифовича к проблемам исторического познания, к его целям и возможностям, к вопросам логики и методологии исторической науки не оставлял его на протяжении всей жизни. Он много и постоянно работал над этими проблемами. К сожалению, жизнь его сложилась так, что результаты этой работы почти не подверглись «овеществлению», как он сам любил говорить. Лишь отдельные высказывания в ряде статей и частных письмах дают представление о его взглядах в этой важнейшей для историка области¹⁹. Чрезвычайно занимала его проблема соотношения общего и конкретного в историческом познании. Здесь он стоял на позиции, лучше всего изложенной словами его учителя: «Лишь подходя к историческому процессу с какой-нибудь определенной стороны, изучая его в качестве специального историка, а не историка вообще, или так называемого «чистого историка», можно действительно научно выяснить ту или иную его сторону, вооружившись необходимыми для этого специальными знаниями...»²⁰

При всей своей несомненной склонности к широкой социологической постановке вопросов Александр Иосифович Неусыхин неизменно оставался конкретным историком. Слово «конкретный» почти всегда присутствует в введениях к его работам, в его общих высказываниях. Он писал: «Занятия историей дают ощущение конкретной наполненности времени событиями и процессами». Он подчеркивал необходимость сочетания конкретно-локального метода и общих построений: «Общее нам дано в истории только как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого». Он ставил своей задачей соединить широкие социо-

¹⁷ R. M. Rilke. *Ausgewählte Werke*, Bd. I. Leipzig, 1938. *Das Stundenbuch*, I, 1 (перевод автора).

¹⁸ Письмо к М. И. Левиной от 18.V 1943 г.

¹⁹ Небольшая подборка из писем, хранящихся в архиве А. И. Неусыхина, публикуется в настоящем сборнике (см. Приложение), в частности письмо к В. М. Лавровскому от 30.VI 1966 г., где А. И. Неусыхин кратко излагает основные мысли статьи, которую он намеревался написать в ответ на статью В. М. Лавровского «К вопросу о предмете и методе истории как науки» (ВИ, 1966, № 4).

²⁰ Д. М. Петрушевский. П. Г. Виноградов как социальный историк. — «Труды комиссии по истории знаний», вып. 9. Л., 1930, стр. 21.

логические обобщения с величайшей конкретностью исторического изложения²¹. Из такого подхода, выработанного им в раннюю пору своей деятельности, уже тогда можно было предсказать, что он пойдет по пути конкретно-исторических исследований, выработав для себя широкий фон общих понятий и представлений, четко и ясно осознав свои задачи и возможности. При всем интересе и способностях к социологическим обобщениям, он всегда был ученым с ярко выраженным историческим мышлением (он и у Макса Вебера, через увлечение которым прошел, более всего ценил способность оставаться историком, его близость в некоторых аспектах к историческому мышлению Маркса, которую в своей увлеченности марксистским материалистическим пониманием истории он тогда в блестяще написанных статьях о Максе Вебере в известной мере преувеличил)²².

Его историческое мышление умело преодолевать не только социализм, но и юридизм, в котором его совершенно необоснованно иногда упрекали, явно путая предмет и орудие исследования с его методами и результатами. Он работал всю жизнь над юридическими источниками, но именно как историк. Характеризуя применение юридической теории к истории общества, П. Г. Виноградов писал: «Юридический ум по своему призванию и характеру всегда занят разложением сложных казусов на их составные элементы и подведением этих элементов под определенные принципы. Он постоянно борется с создающим затруднения разнообразием жизни, и с точки зрения историка наибольший интерес представляют те случаи, когда он оказывается побежденным в борьбе...»²³ Александр Иосифович шел именно этим обратным путем, восстанавливая разнообразие жизни и используя для этого «поражения юридического разума», вскрывая процесс исторического наслаивания идей и фактов, неминуемо отражавшийся в праве. Это и есть подлинный путь историка, свободного от так называемого юридического мышления. Насколько он труден, легко могут представить себе те, кто хоть раз заглядывал в юридические памятники раннего средневековья. Насколько он плодотворен, показали работы А. И. Неусыхина.

Занят был Александр Иосифович и размышлениями о критериях истинности познания, о соотношении субъективного и объективного в труде историка-исследователя, о значении систематики, построения завершенной системы взглядов. Он писал, что всякая система улавливает лишь «проблески» «частичных решений», и поскольку она это делает, постольку в ней есть элемент общезначимости. Но он считал, что необходимо «не соблазняться самой систематикой и не усматривать уже в самом ее наличии залог абсолютной истинности постижения. А не то такая система незаметно превратится в красивую раковину, в окаменелое зда-

²¹ Ср. ниже, стр. 509—513.

²² Ср. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958, стр. 102.

²³ P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1891, p. 127—128. Цит. по: Д. М. Петрушевский. П. Г. Виноградов как социальный историк, стр. 13 (курсив мой.—Л. М.).

ние, в лабиринт духа, из которого нет выхода»²⁴. Оценивая характер и задачи научного творчества, Александр Иосифович писал: «Чтобы быть и психологически подлинным, и научно плодотворным, всякое творчество в области науки должно отвечать на какой-то запрос души его субъекта и в то же время стремиться к созданию объективных научных ценностей. Обе эти задачи должны быть при этом синтезированы. И все-таки задача согласования внутренних запросов познающего субъекта и объективной ценности результатов творческого познания остается: она *неимоверно* трудна, но не невозможна; во всяком случае, она возможна и необходима как идеал, к которому надлежит стремиться. Поэтому история — одна из труднейших наук: *она хочет быть и самой объективной, и самой субъективной наукой одновременно* (в разъясненном выше смысле хорошей субъективности, т. е. близости творчества к внутреннему миру творящего). Ибо *она представляет собою мышление человека об общественном человеке прошлого в терминах и этого прошлого, и того настоящего, к которому принадлежит познающий субъект*». В том же письме Александр Иосифович, говоря об особенностях научного творчества, писал, что «наука неуклонно идет вперед и, егдо, всякий серьезный ученый *хочет*, чтобы труды его послужили *лишь* *этапом* в этом движении, и он счастлив, если они оказались *неизбежным* (значит объективно нужным) *этапом*»²⁵. Весь ход развития советской медиевистики показал, что именно таким неизбежным, объективно необходимым этапом ее развития было научное творчество самого Александра Иосифовича.

Педагогическая деятельность А. И. Неусыхина по сути неотделима от его научного творчества, которое питало ее и само зажигалось ею. 32 года он отдал преподаванию, в действительности же был большим педагогом-мастером со студенческих лет и до последних дней своей жизни. Педагогическая работа Александра Иосифовича прежде всего сама была творчеством. Расцвет ее приходится на годы работы в МИФЛИ (1934—1941 гг.). Он читал *общий курс истории средних веков* (до XV в. — в МИФЛИ и до XIII в. — в МГУ), *специальные курсы «История Германии до XVI в.»* (первоначально курс доводился до середины XVII в.), «История права и учреждений раннего средневековья», «Источниковедение средних веков», вел спецсеминары «Феодалное поместье эпохи Каролингов (по политикам)», «История борьбы империи и папства», «Параллельное изучение варварских Правд», «Структура деревни эпохи Каролингов (по картуляриям)», практикумы на II курсе: «Возникновение феодальных отношений от времени Салической правды до Карла Великого», «Политическая история Англии в XI—XIII вв.», «Социально-экономическая история Англии в XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера». Были годы, когда он руководил сразу тремя спецсеминарами на разные темы, вел практикум на II курсе, читал общий курс и спецкурс, руководил работой нескольких дипломников и аспирантов, как правило, консультировал чужих аспирантов по темам кандидатского минимума,

²⁴ Письмо к М. И. Левиной от 18.V 1943 г.

²⁵ Письмо к М. И. Левиной от 27.VII 1942 г. См. ниже, стр. 517—518.

связанных с изучением раннего средневековья. Под его руководством было защищено более 40 дипломных работ, свыше 20 кандидатских диссертаций по истории Германии, Франции, Италии, Англии, Венгрии; среди его учеников — 10 докторов наук. Это — фактическая сторона его работы.

К чему же стремился он в своем преподавании? Он замечает в письме: «Я... сознательно поощрял и всячески старался возбудить то, что Вы называете «оригинальным выдумыванием». Ибо я считал и считаю, что это путь к творческой работе студентов; ей ведь тоже приходится *учиться* (хотя *научиться* ей может лишь тот, у кого есть творческие данные)..., необходимо не только предоставление, но и стимулирование максимальной самостоятельности мышления каждого студента — конечно, наряду с необходимостью прохождения определенной технико-методической школы. *Вышколить научную фантазию студентов, но в то же время и разбудить ее* и не мешать ее творческим полетам — вот трудная двуединая задача»²⁶.

Александр Иосифович учил методике и технике исследования, давал много фактических знаний, но это никогда не ограничивалось рамками узкой специализации, а включалось в общее. Он был не педагогом-тренером, а педагогом философской складки, неизменно связывающим свое преподавание с общим развитием культуры и просвещения.

Огромно воспитательное значение его семинаров. Однако ни во время этих семинаров, ни на его щедрых консультациях студенты никогда не слышали от него ни наставлений, ни поучений — воспитывала самая его личность, самое общение с ним, та атмосфера высокого напряжения, которая создавалась вокруг него во всех аспектах: и в плане исследовательской работы (а работа в его семинарах была всегда исследовательской, пусть в меру возможностей всякого, но к творческому отношению к своим задачам приучались неизменно все и каждый), и в плане личного человеческого общения.

О педагогическом мастерстве Александра Иосифовича можно написать целую книгу. Лишь о двух сторонах его воздействия на учеников хочется сказать здесь — они только угадывались раньше, в те далекие годы, теперь, в его письмах той поры, можно найти этому подтверждение. От двух соблазнов, всегда влекущих очень молодых людей, предостерегал он. Первый — наивное стремление неотложно и сейчас же, без особых душевных и умственных затрат, постичь смысл жизни и истории, и притом непременно в самой общей и абсолютной форме. Через это проходят если не все, то, во всяком случае, многие. Александр Иосифович как-то незаметно показывал ненужность, мнимость этого стремления. А в одном из давних писем он писал: «Т[ак] наз[ываемый] «смысл жизни» (или, точнее, «объяснение целесообразности существования человеческого рода на земле» — его «понимание», «созерцание», *восприятие*), сказал бы я, да еще распространив эти понятия на *всё сущее* и человечества и космоса) может быть постигнут лишь как *смысл* *всей* жизни, применительно к отдельному субъекту... Это не «отказ» от решения проблемы путем ее забвения, а *единственно возможное ее решение*».

²⁶ Письмо к М. И. Левиной от 18.V 1943 г.

путем ее «индивидуализации» (отнюдь не в смысле романтического «индивидуализма», а как раз наоборот — в смысле познания своей индивидуальности как части космического и всечеловеческого целого, но такого целого, постижение коего возможно лишь в данной, конкретной, несовершенной и преходящей индивидуальности, несмотря на все ее несовершенство). Закон целостности бытия и закон его индивидуализации... *жоррелятивны*, т. е. необходимо дополняют друг друга и взаимно соотнесенны»²⁷.

Такой взгляд прямо сочетается и с воззрениями Александра Иосифовича на характер исторического познания. Это очень заметно окрашивало методы и цели его работы, в частности и его подход к преподаванию. Он считал, что духовную ценность имеют не раз навсегда найденное и данное, разгадка всех «загадок бытия» сразу, но ряд отдельных вторжений в *terra incognita*, ибо каждое такое вторжение и есть уже «частичное решение», оно дает «проблеск» истинного бытия (отсюда и ощущение реальности собственного бытия, неизменно сопровождающее каждое такое вторжение). Остается лишь осознать, что истина — не в единой разгадке всех загадок, а в совокупности перекрещивающихся «частичных решений», и понять, что это *хорошо*, а не плохо; ибо эта совокупность и есть путь человека к истине. «Это творческий акт жизни. Поэтому *общее* решение смысла жизни неизбежно означает уход от жизни и ее остановку»²⁸. И он снова противопоставляет омертвляющее общее решение «смысла всех смыслов» и живое частичное решение «разных конкретных смыслов, представляющих собой «проблески подлинной реальности» или «того истинного бытия, которое искали и ищут все философы мира с незапамятных времен». Эта совокупность — *живая*, развивающаяся. «Так мы избегаем и догматизма, и релятивизма»²⁹.

Второй соблазн, опасность которого давал понять Александр Иосифович, — соблазн интеллекта. В молодости обычно самой высокой похвалой человеку считается отзыв — «умный человек», «очень умный, очень способный человек». Для Александра Иосифовича — человека тонкого и глубокого ума, высоко ценившего и в других умственную одаренность и умевшего находить ее там, где не всякий бы ее и заметил, это все-таки не было самым главным в человеке. Определяющим он считал умение выработать в себе «гуманный разум». (Он любил повторять и толковать знаменитые слова из платоновских «Диалогов»: «Красота — это только средство, Федр, только средство!») Он мог бы сказать: «Интеллект — это только средство, только средство, чтобы выработать в себе человека». Никакой, пусть самый блестящий, ум не в праве требовать для себя и от себя того, чтобы жертвовать человеческим, нравственным. Александр Иосифович воспитывал в своих учениках прежде всего людей. Для него разум был неотделим от нравственности. Он был твердо уверен в том, что подлинная наука, творческий разум и добро тесно связаны, что без интеллектуальной и моральной честности наука вырождается и неминуе-

²⁷ Письмо к М. И. Левиной от 24.II 1943 г.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

мо превращается в свою противоположность, что наука не может требовать моральных жертв, хотя и требует всего человека. В 1942 г., в самые тяжкие дни войны, он писал: «Добро, истина, красота были и остаются величайшими внутренними устремлениями человека, к которым каждый приобщается в меру своих сил..., коричневая чума не в силах истребить это влечение в человеке»³⁰.

Чем же были для него самого занятия и общение со студентами?

Говоря о смысле своей работы, он писал: «Задача нашей культуры и нашей эпохи — не в нагромождении диссертаций, а в нахождении новых «частичных решений» основных проблем бытия, в создании новых подлинных реальностей в теории и жизни; вот почему всякая диссертация (независимо от намерений автора) грозит превратиться в «номерную», если каким-то образом (в выборе ли темы, или в подходе к ней, или в методе) не будет соотнесена с этими поисками. Поэтому в педагогической работе опасность формализации меньше: ибо она — сама жизнь»³¹. Он считал общение со студентами и аспирантами одним из самых значительных явлений своей жизни: «Были целые полосы жизни, когда оно всецело наполняло меня, когда я жил им в полном смысле этого слова»³².

Научное и педагогическое творчество А. И. Неусыхина — обширное поле исследования для историков и историографов. Его труды и идеи долго еще будут необходимой и плодотворной ступенью в развитии исторической науки, они заняли в ней прочное и почетное место, и влияние их еще далеко не исчерпано. И долго еще будет сохраняться память об его искусстве педагога, человека незаурядной душевной одаренности (без нее, впрочем, и нельзя стать настоящим педагогом), общение с которым духовно обогащало его друзей и учеников и было для них школой жизни и человечности.

³⁰ Письмо к М. И. Левиной от 27.VII 1942. См. ниже, стр. 520.

³¹ Письмо к М. И. Левиной от 24.II 1943 г.

³² Письмо к М. И. Левиной от 23.VII 1942 г. См. ниже, стр. 515.

Некоторые черты А. И. Неусыхина как исследователя

Характеристику А. И. Неусыхина как исследователя правильнее всего начать с анализа его подхода к источнику. Место источника в процессе познания, его роль в формировании выводов историка, степень объективности источника, оптимальные методы его анализа — таковы вопросы, без ответа на которые не может работать ни один историк. То или иное их решение, тесно связанное с общетеоретической позицией ученого, во многом предопределяет степень успеха его исследований. А. И. Неусыхин хорошо сознавал важность этих вопросов. Отправляясь от марксистско-ленинской методологии истории, он давал на них ответы прежде всего своей исследовательской практикой. Попытаемся поэтому найти эти ответы в самом содержании работ А. И. Неусыхина.

Какую бы его работу мы ни взяли, читателя всегда поражает в ней прежде всего то внимание, которое уделяется **сугубо** детальному анализу текста источника, сопоставлению мало различающихся на первый взгляд разночтений, оценке предлагавшихся конъектур, сопоставлению всех возможных истолкований каждой фразы, каждого термина, каждого грамматического оборота.

Присмотримся, например, к ходу исследования в статье «Понятие свободы в Эдикте Ротари»¹. После краткого введения в ней **развертывается** углубленный анализ понятия *fulcfree*, использовавшегося для обозначения определенных социальных категорий внутри **лангобардского общества**. Читателю статьи предоставляется возможность проследить **все случаи** упоминания этого термина в Эдикте Ротари: при отпуске на волю раба на основе процедуры *gairethinx* (§ 224); при отождествлении *fulcfree* с вольноотпущенником (§ 225); при описании случая женитьбы альдия на свободной (§ 216); в разделе о воровстве, совершенном свободной женщиной (§ 257), и т. д. В каждом случае читателю сообщается весь текст соответствующего параграфа, проводится его сопоставление с текстом последующих **лангобардских законов VIII в.** и поздних глосс XI в., выясняется смысловая и формальная связь анализируемого **параграфа** с другими разделами Эдикта, приводятся все синонимичные выражения

¹ СВ, вып. II, 1946, стр. 82—113.

к fulcfree и, наконец, цитируются разделы других варварских Правд, аналогичные по содержанию рассмотренным параграфам Эдикта Ротари.

Сам автор находится вначале как бы «за сценой». Он не спешит сообщить свое мнение по существу проблемы и дает возможность читателю самому услышать «голос» документа, прочувствовать всю «непривычность» употребляемых выражений, задуматься над противоречиями и неясностями. Лишь постепенно — по мере того как специфика проблемы, периода, источника достаточно явственно обнаруживаются — автор позволяет себе все чаще «брать слово». Вначале он ограничивается частными наблюдениями, касающимися конкретного содержания термина fulcfree в отдельных параграфах. Постепенно его наблюдения становятся все более широкими, развернутыми и в то же время усложненными. Им выясняется многозначность понятия fulcfree (которое иногда подразумевает статус вольноотпущенника, иногда — полностью свободного человека) и вскрывается его эволюция. Это создает отправной пункт для нового раздела исследования, касающегося социального расслоения в среде свободных, и для значительно более общих выводов о путях возникновения феодальной зависимости в лангобардском обществе.

Построение этой статьи А. И. Неусыхина, повторяющееся во многих других его работах, ясно показывает, что значение, которое придавал он слову источника в формировании выводов историка, невозможно преувеличить. Именно поэтому так стремился А. И. Неусыхин к вовлечению читателя в свою «исследовательскую лабораторию», стараясь сделать доступным обозрению и проверке каждый свой шаг. По той же причине он считал наиболее убедительными исследования, документальную базу которых составляет не какой-либо один — пусть даже очень важный — памятник, но корпус однотипных памятников в целом. Как раз на такой базе покоятся монографии А. И. Неусыхина². Аналогичные требования предъявлял он к своим ученикам, добиваясь, чтобы в своих работах они подвергали параллельному рассмотрению больший или меньший комплекс однородных источников³. С признанием исключительной познавательной важности источника была связана и приверженность А. И. Неусыхина к индуктивному методу изложения, исходным пунктом которого в тексте исследования почти всегда выступал текст источника.

«Кульť источника» не мешал, однако, А. И. Неусыхину понимать всю сложность процесса исторического познания. Он был далек от мысли, будто научная работа в области истории сводится к нахождению источников, их «внешней» и «внутренней» критике и «пересказу» содержаще-

² В основе, например, «Возникновения зависимого крестьянства...» лежит комплекс варварских Правд (Салической, Саксонской, Фризской, Англо-варяской, лангобардских, Бургундской, Баварской, Алеманнской, Рипуарской и т. д.), серия картуляриев (Фульдского, Лоршского, Вейссенбургского, Сен-Галленского, Фрейзингенского, Пассауского, Корвейского и т. д.), а также полиптиков, капитуляриев и т. д. В основе монографии «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII — XII вв.» лежит большая группа картуляриев, комплекс урбариев, формул, судебников и т. п.

³ Об этом свидетельствуют, например, диссертации его учеников — Л. Т. Мильской, М. Л. Абрамсон, Л. А. Котельниковой, В. В. Самаркина, А. Я. Шевеленко, А. Б. Каплана и др.

гося в них достоверного содержания⁴. Он категорически не соглашался с Фюстелем де Куланжем, по мысли которого, «тексты памятника должны были говорить сами от себя; историк должен был играть роль их рупора, ибо никаких предварительных точек зрения ему иметь не разрешалось, так как они могли бы нарушить объективность исследования»⁵. На деле, подчеркивал А. И. Неусыхин, подобный подход открывал «путь произвольному толкованию этих текстов, с неосознанным привнесением в их истолкование предвзятых точек зрения, в результате неосуществимого требования полного воздержания от них, абсолютной и абстрактной объективности»⁶. Ведь всякий историк подходит к материалу «с известными предпосылками, без которых вообще невозможно историческое исследование»⁷. Эти предпосылки (писал А. И. Неусыхин, присоединяясь в этом вопросе ко взглядам Д. М. Петрушевского) «идут не только от философских устремлений историка и субъективных особенностей его интеллекта, но и из живой исторической действительности, из окружающей историка объективной общественной среды, из его «современности». Только при помощи современности (в самом широком смысле слова), вооружающей историка общими понятиями, познает он историческое прошлое...»⁸. Именно в названных предпосылках «источник вечной жизненности исторической науки и ее безостановочного движения, как бы непрестанно питающий ее родник»⁹.

Для понимания взглядов А. И. Неусыхина на роль источника и историка в познании прошлого весьма характерно также его отношение к использованию математических методов в исторических исследованиях. Считая, что «некоторые математические приемы исследования... могут быть очень полезны как техническое орудие»¹⁰, он в то же время решительно возражал против того, чтобы видеть в них «метод в широком смысле слова»¹¹. Возражения эти были связаны с тем, как понимал он основные задачи исторического исследования. Так как невозможно познать прошлое путем механического воспроизведения данных источников, не следует надеяться, что, «сосчитав» или «измерив» с помощью любых,

⁴ Ch. Langlois et Ch. Seignobos. L'introduction aux études historiques. Paris, 1899. Именно в этом смысле Ланглуа и Сеньобос писали, что «история — не что иное, как обработка документов».

⁵ А. И. Неусыхин. Дмитрий Моисеевич Петрушевский (Опыт характеристики). — СВ, II, 1946, стр. 21.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 12.

⁸ Там же, стр. 12—13.

⁹ Там же, стр. 13. К этой мысли А. И. Неусыхин возвращался не раз. Вот, например, что писал он в 1966 г.: «Коротко говоря, историк — общественный человек, изучающий общественного человека; тем самым история есть путь общественного самопознания человека (на это указывал еще Вико). С этим обстоятельством связаны сложнейшие проблемы: наличие «предпосылок» у всякого историка, ее неизбежность и в то же время нежелательность (а иногда и желательность), вопрос о субъективности и объективности (ведь если бы историк не был членом современного общества, он совсем не мог бы судить о прошлом обществе, т. е. без известной субъективности не было бы и объективности)» (курсив мой. — Ю. Б.). См. ниже, стр. 509.

¹⁰ См. ниже, стр. 507.

¹¹ Там же.

самых сложных математических приемов добытые из источников исторические сведения, можно было бы «автоматически» воссоздать картину прошлого. Историк-исследователь, писал А. И. Неусыхин, даже если он использует кибернетические машины, «работает не при помощи кибернетики, а посредством интеллектуальной интерпретации исторических процессов и их причин, а также их последствий»¹². Как частичные построения, так и общая концепция не являются «результатом компиляции или механической комбинации текстов исторических памятников». Исторический труд — итог «творческого взаимодействия познающего историка с отраженной в этих текстах живой исторической действительностью»¹³ (курсив мой.— Ю. Б.).

Конкретные результаты этого «взаимодействия» зависят от многого. На них влияет прежде всего бесконечная смена «предпосылок», с которыми исследователь подходит к источнику (А. И. Неусыхин писал об историческом мышлении: «Оно — подвижная система, вечно меняющаяся сеть для уловления чередующихся конкретностей, с одной стороны, и установления общих перспектив, с другой»¹⁴). Однако для того, чтобы историческое исследование было подлинно научным, эти «предпосылки» не могут рассматриваться как некий «категорический императив». В ходе исследования источников они должны подвергаться проверке, углублению, изменению и лишь в таком «переработанном виде» могут войти «в живую ткань воссоздаваемого исторического прошлого»¹⁵. В противном случае историческое исследование превращается во «втискивание» документальных данных «в Прокрустово ложе заранее готового синтеза»¹⁶. Итог оказывается в последнем случае таким же, как и при формальном отказе историка от всякой интерпретации источников в пользу их «беспристрастного пересказа», когда происходит «неосознанное привнесение» предвзятых точек зрения в их истолкование (см. выше). В обоих случаях этот итог — «схематизация и упрощение жизни»¹⁷.

Там же, где обеспечивается «творческое взаимодействие» историка и источника, достигается подлинная историческая точность. «Точность исторической науки — в познании прошлого при помощи общих представлений о конкретных закономерностях исторического развития, почерпнутых из живой жизни прошлого и настоящего; она — в умении видеть и изображать историческую действительность во всей ее сложности, многогранности и внутренней противоречивости, в умении находить законы диалектического движения и тенденции развития конкретных общественных укладов и тем самым давать синтетическое истолкование их индивидуальных особенностей,двигаемых в более широкие рамки эволюции человеческих обществ»¹⁸.

¹² Там же.

¹³ А. И. Неусыхин. Дмитрий Моисеевич Петрушевский..., стр. 23.

¹⁴ А. И. Неусыхин. Проблемы исторического мышления. См. ниже, стр. 504.

¹⁵ А. И. Неусыхин. Дмитрий Моисеевич Петрушевский..., стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ Там же, стр. 21.

¹⁸ Там же, стр. 22.

Формулируя и применяя эти общие воззрения о путях исторического познания, А. И. Неусыхин давал в своих трудах яркие образцы «исторической точности». В соответствии с тем, что понимал он под этим понятием, он был далек от того, чтобы отождествлять «историческую точность» своих выводов с «окончательным», «полным и бесповоротным» решением тех или иных вопросов. Он любил говорить, что историки (в отличие, скажем, от нумизматов или археологов) не делают «открытий», ибо предложенное историком толкование взаимосвязи явлений может претендовать не на «истинность в последней инстанции», но самое большее лишь на то, чтобы последующие поколения ученых «считались» с существованием данной концепции¹⁹. В этом взгляде не было ни грена релятивизма или объективизма. «Считаться» с определенной концепцией означало для А. И. Неусыхина видеть в ней ступеньку на пути бесконечного движения к истине. Но не всякая концепция заслуживала того, чтобы с ней «считались». Этой чести, с точки зрения А. И. Неусыхина, заслуживали только концепции, обладавшие «исторической точностью» в указанном выше смысле, т. е. стоящие на прочном фундаменте «творческого взаимодействия» историка, руководствовавшегося передовой для своего времени методологией, и источника.

Особый аспект в изучении исследовательского метода А. И. Неусыхина составляет характеристика его подхода к критике источника. Для А. И. Неусыхина, как и для каждого вдумчивого историка, было ясно, насколько заметное опосредствующее влияние оказывало мышление авторов какого-либо памятника на способ и форму воспроизведения современной им действительности. Понять это мышление и самый характер того преобразования, которое претерпевали под его воздействием картины реальной жизни, отраженные в источнике, — значит получить едва ли не самый важный ключ к раскрытию прошлого. Учитывая это, А. И. Неусыхин во всех своих работах постоянно имел в виду, что объективный смысл показаний того или иного памятника может быть раскрыт лишь тогда, когда раскрыта специфика мышления его составителей.

Вот что писал он во вводной главе своей книги «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.»: «Обычное право фиксирует... пестроту форм собственности и свободы, текучесть и многообразие их переходов, но это отнюдь не случайность, объясняющаяся будто бы лишь беспомощностью правового мышления варваров. Наоборот: *сама эта беспомощность в свою очередь нуждается в объяснении*». При изучении варварского общества необходимо *«относиться с сугубым вниманием к тому, как представляли себе свои собственные общественные отношения люди этой переходной эпохи. А они мыслили его себе в категориях собственности и свободы, и притом во всей их конкретной пестроте, многозначности и противоречивости. Это должно служить исследователю предостережением против механического перенесения в варварские Правды представлений о собственности, заимствованных из рабовладельческого, феодального или буржуазного права. Мало того: это ставит перед ним сложную задачу выработки новых*

¹⁹ Из записи беседы А. И. Неусыхина с автором этих строк («Узкое», июль 1967).

представлений о переходных формах собственности и свободы, адекватных представлениям самих составителей варварских Правд (хотя и не тождественных с ними)» (курсив мой.— Ю. Б.)²⁰.

Необходимость разграничивать в источниках субъективные взгляды их составителей и объективный смысл каждого пассажа отмечается А. И. Неусыхиним при анализе самых разных сюжетов — и при анализе мотивов той или иной сделки²¹, и при изучении какого-нибудь юридического обычая²², и при выяснении социального статуса людей какой-либо юридической категории²³ и т. д. и т. п. Редкостное исследовательское мастерство этого ученого в том, между прочим, и состояло, что ему удавалось убедительно «расшифровать» многие неясные или противоречивые показания источников, исходя из проникновения в самую специфику мышления их составителей.

Вряд ли, однако, нужно специально доказывать, что подобное проникновение в ход мышления авторов исторических памятников не только очень сложное, но и не всегда достижимое дело. Вследствие этого преодоление барьеров, препятствующих пониманию существа явлений, отраженных в источниках, возможно в разных случаях не в одинаковой степени. Нет сомнения, что А. И. Неусыхин ясно понимал это. Думается, что сознание далеко не равноценных возможностей в получении объективных научных знаний, которыми обладает историк при анализе источников разных типов, сыграло известную роль и в выборе А. И. Неусыхиним самой проблематики его трудов. Стремление к «исторической точности» не могло не побудить его к отбору для своих исследований в первую очередь таких проблем, изучение которых по источникам в наибольшей мере позволяет собрать крупицы объективной истины. Как справедливо писал Г. Стюарт Хьюз, такие вопросы, как землепользование, социальная и экономическая структура, система общественных взаимоотношений, гораздо труднее поддаются сознательным искажениям или любым другим «деформациям» при их воспроизведении в источниках, чем история отдельных событий²⁴. Существуют такие исторические памятники, подчеркивал М. Блок, которые позволяют нам познать прошлое «из первых рук». Так, правовые нормы, или ритуал, зафиксированный в сохранившемся тексте, или обряд, изображенный на стеле, могут быть изучены сугубо личным усилием нашего интеллекта, без посредничества какого бы то ни было «толмача»²⁵. А ведь именно «посредничество» такого «толмача» неизбежно при исследовании истории идеологии или

²⁰ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI — VIII вв. М., 1956, стр. 34.

²¹ См., например, А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII — XII вв. М., 1964, стр. 183 и сл. (анализ мотивов договора Гупольда с Бриксенской церковью).

²² См., например, А. И. Неусыхин. Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 3. — СВ, вып. 25, 1964, стр. 38—40 (анализ порядка уплаты вергельда родственниками преступника).

²³ См., например, А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 174 и сл. (трактовка социального положения саксонских фрилингов и эделингов).

²⁴ H. Stuart Hughes. History as Art and as Science. New York, 1964, Ch. I.

²⁵ См. М. Блок. Апология истории. М., 1973, стр. 33.

искусства. В отличие от этого социально-экономическая история представляет поле исследования, отличающееся от ряда других разделов истории особо широкими возможностями объективного научного анализа. Если же учесть, что изучение социального и экономического развития имеет совершенно особое значение для анализа общества как целостной системы, то важность избранной А. И. Неусыхиним проблематики станет еще очевиднее ²⁶.

Но и социально-экономическую историю можно изучать по различным памятникам. Иногда, например, кладут в основу документы какого-либо одного города или даже одной деревни и, воспроизведя развитие этой конкретной общественной ячейки, ставят затем вопрос о возможности распространения полученных выводов на более широкую территорию. В других случаях базой социально-экономического исследования оказываются грамоты об отдельных сделках, совершавшихся на более или менее широкой территории в течение того или иного периода. Каждая отдельная грамота выступает при этом как одно из «слагаемых» некоего «суммарного вектора» исторической эволюции, в поисках которого историк стремится найти «равнодействующую» для противоречивых тенденций, отраженных в отдельных грамотах. И беда лишь в том, что историк никогда не знает, все ли «слагаемые» этого «суммарного вектора», все ли составные элементы искомой «равнодействующей» ему даны (впрочем, с помощью математической статистики в этом случае можно хотя бы установить, какова вероятность того, что полученный итог действительно «суммирует» все многообразие реально существовавших тенденций).

Несколько иным оказывается положение того медиевиста, в основу исследования которого положена серия каких-либо установлений, *принятых для всеобщего исполнения*. Подобные установления во времена раннего средневековья редко были плодом произвольного волеизъявления того или иного законодателя. Значительно чаще они представляли узаконенную временем традицию. Эта традиция складывалась в результате борьбы разных тенденций и течений и потому для данного момента сама являлась как бы воплощением некоей «равнодействующей» многих сил. Иначе говоря, «суммирование» противоречивых исторических тенденций в данном случае произведено (по крайней мере, отчасти) уже в самом источнике. Таким историческим источником для раннего западноевропейского средневековья являются прежде всего варварские Правды ²⁷, а также форму-

²⁶ Известно, что в пределах социально-экономической истории А. И. Неусыхин занимался исключительно существенными в теоретическом и методологическом плане вопросами возникновения классовых обществ. Важность этой проблематики и своеобразие использованного метода ее исследования во многом определили не только значение трудов самого А. И. Неусыхина, но и обусловили возникновение в нашей медиевистике «школы Неусыхина».

²⁷ Не следует видеть в этой характеристике некоторых особенностей варварских Правд отражение всех их основных черт как исторического памятника или, тем более, изложение всех тех мотивов, которые заставили А. И. Неусыхина обратиться к их использованию. Отмечая отдельные черты их своеобразия, мы не касаемся здесь их недостатков как источника (известно, например, что варварские Правды рисуют преимущественно то, что *должно было быть*, но не воспроизводят отклонения от норм; отраженная в них социальная стратификация страдает известным консерватизмом и т. д.) и вытекающих отсюда требований к методике их изучения.

лы и капитулярии. Именно эти документы были положены А. И. Неусыхиним в основу его специальных исследований. В комбинации с мерovingскими эдиктами, капитуляриями, формулами и частными грамотами они составили надежную базу его трудов и позволили ему продвинуться далеко вперед на пути к познанию социальной структуры раннего средневековья.

В том, что это стало возможным, немалую роль сыграла выработка А. И. Неусыхиним, во-первых, конкретных приемов анализа источников и, во-вторых, определенной методики изучения поднятых им проблем. Многообразие использовавшихся А. И. Неусыхиним приемов уже не раз отмечалось. Справедливо указывалось и на то, что выбор этих приемов никогда не был случайным и всегда детерминировался самим объектом изучения²⁸. Разрабатывая все новые и новые приемы, комбинируя их и проверяя один другим, ученый заставлял источники «отвечать» на многие сложные вопросы, касающиеся коренных особенностей раннесредневекового общества. Вероятно, не одно поколение медиевистов будет с успехом применять предложенные А. И. Неусыхиним приемы анализа варварских Правд, капитуляриев, частноправовых грамот и других источников. Меньше внимания обращалось до сих пор на своеобразие *познавательной методики* решения научных проблем раннего средневековья, выработанной А. И. Неусыхиним на базе марксистско-ленинской методологии истории. Не претендуя на полноту рассмотрения, остановимся лишь на двух-трех образцах этой методики.

Выше уже отмечалось, что, изучая варварское общество, А. И. Неусыхин уделял исключительно большое внимание анализу основных понятий, использовавшихся в этом обществе. Характерно, что докторская диссертация А. И. Неусыхина, публикуемая ниже, называется «Собственность и свобода в варварских Правдах». Исследование перехода от родо-племенного строя к варварскому обществу велось в ней именно сквозь призму анализа этих двух понятий — собственности и свободы — и соответствующих им институтов. Изучение тех же двух понятий оказывается очень важным познавательным средством и в ряде других работ А. И. Неусыхина, посвященных дофеодальному периоду: в статьях 40-х годов, в капитальном труде «Возникновение зависимого крестьянства...», в итоговой статье по проблемам варварского общества, опубликованной в 1968 г.²⁹

Анализ содержания этих понятий находит здесь столь широкое применение потому, что каждое из них, будучи формально некоей мыслительной категорией людей раннесредневекового общества, в то же время отражало состояние важнейших общественных отношений. «Почему исследование этого процесса (имеется в виду процесс перехода от родо-племенного строя к варварскому обществу.— Ю. Б.) пошло по пути уяснения собственности и свободы в варварском обществе?» — спрашивал

²⁸ А. И. Данилов. А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог. — СВ, вып. 32, 1969.

²⁹ См. А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — В сб.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1. М., 1968, стр. 599 и сл.

А. И. Неусыхин в последней главе своей докторской диссертации. — «Потому, — отвечал он, — что на данной стадии общественного развития сочетание специфических форм первоначальной собственности с личной свободой ее носителей ярче и полнее всего характеризует своеобразие лежащего в основе данного строя способа производства. *Понимание своеобразия* указанного сочетания в родо-племенном и в варварском обществе является, таким образом, ключом к раскрытию эволюции от первого ко второму» (курсив мой. — Ю. Б.)³⁰.

Выявление и анализ ключевых понятий в их взаимосвязи между собой и со всей социальной системой — вот в чем суть примененного в названной серии работ А. И. Неусыхина познавательного метода изучения общественного строя. Надо ли оговариваться, что анализ понятий отнюдь не является при этом самоцелью, что он не имеет ничего общего с идеалистической абсолютизацией роли мыслительной деятельности или же с преувеличением роли и значения самих понятий? Впечатляющий итог исследований А. И. Неусыхина по данной теме показывает, что избранный им метод решения проблемы — в высшей степени плодотворен. Он заслуживает самого широкого использования при анализе сюжетов, подобных тем, которыми занимался А. И. Неусыхин.

Использование этого метода предполагает подход к изучаемому историком обществу как к целостной и взаимосвязанной системе, каждый «отпечаток» которой так или иначе воспроизводит ее существенные черты. Именно такой подход соответствует принципам марксистской методологии, ибо он позволяет увидеть в многообразных проявлениях общественной жизни звенья целостной общественно-экономической формации. Перспективность указанного метода изучения понятий определяется также тем, что он позволяет раскрыть через их анализ объективное содержание социальных отношений, даже если в распоряжении историка имеется материал лишь об отражении этих отношений в умах современников. Историк получает благодаря этому дополнительные возможности избежать надуманности и схематизации при характеристике общественного строя. Сложность и многогранность последнего могут быть раскрыты во всей их полноте. Удаётся проследить самые различные градации, существовавшие между людьми, обнаружить разные виды дифференциации в обществе — имущественную, социальную, юридическую и т. д. Каждый, кто знакомился с трудами А. И. Неусыхина, знает, как много оттенков свободы, полусвободы, зависимости удалось выявить ему в раннесредневековом обществе, сколько несхожих социальных прослоек и юридических категорий вскрыл он. Столь подробную картину изучаемого общества А. И. Неусыхин смог нарисовать именно потому, что использовавшийся им метод анализа основных понятий позволяет на редкость полно воссоздать картину далекого прошлого.

Эта картина — сложна и порою трудна для понимания. Но такова была жизнь, таково было то общество.

³⁰ А. И. Неусыхин. *Собственность и свобода в варварских Правдах* (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V — VIII вв.) (см. ниже, стр. 192).

Важное достоинство этого метода — в той его интерпретации, которую дал ему А. И. Неусыхин, — состоит в возможности проследить с его помощью динамику социальных отношений в раннее средневековье. Казалось бы, анализ понятий мало что может дать для характеристики общественных изменений. «Застывшие слепки» прошлого — способны ли они отразить социальную перестройку? Как показал своими работами А. И. Неусыхин, такая перестройка может быть воспроизведена и на основе изучения понятий, если только суметь вскрыть смысл их *многозначности* и увидеть в разных их оттенках отражение разных стадий общественной эволюции. В уже упоминавшейся выше статье «Понятие свободы в Эдикте Ротари» анализируется формально лишь одно понятие *fulcfree* и его употребление в памятнике VII в. (и некоторых более поздних). Детальный анализ позволил, однако, как уже отмечалось, вскрыть, что в VII в. в это понятие вкладывался в разных случаях *различный* смысл, ибо само оно пережило глубокую эволюцию, параллельную эволюции всего общества. Одно из значений этого понятия — полная свобода без всякой зависимости — характерная черта далекого прошлого лангобардов. Двойственность значения этого понятия — черта современного Эдикту Ротари общества. В нем уже не всякий *fulcfree* считался полностью свободным, хотя иногда свободнорожденных и полноправных свободных еще продолжали называть *fulcfree*³¹. Анализ употребления одного и того же понятия в одном и том же памятнике может, как видим, выявить черты разных общественных стадий и раскрыть суть происшедшей эволюции.

Остановимся еще на одном характерном образце исследовательской методики А. И. Неусыхина — применении типологического анализа. Одним из важнейших научных достижений этого ученого справедливо считается творческая разработка проблемы общины. В противовес историкам так называемого критического направления в буржуазной медиэвистике конца XIX — начала XX в. и многим современным западным исследователям, рассматривающим западноевропейскую общину в основном как новообразование периода внутренней колонизации (XI—XII вв.), А. И. Неусыхин убедительно показал важную роль преемственности в развитии общинного строя, начиная с первых веков нашей эры и вплоть до периода классического феодализма. Однако эта преемственность имеет в его изображении мало общего с тем, как представляли себе историю общины создатели «марковой теории». Вместо стабильной и неизменной, А. И. Неусыхин рисует общину как *многообразную и постоянно меняющуюся организацию, разным стадиям развития которой соответствуют различные типы общины*. Как раз непонимание этой многотипности общины составляло одно из слабых мест «марковой теории». Игнорирование многотипности общины было характерной чертой и противостоящего «марковой теории» «критического направления», ибо его представители, констатируя отсутствие в ранний период общины одного определенного типа, делали отсюда вывод об отсутствии общины вообще. Выявление внутреннего родства общинной организации разных типов и в то

³¹ А. И. Неусыхин. Понятие свободы в Эдикте Ротари, стр. 91.

же время раскрытие неизбежности своеобразия каждого из этих типов общины оказалось, таким образом, ключевым моментом в преодолении односторонности существовавших историографических концепций. Именно разработка типологии крестьянской общины позволила, следовательно, А. И. Неусыхину сделать особо важный шаг в познании путей эволюции раннесредневекового общества ³².

При разработке этой типологии перед А. И. Неусыхиным стояли исключительно большие трудности. Они были связаны прежде всего со скудностью источников, их лаконичностью, отсутствием в них необходимых прямых данных. В основу типологии общины А. И. Неусыхин положил известные высказывания Маркса и Энгельса о трех этапах в развитии общины ³³ (кровнородственная община, земледельческая община, община-марка). В качестве метода выяснения характера общины ученый использовал прежде всего анализ данных о системе полей, способах их обработки, особенностях крестьянских наделов ³⁴. Изучение этих производственных распорядков явилось хотя и косвенным, но тем не менее надежным способом определения объема прав каждого земледельца на его надел и территорию альменды ³⁵, т. е. тех прав, объем которых является *главным критерием в разграничении типов общины* ³⁶. Исследование хозяйственной организации, а также многозначности терминологии, обозначавшей деревню, альменду, надел, позволяют А. И. Неусыхину выявить, кроме трех названных типов, дополнительные «подтипы» общинной организации, соответствующие разным стадиям в ее развитии. Так, он выделяет два этапа в истории земледельческой общины — первый, когда уравнильные переделы пахоты и лугов уже прекратились, но еще сохраняются неподделенные общинные угодья, используемые сообща, и второй, когда совместное владение этими угодьями сочетается уже с индивидуальным их использованием ³⁷. Разработка подробной типологии общины дает возможность А. И. Неусыхину выявить общие черты в кажущемся хаосе многообразных форм общинной организации у разных европейских народов. Типологический анализ общинного строя помогает также определить стадию развития, переживаемую тем или другим обществом (поскольку каждой стадии соответствует определенный тип общины). С помощью этого анализа можно определить своеобразие эволюции раз-

³² См. А. И. Данилов. А. И. Неусыхин — историк-медиевист..., стр. 10: «Теперь даже у студента исторического факультета может вызвать только улыбку взгляд, будто с незапамятных времен существовала качественно неизменная по своей природе свободная община, которая на протяжении почти полутора тысячелетий лишь подвергалась количественным изменениям, лишь непрерывно разлагалась, оставаясь в сущности одним и тем же...».

³³ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 461—508; К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 400—421; Ф. Энгельс. Марка.— Там же, стр. 327—345.

³⁴ См. А. И. Неусыхин. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII — X вв.— СВ, вып. IV, 1953, стр. 33.

³⁵ А. И. Неусыхин. Структура общины...— СВ, вып. V, 1954, стр. 19—22.

³⁶ А. И. Неусыхин. Структура общины...— СВ, вып. IV, стр. 33 и 35.

³⁷ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 89.

ных народов в период складывания классов и создать предпосылки для раскрытия причин этого своеобразия.

Возможность с помощью типологического анализа создать плотную и единообразную «сеть вопросов», помогающих изучению по источникам общего и особенного в историческом процессе, не заслоняла в представлениях А. И. Неусыхина известных ограничений в использовании этого метода. О них он прямо говорил в своем спецкурсе «История права и учреждений в Западной Европе в раннее средневековье» (МГУ, 1947/48 г.)³⁸. Начальный раздел этого курса был посвящен сравнительно-исторической характеристике генезиса королевской власти у разных германских народов (франков, лангобардов, алеманнов, баваров, англо-саксов и т. д.). Самый генезис рассматривался, естественно, не изолированно, но в теснейшей взаимосвязи с процессами возвышения знати, социального опускания рядовых свободных и перестройкой дофеодальных политических институтов. В итоге анализа делался вывод о существовании трех основных типов становления королевской власти в этот период: «английского», при котором дофеодальные институты, сохраняясь в течение всего периода классового образования, позволяют королевской власти пользоваться их поддержкой и достигать значительной силы; «лангобардского», при котором дофеодальные институты разлагаются особенно быстро, рано лишая королевскую власть прежней опоры; «франкского», при котором разложение дофеодальных институтов идет в ногу с классовым образованием, королевская же власть приобретает вследствие этого известную независимость, а ее сила оказывается функцией привходящих обстоятельств, в частности внешнеполитических условий^{38а}.

Формулирование на основе типологического анализа этих весьма интересных по своему содержанию выводов не помешало, однако, А. И. Неусыхину предостеречь своих слушателей от абсолютизации возможностей типологического подхода. Своеобразие разных вариантов социального развития, обнаруживающееся при типологическом анализе, говорил Александр Иосифович, не раскрывает до конца каузальные связи между явлениями. Разработка типологии какого-либо процесса есть необходимая предпосылка для понимания его природы и его закономерностей. Но когда типология разработана, встает задача *объяснения исторических условий, вызвавших необходимость и самой типологии*, т. е. изучения факторов, которыми можно было бы объяснить различия между выделенными типами³⁹.

А. И. Неусыхину было присуще исключительно широкое понимание задач исторического анализа. Как указывалось выше, А. И. Неусыхин включал в него прежде всего интерпретацию имманентного смысла исторических документов и отмечал необходимость учитывать влияние на эту интерпретацию вечно меняющихся «предпосылок», с которыми историк подходит к изучению прошлого. Чрезвычайно важными задачами исторического познания А. И. Неусыхин считал также раскрытие законо-

³⁸ Спецкурс остался неопубликованным. Цит. по личным записям.

^{38а} Ср. ниже, стр. 189.

³⁹ Спецкурс «История права и учреждений в Западной Европе в раннее средневековье», лекция 5 (20.XII 1947 г.).

мерных взаимосвязей между явлениями и исследование генетических, причинных зависимостей. «Историк не может обойтись без причинного объяснения и наряду с пониманием (*Verstehen*) и толкованием (*Deuten*) никоим образом не должен обходиться без него»⁴⁰. Одна из характерных черт А. И. Неусыхина как исследователя состояла при этом в том, что он стремился к параллельному решению *всех* названных задач. Ни одна из них, в том числе и такая существенная, как исследование генетических связей, не должна была, по его мнению, решаться в ущерб другим. Вот, например, что писал А. И. Неусыхин об изучении истории идеологии: «Прежде, чем сводить ту или иную идеологическую надстройку к ее экономическому базису, необходимо знать, какова природа того, что сводишь, т. е. необходимо хорошо понять содержание и внутреннюю сущность подлежащей объяснению идеологии. Только после того, как содержание идеологии понято и правильно интерпретировано, приобретает смысл и ценность и объяснение ее генезиса из совокупности социально-экономических (производственных) отношений, составляющих ее базис... следовательно, для того чтобы указание на базис приобрело конкретный смысл и стало действительным объяснением происхождения данной идеологии, необходимо предварительно исследовать ее содержание при помощи логической и психологической ее интерпретации. Только после такого исследования можно поставить вопрос, в каких социально-экономических условиях выросла эта идеология и почему она в этих условиях должна была стать именно такой, какова она есть»⁴¹.

В широте тех задач, которые решал при анализе прошлого А. И. Неусыхин, как раз и содержится одна из причин весомости достигнутых им научных результатов.

⁴⁰ Письмо А. И. Неусыхина к Е. Е. Слуцкому от 15.VIII 1943 г. (хранится в личном архиве А. И. Неусыхина).

⁴¹ А. И. Неусыхин. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки (см. ниже, стр. 419).

Часть первая

СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА В ВАРВАРСКИХ ПРАВДАХ

(Очерки эволюции варварского общества
на территории Западной Европы
в V—VIII вв.)

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа * родилась из стремления автора приблизиться к возможно более конкретному пониманию процесса перехода от родо-племенного уклада к варварскому обществу и от него — к начальным стадиям классовообразования и возникновения феодальных отношений в варварских государствах Западной Европы V—VIII вв. Автору представляется наиболее целесообразным проследить закономерности этого развития по изменениям характера собственности и реального содержания свободы, которые и служат ориентирующей нитью в ходе этого процесса. Выбор именно этой нити объясняется двумя соображениями, неразрывно связанными друг с другом. Первое сводится к тому, чтобы понять движение варварского общества на основе развития производительных сил и их воздействия на характер производственных отношений и на весь социальный строй общества. Второе заключается в необходимости принять во внимание специфический характер отражения указанных процессов в обычном праве, которое фиксируют наши памятники (варварские Правды).

Структура всякого классового общества определяется специфической формой отношения класса непосредственных производителей к средствам и орудиям производства, а следовательно, и взаимоотношениями этих непосредственных производителей с господствующим классом, выступающим всегда в той или иной форме в качестве обладателя или верховного собственника средств и орудий производства. Рабовладение, феодальная зависимость держателей, эксплуатация свободного и наемного труда — вот основные конкретные формы этих взаимоотношений на различных стадиях развития классового общества; им соответствует рабовладельческая, феодальная, буржуазная собственность.

Сказанное относится к сложившемуся классовому обществу любой общественной формации. Но там, где идет процесс его складывания, где происходит переход от бесклассового общества к классовому, где указанные взаимоотношения между будущими классами только еще намечаются, там самый институт собственности на средства и орудия производст-

* Завершена в 1946 г.

ва отличается такой же неопределенностью и многозначностью (по сравнению с относительной его определенностью в любом классовом обществе), как и социальная физиономия широкого слоя «трудящихся», или «производящих субъектов» (по терминологии Маркса) ¹. Поэтому социально-экономические отношения таких переходных эпох, в течение которых только еще складывается классовое общество, не поддаются определению и истолкованию при помощи категорий последнего. Понять специфичность этих отношений без перенесения на них категорий феодального или буржуазного общества — значит в то же время уяснить движущие силы развития данного бесклассового общественного уклада, уже затронутого процессом социальной дифференциации, и установить направление его движения в сторону того, а не иного типа классового общества. Мы попытаемся применить эти общие положения к анализу некоторых сторон общественного строя варварских древнегерманских племен в эпоху их поселения на территории Западной Римской империи в той мере, в какой этот строй отражен в так называемых варварских Пrawdax. Иными словами, мы постараемся проверить их справедливость на материале родо-племенного строя, а также и структуры варварского общества как особой формы общественного уклада, занимающей промежуточное положение между бесклассовым родо-племенным обществом и классовым феодальным ².

В варварских Пrawdax роль непосредственных производителей играет основная масса членов племени, обозначаемых при помощи понятия «свободный». Над ними, правда, возвышается родо-племенная или дружинная знать, а ниже их стоят полусвободные (литы, альдины, вольноотпущенники) и рабы. Социальная дифференциация, таким образом, уже налицо. Однако она не зашла еще так далеко, чтобы знать в целом превратилась в особый класс, эксплуатирующий труд свободных: да и свободные отнюдь не живут только за счет эксплуатации рабов, литов и вольноотпущенников. Наоборот, именно они, свободные, занимаются обработкой земли собственным трудом, т. е., как уже было указано, их положение, как «трудящихся субъектов», соответствует положению непосредственных производителей в классовом обществе.

Рабский и вообще зависимый труд играет лишь весьма ограниченную и подсобную роль в их хозяйстве (значительно большую роль он играет в хозяйстве знатных членов племени). Малочисленность рабов и их второстепенная роль в хозяйстве указывают на то, что самое понятие свободы в варварских Пrawdax носит не только негативный характер и не исчерпывается антитезой к несвободе раба, а имеет и позитивное содержание.

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству.* — К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 46, ч. I.

² Мы сознательно не касаемся проблемы синтеза античного и варварского общества, а также вопроса о влиянии римского права на древнегерманские институты, ибо нас интересует уяснение заложенных в самом варварском обществе тенденций развития, вне зависимости от воздействия на них рабовладельческого строя. Поэтому мы изберем для иллюстрации наших мыслей как раз те варварские Пrawdax, в которых влияние римского права либо вовсе отсутствует, либо сказалось в очень слабой степени.

Хозяйственное положение свободных, этих «трудящихся субъектов», занимающих место непосредственных производителей, указывает и на основной признак понятия свободы: наличие у свободного прав владения по отношению к обрабатываемому им земельному участку и вытекающего отсюда права распоряжения имуществом (правда, в ограниченных пределах). И если права отдельного свободного члена племени на его земельные владения ограничены правами общины, рода или племени, то соответствующие объединения свободных обладают неограниченным правом верховной собственности на занимаемые ими территории. Таким образом, *собственность и свобода в варварских Пrawdax неразрывно связаны друг с другом.*

Однако этой связью еще не исчерпываются позитивные признаки свободы: к ним относится также и право участия в сотенных или окружных собраниях и сельских сходах, право ношения оружия, право выступления на суде в качестве соприсяжников, свидетелей и судебных заседателей. Все эти права свободных являются в то же время и их обязанностями, ибо свободные выступают в варварских Пrawdax не как независимые друг от друга индивидуумы, а как члены племени. Совокупность этих прав-обязанностей, характеризующих их свободу, можно поэтому обозначить как политическую правоспособность или полноправие. Как видим, «свобода» в феодальном и родо-племенном обществе — понятия весьма различные: если во втором оно имеет конкретное позитивное содержание полноправия, то в первом оно обозначает отсутствие известных форм личной и материальной зависимости того или иного лица от собственника-землевладельца и носит чисто негативный характер («свободный» — не крепостной). Поэтому источники феодальной эпохи классифицируют по признаку «свободы» и «несвободы» главным образом разные категории *крестьянства*, выделяя из общей массы зависимых один его слой в качестве «свободных держателей»³. Между тем варварские Пrawdax — при всех кардинальных различиях одних Пrawdax от других — проводят основное разграничение *всего общества* по признаку «свободы», «полусвободы» и «несвободы», причем «знатность» в наиболее архаических текстах рассматривается, как «родовитость», т. е. как известная надстройка над «свободой». Как могло возникнуть деление общества на разные социальные группы именно по этим признакам?

Очевидно, в эпоху господства родового быта свобода большинства членов племени была чем-то само собою разумеющимся; она не нуждалась в особых определениях и тесно связана была с представлением о *равенст-*

³ Мы оставляем в стороне те случаи, когда член феодального класса обозначается в памятниках феодальной эпохи как *liber*, ибо и в таких случаях источники противопоставляют понятия свободы и зависимости; и при этом первое носит опять-таки негативный характер в том смысле, что оно отнюдь не исчерпывает всю совокупность прав представителя феодального класса, обозначенного термином *liber*, а лишь подчеркивает противопоставление данного лица членам эксплуатируемого класса, состоящим в той или иной степени личной или поземельной зависимости от их патронов-феодалов. Как бы то ни было, классы, сословия или социальные слои феодального общества никоим образом не отграничиваются друг от друга только по признаку несвободы и свободы в позитивном ее понимании.

ве всех полноправных свободных соплеменников. Их свобода противоплагалась лишь несвободе рабов, число которых, впрочем, было невелико. Вероятно, было такое время, когда подчеркивать свободу каждого отдельного соплеменника представлялось даже излишним: на это указывает часто встречающееся в Пrawdах выражение: *Si quis* — без определения социального статуса этого *quis*, но с подразумевающимся под ним *liber*. О социальных же отношениях этой отдаленной эпохи варварские Правды сообщают крайне скудно, давая лишь разрозненные намеки. В целом они отражают как раз процесс перехода от родо-племенного общества к складывающемуся феодальному. Поэтому в них «свобода» уже не только особо подчеркивается, но и противопоставляется наряду с «несвободой» также и «полусвободе» (литов, вольноотпущенников и пр.); само понятие «свободы» под влиянием роста социального неравенства дробится, приобретая негативный оттенок, свойственный будущему феодальному понятию свободы. — признак независимости от патрона.

Собственность важна, как «отношение трудящегося... субъекта... к условиям своего производства»⁴, а различные ее формы выражают различные стадии этого отношения и тем самым разные ступени развития производительных сил. Но так как формы собственности лежат в то же время в сфере производственных отношений (как отношения имущественные), то их эволюция позволяет рассмотреть, как рост производительных сил через посредство производственных отношений воздействует на социальный строй общества, на взаимоотношение общины и индивида.

Но в социальном отношении эти объединенные в общину индивиды выступают в родо-племенном и варварском обществе первоначально как свободные, причем их свобода, как указывалось выше, носит позитивный характер совокупности прав-обязанностей. Эволюция форм собственности, появление различных прав владения отдельных домохозяйств (составляющих сначала домовую общину, а затем и малую семью) на разные земельные угодья идет в варварском обществе рука об руку с дифференциацией той совокупности прав-обязанностей, которая обозначается как «свобода», с возникновением сперва многозначности свободы, а затем разных слоев и статусов в среде свободных.

Обычное право фиксирует именно такую пестроту форм собственности и свободы, текучесть и многообразие их переходов. Но это отнюдь не случайность, объясняющаяся будто бы лишь беспомощностью правового мышления варваров, — наоборот, сама беспомощность нуждается в объяснении. При общественном укладе, когда происходит переход от бесклассового общества к классовому и потому общественное сознание связано с общественным бытием более непосредственными узами, чем в развитом классовом обществе, повседневная бытовая практика социальных взаимоотношений до известной степени сама и составляет правовую надстройку, в очень еще малой мере опосредствованную и выделенную из хода реальных отношений трудящихся субъектов к земле, друг к другу, к общине и к племени в целом.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 485 (курсив наш. — А. Н.).

Таким образом, специфический характер отражения процесса развития производительных сил варварского общества в памятниках обычного права объясняется специфичностью самого процесса на данной его стадии. Но это обязывает нас именно при изучении указанной стадии относиться с сугубым вниманием к тому, как представляли свой общественный уклад люди той переходной эпохи. А они мыслили его себе в категориях собственности и свободы, во всей их конкретной пестроте, многозначности и противоречивости. Это должно служить исследователю предостережением против механического перенесения в варварские Правды представлений о собственности, заимствованных из рабовладельческого, феодального или буржуазного права. Более того, это ставит перед нами сложную задачу выработки новых представлений о переходных формах собственности и свободы, адекватных представлениям составителей варварских Правд (хотя и не тождественных с ними) и улавливающих такие формы этих социальных явлений, которые возникают при переходе от бесклассового общества к классовому. При решении этой задачи взаимосвязь двух высказываемых выше соображений — необходимость понять движение варварского общества на основе развития производительных сил и принять во внимание специфичность отражения данного процесса в обычном праве — вскрывается сама собой. Но полноправие свободных в варварских Правдах коренится именно в отмеченной связи собственности и свободы. В наших памятниках эта связь выступает недостаточно отчетливо: в то время как понятие свободы (при различии его оттенков) фигурирует во всех без исключения варварских Правдах (все они обозначают основную массу членов племени как «свободных»), о собственности индивидуальной и особенно коллективной Правды говорят лишь косвенно и описательно.

В них отсутствует единый термин, который обозначал бы собственность, наподобие того как *libertas* обозначает свободу, а *liber* или *ingenuus* — свободного.

Однако недостаточная отчетливость связи собственности и свободы в варварских Правдах проистекает не только из этого терминологического несоответствия, но и из многозначности каждого понятия. Вскрывая многозначность и специфичность собственности и свободы в различных варварских Правдах, мы будем, конечно, мысленно оперировать понятиями, заимствованными из классовых общественных формаций, например понятием феодальной зависимости и независимости (как антитезой родо-племенной свободы, к тому же непосредственно из нее вырастающей) или понятием феодальной и буржуазной собственности. Это неизбежно как раз для уяснения специфичности варварской свободы и собственности. Однако феодальные и буржуазные понятия будут служить нам лишь масштабом и критерием определения многообразных оттенков соответствующих институтов варварского общества, без всякого их перенесения на эти последние. Нам важно установить, что представляли собой конкретно собственность и свобода в варварском обществе, т. е. именно тогда, когда еще отсутствовала феодальная собственность и феодальная зависимость. Для этой цели нам предстоит уловить *многообразие форм возникающей собственности и многообразие оттенков свободы*. А это легче

всего сделать, если отдать себе отчет в том, что разумели конкретно в повседневном быту под собственностью и свободой сами их носители. Варварские Правды, фиксирующие именно обычное право, дают для этого наиболее подходящий материал. Анализируя его сквозь призму более определенных, более развитых и отстоявшихся правовых представлений феодальной или буржуазной эпохи, следует все время иметь в виду, что это лишь угол зрения, долженствующий облегчить понимание варварских правовых представлений и институтов, а не заслонить их от нашего умственного взора.

Сказанным объясняется и выбор источников для нашей работы. Мы сосредоточили внимание прежде всего на тех Правдах, которые отражают эволюцию варварского общества в наиболее чистом виде без сильного влияния римского права, и избрали близкие друг к другу памятники, допускающие сравнение (архаическую Салическую правду и Эдикт Ротари, которые можно сопоставить с саксонско-фризским кругом варварских Правд). Но прежде необходимо исследовать каждую Правду, ибо сравнение требует одинаковой степени изученности источников. Исключение сделано лишь для параллелей из англосаксонских и скандинавских памятников (скандинавские данные известны нам лишь из литературы), ибо они привлечены только как иллюстрации, в качестве дополнительного, подсобного материала.

В иностранной исторической литературе, правда, были уже сделаны попытки выработать такой аппарат научных понятий, который помог бы уловить специфические особенности собственности и свободы указанного переходного периода. Так, Гальбан-Блюменшток⁵ показал, как различны права общинной собственности и семейно-индивидуального владения на разные земельные угодья по Салической правде. Гекк⁶ и Виттих⁷ пытались поставить вопрос о природе свободы в варварских Правдах каролингской эпохи (главным образом Саксонской и Фризской) и даже наметить ее градации в виде полной и неполной, «ущербной» свободы, которым соответствовало бы разграничение широкого слоя свободных соплеменников на полноправных свободных (Vollfreie) и менее свободных (Minderfreie).

Рамм⁸ на англосаксонском и скандинавском материале предложил еще более сложное деление свободной массы варварского племени на следующие группы: рядовых (Gemeinfreie), полноправных (Vollfreie) и свободных высшего разряда (Hochfreie). Чэдвик⁹, Поллок и Мэт-

⁵ A. Halban-Blumenstock. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums. Bd. I. Innsbruck, 1894.

⁶ Ph. Heck. Die altfriesische Gerichtsverfassung. Weimar, 1894; *idem*. Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte. Halle a. d. S., 1900; *idem*. Die Standesgliederung der Sachsen im frühen Mittelalter. Tübingen, 1927.

⁷ W. Wittich. Die Frage der Freibauern. Weimar, 1901.

⁸ K. Rhamm. Die Grosshufen der Nordgermanen. Braunschweig, 1905. Ср. также раннюю работу K. Маурера: K. Maurer. Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme in seinem Verhältnis zur gemeinen Freiheit. München, 1846, S. 22.

⁹ H. M. Chadwick. Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge, 1905.

ленд¹⁰, Либберман¹¹ и др. занимались выяснением градаций свободы у англосаксов.

Однако все эти попытки (за немногими исключениями) не выводят нас за пределы чисто юридической трактовки проблемы собственности и свободы в варварском обществе. В частности, Гекк принял намеченные им градации внутри широкого слоя свободных в саксонско-фризском обществе (полноправные свободные и менее свободные) за сословия, поэтому вся развернувшаяся вокруг его работы полемика¹² пошла по линии обсуждения так называемой «сословной проблемы» без предварительного выяснения допустимости самого применения категории «сословие» к анализу социального строя тех племен, которые находятся на стадии перехода от бесклассового общества к классовому. И анализ собственности не пошел дальше выяснения ее юридических оттенков. Тем самым задача выявить специфичность варварского общественного строя во всей его конкретности не только не была выполнена, но и поставлена была недостаточно отчетливо.

Тем не менее упомянутые изыскания попутно привели к ряду интересных наблюдений. Опираясь на них и на собственные исследования, мы стремились к иной постановке вопроса, а именно к тому, чтобы показать неразрывную связь собственности и свободы и истолковать изменения этой связи как симптомы эволюции варварского общества в целом.

Автор позволяет себе надеяться, что его работа послужит скромным вкладом в решение именно этой задачи.

¹⁰ F. Pollock and F. W. Maitland. The History of English Law. I. 2, ed. Cambridge, 1941.

¹¹ F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I. Halle a. d. S., 1903; Bd. II, 1912; Bd. III, 1916.

¹² О ней см. ниже, гл. III.

Свобода и собственность в варварском обществе по Салической правде

1. СВОБОДА И ПОЛУСВОБОДА. ПРОБЛЕМА ЗНАТИ

Среди варварских Правд *Lex Salica*¹ в древнейшем ее тексте отражает самую раннюю стадию эволюции собственности и свободы в их взаимной связи.

Понятие свободы в Салической правде, в отличие от всех прочих Правд, еще однозначно: внутри широкой массы свободных франков, защищенных единым вергельдом из 200 солидов, нельзя уловить никаких градаций свободы. Главный субъект действующего обычного права, носитель правовых норм, обозначается как *quis* или *quis ingenuus*. Само собой разумеющимся состоянием такого *quis* является «свобода», без различения ее оттенков и без разграничения «полной» и «неполной», «большой» и «меньшей» свободы в пределах самого этого понятия. Все свободные франки свободны в одинаковой мере, т. е. все они в равной степени полноправны: среди них нет более и менее полноправных свободных.

Однако если мы выйдем за пределы этой широкой массы свободных франков, то будем вправе считать показателем относительной многозначности понятия свободы в Салической правде наличие слоя полусвободных литов.

Полусвобода франкского лита, в том ее виде, в каком она выступает в Салической правде, — с трудом поддается конкретному определению. Единственным способом приближения к таковому является по возможности точное разграничение признаков несвободы и свободы в социальном статусе лита. Опыт такого разграничения сразу же обнаруживает противоречивость и двойственность положения лита и вызывает у исследователя потребность в установлении того исходного пункта, в котором эта двойственность коренится, или, иными словами, порождает стремление отыскать объемлющее эту противоречивость единство.

¹ О новейших изданиях Салической правды и связанных с ними исследований см. А. И. Неусыгин. Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 1. — «Средние века», вып. XVII, 1960; Очерк 2. — Там же, вып. 21, 1962; Очерк 3. — Там же, вып. 25, 1964; Очерк 4. — Там же, вып. 30, 1967 (ред.).

В самом деле: перед нами два ряда свидетельств: с одной стороны, Салическая правда *прямо приравнивает лита к рабу*, устанавливая за убийство свободного человека, совершенное чужим рабом или литом, одинаковую кару: передачу убийцы родственникам убитого вместо половины виры и уплату его господином другой половины виры². Это приравнивание тем более красноречиво, что в случае убийства свободного человека четвероногим животным его хозяин должен поступить с ним точно так же, т. е. отдать его в распоряжение родственников убитого в качестве половины виры, уплатив другую ее половину иными ценностями^{2а}.

Лит может быть отпущен на волю, что указывает на его несвободу, — тем более что при этом упоминается господин лита. Правда, в случае незаконного освобождения чужого лита через денарий перед лицом короля без согласия господина³ последний получает 100 солидов, в то время как при аналогичном отпуске на волю чужого раба виновник уплачивает его господину лишь 35 солидов⁴ и, кроме того, возмещает стоимость раба. Но это объясняется разницей вергельда лита и штрафа за убийство раба; ибо возмещение убытка, причиненного господину лита или раба тем, что он теряет рабочую силу того или другого в результате их освобождения через денарий посторонним лицом, естественно, должно равняться вергельду лита и пене за убийство раба, т. е. стоимости жизни или личности каждого из них⁵.

Однако для установления характера несвободы лита до его отпуску на волю весьма существенно то обстоятельство, что имущество лита, освобожденного через денарий посторонним лицом, поступает господину бывшего лита, хотя последний, по мнению исследователей, и остается совершенно свободным, так как данная процедура отпуску на волю (перед лицом короля) необратима⁶. Ибо это обстоятельство указывает на материальную зависимость лита от его господина.

² L. S., XXXV, § 5: Si servus alienus aut laetus hominem ingenuum occiderit ipse homicida pro medietate compositionis illius hominis occisi parentibus tradatur et dominus servi aliam medietatem compositionis se noverit solvitum. Правда, aut laetus поставлено лишь в начале фразы, а в конце ее только servus, но все предписание в целом имеет в виду убийцу (homicida) и той и другой категории, не разграничивая лита и раба; принять слово laetus за позднейшую вставку мешает то обстоятельство, что оно встречается как раз в трех ранних кодексах первой семьи. См. Lex Salica, by J. H. Hessels. With notes by H. Kern. London, 1880, (далее — *Hessels*), p. 208—211, а в следующих семьях отсутствует (в Cod. 4 этого текста вовсе нет, зато в Cod. 2 letus стоит перед servom, на первом месте).

^{2а} L. S., XXXVI.

³ L. S., XXVI, § 4; cp. Septem causas, V, § 4.— Lex Salica, hrsg. von R. Behrend. Weimar, 1897 (далее — *Behrend*), S. 176.

⁴ LS, XXVI, § 2.

⁵ Ср. аналогичную норму в Cap. IV, § 7—8 (нумерацию капитуляриев к L. S. даем по изданию Беренда), где лит выкупает себя от смертной казни за похищение чужой рабыни уплатой суммы своего вергельда, который вдвое ниже вергельда свободного. Ср. комментарий Геффкена: Lex Salica zum akademischen Gebrauche hrsg. von Geffcken. Leipzig, 1898 (далее — *Geffcken*), S. 262. Штрафы и пени, уплачиваемые литами согласно капитуляриям, вдвое меньше штрафов за те же проступки, налагаемых на свободных. Ср. Cap. I, § 9; Cap. III, § 2.

⁶ Geffcken, S. 137; L. S., X, Ad. 1; Cap. IX, § 2.

Самый факт несвободного, зависимого положения лита подчеркивает и прилагаемый к нему эпитет *alienus*⁷. Несвобода лита явствует и из тех текстов, где он приравняется к *puer regis*⁸. Но размер вергельда лита (100 солидов), да и само наличие такового (так же как приравнивание лита и к *puer regis*, и к *romanus* одновременно)⁹, свидетельствуют о том, что несвобода лита отнюдь не тождественна с несвободой раба, несмотря на отождествление той и другой в гл. XXXV и XXXVI. Ибо и *puer regis* стоит значительно выше обыкновенного серва. Оставляя пока в стороне этот специфический характер несвободы лита, обратимся к признакам его свободы.

В более поздних списках той самой главы XXVI, где трактуется отпуск на волю чужого лита и подчеркивается его материальная зависимость от господина, встречаются разночтения, указывающие на участие лита в походе вместе с его господином. Так, God. 5—6 по Гессельсу (= II семье) и God. 7—9 по Гессельсу (= III семье) гласят: *si quis litum alienum qui apud dominum in hoste fuerit...*, а Emendata повторяет эту формулировку¹⁰. Может быть, перед нами — эволюция положения лита, приведшая к тому, что господин начал его использовать в качестве оруженосца в походе; справедливость такого предположения как будто подтверждает и относящаяся к каролингской эпохе *Recapitulatio Legis Salicae*, которая тоже упоминает участие лита в походе (не подчеркивая при этом, в отличие от указанных разночтений гл. XXVI *Lex Salica*, что он выступает под начальством своего господина, хотя к литу и здесь прилагается обычный эпитет *alienus*)¹¹. В таком случае ущерб, который терпит господин от освобождения своего лита через денарий посторонним лицом, согласно приведенным выше более поздним кодексам Салической правды, уже не исчерпывается утерей им рабочей силы лита, а включает в себя также и утрату некоей военной единицы, боевого помощника.

В свете этих соображений становится более понятным и приравнивание лита во всех кодексах Салической правды к *puer regis*, ибо последний представлял собою, очевидно, королевского слугу, предшественника будущего министра, а им весьма часто поручалось и выполнение разного рода военных повинностей.

⁷ L. S., XIII, § 9, Ad. 1 (*si quis litam alienam ad conjugium sociaverit*); L. S. XXXV, § 4 (*si quis homo ingenuus laetum alienum expoliaverit*); ср. XXVI, § 1.

⁸ L. S., XIII, § 7: *si vero puer regi vel litus ingenuam feminam traxerit de vita culpabilis esse debet* (ср. XLII, § 4).

⁹ L. S., XLII, § 4: *De romanis vero vel letis et pueris haec lex superius comprehensa de medietate solvatur* (ср. XLI, § 1, 5, где вергельд свободного франка устанавливается в размере 200 солидов, а вергельд *romanus possessor* — в размере 100 солидов; ср. также приравнивание вергельда *romanus* и лита в *Recapitulatio Legis Salicae*, B, § 36).

¹⁰ Hessels, p. 140—141, 143.

¹¹ *Recapitulatio Legis Salicae*, A, § 27, 28 (Hessels, p. 425; Geffcken, S. 103; Behrend, S. 180): § 27: *Inde ad solidos CCC, ut si quis litum alienum in oste occiderit...*; § 28: *Inde ad solidos DC, ut si quis hominem ingenuum in oste occiderit*. И здесь вергельд лита вдвое меньше вергельда свободного, но и тот и другой утроен сравнительно с обычным ввиду того, что взимается за убийство в походе.

При таком толковании данных об участии лита в походе оно представляется нам скорее как один из элементов его зависимого положения, чем как признак его свободы.

Не надо, однако, забывать, что приводящая к такому толкованию аналогия лита с *ruer regis* не может быть полной: речь идет в цитированных поздних списках гл. XXVI (как и в *Recapitulatio*) не о тех зависимых людях, которые возвышаются на службе королю, а об обыкновенных литах, по-видимому, издавна составлявших особый промежуточный слой франкского племени. Допущение членов этого слоя к участию в походе (в какой бы то ни было форме) знаменует их приобщение к одному из важнейших прав, составляющих содержание родо-племенной свободы, — к праву ношения оружия. Но если участие лита в походе еще поддается двоякому толкованию (в духе свободы и зависимости), то право лита выступать в суде и давать обязательства может быть понято только как проявление его свободы.

Si quis ingenuus aut letus alteri fidem fecerit — такими словами начинается глава L *Lex Salica* (*De fides factas*) описание процедуры взыскания долга с человека, не уплатившего по обязательству. Если считать, что вся эта процедура во всех ее стадиях — *testatio* должника кредитором, *mannitio ad mallum* с проявлением исполнительной власти тунгина в виде скорейшего принуждения (*nexti canthichius*) и, наконец, вмешательство графа в случае отказа должника выполнить требования тунгина или его неявки в судебное собрание¹² — в равной мере относится к свободному и литу¹³, то из разбираемой главы следует, что лит не только может заключать имущественные сделки, но и возбуждать по ним иски, выступая в *mallus*. А это указывает на известную материальную правоспособность и самостоятельность лита, на его право распоряжения своим имуществом, которое как будто находится в резком противоречии с материальной зависимостью лита от господина, вытекающей из главы XXVI, тем более что гл. L нигде не оговаривает необходимости разрешения со стороны господина в качестве предварительного условия вступления лита в обязательство.

Весьма возможно, что в одних случаях (т. е. по некоторым имущественным сделкам) лит должен был испрашивать у господина подобное разрешение, а в других — нет, т. е. что он обладал частичным правом самостоятельного распоряжения своим имуществом. Однако Салическая правда не содержит никаких конкретных указаний на характер и пределы этой частичной имущественной правоспособности франкского лита.

Резюмируя заключающиеся в ней данные о социальном статусе лита, мы можем наметить следующие признаки его несвободы и свободы.

¹² Та возможность, что § 3 гл. L трактует особый случай — неисполнение обещания, данного кем-либо в судебном собрании, — не меняет дела, так как нигде нет оговорок, что § 3 не относится к литу, а мы вправе ожидать наличия таковой ввиду определенного включения лита в текст § 1. Во всяком случае, § 1 и 2 в достаточной мере свидетельствуют о праве лита выступать в *mallus* с исками.

¹³ У нас нет никаких оснований считать случайным приравливание лита к свободному в вопросе об обязательстве в начале § 1 гл. L или принимать здесь слово *letus* за вставку.

А. Признаки несвободы.

1. Лит находится в личной и (частично) материальной зависимости от свободного, который обозначается как его господин (*dominus*), причем к литу прилагается эпитет «чужой».

2. Лит может быть отпущен на волю.

3. В некоторых случаях (в случае убийства литом свободного) лит подвергается той же каре, что и раб, при этом характер кары — передача преступного лита в распоряжение родственников убитого — подчеркивает материальную и личную зависимость лита.

4. Браки между свободными и литами караются штрафом в 30 солидов, а похищение литом свободной женщины карается смертной казнью¹⁴.

Б. Признаки свободы.

1. Наличие у лита известной правоспособности, в силу которой он выступает в качестве юридического лица и которая выражается: а) в наличии у него вергельда и б) в присущем ему праве выступать в *mal-lus'e*, давать обязательства и предъявлять иски.

2. Участие лита в походе, которое, впрочем, может быть истолковано двояко.

Однако перечисление и сопоставление этих признаков само по себе не дает целостной характеристики положения лита во франкском обществе эпохи Салической правды и только еще рельефнее обнаруживает его двойственность и противоречивость. Разгадку этой двойственности следует, по-видимому, искать в материальной зависимости лита от господина, наличие которой позволяет рассматривать лита Салической правды как лицо, сидящее на чужом участке, но не на положении зависимого держателя феодальной эпохи, а скорее на положении тапотовского серва, платящего натуральные взносы и ведущего собственное хозяйство¹⁵. Такое толкование социально-экономического физиономии лита подтверждают и глоссы к Салической правде: *letus id est pertinens; fiscalinus vel sanctuarius*¹⁶.

От держателя феодальной эпохи лита резко отличают те присущие ему элементы общеплеменной свободы, которые были отмечены выше, не говоря уже о совершенно ином характере самой зависимости и связанных с нею повинностей лита, которые вряд ли могли заключаться в чем-либо кроме натуральных взносов (вспомним позднейший *lidimonium!*). Ибо франкские литы времен Салической правды жили в обществе, большинство членов которого состояло из «трудящихся субъектов», обрабатывавших свои участки в основном собственным трудом, лишь при очень небольшом участии подсобной рабочей силы рабов (а, может быть, иногда частично и литов, причем приложение последней выражалось не в барщи-

¹⁴ L. S., XIII, § 7, Ad. 1; любопытно, что браки между свободными и рабами приводят к утрате свободы (XIII, § 8, 9).

¹⁵ *Tacit.*, Germania 25: *ceteris servis non in nostrem morem... utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit et servus hactenus paret.*

¹⁶ Первая глосса — из *Glossarium Pithoeus* (включена в него из *Codex Estensis*), вторая — из *Glossarium De Thou*. Обе приведены у Меркеля [*Lex Salica*, hrsg. von J. Merkel, Berlin, 1850 (далее — *Merkel*), S. 101] и у Геффена (S. 121).

не, а в натуральных платежах). Но эти «трудящиеся субъекты» и составляют основную массу свободных (*liberi*) членов племени, самостоятельных домохозяев в вилле (см. ниже). Литы не играли значительной роли в процессе производства; они не входили в состав этих домохозяйств и не были полноправными обитателями виллы, ибо сидели на участках последних. Это и нашло свое выражение в их полусвободе, которая лишь подчеркивает равноправие свободных.

О равноправии всех свободных франков, т. е. однородности и однозначности их свободы, свидетельствует и другой любопытный факт, давно отмеченный всеми исследователями, но не нашедший удовлетворительного объяснения, — отсутствие упоминания родо-племенной знати в Салической правде. Гипотеза истребления знатных родов во время войн и усобиц явно несостоятельна. Гораздо естественнее предположить, что тот нобилитет, который играл такую роль в жизни древнегерманских племен, согласно известиям античных авторов от Тацита до Аммиана Марцелина, и который приобрел особое положение как раз у народов, продолжавших тацитовскую линию развития (например у саксов¹⁷), у салических франков частично слился с какими-то новыми слоями. Отсутствие упоминания о нем в нашем памятнике может объясняться как этим слиянием, так и следующим, весьма существенным обстоятельством.

Салическая правда отражает совмещение и взаимодействие в пределах одного общества двух укладов — архаического родо-племенного и как бы накладывающихся на него начатков варварской государственности в лице королевской власти и ее окружения, поэтому все то, что входит в сферу особого, специфического интереса последней, как бы изымается (полностью или частично) из сферы действия старого обычного права и вовлекается в сферу воздействия королевской власти. Из этого может проистекать и изменение классификации тех или иных явлений и институтов с соответствующим изменением самой терминологии источника, приводящим к тому, что некоторые социальные группы могут фигурировать под необычными для них (с точки зрения родо-племенного уклада) терминами, могут быть отнесены к не совсем подходящей для них рубрике.

С точки зрения королевской власти знатым являлся тот, кто был тесными узами связан с ее ростом и с обусловившей этот рост военной экспансией, приведшей к созданию Франкского государства Хлодвигу, по инициативе которого и произведена была запись Салической правды. Эта запись сохранила в неприкосновенности весьма архаические черты обычного права, отражающие родо-племенной уклад, но в тех пунктах, которые входили в сферу королевской власти, она внесла в него немало нового. Не покушаясь на освященное обычаем представление о свободном соплеменнике, редакция Салической правды заменила прежнее понятие знатности как родовитости новой ее концепцией, исходящей из принадлежности к королевской сфере, к королевским людям, в частности — к королевским дружинникам. Такая замена оказалась тем более естественной, что в древнегерманском обществе уже издавна, со времен

¹⁷ См. об этом ниже, гл. III.

Тацита, начался процесс частичного слияния старой родовой знати с новой — дружинной. Этот процесс, протекавший очень медленно до образования варварских государств на территории Западной Римской империи, ускорился после их возникновения. Его ускорением, а также и отмеченной выше заинтересованностью сильной королевской власти времен Хлодвиг в том, чтобы правовые нормы знати фиксировались именно в качестве правовых норм королевских людей, и объясняется отсутствие в Салической правде термина, обозначающего родо-племенную знать (*nobiles*)¹⁸. Вместо него в Салической правде и в позднейших дополнениях к ней фигурирует *homo in truste dominica, antrustio*, т. е. королевский дружинник с утроенным вергельдом в 600 солидов¹⁹.

При увеличении вергельда как свободного, так и антрустиона в случае тайного убийства, убийства скопищем и притом в доме и т. п. вергельд антрустиона и в Салической правде, и в капитуляриях большей частью продолжает оставаться в три раза более высоким, чем вергельд свободного (хотя абсолютные цифры вергельдов варьируют и растут)²⁰. Капитулярии к Салической правде, а также относящийся к ней памятник Меровингской эпохи, известный под именем *Septem causas*, отражают процесс превращения антрустионов в новую служилую знать²¹, описание которого не входит в наши задачи. Отметим лишь, что этот процесс идет параллельно с оседанием дружинников на землю и что начало этого последнего явления восходит еще ко временам записи древнейшего текста Салической правды, ибо зафиксировано в XIV ее главе²².

¹⁸ В некоторых других варварских Пrawdax, также фиксированных по инициативе королевской власти в эпоху создания варварских государств, старое понятие знатности (в духе родо-племенного строя) еще частично включается в понятие свободы. Так обстоит дело в эдикте Ротари и в равных англосаксонских законах, причем в первом из названных памятников есть понятие *nobilitas*, но нет особого слова *nobiles* (см. гл. II и III). Но даже и в тех Пrawdax, которые отражают общественный строй племен без единой королевской власти и с резко выраженным нобилитетом (*Lex Saxonum, Lex Frisionum*), можно усмотреть тенденцию к расширительной трактовке свободы, включающей и знатность. В противоположность этому в Салической правде знатность отделялась от свободы и вошла в состав понятий и представлений, связанных со сферой королевской власти.

¹⁹ L. S., XLII, § 3.

²⁰ L. S., XLII, § 1—2; Cap. II, § 5; 6 (*de antrustione si antrustionem castraverit*); *Recapitulatio Legis-Salicae*, A, § 31; B, § 33—34, 36 (в B. 33 антрустион сопоставлен с *puer regis* — разумеется, в измененном сравнительно с L. S. значении этого термина).

²¹ Так, в Cap. II, § 8 устанавливается особый порядок тяжбы между антрустионами — *rogatio* вместо *mannitio*, — отделяющий их в правовом отношении от прочих свободных; в эдикте Хильперика (Cap. V, § 3) постулируется особый порядок наследования недвижимости для королевских *leodes* (подробнее см. об этом ниже, стр. 57); начало этого эдикта явно выделяет антрустионов в качестве приближенных короля, ограничивая их от народа (Cap. V, § 1: *pertractantes in dei nomine cum viris magnificentissimis, obtimatibus vel antrustionibus et omni populo nostro convenit etc*); в *Septem causas* (VIII, § 7) фигурирует *antrustio qui inter duos regis pagaverit*, т. е. антрустион, выполняющий какие-то поручения административного порядка на королевской службе; наконец, текст § 1 гл. VI того же памятника содержит краткое резюме L. S. XIV, § 4 и тоже явно относится к королевскому дружиннику, хотя здесь и не упомянут антрустион (*Si quis hominem, qui migrare disponit et de regi habuerit praeceptum et aliquis contra ordinationem regis stare presumat, solidos CC*).

²² См. об этом ниже, стр. 69.

Таким образом, знать у салических франков отделяется от широкой массы свободных уже в эпоху редактирования самого древнего текста *Lex Salica*, и при этом она частично сливается со слоем королевских дружинников. А так как литы не играют значительной роли в процессе производства и не входят в состав слоя свободных «трудящихся субъектов», то эта масса и сверху, и снизу отграничена от посторонних элементов, что еще более усиливает однородность и однозначность ее свободы, отмеченное выше отсутствие оттенков в пределах самого этого понятия.

Однако имущественная дифференциация в среде свободных уже налицо. Памятник дает на это и прямые, и косвенные указания. Так, изображая процедуру уплаты виры родичами убийцы, *Lex Salica* прямо указывает на наличие в их среде более и менее зажиточных людей²³; с этими данными гармонируют и последствия выхода из рода, выражающиеся в отказе порывающего родовые связи сородича от получения им его доли наследства и вергельда и от родовой защиты при уплате им вергельда²⁴: такой сородич, очевидно, принадлежал к более зажиточным свободным.

Факт имущественной дифференциации в среде свободных франков подтверждается и косвенными данными о сделках свободных с рабами²⁵ — о кражах, совершаемых свободными совместно с их собственными и чужими рабами²⁶, и в частности об ограблении одного свободного франка другим при содействии раба, принадлежащего первому из них²⁷. О том же свидетельствуют и случаи ограбления рабов (и даже их трупов) свободными, притом на небольшую сумму²⁸. Совершенно очевидно, что свободный, подстрекающий чужого раба к краже у его господина или совершающий кражи при помощи собственного раба, вряд ли принадлежит к зажиточным людям: ведь уже одно то, что свободный решается на такую преступную сделку с рабом, указывает на необеспеченное материальное положение, вынуждающее его к этому. Ибо подобные поступки, по понятиям родо-племенного общества, позорили свободного, как это и сформулировано в эдикте Ротари, где высокий штраф за использование свободным собственного раба в качестве орудия совершения кражи мотивируется следующей сентенцией: «позорно и ни с чем не сообразно, чтобы свободный человек вмешивался в чью-либо кражу или давал на

²³ L. S., LVIII: *quicumque de illis, qui plus habet... ille qui pauperior est; cp. также meliores, minoflidi* в приписываемом Хлодвигу *Cap. I, § 9*.

²⁴ L. S., LX.

²⁵ L. S., XXVII, § 26: *si quis cum servo alieno aliquid negotiaverit hoc est nesciente domino...*; XL, Ad. 2.

²⁶ L. S., X, Ad. 3: *si homo ingenuus servum alienum in texoca secum ducat aut aliquid cum ipso negotiat*; XL, § 11, Ad. 1: *si servus cum ingenuo furtum fecerit*.

²⁷ L. S., X, § 2: *si servus aut ancilla cum ipso ingenuo de rebus domini sui aliquid portaverit*.

²⁸ L. S., XXXV, § 2: *si quis ingenuus servum alienum expoliaverit; cp. § 3, Ad. 2; si quis servum alienum portuum expoliaverit...*; cp. Ad. 3. В обоих случаях речь идет о краже на сумму около 40 денариев (=1 солиду), в то время как самый низкий штраф в Салической правде составляет 3 солида.

нее свое согласие»²⁹. Столь же несомненно, что перспектива ограбления раба или его труп на 40 денариев могла соблазнить далеко не всякого свободного, а разве лишь такого, который принадлежал к *pauperiores* или *minofledi*.

Итак, если все свободные франки свободны в одинаковой мере, то они не в одинаковой мере зажиточны; если среди них нет более и менее полноправных, то есть более и менее имущие. Но, по-видимому, эта имущественная дифференциация в среде свободных франков не зашла еще так далеко, чтобы вызвать к жизни неполноправие части свободных.

Разгадку этого несоответствия общего полноправия и равноправия всех свободных и наличия имущественного неравенства в их среде следует искать в структуре собственности у франков эпохи Салической правды.

2. ХАРАКТЕР СОБСТВЕННОСТИ

В Салической правде нет однозначного термина для обозначения института собственности. Памятник пестрит такими выражениями, как *suus* и *alienus*, но их ни в коем случае нельзя переводить как «свой» и «чужой» в смысле безраздельной индивидуальной собственности, ибо иначе нам пришлось бы признать наличие такой собственности даже на лес, обозначаемый как *silva aliena* и *silva alterius*³⁰, что явно противоречит данным самой Правды о праве каждого пользоваться отдельными помеченными им деревьями в лесу в течение одного года³¹. Салическая правда обозначает имущество того или иного лица выражениями *res suae*, *facultas*, *fortuna*, в которые вкладывается весьма широкое и разлчное конкретное содержание: в одних случаях они имеют более узкое значение движимости (с включением в ее состав рабов, рогатого скота и лошадей)³², а в других под ними следует разумеать всю совокупность имущества данного лица: это имеет место, например, тогда, когда кредитор или житель виллы, протестующий против допуска переселенца, «ручается в правомерности своих претензий всем своим имуществом (а иногда и своей личностью)»³³, или когда убийца, отдав в уплату виры «все свое имущество», клянется в том, что у него нет более ничего ни на земле, ни под землею³⁴, или, наконец, когда человек, повинный в неявке на королевский суд, объявляется вне закона «со всем своим имуществом»³⁵.

²⁹ Ro, § 259: Si liber homo puerum aut servum suum furtum facere iusserit et ipse furtus inventus fuerit...; quia inhonestum esse videtur, et nulli rei convenit rationi, ut homo liber se in furtum debeat miscere aut consensum praebere.

³⁰ L. S., XXVII, § 18; VII, Ad. 11.

³¹ L. S., XXVII, § 19.

³² L. S., XXXVII (De vestigio minando): res suas; XLVII (De fultortis): res. О движимости см. также: L. S., XVI, Ad. 1; X, § 2; LI, 1 (res alienas tollendas), LII.

³³ L. S., L, § 3: ego super me et fortuna mea pono; XLV, § 2: tunc ipse qui testavit super fortuna sua ponat.

³⁴ L. S., LVIII (De chrenecruda): totam facultatem data... quod nec super terram nec sub terra plus facultatem non habeat, quam iam donavit.

³⁵ L. S., LVI, § 1: Tunc ipse culpabilis et omnes res suas erunt.

Впрочем, иногда соответствующие выражения имеют совершенно неопределенное значение³⁶. Любопытно, что не только в последнем случае, но и там, где указанные термины означают совокупность имущества в целом нет никаких прямых указаний на то, входит ли в его состав недвижимость, и об этом каждый раз приходится лишь догадываться на основании косвенных данных.

Таким образом, если понятие движимости поддается выделению из общего представления свободного франка о его имуществе, то понятие недвижимости выделяется из него с трудом. Этому вполне соответствует то обстоятельство, что движимость — гораздо более определенный объект индивидуально-семейного владения, чем недвижимость: кража различных составных частей движимого имущества карается штрафами, возвращением похищенного и возмещением убытка; при похищении некоторых движимых объектов (скота и рабов) применяется процедура розыска и преследования по следам³⁷, движимое имущество отдается в залог³⁸ и передается по наследству — сообразно степеням родства до пятого или шестого поколения, в порядке очередности — сначала членам семьи умершего, а затем его родственникам со стороны матери и отца³⁹. Хотя сородичи и имеют право на движимое имущество их умершего родственника, это имущество наследуется не совокупностью сородичей, а каждый раз одним из них, что еще раз подчеркивает индивидуально-семейный характер владения движимостью у салических франков. Движимое имущество не распределяется между сородичами-сонаследниками, а каждый раз целиком передается одному из них — именно тому, кто является ближайшим из оставшихся в живых родственников умершего согласно принятой в *Lex Salica* системе родства.

Гораздо большей сложностью отличается структура недвижимой и поземельной собственности у салических франков. Строго говоря, Салическая правда фиксирует и отражает лишь процесс зарождения индивидуально-семейной собственности на землю. Если мы будем исходить из анализа конкретного экономического положения, занимаемого отдельными дворами или домохозяйствами в составе населенного пункта — виллы, то убедимся в том, что в Салической правде речь идет не об однозначной собственности каждого свободного домохозяина на землю, а о принадлежащих ему различных правах владения на разные угодья в пределах ограничивающего эти права коллективного верховенства (общины, рода или племени — безразлично) по отношению к земельной территории села. Однако наряду с этим начинается выделение индивидуально-семейной собственности на землю, идущее параллельно распадению родо-племенных — родовых и общинных — связей.

Необходимо предварительно разобраться в различных правах индивидуального владения для того, чтобы расчистить путь к пониманию процесса выделения аллода в виде семейно-индивидуальной собственности,

³⁶ См. L. S., XLVI (*De acfatmire*); LVIII, Ad. 1.

³⁷ L. S., XXXVII; XLVII.

³⁸ L. S., LII (*De rem pristita*).

³⁹ Cp. L. S., LIX, § 1—4; XLIV, § 9; cp. L. Rib., LVI, § 3.

иными словами — процесса превращения владения в собственность, и тем самым составить конкретное представление о противоречивом и переходном характере не только индивидуального владения, но и ограничивающей его общей собственности.

Начнем наш анализ с разбора прав домохозяина на огороженное пространство и жилище.

Известно, что Салическая правда особо охраняет то и другое; в этом отношении она не расходится с другими варварскими Правдами. Поджог и разрушение изгороди караются штрафом в 15 солидов⁴⁰, а тот, кто откроет чужую загородку с намерением произвести потраву какого-либо обработанного места, обязан уплатить 30 солидов⁴¹. Изгородью обносится прежде всего дом с хозяйственными пристройками⁴², но иногда и любое обработанное место — виноградник и даже луг и жатва⁴³. Жилище франка, обозначаемое в Салической правде как *domus, casa*, а иногда *villa*⁴⁴, является центральным пунктом целого дворохозяйства и местом совершения разного рода актов и сделок: при вызове на суд истец отправляется со свидетелями к дому ответчика⁴⁵; закладчик направляется к дому того, кому он дал вещи в залог⁴⁶, кредитор, а затем граф с рахинбургам — к дому должника⁴⁷; в доме происходит один из промежуточных актов сложной и длительной процедуры передачи имущества, известной под именем *аффатоми*⁴⁸.

В то же время дом — это хозяйственный центр, окруженный амбарами, хлевами и пристройками⁴⁹, именно к дому свозит лен, сено и вино похититель чужого добра⁵⁰; в доме находится собственное движимое имущество, в пределах окружающего дом двора содержится в хлевах и стойлах скот, а в амбарах — зерновой хлеб⁵¹. Неудивительно, что все правонарушения и проступки, совершаемые в пределах дома или двора, караются повышенным штрафом. Строго различается кража вне дома, в доме и в пределах огороженного места: кража на одну и ту же сумму (в 2 денария) вне дома и в пределах огороженного пространства (кража со взломом — *effractura*) карается штрафами в 15 и 30 солидов⁵²; кража в пределах чужого двора или дома штрафует-

⁴⁰ L. S., XV, § 5; XXVII, Ad. 8; XXXIV, § 1, Ad. 1.

⁴¹ L. S., IX, Ad. 2.

⁴² Это явствует, между прочим, из процедуры уплаты виры, во время которой неплатежеспособный убийца, передавая временно право на дом и участок своим родным (по-видимому, на тот срок, пока не будет полностью выплачен вергельд), «прыгает через забор» (*sepe salire debet*) (ср. гл. LVIII).

⁴³ Cp. L. S., IX, Ad. 2: *si... sepe alienum aparuerit et in messe, in prato, in vinia vel qualibet laborem pecora miserit*; речь идет здесь, по-видимому, о временных изгородях.

⁴⁴ Cp. L. S., XIV, § 6; Ad. 1; XLII, § 5.

⁴⁵ L. S., I, § 3.

⁴⁶ L. S., LII (ad domum).

⁴⁷ L. S., L, § 2, 3 (ad domum).

⁴⁸ L. S., XLVI (casa).

⁴⁹ Cp. L. S., XVI, § 1 (casa), § 2—4.

⁵⁰ L. S., XXVII, § 8, 11, 14 (domus).

⁵¹ L. S., XVI, § 1—4.

⁵² *Ibidem*.

ся в размере от 45 до 63 солидов⁵³, причем штраф в 45 солидов иногда налагается за самый факт проникновения в чужой двор после захода солнца с воровскими намерениями, даже в том случае, если вор не успел ничего похитить⁵⁴; за вход в чужую незапертую горницу взимается штраф в 15 солидов, а в запертую — в 45 солидов⁵⁵, ибо последнее действие приравнивается к краже со взломом.

Нападение на чужой дом с повреждением построек, нанесением ран его обитателям, истреблением сторожевых собак и увозом на телеге значительной части домового имущества карается очень высоким штрафом — в 200 солидов, равным вергельду полноправного свободного франка⁵⁶, а такое же нападение, но с менее значительной кражей и без соответствующих разрушительных действий штрафует 63 солидами⁵⁷. Такой же штраф налагается за поджог чужого дома, амбара или хлева⁵⁸. Вергельд за убийство свободного франка утраивается в том случае, если оно было совершено скопищем в его собственном доме⁵⁹; но за убийство скопищем вне дома (*foris casa*) уплачивается обычный вергельд свободного⁶⁰. Самое важное то, что эти штрафы защищают неприкосновенность огороженного места и жилища и означают запрещение вступать на соответствующую территорию. Следовательно, все находящееся в черте дома, двора или изгороди рассматривалось салическими франками как тесная и неотъемлемая принадлежность данного домохозяйства и его обитателей и, значит, как объект их наиболее полного и безраздельного владения, независимо от того, составляли эти обитатели домовую общину, большую семью или обычную малую семью из супружеской пары с детьми.

Если мы подойдем именно с этой точки зрения к различным правам владения на разные земельные угодья и спросим себя, какие из них находились в наиболее тесной связи с отдельными домохозяйствами и имели, по признаку неотъемлемой принадлежности к последним и безраздельности владения данными угодьями, наибольшее сходство с жилищем или огороженным пространством, то мы должны будем поставить на первое место пахотное поле (в частности жатву), сад и виноградник. За проникновение в чужой сад, виноградник или на чужую

⁵³ L. S., XI, § 5 (*in domo*); XXXIV, § 4 (*in curte alterius aut in casa*).

⁵⁴ L. S., XXXIV, Ad. 2 (*in curte alterius*). Ср. *foris casa* — XI, § 1; *effractura* — XI, § 3.

⁵⁵ L. S., XXVII, § 22, 23; ср. похищение девушки из запертой горницы — XIII, § 5.

⁵⁶ L. S., XIV, Ad. 1 (*villa aliena*).

⁵⁷ L. S., XLII, § 5 (*villa aliena*).

⁵⁸ L. S., XVI, § 2—4 (*casa; casa cletem salina; spicario aut machalum cum annona; suten cum porcis aut scuria cum animalibus*). Любопытно, что XVI, § 1, Ad. 1 трактует особый случай, когда сгорел весь дом, так что хозяину некуда девать спасенное им имущество; виновник такого поджога в случае его неявки в *mallus* без уважительных причин должен уплатить 200 солидов, а если он этого не сделает, то подлежит смертной казни.

⁵⁹ L. S., XLII, § 1, 2 (*in domo*).

⁶⁰ L. S., XLIII, § 3 (*foris casa*).

жатву с целью воровства взимается одинаковый штраф в 15 солидов⁶¹. Но, в то время как кража плодовых деревьев или черенков в саду карается тем же штрафом в 15 солидов, а их похищение вне сада — штрафом в 3 солида⁶², воровство в пределах виноградника или жатвы — штрафом от 15 до 45 солидов (последнее имеет место в том случае, если похититель увезет к своему дому на телеге украденное добро)⁶³.

Уже из этих сопоставлений размера штрафов явствует, что Салическая правда лучше всего ограждает права каждого домохозяина на его жатву или пахотное поле. Это вполне естественно, ибо оно представляет наибольшую ценность для членов земледельческого племени. Однако ограждение прав на пахотное поле и жатву объясняется, по-видимому, не только их большей хозяйственной ценностью, но и большей определенностью владения ими. Недаром, Салическая правда карает самый факт нарушения границы пахотного поля без разрешения его хозяина и налагает различные штрафы за разные стадии его освоения захватчиком: за запашку чужого поля без разрешения его владельца — 15 солидов, а за посев на чужом поле — 45 солидов⁶⁴, если захватчик при этом препятствует законному владельцу поля производить его запашку и мешает ему проехать туда со своим плугом, то самый акт такого противодействия владельцу и преграждения ему доступа на его поле карается штрафом в 15 солидов⁶⁵. Тот же штраф взимается за нарушение границы пахотного поля, на котором уже колосится жатва, а именно — за проезд по такому полю без дороги и не по меже⁶⁶ в то время как проезд с бороною или на телеге по такому распаханному полю, которое только что начало давать всходы, карается штрафом в 3 солида⁶⁷. За потраву чужой жатвы налагается штраф в 15 солидов⁶⁸, а при отягчающих вину обстоятельствах (наличие злого умысла) — в 30 солидов⁶⁹.

Особенно тесная связь жатвы и пахотного поля с соответствующим домохозяйством владельца этого поля чрезвычайно ясно выступает при сравнении системы наказаний за нарушение границы поля и луга⁷⁰. Вступление на территорию «чужого» луга само по себе, по-видимому, не рассматривается как нарушение чьих бы то ни было прав: поэтому тот, кто выко-

⁶¹ L. S., XXVII, § 6; 13; Ad. 2; § 15; за воровство в огороде налагается небольшой штраф — в 3 солида (XXVII, § 7).

⁶² L. S., XXVII, § 6, Ad. 3—6.

⁶³ L. S., XXVII, § 13—15. Любопытно, что за такой же увоз к дому на телеге льна, похищенного на чужом поле (*de campo alieno*), взимается гораздо менее высокий штраф в 15 солидов, а за похищение такого количества льна, которое можно унести на спине, — штраф в 3 солида (XXVII, § 8—9).

⁶⁴ L. S., XXVII, § 24; *si quis campo alieno araverit extra consilium domini sui sol. XV...*; § 25: *si quis vero eum seminauerit...* sol. XLV.

⁶⁵ L. S., XXVII, § 25, Ad. 9; *si quis aratro de campo alieno ante ostaverit...* XV sol.

⁶⁶ L. S., XXXIV, § 3.

⁶⁷ L. S., XXXIV, § 2: *si quis per aliena messe postquam levaverit erpicem traxerit...*

⁶⁸ L. S., IX, § 4.

⁶⁹ L. S., IX, § 5, Ad. 2.

⁷⁰ Ср. L. S., XXVII, § 24, 25. Хотя в § 24 и фигурирует *dominus campi*, его, конечно, следует представлять себе не как собственника в духе римского *dominium*, феодальной или буржуазной собственности, а как одного из обитателей деревни-виллы, как главу одного из входящих в ее состав домохозяйств (см. об этом ниже).

сит чужой луг, должен поплатиться не штрафом, а утерей полученного таким образом сена: если же он возьмет его с собою в таком количестве, которое сможет унести на спине, то повинен уплатить 3 солида, а если же увезет к своему дому целый воз сена, то штраф возрастет до 45 солидов (здесь почти полный параллелизм с кражей на винограднике, жатве и на поле, засеянном льном)⁷¹.

Итак, косьба чужого луга — еще не кража; но увоз скошенного сена уже рассматривается как кража и соответственно штрафуеться, в то время как самое нарушение границы пахотного поля карается штрафом, не говоря уже о таком акте его освоения, как распашка или засев, соответствующий по отношению к лугу акту сенокосения. Это можно объяснить лишь тем, что луга, хотя и выделены в пользование отдельных домохозяев (отсюда и выражение: *pratum alienum*), не являются объектом такого обладания, как пахотные поля. Салическая правда формулирует это следующим образом: *si quis prato alieno secaverit, opera sua perdat*⁷². Основным актом для составителей памятника является здесь не нарушение границы луга, а приложение рабочей силы к чужому лугу; оно бесполезно, ибо нельзя воспользоваться результатом своих трудов. Если же тот, кто выкосил луг, попытается незаконно присвоить себе это право, то тогда, и только тогда, т. е. именно с того момента, как он попробует унести или увезти скошенное сено, он превратится из человека, бесполезно затратившего свой труд, в вора. Иными словами, косить чужой луг запрещено, но не потому, что это акт его освоения, а потому что это может повлечь за собою покражу сена; если этого не случится, тогда сено достанется «владельцу» луга, и вопрос о том, кто именно его скосил, вряд ли будет иметь большое значение. Как видим, при косьбе чужого луга «чужим» оказывается скорее скошенное сено, чем луг.

Если бы подобные правовые нормы применялись в Салической правде к пахотному полю, то следовало бы ожидать, что его распашка или засев посторонним лицом повлекли бы за собою лишь утерю им результатов его труда, с предоставлением законному владельцу поля возможности воспользоваться урожаем с поля, обработанного чужими руками — руками правонарушителя. То же самое, но еще в большей мере, можно было бы отнести к сбору урожая с чужого поля, ибо здесь был бы полный параллелизм с косьбою луга: чужая жатва, собранная посторонним лицом, могла бы достаться законному владельцу поля, а это лицо поплатилось бы лишь тем, что его труд оказался бы бесплодным, если бы дело ограничилось лишь уборкой урожая, и подверглось бы штрафу, если попыталось бы его присвоить. Но в Салической правде нет ничего подобного⁷³. Наоборот, сбор урожая с чужого поля прямо называется

⁷¹ L. S., XXVII, § 10—12; ср. § 13—15 и § 8, 9.

⁷² L. S., XXVII, § 10.

⁷³ Обязанность переселенца оставить то, что он обработал (*laboraverit*), не может быть истолкована таким образом, ибо речь здесь идет не о приложении труда к пахотному полю, принадлежащему отдельному домохозяину, а о внедрении переселенца в villu против воли кого-либо из ее обитателей (или о приглашении такового

кражей и штрафуется 15 солидами; проникновение на чужую жатву или чужое поле рассматривается как нарушение прав владения им, а его распашка и засев — как разные стадии его присвоения захватчиком; каждый из подобных актов карается соответствующим штрафом.

Из этого сопоставления следует, что Салическая правда применяет весьма различные правовые нормы по отношению к лугу и к пахотному полю и что права владения тем и другим, принадлежащие отдельным домохозяйствам, весьма различны: владения лугом ближе к пользованию, чем владение пахотным полем⁷⁴. В отличие от этого право владения лесом у отдельных домохозяйств сводится лишь к пользованию им: каждый может пометить дерево в лесу и тем самым заявить свои притязания на пользование им, но срок этого пользования ограничен одним годом⁷⁵. Из таких «помеченных» деревьев каждый обитатель виллы вправе до истечения указанного срока приготовить себе строительный материал или дрова; нарушение его прав на то и другие карается штрафом (от 3 до 15 солидов)⁷⁶.

Из сказанного ясно, что лес находится в общем пользовании всех свободных обитателей виллы, несмотря на наличие в нашем памятнике таких выражений, как *silva aliena* и *silva alterius*⁷⁷. Эти свободные ее обитатели являются в то же время представителями того слоя, который в родо-племенном обществе занимает место непосредственных производителей. Это явствует из того большого значения, которое Салическая правда придает принципу трудовой затраты. Труд, приложенный к чужому лугу, бесплоден (для приложившего его лица, но не для владельца луга). Однако ценность земельного участка (жатвы, виноградника и луга иногда определяется тем, что к нему приложен труд, а его владелец обозначается как *liupo*, приложившее этот труд⁷⁸. Участок, занятый переселенцем в вилле, обозначается как «то, что он обработал»⁷⁹.

Эти свободные, играющие роль непосредственных производителей, имеют градуированные права владения на разные виды недвижимости: наибольшие — на дом (с пристройками, садом и виноградником) и пахотное поле, наименьшие — на леса и луга. Но и владение пахотным полем, как право, присущее отдельному домохозяйству, только еще выделяется из какого-то более общего, широкого и объемлющего его права на всю территорию виллы. Об этом свидетельствует прежде всего порядок насле-

одним из них без предварительного согласия остальных). К тому же **выселяемый** *migrans* платит штраф в 30 сол. (L. S., LXV, § 2).

⁷⁴ L. S., XXVII, § 10—12; ср. § 13—15 и 8—9.

⁷⁵ Ср. по этому вопросу соображения: A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 241—245; ср. также S. 231—241.

⁷⁶ L. S., XXVII, § 16—18.

⁷⁷ L. S., XXVII, § 18 (*silva aliena*); VII, § 4, Ad. 11 (*silva alterius*).

⁷⁸ L. S., IX, Ad. 2: *in messe, in prato, in vinia vel qualibet laborem pecora miserit cuius labor est. ...etc.* Приравнение жатвы и виноградника к лугу в данном контексте объясняется: во-первых, характером самого проступка (злонамеренная погрыва огороженного места), а во-вторых, именно тем, что все эти угоды упомянуты лишь в качестве различных видов обработанной земли, к которой приложен труд. Поэтому из такого их приравнивания еще не следует равенство владельческих прав на них.

⁷⁹ L. S., XLV, § 2: *quod ibi laboravit dimittat*.

дования недвижимости, в силу которого передача земли по наследству ограничена кругом прямых мужских потомков умершего⁸⁰. Что под этими мужскими потомками надо разумеать сыновей, а не братьев умершего (вопреки буквальному смыслу слова *fratres* в рукописях I и II семьи), ясно уже из сопоставления § 5 главы «Об аллодах» с § 3 эдикта Хильперика, который прямо ссылается на соответствующий текст Салической правды и при этом толкует установленный порядок наследования недвижимости именно как исключительное право на нее сыновей умершего⁸¹.

В свете этого недвусмысленного указания эдикта Хильперика возрастает и значение дополнительных аргументов в пользу изложенной интерпретации *fratres* в заключительном параграфе главы «Об аллодах». К числу этих аргументов относятся: а) особое место сыновей во всякого рода имущественных взаимоотношениях по Салической правде; б) разночтение § 5 гл. LIX в IV семье рукописей, упоминающее сыновей и внуков умершего.

Начнем с первого аргумента. Вира за убийство делится на две равные части, причем одна из них идет родственникам убитого с отцовской и материнской стороны, а другая поступает в распоряжение сыновей⁸². При уплате виры постулируется тот казус, когда убийца имеет отца и братьев, т. е. когда сам он выступает в качестве сына одного из домохозяев в вилле, и это — несмотря на то, что он вполне самостоятелен и сам несет ответственность за совершенное им убийство⁸³. Наконец, и в § 1 главы «Об аллодах» при установлении порядка наследования недвижимости на первом месте в числе возможных наследников названы *filii*⁸⁴, под которыми можно разумеать либо детей (обоего пола), либо сыновей, но ни в коем случае не братьев умершего. В этой связи приобретает значение то обстоятельство, что упоминание *fratres* в § 5 главы LIX исчезает уже в III семье рукописей, нет его и в Эмenda-те, т. е. в IV семье, а в V семье (в Герольдине) вместо *fratres* поставлены *filii*⁸⁵. Ибо это разночтение в данном случае не может быть объяснено эволюцией самого порядка наследования земли на протяжении столетий по той простой причине, что этот порядок был резко

⁸⁰ L. S., LIX, § 5: *De terra vero nulla in muliere hereditas non pertinebit sed ad virilem sexum qui fratres fuerint tota terra perteneat.*

⁸¹ Cap. V, § 3: *ut quicumque... filios aut filias post obitum suum superstitus fuerit quamdiu filii advixerint terra habeant, sicut et Lex Salica habet.*

⁸² L. S., LXII (De compositione homicidii), § 1: *Si cuiuscumque pater occisus fuerit, medietate compositionis filii collegant et alia medietate parentes qui proximiores sunt tam de patre quam de matre inter se dividant.*

⁸³ L. S., LVIII (De chrenecruda)... *Quod si iam pater et fratres solserunt...*

⁸⁴ L. S. LIX, § 1: *Si quis mortuus fuerit et filios non demiserit...* Попытка Геффкена (Geffcken, S. 227) доказать, что L. S. исходит в § 1 гл. LIX и в § 5 той же главы из предпосылки об отсутствии у умершего сыновей, неудачна, ибо негативная формулировка § 1 не может служить здесь аргументом: скорее наоборот — она указывает на *filii* как на первых наследников.

⁸⁵ Hessels, Cod. 7, 8, 9 (=III семья.— А. Н.), LIX, § 5: *sed ad virilis sexus tota terra proprietatis suae possideant: ibid, cod. 10 (=Heroldina.— А. Н.): sed hoc virilis sexus acquirit, hoc est filii in ipsa hereditate succedunt (p. 385).*

изменен уже в VI в. (между 561 и 584 гг.) эдиктом Хильперика, в силу которого право на наследование земли (в случае отсутствия сыновей) получили не только дочери умершего, но и его братья и сестры⁸⁶. Между тем Герольдина возникла не раньше конца VI — начала VII в., III семья рукописей — при Пипине Коротком, а Эмендата — при Карле Великом⁸⁷.

Следовательно, порядок наследования земли, зафиксированный в том тексте § 5 главы «Об аллодах», который дают III и V семьи, отражает, несмотря на позднее происхождение этих рукописей, сравнительно ранние отношения, во всяком случае, предшествующие эдикту Хильперика. Поэтому попытки некоторых исследователей отвести свидетельства III и V семьи как недостоверные представляются малоубедительными⁸⁸. *Filii* вместо *fratres* в Герольдине — скорее исправление и уточнение неясно формулированного текста в первых двух семьях рукописей, чем результат ошибки компилятора, как неправильно думает Геффкен, ибо древнейший текст § 5 главы «Об аллодах» в самом деле нуждается в таком уточнении — конечно, не потому, что он испорчен или дает ошибочное изображение порядка наследования земли, а потому, что он формулирует этот порядок в таких выражениях, которые свойственны правовому мышлению варварских Правд, но могут подать повод к недоразумениям, а именно: он имеет в виду сыновей умершего, но называет их братьями, желая этим сказать, что они — братья между собою⁸⁹, как сыновья одного отца, землю которого они и наследуют. В пользу такого понимания *fratres* в гл. LIX, § 5 Салической правды, помимо принятого в правдах словоупотребления (братья вместо сыновей), еще и то обстоятельство, что слова *qui fratres fuerint* явным образом представляют собою спецификацию более общей нормы: *ad virilem sexum... tota terra perteneat*⁹⁰.

Иными словами, земля не должна доставаться женщине, а лишь наследникам мужского пола, — и именно тем из них, которые ближе всего к умершему и являются братьями. Ближе всего к умершему, как видно

⁸⁶ Cap. V, § 3 (*Hessels*, LXXVIII, § 3, p. 409).

⁸⁷ Ср. *H. Brunner*. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. I. Leipzig, 1887, S. 294.

⁸⁸ Ср. *Geffcken*, S. 227. Геффкен толкует *fratres* в L. S., LIX, § 5, как братьев умершего, и утверждает, что и эдикт Хильперика не противоречит такому толкованию (p. 227). Однако в комментарии к последнему (*ibid.*, p. 269—271) Геффкен ничем не подкрепляет это утверждение и вообще ничего не говорит о *filii* в эдикте Хильперика и о содержащейся в нем ссылке на гл. LIX L. S., сосредоточивая свое внимание на других сторонах этого эдикта. А его попытку отвергнуть возможность толкования *fratres* как сыновей, на том основании, что LIX, § 1 предполагает отсутствие сыновей у умершего, следует признать неудавшейся, ибо § 1 гл. LIX именно исходит из того, что сыновья (или дети — *filii*) являются первыми претендентами на наследство — но лишь формулирует это положение негативно (см. об этом выше).

⁸⁹ Ср. такую же трактовку сыновей умершего, как братьев в эдикте Ротари (§ 167), где даже неподелившиеся сыновья, оставшиеся в доме отца после его смерти и продолжающие вести там общее хозяйство, т. е. явным образом унаследовавшие его владение именно по праву сыновей на наследование (ср. Ro, § 153), все-таки обозначаются как братья (Ro, § 167: *De fratres, qui post mortem patris in casa commune remanserint*).

⁹⁰ *Hessels*, Cod. 1 (p. 379).

из произведенного выше сопоставления эдикта Хильперика и соответствующих глав Салической правды, стояли именно сыновья, но последние рассматриваются в главе «Об аллодах» как представители мужского пола, наделенные правами наследования земли, а так как предполагается, что их отец уже умер, то они и названы братьями (между собою), а не сыновьями (умершего). Герольдина устраняет эту неясность формулировки § 5 гл. LIX, которая нам представляется неточностью, а во времена фиксации этой главы, вероятно, не возбуждала никаких недоумений, ибо тогда всем было ясно, почему сыновья, наследующие землю умершего отца, названы братьями. Весьма возможно, что само уточнение, введенное Герольдиной (*fili*i вместо прежнего *fratres*) объясняется как раз тем, что ко времени составления последней архаическая формулировка порядка наследования земли в главе «Об аллодах» уже стала порождать недоразумения и неправильные толкования ввиду непонимания ее истинного смысла (который, однако, был еще совершенно ясен автору эдикта Хильперика, что, впрочем, не исключало необходимости уточнения текста в рукописи самой Салической правды). Но Герольдина не ограничилась устранением поводов к подобным недоразумениям, а сделала к § 5 гл. LIX следующее добавление: *Sed ubi inter nepotes aut pronepotes post longum tempus de alode terrae contentio suscitatur, non per stirpes sed per capita dividantur*⁹¹.

Несмотря на более позднее происхождение этого добавления, оно ясно свидетельствует о тенденции развития в сторону предпочтительного наследования земли по нисходящей линии прямых мужских потомков⁹². А это для нас в данной связи самое важное⁹³.

Справедливость этого, весьма существенного вывода подтверждает и появление в тексте § 5 начиная с рукописей II семьи выражения *terra salica* в начале этого параграфа — наряду с сохранением в рукописях II, III и IV семьи (т. е. в том числе и в Эмдате) прежнего *tota terra* в конце параграфа⁹⁴. Ибо *terra salica*, приравниваемая всеми исследователями к *hereditas aviatica* в соответствующей главе «Об аллодах» Рипуарской правды⁹⁵ как раз и обозначает, по-видимому, землю, передаваемую по нисходящей линии прямых мужских потомков («дедовскую землю»). Первоначально, т. е. в эпоху возникновения самого права на передачу земли по наследству, такой порядок распространялся, очевидно, на всякое земельное владение, а впоследствии его действие, может быть, было ограничено только той категорией земель, которая принадлежала домохозяевам, входившим в число обитателей деревни (виллы), т. е. лишь родовыми наделами отдельных семей свободных трудящихся субъектов.

⁹¹ Ср. *Hessels*, Cod. 10 (p. 385).

⁹² Ср. *Geffcken*, S. 227—228.

⁹³ См. А. *Halban-Blumenstock*. Op. cit., S. 267—268. Автор тоже считает возможным привлечь текст § 5 гл. 59 в Герольдине в качестве аргумента в пользу толкования *fratres* в первых двух семьях (*Hessels*, Cod. 1—6) в качестве *fili*i.

⁹⁴ При этом текст приобретает такой вид: *De terra vero salica in muliere nulla pertinet porcio, sed qui fratres fuerint et ad virile sexu tota terra perteneat* (*Hessels*, Cod. 5—6).

⁹⁵ *L. Rib.*, LVI, § 4.

Сохранение в более поздних редакциях § 5 гл. LIX, как будто противоречащих друг другу выражений *terra salica* и *tota terra* Гальбан-Блюменшток⁹⁶ объясняет тем, что компилятор, писавший после эдикта Хильперика, положил в основу старый текст, согласно которому «вся земля» (*tota terra*) переходила по наследству к представителям мужского пола, но, зная изменения, внесенные этим эдиктом, он вставил в начале фразы (*De terra vero nulla in muliere hereditas*) эпитет *salica*, желая этим выделить какую-то особую категорию земель, применительно к которой продолжал еще действовать прежний порядок наследования.

Вполне соглашаясь с Гальбан-Блюменштоком в том, что такое выделение *terra salica* в более поздних редакциях и ее противопоставление другому разряду земельных владений действительно могло иметь место, мы полагаем, что оно объясняется не сохранением старого порядка наследования (с исключением женщин из числа наследников) для *terra salica*, а желанием подчеркнуть, что до издания эдикта Хильперика этот порядок распространялся на *всякое* земельное владение, но что земля, переходящую по линии прямых мужских потомков, правильнее обозначать, как *terra salica*⁹⁷. Если бы старый порядок наследования сохранился именно для *terra salica*, то следовало бы ожидать, что эдикт Хильперика, отменяющий его, употребил бы в какой-нибудь связи этот термин. Но он в этом эдикте отсутствует. И вопрос о том, какой категории земельных владений противопоставляется в рукописях II—IV семьи *terra salica*, остается неясным.

Гальбан-Блюменшток⁹⁸, Геффкен⁹⁹ и другие исследователи принимают конъектуру Керна, который читает испорченный текст последней фразы § 3 эдикта Хильперика следующим образом: *De tilli vero (вместо det illi) sic convenit singulariter terras istas qui si adveniunt, ut leodis qui patri nostro fuerunt, consuetudinem, quam habuerunt de hoc re inta se debeant conservare* — и толкует *de tilli* как *de acquisitione*¹⁰⁰. Исходя из этого толкования Керна, Гальбан-Блюменшток полагает, что в данной фразе идет речь о дружинниках (*leodes*) отца Хильперика (Хлотаря I) и о занятых ими или вновь распаханых землях, которые противопоставляются Хильпериком в качестве приобретенных владений прежним родовым владениям (аллодам), причем к первым до издания эдикта применялся какой-то неизвестный нам порядок наследования — может быть, с более широким кругом претендентов, чем ко вторым. Он подчеркивает при этом, что эти займки дружинников могли быть иногда расположены поблизости от наделов обитателей той или иной франкской виллы и что это требовало сугубо точного разграничения прав наследования обеих категорий земель¹⁰¹.

⁹⁶ A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 306—307.

⁹⁷ Может быть, мы имеем здесь перед собою такое же уточнение терминологии, предпринимаемое в целях более адекватного отражения как раз архаических, отживших отношений и институтов, как различение *filii* вместо *fratres* в Герольдине.

⁹⁸ A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 303—305.

⁹⁹ Geffken, S. 270.

¹⁰⁰ Hessels, LXXVIII, § 3 (комментарий Керна — p. 409).

¹⁰¹ A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 305.

Он указывает и на то, что § 3 эдикта Хильперика не исчерпывает все многообразие возможных случаев и что не исключено наличие еще какой-нибудь категории земельных владений (кроме распахов дружинников Хлотаря I), на которые не распространялся порядок наследования, принятый в гл. LIX Салической правды. К ним могли, например, принадлежать земельные владения, разбросанные посреди галло-римских или королевских территорий, но у Хильперика не было повода упоминать о них в эдикте¹⁰². Как бы ни относиться к конъектуре Керна (а она при всем ее остроумии, конечно, не является абсолютной достоверной), остается несомненным, что *terra salica* в рукописях II—IV семьи обозначает то же самое, что *lota terra* в I семье, а именно — *hereditas aviatica* Рицварской правды, или аллод в том его понимании, которое отражает гл. LIX Салической правды, т. е. земельное владение, переходившее первоначально лишь по прямой мужской линии¹⁰³.

Какими бы особенностями родового строя франков ни объяснялось исключение женщины из числа возможных претендентов на земельное наследство, в интересующей нас связи важно прежде всего то, что в главе «Об аллодах», устанавливающей этот порядок, даже не поставлен вопрос о том, кому же доставалась земля в случае отсутствия сыновей у умершего домохозяина¹⁰⁴. Очевидно, что до фиксации прав сыновей на наследование земли подобные вопросы вовсе не возникали по отношению к недвижимости, а после предоставления им этого права они не возникали по отношению к выморочным земельным участкам. До этого вообще не было представления о наследовании земли, а когда оно появилось, то старая традиция продолжала сохранять свою силу применительно к выморочным участкам. Самый институт передачи недвижимости по наследству (в отличие от гораздо более древнего института — наследования движимого имущества) только еще зарождается, поэтому его действие и ограничено кругом прямых мужских потомков. Таким образом, возникновение аллода в форме наследования недвижимости сыновьями представляет собой первый крупный шаг в сторону выделения собственности отдельных домохозяйств на землю из общей собственности виллы.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Противопоставление двух разрядов земель, постулируемое названными выше учеными, и применение к одному из них термина *terra salica*, — по-видимому, более позднее явление.

¹⁰⁴ Правда, эдикт Хильперика свидетельствует о притязаниях соседей (*vicini*) на выморочный земельный участок (ср. Cap. V, § 3): *Simili modo placuit atque convenit, ut quicumque vicinos habens et filios et filias post obitum suum superstitus fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant sicut et Lex Salica habet. Et si subito filii defuncti fuerint, filia simili modo accipiat terras ipsas sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur frater, alter superstitus fuerit, frater terras accipiat, non vicini. Et subito frater moriens fratrem non derelinquerit superstitem, tunc, soror ad terra ipsa accedat possidenda*. Однако он не указывает, в какой форме эти притязания осуществлялись (имели ли право на данный участок лишь ближайшие соседи умершего или все обитатели виллы как некая совокупность). К тому же ко времени издания эдикта и состав этих «соседей», и характер их взаимоотношений друг с другом успели, по-видимому, переродиться (см. об этом ниже). Поэтому по эдикту можно судить о правах «соседей» накануне их отмены, т. е. в момент издания эдикта, но не в ту отдаленную эпоху, когда только еще возникло наследование недвижимости.

Единственным реальным субъектом этой общей собственности является в Салической правде вилла как населенный пункт. Как бы ни рисовать себе эту собственность villas на территории села (в форме полного верховенства или в виде совладения с правами пользования неподеленными угодьями), во всяком случае, конкретным ее выражением является право каждого жителя деревни участвовать в разрешении или запрещении доступа в villu нового поселенца¹⁰⁵.

Однако уже тот факт, что Салическая правда в известной главе *De migrantibus* подробно изображает процедуру выселения чужака на основании протеста одного из обитателей villы, указывает на распространность перемещений отдельных лиц из одной villы в другую. Эти перемещения должны были с течением времени приводить к тому, что в составе обитателей villы наряду с родственниками появлялись и не состоявшие в родстве друг с другом лица. Этому содействовал также и шедший изнутри процесс распада родственных связей¹⁰⁶. В главе *De migrantibus* жители villы обозначены как *vicini*, но этот термин употреблен здесь в том месте, где идет речь о взаимоотношениях между прежними обитателями villы и переселенцем-чужаком в случае его прочного внедрения в villu при отсутствии протеста в течение года. Очевидно, что в указанном контексте составитель мог рассматривать обитателей villы и переселенца лишь как соседей¹⁰⁷.

Тем большего внимания заслуживает тот факт, что слово *vicini* встречается в Салической правде всего только один раз, и притом именно в той главе, где его употребление является неизбежным в силу самого характера изображаемой ею процедуры, в то время как Салическая правда пестрит упоминаниями о сородичах: *parentes proximi*, *parentes, qui proximiores sunt*, *parentilla* и пр. По-видимому, до начала процесса распада родственных связей и внедрения чужаков-переселенцев в villu отношения родства заслоняли в глазах современников отношения соседства. Но успех указанных процессов должен был уже к моменту записи Салической правды внести существенные изменения в это преобладание родства над соседством. Несомненно, что притязания соседей (*vicini*) на выморочные участки, упоминаемые и отменяемые эдиктом Хильперика, восходят к тем отдаленным временам, когда эти «соседи» были сородичами¹⁰⁸. Ибо только этим можно объяснить подчеркнутое выше отсутствие в главе «Об аллодах» каких бы то ни было упоминаний о судьбе выморочного участка. Очевидно, он поступал в распоряжение сородичей¹⁰⁹; следовательно, до зарождения института наследова-

¹⁰⁵ L. S., XLV (*De migrantibus*).

¹⁰⁶ L. S., LX.

¹⁰⁷ L. S., XLV, § 3; *Si vero quis migraverit et intra XII menses nullus testatus fuerit securus sicut et alii vicini maneat*. Любопытно, что слова *sicut et alii vicini* содержатся во всех без исключения списках Салической правды, включая и Эмэндату (ср. *Hessels*, p. 289—296).

¹⁰⁸ Хильперик естественным образом рассматривает их как соседей, независимо от того, входили ли в момент издания эдикта в их состав и сородичи и в какой именно пропорции, тем более что к этому времени соседство уже стало преобладать над родством.

¹⁰⁹ Как они конкретно организовывали и осуществляли его использование, в точности установить невозможно.

ния недвижимости совокупность сородичей и была реальным обладателем недвижимости в пределах занимаемой ею территории.

Гальбан-Блюменшток полагает, что право соседей на наследование выморочного участка (согласно гл. LIX Салической правды) коренилось в роли общины как субъекта совместного использования неподделанных угодий, ибо для реального осуществления этого использования совокупность обитателей виллы нуждалась в наличии дополнительных участков, составлявших нечто вроде запасного земельного фонда¹¹⁰. Однако против этого предположения говорит соображение Вайца о несовместимости такого порядка с понятием передаваемого по наследству владения (*Erbeigenthum*)¹¹¹. Наличие такого понятия, точнее: тот факт, что самое понятие аллода возникает именно в связи с установлением порядка передачи земли по наследству сыновьям и что дальнейшее расширение круга наследников (согласно эдикту Хильперика) идет по линии родственных связей, говорит в пользу мнения Вайца и против предположения Гальбан-Блюменштока; этот факт заставляет нас и в «соседях» (*vicini*), претензии которых отменил эдикт Хильперика, усматривать родственников умершего. Однако это противоречит прямому смыслу § 5 главы «Об аллодах», согласно которому землю наследовали лишь сыновья. Как примирить это противоречие? При молчании Салической правды остается лишь строить предположения и догадки. Но если толковать это молчание так, что судьба выморочного участка представлялась само собою разумеющейся при многообразии возможных форм его конкретного использования, то, может быть, не покажется невероятным следующий ход мыслей¹¹².

¹¹⁰ A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 301—302; для доказательства этой мысли он привлекает и текст *Extravagantia*, B. XI (*non potest homo migrare nisi convicinia et herbam et aquam et via*), толкуя его не только как свидетельство о наличии у совокупности соседей прав на допущение или недопущение переселенца к заимке в пределах территории аллемнды, но и как аргумент в пользу приравнивания выморочных участков к совместно используемым неподделанным угодьям; однако этот текст может служить материалом для обоснования только первого из этих двух утверждений.

¹¹¹ G. Waitz. Das alte Recht der salischen Franken. Kiel, 1846, S. 132; «Deutsche Verfassungsgeschichte», Bd. 1, 2. Auflage, Berlin, 1896, S. 135. По мнению Гальбан-Блюменштока, слова *quicumque vicinos habens* в эдикте Хильперика имеют в виду соседей в правовом смысле, а не просто соседящих друг с другом обитателей села, а такие соседи были не у всех: их могло не быть у лиц, владения которых были разбросаны посреди владений фиска, или галло-римских собственников (op. cit., S. 299—302).

¹¹² А. Гальбан-Блюменшток (op. cit., S. 299, 303) в поисках причин странного умолчания Салической правды о судьбе выморочного участка склонен выдвигать в качестве одного из возможных объяснений этого явления сравнительную редкость таких случаев, когда у умершего не оказывалось сыновей. Однако такое объяснение явно неубедительно: ведь, нормы Правды суть возведенные в тип казусы, и поэтому существование не то, часто или редко имел место данный казус (особенно в столь важном деле, как установление порядка наследования недвижимости), а какое значение придавали ему составители Салической правды. Если они приписывали ему серьезное значение (а иначе быть не могло), то они должны были бы как-то формулировать относящиеся к нему нормы, если бы этому не препятствовали те мотивы, которые мы анализировали в тексте. К тому же самая исключительность подобных случаев весьма сомнительна: вряд ли они были более редки, чем, например, вторичное замужество вдовы! А между тем ему посвящена целая глава: *De reipus*.

До фиксации прав сыновей на наследование земли на земельный надел могли предъявлять претензии: 1) те же родственники, что и по эдикту Хильперика, т. е. сыновья, дочери, братья и сестры умершего, и 2) более отдаленные родственники, в эдикте не упоминаемые. Но они предъявляли претензии в те далекие времена не как индивидуальные собственники; а это значит, что в то время еще не было представления о наследовании земли. В качестве индивидуальных собственников с правами наследования земельного участка выступают впервые именно сыновья (гл. LIX, § 5); затем Хильперик предоставляет эти права (в порядке очередности) дочерям, братьям и сестрам умершего. Это означает, что и их начинают рассматривать как индивидуальных собственников; но при этом Хильперик не признает таких прав индивидуальной собственности на выморочный надел за более отдаленным кругом родственников, которых он именует (по изложенным выше причинам) соседями ¹¹³.

Таким образом, *эволюция порядка наследования недвижимости у салических франков вплоть до эдикта Хильперика есть в то же время и эволюция форм самой индивидуальной собственности на землю, а кроме того, особенно до ее зарождения, и способов конкретного использования земельных участков сородичами*. На первом этапе этой эволюции (до фиксации главы об аллодах) сородичи разных степеней родства лишь использовали эти участки сообща, относясь к ним просто «как к своим», как к «неорганической природе своей субъективности», а не в качестве индивидуальных собственников; на втором этапе землю стали наследовать, причем только сыновья; на третьем — круг наследников расширился до женских потомков и боковых родственников, но притязания остальных сородичей были отменены, ибо они теперь начинают выступать уже как индивидуальные собственники, а сама собственность все более и более концентрируется в пределах индивидуальной семьи.

В результате отмеченных выше процессов состав населения виплы резко изменился. Ко времени записи Салической правды вилла, по-видимому, состояла из совокупности домохозяйств, каждое из которых могло представлять собой лишь небольшую домовую общину либо семейное владение ¹¹⁴, но которые не обязательно были соединены друг с другом

¹¹³ Ср. Cap. V, § 3: non vicini; Геффкен (S. 270, 271) старается всячески ослабить значение этого отрицания и выдвигает два следующих положения: 1) в главе об аллодах наследниками земельного участка являлись (в порядке очередности) сыновья, отец, братья умершего и только в случае их отсутствия вступало в силу Heimfallsrecht общины (S. 227); 2) согласно эдикту Хильперика вводятся в права наследования недвижимости и женщины; это *единственное* новшество, внесенное эдиктом, который не устранил полностью Heimfallsrecht соседей, ибо оно и после издания этого эдикта вступает в силу в случае отсутствия сестер умершего. Оба положения Геффкена представляются нам (в силу соображений, высказанных нами в тексте) совершенно недоказуемыми.

¹¹⁴ Гл. LVIII L. S. (De chrenecruda) дает основания и для того, и для другого толкования (так же, как и некоторые другие намеки, рассеянные в разных главах этого памятника). Ср. начало текста гл. LVIII, § 1: Si quis hominem occiderit et totam facultatem data non habuerit unde tota lege compleat, XII juratores donare debet quod nec super terram nec subter terram plus facultatem non habeat quam jam donavit. Et postea debet in casa sua introire et de quattuor angulos terra in pugno collegere et sic postea in duro pullo, hoc est in limitare stare debet intus in casa respiciens et sic

родственными связями: члены некоторых домохозяйств, входивших в такую виллу, могли находиться в более или менее близком родстве с обитателями соседних домохозяйств, а жители других домохозяйств могли не состоять ни в каких родственных отношениях со своими соседями. Иными словами, община времен Салической правды находится в состоянии перехода от родовой общины к соседской.

На дальнейшее усиление роли соседства указывает появление в более поздних списках Салической правды (и в связанных с нею позднейших памятниках) расширительного толкования права вмешательства обитателей виллы в решение вопроса о доступе переселенца. В рукописях I семьи (cod. 1—4) речь шла о праве каждого жителя виллы заявить протест против вселения чужака при согласии одного или нескольких ее обитателей на это вселение¹¹⁵; такая формулировка указанного пра-

de sinistra manum de illa terra trans scapulas suas iactare super illum quem proximiorum parentem habet. Quod si iam pater et fratres solserunt (начиная с Cod. 3 mater et frater, в Герольдине и Эммендате: pater aut mater seu frater.— *Hessels*, p. 372—377.— *A. H.*), tunc super suos debet illa terra iactare, id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris, qui proximiores sunt (в разных кодексах разночтения, но везде сохраняется обязанность трех ближайших родственников как со стороны матери, так и со стороны отца участвовать в уплате виры). Если считать упоминание о том, что отец и братья убийцы могли внести свою долю виры еще до начала участия в ее уплате остальных родственников, за указание на совместное ведение хозяйства отцом и его сыновьями — братьями — между собой и на их проживание в одном доме, то перед нами — небольшая домовая община. В пользу этой гипотезы говорит отсутствие сыновей убитого в числе плательщиков виры, которое можно объяснить тем, что главою домохозяйства был отец убийцы, а сам он не вел самостоятельного хозяйства (однако последнему предположению противоречит акт присяги убийцы в начале процедуры в том, что он уже отдал в счет уплаты виры все свое имущество, какое имел на земле и под землею). Если предположить, что отец и братья убийцы не составляли вместе с ним единого домохозяйства, то отсутствие упоминания сыновей в качестве плательщиков виры у выделившегося в отдельное домохозяйство убийцы придется объяснять лишь реальным отсутствием у него взрослых сыновей. Какое бы толкование мы ни приняли, подробности процедуры (бросанье горсти земли на родных, стоящих перед домом, после того как отец и братья уже платили; прыганье убийцы через забор после этого акта) указывают на очень тесную хозяйственную связь убийцы с отцом и братьями и на менее тесную, но все существующую связь между ним и тремя его сородичами со стороны отца и матери. Большие споры вызвал вопрос о том, входил ли в состав имущества, которое шло в уплату виры, земельный участок, ибо он тесно связан с предыдущим вопросом — обладал ли убийца самостоятельным домохозяйством или нет (ср., например, *A. Halban-Blumenstock*. Op. cit., S. 279; *Geffcken*, S. 219—220). Как видим, домовая община выступает в главе *De chrenecruda* в недостаточно определенных и конкретных очертаниях. Можно лишь пытаться — с необходимой осторожностью — конкретизировать их при помощи аналогий. Так, в эдикте Ротари имеется прямое свидетельство в пользу наличия небольшой домовой общины неразделившихся братьев, оставшихся в доме отца после его смерти (§ 167). Это указание может пролить свет на данные гл. LVIII. Ч. С. об отце и братьях убийцы, которые уплачивают их долю вергельда прежде, чем начинается процедура бросания убийцей горсти земли в его ближайших родственников.

¹¹⁵ Имеем в виду § 1 гл. XLV (*De migrantibus*): Si quis super alterum in villa migrare voluerit, si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit, si vel unus exteterit qui contradicat, migranti ibidem licentiam non habebit (ср. *Hessels*, Cod. 1—4, p. 280—283). Разночтению в *alienam villam* в Cod. 4 (по Гессельсу) вряд ли следует придавать решающее значение, как и наличию того же эпитета *aliena* в

ва подчеркивает разную степень заинтересованности различных обитателей виллы в допущении или недопущении переселенца, причем упор делается именно на возможности его недопущения в силу протеста хотя бы одного лица. Между тем в рукописях II, III, IV и V семьи (т. е. в Cod. 5—6; Cod. 7—9; Cod. 10 и в Эмендате — по Гессельсу) фигурирует отсутствующий в рукописях первой семьи параграф ¹¹⁶, устанавливающий возможность приглашения переселенца кем-либо из обитателей виллы с предварительного согласия всех остальных в качестве неперемennого условия законности такого приглашения, причем нарушение этого условия влечет за собой штраф в 45 солидов ¹¹⁷.

Здесь вступают в силу два новых момента: а) акцент, сделанный на позитивном характере права решения жителями виллы вопроса о вселении переселенца, ибо речь идет о его допущении (и даже приглашении), а не о протесте, б) требуется согласие всех обитателей деревни (*conventum*), а не одного или нескольких. В тесной связи с этим параграфом стоит, по-видимому, и фрагментарный текст из частной компиляции некоторых норм салического права, составленной в Италии, вероятно, в начале IX в. и известной под именем *Extravagantia*. Смысл этого текста таков: «не может человек переселиться, если совокупность соседей (*convicinia*) не разрешит ему пользоваться травой, водой и дорогой» ¹¹⁸. И здесь, как в Ad. 1. к гл. XLV, выступает совокупность соседей (соседство, как таковое), и речь идет об условиях, на которых эта совокупность разрешает *migratio* в виллу, а не о протесте одного из ее жителей.

Но из этого текста мы узнаем и еще нечто новое, а именно — что переселенцу должно быть предоставлено именно право пользования неподделанными угодьями. Это раскрывает характер заинтересованности соседей в вопросе о вселении переселенца; по-видимому, ее причину следует искать в том, что *migrans* делает заимку именно на территории неподделанных угодий. Впрочем, намек на это содержится уже в главе *De migrantibus*, согласно которой граф, изгоняющий из виллы переселенца, не исполняющего решение *mallus* о его выселении, является не в жилище переселенца, а на место, им обрабатываемое (*ad locum*), причем *migrans* карается заслушание не только штрафом в 30 солидов, но и утратой того, что он успел обработать ¹¹⁹.

Ad. 1. к гл. XLV, ибо этот эпитет, как было показано выше, нельзя толковать в смысле безраздельной индивидуальной собственности. Гальбан-Блюменшток полагает, что он обозначает в данном контексте деревню, чужую для переселенца (*op. cit.*, S. 221).

¹¹⁶ Этот параграф в рукописях II—V семьи является третьим по счету, вследствие чего в них § 3 рукописей I семьи передвигается на 4-е место (ср. издание Гессельса); в изданиях Беренда и Геффена он приводится в качестве *Additio* 1 и помещается между § 2 и § 3 древнейшего текста.

¹¹⁷ L. S., XLV, Ad. 1 (по Гессельсу — § 3, Cod. 5—6; 7—9; 10; *Emendata*): *Si quis vero alium in villa aliena migrare rogaverit antequam conventum fuerit (malb. andutheo-co)... sol. XLV culpabilis indicetur.*

¹¹⁸ *Extravagantia* B., XI: *Non potest homo migrare nisi convicinia et herba et aquam et via.*

¹¹⁹ L. S., XLV, § 2: *et roget grafionem ut accedat ad locum et eum exinde expellat. Et quia legem noluist audire, quod ibi laboravit demittat, et insuper... solidos XXX culpabilis indicetur.*

Как бы то ни было, усиление роли соседства находит отражение и в первом капитулярии к Салической правде, который возлагает на соседей ответственность за убийство, совершенное кем-либо на территории, расположенной возле виллы или между двумя соседними близлежащими виллами¹²⁰, причем эта территория обозначена как «поле, принадлежащее соседям» (*Vicini illi, in quorum campo vel exitum corpus inventum est; homo iste in vestro agro est occisus*). Гальбан-Блюменшток, совершенно справедливо рассматривая все эти тексты в тесной связи друг с другом, делает из их анализа тот вывод, что за время, протекавшее от древнейшей редакции Салической правды до ее более поздних вариантов, произошло усиление общинных прав обитателей виллы. По его мнению, в древнейшем тексте главы *De migrantibus* зафиксированы индивидуальные права протеста отдельных жителей села, и хотя они и составляют корпорацию, не она является носителем и субъектом этих прав¹²¹, между тем как в разобранных текстах она уже фигурирует как таковая¹²². Этот вывод Гальбан-Блюменштока создает такое впечатление, будто община как совокупность возникает уже после записи первоначального текста Салической правды, в то время как на самом деле происходит не возникновение общины как совокупности, а изменение форм последней, знаменующее тенденцию к преобладанию соседства над родством, торжество которой отражает эдикт Хильперика. До тех пор, пока она остается только тенденцией (а именно так обстоит дело во времена составления первой редакции главы *De migrantibus*), можно говорить лишь о переходе от родовой общины к соседской. На этой переходной стадии, по-видимому, и возникло то ограниченное право наследования недвижимости, которое мы обозначали как первый крупный шаг в сторону выделения прав отдельных домохозяйств на поземельную собственность.

Вторым столь же крупным шагом в том же направлении следует считать возникновение права передачи имущества одним лицом другому при помощи процедуры *аффатомии*. Передача происходит через посредника, который становится временным распорядителем передаваемого имущества до смерти его владельца и не позднее, чем через год после его смерти обязан предоставить его тому, кому оно предназначено его бывшим владельцем¹²³. Этот акт, представляющий собою нечто среднее

¹²⁰ Cap. I, § 9: *De hominem inter duas villas occisum. § 1. Sicut adsolet homo iuxta villa aut inter duas villas proximas sibi vicinas fuerit interfectus, ut homicida illa non appareat, sic debet iudex, hoc est comis aut grafio, ad loco accedere et ibi cornu sonare debet. Et si non venerit, qui corpus cognoscat, tunc vicini illi in quorum campo vel exitum corpus inventum est debet facere bargo V pedes in altum et presentia iudicis levare corpus. Et debet iudex nuntiare et dicere: homo iste in vestro agro vel in vestibulum est occisus* (толкование выражений *vicini illi, in quorum campo* и *in vestro agro* см. *A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 260*).

¹²¹ *A. Halban-Blumenstock. Op. cit., S. 258—259.*

¹²² *Ibid., S. 255; Sowohl § 3 (XLV, Cod. 5—6 etc. по Гессельсу.— A. H.) als auch die Worte Ergänzung des § 3 benützen kann, bilden einen wichtigen Fortschritt zur Verstärkung der Rechte der Dorfeinwohner (cp. S. 253—263, 301—302).*

¹²³ *L. S., XLVI (De acfatmire). Геффкен (S. 227) считает, что наследователь мог прибегнуть к аффатомии лишь в случае отсутствия у него прямых наследников, и*

между устным завещанием и зачаточной формой дарения, вступающего в силу лишь после смерти дарителя, по существу нарушает порядок наследования имущества родственниками даже в том случае, если его объектом является только движимость; в особенно сильной степени имеет место такое нарушение, когда объектом этого акта становится недвижимость. Впрочем, слишком широкий смысл выражений *facultas* и *fortuna*, обозначающих этот объект в главе об аффатомии, не позволяет с уверенностью утверждать, что в него входит и недвижимость, хотя само по себе это весьма вероятно. Характерно, что Салическая правда не пытается согласовать право на получение наследства с правом передачи имущества постороннему лицу, не родственнику, в обход шкалы наследования, несмотря на их явное противоречие друг другу¹²⁴. Тем более ясно, что аффатомия — новый шаг в сторону выделения индивидуально-семейной собственности, ибо она расширяет право каждого отдельного домохозяина распоряжаться своим имуществом и идет в этом направлении дальше, чем предоставление прав наследования, ибо эти права все еще связаны общинно-родовыми пережитками. Однако, несмотря на возникновение аффатомии, в Салической правде отсутствуют какие бы то ни было упоминания о купле-продаже недвижимости, что еще лишний раз подчеркивает общинно-родовую связанность владения землею у салических франков.

Эдикт Хильперика имеет целью устранить эту связанность; распространяя права наследования земли на дочерей, братьев и сестер умершего и вместе с тем отменяя притязания соседей на выморочные участки, он тем самым юридически оформляет тот процесс выделения индивидуально-семейной собственности, который начался еще задолго до того и отражен уже в Салической правде. Отмена притязаний соседей вполне естественна: они могли считаться обоснованными лишь до тех пор, пока эти соседи были сородичами; ибо их право на выморочный участок коренилось в том, что ко времени фиксации главы «Об алло-

притом с целью предотвратить неизбежный в этом случае переход выморочного участка в распоряжение общины (*den Heimfall seines Sallandes an die Gemeinde verhindern*). Однако в тексте гл. XLVI нет никаких опорных пунктов для такого ограничительного толкования права аффатомии, что и позволяет нам придерживаться изложенного в тексте понимания этого права. Гораздо существеннее замечание Гальбан-Блюменштока (ор. cit., S. 285—286), отвергающего возможность передачи недвижимости в силу акта аффатомии. По мнению автора аффатомия имеет в виду лишь передачу того имущества, которым можно — в случае отсутствия родственников — распоряжаться совершенно свободно (S. 286), тогда как распоряжение недвижимостью отнюдь не является свободным даже в случае отсутствия родственников, ибо Салической правде не известно отчуждение земельных участков в форме продажи. Нам представляется весьма вероятным, что аффатомия, может быть, как раз и является единственной — и притом ранней, зачаточной — формой их отчуждения — в виде дарения. Подтверждением этой догадки может служить следующая глосса из *Glossarium Pit-hoeus*: *achfathmire: de donationibus quae fiunt festuca in sinum ei cui donabatur protecta* (Merkel, S. 102).

¹²⁴ Эдикт Ротари, фиксирующий целую разработанную систему земельных дарений (§ 170—175), пытается их согласовать с порядком наследования, ограничивая передачу в виде дарения земельных участков при наличии законных наследников.

дах» право наследования земли предоставлялось только сыновьям, и тем самым в случае их отсутствия земельный участок вовсе не становился объектом индивидуального наследования в пределах семьи и оставался в пределах рода.

Сказанным объясняется отмеченное выше несоответствие однозначности понятия свободы в Салической правде и равноправия свободных франков с наличием имущественного неравенства в их среде.

В самом деле, в составе населенного пункта — виллы — все более и более обособляются отдельные домохозяйства; родственные связи между ними ослабляются, их права на различные земельные угодья дифференцируются, появляется право наследования недвижимости и передачи имущества лицам, стоящим вне круга родственников; в виллу вселяются чужаки. Все это приводит к росту самостоятельности отдельных домохозяйств и вместе с тем к усилению имущественного неравенства между ними. Однако эта имущественная дифференциация не приводит к неправоправу части свободных до тех пор, пока само обособление отдельных домохозяйств еще не зашло так далеко, чтобы на место прежних градуированных форм владения земельными угодьями в пределах общей собственности виллы стал новый вид собственности, являющийся предвестником зарождения феодальных отношений.

В Салической правде отражены симптомы и этого процесса. Но, во-первых, он не возникает из одних только внутренних закономерностей развития самой виллы как поселения свободных равноправных непосредственных производителей, а в значительной мере вторгается в нее извне, встречаясь и впоследствии сливаясь с идущими в ее собственных недрах процессами дифференциации; во-вторых, он не успел еще ко времени составления Салической правды оказать достаточно сильное деформирующее воздействие на внутреннюю структуру франкской деревни — виллы. Однако этот процесс уже идет. Его показателем является прежде всего оседание дружинников на землю, отразившееся в чрезвычайно любопытном запрещении членам окружного судебного собрания заявлять протест против вселения в пределы округа человека, имеющего грамоту от короля; этот запрет да еще под страхом колоссального штрафа в 200 солидов, равного вергельду свободного франка, представляет собою, конечно, прямое нарушение со стороны королевской власти права каждого жителя виллы протестовать против допуска переселенца¹²⁵. Ибо совершенно очевидно следующее: 1) обладатель королевской грамоты имеет намерение вселиться на территорию одной из вилл, входящих в данный округ или сотню (если бы он хотел поселиться на пустующей или королевской земле, то его предварительное появление в *mallus* было бы излишним, так как *mallus* — орган самоуправления жителей округа или

¹²⁵ L. S., XIV, § 4: Si quis hominem, qui migrare voluerit et de rege habuerit praeceptum et abundavit in malum publico et aliquis contra ordinationem regis testare praesumpserit... solidos CC culpabilis iudicetur. Любопытно, что здесь казнится тот самый акт *testatio*, который вменяется в обязанность в качестве законной формы протеста всякому, не желающему допускать переселенца в виллу (ср. XLV, § 2). Мотив запрета *testatio* в гл. XIV ясен: этот акт в данном случае нарушает королевское распоряжение.

сотни, обитающих в виллах, и никакого отношения к королевским землям не имеет); 2) право каждого жителя виллы на протест против вселения переселенца должно было бы остаться действительным и в том случае, когда подобный вопрос обсуждался в *mallus*, ибо членом последнего мог быть любой свободный обитатель любой виллы; 3) в момент конкретного вселения обладателя королевской грамоты в одну из вилл ее жители, по-видимому, уже не смогут использовать и применить к нему *свое исконное право протеста. Следовательно, они лишаются его в пользу человека, получившего особое пожалование от короля в силу грамоты; этот человек — приближенное к королю лицо, скорее всего — его антрустион. Поселение таких лиц в пределах округа, сотни или виллы приводит к возникновению крупного землевладения; указание на его наличие уже в эпоху Салической правды можно почерпнуть хотя бы из перечня обученных ремесленников (рабов и министериалов) весьма разнообразных специальностей (в том числе даже золотых дел мастеров), которых мог иметь в своем распоряжении лишь землевладелец*¹²⁶.

Возникновение частного землевладения является элементом того общего процесса, другую сторону которого составляет усиление дружинной и должностной знати и королевской власти с ее агентами. Однако в эпоху Салической правды этот процесс не только не привел к перерождению всего общественного уклада салических франков, но и не разрушил прежнюю архаическую структуру виллы. Он как бы «врезался» в родо-племенной строй франков, но еще не уничтожил его. Поэтому Салическая правда и отражает как бы два противоречащих друг другу и борющихся между собою уклада. В других варварских Правдах, отражающих гораздо большую силу этого нового уклада, мы встречаем иное взаимоотношение собственности и свободы: в них (в частности в лангобардском эдикте Ротари), наряду с пережитками архаических отношений родового быта и общинного строя, многозначность собственности влечет за собою и многозначность понятия свободы, ибо там не только дифференцируются права владения на отдельные участки, но и права индивидуального распоряжения недвижимостью со стороны свободных членов племени расширяются до права дарения и продажи земли, а с другой стороны, процесс имущественной дифференциации в среде свободных и роста крупного землевладения приводит к возникновению предпосылок феодализма.

¹²⁶ L. S., XXXV, § 6; X; Ad. 4.

Понятие свободы в эдикте Ротари

1. FULCFREE И HAAMUND

Основная масса лангобардского племени предстает перед нами в эдикте Ротари как широкий слой равноправных свободных соплеменников, резко противопоставляемых рабам и отграниченных весьма определенной чертой от полусвободных альдиев и вольноотпущенников. Над свободными возвышаются газинды — дружинники (герцога или частных лиц)¹. Есть намеки и на наличие старой родовой знати (ср. колебание вергельда свободных в зависимости от их знатности и родовитости)².

Таким образом, эдикт Ротари, на первый взгляд, рисует как будто бы классическую тацитовскую картину четырехчленного деления древнегерманского племени. Однако более внимательное рассмотрение обнаруживает сложность и пестроту этой картины и показывает, что схема Тацита полностью уже неприменима к общественному укладу лангобардов. Не говоря уже о том, что в эдикте отсутствует особый термин для обозначения слоя знатных, — *nobiles* (а имеется лишь понятие *nobilitas*) и взаимоотношения между альдиями, вольноотпущенниками, свободными и рабами крайне многообразны и зачастую неустойчивы, самое понятие свободы отнюдь не однозначно в нашем памятнике. Уже давно было отмечено, что термины «свободный» и «независимый» человек не покрывают друг друга, что «выделяется разряд людей, подчиненных известному патрону», и разряд «совершенно независимых людей»³. Носителями юридических норм лангобардского права повсюду в эдикте остаются именно «свободные», обозначаемые чаще всего как *liberi*⁴, а иногда как *exercitales*⁵, *ingenui*⁶ и *barones liberi*⁷.

¹ Ro, § 225.

² Ro, § 75, 378; некоторые намеки могут быть, впрочем, истолкованы и иначе.

³ Ср. П. Г. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 160.

⁴ См. Ro, § 10—12, 27, 30—32, 37, 39, 41—43, 74—75, 139, 140, 143, 177, 183, 187, 188, 193, 201, 204, 205, 211, 214, 216, 221, 222, 251, 253, 259, 263, 264, 268, 279, 371, 377, 378, 382—385, 387.

⁵ Ro, § 20, 23, 24, 373.

⁶ Ro, § 14.

⁷ Ro, § 14, 17.

Значение всех этих терминов одинаково⁸ — ими эдикт обозначает свободных лангобардов. Но даже там, где отсутствует какое бы то ни было определение социального положения действующего субъекта права и фигурирует некий безличный *quis*, эдикт, конечно, имеет в виду того же полноправного свободного. Тем более заслуживает внимания тот факт, что на этом общем фоне выделяется некая особая подгруппа или категория «свободных», наличие которой указывает на многозначность самого понятия свободы в эдикте Ротари. Столь же существенно и то, что для обозначения этой категории свободных и присущего ей содержания понятия свободы (или соответствующего данной категории оттенка этого понятия) эдикт пользуется особым и притом не латинским, а германским термином *fulcfree*⁹ и, кроме того, сам указывает на взаимоотношение этого термина с латинским *liber*.

Разберем отдельно все случаи упоминания *fulcfree* в эдикте Ротари. Этот анализ покажет, что понятие *fulcfree*, в свою очередь, не однозначно, и тем самым поможет точнее установить конкретный характер свободы лангобардских *liberi* и наметить градации внутри них.

1. В § 224 (*De manumissionibus*) изображены четыре способа освобождения рабов:

а) отпуск на волю в результате процедуры передачи отпускаемого последовательно из рук в руки четырьмя свободными людьми в силу акта *gairethinx*, причем последний из них ведет освобождаемого на перекресток четырех дорог (*in quadrubium*) и говорит ему: «Можешь идти на все четыре стороны», — совершая в присутствии понятых (*gisil et gaida*) особый акт *thingatio* (*et thingit in gaida et gisil*)¹⁰;

б) однако, как видно из дальнейшего содержания этого параграфа, описанная процедура может иметь своим последствием *полную* или *частичную* свободу: если господня раба ограничится тем, что превратит своего

⁸ Тождественность *exercitales* и *liberi* устанавливается при сопоставлении Ro, § 373 с Ro, § 27 и 30.

⁹ Издатель лангобардских законов Блюме сопоставляет это слово с англосаксонским *folcfrý* и толкует его как *Volkfrei, Gemeinfrei*, т. е. свободный по народному праву; любопытно в этой связи проводимое им сравнение *fulcfree* с англосаксонским *folcland* и *folcrist* (*Edictus ceteraque Langobardorum Leges*, ed. F. Bluhme. Hannover, 1869, p. 210). Подробнее см. об этом ниже, гл. III. Ср. также термин *freea*, который, как явствует из сопоставления § 94 и 120 законов Лиутпранда с § 182 эдикта Ротари, обозначает свободную женщину, находящуюся под мундиумом ее мужской родни (в данном случае вдову под мундиумом родственников ее покойного мужа). См. замечания Бруннера по этому поводу: H. Brunner. *Ständerechtliche Probleme*. — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*, Germ. Abt., Bd. XXIII, 1902, S. 236.

¹⁰ *Nam qui fulcfree et a se extraneum id est haamund, facere voluerit, sic debet facere. Tradat eum prius in manu alteri hominis liberi et per gairethinx ipsum confirmat; et ille secundus tradat in tertium in eodem modo et tertius tradat in quartum. Et ipse quartus ducat in quadrubium et thingit in gaida et gisil et sic dicat: de quatuor vias ubi volueris ambulare liberam habeas potestatem...* Глоссатор XI в. толкует слово *gisil* как «свидетель». Ср. *Liber legis Langobardorum Papiensis*, ed. Boretius (далее *Liber legis*...). — MGH, Leges, t. IV, p. 352. Эта книга составлена в XI в. В ней приведен полный текст лангобардских законов с глоссами и толкованиями юристов XI в.

раба указанным выше способом в *fulcfree*, то отпущенный на волю продолжает оставаться под властью своего патрона, и последний является наследником его выморочного имущества; для того, чтобы освобождаемый приобрел полную свободу и независимость, господин раба должен указать, что он хочет сделать раба не просто *fulcfree*, но и независимым от себя (*haamund a se, id est extraneum*) ¹¹;

в) освобождение раба по распоряжению короля (через денарий) давало столь же полную свободу и независимость, как и акт *thingatio in quadrubium* при условии объявления раба *haamund* ¹²;

г) превращение раба в альдия не должно производиться при помощи процедуры, в силу которой отпускаемый раб получает право идти на все четыре стороны. Эдикт прямо говорит: «Если кто хочет сделать раба альдием (а не «свободным» в любом из вышеуказанных смыслов этого слова.— *А. Н.*), пусть не ведет его на перекресток четырех дорог и не дает ему права идти куда угодно» ¹³.

Как видим, термин *fulcfree* § 224 — в странном противоречии с семантикой этого слова — обозначает вольноотпущенника, человека, обладающего неполной, частичной свободой. Неполнота его свободы сводится к сохранению зависимости раба, превратившегося в *fulcfree*, от его прежнего господина, становящегося отныне — в силу совершенного им акта освобождения раба — его патроном. Этот патронат, обозначаемый при помощи древнегерманского термина *haamund*, носит не только личный, но и материальный характер: патрон имеет право на наследование выморочного имущества вольноотпущенника *fulcfree*, а судя по закону Липтиранда 719 г., и на взимание особого взноса за покровительство ¹⁴. § 225 эдикта Ротари ¹⁵ прямо отождествляет *fulcfree* с вольноотпущенником.

Однако *fulcfree* поставлен в § 224 выше альдия, ибо, согласно этому параграфу, тот, кто хочет сделать раба альдием, не должен применять процедуру отпуска раба альдием, не должен применять процедуру отпуска

¹¹ *Item qui fulcfree fecerit et quattuor vias ei dederit, et haamund a se, id est extraneum, non fecerit, talem legem patronus cum ipso vivat, tamquam si cum fratrem aut cum alio parente suo libero langobardo: id est si filios aut filias legitimas, qui fulcfree factus est, non dimiserit, patronus succidat.*

¹² *Similiter et qui in pans, id est in votum regis dimittitur ipsa lege vivat, sicut et qui haamund factus est (Ro, § 224).* Некоторые списки *Liber legis langobardorum* Рариенсис прибавляют после слов *haamund factus est* следующее: *postea mundius eorum nec a ipsis nec a filiis eius nullatenus requiratur, et si filia eius aut ipsa quae fulcfree facta est, ad maritum ambulare contigerit, detur pro ea mundius, sicut pro libera (Cod. 1, 2, 3) (Liber legis..., p. 352).* Из этого прибавления совершенно ясно тождественность освобождения по распоряжению короля с приобретением полной свободы и независимости от патрона; характерно приравнение человека, ставшего не только *fulcfree*, но и *haamund*, к *liber*.

¹³ *Item qui haldium facere voluerit, non illi dit quattuor vias (Ro, § 224).*

¹⁴ В глоссах XI в. к § 9 и 23 законов Липтиранда выражение *absque mundio* комментируется так: *nullam aldiaritam de possessionibus suis dent, a термин «альдий» поясняется следующим образом: Id est, qui censum capitis dat (Liber legis..., p. 408).*

¹⁵ *De filios libertis. Si libertus, qui fulcfree factus est, filios dereliquerit legitimis, sint illi heredes.*

раба на все четыре стороны, в силу которой раб становится *fulcfree* (в том смысле, который придает этому термину § 224).

Таким образом, *fulcfree* — свободный низшей категории, зависимый от патрона, но все же не альдий, не «полусвободный»; *fulcfree* свободен, но не обладает независимостью.

Разграничение проходит в § 224 именно по этому признаку: свобода с сохранением зависимости составляет главное отличие статуса *fulcfree* от того, кто трактуется как *fulcfree et haamund, id est extraneus*, т. е. как человек, обладающий и личной свободой, и полной независимостью от кого бы то ни было, не состоящий ни под чьим патронатом или мундиумом.

§ 224 подчеркивает, что над человеком, ставшим *fulcfree et haamund*, патрон не имеет более никакой власти, а выморочное имущество такого человека наследует не патрон, а королевский фиск¹⁶. § 225 указывает на то, что альдий, не ставший *haamund* от патрона, не имеет права без разрешения последнего продавать свою землю и рабов и отпускать кого бы то ни было на волю¹⁷, а глоссатор XI в. поясняет мысль составителя эдикта следующим образом: «Из этого закона очевидно, что *amund* — свободный (*ingenuus*) и может продавать свое имущество, совершать дарения и отпускать рабов на волю, согласно своему желанию»¹⁸.

Следовательно, разграничение *fulcfree* и *haamund* в § 224, 225 и 235 отражает не только наличие разных категорий свободных у лангобардов времен Ротари, но и разных степеней градаций самого понятия свободы: человеку, обозначаемому термином *haamund*, присуща, согласно § 225, «полная свобода» (*certa libertas*), по сравнению с которой «свобода» человека, называемого *fulcfree*, представляется «неполной», ущербной свободой.

Но это все-таки свобода, а не «полусвобода», не альдионат.

Итак, от рабского состояния к полной свободе ведут три ступени: раб может стать а) альдием, б) *fulcfree*, в) *haamund*. В процессе освобождения рабов, в шкале тех социальных статусов, которые возникают в результате разных способов их отпуска на волю, статус *fulcfree* занимает как бы промежуточное положение между альдионатом и *haamund*. Выше уже было отмечено, что такое значение термина *fulcfree* противоречит семантике этого слова. Уже одно это противоречие наводит на мысль о том, что трактовка *fulcfree* как вольноотпущенника вряд ли является у лангобардов исконной. Но в эдикте Ротари встречаются и прямые указания на такое значение термина *fulcfree*, которое не имеет ничего общего с процессом освобождения рабов и разными процедурами их отпуска на волю.

¹⁶ Si sic factum fuerit, tunc erit *haamund*, et ei manit *certa libertas*: posteam nullo repperitionem patronus adversus ipsum aut filios eius habeat potestatem requirendi. Et si sine heredes legitimos ipse qui *haamund* factus est, mortuus fuerit, *curtis regia* illi succidat, nam non patronus aut heredes patroni.

¹⁷ De *haldios*. Non liceat *haldius* cuicumque qui *haamund* factus non est, sine voluntate patroni sui terra, aut mancipia vendere, sed neque liberum dimittere.

¹⁸ Per hanc legem videtur quod *amund* est ut *ingenuus* et potest vendere, donare et *libertare* secundum voluntatem (*Liber legis...*, p. 359).

2. В § 216 эдикта Ротари фигурирует *libera uxor id est fulcraea*, таким образом, здесь сопоставляются латинский и германский термины, обозначающие свободу, причем *fulcraea* приравнено к *liber*, т. е. германский термин приравнен к латинскому, которым повсюду в эдикте обозначается полная свобода.

Разбираемый параграф гласит: Если альдий женится на свободной. Если чей-нибудь альдий женится на свободной женщине и приобретает над нею мундиум, и затем, после того как у них родятся сыновья, муж умрет, то родные этой женщины в случае ее нежелания оставаться в доме ее мужа и при наличии у них намерения вернуть ее к себе должны возместить стоимость мундиума, уплаченного [в свое время] за эту женщину [ее мужем] тем, кому принадлежал альдий. Тогда она может вернуться к своим родным, но без *morgingab* (утренний дар, приносимый женихом невесте после первой брачной ночи. — А. Н.) и без какого бы то ни было имущества ее мужа, лишь с тем, что она [в свое время] принесла [в его дом] от своих родных. И если сыновья этой женщины не захотят оставаться в отцовском доме, то пусть оставят там отцовское имущество, внесут за себя стоимость мундиума в размере уплаченного за их мать; тогда они смогут идти куда захотят как свободные»¹⁹.

Совершенно очевидно, что в данном случае термином *fulcraea* обозначена женщина, обладающая полной свободой. Указанные в тексте условия ее возврата к родным и перенесения свободного состояния *fulcraea* на сыновей — результат *полу*свободы ее мужа и отца ее детей (альдия); но тот факт, что дети альдия и *fulcraea* при соблюдении этих условий, порывающих узы их происхождения от отца — альдия, приобретают полную свободу, указывает на наличие полной свободы и у их матери. Анонимный юрист XI в., комментатор лангобардских законов, при толковании разбираемого текста совершенно справедливо отвергает возможность отождествления *fulcraea* с вольноотпущенницей (*liberta*) и подкрепляет свои соображения ссылкой на § 218²⁰, согласно которому дети альдия и вольноотпущенницы наследуют статус отца и становятся альдиями. Он же обращает внимание и на то обстоятельство, что если бы женщина *fulcraea* в § 216 была вольноотпущенницей, то она не могла бы возвратиться в среду своих сородичей за отсутствием таковых у вольноотпущенницы²¹.

¹⁹ Si haldius uxorem libera tulerit. Si haldius cuiuscumque libera uxorem tulerit, if est fulcraea, et mundium de ea fecerit, posteaque filios habens maritus mortuus fuerit; si mulier in ipsa casa noluerit permanere, et parentes eam ad se recollegere voluerint, reddant pretium, quod pro mundium ipsius mulieris datum est illis, cuius haldius fuit. Tunc illa absque morgingab aut aliquid de rebus mariti revertatur sibi ad parentes suos cum rebus, si aliquas de parentes adduxit. Et si filii de ipsa muliere fuerint, et noluerint in casa patris sedere, res paternas demittant et mundium pro se reddant, quantum pro matre eorum datum est, et vadant sibi ubi voluerint liberi.

²⁰ Si haldius haldiam uxorem tulerit. Si haldius cuiuscumque haldia aut liberta uxorem tulerit, si filios ex ipso coito habuerit, patri sequantur: sint haldii quales et pater.

²¹ Liber legis..., p. 349; Ro, § 216, Expositio: In hac lege fulcraea pro libera nascendo ponitur et non liberta, sicut a multis iudicibus dicitur, quia si in hac lege fulcraea positum esset pro liberta, cito in parte rupta esset haec lex a lege istius hic prope po-

Это приводит его к тому единственно правильному выводу, что *fulcfreea* в § 216 эдикта Ротари — «свободная по рождению», «свободнорожденная» (*libera nascendo*), т. е. полноправная свободная.

Однако ее обозначают — наряду с термином *libera* — также и термином *fulcfreea*. После всего сказанного совершенно очевидно, что социальный статус *fulcfree* противопоставлен здесь не *haamund* (как в § 224), а альдионату, и притом не как следующая за ним ступень свободы, а как полная свобода homo *liber* в противоположность полусвободе. В § 224 полная свобода определяется как сочетание свободы (частичной) и независимости от патрона и обозначается при помощи терминов *fulcfree et haamund*; в § 216 *haamund* не упоминается вовсе, а *fulcfree* означает полную свободу. Это терминологическое различие отчасти обусловлено тем, что в § 224 речь идет о тех видах и степенях свободы, которые то или иное лицо приобретает в процессе его освобождения из несвободного состояния. Этим объясняется отсутствие термина *haamund* в § 216, но иное содержание понятия *fulcfree* в том же параграфе (сравнительно с § 224) не может быть объяснено только тем, что § 216 не занимается вопросом об освобождении рабов. Ибо если бы содержание понятия *fulcfree* всегда сводилось к неполной, ущербной свободе, то ничто не помешало бы составителям эдикта применять этот термин в соответствующем значении во всем тексте нашего памятника. Следовательно, наличие хотя бы одного случая упоминания *fulcfree* в эдикте в смысле полной свободы говорит в пользу того предположения, что именно таким и было исконное, первоначальное значение этого термина. В справедливости данного предположения убеждает нас и другой случай применения эдиктом термина *fulcfree* безотносительно к процедурам освобождения рабов, хотя этот случай сложнее предыдущего, ибо текст допускает два толкования понятия *fulcfree*.

3. И здесь (§ 257) идет речь о женщине, социальное положение которой обозначено одновременно латинским и германским терминами *libera* и *fulcfreea*. Только сочетание этих терминов иное, чем в предыдущем случае: не *libera id est fulcfreea*, а *mulier libera fulcfreea*. Это словосочетание дает повод предполагать, что термином *fulcfree* обозначена здесь известная градация свободы, ибо выражение *mulier libera fulcfreea* можно истолковать следующим образом: «такая свободная женщина, которая является *fulcfreea*», принимая *libera* за обычное обозначение полной свободы, а добавление *fulcfreea* — за частное дополнительное определение характера этой свободы — быть может, с ограничительным оттенком.

sita que est: «Si aldius cuiuscumque aldiam et libertam», qua in lege legitur «sint filii aldiones sicut et pater» (§ 218): Et alia ratione, videri potest, quod *fulcfreea* positum est pro *libera nascendo*, quia se pro *liberta* poneretur, non diceret haec lex: «et parentes eius ad se recolligere neglexerint», cum *liberta* parentes non dicitur habere. Правда, и рабыня могла приобрести полную свободу (с обозначением ее как *libera*) в результате брака ее со свободным господином; но в таком случае тот должен был отпустить ее на волю, а ее происхождение как вольноотпущенницы особо подчеркивается в Ro, § 222: *tamen debeat eam libera thingare, sic libera, quod est vurdibora et legitimam facere per gairethinx*. Тогда и их дети станут законными наследниками.

Однако содержание § 257 позволяет истолковывать эти термины и как синонимы (как и в § 216). В самом деле: свободная женщина — *fulcfrea*, застигнутая на месте преступления во время воровства, должна возместить стоимость похищенного в девятикратном размере²², точно так же, как и свободный человек (*liber homo*) согласно § 253 эдикта Ротари²³. Если оставить в стороне отмеченные в примечании различия, не влияющие на решение интересующего нас вопроса, то бросается в глаза не только сходство кары в обоих случаях, но и тот факт, что *liber homo* и *mulier libera fulcfrea* в равной мере сами несут ответственность за совершенный ими проступок, в то время как за повинную в том же проступке альдионку отвечает ее господин²⁴.

Следовательно, женщина *fulcfrea* выступает наравне со свободным мужчиной как самостоятельный субъект права, как полноправное юридическое лицо.

Таким образом, возможны два толкования понятия *fulcfrea* в § 257 эдикта Ротари: либо это — некая градация свободы (ниже полной *libertas*, но выше альдионата), либо — полная свобода. Между этими двумя возможностями колеблются и комментаторы XI в., склонные даже рассматривать первую из них как указание на то, что под *fulcfrea* § 257 может скрываться (наряду с полноправной свободной) и вольноотпущенница. Так, глосса к § 257 говорит прямо: «Слово *fulcfrea* употреблено здесь вместо слова «свободная» или «вольноотпущенница высшего разряда»²⁵. Впрочем, комментарий к разбираемому параграфу не подкрепляет последнее предположение ничем, кроме ссылки на применение термина *fulcfrea* для обозначения вольноотпущенника в уже известном нам § 224²⁶.

Какое бы из двух возможных толкований понятия *fulcfrea* в § 257 мы ни приняли, мы во всяком случае найдем в нем еще одно подтверждение двойственности этого понятия. А так как в разбираемом

²² Ro, § 257: Si *mulier libera fulcfrea* super furtum comprehensa fuerit, furtum quod fecerit, sibi nonum conponat...

²³ Ro, § 253: De furtis. Si quis *liber homo* furtum fecerit et in ipsum furtum temptus fuerit, id est fegangit, usque ad decem silequas, furtum ipsum sibi nonum reddatur et conponat pro tali culpa solioctoginta, aut animae suae incurrat periculum. Разница в наказании в том и другом случае сводится лишь к тому, что задержанный в качестве вора свободный мужчина попадает (в силу особого акта *figang* или *fegang*) в полное распоряжение задержавшего его собственника похищенного вором имущества и вор должен выкупиться из-под его власти ценою уплаты 80 солидов. Женщины изъяты из действия акта *figang* (ср. конец § 257: *nam alia culpam non requiratur, pro eo quod iniuria passa est*; ср. также комментарии Блюме к слову *fegangi* (op. cit., p. 208—209).

²⁴ Ro, § 258: Si *haldia* aut *ancilla* super furtum tempta fuerit, conponat dominus earum furtum ipsum sibi nonum, excepto pro culpa solidos quadraginta.

²⁵ Glossa: *fulcfrea* pro *ingenua* et *maiore liberta* ponitur. (*Liber legis...*, p. 366).

²⁶ Expositio: Notandum est, quod in hac lege (т. е. в Ro, § 257.— *A. H.*) *fulcfreal* pro *libera nascente* et pro *liberta posita* est; quia si pro altera tantum poneretur, non haberemus legem, qua altera supra furtum comprehensa indicaretur. Et querenti ubi *fulcfreal* pro *libera nascente* reperiatur, lex retro posita (Ro, § 216.— *A. H.*)... ei dicatur vel ubi *fulcfreal* reperiatur pro *liberta*, vel alia lex retro posita (Ro, § 224.— *A. H.*)... et cetera ei ostendatur, quia cum dixerit: «Item qui *fulcfreal* fecerit (Ro, § 224) posuit *fulcfreal* pro *liberta*» (*Liber legis...*, p. 366).

параграфе нет и намек на акты освобождения рабов, то он — в сопоставлении с § 216 — свидетельствует об исконности самого понятия *fulcfree*, особенно если принять во внимание приведенные выше аргументы в пользу его трактовки в смысле полной свободы (в § 257). Во всяком случае, в одном месте эдикта Ротари (в § 216) мы имеем прямое и недвусмысленное свидетельство справедливости именно такой трактовки этого понятия.

Резюмируя изложенное, мы можем с полным правом утверждать следующее: понятие *fulcfree*, очевидно, проделало известную эволюцию; но она заключалась не в перенесении этого термина с вольноотпущенников на свободных по рождению, а, наоборот, в его распространении на вольноотпущенных и связанном с этим частичном изменении самого содержания понятия *fulcfree*. Вначале оно, по-видимому, обозначало полную свободу без всякой зависимости от кого бы то ни было (что и соответствует первоначальному смыслу слова *fulcfree*) и имело только одно это значение. Потом оно приобрело два значения, ибо термином *fulcfree* стали обозначать иногда также и неполную свободу, одним из признаков которой является зависимость от патрона. Наличие этого признака указывает на то, что появление второго значения *fulcfree* связано с притоком в состав свободных лангобардов отпускаемых на волю альдиев и рабов. Но это отнюдь не значит, что все *fulcfree* с неполной свободой суть *liberti*. Ибо, во-первых, в эдикте Ротари встречаются *liberti*, наделенные полной свободой, и они названы *fulcfree et haamund*; во-вторых, различие двух категорий свободы впоследствии было, по-видимому, перенесено и на понятие «свободы вообще», независимо от происхождения свободы того или иного лица. Раньше не только всякий свободный был *fulcfree*, но и всякий *fulcfree* был свободен (без каких бы то ни было ограничений)²⁷. Потом положение изменилось: не всякий *fulcfree* стал считаться свободным, но термином *fulcfree* иногда продолжали по-прежнему обозначать свободнорожденных, полноправных свободных. Так разрешается, между прочим, и противоречие между семантической термина *fulcfree* и его словоупотреблением в § 224 эдикта Ротари.

В пользу того, что этот термин продолжал сохранять свое старое значение (наряду с новым) и трактовался в смысле полной свободы даже тогда, когда его стали применять для обозначения зависимых от патрона вольноотпущенников, свидетельствуют и законы Лиутпранда.

Правда, в этих законах термин *fulcfree* прилагается исключительно к вольноотпущенникам²⁸. Но весьма существенно то, что § 9 законов Лиутпранда от 717 г. (в отличие от § 224 Ro) обозначает этим термином человека, приобретающего путем освобождения его в церкви через посредство короля полную свободу и независимость от патрона, да еще приравнивает его к тем лицам, которые стали *fulcfree* в результате процедуры *thingatio*, в то время как § 224 эдикта Ротари подчерки-

²⁷ Ср. А. И. Невский. Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.— «Средние века», вып. I, 1942, стр. 33.

²⁸ Li, § 9, 23, 55; ср. *thingati* в § 77 и *haamund* в § 98.

вает, что эта процедура дает лишь неполную свободу с сохранением зависимости от патрона, если только последний не объявил отпускаемого на волю *haamund a se*.

Между тем в § 9 законов Лиутпранда отсутствует какое бы то ни было упоминание о *haamund*, и тем самым термин *fulcfree* заменяет здесь сочетание *fulcfree et haamund* в § 224 эдикта Ротари. В самом деле, текст § 9 законов Лиутпранда гласит: «О вольноотпущенниках. Если кто-нибудь передаст своего раба или рабыню в руки короля и последний отпустит их на волю через посредство священника путем [процедуры] шествия вокруг святого алтаря, то пусть они пребудут свободными, подобно тем, которые стали *fulcfreal* через *thingatio* (*sic permanente liberi, sicut illi qui fulcfreal thingati sunt*). И если кто-нибудь испросит у короля мундиум над такой свободной женщиной (*de ipsa libera*), то пусть обладает им по отношению к ней как к женщине — *fulcfreal* (*sicut de fulcfreal muliere*); более она не связана с ним никакими условиями, ни она сама, ни ее дочь. И мы постановляем, чтобы мужские потомки, которые родятся у этой свободной женщины, не находились ни под чьим мундиумом, дочери же пусть стоят под мундиумом, так же как и их мать, и пусть он не превышает три солида»²⁹.

Мундиум, о котором здесь идет речь, — это обычный у лангобардов мундиум над всякой женщиной (в том числе и свободнорожденной), поэтому и подчеркнуто, что он не распространяется на ее мужское потомство. Тем не менее освобожденная на таких условиях женщина приравнена к *fulcfreal mulier* (в смысле полной свободы без прибавления обычного в таких случаях *et haamund*), и освобожденный в церкви по распоряжению короля раб тоже назван *fulcfree* без указанного прибавления.

Из сказанного ясно, что если, с одной стороны, в § 9 законов Лиутпранда термином *fulcfree* обозначаются не свободнорожденные, а вольноотпущенники, то с другой стороны, под этим термином имеются в виду такие вольноотпущенники, которые обладают полной свободой и независимостью от кого бы то ни было и в этом смысле приравниваются к свободным по рождению. Другими словами, термин *fulcfree* не обозначает здесь слой тех полноправных свободных лангобардов, которые унаследовали эту полную свободу от отцов и дедов (т. е. свободнорож-

²⁹ Li, § 9: *De libertis. Si quis servum suum aut ancillam in manum regis dederit, et ipse princeps eas per manos sacerdotis circa sacrum altarem liberos dimiserit, sic permaneant liberi, sicut illi qui fulcfreal thingati sunt. Et qui mundium de ipsa libera e principe expetierit, sic eum habeat, sicut de fulcfreal muliere: nam amplius ei nulla condicione debeat, neque ipsa neque filia eius. Et hoc statuimus, ut masculi qui de ipsa libera nati fuerent, absque mundium sint, feminae autem habeant mundium sicut et mater earum et ipse mundius non sit amplius quam solidos tres.* Освобождение раба в церкви приравнивается в законах Лиутпранда к процедуре *per gairethin* и к отпуску на волю через посредство короля. Первое вытекает из сопоставления Li, § 23 с Ro, § 224: *Nam qui haldionem facere voluerit, non eum ducat in ecclesia* (Li, § 23) — *item qui haldium facere voluerit non illi dit quattuor vias* (Ro, § 224). Второе явствует из Li, § 55: *Si quis servum suum fulcfreal thingaverit et haamund a se fecerit vel quocumque modo eum a se absolverit, in manu regis dandum aut in ecclesia circa altare ducendum etc.* Оба способа дают полную свободу.

денных), и имеет в виду только тех, кто приобрел такую свободу путем акта отпуска на волю на условиях полного освобождения. Однако, независимо от происхождения этой свободы, содержание понятия *fulcfree* сводится здесь к полной свободе без всяких ограничений (как в § 216 эдикта Ротари).

В других текстах законов Лиутпранда полная свобода определяется через посредство *fulcfreal et haamund* (как в § 224 эдикта Ротари) и термин *fulcfreal* не фигурирует изолированно³⁰, т. е., очевидно, обозначает неполную свободу с сохранением зависимости от патрона. Как видно, и в законах Лиутпранда налицо два значения этого термина.

То обстоятельство, что и полная, и неполная свобода — в тех случаях, когда она обозначается в законах Лиутпранда именно этим термином, — проистекает из тех или иных актов отпуска на волю, еще ничего не говорит против того, что самое понятие *fulcfree* (независимо от происхождения и характера свободы того или иного конкретного *fulcfree*) и во времена Лиутпранда продолжает оставаться двойственным. Иногда оно выражает неполную свободу, и тогда полная свобода определяется (как и в § 224) при помощи сочетания терминов *fulcfree et haamund* (см. Li, § 23, 55), а иногда означает и полную свободу (Li, § 9). А это в данной связи самое важное.

Для того, чтобы по возможности наиболее рельефно представить своеобразие понятия *fulcfree* в лангобардских законах, целесообразно сопоставить различные формы освобождения рабов у лангобардов со строго разграниченными способами отпуска на волю у рипуарских франков. Рипуарская правда знает четыре таких способа:

1. Превращение серва его господином в трибутария или лита (с правом дальнейшего его освобождения через денарий) (L. Rib., LXII); этому способу соответствует превращение раба в альдия по эдикту Ротари (Ro, § 224) и законам Лиутпранда (Li, § 23) с дальнейшей возможностью его освобождения до положения *haamund* (Ro, § 235);

2. *Отпуск раба (его господином) на положении табулярия secundum legem Romanam* через посредство особой процедуры в церкви с последующим оформлением освободительной грамоты, в силу которой табулярий и его потомки становятся свободными (*liberi*), но остаются в зависимости от церкви и несут в ее пользу *servitium*; их выморочное имущество наследует церковь, их освобождение через денарий запрещено (L. Rib., LVIII). Этому способу, являющемуся в сущности формой передачи господином его раба в собственность церкви на положении зависимого человека, в лангобардских законах аналогии нет; в законах Лиутпранда (§ 9, 23, 55) и даже Айстульфа (§ 11 от 755 г.) освобождение в церкви, наоборот, является наиболее полным и приравнивается к *thingatio in quadrubium* в качестве *haamund*, а также к освобождению через дена-

³⁰ Cp. Li, § 23: Si quis servum aut ancillam suam in ecclesia circa altare amodo liberum vel liberam dimiserit, sic ei maneat libertas, sicut illi qui *fulcfreal* in quarta manus traditus et *haamund* factus est. Уже цитированный выше Li, § 55 подчеркивает еще раз полную независимость от патрона того лица, которое в силу акта освобождения стало *fulcfreal et haamund*.

рий в присутствии короля (ср. Ro, § 224, 2; Li, § 9, 55). Лишь в законе Айстульфа от 755 г. (Aist, § 11) человек, освобожденный на перекрестке четырех дорог и ставший haamund, должен продолжать нести службу своему бывшему господину (benefactor) до смерти последнего, если в соответствующую грамоту включена оговорка об этом. Отпущенный на волю через посредство священника, совершившего процедуру шествия вокруг алтаря, получает полную свободу, как и fulcfree в § 9 эдикта Лиутпранда (или как fulcfree et haamund в § 23 того же эдикта), а иное понимание haamund в законах Айстульфа — результат и показатель успехов процесса социальной дифференциации и феодализации лангобардского общества к середине VIII в.

3. Превращение раба его господином рипуарием в вольноотпущенника, обозначенного в Рипуарской правде как *civis Romanus*. Ему предоставляется право перехода (L. Rib., LXI, § 1: *si quis servum suum libertum fecerit et civem Romanum portasque apertas conscripserit*), и его выморочное имущество поступает в фиск. Тем не менее он сохраняет зависимость от освободившего его лица, как явствует из того, что его господин может вновь отпустить его на волю через денарий в присутствии короля (L. Rib., LXI, § 3: *Quod si dominus eius eum ante rege dinariari voluerit, licentiam habeat*). Этому способу лишь отчасти соответствует thingatio на положении fulcfree в Ro, § 224: сходство в сохранении зависимости от патрона *civis Romanus* и fulcfree § 224 Ro, несмотря на предоставление и тому и другому права перехода (*quattuor vias ei dederit* — по эдикту Ротари, *portas apertas conscripserit* — по Рипуарской правде); но fulcfree § 224 эдикта Ротари в отличие от *civis Romanus* для приобретения полной свободы не нуждается в дальнейшем освобождении через денарий перед лицом короля: для этого требуется лишь, чтобы его господин при процедуре thingatio объявил его haamund a se (однако выморочное имущество fulcfree, не объявленного haamund, наследует его патрон).

4. Отпуск на волю вольноотпущенника через денарий в присутствии короля с оформленным освободительной грамоты делает либертина свободным (*sicut reliqui Ribuarii liber permaneat*) на положении homo dinariatus (с вергельдом в 200 солидов), выморочное имущество которого наследует фиск (L. Rib., LVII; ср. LXII, § 2). Этому способу в лангобардских законах отчасти соответствует освобождение на положении haamund (причем таковым может стать любой раб в отличие от рипуарских норм), производимое либо тем же путем, что и у рипуариев (через денарий), либо путем thingatio, либо в церкви.

Проведенное сопоставление вскрывает коренное различие в положении рипуарских и лангобардских вольноотпущенников: первые подразделяются на довольно резко очерченные категории (*tributarius, tabularius, civis Romanus, homo dinariatus*) с различными правами, обязанностями и повинностями и с разными вергельдами; вторые отличаются друг от друга лишь степенью приобретенной ими свободы, главным конкретным признаком которой является зависимость или независимость от патрона; отпуска на волю в эдикте Ротари не создают сословно-юридических категорий внутри слоя вольноотпущенников, как в Рипуарской правде. Это объ-

ясняется тем, что последняя отражает гораздо более далеко зашедший процесс социального расслоения всего общества, нежели эдикт Ротари: достаточно указать хотя бы на отсутствующее в этом эдикте деление общества (известное Рипуарской правде) не только по признаку свободы — полусвободы — несвободы (свободные — литы и либертины — рабы), но и по признаку зависимости от короля или церкви³¹. Поэтому *civis Romanus* Рипуарской правды имеет мало общего даже с тем *fulcfree*, который фигурирует в Ro, § 224 в качестве вольноотпущенника, не ставшего *haamund*: между ними — лишь внешнее, мнимое сходство. Ибо *fulcfree*, не ставший «*haamund*» и получивший свободу путем отпуска на волю, может быть и полноправным свободным (ср. Li, § 9; см. выше), а *civis Romanus* — либертин с ограниченной свободой, зависимый от своего господина. Наконец, термин *fulcfree* может обозначать и свободнорожденного, что никак не приложимо к *civis Romanus* (не говоря уже об отсутствии параллельного германского термина в Рипуарской правде).

Некоторую параллель к *fulcfree* § 224 эдикта Ротари представляет тот вольноотпущенник в *Lex Francorum Chamavorum*, *qui per hantradam ingenuus est*³² (да и самая процедура *manumissio per hantradam* отчасти напоминает *manumissio in quadrubium* в § 224 эдикта Ротари)³³. Отпуск на волю *per hantradam* дает полную свободу в том случае, если господин ставит освобождаемого вне своего мундиума — *Si ille foris de eo miserit* (ср. *a se extraneum id est haamund facere* в § 224), и неполную, если господин сохраняет *mundeburdio* над вольноотпущенником³⁴. В первом всякая материальная и личная связь вольноотпущенника с его бывшим господином порывается и выморочное имущество его наследует фиск; во втором случае эта связь сохраняется и выморочное имущество освобожденного *per hantradam* наследует господин. Однако полной параллели к понятию *ingenuus* в смысле «свободнорожденный», «полноправный свободный» (т. е. в том значении, которое имеет этот термин в § 216, 257 эдикта Ротари) не дает и освобожденный *per hantradam* в Правде франков-хамавов.

2. РАССЛОЕНИЕ В СРЕДЕ СВОБОДНЫХ ЛАНГОБАРДОВ (LIBERI) И РОСТ ЗЕМЕЛЬНЫХ ДАРЕНИЙ

Термин *fulcfree* используется в эдикте Ротари для обозначения свободы вообще (и свободного состояния тех или иных лиц), как бы в дополнение и разъяснение латинского термина *liberi*. После того, как анализ показал двойственность понятия *fulcfree*, уместно поставить вопрос о градациях внутри понятия *liberi*.

³¹ Ср. обороты вроде: *si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo* (L. Rib., XI, XX; ср. XIV, XVIII, XIX).

³² *Lex Francorum Chamavorum*, XII (MGH, Leges, t. V, p. 272).

³³ *Ibid.*, XI: *qui per hantradam hominem ingenuum dimittere voluerit, sua manu duodecima ipsum ingenuum dimittere faciat*.

³⁴ *Ibid.*, XII, XIV. Ср. толкование этих текстов Правды хамавов: MGH, Leges, t. V, p. 272.

Они выражаются прежде всего в отсутствии единого вергельда свободного лангобарда и в его колебаниях в зависимости от «знатности», «родовитости» или «достоинства» («качества») того или иного конкретного лица, обозначаемого термином *liber*. При этом весьма существенно то, что сумма вергельда свободного нигде не названа в тексте эдикта. Самый характер этих колебаний вергельда и то сочетание латинских и германских терминов, при помощи которых обозначаются градации свободы, дает основания предполагать, что указанные явления отражают процесс разложения еще довольно устойчивых родовых связей изнутри, путем возникновения неравенства между членами разных кровнородственных групп и внутри последних, и представляет собой первый признак этого разложения. В самом деле, когда идет речь о том, что за убийство ребенка во чреве матери (совершенное против ее воли) убийца должен внести половину стоимости матери, «оцениваемой в качестве свободной женщины сообразно ее знатности», а в случае ее смерти — сверх того и полную ее стоимость «сообразно ее родовитости»³⁵, то создается такое впечатление, что принадлежность к знатному роду, «родовитость», еще включается здесь в самое понятие свободы как высшая его ступень и что в состав широкого социального слоя свободных эдикт включает и представителей родовой знати, точнее — членов знатных родов³⁶.

Это впечатление подтверждает другой казус, приводимый эдиктом Ротари: жизнь и здоровье свободной женщины, убитой или изувеченной во время ее участия в столкновении между мужчинами, «оценивается в соответствии с ее знатностью». Но другой ряд указаний на колебания вергельда свободных лангобардов в эдикте Ротари не содержит прямых данных о различии между знатными и незнатными родами и свидетельствует скорее в пользу неравенства в среде рядовых свободных. Так, за лишение свободного человека глаза и за нанесение ему смертельных ран виновный уплачивает известную сумму (в эдикте не указанную и, вероятно, каждый раз исчисляемую особо) «в соответствии с качеством потерпевшего», *qualiter in angar-gathungi personae*. Как бы ни толковать германский термин *in angargathungi*, во всяком случае, несомненно, что

³⁵ Ro, § 75: Si infans in utero matris suae nolendo occisus fuerit ab aliquem: si ipsa mulier libera est et evaserit, adpretietur ut libera secundum nobilitatem suam, et medietatem quod ipsa valuerit, infans ipse componatur. Nam si mortua fuerit, componat eum secundum generositatem suam.

³⁶ Любопытно, что в англосаксонских Правдах, весьма определенно разграничивающих статус эрла как представителя родовой знати и кэрла как рядового свободного, все же встречается и широкое понятие свободы, охватывающее кэрлов и эрлов и обозначаемое терминами, произведенными от корня *fri*: *frigman*, *freoman*, *freo* и пр. Широта этого понятия явствует из того, что со времени законов Альфреда термин «эрл» употребляется для обозначения знатного лишь при противопоставлении кэрлу; таким образом, кэрлы и эрлы как бы исчерпывают весь состав свободных англосаксов, а совокупность тех и других обозначается термином *freo* или *frigne man*, который только один раз — в ранних законах кентских королей Хлотара и Эдрика 685 г. — фигурирует в качестве антитезы к эрлу (cp. Ine, 74 — *frigne man*; I Cnut, 46 — *freo*, Ine, 3, § 2 и II Aethelstan, 6 — *freot*, *freotes-libertas*; Alfred, 4, § 2; III Aethelstan, Prol. 6; IV, 3 и др., Hlothere and Eadric, 3. — F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. II, 2. Hälfte 1912, S. 268 и 407; комментарии к словам: Adel, 1b, 1e; Fre; 2.

он в сопоставлении с латинским *qualitas* обозначает какие-то разряды внутри свободных; весьма возможно, что он указывает не на различия между родами, а на разницу в социальном удельном весе отдельных лиц.

Эти «разряды» еще не сложились в оформленные сословно-юридические категории и представляют собою скорее «оттенки», «градации» свободы внутри слоя рядовых, полноправных лангобардов. Эти «оттенки», однако, столь еще многообразны и неустойчивы, что требуют индивидуальной оценки вергельда свободного лангобарда в каждом отдельном случае. И тем не менее они — показатель роста социального неравенства. Следовательно, двойственность понятия *fulcfree* в эдикте Ротари — не случайное явление: ей соответствует многозначность термина *liberi*. Не для того ли и прибегает иногда эдикт к германскому термину, чтобы внести ясность в многозначность латинского и точнее определить его возможные оттенки? Не этим ли объясняется наличие в нашем памятнике таких оборотов речи, как *mulier libera fulcfrea* (ср. Ro, § 257)?

Как бы то ни было, отмеченные градации в понятии *liber* — наряду с включением в него понятия *nobilitas* без выделения особой социальной категории в лице знатных, *nobiles*, — вполне гармонирует с картиной родо-племенного общества, в котором уже идет процесс разложения родового строя *изнутри*, т. е. в результате возникновения неравенства в среде родственников на почве перемещений внутри кровнородственных групп и появления различий между ними³⁷. В ходе этого процесса меняется представление о знатности и родовитости, а понятие свободы — до того само собой разумеющееся и однородное — становится многозначным и проблематичным, требует пояснений и определений разных его видов в их конкретных особенностях.

Однако наряду с этим процессом идет и другой, разлагающий старинные связи *извне*; в основном он сводится к феодализации общества, и его воздействия накладываются не только на прежние архаические отношения родового строя, но и на те последствия его внутреннего разложения, которые были только что отмечены. Начиная с некоторого эта-

³⁷ К чему приводит этот процесс внутреннего разложения родового строя тогда, когда он заходит достаточно далеко и когда с ним сочетается внешнее воздействие на этот строй со стороны процесса феодализации, свидетельствует то определение понятия *secundum qualitatem personae*, которое дает Лиутпранд в законе 727 г. (т. е. через 80 лет после издания эдикта Ротари): «Мы решили установить, что следует понимать под качеством лица. Ибо принято, чтобы за убийство (при самозащите. — А. Н.) меньшого человека из числа свободных (*exercitalis*) уплачивалось 150 солидов, а за того, кто принадлежит к числу первейших (*exercitales*) — 300 солидов (тут же устанавливаются и вергельды соответствующих разрядов королевских дружинников — газиндов). Ср. Li, § 62: *Nunc autem statuere prevedimus, quomodo sit ipsa qualitas consideranda, Consuetudo enim est, ut minima persona, qui exercitalis homo esse invenitur, 150 solidos componatur et qui primus est, trecentos solidos.* Здесь «оттенки» свободы, «разряды» в среде свободных уже вылились в определенные юридически оформленные социальные категории с фиксированными вергельдами для представителей каждого из них, и с ними сопоставлены соответствующие группы внутри все усиливающегося слоя королевских газиндов, созданного процессом феодализации. Тут указан конечный этап того пути, начало которого знаменует многозначность понятия свободы в эдикте Ротари.

на, оба процесса вступают в тесное взаимодействие друг с другом и, частью пересекаясь и переплетаясь, а частью идя в одном направлении, сливаются в один общий процесс перерождения всего уклада лангобардского общества. Эдикт Ротари содержит и данные о весьма архаических отношениях (пережитках родового строя), и указания на процесс внутреннего их разложения, и свидетельства о появлении первых признаков будущего феодального строя.

В целом он отражает именно стадию перехода от родо-племенного и варварского общества к классово-феодальному.

Оставляя в стороне такие проявления процесса разложения родо-племенного строя извне, как усиление роли газиндов и возникновение военно-должностной знати, с одной стороны, и тенденция к слиянию всех промежуточных групп (альдиев, низшего слоя вольноотпущенников, либелляриев)³⁸ в одну массу зависимых держателей, с другой стороны, коснемся лишь тех симптомов этого процесса, которые непосредственно связаны с интересующей нас проблемой многообразия понятия свободы в Эдикте Ротари и претерпеваемых им изменений.

Это вновь приведет нас к констатированию социальных различий в среде лангобардских *liberi* и установлению градаций в самом понятии *libertas*, — по различий и градаций иного порядка и другого происхождения. Эдикт Ротари пестрит указаниями на довольно далеко зашедшую имущественную дифференциацию внутри широкого слоя свободных лангобардов.

Так, несостоятельный должник, не имеющий ничего, кроме домашних лошадей, волов и коров, обязан предоставить их агенту королевской власти — скульдахию — для передачи кредитору в залог уплаты долга, хотя утеря столь необходимых ему сельскохозяйственных животных должна была подорвать самые основы его и без того потрясенного хозяйства и довести его до разорения³⁹. Встречаются и такие свободные, которые становятся во главе целой толпы рабов, предпринимающих вооруженные нападения на обитателей лангобардских сел⁴⁰, да и сами эти обитатели устраивают «заговоры» и «бунты»⁴¹ с целью совместного грабежа, причем и те и другие обозначены любопытным термином *homines rustici* («деревенские жители», «крестьяне»), определяющим не правовое, а хозяйственное их положение, сближающее этих разоряющихся бедняков из среды свободных с рабами. На такое сближение обоих социальных слоев по их экономическому положению указывают и упоминания о проступках, совершаемых рабами совместно со свободными или

³⁸ Об этих проявлениях данного процесса см. ниже, гл. IV. О возникновении особой категории зависимых держателей-либелляриев см. Ro, § 227.

³⁹ Ro, § 251: *Si homo liber qui debito est, alias res non habuerit nisi caballos domitos aut boves iunctorios, seu vaccas etc.*

⁴⁰ Ro, § 279. *De concilio rusticorum. Si servi, id est concilii, manu armata in vico intraverint ad malum faciendum et quicumque liber homo sub regni nostri ditione positus cum illis in capite fuerit... etc.;* cp. также § 19.

⁴¹ Ro, § 280: *De rusticorum seditione. Si per quacumque causa homines rustici se collegerint.*

даже по прямому приказанию последних (например о кражах, совершаемых по приказанию их господ) ⁴².

Однако все это — новые явления, что явствует уже из представления законодателя о несовместимости подобных поступков с достоинством свободного человека ⁴³, понимаемым, очевидно, в духе той эпохи, когда большая часть лангобардского племени состояла из равноправных свободных.

Но среди признаков и показателей имущественной дифференциации свободных имеется одно явление, само по себе, по-видимому, довольно старинное и возникающее в процессе разложения родо-племенных отношений изнутри, но претерпевающее весьма существенные изменения под влиянием внешних воздействий со стороны процесса феодализации и связанного с ним усиления королевской власти и всякого рода королевских людей. Это — дарения, в особенности дарения земельной, недвижимой собственности. Анализ различных видов дарений вскрывает самую основу процесса имущественной дифференциации — мобилизацию земельной собственности, позволяя наметить эволюцию самого института дарений от архаической процедуры передачи имущества (в духе аффатомии Салической правды) до прекария и срочного бенефиция и в то же время с неожиданной стороны проливает свет на содержание понятия *liber*.

Дарения в эдикте Ротари весьма часто обозначаются наряду с латинским словом *donatio* (§ 177, 225) также и германским термином *thinx* или *gairethinx*, фигурирующим и в описании процедуры отпуска рабов на волю, а иногда — латинским и германским терминами одновременно (ср. *De thinx quod est donatio* — § 172).

Во времена Ротари термин *thinx* уже утратил свое первоначальное значение (так называлось народное собрание) и употреблялся лишь в переносном смысле, для обозначения актов освобождения рабов и дарственных актов. При описании тех или других в эдикте Ротари нет никаких указаний на сотенное или окружное собрание, подобное франкскому *mallus* (если не считать самого термина *thinx*, соответствующее значение которого в текстах нашего памятника еще требуется предварительно доказать); наоборот, все эти акты происходят лишь в присутствии свидетелей и понятых.

Да и нигде в эдикте нет упоминания каких бы то ни было народных собраний — ни общеплеменных, ни сотенных и окружных ⁴⁴. Следовательно

⁴² Ro, § 263: *Si plures homines furtum in unum fecerint, tam liberi, quam servi...; Ro, § 259: Si liber homo puerum aut servum suum furtum facere jusserit.*

⁴³ Ср. заключительную фразу § 259: «ибо позорно и ни с чем не сообразно, чтобы свободный человек вмешивался в кражу или давал на нее свое согласие (*quia inhonestum esse videtur et nulli rei convenit rationi, ut homo liber se in furtum debeat missere aut consensum prebere*).

⁴⁴ Единственный случай употребления *gairethinx* в таком контексте, который дает право связывать этот термин с обозначением народного собрания племени (Ro, § 386), все же может быть более естественно истолкован без этой гипотезы: речь идет о подтверждении *per gairethinx* содержания самого эдикта после его обсуждения на собрании знати, в чем можно с полным правом усматривать просто утверждение эдикта королем, придание ему силы закона при помощи особой процедуры (*adentes, quin etiam et per gairethinx secundum ritus gentis nostrae confirmantes ut sit haec lex fir-*

но, дарения, обозначаемые в эдикте термином *thinx*, не следует отличать от других дарений именно по этому признаку, т. е. по признаку совершения соответствующего акта в народном собрании⁴⁵; грань между разными видами дарений проходит, как увидим, совсем по другой линии.

Первоначальный смысл акта дарения сводится, по-видимому, к праву дарителя распорядиться своим имуществом, независимо от установленного обычая и зафиксированного в том же эдикте порядка перехода имущества по наследству⁴⁶. Другими словами, акт дарения в его первоначальном виде представлял собой не что иное, как раннюю и еще неразвитую форму завещания, подобно процедуре *аффатомии* в Салической правде⁴⁷. Вместо письменного завещания мы имеем тут и там процедуру передачи имущества через посредника при свидетелях, с той лишь разницей, что в Салической правде большую роль при этом играет отсутствующее в эдикте Ротари собрание — *mallus*. Но так как право дарения (в указанном смысле) вступает в конфликт с правом наследования, то оно обставлено целым рядом ограничений.

Самая процедура дарения — *thinx* — изложена в эдикте Ротари следующим образом: «Если кто-либо захочет передать свое имущество другому лицу, то должен сделать это не тайно, а в присутствии свободных людей через *gairethinx* так, чтобы и тот, кто будет совершать акт передачи (*qui thingat*) (посредник. — *А. Н.*), и тот, кто выступит в качестве понятого (*gisil*), были свободными людьми, дабы потом не могло возникнуть никаких претензий»⁴⁸.

Дополнением к этому общему определению *thinx* — *donatio* служит указание на то, что человек, отпущенный на волю и ставший *fulcfree*, может при жизни передать кому-нибудь свое имущество при помощи обряда *ande-gauvere et ari-gauvere* согласно лангобардскому праву⁴⁹. Ссыл-

ma et stabilis — § 386). Во всяком случае, этот *gairethinx* по характеру своему ничего общего не имеет с теми актами, о которых идет речь в других главах эдикта. Изложенного взгляда на отношение термина *thinx* к народному собранию придерживается П. Г. Виноградов (указ. соч., стр. 132). Противоположное мнение высказано в кн.: *M. Pappenheim. Launegild und Gairethinx*. Breslau, 1882; наши соображения против точки зрения Паппенгейма изложены в статье «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.», стр. 35—36, 39. По вопросу о *thinx* см. также: *A. Schultze. Die langobardische Treuhand und ihre Umbildung zur Testamentsvollstreckung*. Breslau, 1895.

⁴⁵ Недаром в своде лангобардских законов, составленной между 817 и 840 гг. и озаглавленной *Liber legis regum Langobardorum Concordia dictus*, в гл. XX объединены под общим заголовком *Capitula Rothari et Liutprandi de thinx quod est donatio* — как те параграфы эдикта Ротари, где дарение обозначено термином *thinx*, так и те, где оно названо просто *donatio* (§ 177). Ср. MGH, Leges, t. IV, p. 253). Да и сам эдикт ставит знак равенства между *thinx* и *donatio* (Ro, § 172).

⁴⁶ Ср. Ro, § 153—163.

⁴⁷ Ср. L. S., XLVI.

⁴⁸ Ro, § 172: *De thinx quod est donatio. Si quis res suas alii thingare voluerit, non absconse, sed ante liberos homines ipsum gairethinx faciat, quatinus qui thingat et qui gisil fuerit, liberi sunt, ut nulla in posterum oriatur intentio.*

⁴⁹ Ro, § 225. В случае смерти такого дарителя без наследников подаренное им имущество получает полностью тот, кому оно предназначено в силу акта дарения: *Et si casu faciente sine heredes mortuus fuerit, et antea iudicaverit se vivo res suas proprias, id est ande-gauvere et arigauvere secundum legem langobardorum, habeat cui donaverit.*

ка на последнее говорит о сравнительной древности указанной здесь процедуры, а сама она истолковывается исследователями как передача чего-либо из рук в руки с подтверждением совершенного акта свидетелями⁵⁰, т. е. сводится, очевидно, к тому же самому *gairethinx*, замеченному здесь другим германским термином (может быть, ввиду каких-нибудь чисто формальных и вряд ли очень существенных различий в ходе процедуры, вызванных тем, что в данном случае даритель — не полноправный свободнорожденный, а вольноотпущенник — *fulcfree*).

Как видим, дарение в его первоначальной форме совершалось при помощи посредников, понятых и свидетелей, но без всякого участия какого-либо сотенного или окружного народного собрания. Оно представляло собой сделку между свободными (*liberi*), однако его могли совершать и *fulcfree*, притом такие, которые получили свободу в результате их отпуска на волю. Вряд ли различие в социальном положении *liber* и *fulcfree* является единственной причиной отсутствия термина *thinx* в описании процедуры дарения, производимого *fulcfree*, ибо, несмотря на отождествление *thinx* и *donatio* в § 172 и на его определение как сделки между свободными людьми, мы имеем в § 177 указание на дарение со стороны свободного человека (*liber homo*), не обозначенное как *thinx*.

Как бы то ни было, эдикт Ротари стремится всячески пресечь возможные нарушения интересов наследников в результате акта дарения. Не говоря уже о прямом запрещении лишать сыновей (без особой их вины) наследства и передавать путем дарения другим лицам то, что по закону следует сыновьям⁵¹, рождение у дарителя сыновей, дочерей или незаконных сыновей после совершения дарения приводит, согласно эдикту, к полной или частичной его недействительности⁵² (причем лицо, которому передано было что-либо в силу дарения, может в лучшем для него случае получить лишь ту часть, которая соответствует доле сородичей или ближайших родных в наследстве).

Таким образом, эдикт стремится приспособить институт дарения, возникший, по-видимому, несколько позднее, к более архаическому и давно

⁵⁰ Cp. *F. Bluhme*. Op. cit., p. 203; *andegauvere-manufirmatio*, *Handfeste*; *arigauvere-affirmatio testimonii*. Этому толкованию в сущности не противоречит и глосса XI в., подчеркивающая лишь, что подобное дарение могло быть произведено и в здоровом, и в болезненном состоянии *in infirmitate et sanitate* (MGH, *Leges*, t. IV, p. 353). Cp. *Aist.*, § 3: *Si quis in sanitatem aut egritudinem res suas ordinaverit*.

⁵¹ *Ro*, § 168; *Non liceat sine certis culpas filium suum exhereditare, nec quod ei per legem debetur, alii thingare*. Cp. § 169—170.

⁵² *Ro*, § 171: *Si quis... res suas, alii thingaverit posteaque eum contigerit filios legitimos procreare, omne thinx quod est donatio, quod prius fecerat, rumpatur, et filii legitimi unus aut plures, qui postea nati fuerint, heredes in omnibus patri succedant*. Если же у дарителя рождаются лишь законные дочери (но не сыновья) и незаконные сыновья, то они получают свою долю в наследстве так, как если бы никакого дарения не было. Но ввиду того, что эта доля меньше доли законных сыновей, получатель дарения тоже имеет право в этом случае на известную часть имущества умершего, но не в объеме подаренного ему, а лишь в размере причитающегося ближайшим родным, согласно порядку наследования.

сложившемуся порядку наследования⁵³. Этот порядок в свое время пробил первую брешь в безраздельном господстве родовой собственности (в частности на землю), выделив из нее сначала собственность большой семьи (домовой общины), а затем и индивидуально-семейную собственность⁵⁴.

В какой мере институт дарения представляет собой следующий шаг в том же направлении, видно из того, что он содействовал разложению самой домовой общины (большой семьи) путем возникновения неравенства между ее членами изнутри: так, если один из братьев, оставшихся совместно жить в общем доме после смерти отца, получил что-либо в силу акта дарения, то приобретенное им имущество поступало в его личную собственность⁵⁵. Стремление эдикта оградить законные права наследников вполне гармонирует с охраной им интересов получателя дарения, который поставлен здесь в некотором смысле — по отношению к дарителю — в такое же положение, как сын-наследник по отношению к отцу. Так, эдикт запрещает дарителю совершать передачу кому-либо того имущества, которое уже было ранее подарено им другому лицу, если только последнее не повинно в таком преступном деянии против дарителя, за которое отец имеет право лишить своего сына наследства (согласно цитированным выше § 168—169). Это сближение — хотя бы в одном пункте — взаимоотношения получателя и дарителя, с одной стороны, сына и отца, с другой, дает намек на то, что лангобардское дарение — может быть подобно франкской *аффатомии* — содержало и элемент адаптации⁵⁶. Но в то же время отмеченное сближение указывает на нечто вроде патроната получателя по отношению к дарителю и тем самым приводит нас к постановке вопроса о социальной природе дарений и об экономическом положении дарителей. Именно здесь и проходит грань между разными видами дарений.

⁵³ Согласно этому порядку, первое место в ряду наследников занимают законные мужские потомки, за ними идут дочери и сестры умершего, затем — незаконные сыновья и, наконец, на последнем месте — ближайшие родные или сородичи (*parentes proximi*) (ср. Ro, § 154, 158—159), в число которых входят прежде всего братья и дядья по отцу (ср. § 163).

⁵⁴ Как видно, эдикт Ротари в смысле установления прав наследования указывает явное предпочтение членам семьи перед членами рода. Вспомним отражение процесса возникновения семейной собственности и ее выделения из родовой в главе LIX (*De alodis*) Салической правды, где, несмотря на огромное различие с эдиктом Ротари в порядке наследования, устанавливается право отдельных членов рода на наследование движимости и прямых мужских потомков — на получение по наследству земельных участков.

⁵⁵ Ro, § 167: *De fratres, qui in casam communem remanserint (post mortem patris)... Et si quis in suprascriptis fratribus gairethinx fecerit, habeat inantea cui factum fuerit.*

⁵⁶ Ro, § 174: *De thinx primus factum. Non liceat donatori ipsum thinx, quod antea fecit, interum in alium hominem transmigrare: tantum est, ut ille, qui gairethinx suscepit, tales culpas non faciat donatori suo, quales solent ingrati filii parentibus suis facere, per quas exhereditantur, quae in hoc edictum scriptae sunt (§ 169).* Элемент адаптации содержит, по мнению некоторых исследователей, и процедура передачи имущества, описанная в гл. XLVI (*De acfatmire*) Салической правды. Впрочем, другие склонны толковать ее как чисто имущественную сделку.

В одних случаях даритель выступает в качестве малоимущего, в других — в качестве состоятельного или привилегированного лица. Обратимся сначала к дарениям первой категории.

Среди них имеет весьма существенное значение особая форма дарения с оговоркой о сохранении за дарителем до его смерти права пользования подаренным имуществом. Эта форма дарения обозначается в эдикте двумя равнозначными терминами — германским *lidinlaib* (*letztelebend*) и латинским *in die obitus sui* — и представляет собой иногда довольно сложную сделку с недвижимостью. Наш памятник изображает ее следующим образом: «Если кто-нибудь передаст другому свое имущество в силу акта дарения (*thingaverit*) и при совершении этого акта (*in ipso thinx*) заявит, что он оставляет подаренное за собою, в своем пожизненном пользовании, то пусть он потом не расточает злоумышленно подаренное имущество, а старается целесообразно его использовать. Если же у него возникнет необходимость продать или заложить землю с рабами или без них, то пусть он прежде, чем делать это, обратится к тому, кому он передал все это в силу акта дарения (*qui thingavit*), и скажет ему: «Вот видишь, какая необходимость вынуждает меня уступить это (подаренное тебе. — *А. Н.*) имущество (другому лицу. — *А. Н.*); если хочешь, помоги мне, и я сохраню его в качестве твоей собственности». И если тот не захочет ему помочь, то все то, что даритель передаст (из состава уже подаренного имущества. — *А. Н.*) другому лицу, останется за последним в качестве его прочного признанного владения»⁵⁷.

Как видим, здесь сделано исключение из общего правила, запрещающего отчуждать дважды разным лицам одно и то же имущество⁵⁸, и поводом к этому исключению является не проступок получателя по отношению к дарителю, а хозяйственная необеспеченность самого дарителя: она была и причиной совершенного им дарения (ибо он нуждался в посторонней помощи для продолжения своего хозяйства), она же вызвала и описанные в эдикте последствия. Ибо получатель дарения, по видимому, не всегда и не обязательно отказывал дарителю в его просьбе; он мог и удовлетворить ее, и тогда цель дарителя была бы полностью достигнута, и он мог бы улучшить свое материальное положение; в противном случае происходит, как видим, довольно быстрое дробление его хозяйства по частям еще при его жизни.

Форма дарения с сохранением пожизненного пользования (*дарение lidinlaib id est in die obitus sui*) является, таким образом, ярым

⁵⁷ Ro, § 173; Si quis res suas alii thingaverit, et dixerit in ipso thinx lidinlaib id est quod in die obitus sui reliquerit: non dispergat res suas postea doloso animo, nisi fruatur eas cum ratione. Et si talis ei e venerit necessitas, ut terra cum mancipia aut sine mancipia vindere aut locum pigneris ponere debeat, dicat prius illi cui thingavit: Ecce vidis, quia necessitate compulsus res istas vado dare; si tibi vedetur, subveni mihi et res istas conservo in tuam proprietatem. Tunc si noluerit subvenire, quod alii dederit, sit illi stabilem et firmum, qui acceperit.

⁵⁸ Правда, в § 173 речь идет не о вторичном дарении, а о продаже и залоге ранее подаренного, но все же и в этом можно усматривать некоторое нарушение общего правила.

показателем процесса разорения и обезземеления некоторой части свободных лангобардов. Продолжая сохранять по формальным признакам частичное сходство с франкской аффатомией, она далеко выходит за ее пределы, тем более что описание процедуры аффатомии в гл. XLVI Салической правды не содержит никаких данных ни о социально-экономическом положении дарителя, ни о характере передаваемого им имущества⁵⁹.

Любопытно, что даритель пока еще сохраняет право частичного распоряжения уступленной им в силу акта дарения недвижимой собственностью (право ее продажи и закладывания), и это отличает последствия дарения *in die obitus* от прекария (несмотря на несомненные черты формально-юридического сходства и на общность терминологии). Тем не менее будущее этой формы дарения ясно: ее развитие пойдет именно в направлении к прекарию, и мы имеем даже возможность проследить ход этого развития и фиксировать его конечный этап. Прежде всего традент, совершающий дарения, лишается не только права на повторные дарения из состава подаренного имущества, но и права его продажи и отдачи в залог, т. е. всяких прав распоряжения им; а затем ему предоставляется возможность сделаться прекаристом, т. е. сохранить за собою пользование земельным участком ценою отказа от собственности на него. Это произошло при Карле Великом. Комментарий XI в. к § 173 эдикта Ротари поясняет, что разрешение на продажу и залог недвижимости, которое дает дарителю заключительная фраза этого параграфа, уже отменено капитулярием Карла Великого⁶⁰.

Этот капитулярный гласит: Даритель-лангобард «сохраняет за собой права продавать и отчуждать подаренное им имущество, как это принято было раньше», но «после того, как он однажды подарил кому-нибудь что-либо из своего имущества, он не имеет права совершать новое дарение из состава того, что входило в первое»; «но если он захочет приобрести право пользования им (*usum-fructum*), то он может владеть переданной им собственностью в течение установленного срока на основе прекария»⁶¹. Здесь ясно виден переход от дарения *lidinlaib* (*in die obitus sui*) через ряд промежуточных ступеней к *precaria oblata*.

⁵⁹ Вся глава *De acfatmire* Салической правды посвящена изображению самой процедуры, в то время как в эдикте Ротари гораздо яснее выступает ее социально-экономическое содержание.

⁶⁰ *Liber legis...*, § 173. *Expositio*: *In hoc quod dicit: «si noluerit ei subvenire, quod alii dederit, sit illi stabile et firmum qui accepit», rupta est a capitulo Caroli quod est: «Si quis langobardus statum humane fragilitatis precogitans», etc. (MGH, Leges, t. IV, p. 329). Cp. Cap. regum, Fr., t. I, Cap. 98, § 1.*

⁶¹ *Non reservet sibi potestatem eandem rem vendendi aut alienandi sicut antea fieri solebat, sed postquam unam de rebus suis traditionem fecerit, aliam de ipsis rebus faciendi nullam potestatem habeat, — ita tamen, ut usumfructum si voluerit habere, per precariam res traditas in tempus diffinitum possidenti sit concessa facultas* (MGH, Leges, t. IV, p. 502). Смещение запрета продавать подаренное с запрещением вновь дарить его другому лицу, которое имеет место в цитированном нами тексте капитулярия, подтверждает высказанную нами выше мысль, что разрешение продавать подаренное имущество, предоставляемое дарителю § 173 эдикта Ротари, противоречит запрету повторного дарения, установленному в силу § 174.

К числу малоимущих дарителей мог, вероятно, принадлежать и тот либертин — *fulcfree*, который передавал свое имущество при помощи процедуры *ande-gauvere* или *agi-gauvere*, ибо он сохранял еще зависимость от патрона, что явствует из права последнего на часть выморочного имущества либертина⁶². Однако, как увидим ниже, у такого *fulcfree* были и иные возможности поднять свое благосостояние — более действительные, чем совершение (в сущности весьма невыгодных) дарственных актов. Некоторые из таких *fulcfree*, приобретавших неполную свободу путем отпуски на волю, могли впоследствии становиться людьми более состоятельными, чем многие полноправные свободные, подвергавшиеся разорению.

Однако среди свободных лангобардов, обозначаемых термином *liberi homines*, встречаются дарители совсем иного типа, чем те, которые фигурируют в дарениях с сохранением пожизненного пользования или с получением *lauegild*.

Так, патрон выступает в качестве дарителя в пользу своего вольноотпущенника — *fulcfree*, причем в случае его бездетности все подаренное ему возвращается патрону, если только патрон не предоставил либертину право свободного распоряжения объектами дарения⁶³. Мало того: дарителями в пользу вольноотпущенников *fulcfree* и в пользу свободнорожденных лангобардов (*liberi homines*) могут быть и привилегированные люди — герцоги (*duces*), агенты королевской власти (*iudices*) и, наконец, такие частные лица, под властью которых состоят зависимые люди, оказывающие им «послужание» (*obsequium*). К таким людям, находящимся под чьей-либо частной властью, могли принадлежать не только вольноотпущенники, но и свободные по рождению. Это свидетельствует о развитии патроната и коммендации в лангобардском обществе времен Ротари.

А так как одновременно с этим идет рост дружинных отношений и их превращение в бенефициальные, то термины *obsequium* и *gasindium* сопоставляются друг с другом, а иногда употребляются один вместо другого; в эдикте встречаются такие обороты речи, как *gasindium ducis aut principis hominum obsequium*⁶⁴ и в то же время *obsequium regis aut iudicis*⁶⁵.

На службе у короля и его агентов, у герцога и частных лиц и вольноотпущенник, и свободный (*liber*) могли приобрести некое имущество в виде предоставленного им в дар владения; фактически оно, может быть, представляло собой лишь их долю в том, что присваивалось ими совместно с их патронами. Но выделение этой доли в индивидуальное владение такого коммендировавшегося человека облакалось в форму дарения (*donum*)

⁶² Ro, 225: *Alias vero res, si ut dictum est, heredes (libertus, qui fulcfree factus est.— A. H.) non derelinquerit aut se vivo non iudicaverit, patronus succedat, sicut parenti suo.*

⁶³ Ibidem: *Nam quantum de res benefactori suo per donum habuit, si eas non oblegaverit, in libertatem ad ipsum patronum aut ad heredes eius revertantur.* Cp. glossy XI в.: *oblegavit in libertate scilicet dominus id est colligavit infra libertatem* (MGH. Leges, t. IV, p. 353).

⁶⁴ Ro, § 225.

⁶⁵ Ro, § 167.

и знаменовало переход от общности имущества дружинников в индивидуальное пользование. Если вольноотпущенник, ставший *fulfree*, но не *haasmund*, приобретал что-либо в качестве дарения в дружине герцога или на службе у частных лиц, то после его смерти приобретенное им — в случае отсутствия прямых наследников — возвращалось дарителю⁶⁶.

Это правило, по-видимому, не распространялось на свободных. По крайней мере, в соответствующем тексте эдикта нет никаких прямых указаний на этот счет⁶⁷. Зато эдикт подчеркивает, что имущество, приобретенное на королевской службе (или на службе у должностных лиц короля) одним из братьев, оставшихся в общем доме после смерти их отца, становится его индивидуальным владением, без всяких прав на него со стороны других братьев⁶⁸. Отсутствие оговорки о судьбе приобретенного таким образом владения после смерти получившего его лица и о его возвращении королю или его агенту (в качестве дарителей) указывает на то, что эдикт имеет здесь в виду так называемое «безусловное пожалование» свободному человеку (братья, о которых здесь идет речь, — конечно, свободные), причем это пожалование формально является вознаграждением за уже совершенную им службу⁶⁹. Пожалование производит король или его должностное лицо.

Иной характер носит срочное условное пожалование свободному лангобарду со стороны герцога или частного лица — тоже свободного человека, пожалование, которое становится недействительным в случае перемены получателем места жительства и связанного с этим прекращения службы. Текст, упоминающий этот вид пожалования, таков: «Пусть каждый свободный человек имеет право переселяться (*migrare*) со своими чадами и домочадцами (*cum fara sua*) в пределах нашего королевства, куда ему угодно, но с разрешения короля; если же ему предоставил что-либо в качестве дарения герцог или какой-либо свободный человек (*quicumque liber homo*) и он не захотел оставаться ни с ним, ни с его наследниками, то подаренное возвращается дарителю или его наследникам»⁷⁰.

Предложенный нами перевод представляет собой определенное толкование этого довольно сложного по содержанию и не совсем ясного по формулировке текста. Толкование сводится к следующим основным положениям: 1) последняя фраза цитированного пассажа (*et si ei aliquas res dux etc.*) является не придаточным предложением, а самостоятельным;

⁶⁶ Ro, § 225: *Et si aliquid in gasindio ducis aut privatorum hominum obsequium donum munus acquisivit, res ad donatorem revertantur* (ср. начало параграфа: *Si libertus, qui fulfree factus est, filios derelinquerit legitimos, sunt illi heredes... Et si casu faciente sine heredibus mortuus fuerit etc.*).

⁶⁷ Cp. Ro, § 167.

⁶⁸ Ibidem: *Si fratres post mortem patris in casa commune remanserint, et unus ex ipsis in obsequium regis aut iudicis aliquas res adquisiverit, habeat sibi in antea absque portionem fratrum.*

⁶⁹ О безусловных пожалованиях см. также Li, § 78.

⁷⁰ Ro, § 177: *De homine libero ut liceat eum migrare. Si quis liber homo potestatem habeat intra dominium regni nostri cum fara sua migrare ubi voluerit — sic tamen si ei a rege data fuerit licentia, — et si ei aliquas res dux aut quicumque liber homo donavit, et cum eo noluerit permanere, vel cum heredes ipsius: res ad donatorem vel heredes eius revertantur.*

2) поэтому выраженное в нем требование возврата подаренного владения дарителю в случае переселения получателя — лишь возможное, но не обязательное последствие переселения: ведь *migrans* мог и не получить перед переселением никаких пожалований; 3) во всяком случае, это требование не представляет собой обязательного условия переселения, которое следовало бы в этом смысле сопоставлять с королевским разрешением: эдикт не устанавливает два условия, при соблюдении которых только и возможно переселение свободного человека: а) королевское разрешение, б) возврат пожалованного дарителю; 4) в последней фразе речь идет не об искомещении герцогом переселенца на новое место жительства, а о пожалованиях, которые он получил до переселения, на своей исконной родине.

Наше толкование опирается на текстологические аргументы и на ряд соображений по существу.

В разбираемом тексте три раза фигурирует уступительный союз *si*; его расстановка вызывает недоумение и затемняет смысл всего пассажа; в одном из трех случаев (а именно — в первом) это *si* явно неуместно, и мы могли бы с полным правом ожидать, что на его месте будет поставлено *ut*.

С тем же основанием *ut* могло бы быть поставлено вместо *si* и во втором случае. Делая эти предположения, мы не позволяем себе никаких конъектур, а лишь следуем разночтениям в разных списках. В самом деле, в двух списках эдикта Ротари *si quis* в первом случае опущено (*cod.* 6 и 11), а еще в одном списке во втором случае (в придаточном предложении: *sic tamen si ei a rege data fuerit licentia*) вместо *si* стоит *ut* (*cod.* 12)⁷¹. В неаполитанской рукописи Павийской книги (*Liber legis Langobardorum Papiensis*), снабженной комментариями XI в. и точно передающей тексты лангобардских законов, встречаем следующее разночтение § 177: в одном из списков этой рукописи (*cod.* 2) *si quis* в первом случае опущено, перед словами *sic tamen si ei a rege* поставлена запятая, а перед фразой: *et si ei aliquas res dux etc.* — точка, выделяющая ее в качестве самостоятельного предложения⁷². Как видим, средневековые переписчики и редакторы текста § 177 сами колебались в понимании его синтаксической структуры, и их колебания шли в том же направлении, что и наши предположения.

Глоссы XI в. толкуют возврат подаренного дарителю в § 177 (*res ad donatorem ... revertantur*) следующим образом: «дарение становится недействительным, если его условия не выполняются»⁷³. Вряд ли под невыполнением этих условий глоссатор мог разуметь отказ переселяющегося свободного человека оставаться с дарителем (*cum eo noluerit permanere*) на новом месте, куда этот человек только что прибыл, тем более что в последнем случае нельзя было бы даже и говорить об условиях дарения, так как мы имели бы здесь не дарственный акт, а искомещение переселенца герцогом как должностным лицом (главою округа), с наделением

⁷¹ MGH, *Leges*, t. IV, p. 41.

⁷² *Ibid.*, p. 330.

⁷³ *Conditionaliter donatio irrita fieri, si tenor non adimpletur (ibidem).*

этого переселенца земельными владениями, необходимыми ему для ведения хозяйства и поддержания существования той *fara*, с которой он переселялся⁷⁴.

Поэтому естественнее предположить, что в последней фразе § 177 речь идет о пожалованиях, полученных переселенцем на прежнем месте жительства⁷⁵.

Характер этого пожалования станет еще яснее, если мы обратим более пристальное внимание на то, кто выступает здесь в качестве жалователя или дарителя. Разбираемый параграф сопоставляет в роли возможных дарителей герцога и свободного человека (*dux aut quicumque liber homo*). Как могло бы иметь место такое сопоставление, если бы речь шла об испомещении переселенца герцогом как должностным лицом? Ведь, «свободный человек» не имел ни права, ни возможности производить такое испомещение, и разуместь под этим «свободным человеком» в данном контексте в свою очередь какое-нибудь должностное лицо нет никаких оснований. С другой стороны, и герцог в § 177 вряд ли выступает с публичноправовыми функциями: в тех параграфах эдикта Ротари, где он фигурирует как носитель таковых, устанавливается его военная и судебная власть и регулируются возникающие на этой почве взаимоотношения герцога с судебно-политическими агентами короля — *гастальдами* и со свободными воинами — *exercitales*.

В § 177 нет ни малейшего намека на это: здесь герцог рассматривается под углом зрения его частноправовых интересов; он — наравне со «свободным человеком» — как частное лицо может делать частные пожалования другим «свободным людям». Дарителей § 177 следует сопоставлять с теми лицами, которые делают пожалования своим дружинникам или подзащитным: вспомним, что в § 225 упоминается *gasindium ducis aut privatorum hominum obsequium*, и тогда нам станет совершенно ясно,

⁷⁴ Ср. глоссу XI в.: *cum fara id est re vel familiam; fara id est generatio* (*ibidem*).

⁷⁵ Это предположение подтверждается и глоссой к § 175 эдикта Ротари, прямо сопоставляющей разбираемый § 177 с взысканием *launegild*. Между тем *launegild* представляет собой не что иное, как фиктивное возмещение со стороны получателя дарителю в ответ на акт дарения; это возмещение состоит обычно из предмета незначительной ценности и играет роль акта, гарантирующего права получателя на обладание пожалованным ему объектом дарения. Даритель может и вовсе не получить *launegild* в момент дарения. Но в таком случае он имеет право потребовать от получателя стоимости подаренного или даже самый объект дарения, т. е. сделать дарение недействительным. Ср. § 175 и глоссы к нему: *MGH, Leges, t. IV, p. 330*). Это требование обозначается в § 175 эдикта Ротари словами *launegild requirere*, в глоссе к нему — как *actio launegild*. Ср. *M. Pappenheim. Op. cit., S. 6—13, 24—27*. Эта глосса указывает на то, что и в § 177 обязанность возвращать в таких случаях подаренное дарителю распространяется также и на наследников; тем самым она подчеркивает, что речь идет в § 177 о дарении, а не об испомещении герцогом переселенца на новом месте жительства. Вот текст глоссы к § 175: *Hic videtur et in lege: Si quis liber homo migrare voluerit quod actio launegild competit heredibus et transit ad heredes* (*MGH, Leges, t. IV, p. 330*). Данные о дарениях с *launegild* содержатся также в *Ro, § 184 и Li, § 43, 54, 65, 73*, а кроме того — в жалованных грамотах вплоть до конца XI в. См. *J. Ficker. Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens, Bd. IV. Innsbruck, 1874, № 21, 35, 74, 77*; См. также: *Libro Croce (Regesta chartarum Italiae). A cura di Q. Santoli. Roma, 1939, № 27, 95 (1077 г.), 168 (1020 г.) (p. 183, 306, 371)*.

что «свободный человек» (*liber homo*), совершающий дарение в § 177, и есть одно из тех «частных лиц» (*privati homines*), которых имеет в виду § 225, а герцог и в том и в другом случае выступает как частный даритель, а не как лицо, наделенное государственной властью.

Следовательно, переселенец, фигурирующий в § 177 и тоже названный *liber homo*, — человек, коммендировавшийся частному лицу или герцогу, а может быть, и состоящий в чьей-либо дружине⁷⁶. Сопоставление с § 167, где фигурирует свободный человек *in obsequium regis vel iudicis*, позволяет предполагать, что § 177 мог иметь в виду и королевского дружинника. Но если даже и отбросить это предположение, переселенец § 177 все же выступит перед нами как одно из тех лиц, которые выделялись из общей массы рядовых свободных во время службы герцогу или привилегированным частным людям, собиравшим вокруг себя целые дружины. Этим — и только этим — и объясняется тот факт, что такому переселенцу дается особое королевское разрешение на переселение. Оно предоставляется не всякому свободному лангобарду, а лишь такому свободному, который стал чьим-либо газиндом (частного лица, герцога, а может быть, и самого короля).

Итак, наше толкование § 177 приводит к следующим выводам:

1. Данный текст не имеет в виду установление общего порядка «переселения» (*migratio*), а лишь регулирует специфический частный его случай — переселение газинда⁷⁷. В этом смысле оно может быть сопоставлено с переселением салического франка, имеющего королевскую грамоту⁷⁸, но не с вселением во франкскую «виллу» рядового свободного, совершающимся по нормам старинного обычного права⁷⁹.

2. Пожалование органически не связано с переселением: с ним связано лишь вытекающее из него требование возврата пожалованного владения дарителю.

⁷⁶ П. Г. Виноградов (указ. соч., стр. 149—150) справедливо указывает на то, что в жалованных грамотах VIII в. в числе свидетелей упоминаются газинды, причем к их названию не прибавлено, чьи они дружинники — герцогские или королевские. Отсюда он делает вывод, что это — дружинники частных лиц. На наличие газиндов у частных лиц обратил внимание еще Тройа в примечании к тексту одной из изданных им грамот (748 г.). Эта грамота, в которой идет речь о продаже двух третей владений некоего Сильвернанды неаполитанскому судьякону Петру, подписана в качестве свидетелей, между прочим, и четырьмя газиндами и одним ариманном. Один из этих газиндов, Троальд, обозначен как газинд частного лица (*Troaldus, gasindus domni Argus*). Cp. *Codice diplomatico Langobardo*, ed. C. Troya (*-Storia d'Italia del medio aevo*, t. V), t. IV. Napoli, 1855, p. 785, № DCXVI.

⁷⁷ В этом отношении характерны разночтения в заголовке § 177. Обобщающее название: *De homine libero ut liceat eum migrare* — дает лишь один список (cod. 3). Остальные списки заменяют его более неопределенными редакциями, в которых отсутствует указание на то, что речь идет о свободном человеке вообще: так в Cod. 11: *De migratione*, в Cod. 12: *De eo quod cum fara migrare permissum* (MGH, *Leges*, t. IV, p. 41). Впрочем, неточность заголовков в варварских Пrawdах и частое их несоответствие содержанию глав общеизвестно.

⁷⁸ Cp. L. S., XIV, § 4: *Si quis hominem qui migrare voluerit et de rege habuerit preceptum et abundavit in malum publico et aliquis contra ordinationem regis testare presumpserit... solidos CC culpabilis iudicetur.*

⁷⁹ Cp. L. S., XLV (*De migrantibus*).

3. Один и тот же термин — *liber homo* («свободный человек») — обозначает здесь людей с весьма различным социальным статусом и экономическим положением: патрона (дарителя) и его подзащитного (переселенца), человека состоятельного или привилегированного и зависимого.

4. Если дарения по нормам народного права (*thinx* с *lidinlaib*; дарение с *laupnegild*) обнаруживают тенденцию к возникновению прекария и отражают процесс разложения родо-племенных связей изнутри, содействуя образованию слоя малоимущих зависимых людей в среде свободных, то пожалования, совершаемые королем, герцогами и патронами в пользу их дружинников и подзащитных, т. е. дарения, связанные с ростом королевской власти и частной власти влиятельных лиц, эволюционируют от безусловного пожалования к срочному бенефицию⁸⁰ и отражают процесс разложения родо-племенного уклада извне под напором складывающихся феодальных отношений. Конкретным примером такого «разложения извне» может служить выделение приобретенного на службе у короля или королевского агента имущества в индивидуальную собственность одного из братьев, ведущих совместное хозяйство.

Тем самым конкретизируется и многообразие понятия свободы в эдикте Ротари. Анализ разных видов дарений, и особенно той их категории, которая изображена в § 177, показывает, как тесно связано наличие разных оттенков в понятии свободы и разных разрядов в среде рядовых свободных (*liberi*) с образованием различных социально-экономических групп «равноправных» свободных лангобардов: на одном полюсе этого социального слоя — малоимущие люди, коммендирующиеся патронам или превращающиеся впоследствии в прекаристов, на другом — дружинники, представители только еще возникающей военно-должностной знати. Однако процесс образования этих групп еще очень далек не только от своего завершения, но и от достаточно отчетливого оформления его признаков и последствий. И самый ход этого процесса, и его неоформленность отразились и на положении того промежуточного социального слоя, который занимает особое место между рабами и свободными, т. е. альдиев.

Их «полусвобода» — понятие почти столь же неустойчивое и многозначное, как и «свобода» лангобардских *liberi* и *fulcfree*.

С одной стороны, альдия отличает ряд признаков явной «несвободы». Не говоря уже о том, что альдии неоднократно сопоставляются с рабами (с сервами-министериами и *servi rustici*⁸¹), за проступки альдиев отвечает их господин⁸², и он же получает штраф за проступки третьих лиц по отношению к его альдию⁸³; альдий сидит на земельном наделе, продажа которого без разрешения патрона ему категорически запрещена⁸⁴. Правда, эдикт иногда сопоставляет альдиев и с вольноот-

⁸⁰ Ср. мнение П. Г. Виноградова по этому поводу: «Право благодетеля отобрать пожалование указывает на своего рода бенефиций, обязывающий службой и отнимающийся вместе с ее прекращением» (указ. соч., стр. 149).

⁸¹ Ср. Ro, § 76—102; 126.

⁸² Ro, § 258.

⁸³ Ro, § 28, 127: *dominus accipiat*.

⁸⁴ Ro, § 235.

пущенниками⁸⁵, и некоторые отпускаемые на волю рабы переходили в результате освобождения на положение альдиев⁸⁶, однако отсюда не следует, что альдии отождествляются с вольноотпущенниками. Частичное их сближение друг с другом еще не аннулирует значение признаков «несвободы» альдия.

Однако в то же время альдий обладает и известными элементами личной свободы. Так, альдионка определяется в эдикте как женщина, рожденная свободной матерью⁸⁷; альдионка, вышедшая замуж за раба, теряет свою свободу⁸⁸, по-видимому, в какой-то мере и в каком-то смысле принадлежавшую ей до ее замужества. С другой стороны, брак свободной женщины с альдием может при соблюдении известных условий и не привести к утере ею свободы⁸⁹, в то время как женитьба раба на свободной либо грозит ей смертью от руки ее родных, либо карается ее превращением в королевскую рабыню⁹⁰. Альдий имел в своем пользовании не только земельный надел, но и рабов⁹¹; стоимость личности альдия выше стоимости раба⁹², а штрафы за увечья, причиненные альдию, подвержены индивидуальным колебаниям⁹³, напоминающим колебания вергельда свободных лангобардов.

Тем не менее эти признаки «свободы» все же не ставят альдия на одну ступень даже с тем *fulcfree*, который приобрел неполную свободу путем отпуска на волю и не стал независимым от патрона, т. е. *haamund*. Это явствует не только из того, что эдикт отличает освобождение раба с превращением его в *fulcfree*, но не *haamund*, от отпуска раба на положение альдия⁹⁴, но также и из значительно больших прав такого *fulcfree* сравнительно с альдием распоряжаться своим имуществом и владением. Альдий в сущности лишен всякого права распоряжения таковым без разрешения патрона, в то время как *либертин* — *fulcfree* — имеет право делать дарения⁹⁵.

Это разграничение альдия и низшей категории *fulcfree* указывает на то, что в тех случаях, когда речь идет о «свободе» альдия, имеется в виду противопоставление каких-то особенностей его статуса полной «несвободе» раба, т. е. подразумевается в сущности не свобода, а полусвобода.

⁸⁵ Ro, § 28, 217.

⁸⁶ Ro, § 224 (4).

⁸⁷ Ro, § 205: Si quis haldiam alienam, id est qui iam de matre libera nata est, violentiam fecerit, componat solidos quadraginta.

⁸⁸ Ro, § 217: Si haldia aut liberta in casa aliena intraverit et servum tulerit, libertatem suam amittat.

⁸⁹ Ro, § 216 (libera id est *fulcfrea*; подробный разбор этого параграфа см. выше).

⁹⁰ Ro, § 221.

⁹¹ Отпускать этих рабов на волю альдию без разрешения патрона было запрещено (Ro, § 235). О наличии рабов у альдия см. также § 219.

⁹² Ro, § 129—136.

⁹³ Ro, § 81: medietatem pretii ipsius quod adpretiatus fuerit.

⁹⁴ Ro, § 224: Item qui haldiam facere voluerit, non illi dit quattuor vias.

⁹⁵ Ro, § 235: Non liceat haldius cuiuscumque, qui *haamund* factus non est, sine voluntate patroni sui terram vendere sed neque liberum dimittere, Cp. § 225, согласно которому *либертус* *fulcfree* factus est имеет право делать дарения *andegauvere* et *ari-gauvere*, secundum legem *langobardorum*.

Однако такая трактовка «свободы» альдия (как антитезы к несвободе раба) объясняет лишь указание эдикта на утерю альдионкой «свободы» в результате ее брака с рабом⁹⁶, но не дает исчерпывающего объяснения общего определения альдионки как женщины, рожденной свободной матерью, тем более что в том контексте, в котором находится это определение, нет речи о рабах. Даже более того, в параграфе, непосредственно следующем за тем, который содержит указанное определение, с альдионкой сопоставляется не рабыня, а вольноотпущенница, причем один и тот же проступок по отношению к обеим карается во втором случае вдвое меньшим штрафом. Самая формулировка постановлений обоих параграфов обнаруживает явный параллелизм: «Если кто изнасилует чужую альдионку, т. е. женщину, рожденную свободной матерью, должен уплатить 40 солидов»⁹⁷. «Если кто изнасилует чужую вольноотпущенницу, т. е. лицо, отпущенное на свободу, должен уплатить 20 солидов»⁹⁸.

Пояснение терминов «альдионка» и *liberta* каждый раз особым придаточным предложением, начинающимся с *id est* (т. е.), на первый взгляд, как будто исключает возможность того предположения, что под альдионкой, рожденной свободной матерью, подразумевается лишь представительница какой-то категории внутри альдионата, и говорит в пользу того, что перед нами действительно общее определение. Ибо социальный статус альдионки и вольноотпущенницы в этих текстах равным образом определяется их происхождением, при этом для альдионки ее рождение от свободной матери является таким же конститутивным признаком, как для вольноотпущенницы акт освобождения. Однако, несмотря на эти формальные соображения текстологического свойства, разбираемое определение альдионки все же может быть вполне понято лишь как указание на наличие внутри альдионата каких-то оттенков и градаций, если не юридически оформленных категорий и групп. Ведь по существу альдионка, «рожденная свободной матерью», могла произойти лишь от брака альдия со свободной, так как браки рабов со свободными женщинами были запрещены⁹⁹, а дочь от брака альдия с альдионкой не могла бы быть обозначена как рожденная свободной матерью (если только эдикт не отождествил в данном случае ее мать-альдионку со свободной, что совершенно невероятно в силу определенности правового положения альдионата как промежуточного слоя между рабами и свободными, нередко сопоставляемого с теми и другими, но никогда с ними не смешиваемого).

И действительно, эдикт (в уже разобранном выше § 216) отдельно трактует последствия брака альдия со свободной женщиной, причем из установления тех условий, при которых такая женщина и ее дети могут сохранить свободу, явствует, что при их несоблюдении ее потомки становятся альдиями. Весьма возможно, что § 205 и имеет в виду дочь подобной свободной женщины, вышедшей замуж за альдия и не порвав-

⁹⁶ Ro, § 217.

⁹⁷ Ro, § 205: ... *haldiam alienam, id est, qui iam de matre libera nata est.*

⁹⁸ Ro, § 206: *De liberta violentiata: Si quis libertam alienam, id est ipsa persona, qui libera dimissa est, violentiam fecerit, componat solidos viginti.*

⁹⁹ Ro, § 221.

шей после смерти мужа связи с его домом и хозяйством, продолжавшей оставаться под мундиумом патрона ее мужа, в силу чего ее дети становились альдиями. А общность определения статуса альдионки в § 205 может быть отнесена за счет весьма частой неточности эдикта в дефинициях и обобщающих социальных характеристиках, тем более что в § 216 свободные (*liberi*) резко отграничены от альдиев.

Любопытно, что в обоих случаях, где понятие свободы прямо прилагается к альдиям, имеются в виду именно женщины, а так как в одном из них (в § 217) идет речь о неравных браках (о женитбе раба на альдионке), то, может быть, и в другом (в § 205) подразумеваются последствия неравных браков (т. е. женитбы альдия на свободной, превращающей — при известных условиях — дочь от такого брака в альдионку)¹⁰⁰. Если принять это толкование, то разница штрафов за изнасилование такой альдионки и вольноотпущенницы указывает на то, что альдионка, рожденная от брака альдия со свободной, выше вольноотпущенницы, хотя в общей форме эдикт определяет альдиев, как стоящих ниже либертинов — *fulcfree* (см. § 224), а в некоторых текстах прямо приравнивает альдиев к вольноотпущенникам: в частности, как раз там, где и идет речь о «потере свободы» альдионкой, выходящей замуж за раба; она поставлена рядом с вольноотпущенницей¹⁰¹, которая тоже имеет некую «свободу» и может ее потерять.

Все это говорит о пестроте «полусвободы» альдия и лишний раз подтверждает нашу мысль о многозначности понятия свободы. О том же свидетельствует и возможность превращения альдия в *haamund*¹⁰² путем его отпуска на волю или, если угодно, перевода его в высшее состояние свободы. Интересно, что патрон альдия упоминается только в том тексте, который запрещает альдию, пока он не стал *haamund*, продавать землю с сидящими на ней рабами без разрешения этого патрона; во всех остальных случаях речь идет о господине альдия (*dominus*) и альдий рассматривается как принадлежащий ему человек (ср. такие часто встречающиеся обороты речи, как «чужой альдий», — наравне с «чужим рабом», «чей-

¹⁰⁰ Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что термин *fulcfree* в сочетании с *liber* тоже прилагается в эдикте лишь к женщинам (§ 216, 257). Это объясняется, по-видимому, стремлением эдикта подчеркнуть исконность свободы обозначаемых этими терминами женщин, их положение, как свободнорожденных, полноправных свободных. Такое стремление вполне понятно в эпоху бурно идущего процесса слияния различных промежуточных социальных групп с некоторыми слоями свободных — процесса, выражавшегося, между прочим, и в распространенности смешанных браков. Подобные браки заключались не только между альдиями и свободными; нередки и случаи женитбы свободных мужчин на рабынях с правом последующего освобождения этих рабынь, что давало свободу и их потомству, которое при отсутствии акта освобождения их матери наследовало ее рабское состояние (§ 156, 222), если только отец не отпускал на волю своих детей от рабыни (§ 156). В такой социальной обстановке очень важно было строго различать женщину свободную по рождению (т. е. происходящую от свободного отца и свободной матери), и женщину, рожденную свободной матерью, но полусвободным отцом — альдием или получившую свободу путем ее отпуска на волю ее свободным мужем, и, наконец, дочь такой либертинки от ее брака со свободным.

¹⁰¹ Ср. Ro, § 217: *Si haldia aut liberta servum tulerit*.

¹⁰² Ro, § 235.

либо альдий; тот, кому принадлежит альдий») ¹⁰³, между тем как господин вольноотпущенника назван его «патроном» и «благодетелем» в двух случаях из четырех ¹⁰⁴, где он вообще упомянут. Это указывает на более тесную связь альдия со своим господином, что и понятно: ведь *libertus* раб, превращенный актом отпуска на волю в *fulfree*, т. е. человек, который приобрел некую свободу у господина, изменил свое правовое положение, а у альдия оно остается неизменным. После того как бывший раб становится вольноотпущенником, его господин становится его патроном; альдий же был и остался «полусвободным» по рождению, зависимым человеком. Это — зависимый держатель (недаром именно таковым рисуют его и § 235 эдикта Ротари, и глоссы XI в. ¹⁰⁵); поземельная его зависимость уже давно перешагнула за ту черту, по направлению к которой начинает эволюционировать поземельная зависимость разоряющегося свободного (*liber*) — будущего прекариста. Этому соответствует и личный социально-правовой статус альдия.

Альдионат, как и литство, — исконный социальный институт, распространенный у всех древнегерманских племен. Поэтому «полусвобода» альдия, как состояние промежуточное между рабством и свободой, первоначально, по-видимому, характеризовала личное правовое положение членов данного социального слоя и в этом смысле отличалась известной определенностью. В родо-племенном обществе такие понятия, как «свобода», «полусвобода» и рабство, были ясны всем и каждому; свобода считалась нормой, полусвобода и рабство рассматривались как отклонение от нее; это было естественно в эпоху господства такого уклада, при котором подавляющее большинство членов племени состояло из полноправных, свободных по рождению людей. Такой же естественной чертой данного уклада была и большая или меньшая определенность в понимании этих отклонений. Процесс социального расслоения начал усложнять эти отношения, отчасти передвигая и стирая грани между разными социальными слоями, а отчасти дифференцируя их состав и внося градации как в понятие свободы, так и в понятие полусвободы. Однако этот процесс во времена эдикта Ротари далеко еще не закончился, отсюда — пестрота оттенков в каждом из понятий.

И все же эти понятия изменялись медленнее, чем скрывавшиеся за ними реальные отношения; поэтому и самые их оттенки, хоть и созданные в ходе изменений, недостаточно отчетливо отражают результаты последних. Они лишь указывают направление развития, но не всегда фиксируют его последствия; в некотором смысле от них веет стариной. Так, при всей многозначности понятия *liber* в эдикте отсутствуют особые

¹⁰³ Ro, § 28, 127, 258 (*dominus* альдия); § 77—102 (*Haldius alienus* — наравне с *servus ministerialis*); § 246 и 235 (*haldius cuiuscumque*); § 246 (*ille cuius haldius fuit*).

¹⁰⁴ Cp. *dominus* в § 28, 217; *patronus* и *benefactor* в § 225; *dominus* et *benefactor* в § 226, где устанавливается общее правило относительно зависимости вольноотпущенников от их патронов: *Omnes liberti qui a dominis suis langobardis libertatem meruerint, legibus dominorum et benefactoribus suis vivere debeant, secundum qualiter a dominis suis propriis eis concessum fuerit*. О либертинах см. также: Ro, § 206, 218.

¹⁰⁵ Cp. глоссу к Li, § 23: *aldionem id est qui censum capitis dat* (MGH, *Leges*, t. IV, p. 418).

термины для обозначения столь различных социальных категорий, как родовые свободные и знать (родовая и служилая) ¹⁰⁶, понятие знатности входит в понятие свободы — поэтому в эдикте и нет термина *nobiles*. Но, с другой стороны, и разоряющиеся свободные, все более приближающиеся к альдиям и рабам по своему фактическому положению, терминологически не выделены в эдикте из общей массы свободных. «Свобода» каждой из этих групп, весьма различная на деле, объединяется и покрывается общим понятием «свободы» (*libertas*). Многообразие же оттенков понятия отличается неопределенностью не только в силу неформальности действительных социальных различий, но и в силу некоторого несоответствия изменения понятий ходу развития социальных отношений.

Градации и оттенки в понятии *libertas* далеко не столь конкретны, как реальные различия между разными социальными группами внутри общей массы *liberi* и между отдельными свободными. Но даже наличие двух терминов для обозначения «свободы» — *fulcfree* и *liber* — и двойственность первого из них все еще не исчерпывают реальной сложности и пестроты социального уклада лангобардского общества времен Ротари, хотя дают важное указание на основное направление его развития.

Резюмируя вышесказанное, мы можем наметить три важнейших этапа эволюции и соответствовавших ей в известной мере, хотя и отстававших от нее, изменений понятия свободы. В эпоху господства родового быта «свобода» была естественным состоянием большинства членов племени и противопоставалась лишь «несвободе» рабов; отсюда — однородность понятия свободы. «Свободный человек» и «лангобард» были синонимами. Промежуточные слои — вольноотпущенники и альдии — не играли большой роли в социальной структуре общества. Знатные выделялись из среды свободных лишь как родовитые люди. На втором этапе начинается разложение родового строя изнутри, и дальнейший ход этого процесса приводит к возникновению неравенства в среде свободных ¹⁰⁷, к увеличению числа вольноотпущенников и альдиев.

Однако это неравенство еще не раскалывает общую массу свободных на столь резко очерченные социальные группы, которые можно было бы назвать различными классами, выделившимися из этой массы, хотя оно и создает предпосылки классообразования. В соответствии с этим нет еще и оформленных групп с различным правовым статусом внутри свободных. Но уже начальная стадия расслоения в их среде создает различные оттенки в понимании «свободы». Это понятие усложняется и дифференцируется, тем более, что оно начинает противопоставаться не только «несвободе» рабов, но и «полусвободе» альдиев и вольноотпущенников, а иногда и сопоставляется с последней. Возникает потребность в различении разных степеней свободы — отсюда разграничение положения свободных сообразно их знатности, родовитости, достоинству (*in angargattung, id est secundum nobilitatem, generositatem, qualitatem personae*),

¹⁰⁶ Термин «газинд» далеко не покрывает собой всей пестроты различных групп складывающейся военно-должностной знати (дружинников короля, герцога и частных лиц и разного рода подзащитных, коммендировавшихся этим последним).

¹⁰⁷ Переход к этому этапу отражен в той картине древнегерманского общества, которую рисует Тацит.

а вместе с тем и применение исконного древнегерманского термина для обозначения «свободы» — *fulcfree*, наряду с латинским, а также двойственность самого этого термина.

И тем не менее «знатность» не выделяется особо, а включается в понятие «свободы». Это объясняется, по-видимому, тем, что старая родовая знать уже теряет свой былой вес, а новая еще не успела сложиться.

Но бурно идущий процесс разложения родо-племенных отношений извне, ускоренный и в значительной мере вызванный поселением лангобардов в Италии и связанным с этим ростом рабовладения, с одной стороны, дружинного строя, герцогской и королевской власти, с другой, ломает прежние социальные рамки и приводит к третьей стадии намеченной эволюции. Она характеризуется усилением имущественного неравенства, особенно в сфере землевладения, мобилизацией земельной собственности (вспомним разные виды земельных дарений и пожалований) и успехами процесса классообразования.

Идет быстрое размывание некогда столь широкого слоя полноправных свободных; низшие его группы все теснее сближаются по своему социально-экономическому положению с альдиями, вольноотпущенниками и рабами, высшие превращаются в газиндов короля, герцогов и частных лиц. Растут и широко распространяются патронат и коммендация, создаются предпосылки прекария и бенефиция.

Намечается двусторонний процесс слияния промежуточных слоев (альдиев, либеллариев, вольноотпущенников) с разоряющимися свободными в один класс будущих зависимых держателей и формирования новой военно-должностной знати. Однако этот процесс скорее намечился, чем оформился. В лангобардском обществе эпохи Ротари тенденция в сторону развития феодального строя еще не разрушила окончательно прежние родо-племенные отношения, но внесла крайнюю пестроту в социальный уклад лангобардского королевства. Поэтому понятие «свободы» на этом этапе становится все более многозначным, включая в себя и прежнюю «знатность» «родовитого» лангобарда, и новую «привилегированность» королевского слуги или герцогского газинда, и фактическое неполноправие малоимущего свободного.

То понятие свободы, которое было свойственно родо-племенному обществу, в этой обстановке теряет не только прежний смысл, но и свой *raison d'être*, меняет свое конкретное содержание, как бы взрывается изнутри. И все-таки оно еще сохраняется. Только на его место все более и более подставляется новая концепция этого понятия, характерная для складывающихся феодальных отношений: свобода все более отождествляется с независимостью от патрона-землевладельца. Эволюция термина *fulcfree* и его перенесение на вольноотпущенников иллюстрируют переход к этому новому пониманию свободы¹⁰⁸. Но его торжество лишь подготавливается.

¹⁰⁸ Недаром глосса XI в. к § 224 эдикта Ротари поясняет текст: *item qui fulcfree fecerit et quattuor vias ei dederit, et haamund a se, id est extraneum, non fecerit* (следующим образом: *Nac sola libertate id est fulcfreal* (очевидно, без *haamund*. — *A. H.*) *utimur modo in presenti tempore*) (*Liber legis Langobardorum Papiensis*. — MGH, *Leges*, t. IV, p. 352).

Саксонские фрилинги и эделинги (в свете 'фризских, англосаксонских и скандинавских параллелей)

При анализе Саксонской правды интересующая нас проблема нуждается в особой постановке, что обусловлено особенностями источника. По эдикту Ротари основным субъектом права является *liber*, и *liberi* составляют основную массу племени, а нобилитет как особый слой отсутствует. Поэтому выяснение социальной сущности лангобардской «свободы» по этому эдикту сводилось к установлению градаций внутри лангобардских *liberi*, к доказательству двойственности понятия «свободы» (а также и «полусвободы» — в результате сопоставления альдионата и *libertas*) и к определению социально-экономических основ указанных градаций; ориентирующей нитью служила нам при этом определенная интерпретация понятия *fulcfree*. Между тем в Саксонской правде (как и во Фризской и Тюрингской), в отличие не только от эдикта Ротари, но и от Салической и Рипуарской правд, наряду с *liberi* фигурируют и играют огромную роль нобили.

Многие исследователи, в том числе Гекк¹, усматривают отличительную черту социального строя и соответствующей ему терминологии четырех так называемых Каролингских правд (в противоположность франкским Меровингским правдам) именно в наличии и значительной роли нобилитета (в *L. Sax.* и *L. Fris.* — *nobiles*, в *L. Thur.* — *adalingi*, в *Ewa Chamavorum* — *Franci homines*). Особенно резко очерчен нобилитет в саксонских источниках.

Однако единодушие исследователей ограничивается констатированием этого факта: даже в вопросе о толковании терминов *nobilis* и *liber* в указанных Правдах (не говоря уже о том или ином понимании социальной сущности саксонского нобилитета) нет двух ученых, которые придерживались бы одного и того же взгляда. Следовательно, всякое выяснение

¹ *Ph. Heck. Beiträge zur Geschichte der Stände im Mittelalter. Bd. I. Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte, Halle a. d. S., 1900; ср. также: P. Vinogradoff. Wergeld und Stand. — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. XXIII, 1902.*

конкретного социального содержания понятия свободы по саксонским источникам должно начаться с истолкования того факта, почему в них выступают и *liberi* и *nobiles*, и что следует разуметь под теми и другими. Более того, Гекк настаивает на том, что подлинным субъектом права и носителем юридических норм (*Normträger*) у саксов является именно *pobilis*, которого, по его мнению, и следует считать полноправным свободным, свободнорожденным (*vollfrei, gutgeboren*), а отнюдь не *liber* — человек с неполной свободой, не происходящий из старинного свободного рода, «худородный» (*Minderfreie, а может быть, и вольноотпущенник*). Поэтому нам предстоит прежде всего выявить те встречающиеся в саксонских источниках противоречия, которые в силу огромной трудности их разрешения дали повод к парадоксальной концепции Гекка² и к разгоревшемуся вокруг нее ожесточенному спору о так называемой сословной проблеме (в применении главным образом к саксам и фризам, хотя сам Гекк пытался впоследствии обобщить свои выводы и распространить их и на другие варварские Правды).

Мы отнюдь не намерены брать на себя смелость «нового решения» этой проблемы: попытка такого решения вывела бы нас за рамки настоящей работы, преследующей более узкую и скромную цель; кроме того, следует иметь в виду, что наше основное стремление — искать подвижные и текучие социальные группы, а не застывшие сословно-юридические категории. Мы хотим лишь наметить те исходные пункты, с которых эта проблема начинается, и тем самым сделать понятным ее возникновение, а затем, исходя из тех же данных, что и поставившие ее исследователи, пойти своим путем в выяснении понятия «свободы» по саксонским источникам.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОСНОВНЫЕ КОНТРОВЕРЗЫ

1. В качестве носителей правовых норм и субъектов права в Саксонской правде (во всяком случае, в первой ее части)³ в самом деле выступают нобили, т. е. знатные (если придерживаться обычного и общепринятого толкования термина *pobilis*, не разделяемого Гекком). Независимо от того, будем ли мы считать, что первые 20 глав этой Правды

² Мы не ставим целью ни ее систематическое изложение, ни исчерпывающую критику и останавливаемся лишь на отдельных положениях Гекка.

³ Шрёдер делит в этом отношении L. Sax. на три части: а) гл. I—XX, где преобладают *Adelsnormen*; б) гл. XXI—XXXVIII, относящиеся ко всем сословиям; в) гл. XXXIX—LXVI (*R. Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, VI. Auflage. Berlin — Leipzig, 1922, § 31, S. 272—273*). Кроме того, он различает главы *Lex Saxonum*, содержащие постановления уголовного и частного права, относящиеся ко всем «сословиям» саксов без их особого разграничения (гл. XII—XXIV, XXVII—XXXIX, XLI, XLII, XLIV—XLVIII, LXIII, LXVI), причем в двух из них это разграничение, правда, имеет место (гл. XIX, XXXVI), но без преобладания одного из этих «сословий», и остальные главы, относящиеся прямо к необилитету. При этом он подчеркивает, что независимо от этой классификации Саксонская правда обычно указывает на правовые нормы нобилей как на своего рода масштаб (*R. Schröder. Der altsächsische Volksadel und die grundherrliche Theorie. — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. XXIV, 1903, S. 358—359*).

целиком относятся к нобилиям и формулируют только их правовые нормы (как думал уже Меркель, назвавший эту часть Саксонской правды статутом саксонской знати — *Adelsstatut*, а также Бруннер и др.), или примем какую-нибудь другую точку зрения (например, допустим — чисто гипотетически — справедливость теории Гекка и признаем, что саксонские нобили — вовсе не знатные, а полноправные свободные, и Правда, естественно, формулирует свои нормы применительно к ним), при всех возможных предположениях нам бросится в глаза одно очень важное обстоятельство: вергельды и штрафы определяются в Саксонской правде применительно к нобилиям⁴; вергельд свободного (*liber*) странным образом даже вовсе не указан, и его приходится устанавливать косвенным путем, на основании сопоставления данных двух-трех глав Саксонской правды и одной главы Рипуарской правды⁵.

Пеня за ранение ли́та устанавливается применительно к штрафу за ранение нобилия (соотношение 1 : 12, тождественное соотношению вергельдов ли́та и нобилия)⁶. Когда идет речь об убийстве серва, то в качестве возможного убийцы на первом месте назван *nobilis* и лишь после него *liber* и ли́т⁷; и наоборот, при установлении штрафа за убийство ли́том какого-либо человека по приказанию господина ли́та социальный статус этого человека экземплифицирован прежде всего как статус нобилия⁸. При определении наказания за продажу человека в рабство за пределы страны идет речь лишь о том случае, когда нобиль продает нобилия⁹, в то время как в других Правдах в аналогичном случае фигурируют *liberi*, *ingenui*¹⁰. Таким образом, в целом ряде очень важных казусов в качестве носителей правовых норм в Саксонской правде выступают *nobiles*, а не *liberi*, как в большинстве других Правд.

2. Если мы обратимся к положению саксонских *liberi*, то увидим, что они упоминаются в Саксонской правде чрезвычайно редко, а там, где упоминаются, либо фигурируют на втором месте после нобилей¹¹, либо

⁴ Cp. L. Sax., I. De ictu nobilis (MGH, Leges, t. V, p. 47. Правда прямо начинается со штрафа за ранения и увечья нобилей и продолжает их перечень в гл. I—XIII); вергельд нобилия см. гл. XIV.

⁵ Из L. Sax., XIV, где указан вергельд нобилия, XVI, где указан вергельд ли́та, LXVI где подчеркнуто, что вергельд у саксов уплачивается малыми солидами в две тремиссы, и XXXVI, § 4 L. Rib., где приводится сумма вергельда сакса в больших солидах (по три тремиссы).

⁶ L. Sax., XVI.

⁷ L. Sax., XVII: *servus a nobilis occisus*.

⁸ L. Sax., XVIII: *litus si... hominem occiderit, ut puta nobilem*.

⁹ L. Sax., XX: *si nobilis nobilem extra solum vendiderit*.

¹⁰ Cp. L. Rib., XVI: *Si quis ingenuus Ribuarium extra solum vendiderit; L. Baiuv., IX, 4: si quis liber liberum hominem furaverit et vendiderit*. Cp. L. Thur., XL; XLI. Гекк справедливо подчеркивает роль нобилия как носителя норм в главах об убийстве нобилия и о продаже человека (нобилия) в рабство, но делает отсюда неправомерный вывод о тождественности понятий *nobilis* и «полноправный свободный» в Саксонской правде, подкрепляемый неправильным толкованием сопоставлений этих данных с приведенным выше текстом из XVI главы Рипуарской правды (*Ph. Heck. Die Ständegliederung der Sachsen im frühen Mittelalter*, S. 61).

¹¹ L. Sax., XVII: *Servus a nobili occisus 36 solidis componatur... a libero* (в изд. Тилье, впрочем, *liberto*) *vel lito pleno sacramento negetur*; в XXXVI *fredus* при уплате штрафа за кражу определенного размера градуируется по социальному статусу совершившего ее лица: *si nobilis fuerit solidos 12, si liber 6, si litus 4*.

выступают как лица, находящиеся под патронатом нобилей¹². Кроме того, и L. Sax., и *Capitulatio de partibus Saxoniae* знают отношение *dominium*, которое в некоторых главах тождественно власти господина над рабом и литом¹³, а в других не приурочено к господству над теми или иными определенными социально-юридическими группами древнесаксонского общества¹⁴ и потому допускает разные толкования, в том числе и в смысле патроната нобилей над свободными. А такое толкование позволяет сопоставить *dominium* с *tutela* гл. LXIV Саксонской правды (что, между прочим, и делает Гекк).

Вергельд саксонского *liber* в шесть раз меньше вергельда нобилия¹⁵, в то время как вергельд свободного салического франка лишь в три раза меньше вергельда королевского дружинника — антрустиона, что создает впечатление, будто дистанция между саксонским *liber* и *nobilis* значительно больше, чем между свободным франком и антрустионом. Более того, и в самой Саксонской правде, и в саксонских капитуляриях ответственность за целый ряд проступков (кражу, вступление в незаконный брак, неявку в суд, отказ от крещения детей, служение языческим богам) выражается в штрафах, размеры которых различаются в зависимости от социального статуса виновного в данном проступке лица — нобилия, *liber* (*ingenuus*) или лита¹⁶, причем соотношение суммы штрафа, уплачиваемой нобилем и *liber*, обычно равно 2 : 1 (12 и 6, 4 и 2, 120 и 60, 60 и 30 солидов). Таким образом, оно в три раза меньше, чем соотношение вергельдов нобилия и *liber*, но все-таки самый принцип установления штрафов не только в зависимости от социального статуса потерпевшего и характера проступка, но и в соответствии с социальным статусом виновника (принцип, который Гекк называет *Aktivstufung*) и его применение к нобилиям и *liber* еще сильнее подчеркивают значительную разницу их социального положения.

3. Данные Саксонской правды и связанных с нею капитуляриев, с нарочитой краткостью резюмированные нами, невольно ставят исследователя перед противоречиями, которые на первый взгляд представляются неразрешимыми и безвыходными. В самом деле, *nobiles* занимают в этих источниках такое положение, какое, судя по другим варварским Правдам, должны бы занимать *liberi*, а последние, с одной стороны, занимают свойственное им в других Правдах положение (между нобилиями и полу-

¹² Lex Sax., LXIV: *Liber homo qui sub tutela nobilis cuiuslibet erat.*

¹³ L. Sax., XVIII; L; LII; LIII.

¹⁴ L. Sax., XXV; *Qui dominum suum occiderit, capite puniatur*; XXVI: *Qui filium domini sui occiderit vel filiam aut uxorem aut matrem stupraverit, iuxta voluntatem domini occidatur*; Cap. de part. Sax., XII (*Capitularia regum Francorum*, t. I, p. 69): *Si quis filiam domini sui rapuerit morte moriatur*; XIII: *Si quis dominum suum vel dominam suam interfecerit simili modo punietur. O dominum и o domini см. также: Nithard. Historiarum libri quattuor* (далее — *Nithard*), IV, 2, 6; *Annales Fuldenses*, под 842 г. Разбор этих данных см. ниже.

¹⁵ I. Sax., XIV, LXVI; L. Rib., XXXVI.

¹⁶ Lex Sax., XXXVI; Cap. de part. Sax., XIX — XXI: *Capitulare Saxonicum*, V (*Capitularia regum francorum*, t. I, p. 71); в общей форме: Cap. Sax., III: *Item placuit omnibus Saxonibus ut ubicumque Franci secundum legem solidos 15, ibi nobiliores Saxones solidos 12, ingenui 5. (6?) liti 4 componant.*

свободными литами), а с другой стороны, состоят под патронатом нобилей и, следовательно, выступают не в качестве основного свободного слоя племени саксов, а в качестве подзащитных «мундлингов» нобилей. Если считать саксонский нобилитет родовой знатью, то непонятно, почему этот слой, столь резко выделяющийся из основной массы племени и возвышающийся над нею, обладает некоторыми чертами, сближающими его с *liberi* других Правд, и в частности, почему именно его представители выступают в качестве носителей правовых норм. Если же принять саксонских нобилей за полноправных свободных (*liberi* других Правд), как это и делает Гекк, то становится непонятным, почему они столь сильно возвышаются над всей массой саксонского племени, не говоря уже о том, что при таком допущении вся социальная структура древних саксов как бы сдвигается книзу.

Если трактовать весь слой саксонских *liberi* в целом как полноправных свободных (*Vollfreie*, по терминологии Гекка, Виттиха и Гутмана), то трудно понять, каким образом этот основной слой племени стоит настолько ниже нобилитета, что его представители имеют в шесть раз меньший вергельд, чем нобили, находятся в личной зависимости от последних, да и вообще не занимают подобающего им по другим Правдам положения, что выражается, в частности, в отсутствии у них одного из основных признаков полноправного свободного — его роли как носителя правовых норм. Но если рассматривать опять-таки весь слой *liberi*, как «худородных» людей, зависимых от нобилей, как лиц с ущербной, неполноценной свободой (*Minderfreie* — по терминологии тех же ученых), приближающей их к положению вольноотпущенников, и даже включать последних в состав этого слоя (как делает Гекк), то остается непонятным и их резкое отграничение от литов¹⁷, и отсутствие упоминаний о хотя бы частичном тождестве саксонских *liberi* с вольноотпущенниками¹⁸.

4. Данные хроник, на первый взгляд, лишь усиливают безысходность намеченных противоречий и, во всяком случае, не облегчают их решение, несмотря на даваемый ими перевод латинских терминов и их сопоставление с древнегерманскими. Обратимся к этим данным.

Хроники IX—X вв., рисующие социальный строй саксов, в общем сходятся друг с другом в его изображении. Основным источником следует считать *Historiarum libri quattuor* Нитарда; дополнения, которые вносят в нарисованную им картину Видукинд¹⁹, Гукбальд и Рудольф Фульдский, не меняют существа дела и не имеют решающего значения, разве лишь за исключением данных Рудольфа Фульдского о запрете браков между представителями разных саксонских «сословий». Примем поэтому за исходный пункт рассказ Нитарда о восстании Стеллинга 841—843 гг.

¹⁷ L. Sax., XVI — LXVI; L. Rib. XXXVI. В приведенных выше главах саксонских капитуляриев соотношение штрафов, уплачиваемых *liberi* и литами, равно 2:1.

¹⁸ Мы не говорим уже о тех огромных затруднениях в истолковании семантики терминов *nobilis*, *liber*, *ingenuus*, которые встречает на своем пути гипотеза Гекка. О них будет речь ниже.

¹⁹ *Widukind. Res gestae Saxonicae.* — MGH, SS, t. III, p. 424—425.

Как известно, Нитард указывает на трехчленное деление племени саксов (на столь любезную Гекку *tripartitio*) и находит у них три социальные группы (за исключением рабов); он обозначает их и латинскими, и древнегерманскими терминами: 1) эделинги — *nobiles*, 2) фрилинги — *ingenuiles*, 3) *lazzi* — *serviles*²⁰. Рудольф Фульдский, правда, говорит о четырех группах — *nobiles*, *liberi*, *liberti* и *servi*²¹, но так как у него *liberti* занимают явным образом то же место, что *lazzi* у Нитарда, который под *serviles* разумел, конечно, не рабов, а зависимых, полусвободных людей (т. е. вольноотпущенников, литов), то его четырехчленное деление в сущности не противоречит трехчленному делению Нитарда²².

Рассказывая о восстании Стеллинга, Нитард сообщает, что «фрилинги и *lazzi*, коих было бесконечное множество», прогнали из страны своих господ и стали жить согласно старым обычаям²³. Слова «бесконечное множество» отнюдь не могут относиться только к *lazzi*, ибо этот промежуточный слой литов вряд ли составлял в IX в. большинство населения Саксонии. Скорее наоборот, их следует относить в большей мере к фрилингам-*liberi*, чем к *lazzi*, тем более что Нитард недаром поставил здесь фрилингов на первое место. Но если так, т. е. если именно фрилинги составляли основную массу племени саксов по Нитарду, то кто же были те «господа» (*domini*), которых они общими силами совместно с литами изгнали из страны? По трехчленному делению самого Нитарда таковыми могли быть только нобили-эделинги.

Но как объяснить в таком случае странное явление поголовной зависимости всех фрилингов-*liberi* от эделингов-нобилей? Когда такая зависимость возникла? Ведь Саксонская правда, вопреки Гекку, не дает никаких оснований утверждать, что все *liberi* обязательно должны были находиться под патронатом нобилей²⁴. Гипотеза решающего воздействия франкского завоевания Саксонии на общественный строй саксов по меньшей мере недостаточна для выяснения интересующего нас вопроса. Ибо за тот сравнительно краткий срок, который отделяет Саксонскую правду от хроники Нитарда, завоевание не могло привести к такому радикальному изменению этого строя, как превращение всех *liberi* в зависимых, тем более что и Саксонская правда, как бы ни датировать ее (концом VIII или началом IX в.), издана уже в самый разгар франкского завоевания (а ве-

²⁰ *Nithard*, I, IV, c. 2. *Quae gens omnis in tribus ordinibus divisa consistit etc.*

²¹ *Rudolfus Fuldensis*. *Translatio S. Alexandri*.—MGH, SS, t. II, p. 675; *Quattuor igitur differentis gens illa consistit, nobilium scilicet et liberorum, libertorum atque servorum*.

²² Весьма существенно, однако, то, что Рудольф двигает между *liberi* и *servi* еще одну промежуточную группу — *liberti*. Это настолько противоречит гекковскому толкованию *liberi* как вольноотпущенников, что он готов считать всех *liberti* Рудольфа литами, вопреки прямому смыслу слова *libertus* (*Ph. Heck*. *Die Gemeinfreien*..., S. 324—325).

²³ *Nithard*, IV, c. 2: *Frilingis lazzibusque quorum infinita multitudo est... dominis e regno pene pulsus, more antiqua qua quisque volebat lege vivebat*.

²⁴ Это отметил уже Бруннер в своей первой полемической статье против Гекка (*H. Brunner*. *Nobiles und Gemeinfreie der karolingischen Volksrechte*.—*«Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte»*, Germ. Abt., Bd. XIX, 1898, S. 103).

роятнее всего — к концу его) и, следовательно, должна была бы отразить происшедшие изменения. Наконец, *Capitulare Saxonicum*, изданный в 797 г., ничего не знает о всеобщем патронате нобилей над *liberi* и в отличие от предыдущего капитулярия даже вовсе не касается отношений *dominium*.

Но если они были и очень широко распространены, то, во-первых, они не могли еще в это время привести к полной зависимости всех *liberi* от нобилей и, во-вторых, они, конечно, не сложились в VIII—IX вв., а имеют, по-видимому, очень давнее происхождение (как явствует и из других варварских Правд, и из грамот, формул и капитуляриев). Франкское завоевание могло лишь усилить этот процесс вступления *liberi*-фрилингов в зависимость от нобилей-эделингов, но не до таких пределов²⁵.

Итак, если мы примем то сделанное нами выше допущение, что нитардовские фрилинги не составляли слоя сплошь зависимых от эделингов людей, а были полноправными свободными, то это помешает нам понять *dominium* нобилей над ними и социальный смысл восстания Стеллинга. Но если мы вслед за Гекком признаем, что фрилинги издавна были *Minderfreie* и что их зависимость от полноправных свободных — эделингов давно распространялась на *весь социальный слой* фрилингов, то это не поможет нам лучше понять ни *dominium* по Нитарду, ни социальное содержание восстания Стеллинга. Ибо тотчас же перед нами возникнет новое затруднение: как объяснить малочисленность эделингов сравнительно с фрилингами? Не могли же в самом деле полноправные свободные, составляющие обычно основную массу племени или, во всяком случае, важнейший его социальный слой, оказаться в меньшинстве и быть изгнанными из страны в результате мятежа вольноотпущенников и литов?!¹

²⁵ Само собой разумеется, что мы отнюдь не берем на себя смелость отрицать огромную роль франкского завоевания в истории Саксонии: эта роль общеизвестна. Мы хотим лишь выдвинуть следующие два положения: а) франкское завоевание не привело — да и не могло привести — в 40-х годах IX в. к полному торжеству феодальных отношений к Саксонии, а между тем превращение всех фрилингов в зависимых от нобилей держателей означало бы именно такое торжество феодализма; б) самая возможность восстания Стеллинга и его характер (союз фрилингов с *lazzi*, временное изгнание господ и возвращение к старым, т. е. варварским, обычаям) указывает на то, что процесс феодализации Саксонии в середине IX в. только еще начинался. Из этих двух положений следует: а) что отношения патроната части эделингов над фрилингами были исконным явлением дофеодального периода истории Саксонии, коренятся в ее родо-племенном строе и возникли в ходе его внутреннего разложения; б) что этот патронат отнюдь не был всеобщим. В Саксонии середины IX в. как бы уживались два уклада: складывавшийся феодальный, все более утверждавшийся в крупных церковных (и отчасти светских) вотчинах, и старый дофеодальный, варварский, отраженный в наиболее архаических нормах Саксонской правды. Но и внутри этого варварского уклада шла своя эволюция, и притом в направлении к предпосылкам феодального строя. Однако к началу IX в. она еще достигла слабых результатов. Против представления о всеобщей распространенности патроната вне пределов крупного церковного землевладения ясно говорят и жалованные грамоты, в частности данные Корвейского картулярия, если только не толковать их пристрастно в духе теории Виттиха (ср. *W. Wittich. Die Frage der Freibaueu*, S. 51—64), хотя этот памятник и отражает процесс феодального закрепощения свободных саксов крупным церковным собственником. См. об этом также ниже, стр. 156—157.

Гекк пытается выйти из затруднения ссылкой на рассказ Гукбальда о племенных собраниях саксов в Маркло, куда из каждого округа (*ex singulis pagis*) направлялись представители от всех трех социальных групп, по 12 человек от каждой, подчеркивая, что такое число представителей от нобилей указывает на их многочисленность²⁶, вполне совместимую с его толкованием нобилей как полноправных свободных. Гекк забывает при этом, что, согласно Гукбальду, и две другие группы — *liberi* (фрилинги) и *lazzi* — посылали такое же количество представителей на эти собрания, и, следовательно, если исходить из этого, то пришлось бы сделать вывод об одинаковой численности всех трех групп в каждом *pagus*, а это совершенно невероятно, да и представительство литов в народном собрании всего племени маловероятно, вследствие чего достоверность рассказа Гукбальда и подвергалась сомнению Вайцом и Рихтгофеном.

Все это настолько ослабляет силу данного аргумента Гекка, что мы вправе с еще большей настойчивостью, чем раньше, повторить наш вопрос: если эделинги — полноправные свободные, то как возможно было хотя бы временное их изгнание из страны в результате мятежа против них? Если же полноправные свободные — не эделинги, а фрилинги, то почему они объединились с литами против нобилей-эделингов? Когда последние успели стать их господами и когда все фрилинги поголовно успели впасть в зависимость от них?

Рассказ Рудольфа Фульдского о запрете браков между представителями разных социальных групп саксов лишь усиливает наши недоумения²⁷. Ибо Рудольф говорит о запрете браков (и притом под страхом смертной казни) не только между *liberi* и *liberti* или *liberi* и *servi*, что было бы понятно, но и между *nobiles* и *liberi*, что представляет собой совершенно неслыханное для варварских Правд явление, если под *nobiles* разуметь знатных, а под *liberi* свободных. Гекк²⁸ справедливо указывает на то, что ни в одной Правде нет ограничений (а тем более столь суровых запретов) браков между знатными и свободными. Он делает отсюда опять-таки тот вывод, что *nobiles* — не знатные, а *Vollfreie* и что именно поэтому и запрещены были браки между ними и фрилингами-вольноотпущенниками. Но мы уже видели, к каким непреодолимым трудностям приводит этот вывод в истолковании статуса и нобилей, и *liberi*. Но и отвергнув его мы как будто не приходим пока к более удовлетворительным результатам. В частности, запрет браков между знатными и свободными в самом деле представляется (по крайней мере, на первый взгляд) совершенно необъяснимым.

5. Таким образом, привлечение материала хроник не ослабляет остро-ту намеченных выше неразрешимых противоречий в попытках истолкования социального строя саксов VIII—IX вв. и лишь вынуждает нас повто-

²⁶ *Hucbald. Vita Lebuini.*— MGH, SS, t. II, S. 361; *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 313—314; *idem. Standesgliederung...*, S. 13, 56—57, 59.

²⁷ *Rudolfus Fuldensis*, p. 675: *sed nobilis nobilem ducat uxorem et liber liberam, libertus conjugatur libertae, et servus ancillae. Si vero quispiam sibi non congruentem et genere prestantiorem duxerit uxorem cum vitae suae componat.*

²⁸ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 332—335; *idem. Standesgliederung...*, S. 41.

речь прежние недоуменные вопросы. Но это — противоречия исследовательской мысли, и их кажущаяся неразрешимость является лишь субъективным показателем тех объективных трудностей, которые встречает на своем пути всякий опыт адекватного истолкования реальных противоречий социальной структуры саксов.

В самом деле, разные исследователи пытались выйти из этих затруднений разными путями, но *все они стремились дать такое решение задачи, которое устраняло бы противоречивость самого объекта исследования*, а это неизбежно приводило их (в том или ином пункте) к противоречию с объективными данными и создавало искусственные противоречия в ходе их рассуждений и в самих построениях. Одни²⁹ во что бы то ни стало стремились доказать, что все фрилинги-liberi являются полноправными свободными, а все нобили — знатыми, т. е. что у саксов были «сословия» знатных эделингов-нобилей и свободных фрилингов-liberi; другие (в частности и в особенности Гекк, а также — правда, с меньшей остротой — Виттих и Гутман) старались доказать противоположный тезис, что «сословие» полноправных свободных составляли именно нобили-эделинги, а liberi-фрилинги были «сословием» неполноправных свободных (Minderfreie), юридический статус которых тождествен статусу вольноотпущенников.

Обе точки зрения имеют (несмотря на их противоположность) одну общую черту, а именно стремление приурочить истолкование социально-юридической терминологии памятников к определенным сословным категориям, притом в одностороннем освещении: либо нобили — сословие знатных, а liberi — сословие свободных, либо, наоборот, нобили — сословие свободных, и тогда liberi — сословие неполноценных свободных (Minderfreie) и вольноотпущенников. Tertium non datur³⁰.

Формулируя намеченные выше противоречия, мы в сущности попеременно становились то на точку зрения ученых старой школы, то на точку зрения Гекка. В дальнейшем необходимо на конкретном материале вскрыть мнимость этих противоречий, созданных сзмой исследовательской мыслью, и показать реальность противоречий объективной действительности.

Однако в построениях Гекка, кроме уже отмеченной односторонности, есть одна черта, заслуживающая сугубого внимания с нашей стороны и даже как будто прямо предвосхищающая интересующую нас постановку вопроса: его стремление установить какие-то градации внутри широкого слоя свободных саксов, различить среди них Vollfreie и Minderfreie, най-

²⁹ Вся старая школа исследователей от Меркеля, Рихтгофена и Вайца до Бруннера и Шрёдера.

³⁰ Правда, и Бруннер, и Шрёдер, и особенно П. Г. Виноградов в своих статьях, направленных против Гекка (см. «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. XIX, 1898, S. 76—106; Bd. XXIII, 1902, S. 123—192; 193—263; Bd. XXIV, 1903, S. 347 f.) внесли ряд поправок и оговорок в трактовку проблемы, осложняющих отмеченную односторонность ее решения, и указали на возможность различий в конкретном содержании понятий nobilis и liber. Однако они не отказались от понимания саксонских liberi как сословия свободных (характерны самые заглавия их статей: «Ständerechtliche Probleme» Бруннера, «Wergeld und Stand» Виноградова) и тем самым не устранили указанную односторонность.

ти разные степени свободы. Если бы Гекк последовательно пошел по этому пути, он мог бы выйти из заколдованного круга односторонних интерпретаций. Но Гекк тотчас стал мыслить себе эти градации в духе юридически резко оформленных категорий, настолько определенных, что им обязательно должен соответствовать характерный для каждой группы вергельд; пными словами, он превратил их в сословия, и притом в сословия застылые и неподвижные, состав которых может, правда, меняться под давлением социально-экономического развития, но юридические признаки которых остаются неизменными, несмотря на перекрещивающиеся с сословными различиями воздействие социально-экономических процессов³¹. Более того, эти сословия состоят из лиц, объединенных общностью происхождения от членов именно данного, того, а не иного сословия, т. е. это не просто *Stände*, а *Geburtsstände*. Такая их концепция еще усиливает представление об их неподвижности и приводит Гекка к почти полному элиминированию идеи развития и трансформации самих сословий как юридически оформленных групп. Не внесло изменений в эту тенденцию Гекка и то само по себе очень важное обстоятельство, что он обратил особенно пристальное внимание на древнегерманские термины «эделинг» и «фрилинг», ибо он и их истолковал в духе своей сословной теории³².

Таким образом, Гекк, поставив вопрос о градациях внутри свободных саксов, сделал это с целью установить в среде этого широкого слоя не оттенки, не группы, а целые сословия, и притом в смысле *Geburtsstände*. Поэтому у него двойственность понятия свободы сводится к наличию двух сословий свободных — эделингов-нобилей и фрилингов-liberi. Это — не два понятия свободы, не две социально-экономические группы внутри слоя свободных саксов, а два разделенных непроходимой пропастью сословия свободных — полноправных свободнорожденных, происходящих из хорошего рода людей (*Vollfreie*, они же *wohlgeborene Leute*) и неполноправных, «худородных» свободных (*Minderfreie* плюс *Freigelassene und ihre Nachkommen, Fremde etc.*).

При этом Гекк совершенно игнорирует даже эволюцию правовых признаков от архаических *Geburtsstände* к новым сословиям средневекового феодального общества (от *Geburtsstände* к *Dienststände* — по терминологии юридической школы)³³, не говоря уже об отсутствии у него всякого понимания тесной и неразрывной связи правовой и социально-экономической эволюции³⁴. Поэтому его не интересуют и оттенки в положении свободных, являющиеся симптомами перехода от одного этапа этой эволюции к другому. Так вместо проблемы классовобразования возникла так называемая «сословная проблема», долго стоявшая в центре внимания исследователей социального строя раннего средневековья.

Противники Гекка в сущности так же мало вышли за ее пределы, как и он сам. Примером тому могут служить высказывания наиболее осто-

³¹ Ph. Heck, *Standesgliederung...*, S. 92—93, 122—126.

³² Ibid., S. 92.

³³ Ср. его резюме анализа «Саксонского Зерцала» — *Standesgliederung...*, S. 146.

³⁴ Ibid., S. 92.

рожного, вдумчивого и остроумного из них — П. Г. Виноградова, к тому же больше всего склонного к социально-экономическому истолкованию правовых категорий. Несмотря на эту склонность, и П. Г. Виноградов отмечает резкое разграничение «сословий по рождению» у саксов и фризов³⁵, подчеркивая, правда, что у франков *Geburtsstände* проступают слабости³⁶ и что в общем они везде и всюду подвержены процессу преобразования³⁷. Но, несмотря на эту очень важную оговорку, П. Г. Виноградов все-таки всецело стоит на почве «сословной проблемы» и поэтому недостаточно органически связывает эволюцию «сословий» с определяющим ее социально-экономическим развитием. А при истолковании социального строя саксов П. Г. Виноградов, отвергая концепцию Гекка, в то же время признает, что речь идет не об оттенках внутри сословия свободных и не о различиях в силу богатства и влияния, а о сословиях³⁸. Тем самым П. Г. Виноградов отказывается от гекковского решения «сословной проблемы», но признает законность той ее постановки, которую мы охарактеризовали выше.

Между тем «сословная проблема» в силу наличия многочисленных дефектов в самой ее постановке заслоняет от взора исследователя целый ряд других важных проблем, в частности проблему различных степеней свободы³⁹, и тем самым мешает пониманию социального строя саксов во всей его текучести и противоречивости. Эти дефекты сводятся к следующему: а) не выяснено, приложимо ли понятие «сословия» к социальным группировкам саксов, а между тем его приложимость считается само собою разумеющейся; б) поэтому соответствие вергельда социальному статусу, само по себе очень важное как признак социального расслоения и как весьма существенное право членов данного социального слоя, превращается из такого признака и показателя этого процесса в конститутивный момент, определяющий самое содержание понятий «эделинг» и «фрилинг», так что уплату и получение вергельда начинают рассматривать не как одно из прав-обязанностей сородичей эделинга и фрилинга, а как их важнейшее право, право *per excellence*, конституирующее самый их статус; в) при определении содержания понятий «фрилинг» и «эделинг» при помощи вергельда ударение делается не на реальном социальном положении защищенной данным вергельдом группы лиц, а на правовой фиксации этого положения; а так как в эту фиксацию входит и высота вергельда, то у некоторых исследователей возникает своеобразная фетишизация роли последнего⁴⁰ при установлении принадлежности к тому или иному «сословию», откуда и проистекают все сложные манипуляции Гекка с исчислением вергельда по разным Правдам, под результаты которого он потом стремится искусственно подогнать все прочие дан-

³⁵ P. Vinogradoff. *Wergeld und Stand*, S. 187.

³⁶ Ibid., S. 163—168, 169—173.

³⁷ Ibid., S. 190.

³⁸ Ibid., S. 186—187.

³⁹ Как мы видели, Гекк поставил ее, но тотчас же свел эти степени к «сословиям» и тем самым, на наш взгляд, исказил постановку вопроса.

⁴⁰ Ph. Heck. *Standesgliederung...*, S. 92. Ср. также: *idem*. *Die Gemeinfreien...*, S. 176—182.

ные о социальном строе саксов⁴¹; г) указанными причинами в значительной мере объясняется и недостаточное внимание целого ряда исследователей к оттенкам свободы, и рассуждения Гекка о невозможности определения и взимания пеней в древнегерманском процессуальном праве по слишком текучему признаку социального положения данного лица, о якобы неизбежно вытекающей отсюда застылости правовых сословных категорий⁴².

Эта коренная порочность самой постановки сословной проблемы, и в частности ее трактовки у Гекка, вынуждает нас повернуть острие его аргументации в другую сторону и спросить себя: а не сместил ли Гекк весь социальный строй саксов? И не произошло ли это смещение от того, что в Саксонской правде (и в Саксонских капитуляриях, а также и в хрониках IX—X вв.) различия в социальном статусе разных групп внутри свободных как бы затемнены передвижкой или смещением обычных для многих других Правд взаимоотношений между основными социальными слоями («сословиями» по Гекку) — свободными и знатными (фрилингами и эделингами), или, точнее, эти различия внутри широкой массы свободных выражаются в таком смещении взаимоотношений между свободными и знатыми? Не последовал ли Гекк слишком покорно за этими смещениями и, проглядев их подлинную социальную сущность, не поддался ли он соблазну буквального толкования юридических категорий памятников? Не принял ли он градации внутри свободных за те правовые группы «свободных» и «знатных» (или, в его понимании, «неполноправных» и «полноправных свободных»), которые фигурируют в наших саксонских памятниках под именем *liberi*-фрилингов и *nobiles*-эделингов, предварительно истолковав их в виде окаменелых *Geburtsstände*? А если так, то не означает ли отказ от такого смещения вместе с тем и выход из заколдованного круга «сословной проблемы»? И не лежит ли путь к ее преодолению через анализ многозначности понятий *liber* и *nobilis*?

Посильной попыткой ответить на эти вопросы будет нижеследующий анализ.

LIBERI И NOBILES В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИИ

Необходимость такой постановки вопроса, при которой в центре внимания оказывается взаимоотношение *liberi* и *nobiles*, отчасти обуславливается уже тем фактом, что анализ социального положения саксонских *liberi* почти невозможен вне связи с разбором статуса литов и *nobiles*. В самом деле, данные о самих *liberi* настолько немногочисленны, что к сделанному выше их обзору можно прибавить разве лишь различие гл. XVII Саксонской правды, в тексте которой вместо *libero* стоит в издании Тилье *liberto*. Гекк рассматривает это различие как перевод древ-

⁴¹ Из сказанного, конечно, отнюдь не следует, что мы склонны в какой бы то ни было мере умалять огромное материальное и социальное значение вергельда.

⁴² Ph. Heck. Standesgliederung..., S. 92—95.

негерманского термина *friling* через латинское слово *libertus* и считает его наличие в данном контексте доказательством своей гипотезы о тождественности саксонских *liberi-frilingi* с *Minderfreie* и либертинами⁴³. Однако вариант *libertus* вместо *liber* (а в большинстве рукописей наоборот: *liber* вместо *libertus*) может означать вовсе не перевод, а исправление, и в таком случае он свидетельствует против (хотя бы частичного) отождествления саксонских *liberi* с либертинами.

Но как бы ни толковать этот спорный текст, представление о действительном положении *liberi*, о занимаемом ими месте в ряду других социальных групп мы сможем составить лишь косвенным путем, а именно — с помощью анализа взаимоотношений их статуса со статусом литов и нобиля и привлечения параллельного материала из других Правд.

Гл. L Саксонской правды устанавливает ответственность господина за проступок, совершенный по его приказанию рабом или литом⁴⁴.

В тексте этой главы нет никаких указаний на социальный статус господина, и мы можем с одинаковым основанием подразумевать под *dominus* и *liber*, и нобиля, тем более что и по классификации Шредера гл. L принадлежит к числу тех глав Саксонской правды, которые относятся не только к нобилям, но и ко всем социальным слоям племени саксов. С этой точки зрения не лишено интереса то обстоятельство, что Фризская правда при изложении аналогичного процессуального казуса, т. е. проступка раба (и в частности убийства) по подстрекательству господина, предусматривает различные возможности в смысле социального статуса убитого и убийцы: в начале (I, § 16—18) на первом плане статус убитого, который может быть нобилем, *liber* или литом, а на втором плане — статус господина того раба, который совершил убийство, и при этом господин может быть *nobilis*, *liber* или *litus*⁴⁵ (в зависимости от этого меняется характер присяги, число и социальное положение соприкасающихся); затем — в § 19—21 — на первом плане социальный

⁴³ Ph. Heck. Beiträge zur Geschichte der Stände im Mittelalter. Bd. II, Der Sächsischenspiegel und die Stände der Freien. Halle a. d. S., 1905, S. 684; *idem*. Standesgliederung..., S. 32.

⁴⁴ L. Sax., L: Quicquid servus aut litus iubente domino perpetraverit, dominus emendat.

⁴⁵ L. Fris. (MGH, Leges, t. III, p. 656 sq.), I, § 16: Si nobilis erat, qui occisus est, et nobilis ille cuius servus est, cum tribus sacramentalibus iuret; § 17: Si liber erat qui occisus est, duas partes praedicti sacramenti cum duobus nobili et uno libero iuret; § 18: Si litus erat (interfectus.— A. H.) ipse (dominus servi.— A. H.) medietatem sacramenti cum uno lito iuret; § 19: Si dominus servi liber est, et nobilis qui occisus est, sua sexta manu pro servo sacramentum perficiat; § 20: Si suae conditionis, id est liber erat (interfectus.— A. H.) cum, tribus aequae libertis iuret; § 21: Si litus erat (очевидно, dominus, как это явствует и из всей шкалы § 19—20 и из того факта, что лит уже фигурировал в качестве убитого в § 18) cum uno liberi sacramentali iuret. Из приведенных текстов ясно, что в § 16 и убитый, и господин раба — nobilis, в § 17 убитый liber, а господин раба — nobilis; в § 19 — наоборот: убитый — nobilis, а господин раба — liber, в § 20 и тот и другой liberi, в § 18 господин раба — nobilis, а убитый — лит и, наконец, в § 21 господин раба — лит, а убитый — liber. Таким образом, Фризская правда разбирает чуть ли не все возможные комбинации представителей разных социальных слоев — nobiles, liberi, liti — в роли господина совершившего убийство раба и в положении убитого, меняя местами социальный статус потерпевшего и виновника (каковым является господин раба).

статус господина того раба, который совершил убийство, а статус убитого — уже на втором плане.

Из этого явствует следующее: 1) во Фризской правде *liberi* (и даже литы) выступают в качестве носителей правовых норм наравне с *nobiles* или, во всяком случае, наряду с ними; 2) фризские литы могли иметь рабов так же, как и лангобардские альдии; 3) фризские *domini* могли быть и нобилиями, и *liberi*, и даже литами. Пока остановим наше внимание на последнем выводе. При общепризнанной близости Фризской правды к Саксонской мы имеем право приложить его к гл. I Саксонской правды. Тогда мы придем к заключению, что и саксонские *domini* не обязательно были нобилиями и что, во всяком случае, *dominus* интересующей нас главы мог быть и *liber*⁴⁶. Отмеченная выше одинаковость оснований в пользу толкования саксонского *dominus* в качестве нобилия и *liber* получает подкрепление в тексте Фризской правды. А это очень важно для общего понимания *dominium* у саксов, который, по-видимому, отнюдь не исчерпывался патронатом нобилей над *liberi*. Почему не предположить возможность *dominium* одних *liberi* над другими? К разысканию материала для ответа на этот вопрос мы еще вернемся. А пока проведем одно сопоставление данных Саксонской и Фризской правды, по вопросу о нобилиях как носителях правовых норм.

Выше было отмечено, что гл. XX Саксонской правды, наказывая продажу в рабство (подобно убийству) уплатой вергельда, имеет в виду лишь продажу нобилия нобилем⁴⁷, в то время как Рипуарская, Баварская и Тюрингская правды говорят в аналогичном случае о продаже одного *liber* или *ingenuus* другим⁴⁸, и что Гекк из сопоставления этих данных сделал вывод о тождественности понятий *nobilis* и «полноправный свободный» в Саксонской правде. Между тем Фризская правда и в этом случае, как и в деле расследования убийства, совершенного рабом по подстрекательству его господина, предусматривает возможность принадлежности как виновника, так и потерпевшего и к нобилиям, и к *liberi*⁴⁹.

Это обнаруживает необоснованность приведенного выше вывода Гекка, сделанного им из сопоставления данных Саксонской правды с материалами Рипуарской и Баварской правд, а кроме того, лишний раз подтверждает, что у фризов, близких по своему общественному строю к саксам, носителями норм были в равной мере и *nobiles*, и *liberi*. Тем самым сопоставление данных всех цитированных выше Правд, касающихся продажи в рабство, указывает на роль *nobiles* как *Normträger* и на их исклю-

⁴⁶ Литом он быть не мог, ибо здесь идет речь о господине раба или лита (впрочем, в L. Fris. встречается и лит, состоящий в зависимости от лита).

⁴⁷ L. Sax., XX: Si nobilis nobilem extra solum vendiderit et reducere non potuerit conponat eum ac si occidisset; si vero reduxerit eum, emendet ei iuxta quod placitare potuerit; si autem ille sua sponte reversus fuerit, medietatem werigildi ejus conponat.

⁴⁸ L. Rib., XVI: Si quis ingenuus ingenuum Ribuarium... vendiderit; L. Baiuv., IX, 4; L. Thur., XL, XLI.

⁴⁹ L. Fris., XXI. De plagio: Si quis hominem vel nobilis nobilem aut liberum, vel liber liberum vel liber nobilem extra patriam vendiderit, conponat eum ac si ab ipso fuisset interfectus.

чительное положение лишь в первых 20 главах L. Sax., но отнюдь не во всей Саксонской правде.

Теперь мы можем вернуться к проблеме саксонского патроната и *dominium*. Гл. XVIII Саксонской правды говорит о *dominium* господина над литом, гл. LXIV — о патронате нобилия над *liber homo*. В целях наиболее объективного выяснения интересующего нас вопроса о возможности *dominium* одних саксонских *liberi* над другими разберем сначала каждую главу отдельно (с привлечением параллельных данных из других источников), а затем попытаемся сопоставить результаты анализа этих глав. Гл. XVIII гласит: «Если лит по приказанию или подстрекательству своего господина убьет какого-либо человека — положим, нобилия, — то господин лита должен заплатить композицию или нести последствия файды. Если же лит сделал это без ведома господина, то он изымается из-под власти господина и отдается вместе с семью своими сородичами в распоряжение родственников убитого, а господин лита должен принести очистительную клятву с одиннадцатью соприсяжниками в том, что он не замешан в убийстве и не знал о нем»⁵⁰.

Любопытно сравнить этот текст с гл. XI «Фризской правды»: «Если какой-либо свободный человек (*liber homo*), добровольно или понуждаемый к тому крайней необходимостью, отдаст себя в зависимость (*in servitium*) на [несвободном] положении лита и в качестве такового нобилию, свободному (*liber*) или даже литу, а потом захочет это отрицать, то пусть тот, кто приобретет его в качестве лита, скажет ему: «Либо я клятвой при помощи шести, семи, десяти, двенадцати или даже двадцати соприсяжников сделаю тебя моим литом, либо ты должен освободиться из-под моей власти при помощи клятвы с твоими соприсяжниками»⁵¹.

Оставляя пока в стороне рассеянные в гл. XVIII Саксонской правды любопытные намеки на характер саксонского литства (наличие у лита сородичей и пр.), к которым мы еще вернемся, отметим прежде всего следующее обстоятельство. Гл. XVIII говорит о зависимости лита от господина (*dominus*), не определяя точнее социальный статус последнего; из анализа гл. L того же памятника и из ее сопоставления с главой Фризской правды мы уже знаем, что таким господином лита у саксов мог быть и *nobilis*, и *liber*. Но гл. XI Фризской правды говорит о возможности превращения в лита и *liber homo*, который может стать литом, и нобилия, и *liber*, и даже лита; таким образом, она свидетельствует о наличии у фризов *dominium* одних *liberi* над другими, но в форме довольно тяжелой зависимости — литства, определяемого как *servitium*. Она указывает и

⁵⁰ L. Sax., XVIII: *Litus si per iussum vel consilium domini sui hominem occiderit ut puta nobilem dominis compositionem persolvat vel faidam portet. Ei autem absque consensu domini hoc fecerit, dimittatur a domino et vindicetur in ille et aliis septem consanguineis eius a propinquis occisi, et dominus liti se in hoc conscium non esse cum undecim juret.*

⁵¹ L. Fris., XI. De lito, § 1: *Si liber homo spontanea voluntate vel forte necessitate coactus nobili seu libero, seu etiam lito in personam et in servitium liti se subdidit et postea se hoc fecisse negare voluerit, dicat ille qui eum pro lito habere visus est: Aut ego te cum conjuratoribus meis sex vel septem vel decem vel duodecim, vel etiam viginti sacramento meo litum faciam vel tu cum tuis conjuratoribus de mea potestate te debes exusare.*

причину возникновения такой зависимости — «крайнюю необходимость», под которой конкретно можно разуместь либо недостаток средств к существованию, либо социальную приниженность, неспособность защитить себя от притязаний и притеснений сильных людей (и то и другое является показателем роста социальной и имущественной дифференциации).

Однако, во-первых, в разбираемой главе Фризской правды идет речь о таком *dominium* одних *liberi* над другими, который приводит к превращению подзащитных в литов, а не о том патронате, при котором эти подзащитные продолжают числиться свободными людьми — *liberi homines*; во-вторых, данные Фризской правды нельзя механически переносить на материал Саксонской правды. Поэтому обратимся к свидетельствам последней о патронате.

Гл. LXIV гласит: «Свободный человек (*liber homo*), состоявший под покровительством какого-либо нобилия (*sub tutela nobilis cuiuslibet*), если тот (либо *nobilis*, либо *liber* — смысл неясен. — *A. H.*) уже отправлен в изгнание, в том случае, ежели он (т. е. *liber homo*. — *A. H.*) захочет в силу необходимости продать принадлежащее ему наследственное имущество (*hereditatem suam*), должен прежде всего предложить его своему ближайшему родственнику, а если последний откажется его приобрести, то пусть предложит его своему патрону (*tutori suo*), либо тому, кто назначен королем в качестве опекуна этого имущества: если же и он откажется купить его, то пусть продаст кому пожелает»⁵².

Эту главу, несомненно, следует рассматривать в тесной связи с гл. LXII L. Sax.: «Никто не имеет права передавать свое наследственное владение (*hereditas*) в качестве дарения кому бы то ни было, кроме церкви и короля, для того, чтобы тем самым не лишить своего наследника его (законного) наследства, за исключением того случая, когда его (дарителя) побудит к этому крайняя нужда и голод и он сделает это с целью получить материальную помощь от лица, принявшего дарение; а рабов можно и дарить, и продавать»⁵³.

Независимо от того, кто подвергается изгнанию, согласно гл. LXIV L. Sax. — *nobilis* или *liber homo*, ясно, что текст этой главы имеет в виду

⁵² L. Sax., LXIV: *Liber homo qui sub tutela nobilis cuiuslibet erat, qui iam in exilium missus est, si hereditatem suam necessitate coactus vendere voluerit, offerat eam primo proximo suo; si ille eam emere noluerit, offerat tutori suo, vel ei qui tunc a rege super ipsas res constitutus est; si nec ille voluerit, vendat eam cuicumque libuerit.* Текст предписания сформулирован столь неясно, что подал повод к спорам о том, кто именно отправлен в изгнание — *liber homo* или *nobilis*. Одни исследователи — Гаупп (*E. Th. Gaupp. Recht und Verfassung der alten Sachsen. Breslau, 1837, S. 105, 114*), Вайц (*G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte Bd. III. Berlin, 1880, S. 152, Anm 2*), Бореццус (*A. Boretius, in: «Historische Zeitschrift», Bd. XXII, 1869, S. 148*) — полагали, что речь идет об изгнании патрона, т. е. нобилия, другие — Рихтгофен (*K. von Richthofen. Zur Lex Saxonum, Berlin, 1868*), Виноградов (*P. Vinogradoff. Wergeld und Stand, S. 185—189*), — считали, что имеется в виду изгнание *liber homo*. Гекк («*Die Gemeinfreie*», S. 336—337) присоединился к первому мнению.

⁵³ L. Sax., LXII: *Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi, ut heredem suum exheredem faciat, nisi forte famis necessitate coactus, ut ab illo qui hoc acceperit sustentetur; mancipia liceat illi dare ac vendere.* Разрешение продавать и дарить рабов без всяких ограничений указывает на то, что в состав понятия *hereditas* в широком смысле входит и недвижимость.

случай личной и материальной зависимости саксонского *liber* от нобиля, который, очевидно, является патроном этого *liber homo* с правом предпочтительной покупки его владения, — правда, лишь во вторую очередь, т. е. после того, как это право будет предоставлено родственникам подзащитного.

Однако наиболее существенным для выяснения интересующей нас проблемы является то обстоятельство, что самый вопрос о частичных правах патрона на распоряжение имуществом подзащитного *liber homo* возникает по вполне конкретному поводу — в связи с вынужденной продажей им своего наследственного владения. Если гл. LXIV L. Sax. говорит при этом о некоей «необходимости», сущность которой не определена точно и которую поэтому сторонники отнесения *exilium* к *liber homo* и усматривали в факте его изгнания, то в гл. LXII того же памятника эта «необходимость» конкретизируется как «крайняя нужда, вызванная голодом», и подчеркивается, что она может послужить причиной дарения. Следовательно, она же могла явиться и причиной вступления того или иного *liber homo* под патронат нобиля, тем более что такое вступление всегда связано в той или иной мере с материальной зависимостью, на наличие которой, правда, в разной форме, указывают и LXII и LXIV главы.

Дарение могло быть и причиной вступления в зависимость типа патроната, а гл. LXII указывает на то, что дарения были вообще распространены у саксов и могли иметь место не только в случаях крайней необходимости и полного разорения дарителя; но обычное право, стоявшее на старых архаических позициях, боролось с ними, так как они нередко приводили к разорению если не самого дарителя, то его наследника, а потому оно запрещало их, ограничивая их применение исключительными случаями⁵⁴. Из сказанного следует, что гл. LXII и LXIV Саксонской правды в равной мере трактуют конкретные казусы и что поэтому их данные не следует слишком обобщать, перенося их и на другие случаи. А именно: из гл. LXII ясно, что дарения были распространены у саксов, но степень их распространенности установить на основании ее данных нельзя. Точно так же из главы LXIV явствует, что некоторые *liberi homines* находились у саксов *sub tutela nobilium* и попадали они в это положение под давлением необходимости; но так как речь идет здесь о конкретном казусе, возникающем в результате изгнания из страны одного из контрагентов (нобиля или *liber* — безразлично), то нельзя делать из этой главы вывод, что все саксонские *liberi* находились под патронатом нобилей. Любопытно, что гл. LXII не определяет социального статуса ни

⁵⁴ Аналогичную тенденцию обычного права мы наблюдаем уже в эдикте Ротари (см. выше, гл. II). Там тоже запрещалось лишать наследника законного наследства в результате дарственных актов (Ro, § 168, 170, 171). Но сходство между характером дарений у саксов и лангобардов идет дальше: и в эдикте Ротари упоминается материальная помощь дарителю со стороны получателя (правда, в иной форме), и там фигурирует та же *necessitas* — только не в качестве причины дарения, а в качестве причины продажи уже подаренного ранее владения (§ 173). В составе объектов продажи и дарения в этом эдикте прямо названа земля (§ 173), которая, по-видимому, включалась в *hereditas* (ср. § 168, 170—171, 173). Но практика дарений в эдикте Ротари гораздо более разработана, чем в L. Sax.

дарителя, ни получателя, так что мы имеем одинаковые основания как принять первого за *liber homo*, а второго за нобилей, так и трактовать обоих в качестве *liberi*.

Итак, из сопоставления данных Саксонской и Фризской правд мы узнаем, что: а) у саксов был распространен *dominium* и нобилей, и *liberi* над литами; б) что часть саксонских *liberi* вступала под патронат нобилей, а некоторые передали свое наследственное достояние лицам разного социального положения (может быть, нобилем, а может быть, и *liberi*); в) что у фризов свободные люди (*liberi*) попадали в литскую зависимость от нобилей, от *liberi* (и даже от литов!). При этом и продажа некоторыми саксонскими *liberi*, вступившими под патронат нобилей, своего имущества, и передача саксами дарений другим лицам (нобилям или *liberi*), и переход части *фризских liberi* на положение литов мотивируется одной и той же причиной — «крайней необходимостью».

Перед нами — несомненные признаки процесса социальной дифференциации внутри основной массы членов саксонского и фризского племени.

Сделанные сопоставления подкрепляют предположение о возможности патроната или *dominium* одних *liberi* над другими. Основная масса племени, конечно, могла состоять только из равноправных свободных, а никоим образом не из возвышающегося над ними (по рождению или по социальному удельному весу — все равно) слоя нобилей. Но превратил ли указанный процесс всю эту массу в зависимых от нобилей людей, в *Minderfreie* в том смысле, в котором понимал это Гекк? Гекк настаивает на том, что особенность юридического казуса, зафиксированного в гл. LXIV *L. Sax.*, заключается не в наличии самого патроната нобилей над *liber homo*, а в возможности изгнания патрона. Тот факт, что ударение сделано именно на этом, по его мнению, заставляет, во всяком случае, отказаться от мысли о необычности и исключительности патроната нобилей над *liberi*. Данные же о восстании Стеллинга и о наказаниях за проступки по отношению к *domini* приводит его к выводу, что зависимость фрилингов от их «господ» была именно такой, какая отображена в главе LXIV⁵⁵. Следовательно, фрилинги-*liberi* — это *Minderfreie*, находящиеся под патронатом нобилей. Эту цепь умозаключений Гекк выдвигает против утверждения Бруннера, что не все *liberi* обязательно должны были находиться под патронатом нобилей и что это, во всяком случае, не следует из гл. LXIV Саксонской правды.

Однако вопрос о том, кто именно осуждается на изгнание согласно гл. LXIV — патрон или подзащитный, т. е. *nobilis* или *liber homo*, — как мы видели выше, с трудом поддается удовлетворительному разрешению, так что ставить тезис об изгнании патрона во главу угла аргументации — значит весьма ослабить ее убедительность. К тому же данные о восстании Стеллинга, как мы еще постараемся показать, могут быть истолкованы иначе.

В согласии с Бруннером Гекк справедливо подчеркивает, что право преимущественной покупки, частично предоставленное патрону при наличии острой нужды у подзащитного, позволяет сделать заключение о пра-

⁵⁵ *Ph. Heck. Die Gemeinfreie...*, S. 337.

ве вмешательства патрона в распоряжение имуществом мундлинга и в обыкновенных случаях⁵⁶. Но, сопоставляя гл. LXIV L. Sax. с данными о преступлениях против *domini* в гл. XXV, XXVI L. Sax. и в гл. XII—XIII *Capitulatio*, Гекк слишком поспешно обобщает свидетельства о смертной казни за эти преступления и расширительно истолковывает недоказанную еще им распространенность патроната всех нобилей над всеми *liberi*, рисуя на этой основе чрезвычайно строгую зависимость *Minderfreie* от *Vollfreie* — зависимость, которую он решается даже обозначить термином *Hörigkeit*⁵⁷. Гекк опирается на то, что в гл. XXV—XXVI L. Sax и XII—XIII *Capitulatio* не обозначен статус преступника. Это позволяет, по его мнению, предполагать, что соответствующее наказание (смертную казнь) мог понести и зависимый фрилинг, провинившийся по отношению к своему патрону⁵⁸.

Однако, несмотря на всю неопределенность формулировки этих глав в L. Sax. и *Capitulatio*, в Саксонской правде ясно различимы *dominium* над литами и сервами (гл. XVIII, L, LII) и *tutela* над *liberi* (гл. LXIV). Правда, грань между *dominium* и *tutela* может иногда и стираться, и тогда патронат фигурирует в качестве частного (но все-таки весьма специфического) случая *dominium*, примеры чему мы находим во Фризской правде и в эдикте Ротари⁵⁹. Но отсюда ни в коем случае не следует, что все относящееся к *dominium* вообще (и в частности к *dominium* над литами и сервами) можно прилагать к патронату нобилиа над *liber homo* (или, тем более, одного *liber* над другими!)

Dominium саксонских нобилей и *liberi* над литами и сервами в некоторых отношениях действительно приближает положение последних к *Hörigkeit* (хотя статус лита, в свою очередь, двойствен)⁶⁰, а иногда и совпадает с нею, но патронат нобилиа над *liber homo* еще далек от нее, хотя и тут возможны различные виды и оттенки зависимости (вспомним сопоставление гл. LXII и LXIV L. Sax.). Однако самое их многообразие указывает на то, что отношения, отраженные в гл. LXIV (и LXII) Саксонской правды, представляют собой некий переходный этап от древнегерманского *mundium* родо-племенной эпохи к новым, более тяжелым формам зависимости. Во всяком случае, данные о смертной казни за преступления против *domini* нельзя механически переносить на истолкование главы LXIV. И это тем более, что социальный статус *domini* нигде не обозначен — не только в тех главах (L. Sax., XXV—XXVI; *Capitulatio* XII—XIII), в которых не назван и статус зависимых от них лиц (на чем

⁵⁶ Ph. Heck. Die Gemeinfreie..., S. 336.

⁵⁷ Ibid., S. 336—337.

⁵⁸ Ibid., S. 357.

⁵⁹ Ср. L. Fris., XI, где *liber* отдается на положении лита под власть другого *liber*, нобилиа или даже лита, причем его зависимость обозначена как *servitium*. Ср. также Ro, § 224—226, где термины *dominus* и *patronus* иногда употребляются в одинаковом смысле: *Item qui fulcfree fecerit... et haamund a se id est extraneum non fecerit, talem legem patronus cum ipso vivat etc.* (§ 224); *omnes liberti qui a dominis suis langobardis libertatem meruerint legibus dominorum et benefactoribus suis vivere debeant...* (§ 226); в § 225 лицо, сохраняющее власть над вольноотпущенником, обозначено как *benefactor* и *patronus*.

⁶⁰ О двойственности положения лита см. ниже, стр. 157 сл.

делает ударение Гекк), но и в тех, где он совершенно ясно указан (например в L. Sax., XVIII, L).

Любопытно, что Нитард, рисуя знаменитую tripartitio, в рассказе о восстании Стеллинга не называет господ фрилингов и lazzi нобилями, а ограничивается их обозначением как domini. Это не значит, конечно, что в данном случае перед нами — не нобили, но это значит другое: наши источники упорно (и вопреки Гекку) не хотят отождествлять понятия domini и nobiles. Очевидно, это явление можно объяснить лишь тем, что *первое было шире второго*. Особенно показательно такое нежелание у Нитарда, ибо в его рассказе эти понятия несомненно почти совпадают. Но, по-видимому, при выборе терминологии Нитард имел в виду возможность (пусть более редкую) их частичного несовпадения, да к тому же nobilis и dominus, вероятно, были для него категориями разного порядка. Nobilis — категория социального деления всего саксонского племени, dominus — категория частного господства одного лица над другим, nobilis — во всяком случае, не liber (как бы ни понимать социальное содержание того и другого термина у Нитарда), dominus может быть и nobilis, и liber.

Гекк совершенно отвергает последнюю возможность и считает, что она исключена для всех тех, кто отождествляет понятия liber и Vollfreie, ибо он не допускает и мысли о патронате одного полноправного свободного над другим (следовательно, с точки зрения его концепции, невозможен патронат одного нобили над другим, так как для него Vollfreie не liberi, а nobiles). При этом он прилагает этот тезис не только к Саксонской правде, но и к другим варварским Правдам, да и вообще ко всем основным источникам по социальному строю раннего средневековья⁶¹.

Однако эти памятники не подтверждают его тезис. Так, по эдикту Ротари существует полная свобода двоякого происхождения: а) приобретенная путем отпуска на волю (и притом, вопреки Гекку, не обязательно перед лицом короля, а также и через посредство акта, произведенного частным лицом) и б) унаследованная по рождению. Последняя обозначается в эдикте древнегерманским термином fulcfree. Но, с одной стороны, мы встречаем ихор libera, id est fulcfreea (Ro, § 216), а с другой стороны, fulcfree может означать и неполную свободу (Minderfreiheit, по терминологии Гекка). Такая неполная свобода свойственна вольноотпущенникам частных лиц, не освобожденным последними изпод их патроната. При совершении особого (устного) акта отказа от патроната (путем процедуры in quadrubium и последующего объявления отпускаемого на волю haamund a se, id est extraneum) fulcfree приобретал полную свободу (certa libertas) (Ro, § 222).

Итак, статус fulcfree + haamund = certa libertas = Vollfreiheit; в то же время fulcfree = Vollfreiheit. В первом случае полная свобода — результат полного освобождения раба, а во втором — свобода по рождению. Отсю-

⁶¹ Ph. Heck. Standesgliederung..., S. 42 (печать идет о L. Sax., LXIV.— A. H.). Гекк подкрепляет свою мысль тем, что слово Munt не употребляется для обозначения политической зависимости полноправного свободного держателя от вотчинника.

да следует прежде всего, что *Vollfreiheit* не обязательно коренится в происхождении и что не все *Vollfreie*, вопреки мнению Гекка, свободные по рождению, «старосвободные», «свободнорожденные». Но из применения одного и того же древнегерманского термина *fulcfree* (кстати сказать, и фонетически, и семантически очень близкого к термину *friling*) и к вольноотпущеннику с неполной свободой, и к полноправному свободнорожденному в одном и том же памятнике вытекает многозначность этого термина, неустойчивость его содержания, наличие колебаний в его употреблении⁶². Но так как и свободный по рождению лангобард легко мог впасть в положение чьего-либо мундлинга в результате акта дарения (ср. *Ro*, § 167, 177), то эти колебания в словоупотреблении термина *fulcfree* становятся понятными. Лангобардский *liber* — он же и *fulcfree* (в смысле полной свободы) — мог находиться под патронатом другого такого же *liber*⁶³.

Двойное значение *fulcfree* не должно нас удивлять еще и потому, что в англосаксонских и скандинавских памятниках мы встречаем германские термины, объемлющие и полноправных свободных, и вольноотпущенников, причем некоторые обозначают наряду со свободными лишь либертинов высшего разряда.

Таков, например, термин *folcfrý* (кстати сказать, фонетически тождественный лангобардскому *fulcfree*) в законе кентского короля Уитреда 695—699 гг.⁶⁴ Любопытна в этом отношении терминология скандинавских (норвежских) памятников, которые строго различают либертинов низшего и высшего разряда (*frjalsgjafi* и *leysingi*), а самое освобождение разбивают на два отдельных акта: предоставление свободы (*gefa frelsi*) и процедуру угощения либертином его патрона (*Haltung des Freilassungsbieres*) с уплатой последнему соответствующей выкупной суммы. Эта процедура дает формальное право на переход из низшей в высшую категорию либертинов; либертины низшего разряда — *frjalsgjafi* — отличаются от *leysingi* тем, что в течение четырех поколений сохраняют зависимость от патрона, выражающуюся в несении либертином и его потомками определенных повинностей и в правах патрона наследовать их имущество, а также защищены менее высокими пенями и пр. В том случае, если *frjalsgjafi* или кто-либо из его потомков выполнит процедуру угощения патрона, он тотчас же в силу этого переходит в разряд *leysingi*, причем некоторые западнонорвежские законы предписывают совершение этого акта всякому либертину, желающему стать самостоятельным сельским хозяином (*Frostathingslög*, IV, 55); в противном случае этот переход совершается механически в пятом поколении. *Leysingi*, в свою очередь, сохраняют в течение четырех поколений некоторую связь с патроном, но она гораздо слабее и выражается только в том, что патрону принадлежит право наследования имущества либертина и его потомков до пятого поколения лишь в случае отсут-

⁶² Подробнее см. выше, гл. II.

⁶³ Обоснование этого тезиса дано во II главе нашей работы.

⁶⁴ *Wihfred*, 8.— *F. Liebermann*. *Die Gesetze der Angelsachsen*, Bd. I (подробнее см. ниже, стр. 139).

ствия у него прямых законных наследников. В соответствии с этой большей независимостью leysing от его бывшего освободителя уже сын leysing защищен более высокими пенями, чем сам leysing, и социальное положение сына leysing (leysingasonr) распространяется и на его внуков и правнуков.

Таким образом, потомки frjalsgjafi лишь в девятом поколении приобретают полную свободу (если только до этого не произойдет второй акт освобождения — символическая процедура угощения патрона пивом), а потомки leysingi лишь в пятом поколении достигают полной независимости от патрона⁶⁵. Поэтому полноправным свободным считается в древнорвежском праве лишь тот, кто имеет по крайней мере четырех свободнорожденных предков по прямой восходящей линии, т. е. принадлежит к роду свободнорожденных людей в полном смысле этого слова. Ибо ведь и сын frjalsgjafi, и leysing (если он произошел в соответствующем поколении от frjalsgjafi), а в особенности сын leysing мог именоваться свободнорожденным⁶⁶. Однако в данном случае его «свободнорожденность» еще не тождественна полноправию: лишь по прошествии установленного числа поколений потомство frjalsgjafi причисляется к роду (aett) leysing, и потомство последнего (leysings aett) превращается в родовой союз полноправных свободных⁶⁷.

Для обозначения полноправного свободного норвежские законы употребляют различные термины: aettborin, т. е. «рожденный в составе родового союза (aett) полноправных свободных», и árborinn маðr; последний термин К. Маурер переводит как «рожденный в начале времен» (от корня *ar* — «давнишний», «исконный»), что значит: «человек, давно (в целом ряде поколений) принадлежащий к полноправным свободнорожденным людям»⁶⁸. Однако термин árborinn маðr употребляется в норвежских законах в двойном смысле — для обозначения полноправных свободных, никогда не имевших в своей родне либертинов (хотя бы и высшего разряда), и для обозначения таких полноправных свободных, которые могли принадлежать к представителям пятого поколения потомков leysing. Двойное значение данного термина явствует уже из юридической процедуры доказательства свободы, описанной в одном из западнонорвежских сборников обычного права (Frostathingslög, IX, 10): в том случае, если истец объявляет себя патроном ответчика и требует от него соответствующих повинностей, то истец обязан доказать, что ответчик — его вольноотпущенник, а последний — доказать, что он уже совершил освободительный акт угощения пивом или заключил с патроном заменяющий этот акт договор, прекращающий отношения патроната (иными словами, должен доказать, что он leysing, а не frjalsgjafi. — А. Н.), после

⁶⁵ Cp. K. Maurer. Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte, Bd. I. Altnorwegisches Staatsrecht. Leipzig, 1907, § 7, S. 103—124; *idem*. Die Freigelassenen nach altnorwegischem Rechte. — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München», Jg. 1878, Bd. I, S. 54 f.

⁶⁶ K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 122—123.

⁶⁷ K. Maurer. Die Freigelassenen..., S. 64—65.

⁶⁸ K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 123.

чего он освобождается от несения соответствующих повинностей. Если же ответчик утверждает, что «он — *árborinn maðr*», то ему нужно доказать при помощи свидетельских показаний двух других *árborinn*, что он принадлежит уже к пятому поколению потомков *árborinn maðr*, т. е. что его предок в пятом поколении уже был *árborinn maðr*. Если он не сможет доказать это указанным способом, то он имеет право прибегнуть к божьему суду с целью доказательства его принадлежности к *árborinn aett* ⁶⁹.

Гекк считает *leysing* не освобожденным в силу акта угощения пивом, а лишь имеющим право на такое освобождение. Поэтому он полагает, что лишь в более поздних законах (к которым принадлежит *Frosthingslög*) это право, раньше принадлежащее исключительно либертинам высшей категории, получили и либертины низшего разряда, т. е. первые четыре поколения потомков либертина (которых он называет *Neulibertinen*), между тем как следующие поколения вплоть до девятого (которых он называет *Altlibertinen*) стали освобождаться и без осуществления этого права. До этого указанная форма освобождения через процедуру угощения патрона пивом была, по Гекку, привилегией представителей последующих поколений либертинов (от пятого до девятого) и являлась лишь формальным завершением процесса освобождения в результате смены соответствующего числа поколений ⁷⁰.

В этом духе он толкует и приведенный выше текст, опираясь, кроме того, и на его заглавие («О тяжбе между *leysing* и его патроном»): по его мнению, в первой его части идет речь об освобождении через процедуру угощения пивом, а во второй — в силу смены соответствующего числа поколений. Иными словами, в первой части устанавливается тот факт, что ответчик принадлежит к первым четырем поколениям либертинов, но уже проделал указанную процедуру, а потому освобожден от повинностей по отношению к патрону; во второй части доказывалось, что он свободен от них в силу его принадлежности к девятому поколению независимо от этой процедуры, а это можно доказать лишь ссылкой на то, что ответчик — представитель пятого поколения либертинов высшей категории или «давнишних либертинов» (*Altlibertinen*), по терминологии Гекка.

Во второй части разбираемого текста ответчик доказывает, по мнению Гекка, свою принадлежность не к полноправным свободным, а именно к этой высшей категории либертинов. Следовательно, *árborinn maðr* — либертин высшего разряда, а не полноправный свободный по рождению ⁷¹; это — обозначение поздних потомков либертина ⁷².

Однако приведенное толкование страдает крайней искусственностью. Предположение Гекка, что *leysing* — не освобожденный в силу процедуры угощения пивом, а лишь имеющий право на такую форму освобождения, остается недоказанной и трудно доказуемой гипотезой, а эволюция

⁶⁹ Перевод текста, изложенного нами выше, см.: *Ph. Heck. Die Gemeinfreien, Anhang IV. Hóldar und Ethelinge*, S. 423.

⁷⁰ *Ibid.*, S. 425, 428—429.

⁷¹ *Ibid.*, S. 424.

⁷² *Ibid.*, S. 422.

положения обеих групп либертинов, нарисованная Гекком, не обосновывается им никак и ничем, кроме чисто формального сопоставления вергельдов и пеней. Поэтому гораздо более естественным представляется нам толкование К. Маурера. По его мнению, в первой части текста ответчик доказывает, что он — *leysing*, а не *frjalsgjafi*, а во второй — что он полноправный свободный, а не *leysing*⁷³. Во втором случае дело сводится к доказательству принадлежности ответчика к свободному роду (*árborinn aett*). Но свободный род мог произойти двояким путем: либо от свободных полноправных предков, либо в результате превращения *leysings aett* в *árborinns aett* через пять поколений после совершения процедуры угощения патрона пивом или заключения заменяющего ее договора. Следовательно, ответчику предстояло доказать, что не только он сам, но и его предки вплоть до пятого поколения по восходящей линии уже не принадлежали к *leysings aett*: иначе могло бы оказаться, что ответчик — свободный по рождению, но так как эту свободу приобрел лишь его отец или дед *leysing*, то и он принадлежит еще к *leysings aett*, а не к *árborinn aett*, т. е. вступило бы в силу приводимое Гекком возражение⁷⁴.

Отсюда ясно, что термин *árborinn maðr* употребляется в разбираемом тексте оба раза в различном значении: по отношению к ответчику он употреблен в том смысле, что тот не принадлежит к *leysings aett*, а по отношению к его предку в пятом поколении по восходящей линии в том смысле, что этот предок мог быть последним представителем *leysings aett*, чье потомство уже превращалось в *aett borin*. Ибо ответчику важно было доказать, что в его роду не было предков-*leysing* ближе пятого поколения.

К. Маурер справедливо обращает внимание на то, что доказательство ответчиком этого факта исключает возможность предварительного доказательства истцом либертиинства ответчика⁷⁵. Следовательно, данный текст трактует два разных казуса, и ответчик, вопреки Гекку, вовсе не либертин в обоих случаях, а лишь в первом. Более того, первый и второй казус, очевидно, предполагают выступление в роли ответчика двух разных лиц.

Как бы то ни было, из изложенного ясно, что термин *árborinn maðr* отнюдь не обозначает просто-напросто вольноотпущенника (хотя бы и высшей категории), но охватывает кроме того и полноправного свободного. Как показывает семантика слова, это человек, предки кото-

⁷³ Гекк (*ibid.*, S. 424) категорически отрицает возможность оспаривания принадлежности ответчика к либертинам во второй части разбираемого текста, мотивируя свое отрицание следующим соображением: «В правовом памятнике, устанавливающем продолжительность пребывания в состоянии либертина более чем на пять поколений (по крайней мере, в отношении прав патрона на наследование имущества либертина), отрицание принадлежности к либертинам не может быть доказано ссылкой на наличие четырех свободных предков».

⁷⁴ См. предыдущее прим. Возражение Гекка и тут нельзя принять целиком, ибо он слишком сближает оба разряда либертинов, а потому говорит о продолжительности либертинажа более чем на пять поколений.

⁷⁵ К. Maurer. *Vorlesungen...*, Bd. I, S. 117, S. 122—123.

рого давно свободны (каким путем — безразлично). Нередко он, однако, обозначает даже не «давно свободного», а просто полноправного свободного (как и *aett borin*), притом в противопоставлении вольноотпущеннику⁷⁶. Это подтверждается также и тем, что *árborinn maðr* всегда защищен более высокими пенями, чем даже потомки *leysing*⁷⁷.

Другой термин, обозначающий и полноправных свободных, и вольноотпущенников, встречается в норвежских повествовательных источниках и в исландских юридических памятниках — *frelsingi*. Семантика этого слова буквально совпадает с семантикой слова «фрилинг» (если только не придерживаться филологических толкований Гекка)⁷⁸: *frels* — свободный (как и *fri*).

К. Маурер приводит параллель между терминами *frelsing* и *rekstegn*. Последний встречается, между прочим, и в *Frostathingslög* и означает свободного человека, не имеющего собственного хозяйства и поэтому вынужденного вступать в зависимость от другого свободного; *rekstegn* занимает промежуточное положение между *árborinn maðr* и потомками *leysing* (*Leysingjysnir*). Термин *frelsing* употребляется, по мнению К. Маурера, приблизительно в том же смысле, что и *rekstegn* (т. е. для обозначения полноправного свободного, впадающего в материальную зависимость. — А. Н.), с той лишь разницей, что он охватывает наряду со свободнорожденными также и отпущенных на волю домашних слуг, а потому большей частью применяется для обозначения вольноотпущенников. «Но именно поэтому, — прибавляет К. Маурер, — этот термин и нельзя рассматривать как обозначение сословной категории в строго юридическом смысле»⁷⁹.

Следовательно, термин *frelsing* охватывает и вольноотпущенников, и те слои полноправных свободных, «свободнорожденных», которые принуждены были в результате процесса имущественной дифференциации вступить в материальную зависимость от других полноправных свободных, и в этом смысле он не совпадает по своему реальному социально-экономическому содержанию ни с термином «фрилинг» (несмотря на семантическое их сходство), ни с термином *árborinn maðr*, который часто равнозначен *bondi*, т. е. представителям основной массы полно-

⁷⁶ К. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 116—117.

⁷⁷ Ibid., S. 124.

⁷⁸ Впрочем, близость обоих терминов признает и Гекк, хотя он и придерживается иного толкования корня *fri* (*Ph. Heck. Die friesischen Standesverhältnisse in nachfränkischer Zeit. Tübingen, 1907, S. 197*).

⁷⁹ К. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 124—125. Гекк (*Ph. Heck. Die friesischen Standesverhältnisse in nachfränkischer Zeit, S. 196—197*) странным образом делает из вышеприведенного рассуждения К. Маурера тот вывод, что именно по мнению последнего термин *frelsing* означает не «свободного человека или происшедшего от свободных людей», а «зависимого свободного, прежде всего вольноотпущенника», и считает это аргументом в пользу своего толкования саксонско-фризских фрилингов. Между тем К. Маурер настойчиво подчеркивает, что термин *frelsingi* охватывает наряду со свободнорожденными также и отпущенных на волю домашних слуг» (*daß er neben freigebohrenen auch noch die freigelassenen Hausdiener mit umfaßte*), и из всего хода его мыслей, как и из параллели с *rekstegn*, ясно, что, по его мнению, исконное, первоначальное значение термина *frelsingi* — «свободнорожденный, впадавший в зависимость», а вовсе не либертин.

правных свободных, ведущим самостоятельное крестьянское хозяйство и, может быть, выступавшим в роли хозяев материально зависимых слуг — «фрельсингов».

Однако семантическая близость терминов «фрельсинг» и «фрилинг» не случайна: если принять предложенное К. Маурером толкование первого из них, то она указывает на то, что исконным значением обоих было: «свободнорожденный», «полноправный свободный». Но скандинавский термин проделал большую эволюцию, чем его саксонско-фризский собрат: с ростом социально-экономического расслоения внутри полноправных свободных обитателей древней Норвегии из их среды выделился некий — по-видимому, количественно мало значительный — слой лиц, которые, оставаясь свободнорожденными, но потеряв хозяйственную самостоятельность, стали вступать в экономическую зависимость от своих же свободных соплеменников; эта материальная зависимость на первых порах, по-видимому, не лишавшая их бывшего юридического и политического полноправия, т. е. права участия в политической жизни племени, впоследствии стала приводить к его сужению, все более и более усиливая их подчиненное положение в качестве чьих-то — пусть лично свободных — слуг. А это привело со временем к их смешению с теми домашними слугами, которые не были свободны по рождению, а приобрели свободу в силу отпуска на волю, что и выразилось в двойственном значении самого термина *frelsingi*. в его частичном перенесении на вольноотпущенников. Намеченная эволюция норвежских фрельсингов лишней раз подтверждает и многообразие градаций внутри свободы в варварском обществе, и возможность зависимости одних свободных (в смысле «полноправных свободнорожденных») от других, причем в процессе усиления этой зависимости первые начинают частично утрачивать ряд признаков своей свободы и своего полноправия.

Итак, различные юридические памятники эпохи варварского права в Западной Европе содержат целый ряд древнегерманских терминов, охватывающих полноправных свободных и вольноотпущенников, но с тем различием, что одни обозначают наряду со свободными лишь либертинов высшего разряда, как норвежский *árboginn maðr*, англосаксонский *folcfrý* и отчасти лангобардский *fulcfrée*, другие не дают возможности судить о том, каких именно вольноотпущенников они включают в одно понятие наряду со свободными по рождению (так, может быть, обстоит дело с саксонскими фрилингами), а третьи объединяют в одну группу низший в социально-экономическом отношении слой свободнорожденных с низшими либертинами (норвежский и исландский термин *frelsing*).

Но из наличия таких древнегерманских терминов с двойственным словоупотреблением отнюдь не вытекает тождество *liber* и либертинов у тех племен, юридические памятники которых редактировались на латинском языке. Из этого факта можно сделать другой вывод — о социальном расслоении внутри *liberi*, приводящем к двойственности терминологии и к смешению прежде однозначных категорий. Аргументом в пользу этого положения является преобладание в памятниках, отредактированных на древнегерманских диалектах, терминов, объединяющих свободных по рождению именно с вольноотпущенниками высшего раз-

ряда. Ибо это значит, что данные термины частично были перенесены со свободнорожденных на либертинов, а не наоборот; такой ход эволюции подтверждает обычно и их семантика.

Если мы после этого отступления вернемся к параллели между саксонскими фрилингами и лангобардскими *fulcfree* и к вопросу о возможности патроната одних саксонских *liberi* над другими, то увидим, что привлеченный нами из специальной литературы дополнительный материал существенно подкрепляет правомерность утвердительного ответа на этот вопрос.

Частичное отождествление терминов *fulcfree* и *liber* в эдикте Ротари тоже подтверждает справедливость нашего предположения, ибо лангобардских *liberi* даже Гекк⁸⁰ не решится принять сплошь за *Minderfreie*, мундлингов и вольноотпущенников.

Но тут мы подходим к одному из решающих пунктов концепции Гекка и всего спора вокруг «сословной проблемы», а именно — к вопросу о методике интерпретации древнегерманских правовых терминов и их сопоставления с латинскими юридическими терминами. Гекк построил следующую гипотезу: ранние памятники (например Салическая и Рипуарская правды) были сформулированы на древнегерманских диалектах, а затем переведены на латинский язык. Но перевод происходил в самой грубой форме: слог за слогом, буква за буквой. Поэтому и мы должны по тому же методу совершать обратный перевод с латинского языка на древнегерманские диалекты, если хотим составить точное представление о первоначальном тексте. Для этого надо прежде всего держаться смысла отдельных слов, даже по возможности корней этих слов⁸¹.

Кроме того, надо различать обычное (узусальное) словоупотребление от окказионального применения того или иного латинского термина, т. е. от его употребления по какому-нибудь конкретному поводу⁸². Так, например, *ingenius* надо производить от корня *genus* и сопоставлять с происхождением *Adaling* от корня *Adel* — «род»; тогда станет ясным совпадение терминов *ingenius* и *adaling*. Оба они значат, по Гекку, одно и то же: *Geschlechtling*, *Mann von Abkunft*, т. е. родовитый человек, «свободнорожденный»⁸³. Изменения в технике перевода и в значении

⁸⁰ Виттих, правда, сделал и такое допущение, но ничем не обосновал его, кроме механического перенесения точки зрения Гекка на эдикт Ротари (*W. Wittich. Die Frage der Freibauern*, S. 32—34).

⁸¹ *Ph. Heck. Die Gemeinfreie...*, S. 109.

⁸² *Ph. Heck. Die Standesgliederung...*, S. 35.

⁸³ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 109. В специальной литературе эти филологические конструкции Гекка не встретили сочувствия, что не мешало Гекку в позднейшей обобщающей работе («*Die Standesgliederung...*») презрительно упрекать всех его противников в «латинизме». В частности, по поводу приравнивания *genus* и *Adal* Бруннер решительно возражает против предложенного Гекком толкования *L. Rib.*, LXVII, § 5 (*si quis pro hereditatem vel pro genuitatem certare coeperit*), где Гекк интерпретирует *genuitas* как перевод *adaldom* (*Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 112). Бруннер справедливо замечает по этому поводу, что *genuitas* — просто-напросто испорченное *ingenuitas*, как явствует уже из одного сопоставления рукописей Рипуарской правды группы «А» и группы «В», тем более что при пропуске сокращенного обозначения предлога *in* в рукописи легко могла возникнуть такая замена. При этом Бруннер указывает на *genio* вместо *ingenio* у Лиутпранда (§ 30). В Салической правде

самых латинских терминов, происшедшие в Каролингскую эпоху, привели к тому, что *adaling* стал переводиться не через *ingenuus*, а через *nobilis*⁸⁴.

В свете этих соображений Гекк и толкует семантику терминов «фрилинг», «эделинг», а также их латинских эквивалентов. Слово *friling* образовано при помощи суффикса *linga* от *fri*, *frei*, а не от глагола *frig* — «освобождать». Суффикс *linga* имеет главным образом уменьшительное значение; поэтому *friling* может обозначать *der Kleinfrei*.

Но это уменьшительное значение не обязательно присуще слову «фрилинг». Все дело в конкретном смысле определенных текстов наших памятников, т. е. в том контексте, в котором встречается слово «фрилинг». А их толкование зависит, во-первых, от нашего понимания соответствующих латинских терминов, а во-вторых, от того места, которое мы отводим фрилингам в древнесаксонской *tripartitio*, в частности по отношению к эделингам⁸⁵. *Liber*, по мнению Гекка, соответствует германскому *frei* в широком смысле слова и обычно противопоставляется *servu*, но иногда может приобретать и значение *Minderfrei*, как в Алеманнской и Баварской правдах⁸⁶. Термин *ingenuus* проделал такую эволюцию, что можно говорить о старом меровингском и о новом каролингском *ingenuus*. Старое значение этого слова, отраженное в меровингских правдах (в *L. Sal.* и в древнейших главах *L. Rib.*), — полноправный свободный (*der gemeinfreie Germane*); новое его значение, все более и более выступающее в каролингских памятниках, тождественно *liber* и должно быть понимаемо как *frei* — свободный в широком смысле этого слова, в том числе и в смысле неполной свободы — *Minderfreiheit*. *Ingenuus* в последнем смысле соответствует древнегерманскому «фрилинг»⁸⁷. Когда это новое значение термина *ingenuus* стало преобладающим, слово «эделинг» стали переводить через *nobilis*.

Для подкрепления этого филологического доказательства своей мысли о тождественности полноправных свободных эделингов *nobilis*, а неполноправных фрилингов *ingenui* Гекк приводит текст одного фризского памятника, содержание которого имеет ближайшее отношение к интересующему нас вопросу о природе полной и неполной свободы у саксов. Памятник этот особенно интересен тем, что редактирован на древнефризском диалекте и дает пояснение смысла слов «эделинг» и «фрилинг». Однако правильное его понимание вряд ли может быть достиг-

ingenuus, по мнению Бруннера, обозначает полноправного свободного (*des gemeinfreien Franken*), но в противоположность Гекку он полагает, что редакторы текста *L. Sal.* не думали о смысле корня *ingenuus* и о классическом его словоупотреблении (*H. Brunner. Ständerechtliche Probleme*, S. 238, 3; 239, 2).

⁸⁴ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 63, 113.

⁸⁵ Раньше Гекк полагал, что суффикс *linga* может обозначать и происхождение от кого-либо, и особое свойство какого-нибудь лица. Таково, собственно, было мнение филолога Т. Зибса, автора соответствующих глав в первой большой работе Гекка («*Die altfriesische Gerichtsverfassung*» (см. S. 228—229). Но потом Гекк начал настаивать на уменьшительном значении этого суффикса (см. «*Die Gemeinfreien...*», S. 46, «*Die Ständesgliederung...*», S. 30).

⁸⁶ *Ph. Heck. Die Gemeinfreie...*, S. 62—63.

⁸⁷ *Ibid.*, S. 63 ff.

нута путем привнесения в его интерпретацию предвзятого взгляда на семантику и филологический генезис самих терминов, как делает Гекк. Скорее этого можно добиться путем проникновения в его содержание с привлечением параллельных латинских текстов из других памятников, с тем чтобы из анализа самого содержания уяснить смысл слов «эделинг» и «фрилинг».

И это тем более, что данный памятник представляет собой фризский комментарий к латинскому тексту, тут же переведенному на фризский диалект⁸⁸.

Комментарий Рюстрингской судебной книги (Rüstringer Rechtshandschrift) к Kûre, 8 дает следующие определения эделинга и фрилинга: «Вот кто такие эделинги: это — все свободные (fria) фризы, которым король Карл, папа Лев и епископ Лиудгар передали собственность и свободу (etheldom and fria halsar ovir lendon) в той мере, в какой они являются свободными и законнорожденными (в тексте: fri and fulberen, — Гекк переводит эти слова как frei and vollgeboren) и в их роде, среди их предков не было никаких незаконнорожденных лиц.

Вот кто такие фрилинги. Если случится, что свободная женщина (fri wif) выйдет замуж за несвободного мужчину (enne ueppene man) и родит от него четырех сыновей, а после смерти мужа откажется от его имущества (владения) и, стоя в дверях, спустит с плеч накидку, то она тем самым сделает свободными (fri) своих сыновей и себя»⁸⁹ (опускаем пока определение лита).

Гекк настаивает на том, что приведенный текст доказывает неполную свободу фризских фрилингов и полную свободу эделингов; фрилинги здесь Minderfreie, эделинги — Vollfreie. Он соглашается со своими противниками (в частности с Эрнстом Мейером) в том, что Рюстрингский комментарий дает в сущности не общее юридическое определение фризских сословий и не дефиницию фрилинга, а лишь пример, поясняющий его статус. Однако, по мнению Гекка, самый выбор примера является решающим. Он не хочет согласиться с Э. Мейером, что этот выбор определяется также и стремлением установить и формулировать правовую норму относительно грани между свободой и несвободой. По Гекку, этот пример мог быть избран автором комментария лишь в том случае, если он связывал со словом «фрилинг» представление о неполноправном свободном (Minderfreie)⁹⁰.

⁸⁸ Kûre, 8, лат. текст: Vel est Landraph tunc jurabunt IV nobiles et IV liberi et IV minus nobiles. Во фризском тексте nobiles переданы как ethelingon; liberi — frilingon; minus nobiles — letslachton (литы). Цит. по: Ph. Heck. Die Gemeinfreien..., S. 48. Cp. idem. Die Standesgliederung..., S. 28—29.

⁸⁹ Thet'sehd ethelinga: alle fria Frisa ther thi kining Karl and thi papus Leo and this biskop Liudgere etheldom and fria halsar ovir lendon, alsa fir sare fri and fulberen were and fon alderon to jungeron nena horonga nere. Thet send frilinga: hwersa en fri wif nimth enne eynene man and ther bi fiuwer knapa tiucht and thenne efter thes eyna mannes dathe sin god up jeft antha lotha twisk tha duron of there axla falla let and tha knapa and hia selvon fri makath; K. v. Richthofen. Friesische Rechtsquellen. Berlin, 1840, S. 539; cp. Ph. Heck. Die Gemeinfreien..., S. 48. idem. Die Standesgliederung..., S. 28—29; idem. Die altfriesische Gerichtsverfassung, S. 243—247.

⁹⁰ Ph. Heck. Die Gemeinfreien..., S. 51—54.

Очевидно, Гекк толкует Рюстрингский комментарий в том смысле, что фрилингами следует считать сыновей свободной женщины и несвободного мужчины, т. е. лиц, происшедших от неравных браков. Однако ударение в приведенном тексте сделано вовсе не на том, что эти сыновья произошли от несвободного отца, а на том, что они — после совершения их матерью известного символического обряда, означающего ее и их отказ от притязаний на имущество ее мужа и их отца — все-таки сохраняют свою старую свободу. Отказ от имущества несвободного отца рассматривался, очевидно, как разрыв всяких связей с ним и его статусом, следовательно, и как устранение последствий происхождения от такого несвободного.

Для всякого, кто не ослеплен предлагаемой Гекком филологической интерпретацией термина «фрилинг» и всей его предвзятой концепцией, ясно, что Рюстрингский комментарий хочет сказать следующее: фрилинги — это свободные, имеющие настолько полную и прочную, так сказать, «надежную» свободу (вспомним выражение *certa libertas* в § 224 эдикта Ротари!), что они могут — при соблюдении известных условий (отказ от родства с несвободным отцом) — сохранить ее даже в случае происхождения от неравного брака.

Данный пример мог быть выбран (вопреки толкованию Гекка) именно для того, чтобы подчеркнуть эту возможность и тем самым — полнoprавие фрилингов. Это тем более правдоподобно, что в других памятниках, в частности в эдикте Ротари, мы имеем аналогичную трактовку полноправных свободных, притом связанную с изображением сходного казуса — неравного брака. Правда, в этом эдикте описание данного казуса не приурочено к выяснению значения того или иного древнегерманского термина, но подобный термин, очень близкий к саксонско-фризскому *friling*, а именно — *fulcfree*, фигурирует в тексте описания. Эта близость содержания и терминологии (несмотря на расхождения в деталях) позволяет нам сопоставить Рюстрингский комментарий и § 216 эдикта Ротари. В этом параграфе сказано, что свободная, вышедшая замуж за альдия, может после смерти мужа вернуться к своим родным при соблюдении двух условий — уплаты ими мундиума хозяину умершего альдия и ее отказа от имущества покойного мужа (последнее условие является в Рюстрингском комментарии единственным); и сыновья ее при соблюдении тех же условий могут покинуть отцовский дом и идти куда угодно в качестве свободных (*liberi*)⁹¹.

Хотя в данном случае муж свободной женщины — альдий, а не несвободный, это не имеет решающего значения для проводимой нами параллели. Важно, что в обоих случаях сыновья приобретают — путем разрыва связей с домом несвободного или полусвободного отца — полную свободу, точнее, вновь обретают ее, возвращают себе свободу, утраченную от их свободной матери. Однако лангобардские *liberi* — *fulcfree*⁹² отнюдь не происходят только от таких неравных браков, ибо:

⁹¹ Ro, § 216. Ср. выше, гл. II, где дан подробный разбор этого параграфа.

⁹² Полная свобода и ее характер у лангобардов подробно охарактеризованы в гл. II данной работы; там же см. и ряд соображений о двойственности термина *fulcfree* и его частичной тождественности *liber*.

1) жена альдия в § 216 сама обозначена как *uxor libera id est fulcfreea*, хотя нигде нет даже намека на ее происхождение от неравного брака; 2) в том случае, если бы она осталась после смерти ее мужа-альдия в прежнем доме, ее дочь сделалась бы альдионкой, а не свободной⁹³, не *libera*.

Лангобардские *fulcfree* (за исключением тех случаев, когда этот термин под влиянием социальной дифференциации в среде свободных прямо прилагается к вольноотпущенникам, как в § 224—225 Ro) первоначально такие же полноправные свободные, как и фризские фрилинги. А это проливает свет и на саксонских фрилингов. И термин *liber* в эдикте Ротари тоже первоначально прилагается к полноправным свободным⁹⁴; во всяком случае, в этом памятнике нет и следа того замаскированного появления на арене социальной жизни вольноотпущенника под псевдонимом *liber* или *ingenius*, возможность которого Гекк предполагает у фризов и саксов. Но так как внутри этих *liberi* — *fulcfree* шел процесс социальной дифференциации, то не все они сохраняли свою прежнюю полную свободу; это приводило и к градациям в понятии свободы, и к многозначности терминов. *Показателем именно этого процесса и некоторых его успехов и является необходимость регламентации статуса сыновей свободной женщины (libera id est fulcfreea), вышедшей замуж за альдия; усилением этого процесса объясняется и выбор примера в Рюстрингском комментарии, а вовсе не тем, что у фризов (как и у саксов) фрилинги будто были обязательно и всегда неполноправными свободными, происходившими от неравных браков*⁹⁵. В связи с изложенным уместно

⁹³ Это явствует из сопоставления § 216 с § 205, 217, 221 (см. выше гл. II).

⁹⁴ Еще Бруннер мимоходом отметил, что употребление термина *liber* в смысле «свободный» вытекает уже из применения термина *fulcfree* в эдикте Ротари (§ 216 и 224) и использования слова *freea* в эдикте Лютпранда (§ 94, 120), где идет речь о дурном обращении со свободной женщиной (в частности вдовой. Ср. Ro, § 182), находящейся под чьим-либо мундизмом (*H. Brunner. Ständerechtliche Probleme, S. 236*).

⁹⁵ Некоторую аналогию к Рюстрингскому комментарию и к § 216 Эдикта Ротари дает один из сборников западнонорвежского права (*Gulathingsslög, § 63, — In: R. Keyser og P. A. Munch. Norges gamle love, t. I. Christiania, 1846*), казуистически регулирующий браки между либертинами разных категорий, а также между либертинами и свободными. Согласно этому закону, брак либертина низшего разряда (еще не совершившего процедуру угощения патрона пивом) с полноправной свободной женщиной считается недействительным, а дети от такого брака воспитываются за счет их свободной матери и ее родни и, следовательно, остаются независимыми от патрона их отца (ср. *K. Maurer. Die Freigelassenen...*, S. 70—71). Существенные отличия этого постановления от разобранных в тексте казусов заключаются в том, что брак расторгается и что муж свободной женщины — не альдий и не несвободный, а либертин низшего разряда. Однако эти различия опять-таки не имеют решающего значения для хода нашего доказательства, ибо норвежский либертин низшей категории — полусвободный человек, находящийся в тесной зависимости от патрона и обязанный даже несением ему известных повинностей; следовательно, его положение очень близко к альдионату и отчасти даже к несвободе. Что же касается расторжения подобного брака, признаваемого незаконным, то оно, по-видимому, происходило не сразу и не всегда, на что указывает уже самый факт регулирования положения детей.

Самое важное для правомерности проводимой аналогии то, что прекращение такого неравного брачного сожития неполноправного мужчины с полноправной свободной женщиной влечет за собою (путем разрыва связей с домом мужа) возвращение их детям полной свободы, унаследованной ими от матери, — независимо от

коснуться и гекковского толкования семантики слова *fulberen* в Рюстрингском комментарии. По его мнению, оно вообще обозначает «человека, рожденного сообразно предъявляемым требованиям» (*den Anfordringen entsprechend geboren*), а *ethel* означает человека, происшедшего от «хороших предков» (*normal, gut geboren*), что в общем одно и то же. Но в Рюстрингском комментарии оно имеет более узкое значение — происхождения от законного брака, ибо здесь подчеркивается, что речь идет о свободнорожденном, среди предков которого не было незаконнорожденных лиц⁹⁶.

Этому толкованию Гекк придает большое значение при определении статуса эделинга, ибо для него эделинг — прежде всего *gut geboren, wohl geboren* (ср. *fulberen*).

При этом Гекк склонен нарочито смешивать два возможных значения «хорошего происхождения»: одно — социальное, в смысле знатности (так как для него знатность — прежде всего родовитость, а не вес, влияние, политическая власть, богатство и пр.) и другое — коренящееся в представлениях семейного права и имеющее смысл: рожденный в законном браке. Это смешение проистекает у него из стремления показать, что неполноправные свободные, т. е. фрилинги, — «худородные» люди, к тому же с большой примесью незаконнорожденных, происшедших от неравных браков, а полноправные свободные, т. е. эделинги, — «родовитые люди», притом законнорожденные и происшедшие от браков старосвободных между собою.

Однако памятники не проводят такого смешения, а наоборот, разграничивают социальное и семейно-правовое значение происхождения человека и различают более низкий социальный статус и незаконнорожденность. Уже Бруннер отметил, что хотя лангобардские глоссы и поясняют слово *threus*, что значит «внук от незаконного сына» (*Ro*, § 157), при помощи *ignobiliter natus, non nobilis*, тем не менее это не позволяет нам делать какие бы то ни было умозаключения относительно социального положения такого незаконнорожденного, ибо незаконные сыновья по эдикту Ротари могут происходить от свободной женщины, участвуют

того, происходит ли это превращение вследствие смерти мужа или в результате расторжения брака. В том случае если бы прекращение такого брачного сожителства не имело места, дети от подобного неравного брака вовсе не были бы неполноправными свободными (*Minderfreie*, по Гекку), а стали бы по норвежскому праву либертинами низшего разряда (точно так же как они сделались бы по эдикту Ротари альдиями). Это явствует из того, что в случае женитьбы даже либертина высшего разряда на полноправной свободной их дети, согласно *Gulathingslög*, сохраняют зависимость от патрона (через посредство их отца), а согласно *Frostathingslög IX*, § 11 (*R. Keyser og P. A. Munch. Op. cit.*) на $\frac{2}{3}$ остаются в материальной зависимости от их отца и его патрона (в вопросах наследования и опеки). Ср. *K. Maurer. Die Freigelassenen...*, S. 71—72, 79. Следовательно, и в норвежском праве дети от неравных браков полусвободного мужчины со свободной женщиной вовсе не входили в состав особого сословия неполноправных свободных, а наследовали либо статус их полусвободного отца (который превращался через ряд поколений в полную свободу), либо статус их свободной матери. А это является немаловажным дополнительным аргументом против гекковского толкования фрилинга в Рюстрингском комментарии.

⁹⁶ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 52.

в наследовании и, во всяком случае, сами являются свободными людьми и даже причисляются к роду отца (Ro, § 154—156) ⁹⁷.

Таким образом, факт их незаконного рождения не влияет на их социальный статус ⁹⁸. К этим наблюдениям Бруннера следует еще прибавить, что термином *fulboran* в эдикте Ротари обозначен законный сын, и как раз в параграфе, трактующем различия наследственных прав законных и незаконных сыновей ⁹⁹. Следовательно, эдикт столь же мало придает термину *fulboran* значение повышенного социального статуса, как термину *filius naturalis* — смысл пониженного статуса. А это обстоятельство в значительной мере ослабляет убедительность гекковского толкования *fulberen* в Рюстрингском комментарии.

Между тем Гекк и в своей более поздней работе, специально посвященной социальному строю фризов в послекаролингскую эпоху, продолжает настаивать на своей интерпретации *fulberen* в Рюстрингском комментарии в духе смешения двух различных признаков — социального и семейно-правового — и подчеркивает, что *nobilitas et libertas* в латинском тексте *Küre*, 7 соответствует фризскому *etheldom and fria halsar* в комментарии *Küre*, 8, т. е. как раз в том тексте, где дано определение фризского эделинга и где в этой связи встречается спорный термин *fulberen* ¹⁰⁰. Из этого сопоставления и из приравнивания оборота *nobilitas et libertas* к немецкому *Adelfrei* Гекк делает тот вывод, что в Рюстрингском комментарии эделинги — свободно- и законнорожденные фризы («безупречнорожденные»), фрилинги — несвободнорожденные люди, достигшие впоследствии «свободы», а *fulberen* — человек, рожденный в таком браке, который по народным обычаям имеет «законную силу» «полноправного брака» между разными по положению, свободными людьми, т. е. брака, дающего потомкам полноправие ¹⁰¹.

⁹⁷ H. Brunner. *Ständerechtliche Probleme*, S. 206—207.

⁹⁸ В случае происхождения незаконных сыновей от сожителства отца с чужой рабыней они могут стать свободными в результате освобождения отцом их матери (Ro, § 156). Если же они родились от сожителства их отца с его собственной рабыней, то он может, сделав ее своей законной женой, превратить и их в законных сыновей (Ro, § 222). Аналогичные постановления знает и норвежское право. Так, сыновья от брака свободного мужчины с несвободной женщиной считаются полноправными свободными в том случае, если их мать была отпущена на волю до их рождения или если они были отпущены на волю либо их свободным отцом, либо родичами последнего до достижения ими трехлетнего возраста. В первом случае сын от такого брака обозначается как *fell frjáls á jörd*, во втором — как *tyborinn sonr* (*Gulathingslög*, § 61, 57, 104), причем *tyborinn sonr* «мог вести свое происхождение от представителя любого слоя полноправных свободных: его отцом мог быть и крестьянин (*bondi*), и привилегированный свободный (*höldar*), и землевладелец (*lendirmen*)» (K. Maurer. *Vorlesungen...*, Bd. I, S. 104, 111, 128, 350; *Die Freigelassenen...*, S. 47, 50). Важно, что и *fell frjáls á jörd*, и *tyborinn sonr* становятся не либертинами (хотя бы высшего разряда), а свободными, несмотря на происхождение первого от матери-либертинки, а второго — от несвободной матери. Их свобода явствует из того обстоятельства, что ни тот, ни другой не должны, достигнув совершеннолетия, нести ему какие бы то ни было повинности и что оба воспитываются в роде их отца как люди, равноправные с его свободными родственниками (K. Maurer. *Die Freigelassenen...*, S. 47, 50).

⁹⁹ Ro, § 154: *filius legitimus, quod est fulboran*.

¹⁰⁰ Ph. Heck. *Die friesischen Standesverhältnisse in nachfränkischer Zeit*, S. 178—180.

¹⁰¹ Ibid., S. 191—193.

Таким образом, и здесь Гекк опять-таки нарочито смешивает два понятия «законного брака», подставляя под обычное его понимание представление о браке между людьми с одинаковым социальным статусом. В результате такой подстановки понятия незаконного и неравного брака сливаются, «незаконнорожденность» сближается с происхождением от неравного брака, а «законное рождение» — с происхождением от брака между полноправными свободными; в соответствии с этим и *fulbegen* истолковывается как законнорожденный в двух смыслах, т. е. как законный сын полноправных родителей, каждый из которых обладает одинаковой свободой¹⁰². Это дает Гекку возможность отождествить фризского *fulbegen* с эделингом, т. е., в его понимании, с полноправным свободным.

Однако Гекк совершенно игнорирует при этом то обстоятельство, что такое понимание *fulbegen* противоречит его смыслу не только в эдикте Ротари, где он прямо переводится, как «законнорожденный», т. е. законный (*filius legitimus*), но и в близких к саксонско-фризскому кругу англосаксонских источниках. В них значение корня *boren* меняется в зависимости от префиксов и от сочетаний с другими словами: *adalboren* значит «знатный по рождению» (вопреки гекковскому толкованию корня *adal*), *fulboren* — «законнорожденный» в обычном смысле, самый же корень *boren* обозначает лишь «происхождение как таковое», независимо от социального или семейно-правового его смысла и переводится латинским *natus*¹⁰³.

Отсюда ясно, что и во фризских, и в англосаксонских памятниках *fulboren* — вовсе не обязательно синоним *edel* или *adal* в смысле *vollgeboren, frei geboren, altfrei* и пр. Гекковское толкование этого термина, основанное на сознательном смешении двух возможных значений слова

¹⁰² Гекк, справедливо отвергая толкование Рихтгофеном и Э. Мейером термина *fulbegen* как обозначения членов свободных, привилегированных родов, все же сам вносит в понятие такого «имеющего законную силу брака» социальные признаки (только другие) (*Ibid.*, S. 192).

¹⁰³ Ср. выражение *sy swa boren swa ha sy* во II законе короля Эдмунда (943—946), § 1 и параллельный латинский текст 1114 г.: *sit natus sicut sit* (*F. Liebermann. Gesetze der Angelsachsen*, Bd. I, 1903, S. 186—187; см. словосочетания с тем же корнем *boren* и в более поздних источниках — Bd. I, S. 393, 587, 593). Ср. также *boregan* в законах Альфреда (871—901) гл. 11, § 5 и комментарии Либермана к этим терминам («*Gesetze der Angelsachsen*», Bd. III, S. 34, 127). Указанное в тексте значение имеет корень *borin* и в норвежских юридических памятниках, где его смысл тоже меняется в зависимости от сочетания с другими словами: так, *aettborinn* значит «рожденный в роде» (т. е. принадлежащий к «свободному роду»), *ár-borinn* — рожденный в начале времен (т. е. давно принадлежащий к «свободному полноправному роду»), *frels-borinn* (или *frjals-borinn*) — «свободнорожденный», *odal-borinn* — «знатный по рождению», *lendborin* — «принадлежащий по рождению к *lendirmen*» (т. е. к землевладельцам), *tigin-borin* — «человек княжеского происхождения», *hers-bornir men* — «человек, принадлежащий по рождению к слою служилых людей», *hersir, jarl-bornir men* — «человек из рода ярлов», *Konung-bornir men* — «лицо королевского рода» и т. д. (*K. Maurer. Vorlesungen...*, Bd. I, S. 122—123, 139, 141—142). Характерно самое обилие подобных словообразований, указывающее на стремление к максимальной точности в определении происхождения и в разграничении разных его категорий и тем самым не оставляющее места для того смешения двойного значения слова *fulbegen*, которое постулирует Гекк.

«законнорожденный», не подтверждается словоупотреблением источников, и поэтому его следует отвергнуть, как недостаточно обоснованное.

Но вместе с этим толкованием падает и последнее препятствие к предложенному нами выше пониманию Рюстрингского комментария. В самом деле, если в тексте этого комментария, дающем определение эделинга, переводить слова *fri and fulberen* как «свободный и законнорожденный» (с чем вполне согласуется заключительная фраза этого текста: «среди их предков не было никаких незаконнорожденных лиц»), если отказаться от смешения разных значений последнего слова и трактовать *fulboren* в смысле «законный сын», «законный наследник», *filius legitimus*, то станет еще более очевидным, что Рюстрингский комментарий не только хочет установить грань между свободой и несвободой, но и показывает многозначность самой свободы. Ибо, согласно определению статуса эделингов и фрилингов в этом памятнике, и те, и другие обладают полной свободой, за исключением тех случаев, когда фрилинги теряют ее в результате неравных браков. Мыслимы, конечно, и другие формы утери ими свободы, но важно, что в данном случае они и их потомки могут ее сохранить при соблюдении известных условий и что Рюстрингский комментарий разграничивает эделингов и фрилингов вовсе не по признаку социальной «безупречности» происхождения первых от полноправных свободных и незаконности рождения вторых — от неравных браков между свободными и несвободными, — а по линии градаций в пределах широкого понятия свободы, охватывающей и фрилингов, и эделингов. Всякий фрилинг — в той же мере *fulberen*, как и эделинг, если он только «законнорожденный» в смысле *filius legitimus*, и всякий фрилинг — полноправный свободный в широком смысле слова, если только он не утерял свою исконную свободу.

С этим широким общим понятием свободы встречаемся мы и в англосаксонских законах, где наряду с терминами, обозначающими простых свободных и знатных (кэрл и эрл), фигурируют и термины, служащие для обозначения «свободы вообще» с частичным включением в это понятие и представлений о привилегированности¹⁰⁴. Любопытно, что все термины, обозначающие свободу в этом смысле, образованы в англосаксонских Законах от того самого древнегерманского корня *fri*, который Гекк толкует как «свободный» в широком смысле с включением неполной свободы, т. е. *Minderfreiheit*. Вопреки Гекку, термины с корнем *fri* (*freoman*, *frigman*, *frigneman*, *folcfry*, *freeo*) в англосаксонских законах не имеют оттенка неполной свободы, так же как и их латинский эквивалент *liber*; то же относится и к понятию *freotes* — «свобода», переводимому в латинском тексте законов Эдуарда (924/25 г.) через *libertas*¹⁰⁵. Скорее наоборот, *treeo* и *frigman* — понятие, охватывающее и эрлов, и кэрлов, как два различных социальных статуса внутри свободных, причем первый выделяется в качестве родовой зна-

¹⁰⁴ Cp. *F. Liebermann. Op. cit.*, Bd. II, 2. Hälfte, 1912, S. 407 (комментарий к слову *Freilassung*).

¹⁰⁵ Cp. *Ine*, § 74 (*frigne man*); II *Cnut*, t. 45 (*freeo*); *Ine*, t. 3, § 2 и II *Eadweard*, 6 (*freotes*, *freet* — *libertas*) (*F. Liebermann. Op. cit.*, Bd. I).

ти; это явствует из того, что начиная с законов Альфреда термин «эрл» обозначает знатного лишь при противопоставлении кэрлу, а вне этого контекста со времен Альфреда он вообще не встречается.

Другими словами, эрлы и кэрлы исчерпывают весь состав свободных англосаксов¹⁰⁶, и совокупность тех и других обозначается термином *freo*, который только один раз — в ранних законах кентских королей Хлотаря и Эдрика (685/86 г.) — употребляется в качестве антитезы к эрлу¹⁰⁷, да и то, конечно, в смысле «рядовой свободный, но не знатный», а не в смысле «неполноправный», как этого хотел бы Гекк.

Таким образом, и здесь мы наблюдаем то же частичное включение понятия знатности в понятие свободы, которое мы имели случай констатировать при анализе установления вергельдов лангобардского *liber* в соответствии с его «знатностью или родовитостью» (*secundum nobilitatem vel generositatem*) в эдикте Ротари.

Что же касается термина *folcfrý*, буквально, даже фонетически, совпадающего с лангобардским *fulcfree*, то он встречается в англосаксонских Правидах всего 2 раза, притом первый раз в раннем законе Уитреда 695—696 гг., а второй раз в гораздо более поздних законах Кнута (первая половина XI в.), где латинский эквивалент к *folcfrý* — *publice liber*¹⁰⁸. Этот термин прилагается к лицу, получившему полное освобождение: у Уитреда — путем отпуска на волю в церкви (который давал у кентцев такую же полную свободу, как у салических франков — освобождение через денарий пред лицом короля или *thingatío* у лангобардов с объявлением освобождаемого на положении *fulcfree* et *haa-mund*)¹⁰⁹, у Кнута же — в результате принуждения раба господином работать в праздники.

Из этого, однако, отнюдь не следует, что термин *folcfrý* обозначал у англосаксов только вольноотпущенника. Исходя из семантики самого слова, издатель и комментатор англосаксонских законов Либерман предлагает следующие возможные толкования его реального значения, его социального смысла: 1) может быть, термин *folcfrý* (как и *folcfree* в § 224 эдикта Ротари) содержит воспоминание о процедуре освобождения в народном собрании, которая тем временем уже заменилась другими актами; 2) возможно, что *folcfrý* — лишь торжественный синоним *frei* в смысле «полноправный член общества» (*staatsbürgerlich* — Либерман делает при этом ссылку на Гримма); 3) первый член этого двусложного слова *folc* может иметь просто значение «публичноправовой» (*öffent-lich*) и при этом даже не оказывать влияния на смысл второго члена — *frei* (наподобие *folc-riht*, *folc-gemot* и пр.)¹¹⁰.

¹⁰⁶ Ср., например, Alfred, 4, 2; III Aethelstan Prol., 6, IV, 3; Prol. к закону Кнута 1027 г. и др. (см. F. Liebermann. Op. cit., Bd. II, 2. Hälfte, S. 268 (комментарий к слову Adel, 1 b, 1 z).

¹⁰⁷ Hlothere and Eadric, 3; *freo*, с вергельдом в 100 шиллингов (ср. F. Liebermann. Op. cit., Bd. II, S. 407, комментарий к слову *Frei*, 2).

¹⁰⁸ Wihtréd, 8 (F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 13) и II Cnut, 45, 3 (*ibid.*, S. 344—345).

¹⁰⁹ Ср. F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 408 (комментарий к слову *Freilassung*).

¹¹⁰ *Ibid.*, Bd. II, 2. Hälfte, S. 408 и 399 (комментарии к словам *Freilassung* и *Feiertage*).

Какое бы из предложенных Либерманом толкований мы ни приняла, во всяком случае, ясно, что термин *folcfrý* означает: «свободный по народному праву», «свободный согласно законам или обычаям данной страны» (*volks-landrechtlich frei*); иными словами, этот термин указывает на исконное полноправие по народному публичному праву. Его перенесение на статус лица, получающего полное освобождение, легко объясняется необходимостью подчеркнуть именно полноту этого последнего (в отличие от других видов освобождения), а его отсутствие в текстах англосаксонских законов, в которых идет речь о «свободных в широком смысле слова», может быть объяснено наличием в этих законах других терминов — *frigman*, *freo*, обозначающих, как мы видели, свободу в очень широком смысле (гораздо более широком, даже со включением эрлов и кэрлов в одно понятие, нежели полноправие *folcfrý*)¹¹¹.

Тем самым англосаксонский термин *folcfrý* так же обозначает исконную народную свободу времен господства родо-племенного быта, как и лангобардский термин *fulcfree*. Оба они — наследие той отдаленной эпохи, когда подавляющее большинство членов племени были полноправными свободными, когда «член племени» и «свободный» были синонимами, так же как понятия «свобода», «полноправие» и «народная свобода», т. е. «свобода по народным обычаям», по «народному праву». Саксонские и фризские «фрилинги» были первоначально такими же полноправными свободными по народному праву, как англосаксонские *folcfrý* и как лангобардские *fulcfree* в § 216 и 217 эдикта Ротари¹¹². И они проделали такую же эволюцию, как эти последние: часть из них сохранила свое полноправие, но была ограничена в качестве рядовых свободных от эделингов (ср. Рюстрингский комментарий), а часть превратилась в мундлингов — как эделингов, так и некоторых представителей того же слоя фрилингов. Различие между знатыми и простыми свободными у саксов гораздо резче, чем у лангобардов или у кентцев VII в., но эволюция статуса полноправных свободных у всех трех народов шла, по-видимому, в общем сходно, несмотря на обилие вариантов и индивидуальных особенностей. Во всяком случае, возможность мундиума одних саксонских *liberi* (фрилингов) над другими вытекает как из произведенного выше сопоставления соответствующих глав Саксонской правды (гл. XVIII, L, LXII, LXIV) с I и XI главами Фризской правды и с Рюстрингским комментарием, так и из параллельных явлений у других варварских народов, например из патроната одних лангобардских *liberi* над другими (Ro, § 177, 167).

¹¹¹ В эдикте Ротари такое широкое понятие свободы обозначается латинскими терминами *liber* и *ingenuus*, а единственным древнегерманским термином (в отличие от англосаксонских Правд) является там *fulcfree*.

¹¹² Законность сближения лангобардских и саксонских памятников признают как лингвисты (ср. *W. Bruckner. Die Sprache der Langobarden.*— In: «*Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker*». Strassburg, 1895, S. 24—32), так и историки, притом столь различные, как Бруннер (op. cit., S. 200—201, 206—207) и Виттих («*Die Frage der Freibauern*», S. 32—34). Допустимость сопоставления фризских памятников с саксонскими и Саксонской правды с англосаксонскими законами, в особенности ранними, не нуждается в особом обосновании.

Конечно, в результате вступления под чей-либо мундиум те фрилинги, которые становились мундлингами других лиц, теряли часть реальных прав, связанных с их бывшим полноправием, в частности право полного распоряжения своим имуществом, как явствует из гл. LXIV, да и самое возникновение мундиума одних фрилингов над другими было следствием процесса социальной и имущественной дифференциации в их среде.

Однако, несмотря на это, и мундлинги из числа фрилингов еще долгое время, вопреки точке зрения Гекка¹¹³, продолжали оставаться свободными по своему социальному статусу; частичная утрата ими некоторых признаков старой свободы еще не означает, что они становились в один ряд с вольноотпущенниками. К тому же процесс превращения в мундлингов коснулся лишь части фрилингов, а не всего этого слоя в целом. Затронутая им часть фрилингов превратилась действительно в неполноправных свободных, в *Minderfreie*, но не в том значении, которое придает этому термину Гекк (т. е. сословие людей с пониженным социальным статусом), а в смысле неопределенной по составу группы лиц внутри широкого слоя свободных¹¹⁴. Ибо процесс расслоения в среде саксонских старосвободных или фрилингов создает на первых порах не сословные различия, а градации и оттенки внутри свободы, которые соответствуют возникающей и растущей имущественной дифференциации. Гекк решительно отвергает возможность подобной интерпретации саксонских фрилингов; попытки его противников вскрыть нестрогу социального состава этого слоя он презрительно окрестил как *Mischtheorie*. По его мнению, она, так же как и *Notablentheorie*, терпит крушение уже в силу ее процессуальной невозможности¹¹⁵, ибо она противоречит застойности и неподвижности сословно-юридических категорий.

Однако известно, что в некоторых варварских *Правдах* градации внутри свободных засвидетельствованы не только наличием особой терминологии, но и фиксацией вергельдов для каждой группы (или, по крайней мере, указанием на разницу вергельдов в зависимости от того или иного оттенка в социальном статусе свободного), и тем не менее они остаются всего-навсего градациями внутри широкого слоя свободных, не превращаясь в сословия и отнюдь не достигая той правовой застылости, о которой говорит Гекк.

В *L. Alam.* и в *Pactus Alamannorum* свободные делятся на *primi mediani* и *minofledi* с различными вергельдами в 160, 200 и 240 солидов¹¹⁶, и тем не менее все они продолжают считаться членами широкого слоя свободных, ибо, по справедливому замечанию П. Г. Виноградова, даже свободный член племени низшего ранга — *baro de minofledis* — имел

¹¹³ Ph. Heck. Die Standesgliederung..., S. 42.

¹¹⁴ В законах англосаксонских королей Инэ и Альфреда фигурирует глафордат не только над кэрлами, но и над эрлами, а с другой стороны, и кэрл может выступить в роли глафорда по отношению к другому кэрлу — прямая параллель к *dominium* одних саксонских *liberi* над другими (Ine, 3, § 2; Alfred, 4, § 2).

¹¹⁵ Ph. Heck. Die Standesgliederung..., S. 92—93.

¹¹⁶ *Pactus Alamannorum*, II, 36—38; *L. Al.*, XLV, LX.

нормальный вергельд свободного, обозначаемого термином *liber*¹¹⁷. П. Г. Виноградов ставит по этому поводу гекковский вопрос: по каким же признакам относили тех или иных лиц при определении пеней за проступки к одной из трех групп? Но в отличие от Гекка, он не считает его решение на практике в каждом отдельном судебном казусе безнадежным и находит выход из искусственно созданного Гекком затруднения.

В самом деле, пусть родным убитого важно отнестись его к высшему разряду внутри свободных, а родным убийцы — к низшему, но образование агнатических родов у алеманнов и баваров давало, по мнению П. Г. Виноградова, возможность таксировать вергельд за убийство по признаку принадлежности виновника к родам разной степени социальной значимости. «Так вопрос об определении статуса индивидуума превращается в легче поддающийся решению вопрос об установлении влияния данного рода,— пишет П. Г. Виноградов.— Легче было таксировать роды по их относительному социальному весу в обществе, нежели каждый раз вновь поднимать этот вопрос по отношению к отдельному индивидууму. На основе закрепления такого обычая в виде традиции могла образоваться некая иерархия между родами»¹¹⁸.

Такое же определение социальной значимости отдельных свободных по их принадлежности к тому или иному роду встречаем и у лангобардов. В эдикте Ротари вергельд свободного определяется каждый раз сообразно его «качеству», «родовитости» или «знатности» (*secundum qualitatem, generositatem, nobilitatem — id est in angargatthungi*)¹¹⁹. Брукнер, а вслед за ним Виттих и Гартман толкуют этот древнегерманский термин как обозначение величины земельного надела, П. Г. Виноградов — как обозначение родовитости¹²⁰. Но, как бы ни толковать его, ясно, что он имеет в виду какие-то разряды внутри свободных, которые не отличались еще в застылые сословно-юридические категории и тем не менее, вопреки Гекку, служат критерием определения вергельда принадлежащих к ним лиц. Следовательно, юридическая оформленность сословий не является необходимым условием существования социальных различий, притом учитываемых не только в социально-экономической жизни, но и в судебной практике, так что мы можем присоединиться к следующей общей формуле П. Г. Виноградова, выработанной им на алеманнском материале: «Это разграничение на подразделения вторичного порядка должно было иметь своим основанием фактические различия в степени социальной мощи и влияния, которые, однако выразились и проявились не в качестве далеко отстоящих друг от друга классов или сословий, а в виде вариаций внутри того же самого основного класса»¹²¹. Тем самым рушится основное возражение Гекка против признания пестроты социального состава саксонских фрилингов.

¹¹⁷ P. Vinogradoff. *Wergeld und Stand*, S. 175, Anm. 3; 177—178.

¹¹⁸ Ibid., S. 178.

¹¹⁹ Ro, § 11, 14, 48, 74, 75, 141, 378.

¹²⁰ W. Bruckner. *Op. cit.*, S. 27; W. Wittich. *Op. cit.*, 1901, S. 33; L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. II, 2. Hälfte, Leipzig, 1910, S. 1—51; П. Г. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии, стр. 158.

¹²¹ P. Vinogradoff. *Wergeld und Stand*, S. 178.

Но остается еще одна трудно разрешимая проблема, а именно — вопрос о причинах глубокой пропасти между нобилиями и *liberi* (эделингами и фрилингами) у саксов. Это явление, представляющее особенность социального строя саксов, и заставило того же П. Г. Виноградова, который истолковывал алеманнских *primi mediani* и *minofledi* как вариации внутри свободных, утверждать, что в саксонских источниках, в частности у Рудольфа Фульдского, речь идет «не об оттенках внутри сословия свободных», а о сословиях. Выше было указано, что «сословная теория» не дает удовлетворительного объяснения социального строя саксов. Однако самая глубина различий между эделингами и фрилингами является неоспоримым фактом, который не может быть объяснен одним только обилием оттенков внутри слоя фрилингов и одной только многозначностью понятия свободы. Эделинги и фрилинги — не сословия в гекковском смысле, и Виноградов напрасно из наличия резкой грани между ними сделал вывод о сословном характере этих категорий и элиминировал возможность оттенков внутри каждой из них. Однако эделинги и фрилинги (в отличие от алеманнских *mediani* и *minofledi*) и в самом деле — не оттенки внутри слоя свободных, а самостоятельные социальные слои. Как же объяснить факт столь резкого противопоставления их друг другу в саксонских памятниках?

Нам представляется, что объяснения этого факта необходимо искать в указывавшемся выше направлении. А именно: если мы не хотим прийти к тому неприемлемому выводу, что у саксов резко отграниченные друг от друга сословия сложились раньше, чем оформились соответствующие им классы, то остается лишь одна возможность: признать, что эделинги и фрилинги — не только самостоятельные социальные слои, но в то же время и градации внутри всей массы свободных саксов и что различия внутри этой широкой массы выражаются в смещении обычных для других Правд взаимоотношений между свободными и знатыми (см. стр. 115 настоящей работы). Но почему эти градации углубились до пределов такого смещения? Почему их углубление зашло так далеко, что привело к образованию столь резко очерченных самостоятельных слоев еще задолго до возникновения основных классов феодального общества? При попытке дать посильный ответ на эти вопросы надо иметь в виду следующее.

Процесс разложения родо-племенного строя идет одновременно двумя путями: 1) путем возникновения неравенства между членами разных кровнородственных групп и внутри этих последних, неравенства, создающего лишь предпосылки феодального строя в недрах родо-племенного; 2) путем внешних воздействий феодализационного процесса на ход внутреннего разложения родо-племенного быта. У целого ряда варварских народов, например у франков или лангобардов, оба процесса уже на довольно раннем этапе развития вступают во взаимодействие друг с другом и сливаются в один общий процесс перерождения всего их общественного уклада.

Такое сравнительно раннее слияние обоих процессов объясняется у франков и лангобардов в значительной мере фактом их расселения в римской Галлии и Италии. Отсутствие воздействия римских, а до конца

VIII в. и франкских феодальных отношений на общественный строй саксов привело к тому, что его эволюция — до момента фиксации Саксонской правды — шла по первому из намеченных выше путей (да и после франкского завоевания Саксония являет нам пример страны с исключительно замедленным темпом феодализации).

Однако и он приводил ко все большему углублению социальных различий. Правда, он не способен был создать классы феодального общества, а лишь продолжал и усиливал ту социальную дифференциацию, которая сложилась еще во времена Тацита. Так возник своеобразный строй саксов с его кажущейся застылостью резко отграниченных друг от друга нобилей и *liberi*, преемственно связанных со слоями тацитовских времен и обычно ошибочно принимаемых за сословия. Своеобразие этого строя¹²² именно в сочетании архаизма с наличием резкого социального расслоения и в том, что столь далеко отстоящие социальные слои, как эделинги и фрилинги, все же в каком-то смысле все еще включаются в состав широкой массы свободных членов саксонского племени.

Отмеченное выше своеобразие социального строя саксов, является, конечно, не абсолютным, а лишь относительным. Любопытный пример указанного сочетания архаизма с наличием резкого социального расслоения представляет эволюция общественного строя Норвегии X—XIII вв., где разложение родо-племенного уклада до XII в. шло главным образом первым путем, т. е. изнутри, и лишь в XII—XIII вв. стало подвергаться воздействию феодализационного процесса. Особенно поучительную параллель к взаимоотношениям саксонских эделингов и фрилингов дает ход развития привилегированного слоя полноправных свободных норвежцев — *hóldar* — в их взаимоотношении со всей остальной массой этих свободных — *bondi* (или *árborinn men*).

Восточнонорвежские сборники права (*Borgathingslög* и *Eidsifathingslög*), рисуящие, по-видимому, более раннюю стадию эволюции *hóldar*, отождествляют их с *bondi* и поэтому отводят им промежуточное место между крупными землевладельцами (*lendr-madr*, *lendirmenn*) и либертинами высшего разряда (*leysing*). Западнонорвежские сборники (*Gulathingslög* и *Frostathingslög*), отражающие, вероятно, более позднюю стадию этой эволюции, ставят *hóldar* в привилегированное положение сравнительно с *bondi*.

Эти привилегии выражаются не только в повышенном вергельде и более высоких пенях, но и в праве на особое место погребения на церковном кладбище и в целом ряде имущественных прав. Ибо особое положение *hóldar* в западнонорвежских законах явно вытекает из того, что они являлись обладателями родовых земельных владений — *oðal* — или, по крайней мере, имели право претендовать на обладание таковыми. *Oðal* — такое родовое владение (*Stammgut*), которое издавна переходило по наследству в пределах рода или одной семьи только по прямой нисходящей

¹²² Мы отнюдь не отрицаем, а наоборот, подчеркиваем это своеобразие. Параллельные тексты из других Правд приводились нами лишь в целях иллюстрации тех или иных сторон общественного строя саксов (там, где эти иллюстрации допустимы), а отнюдь не в целях механического перенесения свидетельств этих Правд на L. Sax., которое могло бы затуманивать это своеобразие.

линии и которое должно и в будущем наследоваться согласно тому же порядку, оставаясь все время в обладании прямых мужских потомков из того же рода. В соответствии с этим западнонорвежские законы допускают лишь *höldar* в качестве свидетелей по судебным процессам, касающимся тяжб по поводу *oðal* или связанных с его обладанием прав пользования альмендой. Отсюда и обозначение *höldar* как *oðalsborinn* или *oðalsbornir* в *Gulathingslög* (§ 266), т. е. как членов рода, имеющего права на обладание *oðal*. Отсюда же и появившееся позднее требование, чтобы каждый *höldar* мог доказать права обоих его родителей на обладание *oðal* (если не факт реального владения таковым), т. е. доказать, что он — *oðalborinn* с обеих сторон. К. Маурер полагает, что *oðal* издавна существовал и в западной, и в восточной части Норвегии, но в последней позднее, чем в первой, начался процесс превращения обладателей таких родовых владений в особый социальный слой, а потому не успели оформиться привилегии этого слоя в судебном процессе, в пенях и вирах, и соответственно самое наименование *höldar* еще не превратилось в обозначение членов только этого привилегированного слоя. В западной же половине Норвегии выделение этого слоя со всеми его привилегиями из общей массы полноправных свободных было, по мнению К. Маурера, совершившимся фактом уже в начале X в. Термин *höldar*, обозначавший первоначально просто «человека», а затем — «равноправного свободного» (*Gemeinfreie*), как это имело место в восточнонорвежских законах, стал впоследствии обозначать привилегированного человека внутри широкого слоя полноправных свободных, и тогда он стал отождествляться с *oðalborinn* *men* (эту стадию развития отражают западнонорвежские законы). В конце концов этот термин стал прилагаться лишь к тому, кто был *oðalsborinn* с обеих сторон¹²³.

Так из широкой массы полноправных свободных, которые вели первоначально крестьянский образ жизни, выделились два слоя. Один из них — *bondir* — продолжал некоторое время оставаться в прежнем своем положении (до тех пор пока не подвергся деформирующему воздействию феодализационных процессов), а другой — *höldar* — все больше и больше перерождался в смысле аристократизации и сужения его состава; заключительный этап его эволюции, выразившийся в требовании двустороннего происхождения от *oðalsborinn* как права на принадлежность к *höldar*, представлял собой, по мнению К. Маурера, явление, говорившее об окончательном окостенении этого слоя, за которым скоро последовала его гибель¹²⁴ под напором крупных землевладельцев (*lendirmen*), связанных с королевской властью, и особенно новой служилой знати. И хотя эта знать никогда не достигла в Норвегии такого могущества, как на континенте¹²⁵, тем не менее и здесь мы можем наблюдать процесс вытеснения знати родо-племенной (*höldar* — *oðalsborinn*), возникшей

¹²³ Cp. K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 125—134.

¹²⁴ Ibid., S. 133; *idem*. Über die norwegischen höldar.— «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München». Jg. 1889. Bd. II, H. II, S. 204.

¹²⁵ K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 240—243.

путем выделения из широкой массы равноправных свободных, новой знатью, складывающейся в процессе зарождения феодальных отношений.

И вот как раз в эпоху наибольшего «окостенения» старой родо-племенной знати в Западной Норвегии наблюдается чрезвычайно любопытное явление. Уже после того, как *höldar* резко отграничились от остальных полноправных свободных (*bondi*) вполне определенными вергельдами и пениями, в XIII в. в законах короля Магнуса Лагобетира устанавливается новый порядок, согласно которому вергельды и пени тех или иных *höldar* должны были определяться каждый раз особыми оценщиками¹²⁶, и при этом высота вергельда и пени зависела в каждом отдельном случае не от положения данного лица, а от того, к какому из привилегированных родов (*höldsætt*) оно принадлежало и каковы были размеры земельных владений (*oðal-stammgut*) этого рода¹²⁷. Такой порядок очень напоминает определение вергельдов *secundum generositatem personae id est in angargatthungi* у лангобардов и в зависимости от влияния данного рода у алеманнов.

Но огромное значение данных скандинавского права в том, что оно дает недвусмысленное указание на позднее происхождение этого порядка: ведь он установился уже после того, как разграничение вергельдов и пеней *höldar* и *bondi* достигло крайнего предела. Правда, разница в вергельдах между ними никогда не была столь велика, как между саксонскими эделингами и фрилингами (она выражалась в сравнительно скромном соотношении 3:2), но самое важное — в том, что отграниченность одного слоя от другого и даже «окостенение» привилегий первого из них явилось результатом углубления архаических социальных различий в недрах родо-племенного строя, ибо по мере развития новых феодализационных процессов эта отграниченность старого типа начала приобретать совсем иной характер, что выразилось прежде всего в дифференциации вергельдов и пеней в среде самих *höldar*.

Пусть и после этого, несмотря на начало указанной дифференциации, у *höldar* в целом как у определенного слоя все же сохранились вергельды и пени более высокие, чем у *bondi*, — решающее значение имеют для нас два факта: 1) *höldar* выделились из массы *bondi* как *Geburtstand* и в то же время *Besitzstand*, причем дальнейший ход такого выделения стал возможен потому, что в начале этого процесса слой *höldar* не замкнулся в кругу узкого числа родов, вследствие чего происходило непрерывное пополнение *höldar* из рядов *bondi*; 2) наметившаяся вслед за тем тенденция к замыканию *höldar* создала было такие отграниченные слои, которые напоминают саксонских эделингов и фрилингов и которые можно принять за «сословия», но затем уступила место новым социальным процессам. А этот ход эволюции *höldar* проливает свет на взаимоотношение эделингов и фрилингов. Пусть пропасть между ними глубже, чем между *höldar* и *bondi*, но пример последних показывает, что, какова бы ни была степень отграничения, самое наличие резкой

¹²⁶ К. Maurer. Über die norwegischen höldar, S. 201—202; ср. *idem*. Vorlesungen..., Bd. I, S. 131—132.

¹²⁷ К. Maurer. Über die norwegischen höldar, S. 201—202, 204.

разграниченности двух слоев полноправных свободных (с превращением одного из них в родо-племенную знать) еще не позволяет трактовать их в качестве сложившихся сословий классового общества, ибо она может представлять собою результат заострения и, так сказать, «повторного воспроизведения» весьма архаических отношений, являясь тем самым своеобразным социальным анахронизмом, который, однако, не столь исключителен и необычен, как может показаться на первый взгляд.

К тому же и самая степень отграниченности фрилингов от эделингов в саксонских памятниках отнюдь не представляет собою совершенно изолированного явления. Первый и самый важный ее признак — шестикратный вергельд саксонского эделинга — находит себе параллель в англосаксонских законах, которые разделяют всю массу свободных на три разряда — лиц с вергельдом в 200 шиллингов (*twyhyndumman*), 600 (*sixhyndumman*) и 1200 (*twelfhyndumman*) — и связывают эту классификацию с различным земельным цензом и социальным статусом каждой категории. *Twyhynde* — это обычно кэрл, что видно из сопоставления *twelfhynde*, *sixhynde* и кэрла, которое нередко встречается в англосаксонских памятниках и из которого следует, что кэрлы приравниваются к *twyhynde*, т. е. имеют вергельд в 200 шиллингов, за исключением Кента¹²⁸.

Однако по отношению к *twelfhynde* и *syxhynde* памятники не всегда позволяют с достаточной ясностью установить связь социального статуса и вергельда с земельным цензом, что вызвало многочисленные споры среди исследователей¹²⁹. Но памятники дают достаточно твердые опорные пункты для освещения интересующего нас вопроса о шестикратном вергельде. В законах уэссекского короля Инэ (VII в.) житель Уэльса, имеющий 5 гайд земли, обозначен как *syxhynde*¹³⁰, в законе Альфреда фигурируют *syxhyndeman* и *twelfhyndeman* в среде англосаксов¹³¹, а пе-

¹²⁸ Ср. Alfred, 10; 18, § 1—3; 29—31; 39, § 1—2; 40; ср. лат. текст: Cnut, III, 5—8. Интересно сопоставить эти данные с Ine, 23, § 3; 24, § 2; 32; 40—42, 70 и с более поздними памятниками *Wergeldzahlung* — ок. 944—1065 гг. и *Heinrici I Leges*, 69, 2; 70, 1; 76, 3; 87, 4. *F. Liebermann*. Op. cit., S. 5—6 (комментарий к: Alfred, 29—31; Cnut, III, 5—8).

¹²⁹ Cp. H. M. Chadwick. *Studies on the Anglo-Saxon Institutions*. Cambridge, 1905; K. Rhamm. *Die Grosshufen der Nordgermanen*; F. Seebohm. *Tribal Custom in Anglo-Saxon Law*. London, 1902.

¹³⁰ Ine, 24, § 2; *F. Liebermann*. Op. cit., Bd. I, S. 100; *Wealh gif he hafad V hide bid syxhynde*. Либерман (op. cit., Bd. II, S. 419) делает отсюда тот вывод, что земельный ценз англосаксонского *twelfhynde* равен пяти гайдам, ибо вергельд англосакса, по его мнению, вдвое выше виру уэльса. Рамм (op. cit., S. 760) пытается на этом основании установить земельный ценз англосаксонского *Syxhynde* и делает это следующим образом: пропорции вергельдов уэльса и англосаксонского кэрла равны 3:5, ибо, как видно из того же закона Ine (гл. 23, § 3 и гл. 32), уэльсец, обладающий одной гайдой, имеет вергельд в 120 шиллингов, а кэрл — в 200 шиллингов; отсюда — возможность земельного ценза в 3 гайды для англосаксонского *Syxhynde*, тем более что в другом месте закона Ine (гл. 64—66) именно 3 гайды выступают в качестве минимального владения мелкопоместного типа (ср. также K. Rhamm. Op. cit., S. 737 757). Верна или неверна догадка Рамма, во всяком случае, более поздние тексты устанавливают аналогичные градации среди англосаксов.

¹³¹ Alfred, 40 (разные штрафы за нарушение мира в бург); *F. Liebermann*. Op. cit., Bd. I, S. 72.

речень вергельдов, исходящий из Нортумбрии, дает классификацию двух разрядов (высшего и низшего) с их приурочением к поземельному цензу и социальному статусу. Данный текст дошел до нас в двух вариантах: первый озаглавлен *Norðleof laga*¹³², второй — *Be werum* (по чтению Ламбарда). Первый, самый важный для нас вариант гласит: «§ 9. Если кэрл приобретет 5 гайд, с которых он обязан нести государственную службу вне своих собственных земельных владений (*to cuniges utware*)¹³³, то его вергельд — 2000 *thrymsa* (1200 шиллингов). § 10. А если у него есть шлем, броня, меч с золотой резьбой, но нет земли в 5 гайд, то он все же остается кэрлом. § 11. Если его сын и внук (т. е. сын и внук кэрла, имеющего рыцарское вооружение и имеющего 5 гайд. — *A. H.*) приобретут такое земельное владение (т. е. 5 гайд. — *A. H.*), то они будут принадлежать к роду королевских *gesidcundmen* (*gesidcundes cunnnes*). § 12. А если у него нет 5 гайд, то его следует считать кэрлом с вергельдом в 266 *thrymsa* (200 шиллингов)»¹³⁴.

Второй вариант дает следующие разночтения: а) в § 11 вместо *gesidcundes cunnnes* сказано: *thaes sidcundann cunnnes*, — и при этом указан вергельд такого лица в 2000 *thrymsa* (1200 ш.); б) к § 10 прибавлено: тогда он *sidcund*; в) § 12 во втором варианте вовсе отсутствует¹³⁵.

¹³² Этот памятник входит в состав пяти аналогичных юридических компиляций, трактующих правовое положение свободных и знатных. Все пять памятников (*Getync-to*, *Norðleof laga*, *Mircne laga*, *Ab* и *Had*) собраны в некое целое, по мнению Либбермана, между 1030 и 1060 гг. Интересующая нас *Norðleof laga* распадается на две части (A, § 1—6, и B, § 7—12). Первая, фиксирующая кратко вергельды всех свободных в Нортумбрии, составлена, вероятно, между 920 и 954 гг., а вторая — после 1030 г., так как направлена против постановления Кнута, разрешающего рыцарю тенство без земли и требующего обладания рыцарским вооружением для вступления в личную королевскую охрану (*F. Liebermann. Op. cit., Bd. III, S. 259—261*). В противоположность этому составитель второй части *Norðleof*, использующий законы Инэ, а также *Getync-to* и первую часть *Norðleof*, делает ударение как раз на поземельном цензе. Из приведенных соображений Либбермана относительно характера и происхождения разбираемого памятника мы вправе сделать вывод, что, несмотря на сравнительно позднюю дату его составления, он отражает те архаические порядки, при которых *гезиткендмены* еще не превратились в чисто служилое сословие и еще не утратили своей былой связи с варварским обществом. А это позволяет нам использовать работу нортумбрийского компилятора, сохранившего в XI в. данные, свидетельствующие о более старинных отношениях.

¹³³ Таково толкование выражения *to cuniges utware*, предложенное Либберманом (*op. cit., Bd. III, S. 258*).

¹³⁴ *And gif coerlisce man getheo, thaet he haebbe 5 hida landes to cuniges utware, and hine man ofslea, forgilde man hine mid twam thusend thrymsa. § 10: And theah he getheo thaet he haebbe helm, and byrnan, and golde saeted sweord gif he thaet land nafadh, he biðh ceorl swa theat. § 11: And gif his sunu and his sunn — sunn thaet getheoth, thaet he swa micel landes habban, siðthan biðh se ofsprinc gesidcundes cunnnes, be twam thusendem. § 12: And gif he thaet nabbadh, ne to than getheon ne magan, gilde man cirlice* (*F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 460—461*).

¹³⁵ Анализируя разночтение *sidcund* в § 10 *Norðleof*, Рамм выдвигает гипотезу о *гезите* как предварительной ступени образования слоя *гезиткендменов*. По Рамму, простой *гезит* мог быть *суххундмтан* и довольствоваться тремя гайдами для несения в надлежащем вооружении конной службы. С этой точки зрения термин *sidcund* знаменует как бы застывание положения *гезита* на промежуточном этапе при его превращении в *геситхундман*, ибо социальное положение *гезита* уже успело достигнуть к тому времени — путем перехода его по наследству — известной устойчивости

Из этих разночтений решающее значение имеет лишь наличие § 12 в первом варианте, ибо он — в сочетании с § 10 — определяет поземельный ценз, социальный статус и вергельд кэрла.

Из приведенных текстов следует, что кэрл, имеющий рыцарское вооружение, но не имеющий земельного ценза в 5 гайд, — не гезиткендмен и его вергельд остается прежним, т. е. равняется 200 шиллингам. Сын же и внук кэрла, уже обладавшего рыцарским вооружением, становится гезиткендменом с вергельдом в 1200 шиллингов в том случае, если он приобретет (путем пожалования или иным способом) 5 гайд, с которых будет нести конную государственную службу. § 9 и 10 трактуют не наследуемый социальный статус и устанавливают, что кэрл — обладатель 5 гайд на условиях несения государственной службы — становится пожизненным *twelfhyndumman*. § 11—12 трактуют переходящий по наследству социальный статус и устанавливают положение, в силу которого потомки кэрла, имевшего рыцарское вооружение и 5 гайд, становятся гезиткендами в третьем поколении с вергельдом в 1200 шиллингов, в том случае, если и они, в свою очередь, будут обладать 5 гайдами (§ 11), но остаются кэрлами при отсутствии у них этого земельного ценза (§ 12).

Иными словами, земельный ценз в 5 гайд у лиц, обязанных несением государственной военной службы, повышает вергельд данного лица в 6 раз, превращая кэрла из *twyhyndumman* в *twelfhyndumman*, но еще не делает его гезиткендом. Чтобы стать таковым, необходимо обладание земельными владениями в 5 гайд представителями трех поколений потомков данного кэрла подряд, после чего статус гезиткендмена переходит механически по наследству. Либерман формулирует это кратко следующим образом: наследственность сословного статуса гезиткендмена покоится на обладании земельными владениями определенных размеров с определенными государственными повинностями в течение трех поколений¹³⁶.

Независимо от того, какой бы теории происхождения гезиткендменов мы ни стали придерживаться, т. е. примем ли мы вместе с Мэтлендом и Бруннером мауреровскую гипотезу их происхождения из королевских служилых людей или будем вместе с Раммом считать их потомками слоя привилегированных свободных (наподобие норвежских *hóldar*), занимавшего некогда промежуточное положение между эрлами и кэрлами и лишь впоследствии вступившего в ряды служилых людей, — в обоих случаях остается несомненным одно: разбираемые тексты знают высший слой свободных людей, обладающих пятью гайдами и защищенных вергельдом в 1200 шиллингов, и низший слой рядовых свободных — кэрлов, не имеющих соответствующего земельного ценза и защищенных вергельдом в 200 ш.

Так как в данном тексте идет речь о гезиткендмене и о конститутивных признаках его статуса, то приносится еще третий признак — обла-

и приобрело характер определенного социально-правового статуса, откуда и особый термин *sidcund* (K. Ramm. Op. cit., S. 759; 760—765). Либерман (op. cit., Bd. III, S. 261) подрывает эту гипотезу указанием на то, что *sidcund* в § 10 *Norðleod* — лишь ошибочная глосса к термину *eorl*.

¹³⁶ F. Liebermann. Op. cit., Bd. III, S. 258, № 9.

дание рыцарским вооружением и несение им государственной службы вне своих владений. Однако наличие рыцарского вооружения, как подчеркнуто в § 10, само по себе не повышает вергельда данного лица и не выводит его из состава кэрлов, а несение государственной конной службы невозможно без соответствующего земельного фонда в 5 гайд, каким бы путем он ни был приобретен. Значит, конститутивным моментом разграничения twelfhynde и twyhynde является земельный ценз, и если мы отвлечемся от особого положения гезиткендменов, то получим прямое указание на наличие у англосаксов шестикратного вергельда свободных землевладельцев, имеющих 5 гайд, сравнительно с вергельдом рядовых, но полноправных свободных кэрлов, имеющих лишь нормальный надел свободного члена племени — одну гайду и ведущих крестьянский образ жизни.

Правда, остается неясным, можно ли выводить происхождение этого высшего слоя из родо-племенной знати, ибо в качестве такого в нашем памятнике выступают именно гезиткендмены, сложившиеся уже в особую группу служилых людей, что позволяет рассматривать их шестикратный вергельд как более позднее явление, аналогичное шестикратному вергельду тэнов. Однако, с одной стороны, термин «гезиткендмен» фигурирует как раз в сравнительно ранних англосаксонских законах конца VII в.¹³⁷ и исчезает уже ко времени короля Альфреда (в законах которого этот термин отсутствует); с другой стороны, в законах кентских королей Хлотаря и Эдрика 685/86 г.¹³⁸ вергельд представителя исконной родо-племенной знати — эрла — уже в три (а не в два) раза выше вергельда кэрла, точно так же как и вергельд adaling в Lex Angliorum et Werinorum и homo francus в Lex Francorum Chamavorum (если только не придерживаться гекковского толкования терминов adalingus и homo francus)¹³⁹.

¹³⁷ Cp. Ine, § 50, 51, 63, 68; Ine, § 45: gesidcundman landhaebhende (F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 108); Wihfred, § 5 (F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 12).

¹³⁸ Hlothre and Eadric, § 1—3 (300 и 100 шиллингов) (F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 9).

¹³⁹ Интересный аргумент против предложенного Гекком толкования первого из них дает уже цитированный нами памятник (т. е. Norðleod laga), исходящий из Нортумбрии и содержащий фиксацию вергельдов. Определяя вергельд короля в 30 тысяч thrýmsa, он делит его на две половины, из них одна в качестве виры в тесном смысле слова (wer) поступает родственникам короля, а другая — в виде компенсации за его убийство (cýnegild) — народу. Но затем первая половина этой суммы приравнивается к вергельду любого эделинга, а в одной из рукописей вместо «эделинга» стоит «эрл» (см. F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 458—460; Norðleod laga, § 1—2: Norðleoda cýnges gild is 30 thusend thrýmsa; fiftene thusend thrýmsa biðh thaes wergildes 15 thusend thaes cýnedomes. Se wer gebiradh magum, and seo cýnebot tham leodum — Archebiscopos and aedeling (в одной из рукописей Be werum lð — различие: eorl) wergýld is 15 thusend thrýmsa. Такое приравнение обоих терминов указывает на то, что в данном случае под эделингами разумеются не только члены королевского рода (как в других англосаксонских памятниках), а представители знатнейших родов в королевстве, из среды которых выдвинулся и королевский род. Ибо именно такое значение термина «эрл» не подлежит никакому сомнению. Гекк толкует англосаксонского эделинга исключительно как члена королевского рода, но ссылается при этом только на законы Эдуарда Исповедника (35, § 1), совершенно игнорируя иное словоупотребление этого термина и его приравливание к эрлу в цитированном памятнике (Ph. Heck. Die Gemeinfreie..., S. 40, Anm. 1).

Гекк вовсе отрицает наличие шестикратного вергельда у саксонского и фризского эделинга и приходит к тому выводу, что исконный его вергельд был лишь в два раза выше вергельда фрилинга. Но вычисления Гекка настолько спорны, что мы не можем ими оперировать в качестве строго проверенного доказательства (см. об этом ниже). Возвращаясь к англосаксонским вергельдам, отметим, что они показывают, как наличие трехкратного и даже шестикратного вергельда членов привилегированного слоя (эрлов и гезиткендменов) может совмещаться с включением этого слоя (генетически связанного еще с исконными отношениями отдаленной родо-племенной эпохи) в состав широкой массы свободных соплеменников, охватывающей и эрлов, и кэрлов, и обозначаемой как *fri, frigene man, folcfrý*.

И второе свидетельство резкой грани между саксонскими эделингами и фрилингами — запрещение браков между ними — тоже находит себе историческую параллель — а именно в норвежских памятниках, где даже браки между представителями разных слоев знати рассматривались как нечто неподобающее¹⁴⁰. Любопытно, что высший слой этой знати, состоящий из княжеских родов, имеет тройное обозначение знатности — через родовитость (*oðalborin*), обладание крупными земельными владениями (*lendborin*) и принадлежность к княжескому роду (*tiginborin*)¹⁴¹.

После всего сказанного остается лишь свести воедино наши наблюдения над социальным статусом саксонских нобилей-эделингов (а также их фризских собратьев) независимо от их взаимоотношения с фрилингами и тем самым резюмировать наши выводы об их особом положении внутри племени.

Исходным пунктом послужит нам наблюдение, касающееся того, какими правами обладали нобили сверх совокупности прав-обязанностей, характерной для полноправия простых свободных. Ибо само собой разумеется, что эделинги обладали *всеми* этими правами. Но если их специфическое положение сводится, вопреки Гекку, не к сословному статусу членов особого *Geburtstand* (как было показано выше), а к привилегированности, то она, казалось бы, должна выражаться прежде всего в наличии у них особых прав, кроме тех, которые присущи рядовым свободным. Однако при ближайшем рассмотрении тотчас же обнаруживается, что *привилегированность саксонских нобилей заключается не в наличии у них особых прав, а в большей интенсивности использования ими все тех же, характерных для всякой родо-племенной свободы прав.*

В самом деле, саксонский нобиль защищен не только повышенным вергельдом, но и более высокими штрафами и пенями за ранения и увечья, чем *liber*¹⁴²; он должен приносить очистительную присягу по обвинению в убийстве с меньшим числом соприсяжников, чем последний¹⁴³ (иными словами, его клятва равносильна по ее правовой значимо-

¹⁴⁰ K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 142—146.

¹⁴¹ Ibid., S. 142—143.

¹⁴² L. Sax., I; XIV; XVI.

¹⁴³ L. Sax., XVII: *servus a nobili occisus 36 solidis componatur, vel tribus iurantibus negetur*; cp. L. Sax., I: *de ictu nobilis 30 solidos, vel si negat tertia manu iuret*; cp. также: L. Fris., I, 11, где *nobilis* в аналогичном случае выступает не в столь исключи-

сти клятве нескольких фрилингов). В соответствии с этим и его судебная ответственность выражается в уплате им более высоких штрафов за правонарушения, будь то *fritus*¹⁴⁴, взимаемый при взносе пени за кражу, или штрафы в пользу государства¹⁴⁵, или, наконец, взыскания, налагаемые за неявку в судебные собрания¹⁴⁶, за вступление в недозволенный брак и за несоблюдение предписаний христианской церкви¹⁴⁷ (во всех этих случаях саксонский *nobilis* платил сумму вдвое большую, чем *liber*).

В первых 20 главах *L. Sax. nobiles* выступают как исключительные и единственные носители правовых норм¹⁴⁸, в то время как во второй части Саксонской правды наряду с ними фигурируют в этой роли и *liberi*, а иногда даже и литы¹⁴⁹. Еще резче обнаруживается это явление во Фризской правде, где *liberi* постоянно (а в некоторых случаях и литы) выступают как носители правовых норм наряду с нобилими¹⁵⁰. Все это можно обозначить, как повышенную правоспособность саксонского нобилия.

В варварском обществе свобода может быть градуирована не только в том смысле, что различные социальные слои обладают различными правами из той совокупности прав-обязанностей, которая и составляет реальное содержание этой свободы, но еще и в том смысле, что разные слои могут обладать одними и теми же правами в разной мере и последний тип градуированности свободы как раз касается саксонских нобилей, и он выражается, между прочим, в подмеченном Гекком «принципе» *Aktivstellung* (т. е. в разной ответственности нобилей и *liberi* за одни и те же проступки), которому сам Гекк дал, на наш взгляд, неправильное истолкование в духе своей сословной концепции. Разница в самой степени обладания саксонскими нобилими теми же правами, которые присущи были и *liberi*, объясняется индивидуальными особенностями исторического развития саксов¹⁵¹.

Но как ни велика была эта разница, самый факт градуированности в обладании одними и теми же правами остается несомненным. А это ведь и значит, что *nobilitas* продолжает включаться в состав *libertas*, что первая все еще объемлется второй, несмотря на пропасть шестикратного вергельда и запрета браков между нобилими и *liberi*.

Мы очень мало узнаем из Саксонской правды и смежных с нею источников о хозяйственном положении нобилия-эделинга, о том, в какой мере он возвышается над трудящимися субъектами — свободными соплеменниками в самом процессе производства, в какой степени он исполь-

тельном положении, как в Саксонской правде: *Si quis homo sive nobilis sive liber, sive litus sive etiam servus alterius servum occiderit componat eum iuxta, quod fuerit adpretiatus, et dominus eius ipsius pretii eum fuisse sacramento suo iuraverit.*

¹⁴⁴ *L. Sax.*, XXXVI.

¹⁴⁵ *Cap. Sax.*, III (*Capitularia regum Francorum*, I, p. 71).

¹⁴⁶ *Cap. Sax.*, V.

¹⁴⁷ *Cap. de part. Saxoniae*, XIX—XXI.

¹⁴⁸ *L. Sax.*, I — XX, в особенности же — I, XIV, XVI — XX.

¹⁴⁹ *L. Sax.*, XXXVI.

¹⁵⁰ *L. Fris.*, I, § 11; 16—21 (ср. выше, стр. 116); *L. Fris.*, XI, § 1—2 (см. выше, стр. 118).

¹⁵¹ См. выше, стр. 143—144.

зует результаты чужого труда. Данные о патронате саксонских нобилей над некоторыми фрилингами-*liberi*, как показано было выше¹⁵², никоим образом нельзя обобщать, говоря об обязательном патронате нобилей над всеми *liberi*; *dominium* над литами могли иметь у саксов и нобили, и *liberi*, а у фризов даже литы; к тому же возможен и *dominium* одних *liberi* над другими¹⁵³. Мы имеем, правда, указания на земельные дарения, но соответствующая глава Саксонской правды не определяет социальный статус дарителя и получателя¹⁵⁴.

Таким образом, мы можем лишь гипотетически утверждать (на основании некоторых намеков в Саксонской и Фризской правдах и в капитуляриях¹⁵⁵, а также аналогий с норвежскими *höldar* и англосаксонскими *twelfhynde* и *sixhynde*), что у эделингов могло быть больше литов и рабов, чем у фрилингов, что они обладали владениями больших размеров, чем последние, и что они чаще, чем *liberi*, могли становиться патронами других *liberi*.

Здесь нам до некоторой степени приходит на помощь определение эделингов в Рюстрингском комментарии как лиц, «обладающих собственностью и свободой (*etheldom and fria halsar*) в той мере, в какой они являются свободными и законнорожденными (*fri and fulberen*)»¹⁵⁶. Ибо это определение в сопоставлении с определением статуса фрилингов означает, что и те и другие обладают полной свободой (если только фрилинги не утрачивают ее в результате неравных браков)¹⁵⁷, а этот факт предполагает частичное включение *nobilitas* в *libertas*.

И фрилинги, и эделинги, очевидно, имели собственность и свободу, но собственность эделингов отличалась какими-то специфическими особенностями; намек на это содержит самый термин *etheldom*, который некоторые исследователи на достаточном основании (вопреки Гекку) сближают с норвежским *odal* — родовым наследственным владением привилегированных *höldar*¹⁵⁸. *Aethel* фризских эделингов — привилегированная собственность, переходящая из рода в род в пределах одного и того же привилегированного слоя фризского племени.

Опираясь на Рюстрингский комментарий, можно, таким образом, утверждать, что сами памятники свидетельствуют о наличии неразрывной связи собственности и свободы в варварском обществе и как бы подчеркивают, что повышенной свободе эделинга соответствовала его привилегированная собственность; и то и другое выделяло его из общей массы полноправных свободных, как обладателя характерных и для них прав, но в более интенсивном их выражении, и как собственника таких земельных владений, которые отличались от владений *liberi*, может быть, не только и не столько их большими размерами и большим числом рабов и зави-

¹⁵² См. стр. 141.

¹⁵³ См. выше, стр. 121.

¹⁵⁴ Ср. L. Sax., LXII; ее сопоставление с гл. LXIV см. выше, стр. 120.

¹⁵⁵ Ср. L. Sax., LXII, LXIV и LXIII (поземельные тяжбы); Cap. part. Sax., XV.

¹⁵⁶ Ср. выше, стр. 132.

¹⁵⁷ См. выше, стр. 111.

¹⁵⁸ Ср. K. Maurer. Vorlesungen..., Bd. I, S. 127—132; *idem*. Über die norwegischen *höldar*, S. 201—204.

симых держателей — литов, сколько большей степенью независимости от общинных и племенных объединений, в состав которых *ethel* эделингов входил лишь как особая родовая наследственная собственность привилегированных родов. Не в этом ли заключается и самая природа родо-племенной знати? Ведь и понятие «знатности» в родо-племенном и варварском обществе столь же резко отличается от «знатности» в феодальном обществе, как понятие родо-племенной и варварской свободы от свободы в феодальном смысле. И разграничительная линия между этими понятиями проходит в обоих случаях в одной и той же плоскости. Этим объясняются и нередкие случаи словоупотребления *nobilis pro ingenuo* и *nobilitas pro ingenuitate*, отмеченные еще Бруннером¹⁵⁹.

Гекк тщательно собирает различные случаи сопоставления *ingenuitas* и *nobilitas*, но допускает при этом две ошибки: во-первых, он черпает материал из разнородных источников (из каролингских капитуляриев, картуляриев и полиптиков, формул и пр.), которые по самому своему характеру так резко отличаются от варварских Правд, что их терминология не может совпадать с терминологией последних. При этом он как будто забывает, что употребление *любого* из интересующих его терминов (*liber*, *ingenuus*) не только в памятниках какой-либо одной из этих групп, но и в каждом отдельном источнике, входящем в ту или иную группу, требует каждый раз самого тщательного анализа в данном контексте (ибо даже в различных картуляриях одной и той же эпохи одни и те же термины, особенно социально-юридические, могут иметь разное значение, не говоря уже о недопустимости *общего* их сопоставления с терминологией Правд).

Во-вторых, он толкует все случаи сопоставления *ingenui* и *nobiles* в упомянутых каролингских памятниках в том смысле, что *nobiles* — это свободные (*Gemeinfreie*), члены *Geburtstand*, а *liberi* — *Minderfreie*. Основанием для такого одностороннего толкования служат ему две, одинаково недоказуемые или, во всяком случае, нуждающиеся в предварительном доказательстве посылки: а) что *liberi* и *nobiles* обязательно *Geburstände*, б) что в данных источниках сопоставление *тех* и *других* означает противопоставление друг другу двух таких сословий по рождению (*Geburstände*), а отсюда следует, что при отсутствии у франков такого *Geburstand*, который возвышался бы над полноправными свободными, под *nobiles* и надлежит разуметь именно последних.

Так истолковывает Гекк прежде всего постановление Трибурского собора (с. 38): *ut quisquis liber libertam legitime in matrimonium duxerit, ulterius habere debet tamquam unam ex nobili genere progenitam*¹⁶⁰. Между тем, как справедливо указали Виноградов и Бруннер, здесь перед нами — типичный случай употребления термина *nobilis* для обозначения влиятельного свободного¹⁶¹.

¹⁵⁹ Так, Бруннер указал на то, что в «Саксонском Зерцале» рожденный в равном браке свободный обозначен как *edel kint* и что в лангобардских глоссах *небратный* сын назван *ignobiliter natus* (H. Brunner. *Nobiles und Gemeinfreie*..., S. 103).

¹⁶⁰ Ph. Heck. *Die Gemeinfreien*..., S. 107.

¹⁶¹ П. Виноградов («Wergeld und Stand», S. 167, 4; 168, 3) подчеркивает, что в этих постановлениях *nobilis* выступает как *libertate notabilis* и что этот термин чередуется там с *ingenuus*. Ср. также: H. Brunner. *Ständerechtliche Probleme*, S. 241.

Еще более странное впечатление производит попытка аналогичного истолкования грамоты Карла Лысого от 844 г., ограждающей права свободных держателей монастыря, о которых сказано, что они должны оказывать монастырю повиновение в той мере, в какой это подобает свободным людям (*homines liberi...*, *sicut homines ingenui*) и притом так, чтобы их «свобода» или благородство («знатность») (*ingenuitas vel nobilitas*) никоим образом не пострадали от этого»¹⁶².

Совершенно очевидно, что *nobilitas* — здесь просто-напросто архаическое обозначение той же *ingenuitas*, а вовсе не особый *Geburtstand*, тем более что *liberi*, о которых в этой грамоте идет речь, уже успели превратиться в держателей монастыря.

То же относится и к приводимым Гекком цитатам из Лоршского и Фульдского картуляриев и из Сен-Жерменского полиптика, в которых термин *nobilis* явным образом фигурирует *pro ingenuo*¹⁶³.

Особенно показательно в этом смысле одно позднее прибавление к Сен-Жерменскому полиптику, где эпически повествуется о том, как аббат Вальдон около 900 г. приобрел в собственность двух братьев, которые похвалились, что они *nobiles*, в то время как аббат утверждал, что они сервы св. Германа¹⁶⁴. Ясно, что *nobiles* здесь — бывшие *liberi*, ставшие зависимыми держателями и закрепощенные монастырем. Само собой разумеется, что именно *liberi* имеет в виду грамота Людовика Немецкого Лоршскому монастырю (от 848 г.), разрешающая ему обмениваться рабами и прочим имуществом с *nobiles homines*¹⁶⁵, и в том же смысле употреблен термин *nobiliores* в Фульдской грамоте 777 г.¹⁶⁶ Гекк, правда, признает, что в некоторых формулах *nobilis* стоит вместо *ingenuus* как выражение самой полной свободы (*der vollsten Freiheit*)¹⁶⁷, но тотчас же вслед за тем берет обратно это признание, объявляя *nobiles* каролингских памятников членами особого *Geburtstand* полноправных свободных.

Число примеров неправильной интерпретации этих памятников Гекком можно было бы умножить¹⁶⁸. Всякому, кто занимался монографиче-

¹⁶² *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...* S. 105; *M. Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France*, t. VIII. Paris, 1752, p. 465: *homines liberi commanentes infra terminos ejusdem monasterii... congrum obsequium sicut homines ingenui eodem monasterii exhibebant ne eorum ingenuitas vel nobilitas vilescat.*

¹⁶³ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 103.

¹⁶⁴ *Polyphtique de l'Abbaye de St. Germain des Prés*, par A. Longnon, t. II, IV, 36 (ср. *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 103): *Tempore domini Waldonis abbatis fuerant duo fratres... qui gloriabantur se esse nobiles: quos adquisivit dominus W. abba dicens eos esse servos St. Germani.*

¹⁶⁵ *Codex Laureshamensis*, ed. K. Glöckner, Bd. I. Darmstadt, 1929 (ср. *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 103, цитирующий по изданию XVIII в.): *ut ubicumque invenire posset, aliquas res et mancipia, quae a nobilibus hominibus aptius et congruentius praefatae ecclesiae suae commutare valeret.*

¹⁶⁶ *Codex diplomaticus Fuldensis*, ed. E.F.J. Dronke. Cassel 1850, № 60: *postquam juraverunt nobiliores terrae illius (характерно самое выражение nobiliores, а не nobiles).*

¹⁶⁷ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 102—103: *als nobilis... als der Ausdruck der vollsten Freiheit behandelt wird.*

¹⁶⁸ Явные ошибки Гекка в толковании терминов *nobilis* и *adascalus* в баварских источниках, и в частности в *Decretio Dingolf* (ср. *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...* S. 92—

ским обследованием картуляриев Каролингской эпохи, хорошо известно, что основная масса дарителей выступает в них вовсе без обозначения социального статуса (хотя в нее могли входить и помещики, и крестьяне)¹⁶⁹, что термин *nobilis* вообще встречается в этих памятниках довольно редко и употребляется в ряде случаев для обозначения именно рядового дарителя или контрагента какой-либо сделки, т. е. *liber*, а когда нужно подчеркнуть знатность того или иного лица, то пускаются в ход большей частью должностные обозначения (граф, фогт), но иногда — *vir inluster*, *vir nobilis*. Полиптики же точно обозначают социальный статус трех категорий зависимых держателей (*coloni*, *liti*, *servi*), но зато не входящих в их число лиц описывают в общем виде как *liberi*. Эта скудность картуляриев в обозначении социального статуса дарителей объясняется не только их специфичностью как исторического источника, но и тем, что ко времени Каролингов произошла кардинальная передвижка всех социальных слоев под мощным воздействием феодализационного процесса и первенствующее значение вместо устарелых социальных категорий эпохи варварского общества приобрели новые социальные деления феодального общества. Поэтому методически совершенно недопустимо сопоставлять терминологию каролингских хозяйственных и законодательных памятников с терминологией так называемых «каролингских» варварских Правд как нечто однородное (что делает Гекк) — на том лишь основании, что запись Правд произведена была в эпоху Каролингов! Ибо этот чисто формальный момент несколько не мешает им содержать целый ряд крайне архаических черт быта, ничего общего не имеющих с феодальным строем Каролингской эпохи, не говоря уже о том, что в целом эти Правды отражают структуру варварского, а не феодального общества.

Правда, в некоторых областях обширной Каролингской империи черты того и другого строя еще долгое время взаимно уживались, что особенно относится именно к Саксонии. Но там феодальные отношения стали раньше всего складываться как раз на церковных землях, и они-то отражены в картуляриях, в то время как вне церковного землевладения еще очень долго (вплоть до полного торжества феодализма!) сохранялись все специфические особенности варварского общественного уклада, отраженные в Саксонской (и Фризской) правде¹⁷⁰, в саксонских капи-

93, 97—99), уже исправлены Бруннером («*Ständerechtliche Probleme*», S. 237) и Виноградовым («*Wergeld und Stand*», S. 176, 179—180).

¹⁶⁹ Ср. G. Caro. Beiträge zur ältere deutsche Wirtschafts- und Verfassungsgeschichte. Zürich, 1911; *idem*. Studien zu den älteren St.-Galler Urkunden.— «*Jahrbuch für schweizerische Geschichte*», XXVI, 1901, XXVII, 1902; *idem*. Zwei Elsässer Dörfer zur Zeit Karls des Großen.— «*Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*», N. F., XVII, 1902, Heft 3, S. 450—479 и S. 563—587; А. Д. Удальцов. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М., 1935; Н. П. Грацианский. Бургундская деревня в XI—XII столетиях. М., 1935, ср. также: А. И. Неусыхин. Структура хозяйства дарителей Лоршскому монастырю в VIII—IX вв. в Вормсском округе.— «*Ученые записки МГУ*», вып. 114, История, 1947 г. Анализ терминологии формул см. у Капо («*Die Landgüter in den fränkischen Formelsammlungen*».— «*Historische Vierteljahrschrift*», 1903, Bd. VI, S. 309—338) и у А. Д. Удальцова («Свободная деревня в Западной Нейстрии. в эпоху Меровингов и Каролингов». СПб., 1912).

¹⁷⁰ О воздействии каролингского завоевания на общественный строй Саксонии см. выше, стр. 143—144.

туляриях и хрониках. Поэтому и нельзя сопоставлять эти два ряда саксонских памятников, рассматривая их терминологию как однородную¹⁷¹.

По той же причине из этого сопоставления невозможно извлечь аргументы ни в пользу Виттиховской концепции вотчинного образа жизни саксонских эделингов¹⁷², ни в пользу гекковской теории¹⁷³ их крестьянского образа жизни. Ибо Корвейский картулярий и Верденский регистр, которыми они оба оперируют, содержат богатые данные о структуре церковного землевладения в Саксонии IX—X вв. и о процессе поглощения им светской крестьянской и мелкопоместной собственности, но не дают никаких опорных пунктов для суждения о том, каким именно слоям уходящего в прошлое варварского общества принадлежали поглощаемые указанным процессом носители этой собственности: термины *publici* и *liber* применительно к дарителям и держателям либо вовсе отсутствуют в этих памятниках, либо, как было показано выше, фигурируют в совершенно иных значениях.

Поэтому при характеристике хозяйственной физиономии саксонского (и фризского) эделинга эпохи варварского общества нам предстоит ограничиться намеченными выше соображениями, как бы скудны они ни были. Ибо всякие попытки во что бы то ни стало представить себе хозяйственный облик этих эделингов более конкретно, хотя бы при помощи использования принципиально отличных, разнородных и притом более поздних источников, может быть куплено лишь ценою — сознательной или бессознательной — подстановки феодальных отношений на место своеобразных отношений варварского общества. Само собой разумеется, что такой подстановки следует всячески избегать, ибо нашей целью является как раз уяснение своеобразия варварского общественного уклада¹⁷⁴. Чтобы еще сильнее оттенить это своеобразие, когнемся в заключение положения саксонских и фризских литов.

ЛИТЫ

Вопрос о реальном положении саксонских и фризских литов тоже следует решать в свете проблемы многозначности свободы и представления о позитивном содержании самой свободы. В самом деле: если литы — полусвободные (а таковыми они в большей или меньшей мере являются во всех варварских Пrawdax), то следует прежде всего определить и по

¹⁷¹ Между ними существует такое же соотношение, как, например, между *Pactus Alamannorum* и архаическими главами *Lex Alamannorum*, с одной стороны, и той ее частью, где нормируются отношения на церковных землях, — с другой. Только различие между Саксонской правдой и саксонскими картуляриями гораздо глубже, чем между разными частями Алеманнской правды.

¹⁷² Ср. *W. Wittich*. Op. cit.

¹⁷³ *Ph. Heck*. Die Gemeinfreien..., S. 10—22, 300—303.

¹⁷⁴ Мы сознательно не рассматриваем ту часть сословной теории Гекка, которая заключается в оригинальной трактовке величины и монетного содержания вергельдов в каролингских Пrawdax. Мы делаем это из следующих соображений: Гекк пытается доказать (допуская возможность последующего утращения вергельда саксов и фризов в силу особого мира — *Sonderfrieden*, установленного после каролингского завоевания, и с помощью сложных вычислений монетного содержания больших и

возможности разграничить элементы несвободы и свободы в статусе литов и установить, в каком смысле литы свободны и в каком несвободны, а затем, синтезируя результаты этого анализа, попытаться выяснить реальное содержание промежуточного положения литов между свободными и рабами, т. е. реальное содержание их полусвободы. Выяснение сущности промежуточного статуса литов, в свою очередь, проливает свет на характер свободы в родо-племенном и варварском обществах. Но так как эта свобода представляет собою полноправие, выражавшееся в совокупности прав-обязанностей¹⁷⁵, то намеченная выше задача сводится к установлению того, какие именно права-обязанности присущи литу наравне со свободными и каких признаков полноправия ему недостает.

Отсутствие ясности в постановке вопроса о природе литства приводит обычно либо к смешению этой своеобразной и широко распространенной промежуточной категории с другими социальными группами варварского общества, либо к колебаниям и противоречиям в определении статуса литов. Гекк являет нам пример того и другого. Стремясь во что бы то ни стало отвести литам сословно-однозначное и строго фиксированное место в саксонско-фризской *tripartitio* и трактуя и их как окаменелое сословие — наподобие эделингов и фрилингов, — Гекк в разных своих работах по-разному определяет статус членов этого сословия. В первой из них он склонен был отождествлять его с *servitium*¹⁷⁶, что не помешало ему, однако, во второй работе, приводя известия Гукбальда о собраниях представителей трех сословий саксов в Маркло, трактовать саксонских литов как «составную часть племени, обязанную несением воинской службы и посещением судебных собраний»¹⁷⁷, т. е. приписывать им важнейшие права-обязанности свободного сакса.

малых солидов у франков, англо-варнов, саксов и фризов), что вергельд саксонского эделинга может быть сопоставлен с вергельдом франкского литов в соотношении 12 : 15, которое устанавливает и *Car. Sax.*, III для штрафов (ср. *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 258—259; 272—273), и что его вергельд не в 6, а в 2 раза превышал вергельд фрилинга. Отсюда якобы с необходимостью вытекает тождество саксонско-фризского эделинга с франкским *liber* Салической и Рипуарской правд. Но вся эта цепь умозаключений представляется крайне искусственной, натянутой и спорной — потому она и вызвала массу возражений в специальной литературе — как исторической, так и нумизматической (к уже цитированным статьям Бруннера, Шрёдера и Виноградова следует прибавить еще работы Э. Мейера и Иекеля). В частности, нумизматическая сторона гекковской гипотезы вергельдов вряд ли сможет быть когда-либо доказана. Между тем его вычисления и манипуляции с вергельдами создают впечатление мнимой точности, которая опаснее явной ошибки, ибо придает ей видимость истины. Но независимо от того, верна или неверна концепция вергельдов, предложенная Гекком, та или иная ее оценка не в состоянии существенно повлиять на развиваемый нами ход мыслей. Ибо, как мы пытались показать выше (стр. 147 сл.), и шестикратный вергельд эделинга может быть объяснен без противоречия нашему пониманию социального строя саксов и фризов. К тому же — и это для нас самое важное — гекковские сопоставления вергельдов служат для него одним из главных аргументов в пользу его сословной концепции, между тем как наша задача заключается как раз в независимом от этой концепции анализе общественного строя саксов.

¹⁷⁵ См. выше, Введение, и ниже, гл. V.

¹⁷⁶ *Ph. Heck. Die altfriesische Gerichtsverfassung*, S. 230.

¹⁷⁷ *Ph. Heck. Die Gemeinfreien...*, S. 314; противоречивость обоих утверждений Гекка не может быть объяснена разницей в понимании им литства у саксов и фризов, ибо он сам постоянно сближает саксонских и фризских литов.

В позднейшей, обобщающей своей работе он принужден был признать наличие градаций в среде литов¹⁷⁸, но не сделал из этого правильного наблюдения надлежащих выводов, продолжая оставаться на почве своей сословной теории и рассматривая подмеченные им же самими градации лишь как проявления процессов социально-экономического развития, которые способны оказывать перекрепляющее воздействие на сословные различия, но не в состоянии изменить характер неподвижных *Geburtsstände*. Литов он склонен здесь считать, согласно своей ранней концепции, слоем зависимых людей.

Отмеченные нами противоречия трактовки литов в разных работах Гекка заслуживают отрицательной оценки не столько в силу самого факта противоречивости этой трактовки, сколько в силу того, что она не адекватна реальной противоречивости социального статуса литов, т. е. содержания их полусвободы. Ибо противоречия Гекка проистекают именно из его стремления к однозначному (хотя в разное время различному) истолкованию статуса литов в духе сословной теории, которое каждый раз фатально не удается ввиду двойственности их реального положения.

Для выяснения последнего рассмотрим сначала отдельно признаки несвободы и свободы саксонско-фризских литов.

Лит неоднократно выступает в Саксонской правде как лицо, зависимое от господина, причем один раз он прямо сопоставляется с сервом. Так, гл. L гласит: «Если серв или лит совершит какой-либо проступок по приказанию господина, господин несет за него ответственность»¹⁷⁹.

Гл. XVIII конкретизирует это общее положение об ответственности господина за проступки его лита (опуская при этом сопоставление лита с рабом) и устанавливает ее за убийство любого лица (в том числе и прежде всего — нобилия), совершенное литом по подстрекательству господина.

За убийство, совершенное литом без ведома господина, ответственность возлагается на самого лита, но формы ее таковы, что они свидетельствуют о зависимом положении лита: лит изымается из-под власти господина и передается вместе с семьей своими сородичами в распоряжение родственников убитого¹⁸⁰. Для того чтобы очиститься от обвинения в покушении на убийство, саксонский нобиль обязан принести клятву на оружии или при помощи своего лита, которого он должен держать за руку при произнесении клятвы¹⁸¹. Это указывает опять-таки на личную зависимость лита от своего господина.

О том же свидетельствует и ограничение свободы вступления в брак, о чем можно косвенно умозаключить из предоставления этой свободы королевскому литу, находящемуся, конечно, на особом положении¹⁸².

¹⁷⁸ Ph. Heck. Die Standesgliederung..., 91.

¹⁷⁹ L. Sax., L: Quidquid servus aut litus iubente domino perpetraverit, dominus emendet.

¹⁸⁰ L. Sax., XVIII.

¹⁸¹ L. Sax., VIII: Quicumque gladio stricto super alterum cucurrit et retentus ab alio fuerit, 12 solidos conponat vel in manu liti sui vel sua arma iuret.

¹⁸² L. Sax., LXV: Lito regis liceat uxorem emere, ubicunque voluerit sed non liceat ullam feminam vendere.

Фризская правда прямо определяет сущность этой зависимости как *servitium*^{183—184} и говорит о возможности выкупа себя литом из несвободного состояния¹⁸⁵. По Гекку, текст Фризской правды, рассматривающий положение лита как *servitium* и говорящий об освобождении лита путем выкупа или отпуска на волю, доказывает, что *liberti* не могли во всех случаях подразумеваться под литами. Между тем наличие либертинов у фризов вряд ли подлежит сомнению, так как Фризская правда постоянно упоминает рабов и несвободных, хотя термины, обозначающие либертинов, странным образом отсутствуют в этой Правде. Все это для Гекка — лишний аргумент в пользу того, что либертинами являются именно фрилинги (*Libertinentheorie der Frilinge*).

Однако уже из приведенных текстов, в частности из разбираемого пассажа Фризской правды, совершенно очевидно, что Гекк проглядел двойственность положения саксонско-фризского лита. Для большей наглядности сформулируем и перечислим признаки несвободы лита: а) зависимость лита от господина (в частности — ограничение свободы вступления лита в брак) и ответственность последнего за проступки лита, совершенные по его приказанию; б) сближение лита с сервом и литства с *servitium*; в) необходимость выкупа для приобретения литом свободы; г) передача лита, повинного в совершении убийства без ведома господина в распоряжение родственников убитого (вместе с семьей сородичами лита) — по-видимому, в качестве зависимого лица.

Уже самый перечень признаков несвободы саксонско-фризского лита указывает на неполноту его зависимости и тем самым выводит нас за пределы несвободы. Так, саксонский лит отвечает за проступки, совершенные им по собственной воле (т. е. без приказаний или без ведома господина), и каковы бы ни были формы этой ответственности, важен самый факт ее наличия. У саксонского лита имеются сородичи — следовательно, лит живет в системе родовых связей, что является как раз одним из конститутивных признаков положения свободного соплеменника в родо-племенном обществе.

Фризский лит может приобрести полную свободу путем выкупа своего несвободного состояния, обозначаемого Фризской правдой как *servitium*. Не говоря уже о том, что возможность такого выкупа на собственные средства (*prorgia rescunia*) свидетельствует об имущественной дифференциации в среде литов и о наличии у некоторых из них значительно и достаточно ценного имущества, чрезвычайно важно, что инициатива освобождения могла исходить от самого лита и поэтому приобретение литом полной свободы не обязательно облекалось в форму особого акта отпуска его на волю господином¹⁸⁶, а могло быть сведено к чисто материальной сделке между литом и его господином, указывающей на большую самостоятельность зажиточного лита.

^{183—184} L. Fris., XI, § 1 (текст см. стр. 118 настоящей работы).

¹⁸⁵ L. Fris., XI, § 2: Si litus semetipsum propria pecunia a domino suo redemerit

¹⁸⁶ Хотя и такие отпуска на волю тоже имели место у фризов (L. Fris., XI, § 2: Ego te libertatae donavi).

Выкупившийся лит пребывает в состоянии полной свободы. Но если по прошествии нескольких лет его бывший господин задумает отрицать факт выкупа лита или его отпуска на волю и скажет ему: «Ты у меня не выкупился, и я не давал тебе свободу», то он должен доказать свою правоту путем судебного процесса с сопriсяжниками. В случае выигрыша процесса господин вновь обретает утраченного лита, положение которого опять-таки обозначается как *servitium*, в противном случае лит сохраняет свою свободу (*in libertate permaneat*)¹⁸⁷.

Изложенный выше § 2 гл. XI L. Fris. постулирует две возможности: а) необоснованные претензии бывшего господина на *servitium* выкупившегося или освобожденного им лита и б) притязания лита на свободу, несмотря на отсутствие акта выкупа или освобождения. О реальности второй возможности говорит § 1 той же гл. XI L. Fris., где рассматривается случай отказа свободного человека, вступившего под давлением крайней необходимости в *servitium* на положении лита, от этого нового статуса¹⁸⁸. По аналогии можем умозаключить, что нередко были и случаи отказа исконных литов от их старого статуса.

Обе возможности, к которым присоединяется еще и третья, зафиксированная в § 1 гл. XI L. Fris., указывают на текучесть состава фризских литов, которая выражается: а) в стремлении литов не только к выкупу и отпускам на волю, но и к освобождению явочным порядком, без совершения этих процедур; б) в случаях вступления свободных в литскую зависимость, иногда с последующим отказом от нее; в) в погоне фризских нобилей и свободных за рабочей силой литов. Все это — симптомы процесса имущественной и социальной дифференциации в среде фризского литства: «закрепощенный» лит мог выкупиться или обрести полную свободу явочным порядком; менее обеспеченный и не имеющий социального веса лит принужден был дожидаться акта отпуска на волю со стороны его господина и иногда не в силах был воспрепятствовать попыткам последнего вернуть его в состояние *servitium* уже после освобождения. Были у фризов и такие литы, от которых находились в литской зависимости бывшие свободные, вступившие в *servitium* под давлением нужды¹⁸⁹.

Правда, литство каждый раз тщательно отграничивается от свободы (*libertas*) именно как *servitium*. Саксонская и Фризская Правды не дают представления о реальном содержании этого *servitium*. Но тем не менее совершенно ясно, что оно противопоставляется полной свободе, включающей в себя полное правление и полную независимость от патрона (по

¹⁸⁷ L. Fris., XI (De lito), § 2: Si litus semetipsum propria pecunia a domino suo redemerit et unum vel duos, vel tres vel quotlibet annos in libertate vixerit, et iterum a domino de capitis sui conditione fuerit calumniatus, dicente ipsi domino: Non te redemisti, nec ego te libertate donavi; qui dominus eius fuerat, cum totidem hominibus, quot ei propositi sunt, iurare velit, conquirit eum sibi ad servitutem; sin autem, iuret alter, et in libertate permaneat.

¹⁸⁸ L. Fris., XI, § 1 (текст см. стр. 118 настоящей работы).

¹⁸⁹ L. Fris., XI, § 1: Si liber homo spontanea voluntate vel forte necessitate coactus nobili seu libero, seu etiam lito in personam et in servitium liti se subdiderit et postea se hoc fecisse negare voluerit etc. (см. стр. 118 настоящей работы).

типу лангобардской *fulcfree et haamund*). Это явствует из того, что свободные фризцы вступали в литскую зависимость (*servitium*) не только от нобилей и других свободных, но и от литов, а также из того факта, что лит выступает в Фризской правде в качестве одного из носителей правовых норм¹⁹⁰, что является уже прямым признаком свободы.

О том же свидетельствует и наличие рабов у некоторых фризских литов¹⁹¹; рабами могли владеть и саксонские литы, как явствует из гл. XV *Capitulatio de partibus Saxoniae*, предписывающей каждой сотне выделять в пользу церкви один двор (*curtis*) и два манса, а жителям этой сотни — нобилям, свободным и литам — предоставлять в пользу церкви раба и рабыню¹⁹².

Таким образом, разбор тех глав Саксонской и Фризской правд, которые содержат указание на несвободу лита, не только выводит нас за ее пределы, но и непосредственно приводит к анализу глав, содержащих данные о свободе литов. Такой ход исследования вытекает из особенностей самого материала наших памятников, которые, в свою очередь, лишь отражают промежуточное положение литов между несвободой и свободой.

К приведенным выше данным об этом промежуточном их положении можно прибавить еще многочисленные и прямые свидетельства Саксонской правды, и саксонских капитуляриев Карла Великого об ответственности литов за свои проступки. Сама по себе эта ответственность, как уже говорилось, свидетельствует о свободе лита, но характер ответственности недвусмысленно указывает на то, что литы стоят ниже фрилингов (*liberi, ingenui*). Так, с одной стороны, саксонский лит приносит очистительную присягу по обвинению в убийстве раба¹⁹³, уплачивает *fritus* в случае кражи¹⁹⁴, платит штрафы за отказ от крещения детей¹⁹⁵, за служение языческим богам¹⁹⁶, за вступление в недозволенное брачное сожитие¹⁹⁷, за неявку в судебное собрание¹⁹⁸. С другой стороны, штрафы, уплачиваемые литом, обычно в два раза меньше штрафов, взимаемых за те же проступки со свободного (*liber, ingenuus*), и в четыре (а иногда в три раза) ниже суммы соответствующего штрафа нобилия. Это соотношение суммы штрафов нобилей, *ingenui* и литов резюмировано в общей форме в III главе *Cap. Sax.*, которая установ-

¹⁹⁰ При установлении кары за убийство, совершенное рабом по подстрекательству господина, Фризская правда перебирает различные возможные социальные статусы убитого и господина раба, совершившего убийство, причем оказывается, что лит может фигурировать и в той, и в другой роли.

¹⁹¹ См. *L. Fris.*, I, § 21.

¹⁹² *Cap. de part. Sax.*, XV: *De minoribus capitulis consenserunt omnes, ad unamquamque ecclesiam curtem et duos mansos terra pagenses ad ecclesiam recurrentes condonant, et inter centum viginti homines, nobiles et ingenuos similiter et litos servum et ancillam eidem ecclesiae tribuant.*

¹⁹³ *L. Sax.*, XVII.

¹⁹⁴ *L. Sax.*, XXXVI.

¹⁹⁵ *Cap. de part. Sax.*, XIX.

¹⁹⁶ *Cap. de part. Sax.*, XXI.

¹⁹⁷ *Cap. de part. Sax.*, XX.

¹⁹⁸ *Cap. Sax.*, V: *Si quis de nobilioribus ad placitum mannitus venire contempserit, solidos quattuor componat, ingenui duos, liti unum.*

ливаает пропорцию (12 : 6 : 4¹⁹⁹). Пения за ранение лита даже в 12 раз меньше, чем штраф за увечье, нанесенное нобилю; в соответствии с этим и вергельд лита (120 малых солидов) в 12 раз меньше вергельда нобилиа и в два раза меньше вергельда фрилинга (*liber*)²⁰⁰. Очистительную клятву по обвинению в убийстве серва лит приносит с 12 соприсяжниками, в то время как нобиль ограничивается в этом случае 3 соприсяжниками²⁰¹.

Уплата литом пеней и штрафов и принесение им присяги наряду с «нобиями» и *liberi*, несомненно, являются элементами свободы лита, ибо свидетельствуют о его судебной правоспособности как юридического лица, как субъекта права. Показательно, что Саксонская правда и связанные с нею капитулярии во всех приведенных текстах начинают перечень плательщиков пеней с нобилей и кончают литами, сопоставляя их по признаку ответственности, хотя и неравномерной²⁰², но совершенно элиминируют при этом рабов, подчеркивая этим самым грань, отделяющую их от литов. Особенно любопытно в данной связи указание на обязанность лита являться в судебное собрание²⁰³, прямо подчеркивающее его правоспособность как юридического лица.

Наконец, если принять чтение а *libero* (а не а *liberto*) в гл. XVII L. Sax.²⁰⁴, то мы найдем в этой главе прямое сопоставление лита со свободными²⁰⁵. Однако отмеченная выше неравномерность ответственности нобилей, *liberi* и литов за одни и те же проступки²⁰⁶ указывает на то, что градуированность саксонской и фризской свободы не только выражалась в выделении нобилитета как особого слоя и в наличии градаций внутри саксонско-фризских *liberi*, но распространялась и на самую полусвободу литов, ибо эта неравномерность позволяет в

¹⁹⁹ Cap. Sax., III: Item placuit omnibus Saxonibus ut ubicumque Franci secundum legem solidos 15 solvere debent, ibi nobiliores Saxones solidos 12, ingenui 5 (6) liti 4 componant. Мы оставляем здесь в стороне попытку Гекка приравнять друг к другу цифры 15 и 12, как основания франкской и саксонской системы штрафов и вывести отсюда заключение о тождестве саксонских нобилей со свободными у франков (ср. Ph. Heck. Die Gemeinfreien..., S. 124—137), ибо она представляется крайне натянутой (особенно после возражений Бруннера и Виноградова) и не имеет прямого отношения к интересующему нас вопросу.

²⁰⁰ L. Sax., XIV; XVI. Для установления вергельда саксонского *liber* ср. эти главы с гл. LXVI L. Sax. и гл. XXXVI, § 4 L. Rib. На основании этого сравнения можно утверждать, что вергельд саксонского *liber* по Рипуарской правде в 160 больших солидов по 12 денариев или 3 тремиссы равен 240 малым солидам (в 2 тремиссы), а так как вергельд по L. Sax. уплачивался малыми солидами, то отсюда следует, что вергельд саксонского лита вдвое меньше вергельда фрилинга.

²⁰¹ L. Sax., XVII.

²⁰² Эту неравномерность штрафов, уплачиваемых за одинаковые проступки лицами разных социальных статусов, Гекк толкует как особый саксонский принцип *Aktivstufung*.

²⁰³ Cap. de part. Sax., V.

²⁰⁴ L. Sax., XVII: servus a nobili occisus 36 solidis componatur vel tribus iurantibus negetur; a libero vel lito pleno sacramento negetur (о разнотчении а *liberto* у Тялье и о полемике по этому вопросу см. выше, стр. 115—116).

²⁰⁵ Литы в Салической правде и альдии в эдикте Ротари тоже сопоставляются то с сервами, то со свободными (ср. L. S., XIII, § 7, Ad. 1; XXVI, § 1; XXXV, § 5; XLII, § 4; L, § 1; Ro, § 76—102, 205—206; 216—217).

²⁰⁶ Мы имеем здесь в виду, конечно, те проступки литов, за которые они несут личную ответственность.

известном смысле рассматривать и самое литство как градацию (пусть низшую!) саксонско-фризской свободы. С этой точки зрения можно утверждать, что градуированность прав-обязанностей, составляющих реальное позитивное содержание этой свободы, проходит через весь общественный строй саксов и фризов и распространяется не только на nobiles и liberi, но и на литов (не говоря уже о градациях внутри литства, о которых — ниже).

Если мы попытаемся теперь сформулировать основные черты (или элементы) свободы саксонско-фризских литов, мы увидим, совокупность характерных для всякой родо-племенной свободы прав-обязанностей: 1) пребывание в роде, 2) частичная юридическая правоспособность, которая выражается: а) в ответственности лита за проступки, совершенные не по воле господина; б) в вытекающем отсюда праве участия в судебном собрании, являющемся в то же время и обязанностью лита; в) наличие известных имущественных прав. Эти признаки свободы — пусть ущербной и частичной — свойственны, по-видимому, всем литам, ибо Саксонская и Фризская правды говорят о них в общей форме, как о явлениях, присущих самому институту литства.

Но в наших памятниках мы находим и такие элементы свободы, которые свойственны лишь определенным категориям литов, и они лежат главным образом в сфере имущественных прав: так, одни литы могли иметь рабов (как и лангобардские альдии)²⁰⁷ и достигали такой зажиточности, что в состоянии были выкупиться на волю, приобрести полную свободу с совершенной независимостью от господина, другие продолжали нести *servitium* в пользу последнего и могли стать независимыми от него лишь в силу предпринятой им по его инициативе процедуры освобождения; с другой стороны, ряды литов пополнялись у фризов разоряющимися свободными, вступившими в литскую зависимость, при этом предусматривался случай, когда один из таких свободных фризов становился литом другого лита. Не с этим ли фактом связано то, что во Фризской правде, а может быть, и во второй части Саксонской правды литы частично фигурируют даже как носители правовых норм?

Как бы то ни было, дифференциация имущественных прав литов, в основе которой лежит, конечно, общий процесс имущественного и социального расслоения, шедший в саксонском и фризском обществе изучаемого периода, позволяет нам гипотетически наметить три категории саксонско-фризских литов с различными имущественными правами: 1) литов, не имеющих рабов, 2) литов, владеющих рабами, и 3) литов, в литскую зависимость от которых могут вступать свободные, — иными словами, таких литов, которые, в свою очередь, имеют зависимых от них литов, причем последние, по-видимому, принадлежат к первой из намеченных нами категорий²⁰⁸. Вероятно, лишь литы третьей, по-видимому,

²⁰⁷ Ro, § 235.

²⁰⁸ Любопытно, что кентские лэты подразделялись на три категории с различными вергельдами (Aethelbert, 28: ср. *F. Liebermann. Op. cit., Bd. I, S. 4*); эта параллель тем более показательна, что некоторые исследователи выводят население Кента из Фрисландии (ср. *K. Rhamm. Op. cit.*).

самой малочисленной категории могли выступать у фризцев в качестве носителей правовых норм наряду с нобилиями и *liberi*.

Для литов первых двух категорий, т. е., очевидно, для большинства, несение *servitium* являлось конститутивным моментом их социального статуса. В основе его лежала, видимо, поземельная зависимость лита от господина, что можно усмотреть как из того, что вступление фризского *liber* в литский *servitium* мотивируется разорением этого свободного²⁰⁹, так и из аналогий с положением кентских лэтов и лангобардских альдиев²¹⁰. Саксонский или фризский лит — в основном зависимый земельный держатель. Он еще не держатель феодального типа, от которого его отличает прежде всего иная система эксплуатации (вряд ли *servitium* тогдашнего лита был тождествен барщине и другим повинностям феодального держателя — скорее его следует сравнивать с скромными оброками тацитовского серва), а затем то, что он живет при таком общественном укладе, при котором «трудящимися производящими субъектами» (по терминологии Маркса) являются все свободные и поэтому труд зависимого держателя не может играть такой роли, как в феодальном обществе²¹¹.

Но поскольку в саксонском и фризском обществе шли такие процессы социально-экономического развития, которые в конце концов (т. е. через два-три столетия после фиксации соответствующих Правд) привели к росту феодальных отношений, постольку можно говорить о тенденциях развития в данном направлении. В этом смысле зависимые держания саксонско-фризских литов, по-видимому, предвосхищают тот новый тип общественной структуры, когда все общество разделится на зависимых держателей и их господ; они являются как бы очень ранними предвестниками феодальных зависимых держателей — не по характеру эксплуатации или зависимости литов, а в силу самого факта наличия того и другого. Поэтому цитированный выше Рюстрингский комментарий и определяет литов как сыновей зависимых людей, ушедших от родителей и переселившихся на собственное держание (or ayn god — *Eigengut*)²¹², а все саксонские хроники IX—X вв. (за исключением Рудольфа Фульдского) включают литов в состав саксонского племени на третьем месте после эдельнгов и фрилингов, в то же время резко отграничивая их от рабов²¹³, причем Нитард²¹⁴ подчеркивает их участие в восстании Стеллинга против господ наряду с фрилингами.

²⁰⁹ Вспомним L. Fris., XI, § 1: *Liber homo... forte necessitate coactus...*

²¹⁰ Так, кентские лэты — зависимые люди, сидящие на чужой земле. То же относится и к лангобардским альдиям (см. Ro, § 235 и глоссу XI в. к § 23 эдикта Лиут-бранда). См. выше, гл. II.

²¹¹ Карл Великий возложил и на литов уплату десятины в пользу церкви и поставку рабочей силы рабов в ее распоряжение (*Cap. de part. Sax.*, XVI, XV).

²¹² Рюстрингский комментарий к Kure, 8. См. *Friesische Rechtsquellen*, hrsg. von K. von Richthofen. Berlin, 1840, S. 539; ср. также: K. von Richthofen. *Untersuchungen zur friesische Rechtsgeschichte*, Bd. I—III. Berlin, 1880 (Bd. II, S. 1045).

²¹³ *Widukind. Res gestae Saxonicae*.—MGH, SS, t. III, S. 424—425: *triformi genere... praeter conditionem servilem dividitur; Hucbald. Vita Lebuini*, S. 361.

²¹⁴ *Nithard. Historiarum libri quattuor*, IV, 2—6. Лишь Рудольф Фульдский не упоминает на этом обычном месте литов, помещая между сервами и *liberi* группу *liberti* (MGH, SS, t. II, S. 675). Толкование этого текста см. выше.

Положение ли́та как зависимого земельного держателя дофеодального типа объясняет и двойственность его социального статуса, которая отражается в своеобразном характере его полусвободы. *Ибо неполноте несвободы ли́та соответствует неполнота его свободы. Подобно тому, как черты его несвободы содержат отмеченные выше элементы свободы, так и черты его свободы содержат элементы несвободы.*

Те права, которыми обладает лит и которые характерны для родоплеменной свободы (юридическая правоспособность, наличие известных имущественных прав), принадлежат ему не в полной мере, а лишь частично. Поэтому обладание ими лишь отчасти включает его в состав саксонско-фризского общества, состоящего из совокупности полноправных носителей этих прав-обязанностей. Иными словами, общество включает его в свой состав, как неполноправного члена. В этом смысле литство — институт неполной зависимости и неполноправной свободы, характерный именно для дофеодального — родоплеменного и варварского — общественного уклада, где его наличие лишь сильнее оттеняет полноправие большинства членов племени. Перефразируя Тацита, можно сказать, что у саксов и фризов *impares liti libertatis argumentum sunt* ²¹⁵.

²¹⁵ См. Tacit., Germania, 25: *impares libertini etc.*

Перерождение варварского общества по лангобардским Правдам VIII в.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОБСТВЕННОСТИ

Разложение родо-племенного строя под воздействием феодализационного процесса удобно проследить по поздним эдиктам лангобардских королей конца VII и главным образом VIII в. Ибо каким бы успешным ни был этот процесс в лангобардском королевстве VIII в., он еще не привел к полному торжеству феодализма. К тому же он столь тесно переплетался с процессом перерождения родо-племенных связей изнутри, что представляет как бы продолжение того третьего этапа развития лангобардского общества, который мы наметили в заключительной части нашего анализа эдикта Ротари¹. Тесная связанность этих обоих процессов — разложения родо-племенного уклада под давлением сил, действовавших на него извне и изнутри, — в лангобардском обществе VIII в. позволяет проследить не только успехи феодализации, но и самый ход отмирания и перерождения архаических форм собственности, а также дальнейшее изменение конкретного содержания старинной родо-племенной свободы. По признаку сочетания пережитков старины с некоторыми, уже довольно ясно выраженными чертами феодального строя эдикты лангобардских королей VIII в. представляют частичную аналогию с англосаксонскими законами. Эта аналогия распространяется и на самый характер обеих групп памятников, представляющих собой фиксацию варварского обычного права в форме королевских распоряжений. Причем дело не ограничивается одной только формой — отмеченная особенность этой фиксации накладывает печать на самое варварское право, знаменуя усиливающееся вмешательство королевской власти в процесс его перерождения.

Однако поздние эдикты лангобардских королей конца VII — VIII в. (Гримоальда, Лиутипранда, Ратхиса и Айстульфа) резко отличаются от эдикта Ротари по степени этого вмешательства: в то время как эдикт Ротари — все-таки типичная варварская Правда, лишь облеченная в форму королевского законодательного акта, более поздние эдикты напоминают отчасти те франкские капитулярии, которые являются дополнения-

¹ См. выше.

ми к варварским Правдам, в частности к Салитеской и Рипуарской (*Capitularia legibus addenda*), но отличаются от них значительно большей систематичностью. Таким образом, упомянутые эдикты, все время исходящие из обычного варварского права лангобардов, постоянно ссылающиеся на эдикт Ротари и вносящие в него целый ряд весьма радикальных изменений, не только по своему содержанию, но и по чисто формальным особенностям как нельзя более пригодны служить материалом и объектом для анализа процесса перерождения собственности и свободы под влиянием начального этапа феодализации. Но эдикты VIII в., в частности законы Лиутпранда, дают в то же время яркое представление и об успехах разложения родо-племенных связей изнутри и о вызванных этим изменениях в структуре собственности.

В VIII в. у лангобардов род явно отступает перед семьей, и большая семья уступает место малой. Это выразилось в первую очередь в возникновении нового порядка наследования. Согласно эдикту Лиутпранда от 717 г., дочери (при отсутствии законных сыновей) наследуют целиком имущество отца и матери, как если бы они были законными мужскими наследниками (это относится в одинаковой мере к замужним и незамужним дочерям). В случае отсутствия дочерей в права наследования вступают сестры умершего (как незамужние, так и замужние), которые и наследуют целиком все имущество бездетного брата, а при наличии у него детей — ту часть, которую замужние сестры успели получить к моменту их выхода замуж. При отсутствии у умершего сыновей, но при наличии у него дочерей и сестер, его сестры наследуют все его имущество в равных долях наравне с его дочерьми, как если бы и те, и другие были его законными сыновьями (*fili legitimi*). Они могут быть лишены наследства только за неповиновение воле отца или брата².

Достаточно сравнить порядок наследования в эдикте Лиутпранда и в эдикте Ротари, чтобы понять всю глубину различия между ними. Согласно эдикту Ротари, наибольшими правами в смысле наследования имущества тоже пользуются законные сыновья (это основной пункт сходства порядка наследования по обоим эдиктам); вслед за ними идут законные дочери и сестры, и на последнем месте стоят незаконные сыновья и ближайшие родные (*parentes proximi*)³. Но если у умершего остается одна законная дочь, один или несколько незаконных сыновей и несколько ближайших родственников, то каждая из этих категорий наследников получает одинаковую часть наследства⁴. Если же есть (при прочих равных условиях) несколько законных дочерей и сестер, они получают половину наследства, незаконные сыновья — треть, а законные сородичи (*parentes legitimi*) — шестую часть⁵.

² Li, § 1—5. Исключение составляет лишь наследование вергельда в том случае, если отец был убит: ввиду того, что женщины не имеют права принимать на себя фиду, вергельд наследуют при отсутствии сыновей ближайшие родственники убитого (*propinqui parentes*); но при отсутствии последних половину вергельда получают все-таки дочери, а другую половину — королевский фиск (*curtis*). Cp. Li. § 13.

³ Ro, § 153—154.

⁴ Ro, § 158.

⁵ Ro, § 159—160.

Иными словами, бесспорными и первыми наследниками являются по эдикту Ротари сыновья, в случае их отсутствия вступают в свои права дочери и сестры, а притязания ближайших сородичей имеют силу только при отсутствии прямых потомков мужского или женского пола⁶.

При сравнении порядка наследования в обоих эдиктах прежде всего бросается в глаза отсутствие упоминания незаконных сыновей и ближайших сородичей у Лиутпранда. С этим тесно связано и другое кардинальное различие — то, что, согласно эдикту Лиутпранда, при отсутствии законных сыновей у умершего его имущество делят поровну его дочери, а если их нет, — его сестры; при наличии у умершего дочерей и сестер и те и другие получают все его имущество целиком, распределяя его между собою поровну, в то время как по эдикту Ротари дочери и сестры не оставившего сыновей лангобарда получают лишь половину наследства, а другая достается незаконным сыновьям и родственникам.

Таким образом, мы имеем в фиксированном Лиутпрандом порядке наследования как бы радикализацию принципов эдикта Хильперика⁷, т. е. отмену притязаний сородичей на выморочное владение в пользу дочерей и сестер, с одним только немаловажным отличием — отсутствием братьев умершего в постулируемой Лиутпрандом шкале наследования⁸. Это отличие не случайно: оно знаменует разложение большой семьи, чему вполне соответствуют и другие особенности порядка наследования по эдикту Лиутпранда. В самом деле, в случае отсутствия сыновей дочери наследуют целиком имущество обоих родителей, т. е. не только отца, но и матери; замужние дочери и сестры наследуют наравне с незамужними, и притом не сообща, а поровну. Все это свидетельствует о том, что женщина получает право иметь собственное имущество, независимое от воли ее мужа и не поглощаемое его имущественными правами, ибо она сохраняет свою долю в наследстве даже если выйдет замуж, а после ее смерти ее дети — сыновья и дочери — наследуют ее имущество, так же, как имущество ее мужа.

Более того, несмотря на юридическую неправопособность женщин в делах, связанных с *файдой*, дочери убитого — в случае отсутствия сыновей и ближайших родственников — все же получают половину *вергельда*⁹, а *фиск* — вторую половину. Всеми указанными правами наследования пользуются дочери и в случае сохранения ими нераздельного совладения имуществом отца или матери и после смерти обоих родителей, а после смерти одной из сестер их опекуны (*Mundwalt*) и родичи (*parentes autem propinqui*) получают лишь *mundium*, но не приобретают никаких прав на совладение или наследование¹⁰.

⁶ Ср. А. И. Неусыхин. Общественный строй лангобардов в VI—VII вв., стр. 27.

⁷ См. разбор этого эдикта выше, гл. I.

⁸ Братья в эдикте Лиутпранда фигурируют иногда даже в составе ближайших сородичей (*proximi parentes*), а иногда стоят впереди их, но исключаются из состава семьи (ср. Li, § 17: *nos proximos fratros appellamus*; ср. Li, § 105).

⁹ Li, § 13.

¹⁰ Li, § 14: *De sororibus, qualiter una alteri succedere debeant. Si sorores in casa patria remanserint... etc.* Здесь же еще раз подчеркивается (со ссылкой на Li, § 1), что выход одной из сестер замуж не лишает ее прав наследования, — ни имущества родителей, ни имущества одной из умерших сестер.

Самая регулировка имущественных прав сестер, оставшихся в доме отца, представляет любопытную параллель к аналогичной регулировке прав неразделившихся братьев в эдикте Ротари ¹¹.

Однако во времена Лиутпранда происходит не только уравнивание женщин с мужчинами в правах наследования ¹², но и отмирание отмеченных сторон совладения. Так, совместное владение землей братьями (аналогичное отображенному в § 167 эдикта Ротари) признается неприкосновенным лишь через 40 лет. При возможном после истечения этого срока разделе каждый из его участников имел право претендовать на обладание (сверх своей доли) тем имуществом, которое он приобрел лично для себя путем обмена, покупки или получения пожалования, — остальное должно было быть поделено поровну между братьями — сыновьями умершего — или его внуками ¹³.

Требование соблюдения равенства долей при разделе и указание на возможность непосредственного совладения имуществом братьями и родичами ¹⁴ свидетельствует, правда, о том, что большая семья не сразу отошла в область преданий. Но, с другой стороны, самая точность и детальность предписаний о разделах, и в частности возможность раздела до истечения срока сорокалетней давности ¹⁵, говорят о том, что они стали очень частым явлением. А наряду с этим узаконяется неравное наследование в пределах малой семьи по воле ее главы — отца, который получает право завещать тому или иному сыну как бы в виде особой награды за послушание и услуги сверх его законной доли некоторую прибавку, в известной пропорции, чем, конечно, нарушается, отмеченный выше принцип равенства наследуемых долей владения ¹⁶. Закон Айстульфа от 755 г. распространяет это право отца также и на дочерей с прямой ссылкой на § 113 эдикта Лиутпранда ¹⁷.

¹¹ Ro, § 167.

¹² Женщина имеет право даже продавать свое имущество (правда, с согласия мужа, но в присутствии ее, а не его ближайших родных), и акт продажи остается в силе даже в случае вторичного замужества этой женщины после смерти ее первого мужа (cp. Li, § 22).

¹³ Li, § 70: Si inter fratres per quadraginta annos possessio fuerit de rebus suis, seu de casis vel de terris quae indivisa sunt, vel per parentes, qui per quadraginta annos possedit, qualiter presumit dicere... quod de habeo aut de fratre aut qualis parens fuerit, quod ipsas res suas factas habuit aut per donatione aut commutatione aut conporatione aut de extinctione aut, quomodo praesumpserit dicere aut firmare liceat sum postea ipsas res habere et possidere. Alias vero res, quae divisae fuerunt inter fratres aut nepotes... sortes stantes adaequantur.

¹⁴ Li, § 74: cum fratribus aut cum parentibus suis...; ...sic tamen ut omni tempore sortis stares debeant et adaequatis percurrat; cp. Li, § 70: excepto si communiter aliquid possident.

¹⁵ Li, § 74: Si infans, dum intra aetate est, res suas cum fratribus aut cum parentibus suis dividere voluerit, aut si ipsi cum ipso infante dividere voluerint, faciat iudici notitiam. Любопытно, что раздел разрешается здесь даже несовершеннолетнему (через посредство королевского должностного лица — iudex).

¹⁶ Li, § 113: Si quis langobardus voluerit in filios suos sibi bene servientibus aliquid largire, habeat licentiam in hoc modo, ut si fuerunt duo filii, tertiam partem substantiae suae possit meliorare eum, qui ei bene et secundum deo obediens fuerit et servierit. Et si tres fuerent, habeat licentiam, quartam partem meliorare quem voluerit etc.

¹⁷ Aist., § 13.

При столь далеко зашедшем процессе распада большой семьи¹⁸ и выделения индивидуальной собственности не только в ее пределах, но даже внутри малой семьи — в виде частного владения отдельных ее членов — дарения уже не стоят в таком резком противоречии к порядку наследования, как в эдикте Ротари. В сущности право отца на предпочтительное завещание добавочной доли наследства в пользу наиболее угодных ему сыновей или дочерей и есть не что иное, как замаскированная форма проникновения дарений в недра малой семьи. Правда, эта форма выступает здесь не как *thingatio*, а как завещание, однако мы знаем, что на первом этапе возникновения прав передачи имущества в нарушение установленной шкалы наследования устное завещание и зачаточный вид дарения еще слиты воедино в нераздельном акте «аффатомии»¹⁹. Пусть последняя постулирует передачу имущества чужому, но в период распада родственных связей вполне естественно сближение и частичное слияние дополнительного завещания в пользу отдельных «избранных» членов семьи с своеобразной формой дарения.

Как бы продолжая и поддерживая эту тенденцию, эдикт Лиутпранда разрешает отцу, имеющему одного законного сына и одну или несколько законных дочерей, завещать перед своей смертью одной из них на случай ее выхода замуж четвертую часть своего имущества²⁰.

Но и форменные дарения в пользу посторонних лиц через процедуру *thingatio* обставлены в поздних лангобардских законах гораздо меньшим числом ограничений, чем в эдикте Ротари. Правда, Лиутпранд распространяет некоторые из этих ограничений, установленных Ротари в защиту наследственных прав сыновей²¹ дарителя, и на его дочерей, что вполне соответствует отмеченной выше общей тенденции законодательства Ротари к расширению наследственных и имущественных прав женщин.

В соответствии с этим Лиутпранд предписывает, чтобы отец, не имеющий сыновей, считался с наследственными правами и имущественными интересами своих дочерей. Согласно предписанию, отец не имеет права дарить более 2/3 своего владения и обязан оставить одну треть дочери. Если у него родится дочь после совершения им акта дарения (*thinx*), то из подаренного изымается в ее пользу одна треть. Если же после этого родятся две дочери, то в их пользу изымается половина подаренного. Мотивировка — та же, что и в эдикте Ротари (с прямой ссылкой на § 171 этого эдикта) при защите наследственных прав сыновей от ущерба, который может быть причинен им дарением: «ибо никто не имеет права через посредство дарения и уплаты *launegild* лишать свою дочь

¹⁸ Важным признаком разложения родовых связей является и та борьба, которую ведет королевская власть с кровной местью. Так, Лиутпранд предписывает уплату традиционного вергельда лишь за убийство при самозащите, карая убийство при нападении конфискацией имущества убийцы в пользу родных убитого (*Li*, § 20; ср. § 135: *melius est, ut se vivo componat virigild suum, quam de mortuo crescat faida inter parentis*).

¹⁹ *L. S.*, XLVI.

²⁰ *Li*, § 102.

²¹ *Ro*, § 158—159, 171.

причитающейся ей доли наследства в виде третьей части имущества отца (или половины его, если налицо две дочери)»²².

С другой стороны, однако, дарения стали столь распространенным бытовым явлением, настолько вошли в жизнь лангобардского общества VIII в., что Лиутпранд объявляет их необратимыми²³ (если только они произведены по законной форме *per gairethinx aut per susceptum launegild*) и приравнивает право владения объектами таких дарений — по истечении 30-летнего срока обладания ими — к полной собственности с запретом предъявления к владельцу каких-либо претензий, связанных с актом дарения²⁴. Тем самым он лишь применил к дарениям порядок, установленный еще Гримоальдом, который приравнял к собственности 30-летнее владение домом, рабами и землей (Grim, 4). В соответствии с этим Лиутпранд систематизирует и упорядочивает правовую форму дарения (конечно, посторонним лицам, а не родственникам), объявляя недействительными все дарения без уплаты *launegild* и процедуры *thinxatio*, за исключением дарения в пользу церкви²⁵. Вместе с тем он запрещает производить дарения и прочие имущественные сделки несовершеннолетним, т. е. лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Мотивировка этого запрещения тем, что такие дарители после достижения ими совершеннолетия нередко аннулируют собственные дарственные и иные акты, указывает на то, какие злоупотребления порождало широкое распространение практики дарений и с какими глубокими сдвигами социально-экономического порядка оно было связано²⁶.

Эти сдвиги не только знаменуют торжество индивидуальной собственности, но и отражают процесс перемещения владений — в том числе, по-видимому, и поземельной собственности — из рук в руки.

Об успехах этого процесса свидетельствует обилие постановлений Лиутпранда, регулирующих всякого рода имущественные сделки с движимостью и недвижимостью — залоги и ссуды, долговые обязательства, обмен и продажу²⁷. Сыновья несут ответственность за долги отца — правда, не

²² Li, § 65: *...quod per nullam donationem nec per launegild possit filiam suam de ipsam tertiam portionem substantiae suae exherede facere... et si duae et amplius fuerent de medietatem* (cp. Ro, § 171).

²³ Li, § 43.

²⁴ Li, § 54: *De possessionem. Si quis cartolam donationis per gairethinx facta aut per susceptum launigild... ostenderit... si per triginta annos et super possessio ipsa fuerit, non habeat adversus eum, qui possedit, ...quod ostendere videtur.*

²⁵ Li, § 73: *De donatione quae sine thingatione, facta est, menime stare debeat... Quia in loca sanctorum aut in exenodochio nec thinx, nec launigild impedire devit eo quod pro anima factum est.* Дарения в пользу церкви вообще всячески поощрялись Лиутпрандом — это было одним из приемов политики королевской власти в обстановке роста крупного церковного землевладения (cp. Li, § 6, 19, 73, 143). Cp. Aist., § 12, 16. Дарения в пользу церкви «за спасение души» разрешались даже малолетним (Li, § 19), и церковь рассматривалась как законное место убежища для беглых сервов и альдиев, причем их владельцам и патронам запрещался их розыск в пределах церковных учреждений и насильственный их увод оттуда (Li, § 143). О королевских пожалованиях см. ниже, Li, § 58, 79.

²⁶ Li, § 58: *Si infans, dum intra etate est, res suas cuicumque dederit aut infiducia verit, postea cum in legitima etate venerit, secundum legem cartolam ipsam inrumpere voluerit, et in rebus ipsis introire etc.*

²⁷ Li, § 15—16, 19; 57—58; 67; 108—110; 115—116; 149; Aist., § 14.

своим имуществом, приобретенным ими их собственным трудом, покупкой или путем заключения выгодного брака, а тем, что они получили от отца и матери по наследству²⁸. От этой ответственности не избавлены даже малолетние²⁹, которым Лиутпранд строго-настрого запрещает совершать дарения, но которым он вынужден разрешить продажу части их земельных владений и движимого имущества, если это необходимо для поддержания их существования³⁰.

Должнику приходится иногда продавать свое имущество в счет уплаты долга, и бывают случаи, когда полная ликвидация имущества не покрывает суммы долга³¹. В состав залога могут входить рабы, скот, деньги, утварь, ремесленные изделия, одежда³². Обмен земельными владениями (пахотным полем, лугом или лесом), не оформленный соответствующей грамотой, может быть оспорен третьими лицами. В таком случае тот, кто получил данное владение в силу обмена и уже начал его обрабатывать, разводить на его территории виноградник, строить дом и сооружать изгородь, имеет право требовать не только возмещения убытков со стороны того, кто передал ему в обмен данное владение и не смог защитить его от посторонних притязаний, но и возврата ему его прежнего вымененного владения³³ (то же относится и к продаже). Во избежание подобных недоразумений Лиутпранд советует оформлять обмен при помощи грамоты и преследует изготовление подложных грамот³⁴.

В полном соответствии с процессом мобилизации земельной собственности и роста разного рода имущественных сделок находится и энергичная защита прав индивидуального владения каждого домохозяина в эдикте Лиутпранда. На чужой земле запрещается рыть рвы и сооружать изгороди³⁵; человек, нашедший в своем лесу (*in silva sua*) чу-

²⁸ Li, § 57: ... et filius eius per uxorem suam aliquid conquisierit vel postea sibi per quocumque genio laboraverit.

²⁹ Li, § 19.

³⁰ Li, § 149.

³¹ Li, § 57: Si quis debitum fecerit, et res suas vendiderit, et talis fuerit ipse debitus, quod sanare non possit.

³² Li, § 109: sicut superius de servo aut ancillam statuimus ita et de cavallos vel boves, aurum vel argentum, vestimenta, aeramenta, ferramenta aut animalia minuta vel quolibet pignus fuerit.

³³ Li, § 116: Si quis commutaverit terram arvam, aut pratum vel silvam, et inibi laboraverit et aedificium fecerit, aut clausura aut vinea posuerit, et postea surrexerit, tertius homo qui ipsum locum suum faciat, et eum ille qui dedit defendere non potuerit, recipiat res suas, quem dedit et insuper ille qui dedit et menime potuerit defendere, ipsum damnum ei restituat quantum adpretiatus fuerit quod ibidem postea laboravit vel edificavit; sic de conporatione statuimus, sicut et de commutatione.

³⁴ Li, § 115—116. Любопытно уже самое внедрение письменного делопроизводства в юридическую практику заключения подобных сделок. Показательно и проникновение в эту сферу римских юридических понятий, выражающееся в том, что, согласно закону Айстульфа, муж может завещать жене часть своего имущества в usufruct — правда, в ограниченном размере в случае наличия у него детей (а именно: не более половины стоимости ее меты и Morgengabe) (Aist., § 14). Ср. также предписание Лиутпранда о составлении грамот по лангобардскому и римскому праву (Li, § 91). Об элементах римского права в лангобардских эдиктах VIII в. см.: A. Halban-Blumenstock. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. 2. Teil. Breslau, 1901, S. 106—203.

³⁵ Li, § 46—47: terra alterius; cp. § 148—150.

жой воз дров, запряженный волами, имеет право присвоить все это себе ³⁶. За проход свободной девушки или женщины по чужому засеянному полю ее опекун уплачивает штраф в 6 солидов ³⁷. При регулировании правил загона свиного стада в чужой лес охраняются не только интересы хозяина стада, но и владельца леса ³⁸. Между жителями села возникают тяжбы и споры по поводу владения полем, виноградником, лугом и лесом, приводящие к вооруженным столкновениям и даже убийствам, причем одна группа домохозяев требует изгнания из деревни человека, по их мнению, несправедливо присвоившего себе одно из этих земельных угодий (а на самом деле, может быть, владевшего им по праву), в то время как другая группа, по-видимому, защищает его ³⁹. Великолепная иллюстрация к трансформации того порядка вселения *migrants* в деревню-виллу, который рисует Салическая правда! Мы говорим о разложении этого порядка, ибо, во-первых, здесь уже и лес становится предметом индивидуального владения, а во-вторых, и это главное, вместо *conventum*, троекратной *testatio*, вызова на *mallus* и приглашения графа на лицо самосуд соседей, и сам изгоняемый — уже не «переселенец», а обитатель того же села, «захватчик» — с точки зрения его противников, и законный владелец — с точки зрения его сторонников.

Естественно, что в такой обстановке роста индивидуально-семейного владения и разложения родовых связей соседство начинает преобладать над родством. Правда, родственники все еще принимают участие в совершении целого ряда сделок: в акте передачи *Morgengabe* жене ⁴⁰, в исках и тяжбах малолетних, которые *iudex* разбирает в присутствии *parentes* и *propinqui* ⁴¹, в даче свидетельских показаний по тяжбам между соседями или сородичами ⁴², а в случае убийства при нападении имущество убийцы конфискуется в пользу родных убитого ⁴³. Но в этой социальной функции сородичей бросаются в глаза две новые черты: во-первых, в их среде все большую роль начинают играть отец и брат, а во-вторых, родственники все реже и реже выступают без посредства и участия соседей. Так, опекун (*munduold*) девушки не имеет права давать согласие на ее обручение или вступление в брак до достижения ею 12-летнего возраста, но отцу и брату Лиутпранд разрешает совершать обручение дочери или сестры в любом возрасте с весьма характерной сентен-

³⁶ Li, § 82: *si quis carrum et boves in silva sua invenerit.*

³⁷ Li, § 146.

³⁸ Li, § 151: *si quis porcos in silvam alienam diffensam miserit... ille cuius silva est.*

³⁹ Li, § 134: *Si hominis in uno vico habitantis aliqua intentionis habuerit de campo aut vinea, prado aut silva vel de alias res, et collexerent se una pars cum virtutem et dixerent: quia vivamus et expellimus eum de ipsum locum per virtutem foras, et ambolaverunt et scandalum ibi comissum fuerit et plagas aut feritas factas vel homo occisus fuerit. В том случае, если изгоняемый владел спорным участком на законном основании, нападающие должны уплатить штраф в 20 солидов за покушение на чужое владение. Ср. § 141.*

⁴⁰ Li, § 7.

⁴¹ Li, § 75.

⁴² Li, § 8.

⁴³ Li, § 20.

диозной мотивировкой: «ибо мы убеждены в том, что отец не станет выдавать свою дочь, а брат — сестру по злему умыслу или неразумно за неподходящего человека»⁴⁴.

Этому господствующему положению отца и брата в среде ближайших родственников, свидетельствующему о сужении родственных связей, соответствует отмеченное выше усиление роли соседей при заключении юридических актов и сделок. Так, *Morgengabe* передается в присутствии не только родственников, но и «друзей»⁴⁵, под которыми надлежит, конечно, разуметь соседей; соседи и сородичи сопоставляются и там, где речь идет о тяжбах, которые могут возникнуть среди жителей одной и той же местности (по-видимому, односельчан), причем разбор подобных дел происходит с помощью трех-четырех свидетелей, заслуживающих доверия со стороны *principes* или его *iudex* и пользующихся хорошей славой у местного населения⁴⁶.

Однако соседи принимают участие в совершении целого ряда очень важных актов и сделок не только совместно с родственниками, но и без их помощи. Так, либертин, отпущенный на волю и получивший полную свободу (через посредство процедуры *thingatio* с объявлением его *fulfree et haamund*, или путем освобождения перед лицом короля или, наконец, в церкви), должен удостоверить эту свою свободу в присутствии *iudex* и своих соседей⁴⁷. Соседи играют роль поручителей при совершении залоговых сделок⁴⁸, они передают в пользование друг другу те или иные составные части своего имущества⁴⁹ и участвуют в разборе столкновений между односельчанами⁵⁰.

Основной ячейкой той части лангобардского общества, которая состоит из рядовых свободных, все более и более становится деревня, населенная соседями. В деревне, как мы видели, возникают острые конфликты из-за поземельной собственности. Иногда в них принимает участие не только мужское, но и женское население деревни: люди, стремящиеся захватить чужой дом (*casa*) или ворваться силой в чужое село, но опасаясь сделать это, подсылают женщин (как свободных, так и рабынь), за что те и должны нести суровое наказание перед лицом соседей, живущих в деревнях данной местности⁵¹. Даже когда идет речь о не-

⁴⁴ Li, § 12: *quoniam ista licentia ideo dedimus, eo quod credimus, quod pater filiam aut frater sororem suam doloso animo aut contra rationem cuiquam homini dare non debeant* (cp. Li, § 119).

⁴⁵ Li, § 7: *ante parentes et amicos suos*.

⁴⁶ Li, § 8: *Si qualiscumque causa inter conliberta aut parentis convenerit...*

⁴⁷ Li, § 55: *...manifestare debeat libertus ipse libertatem suam sepius iudici et ad vicinos suos*.

⁴⁸ Li, § 38: *...fideiussorem hominem liberum, quem conlibertus eius cognitum habet*.

⁴⁹ Li, § 131: *Si quis commendaverit res suas in cuiuscumque casam de conlibertos suos, libero hominem*.

⁵⁰ Li, § 8.

⁵¹ Li, § 141: *Relatum est nobis quod aliqui homines perfidi... dum per se non presumpserunt mano forti aut violento ordinem intrare in vicum aut in casam alienam... fecerunt collegere mulieres suas, quascumque habuerunt, liberas et ancillas, et miserunt eas super homines, qui minore habebant virtute... Insuper et publicus... comprehendat ipsas mulieres et faciat eas decalvare et frustare per vicos vicinantes ipsius loci; cp. § 134.*

счастливым случае, происшедшем с ребенком, по недосмотру владельца какого-либо животного, подчеркивается, что это происходит *in vivo* ⁵².

Торжество соседских связей над родовыми в пределах села, тесно связанное с победой малой семьи над большой и с преобладанием индивидуальной собственности, идет рука об руку с процессом имущественного расслоения в среде свободных, которое усиливается одновременно изнутри и извне и приводит к возникновению собственности предфеодального типа и первых ранних форм феодального держания. Рост этого неравенства сказывается, например, в самом порядке конфискации имущества совершившего нападение убийцы: дело ограничивается конфискацией этого имущества лишь в том случае, если его стоимость превышает сумму установленного вергельда; если же она не достигает этой суммы, то и сам убийца передается в руки родных убитого ⁵³.

Нередки и другие случаи, когда свободные лангобарды, совершившие какие-либо преступления (составление подложного завещания, прелюбодеяние и т. п.), не в состоянии уплатить вергельд ⁵⁴. Иногда неспособность свободного человека уплатить вергельд за кражу, прелюбодеяние или участие в драке приводит к полному или временному закабалению такого несостоятельного свободного ⁵⁵. Любопытно, что штраф, который он не смог уплатить, колеблется между 6 и 20 солидами: значит, бывали во времена Лиутпранда такие свободные, которые не имели имущества стоимостью в 6—20 солидов. Если штраф равнялся 20 солидам, то совершивший проступок и не уплативший штрафа становился рабом потерпевшего на всю жизнь; если штраф был меньше этой суммы (от 6 до 12 солидов), то виновный должен был в качестве раба отработать потерпевшему в течение нескольких лет невыплаченный им штраф ⁵⁶.

Более того, есть такие свободные, дети которых буквально умирают с голоду, так что Лиутпранд вынужден разрешить им (при участии *iudex*) продажу земли и движимости ⁵⁷, несмотря на его собственный запрет всяких имущественных сделок с несовершеннолетними ⁵⁸. Но и этого мало: законодательство Лиутпранда готовит исследователю и не такие сюрпризы. Так, мы узнаем из него, что муж подговаривает свою жену совершить прелюбодеяние в расчете на получение ее имущества после казни жены за неверность (согласно эдикту Ротари) ⁵⁹; законодатель жестоко карает жену, преступного мужа и его пособника — нарушителя супружеской верности; последний отдается в руки родных преступной женщины, которая подвергается смертной казни и имущество которой наследуют ее сыновья или родные, а муж должен сверх того уплатить им вергельд. Однако, несмотря на всю суровость наказания, Лиутпранд вынужден сам называть такого мужа «несчастливым человеком, который по-

⁵² Li, § 137.

⁵³ Li, § 20.

⁵⁴ Li, § 63, 121.

⁵⁵ Li, § 152; ср. также § 63.

⁵⁶ Li, § 152.

⁵⁷ Li, § 149.

⁵⁸ Li, § 19.

⁵⁹ Li, § 130 (ср. Ro, § 212).

шел на такое злое дело, чтобы приобрести имущество жены, хотя бы путем потери ее самой»⁶⁰. А если так, то вряд ли он был в состоянии выплатить вергельд, и его, вероятно, ждала обычная в таких случаях участь, т. е. закабаление. После этого нас уже не должны удивлять известные нам и из эдикта Ротари случаи сделок свободных с чужими рабами и альдиями или иными зависимыми людьми для ограбления их господина или нанесения ему какого-либо материального ущерба⁶¹.

2. УСПЕХИ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ И ОТМИРАНИЕ РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СВОБОДЫ

Эта имущественная дифференциация, в свою очередь, является лишь выражением того процесса размывания некогда столь широкого слоя полноправных свободных, который характеризует, по нашему мнению, третий этап эволюции лангобардского общества и составляет одно из главных проявлений более общего процесса классообразования. Потому он идет, как уже было отмечено, и изнутри, и извне одновременно (хотя воздействие феодализации и королевской власти и можно в некоторых пунктах выделить особо, что и будет сделано ниже). Этот процесс «размывания» сказался прежде всего в изменении понятия свободы и в фиксации нового социального статуса свободных, которая является результатом перерождения их полноправия, превращения полноправных свободных в рядовых свободных. Происходит, таким образом, двойное сужение свободы — самого ее содержания и социального состава свободных; конституируется новый слой ариманнов, складывание которого тесно связано с ростом дружинной знати и образованием новых промежуточных слоев либелляриев и всякого рода оброчных держателей, а также с изменениями внутри альдионата. Иными словами, создаются предпосылки возникновения зависимого крестьянства и феодального класса.

Мы начнем изображение этого процесса с анализа изменений в самом понятии свободы.

Архаическое содержание понятия *fulcfree* отмирает уже во времена Лиутпранда. Правда, и в эдикте этого короля, как было уже показано выше⁶², понятие *fulcfree* продолжает оставаться двойственным: иногда оно выражает собой неполную свободу⁶³, и тогда полная свобода определяется (как и в § 224 эдикта Ротари) при помощи сочетания терминов *fulcfree* и *haamund*, а иногда означает полную⁶⁴ свободу. Однако, хотя понятие *fulcfree* и в эдикте Лиутпранда сохраняет характерную для него двойственность, тем не менее оно прилагается в этом памятнике

⁶⁰ Li, § 130: *...quod talem malum ideo querat miser homo facere, ut ipsam mulierem perdat et res eius habeat.*

⁶¹ Li, § 87.

⁶² См. выше гл. II.

⁶³ Li, § 23, 55: *cp. § 77: Si duo fratres aut si pater at filius thingati fuerent, si unus ex ipsis sine filiis filiabus mortuas fuerit, curtis regia ei succedat.* См. Li, § 98, где понятие *haamund* приравнено к полной свободе, ибо рабу запрещено жениться на *ancilla*, отпущенной на положении *haamund*.

⁶⁴ Li, § 9.

исключительно к вольноотпущенникам (пусть и к таким, которые получили полную свободу!); к тому же оно здесь чаще совпадает с неполной свободой, чем с полной. А законы Айстульфа от 755 г. запрещают покидать своих патронов даже тем либертинам, которые стали haamund, если в освободительную грамоту включена соответствующая оговорка.

Вот что гласит § 11 этих законов: «В предыдущем эдикте имеется постановление⁶⁵, согласно которому зависимый человек (*peripens*), освобожденный кем-либо из лангобардов путем процедуры четырехкратной передачи его из рук в руки и объявленный haamund, или отпущенный на волю через посредство процедуры хождения вокруг алтаря, становится свободным навсегда от всяких признаков рабского состояния. Но так как злонамеренные люди, приобретая свободу, покидают после этого своих благодетелей и те не в силах их удержать у себя, то многие, боясь, как бы их вольноотпущенники не покинули их, не желают вовсе никого отпускать на волю. Поэтому предписываем: если кто-либо из лангобардов захочет отпустить на волю зависимого от него человека (*pertinentem*) путем акта *thingatio* и четырехкратной передачи из рук в руки и составит при этом грамоту о сохранении за собою пожизненного *servitium* и приобретении либертином свободы лишь после смерти (патрона), то пусть так и будет, как сказано в тексте грамоты, ибо нам представляется справедливым, чтобы человек не покидал своего благодетеля, пока тот жив. Но отпущенный на волю в церкви через посредство священника приобретает такую свободу, о которой говорит предыдущий эдикт» (т. е. Li., § 9, где имеется в виду предоставление полной свободы)⁶⁶.

Из приведенного текста ясно, что во времена Айстульфа haamund уже не приравнивается к полной свободе: можно объявить человека haamund и все-таки включить в грамоту оговорку о сохранении пожизненной зависимости от патрона, выражающейся в выполнении повинностей в его пользу (*servitium*). Более того, подобные случаи, по-видимому, не только более часты, чем случаи прежнего толкования haamund в смысле полной независимости от освободителя, но и более желательны с точки зрения самого законодателя, который стремится возвести их в общее правило и провозгласить принцип обязательной службы либертина своему патрону до смерти последнего, независимо от того, объявлен либертин haamund или нет.

⁶⁵ Ro, § 224; Li, § 23.

⁶⁶ Aist., § 11: *Anterioris edicti (Ro, 224; Li., 23) leguntur capitula ut si quis langobardus pertinentem suum in quarta manum tradiderit et ad se haamund fecerit aut circa altaris deducendum sacerdoti tradiderit soluti ab omnem conditionem servitutis permanerint. Sed quoniam perversi homines benefactores suas accepta libertatem postponebant, et ipsi eum postmodum retinere nequasquam valebant, multi homines timentes ne sui liberti eos postporent, libertatem eis facere obmittebant. Propterea statuimus ut si quis langobardus pertinentem suum thingare voluerit in quarta manum et cartola illi fecerit, et sibi reservaverit servitium ipsius dum advixerit, et decreverit ut post obitum eius liber sit: stabilem debeat permanere secundum textu cartulae quam ei fecerit, quia iustum nobis apparuit, ut homo benefactorem suum, vivente eum dimittere non debeat. Nam qui in ecclesia liberum dimiserit per manu sacerdotis, sic maneat ei libertas sicut anterior edictus continet (Li, 9).*

Дело решает теперь уже не провозглашение этой устарелой терминологической квалификации социального положения освобождаемого, а составление письменной грамоты. И хотя по прямому смыслу приведенного закона Айстульфа в тексте этой грамоты может и отсутствовать оговорка о *servitium*, тем не менее Айстульф считает нормальным сохранение зависимости либертина от патрона. Причина такой позиции законодателя указана в самом эдикте: «освободителям», по-видимому, невыгодно отпускать своих рабов на волю без сохранения *servitium*, ибо в этом случае либертины стремятся порвать всякую связь с их бывшими господами. Отпуск на волю означает в лангобардском королевстве VIII в. изживание рабства, которое имеет тенденцию перерождаться в зависимость. Любопытно, что и освобождаемый обозначен как зависимый человек (*pertipens*), а не как серв. Значит, налицо — разные стадии зависимости: одна близкая к рабству⁶⁷, но уже трактуемая в духе феодальных представлений о зависимом держании (т. е. зависимость *hominum pertinentium*), и другая — всецело тождественная зависимости держателя (т. е. либертина), причем вторая стадия может быть достигнута и путем отпуска на волю, который теперь уже означает переход не от рабского состояния к той или иной ступени свободы, а от одной стадии зависимости *hominis pertinentis*, близкой к рабству, к другой, более от него далекой, т. е. зависимости либертина. Исключение делается лишь для освобождаемых в церкви, которым даруется полная свобода, что объясняется особой политикой королевской власти по отношению к церковному землевладению в обстановке непрестанной борьбы лангобардских королей VIII в. за объединение под их властью всей Италии.

Таким образом, разобранный нами текст позволяет сделать два основных вывода: 1) практика отпусков на волю в лангобардском королевстве середины VIII в. стимулировала образование одного из тех промежуточных слоев зависимого населения, которые вливались в состав складывавшегося класса феодального крестьянства; 2) прежнее содержание понятия *haamund* к этому времени совершенно исчезло из жизни лангобардского общества. Если мы сопоставим последнее явление с изменением понятия *fulcfree* в эдикте Лиутипранда, то увидим, что сочетание *fulcfree* и *haamund* во времена Айстульфа уже утратило прежний смысл полной свободы. А это значит, что представление о реальном содержании свободы в лангобардской Италии VIII в. уже нельзя почерпнуть из анализа обветшалых остатков ее прежнего понимания, которое в свое время и вызвало к жизни уже омертвевшие теперь термины и понятия.

Это изменение прежнего содержания понятия свободы отражает процесс выделения из некогда очень широкого слоя полноправных свободных (с присущим его членам многообразием оттенков свободы) более узкой социальной группы ариманнов, — рядовых свободных, которые все резче и определеннее отграничиваются от привилегированных свободных,

⁶⁷ *Homines pertinentes* в законах того же Айстульфа иногда прямо приравниваются к рабам, а иногда противопоставляются свободным (ср. *Aist.*, § 15: *nam si pertinentes homines hoc fecerint... servi ipsi tradantur in manus mundoaldis eius*; § 22: *liberi — pertinentes*. В *Notitia de actoribus regis* от 773 г. *homines pertinentes* упоминаются наравне с альдиями и рабами (§ 5).

причем в составе последних все большую роль начинают играть королевские дружинники — газинды.

Былое полноправие широкой массы свободных лангобардов, включавшее в себя во времена Ротари разные оттенки свободы (как совокупности прав-обязанностей) в пределах одного слоя свободных, теперь как бы распределяется, притом неравномерно, между привилегированными и рядовыми свободными. Последние, обозначаемые в эдиктах VIII в. весьма часто как ариманны или *exercitales*⁶⁸, выступают в законах Лиутпранда с определенным вергельдом, к тому же двойным: 150 солидов у «меньшего» ариманна и 300 солидов у ариманна из «первых людей»⁶⁹.

Это раздвоение вергельда ариманна указывает на то, что процесс расслоения свободных, одним из проявлений которого было конституирование юридического статуса ариманнов как особого слоя, сразу же проникает в недра этого слоя. Расслоение в среде ариманнов VIII в. прямо засвидетельствовано целым рядом конкретных штрихов их быта, фиксируемых эдиктами Лиутпранда, Ратхиса и Айстульфа. Так, законы Ратхиса от 745—746 гг. делят ариманнов на богатых и бедных⁷⁰ и повествуют об устраиваемых ариманнами незаконных сборищах, направленных против королевских должностных лиц — *judices* — в расчете на чей-то *patrocinium*, способный служить опорой и защитой этим «бунтовщикам» от притеснений и злоупотреблений *judeh*⁷¹, а также о конфликтах ариманнов с королевскими дружинниками — газиндами⁷².

Из тех же законов Ратхиса узнаем, что основным конститутивным признаком социально-юридического статуса ариманнов является их обязанность участвовать в военном ополчении и выступать в поход, поставляя для этой цели на свой счет вооружение определенного типа, а именно щит и копье⁷³. Вместе с тем законы Лиутпранда и Айстульфа красноречиво свидетельствуют о том, что для многих ариманнов выполнение этой обязанности было уже очень трудным, а подчас и вовсе непосильным делом и что оно все более и более становилось таковым.

Когда королевские *judices* отправляются в поход, они, согласно предписанию Лиутпранда, по-разному используют различные разряды свободных ариманнов и в военном, и в хозяйственном отношении: из владельцев одной лошади *judeh* может оставить дома 6 человек, забрав их лошадей под выюки; а из бедняков, не имеющих ни земли, ни дома, он может определить 10 человек на барщинные работы (по 3 дня в неделю), очевидно, для обеспечения его имений — на время его отсутствия — рабочей силой (аналогичные распоряжения Лиутпранда относятся к скульдахию

⁶⁸ Оба термина — и древнегерманский, и латинский — указывают на то, что основным признаком этого слоя в VIII в. считалось право ношения оружия, в котором элемент обязанности (в виде обязательного участия в народном ополчении) начинал все более и более перевешивать элемент права.

⁶⁹ Li, § 62: *ut minima persona, qui exercitalis homo esse invenitur 150 solidos componatur, et qui primus est, 300 sol.*

⁷⁰ R, § 1: *arimanno suo diviti aut paupero.*

⁷¹ R, § 10: *...confidens in alicuius patrocinio.*

⁷² R, § 14: *Et si aliquid contra lege faciunt (gasindi. — A. H.) ad arimanno homine...*

⁷³ R, § 4: *ut unusquisque arimannus, quando cum judicem suum caballicaverit... per semetipsum debeat portare scutum et lanceam.*

и к десятилнику — с соответствующим понижением числа оставляемых на барщине людей) ⁷⁴.

Как видно из дополнительного предписания короля Айстульфа (от 750 г.) ⁷⁵, остальные имущественно несостоятельные ариманны (кроме указанных у Лиутпранда шести и десяти человек каждого *judeх*) все же отправлялись в поход, но весь слой ариманнов делился по характеру вооружения на разные разряды воинов — соответственно их различному имущественному положению: владельцев семи оброчных дворов (*casae massariciae*), являвшихся на коне и в панцире и вообще в полном вооружении; владельцев сорока югеров земли, обязанных являться в поход верхом, со щитом и копьём, и, наконец, неимущих людей (*minores homines*), которые должны были иметь при себе лишь лук и стрелы ⁷⁶.

Если мы сведём воедино эти разряды ариманнов, то получим три основные группы внутри этого слоя: а) состоятельных ариманнов, владеющих землями или даже зависимыми оброчными дворами и выступающих в поход в полном или частичном вооружении; б) малоимущих ариманнов — владельцев одной лошади, которые могут иметь щит и копьё, но часть которых уже не участвует в военном ополчении; в) вовсе неимущих, безземельных ариманнов, одна часть которых (более значительная, чем в составе второй группы) не только не выступает в поход, но даже используется в военное время для обеспечения имений *judeх* барщинной рабочей силой, в то время как часть участвует в военных действиях, вооруженная лишь луком и стрелами.

Первая группа, в свою очередь, делится по ее земельному цензу на два разряда — землевладельцев, обладающих тяглыми наделами, населёнными, по-видимому, зависимыми от них держателями, и владельцев сорока югеров, вероятно, не имеющих зависимых держателей. Представители первого разряда этого верхнего слоя ариманнов по имущественному своему положению приближаются, очевидно, к мелкопоместным собственникам, представители второго его разряда — к достаточно обеспеченным землею собственникам крестьянского типа.

Лишь к этим двум разрядам первой группы ариманнов еще приложимо в какой-то мере прежнее понятие свободы как полноправия; ко второй оно уже совершенно неприменимо, ибо члены ее лишь частично способны выполнять одну из главных обязанностей ариманна и осуществлять одно из основных его прав — участвовать в военном ополчении.

Еще в меньшей степени можно говорить о свободе в былом ее пони-

⁷⁴ Li, § 83: De omnibus iudicibus quando in exercito ambolare necessitas fuerit, non dimittant alios homines, nisi tantummodo qui unum cavallo habent, hoc est homines sex, et tollant ad saumas suas ipsos caballos sex; et de minimis hominibus qui nec casas, nec terras suas habent, dimittant hominis decem: et ipsi homines ad ipsum iudicem faciant per ebdomada una operas tres, usque dum ipse judeх de exercito revertitur.

⁷⁵ Aist, § 2: ...vel minores homines... vel illi homines qui non possunt habere nec habent unde congregare, debeant habere scutum et coccurra.

⁷⁶ Aist, § 2: ...ut ille homo qui habet septem casas massarias habeat loricam suam cum reliqua conciatura sua, debeat habere et caballos... ut illi homines, qui non habent casas massaricias et habent quadraginta jugis terrae, habeant cavallum et scutum et lanceam; item de minoribus hominibus principi placuit ut si non possunt habere scutum, habeant coccora cum saggitas et arcum.

мании применительно к представителям третьей группы, ибо значительная их часть превратилась в лиц, временно используемых в качестве барщинников (притом на трехдневной барщине!), а остальные способны поставить на свой счет лишь самое примитивное, по тогдашним понятиям, вооружение. Очевидно, двойственность вергельда ариманнов и объясняется именно этим: весьма вероятно, что вергельдом в 300 солидов были защищены представители первого разряда верхнего слоя ариманнов (недаром они названы в § 62 эдикта Лиутпранда *primi*), а может быть, и члены всего этого верхнего слоя в целом (т. е. первой из намеченных нами выше трех групп), иными словами, — те ариманны, которых можно отнести либо к мелкопоместным собственникам, либо к достаточно обеспеченным землею собственникам крестьянского типа.

Вергельдом в 150 солидов были, по-видимому, защищены малоземельные ариманны, те, которые и в эдикте Лиутпранда (§ 62), и в законах Айстульфа (§ 2—3) названы *minimae personae, minores homines*. Колебания вергельда *secundum qualitatem personae, id est in angargatingi* отошли в область преданий, и их место заняли фиксированные вергельды для разных слоев внутри ариманнов, соответствующие различиям в их поземельном и имущественном цензе, но не отражающие достаточно точно и полно все многообразие этих различий. Однако, несмотря на такое отставание высоты вергельдов разных групп ариманнов от хозяйственной дифференциации в их среде, мы можем независимо от этого признака на основании прямых указаний наших памятников судить о том, что расслоение внутри ариманнов в середине VIII в. уже привело не только к расщеплению свободы, но и к превращению части свободных в мелкопоместных людей и крестьян, а другой их части — в зависимых держателей. Симптомом образования последнего слоя именно путем его выделения из среды ариманнов является частичное сближение разоряющихся свободных с рабами.

Так, если, согласно постановлению эдикта Ротари⁷⁷, подтвержденному Лиутпрандом⁷⁸, браки рабов со свободными женщинами категорически запрещались, то Ратхис, повторяя в 746 г. это предписание, вынужден, однако, признать, что такие браки становятся все более частым явлением, и даже допустить возможность сохранения свободы за вступившей в такой брак женщиной и за ее потомками, если они продолжали оставаться свободными в течение очень длительного — 60-летнего срока⁷⁹.

Продолжительность этого срока указывает на то, что Ратхис хотел создать новую преграду неравным бракам, помимо тех суровых кар, которые сыпались на голову раба и последовавшей за ним свободной жен-

⁷⁷ Ro, § 221.

⁷⁸ Li, § 24. Согласно распоряжениям Ротари и Лиутпранда, раб, женившийся на свободной, подвергался смертной казни, а его жена передавалась в руки ее родичей, которые должны были либо умертвить ее, либо продать *foras provinciam*, присвоив себе ее имущество; в том случае, если ее родственники откажутся это сделать, она становится королевской рабыней.

⁷⁹ R, § 6: *...Si quae feminae admodum inventae fuerint, quae sibi servi copulaverunt et per sexaginta annos in libertatem permanserunt ipsae et filii aut filiae earum... nullus eos in servitio replicare praesumat.*

щины: очевидно, эти кары — казнь раба, а иногда и свободной или превращение ее в королевскую рабыню — теперь уже не всегда применялись на практике, и неравные браки все более входили в обычай. Вместо предписанной законом казни они имели своим последствием лишь полную или частичную утрату свободы одним из супругов; сохранение этой свободы разрешалось лишь в случае пребывания в свободном состоянии женщины и ее детей в течение указанного срока. Такие случаи означали не что иное, как фактическое признание неравного брака без обращения свободной женщины в рабство, и хотя они были, очевидно, более редки, чем обратные случаи (признание такого брака при условии утраты женой раба былой свободы), тем не менее они все же могли иметь место, а следовательно, должны были приводить не только к сближению положения разоряющихся свободных с рабами, но и к созданию промежуточных групп с формально полной, а фактически неполной свободой в лице потомков, происшедших от подобных неравных браков.

Любопытно, что установление 60-летней давности мотивируется в эдикте Ратхиса ссылкой на более раннее предписание Гримоальда (668 г.), согласно которому лишь тот человек может обрести вечную свободу, кто в состоянии доказать ее 30-летнюю давность⁸⁰. Это постановление относится либо к либертинам, либо к тем свободным по рождению лангобардам, свобода которых кем-то подвергалась сомнению и могла даже оспариваться *per rigno*.

Такие случаи, когда заинтересованные лица склонны были требовать со свободного, но малоимущего лангобарда доказательств его свободы, становились, по-видимому, все более частыми в лангобардском обществе VIII в. по многим причинам; в их ряду следует особо отметить процесс закабаления части разоряющихся свободных. Кроме данных, собранных выше, большой интерес представляют прямые запрещения наследственного закабаления свободных в законах Ратхиса⁸¹ (746 г.) и Айстульфа⁸² (755 г.), ибо они выражают стремление королевской власти удержать слои ариманнов-ополченцев от полного разорения.

Эта тенденция ясна из того, что Айстульф предоставляет возможность свободному, вступившему в *servitium* по отношению к *judeh* или другому лицу, доказать свое право считаться свободным, несмотря на 30-летнюю давность *servitium*, если только он сможет представить доказательства того, что его родители и все его сородичи были свободными людьми. Характерна мотивировка предоставляемого такому закабаленному лангобарду права доказательства своей свободы: «ибо нетерпимо и противно воле божией, чтобы человек, у которого все родственники были свободными, только в силу того, что он один добровольно вступил в *servitium*, удерживался насильно в этом состоянии за пользование [полученным им] земельным владением»⁸³.

⁸⁰ Grim., § 2.

⁸¹ R, § 7.

⁸² Aist, § 22.

⁸³ Aist, § 22: *quia impossibile est, et contra dei preceptum dum omnes ejus parentes liberi essent, ut ipse solus, qui voluntariae deservivit, in servitio deteneatur pro sola possessione.*

Из этой сентенции явствует, что личное закабаление было тесно связано с поземельной зависимостью и сделалось в VIII в. бытовым явлением. Борьба королевской власти с этим злом не могла быть успешной, ибо, как увидим ниже, короли VIII в. вынуждены были своими многочисленными земельными пожалованиями в обстановке феодализации лангобардского королевства укреплять как раз те слои общества, которые и производили закабаление свободных. Но в данной связи для нас важно другое: свобода, которая может оспариваться и нуждается в доказательстве, уже мало имеет общего с прежней родо-племенной свободой, которая была естественной для жизни племени. На место прежней свободы, заключавшейся в полноправии, незаметно прокралось новое представление о свободе как о независимости от патрона, представление, свойственное эпохе возникновения феодальных отношений. Соответственно место прежней несвободы занимает зависимость в новых ее формах. Об этом красноречиво свидетельствует обилие промежуточных социальных групп в лангобардском обществе VIII в. и бурно идущий процесс формирования новых и новых слоев зависимого населения. К числу этих новых слоев относятся прежде всего зависимые арендаторы — либеллярии.

Указание на возникновение этого социального слоя содержит уже эдикт Ротари, разграничивающий продажу земельного участка с домом и рабами (*casa mancipiata*) и предоставление его в пользование на основании письменного договора (*libellus scriptus*)⁸⁴, в который включается и просьба о предоставлении данного участка. В грамотах VIII—IX вв. либеллярные договоры фигурируют довольно часто, а предписание Лиутпранда от 727 г. регламентирует взаимоотношения либеллярия с владельцем арендуемой им земли. Из этой регламентации ясно, что либеллярный рассматривается как свободный человек и тем не менее находится не только в поземельной, но и в личной зависимости от землевладельца. Эта зависимость зашла так далеко, что на землевладельца возлагается частичная ответственность за совершенное либеллярием убийство, которая выражается в том, что он обязан разыскать виновного и передать его в распоряжение родных убитого, а в случае безуспешного розыска или нежелания его проводить — либо отдать им половину движимости бегавшего, либо предоставить право пользования арендуемой либеллярием землей пострадавшим от убийства⁸⁵.

Ответственность землевладельца за уголовные преступления либелляриев ограничивается, таким образом, розыском беглого преступника и передачей его в руки правосудия, а в случае невозможности или неже-

⁸⁴ Ro, § 227: *De emptionibus et venditionibus, Si quis conparaverit terram id est solum ad aedificandum, aut casam mancipiatam, et 5 annos inter presentes personas possederit, posteaque ipse vinditor aut heredes eius pulsaverit, dicendo quod praestetisset nam non vindedisset: ostendat libellus scriptus ubi rogatus fuisset praestandi.*

⁸⁵ Li, § 92: *Si quis liber homo, in terra aliena resedens libellario nomine, homicidium fecerit et fugam lapsus fuerit, tunc ille, in cuius terra ipse homicida habitavit, habeat spatium in mense uno ipsum hominum perquirendum; et si eum invenerit, licentiam habuit ipsum hominem, quamvis liber sit, ...tradendum in manus illius, cui homicidium fecit. Et si hoc non fecerit, dare debeat medietatem de omnibus rebus mobilibus, excepto tectoras, quas in ipsa casa ipsa homicida habuit.*

ления выполнить эту обязанность, она сводится к материальной компенсации в пользу родственников убитого. Очевидно, если убийцу-либеллярия найдет владелец арендуемой им земли, родичи убитого сами возбуждали против него судебное преследование и требовали уплаты причитающегося им вергельда (иначе незачем было бы передавать его в их распоряжение), т. е. либеллярий продолжает нести ответственность за самый акт убийства по старым нормам варварского права, как всякий лично свободный человек.

Однако в возлагаемых на землевладельца обязанностях розыска убийцы и материальной компенсации в пользу родичей убитого можно с полным основанием усматривать наличие тех элементов политической власти земельного собственника над его держателем-либеллярием, которые войдут впоследствии в позитивное содержание иммунитета. Недаром, согласно итальянскому капитулярию Карла Великого конца VIII в., либеллярии (поставленные в перечне разрядов зависимого населения вслед за сервами и альдиями) в вопросах низшей юрисдикции уже всецело подсудны своему патрону, а в случае их обвинения в уголовных преступлениях подсудны ему, по крайней мере, в первой инстанции⁸⁶. Этот капитулярий отражает следующий этап развития политической власти землевладельца — ее превращение в иммунитетную юрисдикцию. Тем менее нас должно удивлять это, ибо уже Ратхис в 746 г. (т. е. всего через 20 лет после разбираемого предписания Лиутпранда) узаконил право королевского дружинника-газинда осуществлять функции первой судебной инстанции в конфликтах с ариманнами⁸⁷.

Иммунитетная юрисдикция над либелляриями в цитированном итальянском капитулярии Карла Великого представляет собой завершение эволюции частичной ответственности земельного собственника за их уголовные преступления согласно эдикту Лиутпранда — подобно тому, как постепенное превращение дарений в силу процедуры *thingatio* в прекарий является завершением первого этапа перестройки старых представлений о собственности, выразившегося в возникновении «аффатомии» у салических франков. Путь от «аффатомии» через *thingatio* к прекарию и от ответственности землевладельцев за розыск бежавшего убийцы-либеллярия к иммунитетной юрисдикции над ним — лишь два частных проявления общего пути развития от варварского общества к феодальному. Устанавливаемая каролинскими капитуляриями обязанность выдачи иммунитетом свободного по своему социальному статусу убийцы, бежавшего на территорию иммунитетной вотчины, является тоже лишь видоизменением и завершением упомянутой ответственности земельного собственника за убийство, совершенное на его территории его держателем⁸⁸.

⁸⁶ Cap. 93, § 5: *Ut servi, aldiones, libellarii, ...non a comite... compellantur, sed quicquid ad eis iniuste agendum est a patrono vel domino suo ordinandum est. Si vero de crimine aliquo accusantur, episcopus primo compellatur, et ipse advocatum suum secundum quod lex est iuxta conditionem singularum personarum iustitiam faciant; sin vero, sicut in capitulare nostro scriptum est ita fiat* (cp. Cap. 93, § 1).

⁸⁷ R., § 14.

⁸⁸ Ibid., Cap., 82, § 5; Cap. 39, § 2.

Так анализ положения либелляриев по эдикту Лиутпранда раскрывает изменения собственности и свободы, происходившие в лангобардском обществе VII—IX вв. под воздействием процесса феодализации, отчасти как бы извне вторгавшегося в старый родо-племенной уклад, а отчасти органически вырastaвшего из него.

По своему экономическому положению близки к либелляриям времен Лиутпранда и чиншевики, оброчные держатели. Это — свободные люди, вступающие в состав чужого домохозяйства с правом обрабатывать часть принадлежащего последнему земельного владения на условии уплаты чинша и ограничения свободы распоряжения имуществом (переход к домохозяину всего, что приобретет оброчный держатель собственным трудом после вступления в зависимость, и запрет продажи им привезенного с собою имущества)⁸⁹.

Ниже либелляриев и чиншевиков стояли, по-видимому, *homines pertinentes*, которые в законах Лиутпранда и в им же изданной *Notitia de actoribus regis* (733) упоминаются наравне с альдиями и рабами⁹⁰, а в законах Айстульфа либо противопоставляются свободным, либо прямо приравниваются к рабам⁹¹. Это, во всяком случае, лично несвободные люди, ибо Айстульф регулирует правила их освобождения⁹².

Наряду с формированием новых слоев полусвободного населения изменяется и положение исконных носителей полусвободы в лангобардском обществе — альдиев, притом в сторону принижения их социального статуса. Уже Гримоальд предписывает, чтобы альдий, прослуживший 30 лет одному и тому же лицу, навсегда оставался под его властью, — так же как и раб, с той, однако, весьма существенной оговоркой, что его повинности (в отличие от повинностей раба) фиксируются на прежнем уровне и он сохраняет право владеть тем имуществом, которым обладал до истечения 30-летнего срока⁹³.

В законах Лиутпранда нет уже и речи о возможности происхождения альдионки от свободной матери, ибо браки альдиев со свободными женщинами, которые разрешались еще во времена Ротари, теперь запрещаются, а сожителство свободных женщин с альдиями карается штрафом в 50 солидов⁹⁴. Альдия защищает на суде его патрон⁹⁵, и все чаще и чаще альдий не только сопоставляется с рабом, но во многих отношениях и приравнивается к рабу. Особенно характерно в этом смысле

⁸⁹ Li, § 133: Si quis liber homo in casam alienam introierit ad resedendum, et ei census reddendum, et postea aliquid emerit de illis rebus, quas secum adduxit, quando in ipsam casam introibit... tunc ipsum negotium dimittat in ipsam casam et recipiat pretium suum... Nam si de illo laborem conparaverit, quod postea laboravit, aut fecit postea in ipsam casam ad census reddendum introivit, in ipso cespite dimittat, ubi laboravit. Cp. Arechis pactio de Leburis, § 10: qui census reddiderunt in Capua... sicut alios massarios de Liburias...; ibid., § 12: censilis homo de Leburia (MGH, Leges, IV, S. 214).

⁹⁰ Not. de actor. regis, § 5: de servo aut de aldione vel a pertinente de curte nostra aliquid emere (печь идет о королевских альдиях и рабах, которые сопоставляются с королевскими же *homines pertinentes*).

⁹¹ Aist, § 15, 22.

⁹² Aist, § 11—12.

⁹³ Grim, § 1.

⁹⁴ Cp. Li, § 60 и Ro, § 216.

⁹⁵ Li, § 68, 69: patronus eius eum defendat.

распоряжение Лиутпранда о том, что женитьба свободного на альдионке (своей или чужой) разрешается лишь в том случае, если он отпустит ее на волю, сделав тем самым равноправной себе (*vuiderbora*) ⁹⁶, ибо это распоряжение представляет собою распространение на альдионку соответствующего постановления Ротари относительно рабынь.

Альдии, подобно рабам, вступают с посторонними свободными в сделки, направленные против своих господ ⁹⁷.

Разница в социальном статусе раба и альдия исчерпывается наличием у последнего как физического лица некоторых элементов правоспособности и некоторых имущественных прав, которые, правда, все более и более ограничиваются. И то, и другое сказывается в том, что альдий уплачивает штраф за свои проступки (например 50 солидов мундоальду свободной женщины, с которой он вступает в связь) ⁹⁸ и может в отличие от раба получать пени за проступки свободных по отношению к нему (например за прелюбодеяние свободного с его женой) ⁹⁹. О том же свидетельствует и тот факт, что в случае убийства королевского альдия половина композиции идет родственникам убитого (отцу, матери, братьям, детям), а половина поступает в королевский фиск; если же убит королевский раб, его родственники получают лишь 1/3 композиции, а *curtis regia* — 2/3 ¹⁰⁰.

Иногда альдий приравнивается в законах Лиутпранда к либертинам, причем к низшей их категории ¹⁰¹, но нигде нет и речи об элементах свободы, которая еще была присуща альдиям во времена Ротари. А это значит, что *альдионат развивается в VIII в. по направлению от полусвободы к несвободе*. Та тенденция к слиянию либертинов, альдиев и либелляриев в один широкий слой зависимых держателей, которая наметилась еще в середине VII в. (во времена Ротари), в VIII в. уже близка к завершению, что не мешало, впрочем, многообразию оттенков и большой пестроте социального статуса разных групп внутри этого слоя. Но это уже — *оттенки новой, предфеодальной зависимости, а не прежней полусвободы*, представлявшей собою лишь коррелят исконной родо-племенной свободы в ее ущербном, неполном виде.

Так с разных сторон — и путем принижения части свободных, и путем формирования промежуточных слоев — создаются в лангобардском обществе VIII в. предпосылки возникновения класса зависимого крестьянства. Одновременно на противоположном полюсе этого общества происходят весьма существенные перегруппировки. Старое представление о знатности, частично еще включаемой в понятие свободы, совершенно исчезает со

⁹⁶ Li, 106: Si quis aldionam alienam aut suam ad uxorem tollere voluerit faciat eam vuiderbora, sicut edictus continet de ancillam (Ro, § 222); другие случаи приравнивания альдиев к рабам см.: Li, § 58, 66; 78, 97; 121; 124; 132; 142; 143; однако альдий все-таки выше раба, что следует из Li, § 23: Nam qui haldionem facere voluerit non eum ducat in ecclesia.

⁹⁷ Li, § 87.

⁹⁸ Li, § 60.

⁹⁹ Li, § 139, из которого, между прочим, явствует, что вступление альдиев в брак зависело от их господ.

¹⁰⁰ Not. de actor. regis, § 3—4.

¹⁰¹ Li, § 23.

страниц лангобардских эдиктов VIII в. Самый термин *nobilis* встречается в них лишь в виде исключения¹⁰². Колебания вергельда каждого свободного в зависимости от его знатности или родовитости замечались фиксированными вергельдами, а разница вергельдов двух разрядов ариманнов в эдикте Лиутпранда объясняется, как было показано выше, главным образом различием их имущественного положения¹⁰³.

Место старой, родо-племенной знати все более и более занимает новая, военно-должностная, выделяющаяся из массы свободных лангобардов. Начало этого процесса восходит к очень отдаленным временам — к эпохе расселения лангобардов в Италии и, может быть, даже их пребывания на Дунае, и он достаточно ярко отражен уже в эдикте Ротари. Но в VIII в. он сделал огромные успехи и создал предпосылки консолидации военно-должностной знати в правящий и господствующий класс лангобардского общества.

Его составные элементы очень многообразны: в него входят и газинды (притом не только короля и герцогов, но и частных лиц), и королевские должностные лица (*judices* и *гастальды*), причем вторые все более и более отступают на задний план сравнительно с первыми. Эта военно-должностная знать, с одной стороны, тесно связана с королевской властью, что явствует уже из применения к ней феодального термина *fideles*¹⁰⁴, а с другой стороны, нередко настроена оппозиционно по отношению к ней, особенно в лице отдельных ее представителей, стремящихся к приобретению феодальных прав.

Из двух конкурирующих систем политической власти, характерных для варварского общества — старых органов родо-племенного самоуправления и сферы королевской власти, — у лангобардов уже в VII в. получила преобладание вторая, что объясняется особенностями лангобардского завоевания Италии. Но те же особенности создали наряду с ранним отмиранием народных собраний, общеплеменных и окружных, и значительным ростом авторитета королевской власти — также и пересечение ее с властью герцогов.

Борьба королевской и герцогской власти в условиях роста церковного и светского землевладения (епископств, аббатств, герцогов, *гастальдов* и *газиндов*) и возникновения коммендации и бенефиция вынуждает королей VIII в. проводить двойственную и по существу противоречивую политику. Она выражается, с одной стороны, в раздаче привилегий и земельных пожалований церковным учреждениям и частным лицам, а с другой — в стремлении ограничить произвол светских землевладельцев и королевских агентов, а также оградить королевское землевладение от расхищений. Эта двойственность характерна вообще для политики королевской власти эпохи становления феодальных отношений, и сама яв-

¹⁰² Li, § 89: *nobilis homo*.

¹⁰³ Li, § 62.

¹⁰⁴ Li, § 96: *fideles regis*; Li, Общий пролог 717 г.: *Ego in dei nomine Liutprand excellentissimus christianus langobardorum rex... una cum omnis iudicibus tam de Austriæ et Neustriæ partibus, necnon et de Tusciæ finibus, vel cum reliquis fidelibus meis langobardis et cuncto populo adsistente...; Not. de actor regis, § 5: eo quod nobis iuratum habet quod nobis fidelis sit...*

ляется отражением и результатом этого становления. Но своеобразие эволюции королевской власти в лангобардской Италии VIII в. заключается именно в отсутствии у нее возможности опереться на старые родо-племенные учреждения, видоизменив их структуру в соответствии с изменениями социального строя общества и тем самым использовав их для укрепления своей мощи. Ибо в лангобардском королевстве (в отличие от франкского) эти учреждения, и в первую очередь местные (окружные или сотенные судебные собрания), успели отмереть прежде, чем составлявший их социальную основу широкий слой полноправных свободных окончательно расслоился на землевладельцев и зависимых крестьян. Поэтому королевская власть оказалась в лангобардской Италии перед фактом роста феодальных отношений при отсутствии дофеодальных элементов и в политическом строе общества¹⁰⁵. А так как эти феодальные отношения отнюдь не привели еще в VIII в. к полному торжеству феодализма в лангобардской Италии, то королевская власть была там сильна лишь постольку, поскольку лангобардские короли раздачей привилегий и земельных пожалований временно привлекали на свою сторону все новые и новые группы формирующейся военно-должностной знати. Эти взаимоотношения королевской власти со знатью были тесно связаны с той завоевательной политикой, которую вели лангобардские короли VIII в. начиная с Лиутпранда.

Связь королевской власти и знати оказалась в лангобардском королевстве VIII в. столь же непрочной и неустойчивой, как и во всяком раннефеодальном государстве. Но особенность политического развития лангобардского общества заключалась в том, что ввиду раннего отмирания старых политических учреждений родо-племенного строя стало невозможно не только их приспособление к потребностям феодальной королевской власти, но и их возрождение на новой основе, ибо завоевательная политика VIII в. еще более усилила и ускорила и без того шедший процесс превращения ариманнов в зависимых крестьян или газиндов.

Лиутпранд, не хотевший ссориться с католическим духовенством, старался всячески облегчить дарения в пользу церкви¹⁰⁶ и, кроме того, практиковал, по-видимому, довольно широко и земельные пожалования в пользу частных лиц, стремясь при этом обставить их такими условиями, которые должны были приблизить их к пожалованиям бенефициального типа: так, собственность на королевскую землю признавалась лишь по истечении срока 60-летней давности фактического владения ею¹⁰⁷. Это означало, что безусловные пожалования, сделанные королем, может быть, даже без выдачи соответствующей грамоты¹⁰⁸, в течение

¹⁰⁵ Эта диспропорция раннего отмирания дофеодальных политических учреждений при живучести дофеодальных элементов в социальной структуре общества объясняется в значительной мере теми успехами романизации, которые имели место в лангобардском королевстве как раз в конце VII в. и в VIII в. Ср. A. Halban-Blumenstock. Das römische Recht..., 2. Teil, S. 127—134. 144; ср. L. M. Hartmann. Op. cit., S. 1—51.

¹⁰⁶ Li, § 19, 73.

¹⁰⁷ Li, § 78.

¹⁰⁸ В одном из дипломов 742 г. встречаем указания на пожалования Лиутпрандом половины усадьбы в Понциане без грамоты (*Troya. Cod. dipl.*, IV, N 556).

60 лет должны были считаться условными, т. е. до истечения этого срока король мог отобрать их, а после подтвердить их грамотой.

Вместе с тем Лиутпранд всячески старался оградить королевские владения от расточения и нецелесообразных раздач и потому запрещал гастальдам и прочим должностным лицам короля (под страхом высокого штрафа) делать без его разрешения какие бы то ни было дарения (пахотных земель, леса, луга, оброчных или зависимых держаний) из состава находившихся под их управлением королевских имений¹⁰⁹. Это отнюдь не означало, конечно, полного запрещения земельных пожалований. Наоборот, Лиутпранд хотел сохранить часть своего земельного фонда, между прочим, и для пожалований, но только тем лицам, в пользу которых он найдет нужным их сделать для усиления позиций королевской власти в тот или иной момент. Кто были эти лица, нетрудно догадаться: из определения шкалы вергельда, взимаемого за убийство при самозащите, мы узнаем, что газинды, как и простые свободные лангобарды-ариманны, делились на «меньших» и «лучших, первых», людей. В то время как вергельд «меньшего ариманна» равнялся 150 солидам, а ариманна из числа «первых людей» — 300 солидам, вергельд «меньшего» газинда составлял 200 солидов, влиятельного газинда — 300 солидов¹¹⁰. Как видим, верхний слой ариманнов приближался к верхнему слою газиндов, а низший слой ариманнов несколько отставал от низшего слоя газиндов, что указывает на постепенное вхождение верхушки свободных ариманнов в состав военно-должностной знати. Но и в ее рядах имеются известные градации: при установлении максимальной «меты» за жену королевскому агенту *judex* — разрешается уплата 400 солидов, «остальным знатым людям» — 300 солидов, а прочим, «меньшим» людям предоставляется вносить мету по их собственному усмотрению¹¹¹.

Богатые ариманны, влиятельнейшие газинды, королевские должностные лица (*judices*) — вот те слои лангобардского общества, представители которых рассчитывали на получение дальнейших пожалований и извлечение выгод из завоевательной политики Лиутпранда. А «меньшие» газинды стремились, получив земельное пожалование от короля, попасть в разряд «лучших». Как мы видели, должностные лица короля уже хозяйничали в своих имениях при помощи труда барщинных крестьян; они были заинтересованы в расширении владений. На указанные слои и опирался Лиутпранд. Непрестанный приток в состав этих слоев новых социальных элементов, жаждавших королевских пожалований в виде земель и должностей, создавал социальные предпосылки для его завоевательной политики (тем, более, что интересы этих выходцев из разных социальных групп, пробравшихся в ряды знати, резко противоречили интересам герцогов — исконных врагов королевской власти). Союз этой власти с новыми слоями нарождавшегося феодального класса обусловил наступательную политику Лиутпранда и его преемников.

¹⁰⁹ Li, § 59; Not. de actor. regis, § 5.

¹¹⁰ Li, § 62.

¹¹¹ Li, § 89.

Но сама социальная природа этих слоев делала их крайне ненадежной опорой и в конце концов послужила внутренней причиной краха ими же подготовленной политики.

Как показывают изданные Ратхисом законы, его внутренняя политика была направлена на борьбу с результатами господства тех самых сил, на которые вынужден был опираться и он сам, и Лиутипранд. В течение 30 лет правления Лиутипранда эти силы настолько выросли и укрепились (особенно в ходе завоеваний), что Ратхис смог предпринять лишь робкие попытки ввести их в какое-то русло. Так, запрещая частным лицам самостоятельно судить кого бы то ни было¹¹², Ратхис вынужден в то же время признать право патрона из королевских вассалов (*fideles*) вступаться на суде за газинда в случае каких-либо притеснений со стороны королевского должностного лица — *iudex*¹¹³, хотя коллективные выступления рядовых ариманнов против того же *iudex* караются, как незаконные сборища¹¹⁴. Более того, как уже говорилось, Ратхис узаконил права королевского газинда в качестве первой судебной инстанции в конфликтах с ариманном¹¹⁵.

Очевидно, рост крупного землевладения, развитие патроната и commendации, образование личной и судебной зависимости слабых от сильных зашли так далеко, что королю приходилось ограждать газиндов от произвола *iudex*¹¹⁶, а его самого от враждебных выступлений ариманнов, защищать ариманнов от попыток частных магнатов подчинить их своей судебной власти и в то же время признавать патронат и частную судебную власть газинда, — другими словами, отнимать одной рукой то, что он вынужден давать другой. Это бессилие королевской власти справиться с ростом феодальных сил сказалось и в обильной раздаче Ратхисом королевских пожалований. И хотя избранный после его свержения Айстульф (749—756) отменил все эти пожалования и возобновил наступление, его политика оказалась не более удачной, чем политика Ратхиса. В результате всего этого к концу VIII в. королевская власть в лангобардской Италии оказалась внутренне изолированной перед лицом грозного союза Франкской державы с папством.

¹¹² R, § 3.

¹¹³ R, § 11.

¹¹⁴ R, § 10.

¹¹⁵ R, § 14: *admoneat gasindio nostro, ut indicet ipse* — однако с правом ариманна апеллировать в суд *iudex* во второй инстанции.

¹¹⁶ R, § 14: *De gasindiis quidem nostri ita statuere, ut nullus iudex eos opremere debeat, quoniam nos debemus gasindios nostros defendere.*

Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществах

В нашей работе рассматривается процесс перехода от родо-племенного строя к варварскому государству. Почему исследование этого процесса пошло по пути уяснения собственности и свободы в варварском обществе? Потому что на данной стадии общественного развития сочетание специфических форм первоначальной собственности с личной свободой ее носителей ярче и полнее всего характеризует своеобразие лежащего в основе данного строя способа производства. Понимание своеобразия указанного сочетания в родо-племенном и в варварском обществах является, таким образом, ключом к раскрытию эволюции от первого ко второму.

В обоих обществах основным условием производства является земля и отношение индивидов как трудящихся субъектов друг к другу представляет собой в то же время и определенную форму их отношения к земле. Однако земля является основным условием производства и в других общественных укладах — например в феодальном (особенно на ранних ступенях развития феодализма) и рабовладельческом обществе и тем не менее там отношение трудящихся субъектов друг к другу и к земле абсолютно не похоже на то, которое характерно для родо-племенного и варварского укладов. Рабовладельческое и феодальное общества суть классовые общественные формации, тогда как при переходе от родо-племенного строя к варварскому обществу как раз зарождаются и возникают классы. Следовательно, наша задача сводится к тому, чтобы выяснить специфическую форму взаимоотношения трудящихся субъектов друг с другом и их отношения к земле, которая присуща тем общественным укладам, где земля является основным условием производства, но при этом уровень развития производительных сил еще не привел к делению общества на резко выраженные классовые группировки (хотя их возникновение и намечается). Но выяснить эту специфическую форму и значит конкретно представить себе, чем же была в этих общественных укладах (родо-племенном и варварском) собственность трудящихся субъектов на землю (т. е. каково было их отношение к земле)

и как складывались их отношения друг к другу в процессе производства.

А так как они — по крайней мере, в основной своей массе — выступают в варварских Пrawdах, как свободные, то уяснение этого их взаимоотношения сводится к установлению сущности и реального содержания свободы, а также и к определению тех ее градаций и оттенков, которые возникали в процессе перехода от родо-племенного строя к варварскому обществу, т. е. тех изменений, которые она претерпевала в связи с изменениями собственности. Ибо отношение трудящихся субъектов к земле (сфера собственности) менялось в тесной и неразрывной связи с изменением их отношения друг к другу (сфера свободы), и изменение первого определяло изменение второго. Наш ход мыслей вновь приводит нас к необходимости выяснить особый характер этой неразрывной связи специфических форм первоначальной собственности на землю с личной свободой ее носителей и проследить развитие этого сочетания.

Изучая варварские Правды, мы как бы присутствовали при самом зарождении собственности на землю, при выделении собственности трудящихся индивидов из собственности коллективной; процесс этого выделения и составляет главный объект нашего внимания при изучении форм собственности по варварским Правдам.

Если временно отвлечься от отмеченной неразрывной связи форм собственности и свободы ее носителей и сделать попытку изолированной трактовки этих форм, то прежде всего необходимо подчеркнуть следующее.

Изучать зарождение собственности можно лишь путем установления ее специфических форм в том их виде, который реально создавался творцами этих форм в процессе их общественной жизни и отражался в их повседневной юридической практике и в их собственном юридическом мышлении (т. е. в так называемом обычном праве), — без привнесения туда представлений о собственности, заимствованных из феодального, буржуазного или римского права. Ибо эти представления сложились в соответствующих классовых общественных формациях с развитыми формами собственности и не могут использоваться для характеристики ее первоначальных форм, имеющих место там, где сама собственность лишь возникает и процесс классообразования лишь начинается. Конечно, ясное представление о развитых формах собственности совершенно необходимо для успешного анализа ее начальных форм, но лишь в качестве критерия для суждения о последних, в качестве масштаба для сравнения: следует тщательно избегать отождествления (вольного или невольного) этих принципиально различных форм собственности друг с другом.

Стремлением избежать такого отождествления, а отнюдь не склонностью к «юридизму» в историческом мышлении¹ и вызвана наша попытка реконструкции начальных форм собственности в том их виде, как их представляли себе сами ее творцы. А эта попытка осуществима лишь

¹ Указанное отождествление само есть яркий образчик юридизма, который мы как раз отвергаем.

путем анализа отражения форм этой ранней собственности в обычном праве. Отсюда — законный интерес к юридическому мышлению варварских Правд и к их терминологии (то же относится и к понятию свободы).

Итак, первый наш вопрос: что такое та собственность, которую Маркс называет «первоначальной»? Сам Маркс отвечает на него следующим образом: «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов, которой соответствуют определенные отношения их как друг к другу, так и к природе, — вот к чему сводится в конечном счете как та община, членами которой они являются, так и покоящаяся на ней собственность... *Собственность означает, следовательно, первоначально* (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) *отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным*. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы»².

«Присвоение природного условия труда (земли как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки. *Индивид просто относится к объективным условиям труда как к своим собственным* (курсив наш. — А. Н.), относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует. Главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находямая трудом *природа*... С одной стороны — имеется налицо живой индивид, с другой — земля как объективное условие его воспроизводства»³.

Итак, первоначальная собственность это, по Марксу, такая собственность, при господстве которой трудящийся (он же производящий или воспроизводящий себя) субъект относится к условиям его производства или воспроизводства, как к своим, или, иными словами, при которой «индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим». По мысли Маркса, первоначально самая сущность собственности состоит именно в этом. «Однако, — продолжает Маркс, — это отношение к земле как к собственности трудящегося индивида ... сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д. Изолированный индивид совершенно так же не мог бы иметь собственность на землю, как он не мог бы и говорить ... Отношение к земле как к собственности всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже исторически развитую форму. Тут индивид никогда не может выступать так резко обособленным, как он выступает в качестве просто свободного рабочего»⁴. «Естественно сложившаяся племенная общность... или, если хотите, стад-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 485 (курсив наш. — А. Н.).

³ Там же, стр. 473.

⁴ Там же.

ность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.). Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*... производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»⁵.

После этих дополнительных разъяснений становится совершенно очевидным то, что подразумевалось нами с самого начала, а именно: говоря об отношении трудящегося субъекта к условиям его производства (к земле), как к своим, трактуя это отношение, как самую сущность первоначальной собственности, Маркс, конечно, имел в виду общественное отношение трудящихся субъектов к земле; в соответствии со всем духом его учения он и не мог мыслить возникновение первоначальных форм собственности иначе, чем возникновение определенного типа *общественных* отношений. Поэтому он и говорит об «отношении трудящихся субъектов между собой и к природе» и по той же причине подчеркивает, что первоначальная собственность сразу же и одновременно возникает и как отношение трудящихся индивидов к земле, и как их отношение друг к другу (вспомним его формулу: «Однако это отношение к земле как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредствовано... существованием индивида как члена какой-либо общины») ⁶.

Следовательно, одна из центральных проблем первоначальной собственности сводится, по Марксу, к взаимоотношению между общиной и индивидом, и тем самым уже в самое определение первоначальной собственности как некоего единства двух моментов — общинного и индивидуального — включается намеченная нами выше неразрывная связь собственности на землю и свободы ее носителей в том смысле, в каком позитивное содержание этой свободы, в свою очередь, определяется той или иной формой отношения трудящихся субъектов друг к другу, т. е. той или иной структурой самой общины.

Но, прежде чем перейти к этой проблеме, мы должны уделить внимание еще одной, не менее существенной черте «первоначальной» собственности.

Маркс неоднократно подчеркивает, что трудящийся субъект (при господстве этой собственности) «относится к объективным условиям труда как к своим собственным»⁷ (курсив наш. — А. Н.). Что это значит? Маркс отвечает на это так: трудящийся субъект «...с самого начала выступает не просто как трудящийся индивид в этой абстрактности, а имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являю-

⁵ Там же, стр. 462—463.

⁶ Там же, стр. 473.

⁷ Там же.

щийся заранее данной *предпосылкой* его деятельности... такой же... как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает... в процессе жизни, но которые как предпосылка предшествуют самому этому процессу воспроизводства...»⁸. Точно так же «присвоение природного условия труда (земли...) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки»⁹. «Действительное присвоение посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, а представляются его природными или божественными предпосылками»¹⁰. Или: индивид относится к условиям труда, как к своей собственности, не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они являются предпосылкой труда, т. е. производства. Поэтому то он и относится к условиям его производства и воспроизводства, как к своим, «как к неорганической природе своей субъективности» (курсив наш.— А. Н.)¹¹, т. е. на этой ранней стадии развития общественный человек еще так тесно связан с условиями своего производства, что они не создаются в результате воздействия общественного человека на внешнюю природу, а являются предпосылкой такого воздействия. Поэтому и отношение трудящихся субъектов к этим условиям производства приобретает характер собственности не в силу того, что они — результат труда, а в силу того, что они — его предпосылка.

Главное условие производства — земля — выступает, как естественное условие труда, а не как уже подвергнутое общественному воздействию и видоизменению. «Работник относится к объективным условиям своего труда как к своей собственности; это и есть *природное единство труда с его вещными предпосылками*. Поэтому работник...независимо от своего труда имеет предметное существование. Индивид относится к самому себе как собственник, как господин... условий своей действительности»¹². Подобно тому, как орудия труда первоначально возникают в качестве продолжения членов человеческого тела, так и условия труда первоначально присваиваются, как естественные условия труда, как «неорганическая природа субъективности» трудящегося индивида, который и относится к ним «просто, как к своим». А также отношение индивида к условиям труда предполагает «принадлежность индивида к какому-либо племени (коллективу)»¹³.

Это отношение ярко выступает из некоторых норм обычного права ранней поры — например, хотя бы там, где Салическая правда не считает нужным даже упомянуть о судьбе выморочного земельного участка, ограничиваясь лишь негативным запретом его наследования женщиной¹⁴. Как бы ни пытались конкретно представить способ использования этого участка, мы наталкиваемся на непреодолимые трудности: ни раздел

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 473.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 463.

¹¹ Там же, стр. 473.

¹² Там же, стр. 461.

¹³ Там же, стр. 481.

¹⁴ L. S., LIX, § 5.

этого участка между соседями на неясных для нас основаниях (между всеми односельчанами или лишь между ближайшими соседями? поровну или в известной пропорции?), ни передача его в пользование кому-либо из них (которая прямо противоречила бы смыслу § 5), ни выделение его в качестве составной части какого-то запасного земельного фонда (может быть, с превращением его в пастбище?) не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным раскрытием дальнейшей судьбы выморочного надела. Единственное, что мы узнаем, да и то из более позднего памятника — из эдикта Хильперика¹⁵ — это то, что на подобные наделы претендовали соседи, но по данным этого эдикта мы не в состоянии установить, в каких конкретных формах собственности или совладения реализовывались эти претензии. Неуловимость этих форм и, главное, полное молчание Салической правды о судьбе выморочного участка свидетельствуют прежде всего о том, что составителям этого памятника она представлялась чем-то само собой разумеющимся (так же как и содержание «свободы» каждого соплеменника), в то время как от нас она ускользает. Несомненно лишь одно: выморочный участок не становился объектом индивидуальной собственности, ибо иначе на это было бы указано в той главе Салической правды, которая посвящена порядку наследования и тем самым отражает как раз процесс выделения индивидуальной собственности из общинной. Но способ общинного использования этого участка остается от нас скрытым, в то время как составителям Правды он представляется, с одной стороны, само собою разумеющимся, а с другой — не поддающимся определенной фиксации в терминах собственности, что, может быть, объясняется многообразием возможных форм его общинного использования. А это и значит, что составители Правды еще не окончательно утратили то исконное, первичное отношение трудящихся индивидов к условиям производства (в данном случае к земле) просто, как к своим, которое предполагает определенное бытие индивида, как члена известной племенной организации или коллектива.

Но времени фиксации норм главы «Об аллодах» историческое развитие успело внести одно весьма существенное изменение в это отношение, санкционировав передачу земельного участка по наследству — правда, лишь в пределах прямого потомства по мужской линии. Но здесь при анализе первоначальной собственности нас интересует не это новшество, а то отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу, которое имело место до его появления и следы которого сохранились еще в самом порядке наследования главы «Об аллодах».

Как видим, оно опять-таки приводит нас к взаимоотношению между общиной и индивидом.

Это взаимоотношение может принимать весьма различные формы у разных народов и проходить различные стадии развития у одних и тех же народов. Вспомним еще раз формулу Маркса о том, что собственность означает первоначально «отношение трудящегося ... субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собствен-

¹⁵ L. S., Cap. V, § 3.

ным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы»¹⁶. «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение [т. е. общая собственность на землю], сама может реализовываться самым различным образом»¹⁷.

Указанное Марксом различие форм первоначальной собственности в зависимости от условий производства сказывается прежде всего в том, что у варварских народов Западной Европы в начале нашей эры, говоря его же словами, «индивидуальная земельная собственность не выступает здесь... ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых. Общинная собственность как таковая выступает только как общее для всех добавление к индивидуальным поселениям соплеменников и к индивидуальным земельным участкам. [Германская община] — это не субстанция, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция, [как в восточной общине]»¹⁸. «Индивид относится к самому себе как собственник, как господин ... условий своей действительности. Подобным же образом относится он и к другим индивидам, и — смотря по тому, имеет ли эта предпосылка своим исходным пунктом общину или отдельные семьи, образующие общину, — индивид относится к ним или как к со-владельцам, т. е. носителям общей собственности, или же как к самостоятельным собственникам, таким же, как и он...»¹⁹.

Эта особенность общины у западноевропейских варварских народов в начале нашей эры свидетельствует о том, что ко времени фиксации норм их обычного права в варварских Правдах они уже успели проделать известный путь исторического развития, который и привел к возникновению отмеченного Марксом своеобразия их общинного строя. Этим и объясняется то, что даже в наиболее архаических нормах обычного права столь трудно уловить первичное отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу. Очевидно, первоначальная собственность выступает в варварских Правдах уже в измененном виде, а именно в качестве сочетания общинной собственности с индивидуальной, притом градуированной, земельной собственностью на различные земельные угодья, которая ограничена или лимитирована общей собственностью (рода, племени или общины). Такой тип собственности складывается у древнегерманских народов, по-видимому, еще в эпоху родо-племенного строя, и к этому типу возникающей собственности вполне приложима характеристика, данная Марксом «германской» форме общины и приведенная нами выше. Намеченный ход мыслей расчищает путь к обобщению результатов проделанного нами конкретного анализа собственности и свободы по некоторым варварским Правдам.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 485.

¹⁷ Там же, стр. 463.

¹⁸ Там же, стр. 472 (курсив наш. — А. Н.).

¹⁹ Там же, стр. 461—462 (курсив наш. — А. Н.).

Чтобы конкретно представить себе специфическую форму сочетания общинной и индивидуальной собственности на землю, которая характерна для древнегерманских народов в эпоху родо-племенного строя, необходимо исходить из структуры населенного пункта («виллы», по терминологии Салической правды). Этот населенный пункт — деревню или село — следует представлять себе в виде совокупности домохозяйств, объединенных в такую общину, которая «существует только во взаимных отношениях ... этих индивидуальных земельных собственников как таковых»²⁰.

Здесь предпосылка деятельности трудящегося субъекта имеет своим основанием не общину в целом, а «отдельные семьи, образующие общину»²¹ (курсив наш. — А. Н.), и поэтому индивид относится к другим не как к соучастникам в собственности и носителям общей собственности, а «как к самостоятельным собственникам, таким же, как и он...»²². Совокупность домохозяйств представляет собой, таким образом, совокупность отдельных семей, образующую общину указанного типа, причем некоторые из этих домохозяйств могли иногда, в свою очередь, составлять небольшую домовую общину в виде расширенной семьи из представителей трех поколений²³.

Как бы то ни было, индивидуальными владельцами некоторых земельных угодий (пахотной земли, виноградника, сада и огорода) являются здесь именно главы отдельных домохозяйств, выступающие в качестве производящих или трудящихся субъектов и тем самым играющие в доклассовом обществе ту роль, которая в классовых общественных формациях выпадает на долю непосредственных производителей. Собственность этих индивидуальных владельцев не только различна по отношению к разным земельным угодьям — она неполна по отношению к любому разряду этих угодий, поскольку ограничена общей собственностью всех обитателей данного населенного пункта. Такую форму собственности отражает древний текст Салической правды²⁴.

Градуированность земельной собственности на разные угодья вскрывается наличием различной системы штрафов за нарушение огороженного пространства, а также границ разных земельных угодий и за присвоение соответствующих продуктов производства. Как показывает анализ этой системы штрафов, наиболее интенсивно защищалась индивидуальная собственность на дом с садом и со всеми пристройками и вообще на всякую земельную площадь, обнесенную изгородью, затем на виноградник, огород и пахотное поле (в убывающей степени), наименее интен-

²⁰ Там же, стр. 472.

²¹ Там же, стр. 462.

²² Там же.

²³ Некоторые, впрочем, недостаточно ясные, указания на этот счет содержит гл. LVIII Салической правды (De chenepecruda).

²⁴ Это положение подробно развито и аргументировано нами в статье: Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической правде» («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1945, № 4). Поэтому мы ограничимся здесь лишь некоторыми его иллюстрациями.

сивно — собственность на луг, нарушение границы которого вовсе не каралось штрафом (виновный в покосе чужого луга платится за это лишь утерей результатов своего труда), в то время как лес составлял общинную собственность, лишь используемую отдельными домохозяевами на определенных условиях ²⁵.

Однако индивидуальная собственность на любое из этих угодий (независимо от степени ее защищенности) не есть полная собственность, близкая по типу своему к частной собственности, ибо она лимитирована теми взаимоотношениями этих собственников, как таковых, друг к другу, которые и превращают совокупность домохозяйств в общину. Эта неполнота собственности отдельных домохозяев, проистекающая из ее лимитированности общинной собственностью всей их совокупности, явствует не только из уже отмеченного выше умолчания главы «Об аллодах» о судьбе выморочного участка, но и из порядка вселения «переселенца» в виллу ²⁶, из отсутствия купли-продажи недвижимости и. из сложной процедуры передачи имущества (в том числе, по-видимому, и земли) путем аффатомии, представляющей собою нечто среднее между начальным этапом возникновения завещания и зародышевой формой дарения ²⁷.

Отдельные домохозяева, которые с экономической точки зрения являются трудящимися или производящими субъектами, в социальном плане выступают в варварских Правдах как свободные.

На стадии родо-племенного уклада, отраженной в наиболее архаических частях Салической правды, социальные градации в среде этих свободных трудящихся субъектов — в полном соответствии с охарактеризованной выше ранней формой неполной собственности — еще отсутствуют, хотя уже намечаются предпосылки имущественного расслоения. Но именно поэтому свобода носит здесь позитивный характер, ибо ее содержание определяется взаимоотношением индивидуальных собственников, образующих общину. Как раз эти взаимоотношения производящих субъектов друг к другу, складывающиеся в процессе производства, представляют собой источник их свободы, а не простое противопоставление их социального положения несвободе раба. Ибо, во-первых, не рабы, а свободные составляли в родо-племенном обществе времен Салической правды основную массу трудящихся субъектов, а во-вторых, свобода последних не исчерпывается отсутствием их рабской зависимости от других лиц, а содержит ряд положительных признаков, притом как раз таких, которые характерны именно для домохозяев-общинников отмеченного нами типа.

Эта свобода сводится к *полноправию* и характеризуется совокупностью таких прав, которые определяются положением свободного домохозяина в общине и его положением как трудящегося субъекта, являющегося членом племени, а потому и складываются в самом процессе общинно-индивидуального хозяйствования (или производства) и совла-

²⁵ L. S., XXVII, § 6—15; § 16—19; IX, Ad. 2; VII, Ad. 11 и др.

²⁶ L. S., XLV.

²⁷ L. S., XLVI.

дения. Эти права отличаются двумя весьма любопытными чертами: во-первых, они являются в то же время и обязанностями, а во-вторых, некоторые из них, строго говоря, даже трудно назвать правами, так как они являются чем-то само собой разумеющимся, непосредственно вытекающим из положения индивида в коллективе, в то время как «право» предполагает наличие чего-то опосредствованного. Вряд ли можно всерьез трактовать как «право» принадлежность свободного производящего субъекта к «роду», ибо, скорее, наоборот — она-то и определяет его права, как сородича, а между тем в этой принадлежности коренится его «право» стать членом хозяйственного коллектива, а отсюда, в свою очередь, проистекает позитивное содержание его свободы.

Права, составляющие содержание этой свободы, сводятся к наличию владельческих прав на земельный участок, прав пользования неподеленными угодьями (со всеми вытекающими отсюда имущественными правами), к праву ношения оружия и участия в сотенных или окружных судебных собраниях. Любое из этих прав является в то же время и обязанностью его обладателя: владение земельным участком обязывает соблюдать правила пользования различными угодьями в порядке охарактеризованной выше разной интенсивности индивидуальной собственности на каждое из них и считаться с интересами совладельцев в деле допущения новых поселенцев и эксплуатации неподеленных земельных территорий; право ношения оружия есть в то же время обязанность каждого свободного соплеменника выступать в качестве члена народного ополчения, а неявка в судебное собрание карается весьма строго.

Таким образом, отмеченные выше две черты полноправия свободного трудящегося субъекта в родо-племенном обществе лишь на первый взгляд кажутся парадоксами его свободы: ибо на самом деле они теснейшим образом связаны с генезисом этого полноправия из специфического характера первоначальной собственности, возникающей одновременно и как отношение трудящихся субъектов к земле, и как их отношение друг к другу.

Наличие родо-племенной, а иногда (как, например, в Салической правде) лишь дружинной знати, а также сравнительно небольшого числа полусвободных и рабов не меняет на данной стадии того основного факта, что главная масса племени состоит из равноправных свободных, являющихся в то же время трудящимися субъектами, объединенными в общину совладельцев.

Переход от родо-племенного уклада к варварскому обществу характеризуется изменением формы собственности и ростом социального расслоения. Изменение прежней формы собственности связано с усилением роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счет общей собственности всей совокупности обитателей населенного пункта. Симптомами этого процесса являются такие факты, как распространение прав наследования выморочного участка на лиц женского пола с одновременной отменой притязаний соседей на этот участок (эдикт Хильперика, § 3) и переход от аффатомии времен Салической правды к практике завещаний и земельных дарений с предпосылками прерия.

Этот переход весьма ясно отражен в эдикте Ротари²⁸: в этом памятке дарение первоначально выступает в форме устного завещания или передачи имущества через посредников (наподобие *аффатомии*)²⁹, причем право на такую передачу обставлено целым рядом ограничений в пользу законных наследников дарителя³⁰. Впоследствии же подобные акты настолько учащаются, что повседневная практика дарений приводит к возникновению такой их формы, которая уже близка к прекарию (малоимущий свободный передает свое земельное владение более состоятельному лицу с оговоркой, что за дарителем до его смерти сохраняется право пользования переданным владением и право на материальную помощь со стороны получателя)³¹.

Параллельно с распространением этих новых форм дарения у лангобардов идет и процесс разложения или распадающейся так называемой большой семьи или домоводной общины. Так, если один из братьев, оставшихся совместно жить в общем доме после смерти отца, получал что-либо в качестве дарения, то это становилось его личной собственностью, точно так же как приобретенное им на службе у короля или герцога, в то время как захваченная на войне добыча поступала в общую собственность неразделившихся братьев, а в случае женитьбы одного из них «мета» (приданое, покупная цена жены) уплачивалась из их общего имущества³².

Как видим, даже в недрах не распавшейся еще большой семьи уже разграничиваются индивидуальная и общая собственность; но нередко дело доходит до полного ее распада, когда прекращается общее хозяйство братьев. В таком случае происходит раздел их имущества поровну. Когда такие разделы становятся повсеместным явлением и когда братья начинают основывать отдельные хозяйства еще при жизни отца, тогда домохозяева, составляющие население деревни, превращаются во владельцев, стоящих во главе малых индивидуальных семей. Однако и этот процесс, по-видимому, завершается не сразу, и в течение долгого времени деревня носит в этом смысле смешанный характер, т. е. состоит из домохозяйств, представляющих собой большую семью, и из домохозяйств, каждое из которых включает лишь одну малую семью.

Но и отмеченное выше усиление роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счет общей собственности обитателей деревни приводит далеко не сразу к торжеству первой над второй, несмотря на широкое распространение практики земельных дарений и на возникновение нового порядка наследования, зафиксированного для франков в эдикте Хильперика, а для лангобардов — в эдикте Ротари³³. Ибо наряду с этими новыми явлениями последний отражает и те архаические черты индивидуальной собственности — с разной степенью ее ин-

²⁸ См. выше, гл. II. Ср. также: *А. И. Неусыхин*. Общественный строй лангобардов в VI — VII вв.

²⁹ Ro, § 172.

³⁰ Ro, § 168, 171.

³¹ Ro, § 173.

³² Ro, § 167 (*De fratres qui in casam communem remanserent*).

³³ Ro, § 151—163.

тенсивности по отношению к различным земельным угодьям, — которые характерны для родо-племенного уклада. Однако если индивидуальная собственность и не сразу торжествует над общей собственностью, то усиление ее роли все же приводит к возникновению новой ее формы, при которой не только постепенно отпадают отмеченные выше признаки неполноты индивидуальной земельной собственности, разной степени ее интенсивности и ее ограниченности общей собственностью, но и узаконяется переход недвижимости из рук в руки — как путем дарений, так и путем прямой купли-продажи земельных владений.

В соответствии с ростом этой новой формы собственности возникают и социальные градации в среде свободных. Имущественное расслоение уже приводит к возникновению различных социальных статусов внутри общей массы свободных, и соответственно дифференцируется самое понятие свободы, которое становится многозначным. Эта многозначность — симптом социальной дифференциации и лежащего в ее основе процесса классообразования, поэтому уяснение разных значений «свободы» в варварском обществе важно для установления разных этапов процесса классообразования, который тоже проходит ряд ступеней и отличается многообразием оттенков и переходов.

На ранних ступенях возникновения новой формы собственности и расслоения в среде свободных в соответствующих варварских Правдах еще отсутствуют прямые указания на наличие разных социальных статусов внутри свободных, но имеются свидетельства об их зарождении: а) колебание вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду; б) патронат одних свободных над другими; в) наличие различных терминов для обозначения разных категорий свободных³⁴.

Колебания вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду мы находим не только в эдикте Ротари с его приемами определения вергельда убитого каждый раз в соответствии с его «качеством», «родовитостью» или «знатностью» (*secundum qualitatem, generositatem personae, id est in angargatthungi*)³⁵, но и в западнонорвежских памятниках обычного права (*Gulathingislög* и *Frothingislög*) и в законодательстве короля XIII в. Магнуса Лагобетира.

В западнонорвежских сборниках права *höldar*, представители привилегированного слоя внутри широкой массы равноправных свободных (*bondi*), отождествляются с *öalsborinn* мен, с людьми, которые со стороны обоих своих родителей *öalsborinn*, т. е. являются обладателями родовых земельных владений — причем эти владения издавна переходят по наследству в пределах одного рода или одной семьи по прямой нисходящей линии мужских потомков. И вот в законах Магнуса Лагобетира устанавливается новый порядок исчисления вергельдов этих *höldar* (которых отнюдь не следует просто отождествлять со знатью, ибо та возвышалась над ними в качестве землевладельцев — *lendirmen*). Согласно этому порядку вергельды и пени тех или иных *höldar* должны опре-

³⁴ См. выше, гл. III.

³⁵ Ro, § 11, 14, 48, 74, 75, 141, 378.

делиться каждый раз особыми оценщиками, причем высота вергельда и пени в каждом отдельном случае зависела не от положения данного лица, а от того, к какому из привилегированных родов (*höldsætt*) оно принадлежало и каковы были размеры земельных владений этого рода (о al, т. е. *Stammgut*)³⁶.

Патронат одних свободных над другими засвидетельствован прямыми данными эдикта Ротари³⁷, «эссекских законов»³⁸ Инэ и Альфреда, L. Fris³⁹, а также косвенными указаниями L. Sax⁴⁰.

Различие терминов, обозначающих разные категории свободных, характерно в равной мере и для эдикта Ротари с его выделением особого слоя *fulcfree* внутри широкой массы *liberi*⁴¹, и для норвежских памятников, которые обозначают разные слои свободных при помощи различных терминов: *arborinn men* (социальная группа, охватывающая равноправных свободных и либертинов высшего разряда — наподобие лангобардских, *fulcfree* и англосаксонских *folcfry*), *bondi* (широкая масса полноправных свободных собственников), *höldar* (привилегированный слой обладателей родовых земельных владений внутри этой массы), и, наконец, для законов кентского короля Уитреда⁴² 695—699 гг., где наряду с термином *кэрл* (простой свободный) уже фигурирует термин *folcfry*, объемлющий и всех свободных (подобно тому, как понятия *frigman*, *freo* в более поздних законах Альфреда и Этельстана охватывают *кэрлов* и *эрлов*), и вольноотпущенников высшего разряда⁴³.

Однако наличие всех трех признаков зарождения разных социальных статусов внутри свободных не всегда выступает одновременно. В частности имущественное расслоение необязательно приводит к колебаниям вергельда свободных, в чем мы могли убедиться уже на примере Салической правды.

Другой любопытный пример дают уэссекские законы Инэ (688—695) и договор Альфреда с Гутрумом (880—890), а также некоторые другие англосаксонские памятники, в которых при далеко зашедшем процессе классообразования вергельд простого свободного — *кэрла* — остается неизменным (200 шиллингов), несмотря на наличие имущественной дифференциации в среде *кэрлов*, если исходить из их повинностей (*gafol*) в пользу государства (королевской власти) и частных лиц⁴⁴. Таким образом, и на более поздней стадии развития варварского общества

³⁶ Изложено на основе цитировавшихся выше работ К. Мауера.

³⁷ Ro, § 167, 177, 225 (*privatorum hominum obsequium*).

³⁸ Ср. глаффорд над *кэрлами* и *эрлами*: Ine, 3, § 2; Alfred, 4, § 2.

³⁹ L. Fris, I, XI.

⁴⁰ L. Sax, XXV, XXVI; ср. LXII, LXIV; *Capitulatio*, XII, XIII; *Nithard. Historiarum libri quattuor*, IV, 2 (подробный разбор соответствующих текстов см. выше, гл. III).

⁴¹ Ro, § 216, 224, 225, 227.

⁴² *Wihfred*, 8.

⁴³ Само собой разумеется, что мы сближаем здесь лишь те памятники, которые по целому ряду соображений допускают подобное сближение.

⁴⁴ Ср. *coerl* on *gafolland* (Alfred and Gutrum, § 2) — свободный, но экономически зависимый чиншевик в сопоставлении с вергельдом чиншевика-уэльсца (*wealth gafolgelda*) у Инэ (23, § 3). Ср. также описание повинностей гебура: *Rectitudines singularum personarum*, 4, § 1—2; F. Liebermann. *Op. cit.*, Bd. I, S. 446—447.

за единообразным вергельдом членов данного социального слоя могут скрываться весьма большие различия внутри этого слоя (кэрлы-свободные мелкие собственники и кэрлы-держатели с различными повинностями, при тенденции расслоения кэрлов на свободное и зависимое крестьянство). Это — явление, обратное колебаниям вергельда свободных при отсутствии резко выраженных социальных статусов в их среде. И то и другое лишний раз подтверждает ту мысль, что вергельды сами по себе еще не являются достаточным основанием для суждения о социальном статусе защищенных ими лиц.

Но эти факты указывают, кроме того, и на то, что процесс перехода к новой форме собственности и ее утверждения может протекать неодинаково и приводить к весьма различным социальным последствиям.

Если отвлечься от многообразия возможных «путей и перепауз» этого процесса и постараться уловить его основную тенденцию, то мы должны будем констатировать, что на более поздних ступенях развития варварского общества появляются различные социальные статусы внутри свободных с различными вергельдами, размер которых уже твердо установлен и фиксирован, причем в Пrawdax некоторых народов различие вергельдов строго соответствует размерам земельной собственности. Сведения о различных социальных статусах внутри свободных с разными, твердо установленными вергельдами мы находим в алеманнских законах (где свободные делятся на *primi*, *mediani* и *minofledi* с вергельдами в 160, 200 и 240 солидов и где все они, тем не менее, продолжают считаться членами широкого слоя свободных)⁴⁵, а также в законе лангобардского короля Лиутпранда (от 724 г.), который уточняет формулу эдикта Ротари о взимании вергельда свободного сообразно «качеству лица» и разъясняет, как следует понимать это «качество», устанавливая для *primi* в среде свободных (*exercitales*) вергельд в 300 солидов, а для *minimae personae* — в 150 солидов⁴⁶. Но особенно любопытны указания англосаксонских Правд и прочих юридических памятников Англии VII — XI вв. на соответствие этих статусов и вергельдов размерам земельной собственности.

В уэссекских Пrawdax и в законах Северной Англии наряду с делением всего свободного населения страны на кэрлов и эрлов постоянно встречается и другое деление, по размерам вергельда — на *twelfhynde*, *suxhynde* и *twyhynde*.

Установление соответствия этих двух приемов классификации друг с другом представляет значительные трудности, во-первых, потому, что большей частью сами памятники прямо не указывают на эти соответствия, а во-вторых, еще и потому, что наряду со старыми социальными слоями — кэрлов и эрлов — возникают новые, и в частности растет значение служилой знати — гезитов и тэнов. Однако, если мы отнесем последних к разряду *twelfhynde* (на что имеются достаточные основания),

⁴⁵ *Pactus Alamannorum*, II, § 36—38: *L. Alam.*, XLV, LX.

⁴⁶ *Li*, § 62: *Nunc autem statuere praevidemus, quomodo sit ipsa qualitas considerata. Consuetudo enim est ut minima persona, qui exercitalis homo esse inventur, 150 solidos componatur et qui primus est 300 solidos.*

то кэрлов можно будет отождествить с *tywyhynde*. Правомерность такого отождествления явствует хотя бы из тех текстов законов Альфреда, где сопоставляются *twelfhynde sixhynde* и кэрл⁴⁷, а также из передачи в законах Кнута термина *tywyhynde* (Alfred, 29) через *coerlman*⁴⁸.

Не совсем ясным остается лишь социальный статус *sixhynde*. Впрочем, известный намек содержит передача этого термина при переводе текста гл. 30 и 39, § 2 законов Альфреда в *Cnut* через *radcniht*. Последний термин исследователи единогласно толкуют как англосаксонское обозначение промежуточного слоя между *тэнами* и кэрлами⁴⁹.

Законы Инэ и интенсивно использовавшая их частная компиляция X в., известная под названием *Norðleac̃ laga*, устанавливает соответствие между вергельдом жителя Уэльса и размерами его земельных владений: уэльсец, имеющий 5 гайд земли, защищен вирой в 600 шиллингов и, таким образом, попадает в разряд «*syxhynde*»⁵⁰; вергельд уэльсца, обладающего одной гайдой, равен 120 шиллингам, половиной гайды — 80 шиллингам; безземельный житель Уэльса защищен лишь небольшим вергельдом в 60 шиллингов⁵¹. Так как речь идет здесь, несомненно, о свободных жителях Уэльса, а уэльсец с одной гайдой и вергельдом в 120 шиллингов — очевидно, такой свободный, который соответствует англосаксонскому кэрлу, то из соотношения вергельдов англосаксов и уэльсцев можно вывести и соотношение их земельных владений, определяющих высоту этих вергельдов. Если исходить из размеров вергельда англосаксонского кэрла в 200 шиллингов (такова его сумма повсюду, за исключением Кента, где он равен 100 шиллингам)⁵², то можно установить пропорцию вергельдов кэрла-англосакса и рядового свободного уэльсца как 5:3 (200:120), а отсюда следует, что в Уэссексе кэрл с вергельдом в 200 шиллингов обладал, как правило, одной гайдой, а житель Уэссекса, обозначаемый, как *syxhynde*, мог обладать тремя гайдами⁵³.

⁴⁷ Cp. Alfred, 10, 18, § 1—3; 29—31; § 1—2; 40.

⁴⁸ *Cnut*, III, § 5—8; *quem quidam Angli dicunt tywyhinde et alii coerlman*. Cp. также передачу текста Alfred, 39 § 2 в *Cnut*, а кроме того, Ine 19, Aethelstan, VI, 8, § 2 (930—940). См. по этому поводу комментарии: F. Lieberman. *Op. cit.*, Bd. II, S. 381; 388; Bd. III, S. 56.

⁴⁹ Cp. F. Pollock and F. Maitland. *History of English Law*, I, p. 288—289; F. Lieberman. *Op. cit.*, Bd. II, S. 180; H. M. Chadwick. *Op. cit.*, p. 88—89, 103.

⁵⁰ Ine, 24, § 2: *Wealh, gif he hafact V hida, he bict syxhynde*.

⁵¹ Ine, 32: *Gif Wilisc men habbe hide londes, his wer bict 120 scill, gif hi fonne healfes haebe, 80 scill., gif he heaning haebbe, 60 scillinga*. То же самое в *Norðleac̃ laga*, § 7—8; любопытно, что житель Уэльса, сидящий на чужой земле и несущий повинности (*wealh gafolgelda*) по тем же законам Инэ (Ine, 23, § 3), имеет вергельд в 120 шиллингов, а его сын — в 100 шиллингов. Cp. H. M. Chadwick. *Op. cit.*, p. 91.

⁵² Cp. Alfred and Guthrum, § 2: *coerle octe on gafolland... to 200 scil*.

⁵³ Первый вывод несомненен, второй можно оспаривать. Cp. по этому поводу разногласия между Раммом (*op. cit.*, S. 736—737, 760) и Либерманом (*op. cit.*, Bd. II, S. 419). Последний полагает, что вергельд уэльсца мог быть и вдвое ниже виры англосаксонского кэрла, что, впрочем, не так уж далеко от трех пятых. Чэдвик (*op. cit.*, p. 92), принимает во внимание колебания вергельда рядовых свободных жителей Уэльса (от безземельного уэльсца до обладателя одной гайды) в пределах 60—120 шиллингов. Либерман правильно устанавливает границы соотношения вергельда уэльсца и англосаксонского кэрла — от 3/10 до 3/5. Но нас интересует в данной связи главным образом соотношение виры уэссекского кэрла и уэльсца — обладателя одной гайды, как критерий для суждения о возможном числе гайд у *syxhynde*.

Из *Norðleof laga* мы узнаем, что кэрл, который приобрел пять гайд земли, обязанной несением государственной службы (*to cynges utwage*), защищен вергельдом в 1200 шиллингов, а если его потомки в течение трех поколений удерживали за собою это земельное владение, и притом обладают рыцарским вооружением, то они становятся тэнами (*gesidcundes cynges*). Но если они почему-либо этих владений не имеют, то они остаются кэрлами, несмотря на их происхождение от обладателя пяти гайд. Это значит, что переход кэрла в разряд тэнов покоится на обладании земельными владениями в пять гайд с несением соответствующей службы в течение трех поколений⁵⁴. Наличие рыцарского вооружения без соответствующего количества земли для этого недостаточно, точно так же как недостаточно и происхождение от обладателя пяти гайд, если они не переходили по наследству в течение трех поколений.

Совершенно очевидно, что в Уэссексе и Северной Англии уже с конца VII в. *социальный статус и высота вергельда начинают зависеть от размеров земельных владений*.

Но в конце VII в. вступление в ряды служилой знати еще не было обусловлено теми требованиями, которые в X в. формулирует *Norðleof laga*; поэтому закон Инэ различает гезит-кэндмэнов, имеющих и не имеющих земельные владения, и устанавливает для обоих разрядов различные пени за одни и те же проступки, причем кэрл по размерам пени поставлен ниже даже безземельного гезита⁵⁵.

Однако уже в этих градациях отражается начало того процесса, который в IX—X вв. приводит в англосаксонской Англии к торжеству новой формы земельной собственности с соответствующим многообразием социальных статусов внутри свободных; оборотной стороной этого процесса является зарождение предпосылок феодального строя в недрах варварского общества и параллельно с этим возникновение служилой знати.

Для этой поздней ступени эволюции варварского общества характерно не только наличие разных социальных статусов внутрисвободных, но и многообразие промежуточных социальных слоев, стоящих между свободными и несвободными, т. е. тех слоев, которые впоследствии в феодальном обществе отчасти обнаруживают тенденцию к слиянию друг с другом, а отчасти перегруппировываются и перемещаются на новых основаниях. Так, во Фризской правде (в отличие от Салической правды) литы уже — неоднородный слой, ибо у фризов имеются и такие литы, которые становятся патронами свободных (*liberi*)⁵⁶, а у кентцев, соглас-

⁵⁴ *Norð leoflaga*, § 9—12; ср. *F. Liebermann. Op. cit.*, Bd. III, S. 258. Любопытно, что у уэльсцев дифференциация по размерам земельных владений и соответствующим им вергельдам кладет грань не только между представителями знати (родовой или служилой) и рядовыми свободными, но и проникает в недра этого слоя, в то время как в Уэссексе вергельд всех кэрлов одинаков. Однако и уэссекские кэрлы, как уже было отмечено выше, несмотря на единообразие их вергельда, резко отличались друг от друга по их имущественному, а также, по-видимому, и земельному цензу.

⁵⁵ *Ine*, 45; 51. В этой главе пеня гезита-землевладельца (*gesitdcundesman landagenda*) вдвое выше пени безземельного гезита (*unlandagende*), а пеня последнего, в свою очередь, в два раза выше пени кэрла.

⁵⁶ *L. Fris.*, XI.

по закону Этельберта, уже в начале VII в. различались три разряда лэтов с разными вергельдами — в 80, 60 и 40 шиллингов⁵⁷, причем вергельд высшего разряда был немного ниже вергельда кентского кэрла⁵⁸, который равнялся 100 шиллингам. Сюда же относится и тот факт, что в норвежских сборниках обычного права различаются две и даже три группы вольноотпущенников: *frjalsgjafi*, прошедшие лишь первый акт освобождения — предоставление свободы, *leysingi*, проделавшие и второй акт — уплату выкупной суммы патрону, и, наконец, *leysingasonr* — потомки лейзингов, составляющие высший разряд либертинов.

Либертины низшего разряда — *frjalsgjafi* — отличаются от лейзингов тем, что в течение четырех поколений сохраняют довольно значительную зависимость от патрона и несут в его пользу повинности, в то время как лейзинги и их потомки до пятого поколения связаны с патроном гораздо более слабыми узами, к тому же все более и более ослабевающими с каждым новым поколением *leysingasonr*. Переход из *frjalsgjafi* в *leysingi* происходит либо в результате второго акта освобождения (с символической процедурой угощения патрона пивом), либо механическим путем — по истечении соответствующего числа поколений. Таким же путем *leysingi* приобретают полную свободу и независимость от патрона (наподобие лангобардского *fulcfree et haamund*), с той лишь разницей, что они могут стать свободными уже в пятом поколении, а *frjalsgjafi* — лишь в девятом. Намеченные три разряда норвежских вольноотпущенников отличаются друг от друга имущественными правами и вергельдами.

Любопытно отметить в этой связи, что лично свободный, но экономически зависимый кэрл *on gafollande* в законах о разделе Альфреда с Гутрумом приравнен по вергельду (200 шиллингов) к датскому лейзингу⁵⁹.

Указанные градации внутри литов и либертинов означают появление различных оттенков полусвободы наряду с разными статусами свободы.

Этому многообразию оттенков полусвободы соответствует и наличие терминов, охватывающих свободных и либертинов высшего разряда (*folcsfrý* у англосаксов⁶⁰, *arborinne* у норвежцев, отчасти *fulcfree* лангобардов).

Тем не менее знать, поскольку она фигурирует не как дружинная, а как родо-племенная знать, все еще включается отчасти в общую массу свободных, точнее — понятие знатности покрывается более широким понятием свободы (несмотря на наличие подчас очень резкой разницы в имущественном положении и вергельдах знатного и свободного). Так,

⁵⁷ Aetelbert, 26: *Gif laet ofslaed tone selestan 80 scil. forgelde gir tane oterne ofslaed 60 scill, forgelde; dane triddan 40 scil. forgelde*. Может быть, такое раннее появление градаций среди кентских лэтов объясняется локальными особенностями Кента.

⁵⁸ Aetelbert, 21—22.

⁵⁹ Alfred and Gutrum, § 2; *coerle de on gafollande sit 7 heora liesengum... to CC scill*.

⁶⁰ Cp. Withred, 8.

в эдикте Ротари, где отсутствует особый термин для обозначения родоплеменной знати, все же встречается понятие *nobilitas*, которое включается в более широкое понятие свободы⁶¹. Во Фризской правде *nobiles* выступают в качестве носителей правовых норм наряду с *liberi*, составляя, несмотря на всю разницу их социальных статусов, некую совокупность свободных соплеменников, в среде которых уже выделился привилегированный слой знати⁶². Такую же совокупность продолжают составлять англосаксонские эрлы и кэрлы, объединяемые общим понятием *frigman*, *freo* вплоть до IX в., несмотря на усиление дружинной знати и рост предпосылок феодализационного процесса⁶³.

Итак, перед нами как будто два противоположных по историческому смыслу явления: с одной стороны, фиксация разных статусов внутри свободных наряду с возникновением оттенков полусвободы; с другой стороны, продолжающееся частичное включение родоплеменной знати в состав широкой массы свободных. Причину обоих явлений следует усматривать все в том же (едином по существу, но различном по своим формам) процессе утверждения новой формы собственности на поздней стадии развития варварского общества и главным образом в неравномерном воздействии этого процесса на социальную структуру последнего.

Создавая, с одной стороны, такие предпосылки классообразования, которые характерны уже для созревающего феодального строя, он часто не в состоянии сразу разрушить те социальные различия, которые сложились в среде свободных еще при переходе от родоплеменного уклада к варварскому обществу, а потому иногда приводит к сочетанию архаизма с резким социальным расслоением, как это и имело место у саксов. Поэтому самое наличие резкой отграниченности двух слоев полноправных свободных еще не позволяет трактовать их как сложившиеся сословия классового общества, ибо эта отграниченность может быть результатом заострения, и, так сказать, «повторного воспроизведения» весьма архаических отношений, которые не только сохранились, но и углубились именно в силу указанной неравномерности воздействия новых форм собственности на социальный строй общества. По той же причине не следует принимать за сословия и многочисленные градации внутри свободных (а иногда даже и полусвободных) у лангобардов и англосаксов до тех пор, пока эти народы еще находятся на стадии варварского общества (хотя бы на самой поздней ступени его развития). Ибо сословия возникают лишь тогда, когда варварское общество перерождается в общество феодальное. Поэтому можно и должно говорить о возникновении в недрах варварского общества новых социальных групп, которые сложатся впоследствии в классы и сословия феодального общества (к таким группам относятся, например, газинды у лангобардов, антрустионы у франков, гезиты и тэны у англосаксов, экономически за-

⁶¹ Ro, § 75, 378; secundum nobilitatem suam.

⁶² L. Fris., I, § 16—21; XI; XXI.

⁶³ Cp. Alfred, I—V, § 2 (ge coerl ge oerl); Hlothere and Eadric, 5 (frigne mannan). Eadward-Cnut, 7, 1 и др.

висимые, но лично свободные кэрлы у тех же англосаксов — все это предшественники будущих феодалов и зависимых крестьян), но нельзя принимать за сословия старые родо-племенные социальные деления.

Эти деления иногда еще долго сохраняются, углубляясь и застывая, но чаще всего они перегруппировываются и разлагаются именно в ходе процесса классовообразования, в основе которого лежит превращение охарактеризованных выше форм собственности в феодальную собственность. Это превращение становится свершившимся фактом лишь тогда, когда свободные «трудящиеся» или «производящие субъекты» (по терминологии Маркса) начинают выступать, как непосредственные производители, эксплуатируемые феодальными собственниками.

Часть вторая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(до XV в.)

Введение

Цель очерков* — показать конкретный процесс эволюции Германии в средние века от незавершенного феодализма начала X в. и последующих безуспешных попыток централизации к возникновению и укреплению территориальных княжеств в XII—XIII вв. Этот путь развития средневековой Германии — от неполного феодального дробления через неудавшуюся феодальную централизацию к территориальной раздробленности на новой основе, создающей предпосылки сперва феодальной, а затем и феодально-абсолютистской централизации внутри отдельных территориальных княжеств — обусловил и два основных направления внешней политики Германии — устремленной в Италию и на славянский Восток, в заальбские и придунайские страны. Первое осуществляла так называемая «Священная Римская империя», второе — главным образом (за исключением Оттона I в X в.) — территориальные княжества XII—XIII вв. Но и сама империя возникла и развивалась в значительной мере под влиянием внутренних изменений общественного строя Германии. В связи с перерождением католической церкви в XI в. из чисто феодальной в универсально-абсолютистскую организацию эти изменения породили борьбу папства с империей, которая, в свою очередь, содействовала росту территориальных княжеств с начала XIII в., а тем самым косвенно и их колонизаторской политике на Востоке.

В истории Германии X—XIII вв. можно выделить несколько периодов. Основой этой, конечно, весьма условной периодизации, отнюдь не претендующей на общезначимость, послужила определенная ступень в развитии феодальных отношений в Германии и связанные с этим особенности ее внешней политики (глава I, посвященная древним германцам, переселению народов, образованию и распаду Франкского государства, носит вводный характер. — *Ред.*).

Первый период охватывает события от начала Саксонской династии (с Генриха I Птицелова) до смерти второго представителя Франконской династии — Генриха III, т. е. приблизительно с 919 до 1056 г. Этот период характеризуется во внутренней политике попытками централиза-

* Написаны в 1948—1949 гг.

ции феодального государства (борьба с герцогствами, «Оттоновские привилегии» и епископальная система), причем самые орудия этой централизации (епископальная система) таковы, что неизбежно приводят во внешней политике к тенденции подчинить папство, которая наряду со стремлением германской феодальной знати закрепить торговые связи с более богатой Италией толкает германских королей к завоеванию Италии и порождает «Священную Римскую империю». Создание этой империи (962) и осуществлявшееся параллельно с нею колонизационное движение в Заальбье при Оттоне I — два основных факта внешней политики Германии в указанный период. К концу его (при Генрихе III) политическое господство императора над папством формально достигает своего апогея (назначение пап Генрихом), но фактически эта политика приближается к неминуемому краху. Ибо в первой половине XI в., с одной стороны, растет — в результате деятельности Оттонов и особенно Генриха II — мощь и самостоятельность германского епископата, а с другой — намечается тенденция к перерождению католической церкви в универсалистскую теократическую организацию (клюнийское движение). Благодаря поддержке Генрихом III клюнийского движения оба процесса встретились.

Второй период падает на 1056—1125 гг. (правление Генриха IV и Генриха V) и может быть назван периодом борьбы за инвеституру.

События этого времени целиком подготовлены предшествующим развитием. Папство преодолевает феодальную раздробленность католической церковной организации раньше и успешнее, чем Германия в лице центральной королевской власти успевает централизовать феодальное государство при помощи привилегий, розданных поставленным в прямую зависимость от императора епископам. А так как одно из основных орудий централизации Германии — епископат — должен был стать также и орудием создания новой универсалистской церкви, своеобразного теократического «государства в государствах» или «государства над государствами» тогдашней Европы, то борьба за господство над епископатом между папой и германским королем была неизбежна. Ее неизбежность усиливалась еще благодаря тому, что Германия входила в состав империи, стремившейся подчинить себе папство, а также вследствие отмеченного выше роста реальной мощи немецкого епископата, ярко обнаружившейся в малолетство Генриха IV, да и в ходе самой борьбы, когда епископы получили возможность становиться то на сторону папы, то на сторону императора.

Сама же борьба за инвеституру — независимо от компромиссного и временного разрешения спора Вормским конкордатом 1122 г. — привела к усилению раздробленности Германии, вернее — к ее дроблению на новой основе: после того как в течение чуть ли не 50 лет (1075—1122) короли и антикороли, епископы и антиепископы, наконец, разные группы герцогов противостояли друг другу, по всей Германии стали дробиться герцогства либо же возникать новые политические образования, не тождественные феодальной вотчине (Grundherrschaft) и не совпадавшие с прежними герцогскими и епископскими территориальными

делениями. Во главе этих новых образований стояли князья, добивавшиеся некоторых прав политического верховенства. Именно в XII в. растут города, ширится торговля (внутренняя и внешняя), усиливается колонизация, и все это дает возможность территориальным князьям накапливать материальные ресурсы.

Борьба за инвеституру, таким образом, завершила раздробление Германии на ряд территориальных ячеек, но и ход этой борьбы, и другие условия (рост городов и торговли) придали этому дроблению своеобразное направление. Тем самым, однако, в значительной мере сведены были на нет централизаторские усилия прежних императоров. Да и Wormский конкордат с его строгим разграничением светской и духовной инвеститур (при явном примате последней над первой в Италии), конечно, означал крах прежней политики империи, покоившейся на епископальной системе и на стремлении господствовать над папством. После борьбы за инвеституру централизаторская политика империи должна была направиться по другому руслу. Прежние методы централизации стали невозможны, что ярко обнаружилось в течение третьего периода; четвертый же период показал, что централизация феодальной Германии вообще невозможна, независимо от методов, ввиду явного торжества территориальных княжеств.

Третий период в основном приходится на длительное правление Фридриха I Барбароссы (1152—1190), ибо предшествующие царствования Лотаря Суплинбургского и Конрада III (вторая четверть XII в.) лишь подготовили политику Барбароссы. Наряду с попытками (неудачными) восстановления епископальной системы Фридрих Барбаросса всячески старался увеличить материальные ресурсы короны. И то и другое привело его в Италию и толкнуло на борьбу с богатыми ломбардскими городами и с папством. Торговые связи Германии с Италией в это время возросли, и в экономическом отношении Италия сделала огромный шаг вперед, особенно после первых двух крестовых походов. Это стало серьезным стимулом борьбы за нее: обладание материальными ресурсами Италии могло бы помочь Барбароссе справиться с князьями в Германии.

Однако чтобы добиться этого, Барбаросса вынужден был вступать в союзы с отдельными князьями (в частности, с могущественным родом Вельфов), уступая им ряд привилегий, т. е. некоторые элементы политического верховенства. Такая политика усиливала мощь князей, развязывала им руки для колонизации Востока и тем самым увеличивала ранее уже намечавшуюся разобщенность экономических районов Германии и районов ее торговых связей (Швабия и Бавария связаны с Италией; прирейнские земли начинают тяготеть к Франции, Фландрии, а через нее — к Англии; между тем Саксония и колонизованные области создают новый северо-восточный район, а Австрия связана торговыми узами с Богемией и Польшей).

Эта разобщенность ведет к изменению центра тяжести Германии: если он раньше переместился от Саксонии и Франконии к Швабии, что нашло свое выражение и в смене династий (Саксонская, Франконская, Штауфены), то теперь готовится его перемещение на восток,

в Баварию, Австрию, Богемию, что обнаружится в конце XIII в., после гибели Штауфенов. Но уже сейчас итальянская политика Барбароссы — представителя швабского дома Штауфенов — противостоит колонизаторской политике саксонско-баварских Вельфов. Налицо как бы два центра тяжести Германии — Саксония и Швабия, борьба которых друг с другом, сочетающаяся с борьбой между императорами швабского дома и папством, не дает окончательного преобладания ни тому, ни другому, сдвигая центр тяжести Германии в Австрию, Богемию, Баварию. Итальянская политика Барбароссы — его безуспешная борьба с ломбардскими городами из-за регалий, борьба с папой — не дала ему никаких существенных выгод. Поражение при Леньяно (1176), разрыв с саксонским герцогом Генрихом Львом и союз с архиепископом Кёльнским означали в сущности крах этой политики, результатом чего стало стремление Фридриха Барбароссы создать собственное территориальное княжество. Выражением этого стремления была, между прочим, и попытка приобрести династическим путем Сицилию, осуществившаяся при сыне Барбароссы Генрихе VI. Германский император превращается из коронованного герцога в территориального князя, подобно тому как становятся территориальными князьями и остальные, некоронованные герцоги.

Четвертый период, связанный с правлением Фридриха II, внука Барбароссы (1215—1250), довершает процесс, начавшийся еще в XII в. Борьба Штауфенов (Филиппа Швабского) и Вельфов (сына Генриха Льва, Оттона IV), которая разгорелась в промежуток между смертью Генриха VI (1197) и коронацией Фридриха II (в 1215 — королем, в 1220 — императором) лишь усилила территориальную раздробленность Германии, но, конечно, не создала ее.

Политика Фридриха II, его стремление объединить Южную, Среднюю и Северную Италию с Германией в единую империю исходили, в отличие от политики его деда, уже не из интересов императора как швабского герцога или германского территориального князя, а из интересов сицилийского короля, получившего отчасти по наследству, а отчасти из рук папы также и корону Германии. И опирался он не на немецких епископов и их вассалов, как Оттоны и отчасти Барбаросса, и не на горожан и министерялов Германии, как Генрих IV, Генрих V и тот же Барбаросса, а на сицилийские финансы и наемников, да на военную помощь германских князей. За обещание этой помощи в итальянских походах Фридрих II даровал германским князьям ряд прав суверенитета, и притом, в отличие от своего деда, не отдельным мощным князьям, а совокупности князей (духовных, а потом и светских) как корпорации. Тем самым Фридрих II сам оформлял господство князей в Германии, содействуя кристаллизации слоя князей в особое сословие и одновременно подавляя движение городов, рыцарства и министерялов, т. е. как раз тех сил, на которые он мог бы опереться в борьбе с князьями.

В противовес этому в Сицилии Фридрих II насаждал феодальную централизацию, что напоминало политику Генриха II Плантагенета в Англии. Однако централизованная Сицилия не дала возможности Фридриху II одержать победу над папством и итальянскими городами. Широ-

ковещательный лозунг *unio regni ad imperium* остался неосуществленным. Реальным результатом политики Фридриха II, как и всей истории Германии третьего и четвертого периодов, оказалось раздробление Германии на ряд территориальных княжеств в обстановке роста товарно-денежных отношений и колонизации Прибалтики. Цикл развития от незавершенного феодализма через попытки феодальной централизации к дроблению на ряд территориальных княжеств проделан Германией в течение X—XIII вв. XIV век открывает уже новую эпоху в ее истории. С XIV в. (точнее — с конца XIII в.) Германия предстает перед нами как совокупность территориальных княжеств, подобно тому как в X в. она являлась совокупностью герцогств. Поэтому X—XIII вв. составляют законченный и цельный этап в развитии этой страны.

Германия в период раннего средневековья (до ее выделения из империи Каролингов)

1. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ

Этим именем в науке принято обозначать совокупность мелких племен, обитавших на рубеже нашей эры между Рейном и Вислой с одной стороны и между Дунаем и побережьем Немецкого (Северного) и Балтийского морей — с другой, причем восточная часть этой территории (область между Одером и Вислой) была заселена уже в те отдаленные времена и некоторыми негерманскими (иллирийскими, финскими и славянскими) племенами. Об уровне общественного строя германских племен этой эпохи и об основных событиях их истории мы узнаем из произведений античных писателей, из археологических раскопок и из данных сравнительного языковедения (т. е. науки, занимающейся сравнительным изучением различных языков, их происхождения и особенностей их строения). Из античных писателей больше всего сведений о древних германцах дают нам Юлий Цезарь и Корнелий Тацит. Очень существенные сообщения о древних германцах содержатся также в трудах Плиния Старшего, Страбона, Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Веллея Патеркула и др. Для IV века особенно важны известия Аммиана Марцеллина.

Названные писатели изображают древних германцев в весьма прозаических тонах — как племена, у которых только начинается процесс социального расслоения и оформляется политическая власть вождей и королей.

Родовой быт у них уже начинает разлагаться, но общинная собственность на землю еще господствует и частная собственность не зародилась. Древние германцы, правда, уже земледельцы, но их земледелие еще очень примитивно и обработка земли происходит по системе перелога, требующей очень неэкономного расходования больших площадей для прокормления сравнительно немногочисленного населения. Наряду с земледелием очень большую роль в их жизни все еще играет скотоводство: у них — огромные стада скота, и Тацит прямо называет скот «их единственным и любимейшим богатством» (т. е. главным видом их движимого имущества). Хотя они уже возделывают многие хлебные злаки (рожь, овес, ячмень, кое-где, может быть, некоторые сорта пшеницы),

тем не менее в их пище большую роль играют молочные продукты и мясо домашних и диких животных; древние германцы много времени уделяют охоте.

Хотя племя и состоит из родовых объединений, которые во времена Цезаря еще являются субъектами владения землей, но из этих родовых групп уже выделяются домовые общины, т. е. так называемые «большие семьи», состоящие из представителей трех-четырех поколений и составляющие отдельные домохозяйства. Такая «большая семья», или «домовая община», во времена Тацита (т. е. к концу I в. н. э.), по-видимому, уже является основной ячейкой хозяйствования и основной группой родственников, живущих вместе и ведущих совместное хозяйство.

Это не мешает тому, что верховную собственность на территорию села по-прежнему имеет община, выросшая из былых, более крупных родовых объединений, старейшины которых еще во времена Цезаря вводили отдельным группам сородичей, живущих совместно, те или иные участки земли под обработку. Таким образом, к концу I в. н. э. родовая община, являющаяся у древних германцев верховной собственницей занятой ею территории, распадается на ряд более мелких подразделений — «домовых общин», представляющих собою несколько соседствующих друг с другом домохозяйств. А это в свою очередь приводит к тому, что постепенно родственные связи между жителями села слабеют, хотя и не рвутся вовсе, и вместо них все более начинают выступать на первый план связи, основанные на соседстве. Другими словами, родовая община начинает перерождаться в соседскую, но это перерождение продолжается очень долго и заканчивается лишь через несколько столетий.

Параллельно возникает и социальное неравенство: основную массу племени составляют так называемые «свободные», т. е. равноправные соплеменники — члены поземельной общины, собственным трудом возделывающие землю, но в то же время являющиеся и вооруженными воинами; однако над ними уже во времена Тацита начинает возвышаться знать, которая составляется, с одной стороны, из родовых старейшин, а с другой — из вождей военных дружин. Таким образом, древнегерманская знать складывается из двух слоев — из представителей старой родовой знати и из вновь нарождающейся верхушки племени, которая приобретает в нем вес в результате захвата дружинниками и их вождями во время военных походов большого количества скота, рабов и иной движимости и приобретения ими лучших и более обширных земельных участков.

Наряду с прежними родовыми старейшинами в древнегерманском племени все большую роль начинают играть вожди дружин. Между дружинниками и их вождем устанавливаются особенно близкие — личные и материальные отношения. Вот как изображает эти отношения Тацит: «Если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь»¹.

¹ Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии (далее — Тацит. Германия), 14.— В кн.: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах, т. I. Л., 1970.

Но дело не только в личной связи между вождями и дружинниками. Тацит прямо говорит, что «большую дружину нельзя содержать иначе, как путем войны и насилия», и резко подчеркивает связь между дружинниками и их вождем: «От щедрости своего вождя они требуют боевого коня, того же жаждущего крови и победоносного копья; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья»². Большая дружина придает особый вес и авторитет ее вождю. «Чья дружина выделяется численностью и доблестью,— говорит Тацит,— тому это приносит известность, и он прославляется не только у себя в племени, но и у соседних народов»³. Следовательно, древнегерманская дружина представляла собою своеобразную примитивную организацию по совместному захвату награбленной на войне (т. е. во время военных набегов) добычи. Тацит так прямо и говорит, что «дружина обеспечивает свое пропитание и снаряжение войной и грабежом»⁴.

А так как в дружину могли вступать не только знатные, но и рядовые свободные члены племени, то становится очевидным, что в составе дружины в ходе военных набегов и захватов имущества у соседних племен любой свободный германец мог разбогатеть и стать знатным. Значит, дружинный быт вызывал возникновение новой знати, но она еще не превращалась в класс, ибо переходы от простой свободы к знатности были текучими, а кроме того, знатный, как и простой свободный, был и воином, и земледельцем, только первый был богаче второго: у него могло накопиться больше скота, рабов, даже земель. Но и рядовой свободный германец частично прибегал к эксплуатации труда рабов, так что разница между знатым и рядовым свободным в этом отношении была лишь количественной.

Древнегерманская знать отличается от рядовой свободной массы племени не тем, что знать обладает землей, рабами и скотом, а масса простых свободных лишена этого, а лишь тем, что знать обладает всеми этими условиями производства в большей мере, чем рядовая масса. Нельзя также считать, что классовое расслоение в древнегерманском обществе проходило по линии: «рабы — свободные». Во-первых, рабов у древних германцев было очень мало, и не они, а рядовые свободные члены племени составляли основную массу непосредственных производителей материальных благ. Во-вторых, самый характер древнегерманского рабства противоречит такому предположению. У древних германцев были рабы двух родов: домашние, дворовые рабы, которые вырастали и воспитывались вместе с хозяевами, и рабы, посаженные на землю. Первые отличались от свободных личным бесправием: они не имели права носить оружие и участвовать в народном собрании; они были, видимо, потомками несвободных слуг, появившихся внутри рода еще во времена полного господства родового быта; вторые имели свои земельные участки, и господин довольствовался тем, что взимал с них оброк хлеба,

² Тацит. Германия, 14.

³ Там же, 13.

⁴ Там же, 14.

скотом и одеждой⁵. Никакой барщины древнегерманские рабы не несли; это видно хотя бы из того факта, что тяжелая работа не возлагалась на раба даже в виде наказания⁶. Следовательно, эксплуатация рабов у древних германцев была очень слаба, что естественно при низком уровне сельского хозяйства и примитивности всего общественного строя германских племен той эпохи. Социальное неравенство у древних германцев лишь зарождается, и именно поэтому классы у них еще не сложились; но возникновение этого неравенства уже указывает на начало перехода древнегерманских племен от бесклассового общества к классовому. Этот переходный характер древнегерманского общественного уклада отразился и в политическом строе германского племени.

Оно управлялось, с одной стороны, органами, сложившимися еще во времена полного господства родового быта, а с другой стороны — органами, возникшими под влиянием роста социального расслоения. К первым относится народное собрание, состоявшее из всех вооруженных свободных членов племени. Но уже при Таците возникают и органы второго порядка: заседания народного собрания в его время предшествуют совещания представителей знати — старой родовой и новой, вновь складывающейся, т. е. родовых старейшин, вождей и наиболее знатных и влиятельных лиц в племени. Эти совещания вырабатывали определенные предложения, выносившиеся потом на народное собрание, которое могло принять их или отвергнуть⁷. Кроме того, народное собрание занималось лишь самыми важными делами, второстепенные же разбирались тоже на совещаниях знати. Хотя народное собрание и решало такие существенные вопросы, как объявление войны и заключение мира, хотя оно являлось высшим судилищем и вообще центральным органом жизни племени, тем не менее и в нем задавали тон представители знати: именно они (а также короли, вожди, старейшины) выступали с речами и предложениями; из их же среды избирало народное собрание должностных лиц, творящих суд по округам и селам.

Словом, знать не только ограничивала компетенцию народного собрания, т. е. суживала круг дел, подлежавших его ведению, но и вмешивалась в самый ход их обсуждения. Пожалуй, в еще большей степени ограничивала роль народного собрания усиливавшаяся политическая власть военного вождя или короля. Вожди отдельных дружин нередко становились военными вождями целых племен, а некоторые из них превращались в королей. Такие вожди и короли все еще выходили обычно из рядов старой родовой знати, но зачастую их выдвигало на первый план не только знатное происхождение, но и их положение предводителей дружин, которое давало иной раз возможность более молодому и менее влиятельному члену какого-нибудь знатного рода накопить богатства и приобрести политический авторитет в племени. Правда, авторитет был непрочен, а власть короля, выраставшая из власти военного вождя, — крайне неустойчива, что выражалось уже в самом избирательном ее ха-

⁵ Там же, 25.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 11.

рактуре и в том, что военных вождей и королей постоянно свергали. Но все же ее возникновение создавало предпосылки для дальнейшего углубления социального неравенства и тем самым ускоряло движение древнегерманского племени от бесклассового общества к классовому. Однако до последнего было еще далеко — в I в. н. э. древние германцы пока еще представляли собою ряд разрозненных племен.

Однако именно в это время начинается сплочение в крупные военные союзы ряда племен во главе с сильными вождями или королями.

Племенного единства среди германцев эти военные союзы еще не создавали и не могли создать по многим причинам: во-первых, в такие союзы объединялось лишь несколько отдельных племен; во-вторых, эти союзы постоянно враждовали друг с другом; наконец, они довольно легко распадались — так же быстро, как и возникали.

С момента появления германцев на арене истории до конца I в. н. э. мы знаем несколько таких военных союзов (союз кимбров и тевтонов 113—101 гг. до н. э., свевский союз Ариовиста 72—54 гг. до н. э., союз херусков во главе с Арминием и свевско-маркоманнский союз Маробода в самом начале н. э., батавский союз Цивилиса 69—70 гг. н. э. из ряда кельтских и германских племен), и все они были очень непрочными.

Арминий разбил в 9 г. н. э. римского наместника Вара в Тевтобургском лесу, успешно оборонялся от римлян во время походов римского полководца Германика в 14—16 гг. и нанес поражение вождю маркоманнского союза Марободу. Однако Арминий оборонял лишь область расселения племени херусков, а не «общегерманскую» родину, которой тогда еще и не было. Это видно как из его борьбы с Марободом, так и из его дальнейшей судьбы.

«Притязая после ухода римлян и изгнания Маробода, — рассказывает Тацит, — на царский престол, Арминий столкнулся со свободолюбным соплеменником; подвергшись с их стороны преследованию, он сражался с переменным успехом и пал от коварства своих приближенных»⁸, а после его смерти херуски, по словам того же Тацита, потеряли всю свою знать в междоусобных войнах и в конце концов принуждены были примириться с тем, что римляне стали назначать своих ставленников в качестве королей херусков⁹. Это значит, что в I в. н. э. еще не настало время для возникновения у германских племен прочной и самостоятельной королевской власти. Но гибель Арминия указывает и на отсутствие у древних германцев какого бы то ни было сознания общеплеменного единства: ведь союзы Маробода и Арминия вместо того, чтобы поддерживать друг друга в борьбе с римлянами, уничтожили друг друга во взаимной борьбе.

Совершенно очевидно, что римляне отказались в конце I в. от завоевания зарейнских областей не из-за побед Арминия, а по другим, более важным причинам — главным образом из-за невыгодности для Римской империи тратить военные силы и материальные средства на завоевание этой дикой страны.

⁸ Тацит. *Анналы*, II, 88. Цит. по указ. выше изданию.

⁹ Там же, XI, 16.

Отсутствие общеплеменного единства у древних германцев сказалось не только в племенной розни и в непрочности военных союзов, но и в том, что в самих представлениях германцев не зародилось еще сознания такого единства. У германцев даже не было общего для всех племен названия народа в целом: обозначение «германцы» им дали соседи-кельты (галлы), и слово это не германское; к тому же галлы так называли сначала одно из германских племен, перешедших на левый берег Рейна (племя тунгров), потом стали обозначать так всех левобережных германцев и, наконец, их, зарейнских сородичей. Однако сами германцы обычно себя так не называли, применяя к себе это обозначение лишь в сношениях с чужеземцами (галлами, римлянами), так как знали, что те именуют их именно так.

У германцев лишь зарождаются представления о большей или меньшей близости отдельных германских племен друг к другу, но не о единстве всего народа в целом; да и эти представления еще очень слабы. Так, Плиний Старший и Тацит рассказывают о том, что те германцы, которые жили между Эльбой, Рейном и Дунаем, делились на три группы; каждая из них имела особое название (ингевоны, истевоны, гермионы). Эти названия германцы производили от имен трех сыновей бога Манна (Плиний прибавляет к указанным трем группам еще две группы восточных заэльбских германцев вандилиев и певкинов, или бастарнов, и указывает, какие реальные германские племена входили в их состав)¹⁰.

Но это религиозное представление об общности происхождения различных групп германских племен никак не сказалось в их политической жизни: в ней выступают в качестве реальных единиц именно отдельные, входящие в указанные группы племена, а не сами эти группы. И даже когда разрозненные германские племена сплачиваются в военные союзы, эти союзы не строятся по признаку принадлежности к одной из упомянутых групп; реальны были свевы и херуски, а не ингевоны и истевоны. Отсутствие представлений об общеплеменном единстве у древних германцев подчеркивает Тацит в той самой главе «Германии», в которой сообщает о классификации племен по их происхождению. Имя же «Германия», говорит он, «новое и недавно вошедшее в обиход»¹¹. Значит, реальны лишь те десятки мелких германских племен, которые описывают античные авторы. Древние германцы не представляли единого народа. Цезарь¹² и Тацит¹³ единодушно подчеркивают факт давнишнего смешения кельтских и германских племен на территории самих германцев.

Тацит указывает и на то, что восточными соседями германцев были, кроме индоевропейских славян, еще и эстии и фенны, т. е. племена финского происхождения¹⁴, которые тоже смешивались с германцами.

¹⁰ *C. Plin. Secund. Naturalis historiae libri 37. Lipsiae 1892—1897, IV, 99—101; ср. Тацит. Германия, 2.*

¹¹ *Тацит. Германия, 2.*

¹² *Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне, VI, 24.*

¹³ *Тацит. Германия, 28.*

¹⁴ Там же, 43—46.

Мы не можем верить голословному заявлению Тацита, что «населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ», так как историк сам опроверг это заявление многочисленными конкретными примерами, в частности указанием на распространенность смешанных браков среди германского племени певкинов¹⁵. К этому можно прибавить, что, по словам Цезаря, вождь свевского военного союза Ариовист имел двух жен — одну свевку, а другую из придунайской римской провинции Норик, населенной негерманскими племенами¹⁶.

Итак, древние германцы смешивались и с неиндоевропейскими племенами.

В течение II—IV вв., после сооружения римско-германского пограничного вала и временного отказа римлян от наступательной политики по отношению к германцам, шел непрерывный процесс консолидации древнегерманских племен.

Так как этот процесс вызывался внутренней эволюцией общественного строя древних германцев (постоянно возникавшим перенаселением земледельческих племен с экстенсивной системой сельского хозяйства при относительно самодовлеющем скотоводстве), его не смогли задержать и такие формы мирных взаимоотношений римлян с германцами, как поселение последних в виде лэтов и федератов на пограничных территориях римских провинций. Более того, провинциально-римская культура, складывавшаяся здесь из смешения элементов древнегерманского общественного строя и социально-политического строя этих провинций, содействовала усложнению общественного уклада тех древнегерманских племен, которые подвергались в результате этого смешения поверхностной, но непрерывной романизации. Но все же исходным пунктом консолидации древнегерманских племен была их исконная родина: там происходило не только временное сплочение этих племен в более или менее устойчивые военные союзы, но и непрерывное слияние нескольких прежних мелких племен в одно новое большое племя, т. е. образование новых народов. В III в. на страницах источников появляются и их новые названия: франки (составившиеся из целого ряда прирейнских и нижнегерманских племен — батавов, хавков, тенктеров и узинов, сугамбров, убиев и др.), алеманны (в состав которых вошли семноны и отчасти свевы), саксы (название, до того лишь мелькнувшее у Птолемея и еще не известное Тациту, а теперь обозначающее целую совокупность мелких племен, ядро которой, с одной стороны, составили херуски и хатты и к которой, с другой стороны, примкнули англы, юты и фризы).

Но и старые названия (бургунды, готы, лангобарды, вандалы) относятся уже не только к тем отдельным племенам, которые обозначались так во времена Плиния и Тацита, а покрывают разросшиеся племенные объединения, иногда (как, например, у готов) — целую совокупность разнородных племен. Таким образом, и по отношению к ним можно гово-

¹⁵ Тацит. Германия, 4 и 46.

¹⁶ Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне, I, 53.

речь о процессе образования новых народностей. Хотя «военные союзы» не обязательно тождественны новым обширным племенным объединениям, тем не менее процесс возникновения тех и других всегда шел рука об руку и приводил к усилению роли военных вождей с их дружинами, а нередко — к установлению более или менее прочной королевской власти. Так или иначе, и консолидация прежних мелких племен в обширные объединения, и образование военных союзов не только были политическими проявлениями глубокого перерождения общественного строя соответствующих племен, но и оказывали обратное влияние на ход этого перерождения. Ибо оба явления углубляли социальную дифференциацию и тем самым содействовали разложению остатков первобытнообщинного строя и изменению основ родо-племенного уклада путем превращения части рядовых свободных воинов-земледельцев в оседающих на землю дружинников и усиления социально-экономического неравенства внутри сельской общины.

Таким образом, еще до окончательного завоевания варварами Западной Римской империи и до основания ими варварских государств на ее территории в недрах их общественного строя уже наметился переход от «военной демократии» к будущему варварскому обществу, т. е. от начатков социального неравенства к первому этапу классовобразования. Однако этот переход не мог осуществиться прежде, чем возникновение варварских государств стало свершившимся фактом. Ибо только в их пределах стало возможным такое углубление неравенства на почве землевладения (путем неравного наделения землею дружинников и рядовых воинов), которое привело к возникновению все более и более оформлявшихся классов. Огромную роль сыграло в этом процессе классовобразования также и взаимодействие социального развития поселявшихся на территории Западной Римской империи племен с элементами феодального строя, постепенно складывавшегося в результате разложения рабовладельческой общественной формации, подобно тому, как само внедрение варварских племен в глубь империи слилось в один мощный поток с движениями римских рабов и колонов, подорвавшими основы рабовладельческого строя.

2. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАДЕНИЕ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Процесс образования варварских государств, который падает на V в. н. э., принято называть «великим переселением народов». Оно началось в 370—375 гг. нападением среднеазиатского народа гуннов (сложного тюркско-монгольского происхождения) около 370 г. на иранское племя алан, кочевавшее в это время между Волгой и Доном, а вслед за тем — на готский военный союз. Распад этого союза в результате нашествия гуннов привел к тому, что остготы (или грейтунги) двинулись вместе с гуннами на Запад и заняли Паннонию, а вестготы (тервинги) в 375 г. перешли Дунай и поселены были в провинции Мёзии. Это их поселение в Мёзии привело — после длительного периода их борьбы с Восточной, а затем Западной Римской империей — к взятию Рима королем вестготов Аларихом в 410 г. и к основанию так называемого Тулузского королевств-

ва вестготов в 418—419 гг. — первого варварского государства на территории Западной Римской империи. Еще до этого, с 416 г., началась борьба вестготов с поселившимися в Испании вандалами, свемами и аланами, которая приводит к завоеванию вестготами Испании. Сначала вестготы расположились на римской территории постоем на началах *hospitalitas*, т. е. взимали в свою пользу $\frac{1}{3}$ доходов и продовольствия галло-римского населения. Впоследствии они произвели два земельных раздела с галло-римлянами, захватив сперва $\frac{1}{3}$ земельных владений местных жителей, а потом (после завоевания Испании) другую треть. Передвижение вестготов сдвинуло с мест другие варварские (главным образом германские) племена и открыло собой процесс образования ряда варварских государств на территории Западной Римской империи.

В течение первой половины V в. возникает Бургундское королевство — в результате поселения бургундов полководцем Западной Римской империи Аэцием в 443 г. в Савойе, откуда они в 50-х годах распространились по всему бассейну Роны и Соны. Почти одновременно образуется Вandalьско-Аланское королевство в Северо-Западной Африке.

Однако в Италии все еще существовало римское правительство и Римское государство. В середине V в. оно сумело даже дать отпор (конечно, силами наемных варваров) новому нашествию гуннов под предводительством Атилы, которого Аэций разбил в 451 г. в битве на Каталаунских полях (близ Шалона на Марне), причем на стороне обоих противников сражались военные отряды различных германских племен: в армии Аэция — франки, бургунды, вестготы, а в войсках Атилы — свевы и тюринги. Но после смерти Аэция и вандальского нашествия на Рим в 455 г. результаты фактического распада Западной империи отразились и на судьбах Италии: римские императоры стали фактически ставленниками варварских королей.

Борьба между претендентами на престол привела к его захвату неким Орестом, имевшим звание *magister militum* и провозгласившим императором своего малолетнего сына Ромула Августула. Свержение Ромула Августула (последнего римского императора, власть которого была, конечно, чисто номинальной) герулом Одоакром в 476 г. означало, как принято считать, падение Западной Римской империи. Вся Италия была наводнена военными отрядами разноплеменных варваров, во главе которых стоял Одоакр. Для борьбы с ним восточный император направил остготов, которые в V в., покинув Паннонию, заняли Фракию, Мёзию и Эпир. Король остготов Теодорих (впоследствии прозванный Великим) в 489—493 гг. отвоевал Италию у Одоакра и основал Остготское королевство в Италии.

И самая отдаленная окраина Западной Римской империи — Британия — в течение V в. была захвачена германскими племенами англов, саксов, фризов и ютов. Эти племена в упорной борьбе с местным кельтским населением основали несколько англо-саксонских королевств, которые впоследствии объединились и положили начало средневековой Англии.

В конце V в. на территории римской Галлии образовалось Франкское королевство.

Перечисленные варварские королевства (за исключением Франкского и англосаксонских) оказались сравнительно недолговечными.

Самое устойчивое из всех варварских государств европейского континента — Франкское наиболее важно для истории средневековой Германии, ибо из него впоследствии (в IX—X вв.) начали выделяться такие континентальные страны феодальной Западной Европы, как Франция, Германия, Италия. Франкское государство было основано племенем салических франков, обитавшим в IV—V вв. в Токсандрии, вначале на Баттавском острове, а потом между нижним течением Мааса и Шельды. В первой половине V в. при королях Хлодо и Меровея, правивших одновременно (430—460), ибо у салиев еще сохранялось многовластие, они дошли уже до Соммы. По-видимому, племя, заняв эти территории, удовлетворило свою нужду в землях, поэтому в отличие от вестготов и бургундов салические франки не предприняли никаких разделов с галло-римлянами. Дальнейшее продвижение франков на юг зависело уже от королей или военных вождей с их дружинниками, которые совместно занимали пустующие территории и земли императорского фиска в Галлии.

Это продвижение на юг, к Луаре и за Луару, произошло в правление внука Меровея, сына Хильдериха (460—481) — Хлодвиг (481—511). Хотя он был лишь одним из десяти королей салических франков, признававшихся к одному и тому же знатному роду Меровингов, но именно он является основателем Франкского государства. Он захватил владения римского наместника Сиagriя вокруг Суассона (в 486—487 гг.), Аквитанию и большую часть Галлии (кроме Гаскони, Септимании и Прованса), северную часть алеманнских владений (земли между Рейном, Майном и Дунаем, а также между Рейном и Мозелем), область рипуарских франков (по Рейну, в районе Кёльна — Colonia Agrippina) и нижнерейнских тюрингов. Он устранил всех соперников из рода Меровингов, установил единовластие и заставил рипуарских франков провозгласить его своим королем.

Завоевания Хлодвиг способствовала и вражда между вестготскими королями-арианами и католическим духовенством. В этой обстановке крещение Хлодвиг, принявшего в 496 г. католическую веру (а не арианство, распространенное среди многих германских племен) и женившегося на католичке — бургундской принцессе Клотильде, было расчетливым политическим шагом, который облегчил ему победу над вестготским королем Аларихом II в битве при Пуатье в 507 г., а также взятие Тулузы (ворота этого города открыл Хлодвигу католический епископ Ираклий).

После этих завоеваний Хлодвиг получил от византийского императора в 508 г. почетный титул консула, но его власть носила ярко выраженный характер власти варварского короля¹⁷. Записанная при Хлодвиге (между 507 и 511 гг.) и, по-видимому, по его повелению Салическая правда — судебник салических франков — содержит нормы их обычного права и отражает древнейшую стадию варварского общества на территории Западной Европы.

¹⁷ См. об этом ниже.

Наряду с архаическими чертами родо-племенного уклада, продолжающего тенденцию развития общественного строя древних германцев эпохи Тацита, мы встречаем в этом памятнике и признаки усиления рабовладения, и предпосылки будущего феодального строя. Эти предпосылки — в результате их синтеза с остатками перерождавшегося рабовладельческого уклада Западной Римской империи — привели к возникновению феодального строя в недрах Франкского государства Меровингов и Каролингов, конкретная история которого выходит за рамки настоящего очерка. Отметим лишь, что за время от Хлодвига до Карла Великого (с VI по IX в.) Франкское государство превратилось в обширную империю, простиравшуюся от Эльбы и среднего Дуная на востоке, до Северного моря и Атлантического океана и Пиренеев на западе и включавшую в свой состав также значительные части Северной и Средней Италии. Основание светского государства пап при Пипине Коротком (741—768) и Карле Великом (768—814) и коронация последнего императорской короной, произведенная папой Львом III в церкви св. Петра в Риме 25 декабря 800 г., привели к возникновению тесных взаимоотношений между папством и светской властью, породили попытки идеологического обоснования имперской теократии при Карле Великом и завязали узел будущих конфликтов между империей и папством.

Однако созданная Карлом Великим империя оказалась непрочной. Распад империи, подготовлявшийся успехами ее феодализации еще при самом Карле, начался уже при его слабом преемнике — Людовике Благочестивом. Усобицы между внуками Карла привели к тому, что в 843 г. в Вердене империя была разделена между тремя сыновьями Людовика: Лотарь I (817—855) получил Фрисландию, бассейн нижнего Рейна, среднерейнские земли (за исключением Майнца, Шпейера и Вормса) до западной границы на востоке и до течения Шельды и Мааса на западе; кроме того, ему достались Бургундия, Прованс и Италия (т. е. завоеванные Карлом Великим территории Лангобардского королевства). Из ниже- и среднерейнских владений Лотаря впоследствии образовалась Лотарингия. Людовик II Немецкий (умер в 876 г.) получил все германские земли от Рейна до Эльбы (т. е. Баварию, Швабию, Франконию, Тюрингию, Саксонию), включая Майнц, Вормс и Шпейер. Карл Лысый (умер в 877 г.) получил Аквитанию и всю Галлию с Испанской маркой.

Борьба Людовика II Немецкого с Карлом Лысым из-за наследия Лотаря I и его сына Лотаря II (умер в 869 г.) приводит к новому, Мерсенскому разделу (870 г.), в силу которого Людовик II Немецкий получил восточную половину так называемого «срединного королевства» Лотаря, а Карл Лысый — западную его половину; граница проходила по р. Маасу, верхнему течению Мозеля и к востоку от Соны, а на юге — по р. Роне.

Из Каролингской империи выделились, таким образом, два государства — Западнофранкское (будущая Франция) и Восточнофранкское (будущая Германия). В последнем Каролингская династия продолжалась до начала X в. Неясным оставалось положение Италии, так как оно не было точно определено Мерсенским разделом, ликвидировавшим «срединное королевство» Лотаря, а между тем, несмотря на явное обособление Западнофранкского и Восточнофранкского государств, оба они теорети-

чески все еще мыслились как составные части идеального единства Каролингской империи, реальное существование которой уже прекратилось. Поэтому приобретал особое значение вопрос о том, кому достанется императорская корона, связанная с обладанием Италией.

После смерти двух старших сыновей Людовика II Немецкого все Восточнофранкское государство отошло к его младшему сыну швабскому королю Карлу III Толстому, который в 881 г. короновался в Италии императорской короной и завладел также почти всем большим королевством Лотаря, получив тем самым перевес над Западнофранкским государством. Но ему не удалось удержать власть в своих руках, и в результате заговора он был свергнут в 887 г. Его сменил на престоле сын баварского короля Карломана, внук Людовика II Немецкого — Арнульф, который был королем Восточнофранкского государства с 887 по 899 г. и императором с 896 по 899 г. Его сын Людовик IV Дитя (900—911), умерший 18 лет от роду, является последним представителем Каролингской династии в Восточнофранкском государстве.

Во второй половине IX в. папство попыталось использовать распад Каролингской империи и обосновать папский суверенитет в церковных и политических вопросах. Подложные «Лже-Исидоровы декреталии» 851—852 гг. провозгласили принцип непосредственного подчинения церковных должностных лиц Западной Европы папе и его исключительное право назначать их. Эти притязания были особенно важны тем, что выдвинуты были как дополнение к светским претензиям папства, сформулированным еще в VIII в., во время походов Пипина Короткого в Италию, в другом подложном документе — «Даре Константина». Согласно ему, верховная светская власть в лице Константина Великого, римского императора начала IV в., якобы сама предоставила высший духовный авторитет и имперское верховенство на Западе папе и передала ему Рим и все провинции Италии.

Осуществить эти притязания целиком папству так и не удалось, да и частичная их реализация относится к гораздо более позднему времени — к XI—XIII вв. Но очень важно, что уже в VIII—IX вв. складывается программа папской и имперской теократии.

Однако обе еще недостаточно сильны. Последняя, связанная с политической Карла Великого, временно замирает ввиду распада его империи.

Для того чтобы в общих чертах представить себе ход и сущность тех процессов феодализации, которые привели к этому распаду, надо предварительно выяснить, какие основные черты характеризуют феодализм как общественную формацию.

В области экономической признаком сложившегося феодализма является противоречие между крупной поземельной собственностью и мелким хозяйством, которому соответствует в сфере социальной антагонизм между крупными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами. Средневековый вотчинник-феодал является верховным собственником территории вотчины, на землях которой сидят зависимые от него крестьяне, превратившиеся в держателей, находящихся на разных ступенях несвободы. Эти крестьяне являются в то же время мелкими хозяевами, ибо они отнюдь не оторваны от основного условия феодального производ-

ства — земли, а, наоборот, тесными узами и крепкими нитями привязаны к нему. Но хотя совокупность владений таких крестьянских хозяйств по величине земельной площади зачастую превосходит размеры барской заправки, тем не менее эти мелкие хозяева вынуждены отдавать часть своего прибавочного труда и прибавочного продукта в виде барщин и оброков вотчиннику-землевладельцу, ибо он верховный собственник всей земельной площади, а они — лишь держатели, т. е. наследственные пользователи своих наделов, которые рассматриваются как составная часть этой площади. Отсюда и своеобразная природа политической власти в средневековой вотчине, да и все своеобразие феодального государства вообще.

Отношения политического господства и подчинения растут и развиваются в складывающемся феодальном обществе одновременно в двух направлениях: с одной стороны, выделяется некий аппарат центральной государственной власти в лице короля и его ближайшего окружения, а с другой стороны, политическая власть возникает в недрах феодальной вотчины. Оба намеченных направления в эволюции отношений господства — подчинения представляют собой в сущности две стороны или две струи единого процесса становления феодализма. В самом деле, королевская власть выделяется в качестве центральной государственной власти лишь в той мере, в какой она тесно связана с выдвинувшими ее социальными слоями складывающегося феодального класса.

На начальной ступени развития феодальных отношений в качестве таких слоев фигурируют королевские дружинники, приобретающие земельные владения совместно с королем в процессе завоевания новых территорий; хотя такие приобретения и принимают нередко форму королевских земельных пожалований за уже выполненную дружинниками службу, тем не менее они фактически превращаются в аллодиальные владения получивших их лиц, т. е. в их наследственную земельную собственность, не обремененную какими бы то ни было условиями военной или иной службы королю или кому бы то ни было. Возникает как бы особая, выросшая из дружинного строя знать, в которую вливается частично и прежняя родовая знать. Король силен лишь постольку, поскольку связан с этой знатью и поскольку она нуждается в нем как в руководителе военных предприятий, сулящих новые территориальные приобретения и пожалование новых привилегий. Так во Франкском государстве, обстоит дело при Хлодвиге и его ближайших преемниках (в конце V и в первой половине VI в.).

Следующий этап развития королевской власти в Западной Европе раннего средневековья наступает тогда, когда процесс насыщения землями указанных выше слоев знати заканчивается; тогда эта знать перестает нуждаться в королевской власти и соответственно перестает поддерживать ее; этим объясняется упадок власти меровингской династии во Франкском государстве в VII в.

Но феодальный процесс не завершен до тех пор, пока не восторжествовало намеченное выше основное социально-экономическое и классовое противоречие феодального строя. Следовательно, пока еще имеются такие слои издавна свободных аллодиальных собственников, которые не приоб-

рели свои владения совместно с королями в ходе военных предприятий, но которые и не впали ни от кого в зависимость, до тех пор всегда есть не только возможность, но и необходимость дальнейшего углубления феодальных отношений.

Тем самым определена и тенденция дальнейшего роста королевской власти, поддерживаемой этими средними и мелкими аллодистами, которые теперь уже наделяются в ходе военной экспансии бенефициями при условии несения военной службы. Опираясь на эти слои, королевская власть достигает нового временного усиления, но опять-таки ценою перерождения этих слоев в мощную феодальную знать, стремящуюся превратить свои условные — срочные или пожизненные — бенефиции в наследственные феодалы или лены и соответственно вновь ослабить ею же выдвинутую королевскую власть — при помощи ленной системы, феодальной иерархии, установления наследственности должностей и роста имущественных привилегий (частичного изъятия территории вотчины из судебной-административной, финансовой и военной компетенции должностных лиц королевской власти на местах — графов). Этот описанный нами в самых общих чертах процесс протекал во Франкском государстве в эпоху Каролингов.

Если подойти к указанным двум этапам эволюции королевской власти в эпоху раннего феодализма под другим углом зрения, с точки зрения роста отношений господства и подчинения внутри вотчины, то нетрудно будет усмотреть теснейшую связь обеих сторон единого процесса. Ведь с каждым новым усилением королевской власти все более широкие слои франкского общества вовлекаются в самый ход процесса феодализации: разные этапы усиления и ослабления королевской власти являются выражением этого расширения феодализационного процесса, его распространения на все более широкие круги общества. А это значит, что перед нами — не простое повторение одного и того же («королевская власть то усиливается, то ослабляется»), а каждый раз появление чего-то принципиально нового. Это новое заключается в неуклонном продолжении — пусть с зигзагами и колебаниями — все того же процесса феодализации общества, его перехода на новые стадии, в иное качество. Чем больше мелких и средних аллодиальных собственников помещичьего типа вовлекается в ряды знати, тем большее число еще сохранивших свободу франкских крестьян впадает в зависимость от них.

Процесс перегруппировки внутри знати есть в то же время и процесс образования двух основных антагонистических классов феодального общества. Но крупное землевладение с самого начала, уже в период оседания дружинников Хлодвиг на землю, не только ломало старые рамки и формы родо-племенного быта, но и создавало отношения господства-подчинения в собственных пределах. Более того, эти отношения имманентно присущи всякой раннефеодальной поземельной собственности как таковой. Ибо она ведь и вырастает там, где предшествующим развитием уже созданы предпосылки распада общества на указанные выше антагонистические классы. А так как такой распад предполагает хозяйственный уклад, при котором основным условием производства является земля, а обрабатывающие эту землю собственники крестьянского типа —

основной производительный класс — все более и более превращаются в *зависимых держателей* тех, кто описанными выше путями захватил в свое *полное обладание* большие земельные территории, то *внеэкономическое принуждение* и является *необходимой формой* осуществления *экономической эксплуатации*. Поэтому оно налицо уже в крупном сенаторском галло-римском землевладении (в сфере суда, обложения, военно-административной власти владельца латифундии над его колонатами), а в более примитивной форме — во владениях оседающих на землю дружинников Хлодвига. В течение VI—IX вв. оно неуклонно растет и развивается, принимая юридическую форму иммунитета и находя свое применение на частных землях короля (например Карла Великого) точно так же, как и во владениях отдельных феодалов. Те самые представители знати, которые служили социальной опорой династии Меровингов, и вновь возникшие ее слои, выдвинувшие Каролингов, создавая центральный аппарат, в то же время усиливали и собственный аппарат политического господства.

Природа политической власти королей и вотчинников была в сущности тождественна, — это раннефеодальное *внеэкономическое принуждение*, закреплявшее складывавшиеся *формы экономической эксплуатации* крупными землевладельцами *зависимых крестьян*. Но интересы знати и королевской власти, а также разных групп знати могли резко расходиться и приводить к ожесточенной борьбе. Тождество природы королевской власти и политической власти вотчинников полностью объясняет явление «смещения частного и публичного права», которое лучше и точнее было бы определять как *первичную нераздельность, неразграниченность понятий «государственный» и «частный»* на ранних ступенях феодализма; противоречие же их интересов, отражающее более глубокий антагонизм — между вотчинниками и крестьянством, — является одной из движущих сил не только роста *внеэкономического принуждения*, но и развития всего феодального строя в целом.

При сложившемся феодализме с развитой системой эксплуатации крестьянства указанное противоречие разрешается одним из следующих способов: либо торжествует политическая власть вотчинников на местах, что приводит к полному упадку королевской власти, либо, наоборот, королевская власть как раз в эпоху завершения феодализма одерживает победу над политическими притязаниями отдельных вотчинников и создает феодальную централизацию политического господства. Первый способ разрешения указанного противоречия, имевший место во Франции X—XI вв., связан с тем, что должностные лица короля — графы — начинают рассматривать свои должности как наследственные феодалы, а с другой стороны, и сам король превращается всего лишь в одного из крупных вотчинников-сеньоров, юридически играющего роль «верховного сюзерена», *primus inter pares* (первого среди равных), но фактически мало чем отличающегося от прочих феодалов: страна дробится на вотчины-сеньории, обладающие полным иммунитетом, и ввиду слабости королевского центрального аппарата всякая — и местная, и центральная — политическая власть в стране приобретает форму вотчинно-сеньориального *внеэкономического принуждения*. Это явление обычно и обозначается как «*рассеяние суверенитета*» — определение неточное, так как оно вызывает

неправильное представление, будто суверенитет был предварительно кем-то (центральной королевской властью) собран, а затем «рассеялся», в то время как в действительности он с самого начала феодального развития складывался в центре и на местах одновременно.

Второй способ решения намеченного выше противоречия, осуществившийся в Англии уже в конце XI в., создает такое положение, при котором вотчинное внеэкономическое принуждение (поместная манориальная юрисдикция) частично ограничивается в пользу централизующего аппарата королевской власти, и последний берет в свои руки более или менее планомерное осуществление политического господства известных слоев феодалов над крестьянством по всей стране, а не в отдельных крупных баронских вотчинах-манорах. Политическая власть и внеэкономическое принуждение приобретают централизованный характер.

Во Франции политический строй в дальнейшем (в XII—XIV вв.), как известно, развивался в сторону постепенного усиления королевской власти и собирания страны вокруг королевского домена. В Англии раннее проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство дало королевской власти возможность использовать (во второй половине XII в.) совпадение интересов низших слоев феодального класса (рыцарства) и горожан и противоречие между интересами этих обеих групп и высшего слоя феодального класса — баронства, носителя тенденции крупного вотчинного (манориального) землевладения, в целях укрепления своих позиций в области осуществления судебного, финансового и военного верховенства. А когда с начала XIII в. в Англии возникает тенденция к ограничению королевской власти, то она осуществляется опять-таки в форме создания нового централизующего аппарата (в виде органа сословного представительства — парламента, в котором заседают депутаты от баронства, рыцарства и горожан со все большим и большим усилением роли последних двух групп), а не форме ослабления центральной власти в интересах одного только высшего слоя феодального класса (баронства) и уж никоим образом не в виде преобладания вотчинного внеэкономического принуждения на местах (в крупных баронских манорах) над центральной государственной властью.

В Германии X—XIII вв. развитие политической власти не пошло ни по одному из намеченных выше путей. Это объясняется своеобразием эволюции феодализма, которая привела к тому, что королевская власть в Германии X в. переживала ту стадию своего развития, которая характерна для Западнофранкского государства в эпоху первых Каролингов (т. е. в VIII в.); в течение XII—XIII вв., когда централизация Франции и Англии неуклонно усиливалась, королевская власть в Германии все более ослабевала. Этот «обратный тип» развития королевской власти в Германии X—XIII вв. (сравнительно с Англией и Францией того же периода) коренится в «начальных фактах» ее истории, и прежде всего в незавершенности германского феодализма.

Германия в X—XI вв.

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРМАНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В X в. И ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ

Германия как феодальное государство средневековой Европы выделилась из состава бывшей Каролингской империи к началу X в. Процесс ее выделения и обособления, представляющий собой одну из сторон общего процесса распада Каролингского государства, начался еще в 40-х годах IX в. Но вся вторая половина IX в., как и начало X в., заполнены непрерывной борьбой составных частей будущей феодальной Германии — разных герцогств — друг с другом. Прекращение Каролингской династии в Восточнофранкском государстве со смертью Людовика Дитяти, считающееся обычно началом обособления Германии как самостоятельного феодального государства, не представляет собою действительно решающего поворотного пункта в ее истории; 911 год — скорее формально-династическая дата, чем крупное историческое событие. Лишь после кратковременного правления Конрада I, герцога Франконского (911—919), при его преемнике Генрихе I Птицелове (919—936), первом представителе саксонской династии, намечается ряд явлений, составляющих поворотный этап в истории Германии и позволяющих говорить о начале ее эволюции как феодального государства. Однако и в этот период внутренний строй этой страны отличается некоторыми весьма существенными особенностями, анализ которых вскрывает условность самого понятия единого феодального государства в применении к Германии X в.

Германия выступает на арену истории в виде совокупности герцогств, еще не утративших свой племенной характер и в сущности слабо связанных друг с другом. Как мы узнаем из хроник, Генрих I Птицелов был избран королем «с согласия франков, алеманнов, баваров, тюрингов и саксов»¹, т. е. ко времени его избрания Германия состояла из пяти основных герцогств: Франконии, Швабии, Баварии, Тюрингии и Саксонии; на северо-западе к ним примыкала Фрисландия. Из всех этих герцогств только Франкония принадлежала к числу исконных областей, издавна

¹ Continuator Reginonis ad a. 919—920.—MGH, SS, in us. schol., 1890: Heinricus dux consensu Francorum, Alamannorum, Bavariorum, Thuringorum et Saxonum rex eligitur.

занятых франками: Алеманния и Бавария, а отчасти Тюрингия, хотя и были завоеваны еще при Меровингах (часть Алеманнии — при Хлодвиге, часть Тюрингии и Бавария при его преемниках), в сущности недостаточно прочно вошли в состав Франкского государства. Позднее всех вошла в него Саксония, которая была покорена лишь в результате длительных войн Карла Великого.

Герцогства, из совокупности которых сложилась Германия X в., гораздо слабее были связаны с судьбами Франкского государства, чем западная часть последнего, вошедшая в его состав уже при Хлодвиге и его преемниках. К тому же территория, представлявшая собою Германию X в., т. е. область между Рейном, Эльбой и средним течением Дуная, в свое время мало была затронута римским влиянием, которое в некоторых ее частях, например в Саксонии, вообще почти не чувствовалось. Таким образом, слабость — а в ряде мест и полное отсутствие — римских хозяйственных и правовых институтов, а также позднее и недостаточно глубокое проникновение франкских учреждений (лишь в IX—X вв.) в жизнь зарейнских герцогств содействовали замедленности темпа их общественного развития, и в частности — формирования в них феодальных отношений. Эта замедленность усугублялась еще неравномерностью темпа общественной эволюции разных герцогств, например Саксонии, сохранившей еще до конца VIII — начала IX в. довольно архаический уклад, и Швабии, в которой феодальные отношения начали развиваться раньше. Все это вместе взятое и привело к двум рядам явлений, которые можно назвать «начальными фактами» истории средневековой Германии: во-первых, к тому, что Германия X в. выступает перед нами как совокупность герцогств, отличающихся друг от друга и общественным строем, и племенным составом их населения, а во-вторых, к значительной незавершенности германского феодализма X в.

Эта незавершенность дает себя знать в двух направлениях: с одной стороны, процесс поглощения мелкой земельной собственности крупным вотчинным землевладением в Германии начала X в. еще не привел к полному исчезновению слоя свободных мелких землевладельцев крестьянского типа, а с другой стороны, в соответствии с этим, структура господствующего феодального класса еще не во всех отношениях приобрела характерные для сложившегося феодализма формы.

Сборники дарственных грамот (картулярии), оформлявших земельные вклады и дарения монастырям, а также описи земельных владений монастырей и аббатств (полиптики), относящиеся к Германии, рисуют быстрый рост крупного землевладения в конце VIII, IX и X вв. и его повсеместное распространение, но в то же время указывают на наличие мелкой свободной собственности, которая частично только еще втягивается в зависимость от вотчинников. Процесс ее поглощения в больших размерах начинается с конца VIII в., особенно бурно идет в IX в., но к началу X в. во многих местностях Германии все еще далек от завершения, в то время как в западной части Франкского государства, на территории будущей Франции, он уже в начале IX в. привел к таким результатам, как господство вотчинного хозяйства со строго разработанной системой тягловых держаний, барщинных и натуральных повинностей.

В Германии VIII и IX вв.— эпоха возникновения целого ряда монастырей и аббатств и обильного притока вкладов и дарений в их пользу; во Франции (т. е. в Западнофранкском государстве) этот процесс начался раньше и в начале IX в. уже дал определенные результаты². Но и самые эти результаты, а не только быстрота и ход указанного процесса,— весьма различны в Западнофранкском государстве и в пределах будущей Германии. По данным источника, представляющего собою отчасти реальные описи церковных и королевских владений в Каролингском государстве начала IX в., а отчасти формулы для составления этих описей, можно получить достаточно ясное представление о разнице в системе повинностей закрепощаемого свободного населения во владениях Аугсбургского епископства в Баварии и в королевских фисках во Франции, особенно если сопоставить эти описи с данными полиптика Сен-Жерменского монастыря близ Парижа, тоже начала IX в. В то время как фиксированная барщина со свободных мансов на землях Аугсбургского епископства не превышает 6 недель в году, она достигает в поместьях Сен-Жерменского аббатства 2—3 дней в неделю³.

Однако в разных герцогствах будущей Германии процесс феодализации и роста крупного вотчинного землевладения шел неодинаковыми темпами: например, в Саксонии он значительно подвинулся вперед лишь после франкского завоевания, тем более что лишь оно создало условия для христианизации Саксонии и, следовательно, для роста в этом герцогстве крупного церковного землевладения; оно же способствовало и усилению светских вотчинников — путем насаждения в Саксонии франкского института графов, постройки бургов и раздачи земель в бенефиции королевским должностным лицам и вассалам.

Но еще в середине IX в. торжество крупного вотчинного землевладения в Саксонии было далеко не полным, о чем свидетельствует ход восстания Стеллинга в 841—843 гг.: в этом восстании наряду с полусвободными саксами (*lazzi*) приняли участие и свободные (*frilingi*), которые частично уже впали в зависимость от эделингов; против этих последних, как против господ и крупных землевладельцев, и было направлено восстание. Его характер и ход указывают, таким образом, на наличие

² Чтобы убедиться в замедленности процесса поглощения мелкой земельной собственности крупным землевладением в Германии сравнительно с Францией, достаточно сопоставить картулярии и полиптики Южной и Западной Германии (как раз областей с более развитыми феодальными отношениями, чем, например, Саксония) с соответствующими западнофранкскими источниками того же периода: например, Лоршские, Фульдские, Вейсенбургские, Сен-Галленские грамоты конца VIII — начала IX в. с данными Реймского или Сен-Жерменского полиптика (в частности, его гл. XII). К тем же выводам приводит и сопоставление различных сборников формул, отражающих поземельные отношения разных местностей Галлии (галло-римская и салическая группа), а также Алеманнии и Баварии. Ср. *G. Caro. Die Landgüter in den fränkischen Formelsammlungen.*— *Historische Vierteljahrschrift*, 1903, IV.

³ Ср. «Образцы описей земель церковных и королевских» (*Brevium exempla ad describendas res ecclesiasticas et fiscales.*— *Capitularia regum Francorum*, ed. A. Boretius, t. I. Hannoverae, 1883, № 128). Повинности рабских мансов в «Полиптике» и в образцах описей аналогичны. Но в качестве показателя стадий закрепощения свободных собственников важна именно разница в повинностях свободных мансов.

резкого социального расслоения в саксонском обществе середины IX в. и на рост крупного землевладения (факты и явления, несомненно имевшие место еще до франкского завоевания). В то же время самая возможность восстания Стеллинга и социальный состав его участников говорят о том, что этот процесс находился еще в стадии становления и что слой равноправных свободных саксов, составлявший когда-то ядро саксонского племени, еще не целиком и не окончательно превратился в совокупность зависимых держателей крупных вотчинников. Во Франконии, Баварии и Алеманнии (Швабии) этот процесс зашел более далеко, но и там отнюдь не достиг своего завершения.

Наряду с этим в Германии IX — начала X в. наблюдается недоразвитость тех феодальных отношений, которые в эпоху торжества феодализма оформляют структуру самого господствующего класса и закрепляют его господство над зависимыми держателями: речь идет о ленной системе и иммунитете. В то время как в Западнофранкском государстве королевская власть в лице Карла Лысого уже в середине и второй половине IX в. (в 847 и 877 гг.) вынуждена была признать торжество сеньората и наследственность должности графа, т. е. фактическое ее превращение в феодален, в Германии еще в начале X в. ни ленная система, ни иммунитет не достигают полного развития. Конечно, и во Франции полнота иммунитета и торжество ленной системы не везде были достигнуты в одинаковой мере. Иммунитетные пожалования IX — начала X в. представляли крупным церковным и светским вотчинникам право нижней юрисдикции над их несвободными держателями, но в делах, касающихся свободных держателей, а тем более в тяжбах между держателями данной вотчины и посторонними ей лицами (*extranei*) вотчинный суд является лишь первой (а для посторонних данной вотчине элементов и необязательной) инстанцией, а второй и решающей остается суд королевского должностного лица — графа. «Крупные судебные дела» (убийство, разбой, изнасилование, так называемые *causae majores*) тоже изъяты из ведения иммунитета.

Иммунитетные привилегии запрещают графу и его помощникам лично являться на территорию иммунитетной вотчины без разрешения ее владельца; они суживают права графа в области взимания налогов и созыва военного ополчения в пределах иммунитетной территории. Вотчинник начинает в силу иммунитета получать и ряд судебных доходов, а кроме того, приобретает и политическую власть над своими держателями. Однако эта власть остается в Германии вплоть до первой половины X в. весьма неполной, и рост иммунитета не приводит еще в это время к выделению иммунитетной вотчины из состава графского судебно-административного округа.

Правда, уже в IX в. германский иммунитет обнаруживает тенденцию к расширению и усложнению. С одной стороны, он распространяется территориально за пределы самой вотчины, с другой стороны, видоизменяет-

⁴ Но в целом указанный процесс в IX—X вв. зашел во Франции гораздо дальше, чем в Германии.

ся его характер. В IX в. в Германии уже складываются округа господства в силу социальной мощи данного вотчинника (его *potestas* или *mithio*); в пределах такого округа обитатели соседних с данной вотчиной территорий привлекались постепенно к несению вотчинных повинностей, хотя они и не были держателями данного вотчинника. Возникновение таких округов приводило иногда к распространению иммунитетных прав и привилегий на целые обширные сплошные территории и тем самым косвенно содействовало округлению вотчинного землевладения и поглощению мелкой свободной земельной собственности. К тому же некоторые — правда, пока очень немногочисленные — вотчинники-иммунитеты стремились приобрести и высшую юрисдикцию (право разбора крупных судебных дел, *causae majores*). Но это до конца X в. было скорее исключением, чем правилом, а расширение иммунитета за рамки вотчины далеко не всегда приводило к округлению вотчинных владений, так как иммунитет часто соответствовал границам вотчинной чересполосицы.

Таким образом, несмотря на совершенно очевидную тенденцию к росту иммунитета вглубь и вширь, он в начале X в. еще не привел к полной политической самостоятельности германских вотчинников-иммунитетов. Это явление тесно связано с неполнотой торжества ленной системы: тот факт, что далеко не все вотчины приобрели полную политическую самостоятельность, означает, что не вся страна распалась на вотчины-сеньории и что недостаточно строго и точно была проведена феодальная иерархия от вассалов через сеньоров к верховному сюзерену-королю. Это сказалось, во-первых, в несоблюдении принципа условности ленных держаний и в сохранении аллодиальных земельных владений наряду с ленами, а во-вторых, в отсутствии феодализации должности графа. Правда, в X в. многие графы уже стремятся стать обладателями иммунитетов и превратить в наследственные лены как свои земельные владения (бенефиции), так и свою должность. Но отнюдь не всем графам удавалось добиться осуществления этих стремлений.

Борьба церковного землевладения со светским в IX—X вв., борьба герцогов, графов и светских феодалов за обладание церковными землями — симптом роста феодальных тенденций, но в то же время и признак незавершенности феодального процесса в Германии начала X в. Эта незавершенность, которая характеризуется неполным поглощением мелкой свободной земельной собственности крупными вотчинами, неполнотой торжества ленной системы и феодализации должности графа и частичной невыделенностью иммунитетной вотчины из графского судебного округа, предполагает возможность и необходимость дальнейшего роста феодальных отношений. Вопрос только в том, на какой основе этот рост происходил в Германии X в. Как увидим, он шел вначале в направлении усиления и количественного расширения слоя вассалов и министериалов герцогов и короля; эти вассалы, наделяемые бенефициями из церковных земель, продолжали внешнюю экспансию, начатую еще Каролингами, но в то же время участвовали и в борьбе герцогств с королевской властью.

Таким образом, военная экспансия первых германских королей саксонской династии в значительной мере покоилась на том же фундаменте,

что и завоевательная политика первых Каролингов (вплоть до Карла Великого), т. е. на тенденции одаряемых земельными пожалованиями королевских вассалов к расширению своих земельных владений путем военных захватов. Да и уровень развития феодальных отношений в Германии начала X в. немного выше уровня феодализации Западнофранкского государства при Карле Великом. Но за время усобиц IX в. сильно возросла роль и мощь церковного землевладения в Германии, и герцоги, которых Карл Великий тщетно стремился превратить в должностных лиц, вернули себе в Германии положение самостоятельных племенных государств. Поэтому политика феодальной военной экспансии, опирающейся на раздачу вассалам земельных пожалований (в значительной мере из церковных земель), привела уже в первой половине X в. к стремлению королевской власти господствовать над церковью; это стремление еще углублялось необходимостью борьбы с герцогами — этими сильными конкурентами королевской власти в деле создания центров военно-феодальной экспансии широких слоев вассалов-бенефициариев. Борьба королей с герцогами, завоевательные тенденции королевской власти и герцогств, церковная политика — вот основные движущие силы политической истории Германии при Генрихе Птицелове и Оттоне I.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГЕРМАНСКОГО КОРОЛЕВСТВА В X в.

В царствование Генриха I Птицелова уже наметились некоторые тенденции исторического развития Германии в X в. Своеобразие германского феодализма проявилось во взаимоотношениях Генриха I с герцогствами и герцогов — с местными феодалами и церковью, в самой постановке королевской власти в этот период и в ее попытках найти себе опору в разных слоях того общества, в котором еще продолжался процесс феодализации. Внешняя история Германии при Генрихе I заполнена войнами с венграми, славянами и датчанами на востоке и на севере и борьбой за Лотарингию на западе.

Самая обстановка избрания Генриха I и первые годы его правления свидетельствуют о значительной роли герцогств и об ожесточенной борьбе между разными слоями феодального класса. Генрих I был избран в мае 919 г. во Фрицларе представителями феодальной знати пяти герцогств — Франконии, Алеманнии, Баварии, Тюрингии и Саксонии. Его избрание было предрешено как его положением мощного и влиятельного саксонского герцога, так и тем обстоятельством, что его предшественник Конрад I вынужден был наметить его преемником и даже поручил своему брату Эбергарду передать ему знаки королевского достоинства (королевские инсигнии). Однако Генрих I уже в самый момент избрания стремился, очевидно, избавиться от опеки церкви, которая играла такую роль при Конраде I: он не пожелал принять корону из рук епископов; при его избрании не был совершен обряд помазания, что вызвало недовольство в среде духовенства. В церковных кругах Генриха I пренебрежительно называли мечом без рукоятки (*ensis sine capulo*). Таким

образом, Генрих I, сам один из герцогов, сделавшись королем по воле герцогов и феодальной знати. С герцогами и крупнейшими феодалами и пришлось ему вести борьбу тотчас по вступлении на престол.

Избрание Генриха I сразу же вызвало борьбу между разными слоями феодальной знати в Швабии и Баварии, в частности борьбу между герцогами, светскими землевладельцами и духовенством. Герцогская власть, в значительной мере воспроизводившая в пределах более ограниченных политических единиц черты королевской власти, старалась укрепиться, используя социальную базу в лице наделяемых бенефициями вассалов. В поисках социальной опоры герцоги неизбежно должны были столкнуться (и постоянно сталкивались) с королевской властью, с одной стороны, и церковью — с другой. Ход борьбы Генриха I с герцогами вскрывает указанное противоречие интересов и обнаруживает его двусторонний характер.

Восстание Буркгардта Швабского вынудило Генриха I в 919 г. двинуться против него «со всеми своими вассалами», «со всей своей дружиной»⁵. Но Буркгардт сдался до начала борьбы, т. е. признал власть Генриха I как короля еще раньше, чем тот успел вторгнуться в пределы Швабии⁶. За это признание он получил от Генриха I важные привилегии, а именно право основывать монастыри и аббатства и осуществлять господство над ними независимо от короля. Другими словами, он получил право церковного патроната над аббатствами и монастырями в пределах своего герцогства; это право и раньше отчасти предоставлялось отдельным светским феодалам, а отчасти захватывалось ими; оно коренилось в самой структуре поземельных отношений раннефеодального общества и в ходе возникновения церковного землевладения.

Это право (так называемое *Eigenkirchenrecht*, право светских лиц быть собственниками церквей и монастырей) важно было главным образом тем, что давало его обладателю возможность извлекать значительные доходы из церковных учреждений и, кроме того, соответственно повышало социальный вес и авторитет данного светского землевладельца, обладавшего этим правом⁷. Буркгардт Швабский в качестве герцога

⁵ Cum omni comitatu suo (*Widukindi Res gestae Saxonum*.— MGH, SS, t. III, I, 27).

⁶ Tradidit semetipsum ei cum universis urbibus et populo suo (*ibid.*).

⁷ По римскому церковному праву епископ считался верховным собственником и управителем церквей его диоцеза; он получал все доходы с них и назначал на все духовные должности. Но уже в меровингскую и особенно в каролингскую эпоху собственниками церквей и монастырей могли быть и часто становились также и светские вотчинники, которые получали и соответствующие доходы в виде десятины и пр., а кроме того претендовали на доходы с вакантных церковных кафедр и на присвоение движимого имущества умерших клириков (сначала несвободных, а потом и свободных). Эти права светских владельцев присвоили себе и короли по отношению к королевским или имперским церквам. В VII в. епископы сохраняют свои права господства над церквами лишь в епископских городах. Секуляризация Карла Мартелла содействовала усилению господства светских лиц над церковными учреждениями в силу *Eigenkirchenrecht*.

При Карле Великом церковь вынуждена была официально признать это право, запретив лишь расчленение церковных владений путем их раздачи в разные руки, а также назначение несвободных клириков на церковные должности; за епископами

мог применять его в пределах обширной территории и не преминул использовать его в своих интересах; он начал жаловать его своим вассалам, раздавая им в бенефиции и церковные земли, и целые аббатства. Этим он в сущности лишь продолжал в более ограниченных рамках — в пределах Швабии — политику каролингских майордомов и королей VIII в., создавая себе опору в лице наделяемых бенефициями служилых людей, вассалов. Однако именно эта политика вызвала крайнее недовольство Буркгардтом в церковных кругах, где его величали «не герцогом, а тираном, разорившим и опустошившим свое герцогство»⁸.

Борьба Генриха I с баварским герцогом Арнульфом имела еще более существенные последствия в указанном выше направлении. В 921 г. Генрих I осадил Регенсбург и заставил Арнульфа признать его верховенство, купив, однако, это признание ценою еще более значительных уступок, чем те, которые были предоставлены Буркгардту Швабскому. Арнульф Баварский получил не только права господства над церквями и монастырями Баварии, но и право назначения епископов, т. е. ту королевскую привилегию, которую вынуждено было признать даже папство в период своего упадка и усиления королевской власти⁹. Арнульф еще в большей мере злоупотреблял приобретенными им правами, чем Буркгардт, хотя использовал он их также для жалования церковных владений своим вассалам: хронист Оттон Фрейзингенский говорит, что Арнульф «с большой жестокостью разрушал церкви и монастыри Баварии, а их владения раздавал воинам», т. е. вассалам¹⁰. Значительная политическая самостоятельность Арнульфа в пределах Баварии выражалась, кроме того, и в том, что он чеканил собственную монету в Регенсбурге и Зальцбурге и даже датировал все баварские грамоты годами своего правления, а не правления Генриха I (за исключением одного только случая — грамоты 931 г.).

Итак, взаимоотношения Генриха I с герцогами складывались следующим образом: сначала он вел борьбу за подчинение их своему суверенитету, затем одерживал военную победу над ними и все же, несмотря на это, не мог достичь полной политической победы. Побежденные герцоги Швабии и Баварии получили такие привилегии, которые чуть ли не аннулировали плоды военных побед короля над ними. А то, как они использовали эти привилегии, показывает, что в Швабии и Баварии углублялись феодальные отношения и именно поэтому герцоги в поисках социальной опоры в значительной мере повторяли и продолжали на территории своих герцогств политику Каролингов по отношению к церков-

сохранилось лишь согласие на назначение клириков вместе с церковным надзором за ними. С IX в. и сами епископы стали смотреть на оставшиеся в их руках церкви как на свои частные владения. *Eigenkirchenrecht* все больше и больше распространяется не только на приходские церкви, но и на монастыри.

⁸ *Hepidanni Vita S. Wiboradae: tyrannus... non dux, sed praedator et desolator istius provinciae* (MGH, SS, t. IV, S. 453).

⁹ Ср. письмо Иоанна X Герману Кёльнскому: *Ph. Jaffé. Regesta pontificum Romanorum. Berolini, 1851, № 3564: Cum prisca consuetudo vigeat, qualiter nullus alicui clerico episcopatum conferre nisi rex, cui divinitus sceptrum collata sunt.*

¹⁰ *Otto Frising. Chron., VI, 18: ecclesias et monasteria Baiariae crudeliter destruxit ac possessiones earum militibus distribuit.*

ному землевладению и к среднему слою вассалов-бенефициариев. И там, и здесь эта политика свидетельствовала о незавершенности феодального развития.

Но и королевская политика самого Генриха I, а также его герцогская политика в Саксонии и Тюрингии говорит о том же и во многом напоминает политику его врагов — Бурггардта Швабского и Арнульфа Баварского. Она отмечена сверх того еще некоторыми любопытными чертами, которые проливают свет на внутреннюю структуру феодального общества Германии начала X в.

Необходимость дать отпор вторжениям венгров заставила Генриха I искать военную опору внутри страны. Он нашел ее в лице королевских министерялов и военного ополчения свободных саксов; с помощью первых он создал ряд укрепленных пунктов на границе Саксонии и Тюрингии; вторые пополнили его военную силу. И монастыри — как королевские, так и частные — использованы были для сооружения укреплений. Любопытно, что вся совокупность этих мероприятий была направлена главным образом к обороне Саксонии (недаром Видукинд Саксонский даже отождествляет понятие «родины» у Генриха I с «Саксонией»)¹¹: германский король в начале X в. еще был герцогом, стремившимся к господству над другими герцогами и к усилению собственного герцогства для этой цели.

Первый набег венгров на Саксонию имел место в 919 г. В 924 г. они произвели опустошительное вторжение в пределы Германии (в «Восточнофранкское государство», как выражается хронист)¹², в том числе и в Саксонию, но обещали Генриху I в течение девяти лет не нарушать мира и не вторгаться в Саксонию, если он выдаст им взятого в плен вождя и будет выплачивать ежегодную дань. Выполняя эти условия, Генрих I старался использовать срок перемирия для военного укрепления Саксонии и Тюрингии. Прежде всего он обязал своих министерялов соорудить укрепленные пункты, распределив между ними функции следующим образом: каждый девятый из королевских министерялов должен был жить в укрепленных пунктах (*in urbibus*), строить жилища для остальных восьми и хранить у себя треть урожая: остальные же восемь должны были заниматься сельским хозяйством (посевом и сбором жатвы) и производить продукты, необходимые как им самим, так и девятому министерялу¹³.

Другими словами, на часть королевских министерялов возлагалась обязанность постройки укреплений и жилищ для остальных членов их сословия, которые должны были заниматься сельскохозяйственным трудом; по-видимому, их жилища и составляли то поселение, которое Видукинд обозначает не совсем подходящим термином *urbs* («город»). Неда-

¹¹ *Widukind*, I, 35: *in munienda patria* (из контекста ясно, что имеется в виду Саксония).

¹² *Continuator Reginonis ad a. 924*.

¹³ *Widukind*, I, 35: *et primum quidem ex agrariis militibus nonum quem ante eligen, in urbibus habitare fecit ut ceteris familiaribus suis octo habitacula extrueret frugum omnium tertiam partem exciperet servaretque ceteri vero veto seminarent et meterent frugesque colligerent et suis eas locis recondarent*.

ром он в непосредственной связи с вышеизложенным говорит о том, что в этих городах (*in urbibus*) олицетворялись — по распоряжению Генриха I — всякого рода празднества и сборища (очевидно, с целью стимулирования торговли и ремесла) и «работа по постройке этих городов (т. е. укрепленных бургов.— А. Н.) шла непрерывно дни и ночи напролет»¹⁴.

Однако в результате строительной деятельности министерялов Генриха I были созданы не города с особым городским планом и самоуправлением, а лишь обведенные стенами укрепленные пункты, которые могли давать убежище сельскому населению в случае военной опасности, но в которых и в мирное время скоплялось некоторое количество жителей, состоявших частью из самих министерялов, а частью из ремесленников и торговцев. Из бургов, основанных Генрихом I, нам известны: Кведлинбург, который до этого назывался «виллой»¹⁵, т. е. не был поселением городского типа (в Саксонии, к западу от впадения Заалы в Эльбу); Пельде, Нордгаузен, Грона и Дудерштадт (все пункты — на границе Южной Саксонии и Северной Тюрингии, между Везером и Эльбой); кроме того, Генриху I приписывается основание Гослара. Как видно из этого перечня, «градостроительство» Генриха I ограничивалось пределами Саксонии и Тюрингии.

Генрих I не только сооружал новые бургы, но и снабжал новыми укреплениями прежние, обводил стенами старые поселения неаграрного типа. Так, в Мерзебурге были в это же время (в 20-х годах X в.) сооружены каменная стена и каменная церковь¹⁶; у этой стены Генрих I основал своеобразное военное поселение, жителями которого стали лица, промышлявшие до тех пор разбойничьими набегами на соседей; Генрих I раздал им земли и оружие и приказал защищать Мерзебург от чужеземных вторжений, избавив тем самым местное население от разбоев¹⁷. Кроме того, сам Генрих I и многие светские магнаты укрепляли принадлежавшие им монастыри, окружая их стенами и рвами¹⁸, причем к выполнению этих работ привлекались зависимые держатели данных монастырей и аббатств¹⁹. Таким образом, и для Генриха I как короля и герцога саксонского церковь тоже являлась объектом внешней и внутренней политики, хотя и в ином смысле, чем для герцогов Швабии и Баварии.

Но не только королевские министерялы и монастырские держатели привлекались к организации отпора венграм: немало надежд возлагал Генрих I и на народное ополчение свободных саксов и части обедневших эделингов, из рядов которых он формировал конницу²⁰ и которые в ходе его борьбы с венграми выступали в качестве важной, иногда решающей социальной силы. Значение этого ополчения — свидетельство

¹⁴ Ibidem: in quibus extruendis die noctuque operam dabant.

¹⁵ Так он назван в грамоте Генриха I от 922 г.

¹⁶ Thietmar, I, 10.— Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon. Berlin, [195—].

¹⁷ Widukind, II, 3: erat namque illa legio collecta ex latronibus... collocans in suburbano Mesaburiorum, datis armis atque agris.

¹⁸ Miracula S. Wigberti, cap. 5 (MGH, SS, t. IV): ex omni abbatis familia convocata labori cotidiano huic operi instabat peragendo.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Widukind, I, 38: Rex autem cum iam militem haberet equestri proelio probatum.

незавершенности феодального развития и вместе с тем показатель дальнейшего его углубления в связи с превращением части ополченцев в военных вассалов короля.

Последующий ход борьбы Генриха I с венграми таков: в 926 г. венгры вторглись в Швабию, опустошили Сен-Галлен, двинулись к Констанцу, но не смогли взять его — часть их погибла при переходе через Рейн, а часть все-таки перебралась в Эльзас; в том же году они делали набеги на Франконию, а также на Западнофранкское королевство, т. е. на Францию²¹.

Но Генрих I не мог рассматривать эти набеги как нарушение условий мира, заключенного в 924 г., так как по этому миру он купил ценою уплаты дани гарантию только для Саксонии, а не для всей Германии. Однако в 933 г., по истечении обусловленного девятилетнего срока, венгры стали угрожать новым вторжением в Саксонию и Тюрингию. Тогда Генрих I, который предшествующими мероприятиями уже подготовил силы для отпора и имел в своем распоряжении испытанную конницу, решил дать венграм бой²². Предварительно он созвал народное собрание саксов (т. е., по-видимому, знати, может быть, королевских вассалов, и часть еще не потерявших личную свободу рядовых членов племени, а также обедневших эделингов) и поставил перед ними вопрос, продолжать платить дань или возобновить борьбу с венграми. Собрание обещало Генриху I помощь, после чего он распустил основную массу собравшихся — очевидно, потому, что реальное значение для него имела лишь поддержка каких-то определенных слоев саксонского племени²³. Венгры, получив отказ в уплате привычной дани, вторглись в Саксонию и Тюрингию, но были отброшены Генрихом 1 15 марта 933 г. при Риаде²⁴. Любопытно, что в этой битве участвовали не только саксы и тюринги, но также бавары и, как сказано в хронике Флодоарда, «другие подвластные Генриху I племена»²⁵. Таким образом, саксонский герцог в роли германского короля, хоть и стремился прежде всего оградить безопасность Саксонии, мог в тех случаях, когда затрагивались интересы прочих герцогств, рассчитывать на поддержку не только своих вассалов и министералов, но и вассалов других герцогов.

Внешняя история Германии при Генрихе I Птицелове не исчерпывается его взаимоотношениями с венграми, хотя они и составляют одну из самых существенных ее сторон. В правление Генриха I ведется, кроме того, борьба с Западнофранкским королевством из-за Лотарингии, со славянами и датчанами на востоке и северо-востоке.

²¹ *Ph. Jaffé. Bibliotheca Rerum Germanicarum, III. Annales Augienses, p. 705; Ungari totam Franciam, Alsatiā, Galliam, atque Allemaniam, igne et gladio vastaverunt.*

²² *Widukind, I, 38: Rex autem cum iam militem haberet equestri proelio probatum contra antiquos hostes, videlicet Ungarios, praesumpsit inire certamen.*

²³ *Ibidem: Tali itaque pacto cum populo peracto dimisit rex multitudinem.*

²⁴ Местонахождение этого пункта точно не установлено. Одни локализируют его возле нынешнего Ритберга на берегу р. Унструт, другие отождествляют его с Реотом возле Эрфурта, третьи ищут его в окрестностях Мерзебурга.

²⁵ *Flooard: Contra quos profectus Heinricus cum Baiuariis et Saxonibus ceterisque quibusdam sibi subiectis gentibus.*

Борьба Генриха I за Лотарингию облегчалась тем, что в Западнофранкском королевстве происходили как раз в 20-х годах X в. постоянные усобицы между королем из Каролингской династии Карлом Простоватым и представителями рода Робертинов (потомков Роберта Сильного) — Робертом, братом Эда Парижского, а после его смерти (923) — его сыном герцогом Франсиа Гуго Великим. Эти усобицы осложнялись еще стремлением лотарингского герцога Гизельберта добиться независимости от западнофранкского короля, а также притязаниями Рудольфа Бургундского на корону последнего. Лавируя между различными участниками этой многосложной борьбы, то заключая союз с Карлом Простоватым (921), то предпринимая походы за Рейн (925—928), то привлекая на свою сторону Гизельберта, Генрих I добился признания своего политического верховенства сначала в Восточной (923), а потом в Западной Лотарингии (925) и вслед за тем заставил Бозо, брата короля Рудольфа, выдать захваченные им церковные земли (928). Генрих I стремился захватить также лотарингские епископства или, во всяком случае, подчинить их своей власти. Недаром эрцканцлером Западной Лотарингии при главенстве Генриха I был поставлен архиепископ Трирский. Это было началом той церковной политики, которую так решительно повел в Лотарингии сын и преемник Генриха I Оттон I, завершивший завоевание этой страны.

Внешняя политика Генриха I на востоке и северо-востоке тоже в известной мере предопределила одно из основных направлений внешней политики Оттона I. Так, Генрих I предпринял ряд походов против славянских племен: с одной стороны, против полабских славян, с другой — в Чехию. Так, в 928 г. он ведет войну с гаволянами (гавеллами), мильчанами, захватывает у stodорян Бранденбург (Бранибор) и закладывает бург Мейссен на средней Эльбе; в 929 г. предпринимает вместе с Арнульфом Баварским поход в Чехию, в результате чего чешский князь Вацлав (928—936) вынужден был признать верховенство Генриха I. Его данниками числились многие племена бодрицкого и лютицкого союза²⁶ (ободриты, вильцы и ратары, не считая упомянутых выше гаволян и мильчан). Однако их зависимость от Генриха I исчерпывалась уплатой дани — подлинное включение славянских территорий в состав владений Генриха I не имело места, и во главе славянских племен по-прежнему стояли их племенные князья, которые лишь обязывались платить дань и давали обет принятия христианства. Но и он пока не сопровождался проникновением германских церковных учреждений в славянские земли: этот процесс начался несколько позднее, при Оттоне I. К тому же славянские племена не раз поднимали восстания с целью избавиться от иноземного завоевателя: так, в 929 г., во время борьбы Генриха I с Вацлавом, ратары подняли восстание, жестоко подавленное немецкими феодалами.

Однако и после этих мятежей Генрих I продолжал походы против славян: в 932 г. он покорил лютичей, в 934 г. наложил дань на одно из племен лютицкого союза (укран) (в пределах Укермарка, до Одера).

²⁶ *Widukind*, I, 36: cumque vicinae gentes a rego Heinrico factae essent tributariae Apodriti, Wilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi, Redarii.

В том же году он одержал победу над датским королем Гормом и учредил марку в Шлезвиге; с этими событиями связан, может быть, и успех проникновения христианства в Данию.

В последние годы правления Генриха I в его внутренней политике намечаются признаки некоторого поворота: укрепив Саксонию и усилив королевскую власть — указанными выше чисто феодальными средствами и в той мере, в какой это было возможно на стадии незавершенного феодального развития, — Генрих I стал все более считаться с интересами церковных кругов и верхушки феодальной знати. Так, в 932 г. он созвал в Эрфурте синод, который под председательством Майнцского архиепископа Хильдеберта принял ряд постановлений, ограничивающих право королевского бана по отношению к лицам, прибегающим к защите церкви, и устанавливающих точные сроки созыва судебных собраний. Таким образом, и в этой сфере Генрих I, чуждый в начале своего царствования всяким тенденциям к тесному сближению королевской власти с церковью, вступил на тот путь, который в какой-то степени предвосхищал политику Оттона I. В 936 г. перед смертью Генрих I созвал съезд германских князей в Эрфурте, на котором наметил себе преемника в лице Оттона I.

Внутренняя политика Генриха I была направлена на подчинение герцогов путем компромисса с ними и на поиски социальной опоры в кругах министерялов и вассалов, с одной стороны, и, в конце его правления, крупных князей церкви — с другой; но он еще не пытается укрепить королевскую власть при помощи союза с церковными феодалами против светских; эта попытка связана с именем Оттона I. Во внешней политике Генриха I обозначилось будущее устремление на славянский Восток и в Лотарингию, но еще не зародилась итальянская политика, если не считать неосуществленных планов похода в Италию.

Правление Генриха I, таким образом, подготовило царствование Оттона I, когда развились и стали господствующими основные черты общественного строя Германии, характерные не только для X, но и для XI в., и предопределилась на многие годы ее внешняя политика.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ ДО СЕРЕДИНЫ X в.

Новые явления начинают играть определенную роль в истории Германии лишь с конца 40-х — 50-х годов X в. Первое десятилетие правления Оттона I еще во многом напоминает царствование Генриха I. И общая ситуация внутри страны, и взаимоотношения короля с герцогами, и внешняя политика Оттона I в Лотарингии и на славянском Востоке представляют собой на первых порах лишь продолжение и углубление наметившихся при Генрихе I тенденций.

Оттон I (936—973) — старший сын Генриха I, герцог саксонский — был избран королем в Ахене на съезде герцогов, графов и крупнейших светских и духовных магнатов; в его избрании, как и в выборах его отца Генриха I, приняли участие важнейшие герцоги Германии — Франконский (Эбергард), Швабский (Герман, преемник умершего в 926 г.

Буркгардта) и Баварский (Арнульф); к ним присоединился еще герцог недавно подчинившейся германскому королю Лотарингии — Гизельберт. Но в отличие от Генриха I Оттон I был, кроме того, еще коронован архиепископом Майнцским Хильдебертом, который совершил над ним обряд помазания и возложил на него королевские инсигнии. Таким образом, в коронации Оттона I приняла деятельное участие церковь в лице крупнейшего прелата Германии, стремившегося как бы освятить его избрание духовным авторитетом и тем самым подготовить почву для притязаний церкви на определенную роль в руководстве политикой будущего короля. Но взаимоотношения Оттона I с церковью сложились впоследствии совсем не так, как этого хотели епископы в августе 936 г.

Пока же Оттону I пришлось столкнуться не с епископатом, а с герцогами и их вассалами (хотя в этих столкновениях немалую роль играли и епископы). Не прошло и года после избрания Оттона I, как у него возник острый конфликт с Эбергардом Франконским. Оттон I наложил на него и его вассалов большой штраф за то, что Эбергард привлек к ответственности, не испросив на то согласия короля, одного из своих саксонских ленников, нарушившего вассальные обязательства по отношению к Эбергарду; поступок Эбергарда, сжегшего даже бург (*civitas*) этого вассала, был, с точки зрения Оттона, нарушением сюзеренитета саксонского герцога и короля по отношению к его саксонским вассалам, чьими бы ленниками помпо Оттона они ни являлись. Однако этот чисто феодальный инцидент дал повод к герцогскому восстанию, предпринятому целой коалицией враждебных Оттону сил. Раздраженный расправой Оттона Эбергард раздает подарки представителям саксонской знати и вербует себе таким путем сторонников в их среде, а затем дважды поднимает мятеж против Оттона.

Перед первым восстанием Эбергарда умер Арнульф Баварский, и его наследники отказали Оттону в повиновении. Одновременно Оттон нажил нового врага в лице своего сводного брата Танкмара, которого он обошел назначением на подобавшую ему должность, передав управление Саксонией (после смерти графа Зигфрида) не Танкмару, а маркграфу Геро, получившему прозвище Геро Железного. В 938 г. Танкмар вступает в союз с Эбергардом; они привлекают на свою сторону младшего брата Оттона — Генриха. Несмотря на усобицы в рядах восставших и даже убийство Танкмара вассалами Генриха, союз Генриха с Эбергардом крепнет. Мятежники задумывают свергнуть Оттона I и провозгласить королем Генриха. Для достижения этой цели они, по совету нового архиепископа Майнцкого Фридриха, разыгрывают мнимую сдачу Эбергарда. Одновременно происходит вторжение венгров в Саксонию; Оттону удается отразить его и в то же время принудить к повиновению сыновей Арнульфа Баварского; после этого он передает Баварию брату Арнульфа Бертольду, лишив его, однако, права назначения епископов, которым обладал Арнульф.

В конце 938 г. Людовик IV (западнофранкский король Каролингской династии) вторгается в Эльзас. Тогда Эбергард поднимает вторично мятеж во Франконии, в то время как Генрих призывает к восстанию своих вассалов в Саксонии. К восстанию присоединяется и Гизельберт

Лотарингский. Союз Генриха с Гизельбертом и их обоих — с Людовиком IV превратил подавление мятежа в войну Оттона I с Людовиком IV. Переговоры Оттона I с восставшими, начатые после того, как он принудил Людовика IV к отступлению в Лан, окончились неудачей. Фридрих Майнцский, игравший вначале роль посредника в этих переговорах, вскоре сам перешел с рядом других епископов, в том числе епископом Страсбургским, на сторону восставших. Оттона I спасла из крайне затруднительного положения только победа Германа Швабского с его вассалами при Андернахе²⁷. После гибели Эбергарда и Гизельберта и сдачи Генриха на милость победителя подавление мятежа можно было считать законченным. После этого Франконское герцогство было лишено самостоятельности и подчинено непосредственно короне.

Ход мятежа Эбергарда, Генриха и Гизельберта (937—939) вскрывает всю неустойчивость положения королевской власти в начале правления Оттона I и показывает, как бурно реагировали герцогства на всякую попытку ее усиления. Любопытна также и колеблющаяся позиция части епископата в этой борьбе, в особенности Майнцкого и Страсбургского епископов. Взаимоотношения с герцогами втягивали Оттона I в борьбу с Людовиком IV, но она имела помимо этого свои причины и являлась продолжением борьбы Генриха I за обладание Лотарингией. События в Лотарингии чередовались с новыми попытками герцогских восстаний и с войнами на Востоке.

Оттон, как и Генрих I, вмешивается в борьбу Каролингов с Робертинами во Франции. В 940 г. он в союзе с мятежными французскими феодалами дважды вторгается в пределы Западнофранкского королевства, требуя признания своих прав на Лотарингию и отражая походы Людовика IV в эту страну; в результате он назначает своего ставленника лотарингским герцогом, добивается согласия Людовика IV на включение Лотарингии в состав Германии и по договору 942 г. присваивает себе роль посредника в конфликтах между французскими магнатами и их королем. Эту роль он не преминул разыграть в 946 и 948—950 гг. во время конфликта Людовика IV с Гуго Великим и архиепископом Гуго Реймским; в первый раз дело ограничилось, впрочем, лишь неудачным походом Оттона I во Францию для поддержки Людовика IV; но во второй раз, когда Людовик IV сам вынужден был обратиться к Оттону с просьбой о помощи, тот воспользовался этим, чтобы укрепить свое влияние в Лотарингии и в Западнофранкском королевстве; он организовал мирные переговоры между Людовиком IV и Гуго Великим на берегах Марны и добился того, что Гуго признал Людовика IV законным королем Франции.

Однако эта услуга стоила Людовику IV Лотарингии: с начала 50-х годов Оттон резко меняет тактику по отношению к этому герцогству и перестраивает управление им на началах, крепкими нитями призывающих его к германскому королю. Новая политика Оттона I в Лотарингии тесно связана с его итальянскими походами и характеризует

²⁷ *Widukind*, I, 24—26; *Continuator Reginonis*, I; *Liutprand*, IV, 26.—*Liutprandi episc. Cremonensis opera*.—MGH, SS, in us. schol., № 41, 3. Aufl., 1915.

следующий период его правления. А до этих пор западнофранкская политика Оттона I была не чем иным, как попыткой королевской власти более отсталого феодального государства, внутренний строй которого именно в силу недоразвитости феодальных отношений открывал ей возможности усиления, установить свое влияние в соседней стране, которая подверглась к тому времени более глубокой феодализации и где королевская власть была в данный момент более ослаблена.

Отнюдь не следует, правда, преувеличивать и устойчивость власти самого Оттона в указанный период: в 941 г. ему пришлось снова подавлять восстание своего брата Генриха, который использовал недовольство Геро Железным в среде саксонского военного ополчения для того, чтобы попытаться свергнуть Оттона I; Генрих уже успел привлечь на свою сторону военные силы чуть ли не всей восточной части Германии, но заговор был раскрыт; Генрих сначала бежал, но вскоре добился помилования²⁸. Постоянная угроза его восстаний против Оттона прекратилась лишь в 947 г., когда он после смерти Бертольда Баварского получил от Оттона в лен герцогство Баварию. В качестве баварского герцога Генрих сыграл потом немалую роль в борьбе с венграми и в первом итальянском походе Оттона. Лотарингские епископы в 40-х годах X в. еще раз поднимают голову против Оттона: так, в 945 г. ему пришлось осудить за нарушение верности епископов Трира и Трибура.

Однако на этот же первый период правления Оттона падает и усиление агрессии против славян, причем она приобретает новые формы и приводит к иным последствиям, чем при Генрихе I. Продвижение в заэльбские области осуществляется при Оттоне двумя путями — завоевательным и колонизационным. Наряду с организацией укрепленных пограничных территорий — марок или маркграфств, — продолжающей старые каролингские традиции, происходит заселение их новыми поселенцами и насильственно насаждается христианство.

В рассматриваемый период были созданы на востоке Германии две марки: одна, во главе которой стоял Геро Железный, занимала первоначально бассейн р. Заалы (левого притока Эльбы), а также часть течения Эльбы, несколько ниже впадения в нее Заалы, т. е. включала территории, расположенные непосредственно к востоку от границ Саксонии и Тюрингии. Но Геро, используя борьбу князей гаволян (гевеллов) друг с другом и привлекая на помощь Оттона, уже в 940 г. дошел до берегов нижнего Одера, присоединив к своей марке область укреплений и городов, а затем новыми завоеваниями расширил ее на юг и на юго-восток, т. е. на территорию между Заалой, средней Эльбой и Одером, покорив лютицкие племена. Другая марка — так называемая марка Биллунгов, во главе которой стоял Герман, — была расположена к северу и северо-востоку от первой, т. е. между нижней Эльбой, Ютландией и берегом Балтийского моря. Таким образом, от Оттона I стали зависеть племенные союзы бодричей, лютичей и лужицких сербов.

²⁸ *Widukind*, II, 31: *Omnes pone orientalium partium milites ...ibi colligavit... cum ipse Heinricus ad palatium adisset, regem occidere cogitassent, ipsi vero regni diadema imponerent.*

Внутренняя военно-землевладельческая структура этих марок во многом представляла собою результат политики Генриха I в Саксонии и Тюрингии, перенесенной на вновь захватываемые области. Так, Оттон I раздавал бывшие земельные владения славянских князей своим министрам и вассалам, которые должны были нести военную службу королю. Их селили в бургах, которые являлись центрами составлявших каждую марку округов во главе с бургграфами. Последние, а также все поселяемые в марках вассалы в военном отношении подчинялись маркграфам. Местное славянское население должно было платить дань натурой и деньгами и нести барщинные повинности в пользу королевских вассалов. Впрочем, у некоторых племен, как, например, у ободритов (бодричей), остались их прежние князья, которых маркграфы лишь заставляли признавать верховенство Оттона и платить дань.

Новой чертой завоевательной политики Оттона на востоке и севере было усердное насаждение христианства и основание епископств. Хотя это приобрело значение целой политической системы несколько позднее, но уже в рассматриваемый нами период сыграло некоторую роль, ибо шло одновременно с военными захватами. Так, в значительной мере в результате захватнической деятельности Геро Железного Оттон получил возможность в 948 г. основать два епископства в пределах марки Геро — Хавельберг и Бранденбург — и еще три в Ютландии — Аархуз, Шлезвиг и Рипен с подчинением их Гамбургской церкви. Епископы эти приобрели право верховенства над скандинавской церковью, а между тем сами они, несмотря на их инвестирование папским легатом на Ингельгеймском синоде, были непосредственно подчинены Оттону. Параллельно Оттон ведет борьбу с датчанами, в частности с сыном Горма Старого Гаральдом Синезубым, который разбил вассалов Германа Биллунгского и разрушил поселения саксов по линии р. Эйдер. Восстановление Оттоном датской марки (или марки Шлезвиг) связано с основанием епископства в Ютландии.

В 947—950 гг. происходит столкновение Оттона с Болеславом Чешским, который после похода Оттона в Чехию (950) сделался его данником; в том же году Оттон назначил правителем Чехии Генриха Баварского, который уже до этого стал играть крупную роль в Германии в результате успешных походов против венгров. В 948 г. Генрих Баварский нанес венграм поражение в Каринтии, а затем взял Аквилею; в 950 г. он перешел Тиссу и одержал победу над венграми в их собственной стране, захватив при этом богатую добычу, которую транспортировал в Баварию²⁹. Это было личное предприятие баварского герцога и его вассалов, не связанное с королевской политикой Оттона, хотя в данном случае косвенно оказавшее ей немалую услугу. Хроники называют походы Генриха войнами баваров с венграми, подчеркивая их локально-ограниченный характер³⁰. Тем не менее они оказали влияние и на дальнейшую внешнюю политику Оттона, что обнаружилось в первой половине 50-х годов X в.

²⁹ *Widukind*, II, 36: *praeda magna intra regionem hostium capta, exercitum incolumnem patriam reduxit.*

³⁰ MGH, SS, t. III, S. 199: *bellum... inter Bavarios et Ungarios.*

Первый период правления Оттона, заполненный борьбой с герцогами, войнами с Людовиком IV, славянами, датчанами и венграми, важен не только в том отношении, что обнаруживает неустойчивость королевской власти, пытающейся найти социальную опору. В течение этого периода происходят серьезные перемены во внутренней структуре феодального класса, послужившие отправной точкой дальнейшей эволюции германского феодализма и обусловившие как внутреннюю, так в значительной мере и внешнюю политику Оттона I и вместе с тем облегчившие ему поиски социальной базы.

4. РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ФЕОДАЛОВ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ ОТТОНА I

Эти перемены знаменуют дальнейшие успехи процесса феодализации Германии и в то же время намечают известный поворот в самом ходе процесса. Успехи феодализма сводятся к перерождению и частичному расширению иммунитета, а поворот в его развитии связан с усилением политической роли церковных учреждений и церковного землевладения и установлением тесной связи этих учреждений с королевской властью. Оба явления представляют собой две стороны одного процесса.

Прежде всего происходит территориальное расширение иммунитета и некоторое изменение его правового содержания. Отмеченный нами выше **рост округов господства в силу социальной мощи данного вотчинника (его potestas)** находит свое правовое оформление в виде пожалований **частичного королевского банна**, т. е. части тех полномочий, которыми обладала королевская власть в качестве присущей ей принудительной и повелительной силы и которые могли быть в равной степени переданы также должностным лицам короля. Содержание банна могло быть и было весьма различным (охотничий, рыночный, судебный банн). Сущность судебного банна мало отличалась от иммунитета; но важно было не столько содержание, сколько его значение как орудия территориального расширения иммунитетных привилегий. Вотчинники-иммунисты получали судебный банн, т. е. право юрисдикции, на сравнительно обширные территории, часть которых составляли их чересполосно расположенные вотчинные владения; иногда банн распространялся на целые деревни и марки, иногда он, правда, следовал границам вотчинной чересполосицы (точно так же, как раньше иммунитет). Но весьма существенно то, что преобладающая тенденция развития шла в первом из указанных направлений. Ибо такое территориальное распространение банна приводило к тому, что иммунитет, возникший как орудие внеэкономического принуждения на основании роста крупного вотчинного землевладения, разбивал территориальные рамки вотчины и служил, в свою очередь, хоть и производным, но весьма серьезным стимулом к округлению чересполосных вотчинных владений. Ведь банн в еще большей мере, чем прежняя potestas, часто мог быть использован как повод для взымания всякого рода повинностей с населения того округа, на который он распространялся и территория которого до его пожалования никак не зависела от вотчин-

ника, да и в силу этого пожалования не становилась его вотчинным владением. Однако — и это самое существенное — она могла стать таковым в результате дальнейшего роста мощи данного вотчинника в пределах той территории, на которую он получил банн. Обладатель банна мог иногда добиться всей полноты вотчинной власти над территорией, на которую ему была предоставлена в силу банна лишь судебная власть, т. е. он мог превратить и эту территорию в свою вотчину, к тому же наделенную иммунитетными полномочиями в форме банна.

Таким образом, эволюцию крупного землевладения в Германии X в. от вотчины через иммунитет и банн к территориальному расширению вотчины можно — в самых общих чертах — представить следующим образом: вначале, в качестве исходного ее пункта, — крупная вотчина, наделенная иммунитетом в пределах самой вотчинной территории; затем — обратное влияние иммунитета как правового института на породивший его социально-экономический базис, далее — рост экономической и внеэкономической мощи вотчинника и распространение последней — в виде банна — на невоотчинную территорию; наконец, превращение и этой территории в вотчинное владение, т. е. повторение в ее пределах процесса обратного влияния порожденных ростом крупного землевладения привилегий на структуру этого землевладения.

Намеченная эволюция представляет собою не что иное, как один из путей роста и округления крупного вотчинного землевладения, и это как раз тот путь, который приводит к определенной форме взаимоотношения королевской власти с растущим крупным землевладением. Ибо присвоение банна, как и иммунитета, частными землевладельцами неизбежно принимало форму королевских пожалований, за исключением использования своих полномочий в силу банна королевскими должностными лицами — графами и фогтами королевских аббатств (оно имело место еще в IX в.). А так как эти пожалования происходили в обстановке незавершившегося феодального развития, объем привилегий, их размах и характер, наконец, выбор наделяемых ими лиц до известной степени еще зависели от политики самой королевской власти. Ведь, несмотря на рост иммунитета и банна в территориальном отношении, в Германии X в. иммунитет все еще не выделил вотчину (даже расширившуюся через посредство банна или путем захвата) всецело из ведения графского округа. Лишь некоторые королевские привилегии крупнейшим вотчинникам, передающие им иногда и право «высшей юрисдикции», являются исключением из общего порядка. Но эти привилегии и возможны — именно в силу того, что еще не вся страна распалась на вотчины-сеньории, и целью этих привилегий как раз и было стремление использовать одни слои феодального класса против других.

Иммунитетные права в ходе предыдущего развития VIII—IX вв. нашли особенно широкое распространение на территории церковных вотчин. Именно они при Оттоне I и получают чаще других «пожалования банном» и иными привилегиями. Это объясняется тем, что королевская власть охотнее наделяла ими церковные учреждения — епископства и аббатства, на землях которых в силу принципа ненаследственности церковных должностей было меньше тенденций к развитию и

укреплению ленной системы и где судебные полномочия в объеме графской юрисдикции не могли присваиваться без королевского пожалования. Королевской власти в X в. приходилось вести непрестанную борьбу с герцогами и светскими феодалами. В борьбе с ними она попыталась в лице Оттона I опереться на церковное землевладение и на церковные учреждения — епископства и аббатства. Эта попытка была произведена в атмосфере жестокой и непрерывной борьбы отдельных светских феодалов с церковными учреждениями, в особенности с аббатствами, владения которых нередко захватывались и расхищались светскими магнатами и которые, в свою очередь, стремились дать последним посильный отпор. Эта борьба протекала параллельно и одновременно с процессом роста полномочий и могущества должностных лиц иммунитетных церковных вотчин — фогтов.

Чтобы понять роль института фогтов в дальнейшей эволюции германского феодализма в связи с политикой королевской власти, необходимо разграничить различные группы церковных учреждений по признаку их большей или меньшей зависимости от королевской власти. Выше уже было сказано о праве короля и светских феодалов иметь собственные церкви. С другой стороны, иммунитет предполагает наличие особого вотчинного суда, функции которого выполняли соответствующие должностные лица — фогты. Их положение и роль в церковных учреждениях были весьма различны в зависимости от того, какое положение занимали сами эти учреждения по отношению к светским феодалам или королю. Наряду с аббатствами и епископствами, принадлежавшими королю или находившимися под его особым покровительством (*mundium*), существовали и монастыри, зависевшие от частных светских землевладельцев, и, наконец, аббатства и епископства, которые вовсе не зависели от каких-либо светских властителей. В последних с давних пор, еще с эпохи первых Каролингов и даже Меровингов, т. е. со времени возникновения иммунитета, пожалование иммунитетной юрисдикции связано было с установлением функции особого должностного лица — фогта, выбираемого капитулом или назначаемого аббатом или епископом. В церквях и монастырях, подчиненных епископам, фогтов назначали именно епископы. В этих и церковных учреждениях фогт являлся, таким образом, исполнителем вотчинной юрисдикции и представителем вотчины вовне. Его выбор и назначение зависели от самого иммунитетного вотчинника, которому он — по крайней мере, на первых порах — был подчинен. В аббатствах, принадлежавших светским землевладельцам или находившихся под их *mundium*, фогтство приобретало иной облик. Фогтами там становились часто собственники данного монастыря, зачастую являвшиеся в то же время его основателями или крупными дарителями в его пользу. Подобные светские собственники нередко включали в текст дарственных грамот основываемых ими или одаряемых землями монастырей в качестве условия дарений требование сохранения за ними, их наследниками или членами их семьи должности фогта, которая, таким образом, становилась неотъемлемым достоянием рода того светского собственника, который был основателем или патроном данного монастыря. Здесь, следовательно, переплеталось светское и церковное землевладение, так как фогты та-

ких монастырей, сами являясь крупными землевладельцами, извлекали материальные блага из находившихся под их патронатом монастырских владений, плохо различая собственное и монастырское добро и часто рассматривая монастырские земли как составную часть своей поземельной собственности. Но даже в тех случаях, когда происходило размежевание монастырских владений и владений фогта, тот выступал в такого типа монастырях прежде всего как поземельный собственник, собиратель части монастырских доходов в свою пользу и патрон монастыря — и лишь во вторую очередь как судья.

Переплетение церковного и светского землевладения в этих монастырях означало рост церковного землевладения на почве светского. Зато в церковных учреждениях, не принадлежавших светским властителям, это переплетение имело обратный смысл — проникновение светского землевладения в недра церковного, так как фогты таких монастырей и епископы еще со времени Каролингов начали пользоваться своими судебными полномочиями для того, чтобы превратить «защиту» интересов имунитетной церковной вотчины перед графским судом в доходную статью и орудие эксплуатации зависимого населения вотчины в личных интересах и даже не останавливались перед захватами части церковных владений, не говоря уже о получаемых ими бенифициях.

Таким образом, намечается вполне определенная тенденция феодализации должности самого фогта³¹. Однако эта тенденция, наметившаяся еще во времена Каролингов, далеко не завершилась и в X в. К тому же она вызывала вполне определенную, хотя и не всегда одинаковую реакцию как со стороны заинтересованных в этом церковных учреждений, так и со стороны королевской власти. Известно, что еще Карл Великий в своих капитуляриях предписывал церковным учреждениям иметь добрых и справедливых фогтов, не страдающих ни алчностью, ни другими пороками³². Конечно, Карл этими распоряжениями отнюдь не создал заново институт фогтов, а лишь стремился оградить аббатства и епископства от феодальных тенденций их собственных должностных лиц, исполнявших и раньше свои функции в виде *agentes*, или *defensores*, но теперь превращавшихся зачастую из «защитников» интересов церковных вотчин (*advocati*) в расхитителей их достояния, выступавших под личиной управителей и судей. Ведь, несмотря на эти распоряжения Карла Великого, источники уже в IX в. полны жалоб на фогтов, которые, как мы слышим, не только захватывали церковные владения, но и превращались из пастырей в злых волков³³. Эти явления в X в., пожалуй, еще усили-

³¹ Cp. A. Waas. *Vogtei und Bede in der deutschen Kaiserzeit*, Bd. I—II. Berlin, 1919—1923; G. Seeliger. *Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft*. Leipzig, 1903.

³² Cp. *Capitularia regum Francorum*, I, № 33, § 13. (Капитулярный Карла Великого от 802 г.): *Quia nullatenus neque praepositos neque advocatos damnosus et cupidus in monasteria habere volumus, a quibus magis nos blasphemia vel detrimenta oriantur*. Cp. также Ахенский капитулярный 801—913 гг., § 14 (*ibid.*, № 77): *Ut episcopi et abbates advocatos habeant... et ut ipsi recti et boni sint et habeant voluntatem recte et iuste causas perficere*.

³³ Cp. Капитулярный Людовика Благочестивого от 819 г. — *Ibid.*, № 289, § 141: *«Primo ut, sicut iam aliis missis iniunctum, fuit, iustitiam faciant de rebus et libertatibus*

лись; вместе с тем церковные вотчины начали с ними борьбу, отчасти в форме обращения к патронату короля с просьбой назначения королевских фогтов, а отчасти в форме установления особого иммунитета, защищавшего церковные учреждения от их собственных фогтов. Так как, однако, и назначавшиеся королем фогты стремились к такой же узурпации, то иммунитет внутри иммунитета, т. е. иммунитет от фогтов или, как его называют некоторые исследователи, «узкий иммунитет», стал распространяться все более и более.

Если прибавить к этому, что в церковных вотчинах королевских монастырей фогты иногда назначались королем именно в силу пожалований иммунитета, а иногда в силу тех же пожалований королевским монастырям предоставлялось право избрания фогтов (*electio*), а король оставлял за собою лишь их утверждение (*ordinatio*) или передачу им судебного банна, то станет очевидным, что борьба церковного землевладения с фогтами, являющаяся частным случаем борьбы светского землевладения с церковным, создавала весьма благоприятную почву для вмешательства королевской власти. Это вмешательство и последовало при Оттоне I, найдя свое выражение в так называемых «Оттоновых привилегиях». Эти привилегии были часто различны по своему объему и содержанию, но их общая тенденция оставалась неизменной и сводилась к тому, что Оттон разными способами и в различных правовых формах ставил церковные учреждения в особое положение по отношению к королевской власти и светским феодалам. Нередко эти привилегии носили характер иммунитета, иногда даже с предоставлением высшей уголовной юрисдикции, а в других случаях принимали форму банна; они касались и епископств, и аббатств, иногда подчиняя последние судебной власти епископского фогта, а иногда, наоборот, передавая судебный банн монастырскому фогту или аббату и разрешая данному монастырю выбор фогта с сохранением прав его утверждения за королем.

Тексты пожалований Оттона I, собранные в *Diplomata*, позволяют проследить различные юридические формы «Оттоновых привилегий».

Так, в грамоте 937 г. гамбургскому епископству Оттон I подтверждает зависимость от этого епископства расположенных в его округе монастырей и одновременно дарует иммунитет с предоставлением фогту всей полноты юрисдикции над зависимыми людьми этих монастырей, с той, однако, оговоркой, что дела, которые не сможет разрешить фогт, должны быть им же переданы в графский суд³⁴. Грамота Оттона I Трирскому архиепископу точнее определяет, какие это дела: те, которые представляют собою тяжбу между людьми, зависимыми от архиепископа, и посторонними по отношению к данной вотчине лицами³⁵.

iniuste ablatis; et si episcopus aut abbas aut vicarius aut advocatus aut quislibet de plebe hoc fecisse inventus fuerit, statim restituatur. С этим распоряжением следует сопоставить жалобы на фогтов в упомянутых выше капитуляриях Карла Великого, а также в его капитулярии 811 г. (№ 72, § 6): *advocatum... non iustum ac deum timentem sed crudelem ac cupidum*.

³⁴ MGH, *Diplomata imperatorum et regum*, Dipl. Ott. I, № 11.

³⁵ *Ibid.*, № 86.

Разграничение юрисдикции графа и фогта в обоих указанных случаях проходит именно по этой линии, а не по линии размежевания сферы низшей и высшей юрисдикции, так как текст гамбургской грамоты предоставляет фогту и эту последнюю по отношению к «монастырским людям, т. е. литам и колонам» (*in supradictorum hominibus monasteriorum, litis videlicet et colonis*), а трирская грамота ясно отличает судебные дела зависимых людей (*familia*), рассматриваемые в частном вотчинном суде, от публично-правового суда в судебных заседаниях графства, но с участием фогта³⁶. Иногда аналогичные пожалования адресованы аббату монастыря и запрещают вмешательство в его юрисдикцию внутри монастырской вотчины не только графу, маркграфу или герцогу, но даже и самому королю, как это имеет место, например, в грамоте Герсфельдскому аббатству³⁷.

В некоторых грамотах подчеркивается предоставление фогту высшей уголовной юрисдикции лишь над несвободными держателями церковной вотчины, и то, по-видимому, главным образом в первой инстанции³⁸. Но другие грамоты столь же ясно говорят о распространении монастырской юрисдикции и на свободных держателей монастырских земель. Таковы грамоты монастырям Эссену, Хорнбаху, Лоршу, Миндену³⁹. Цель этих иммунитетных пожалований, несмотря на все многообразие отдельных случаев, ясна — изъять ряд аббатств и епископств из-под власти светских должностных лиц — графов, стремившихся феодализировать свою должность, и вместе с тем создать особым королевским патронатом известную гарантию от хищений и узурпаций церковных владений светскими магнатами.

Политика Оттона I в этом смысле шла навстречу интересам церковного землевладения в его борьбе со светским. Однако королевская власть опасалась усиления самого церковного землевладения и его дальнейшей феодализации. Поэтому Оттон I часто старался в своих пожалованиях в той или иной мере сохранить связь иммунитетных церковных вотчин с графским судом, стремясь не только обеспечить эти вотчины известными привилегиями, но вместе с тем сохранить некоторую почву, на которой сталкивались бы их интересы с интересами графов и светских магнатов, чтобы иметь возможность использовать противоречия между ними и в случае надобности противопоставить их друг другу. Такую же цель преследовали пожалования аббатствам права свободного выбора фогтов: с одной стороны, эти привилегии охраняли церковные учреждения от хозяйничанья фогтов, а с другой — они самим своим фактом, а главное — сохранением за королем права утверждения этих фогтов, отдавали наделенные такими пожалованиями аббатства под контроль королевской власти,

³⁶ Dipl. Ott. I, № 86: *Sufficiat comiti ut advocatus... aut in privatis aut publicis negotiis iustitiam de familia reddat vel exigit infra comitatum in malli dicis locis.*

³⁷ Ibid., № 356: *omnia iudicio et potestati abbatis... reserventur.*

³⁸ Ibid., № 203.

³⁹ Грамота Эссену (ibid., № 85). Указаны *servi, liti i liberi* в качестве *homines ecclesiae*; грамота Хорнбаху (ibid., № 117): *ut hullus iudex publicus illam super ingenuos homines, qui teneant atque possideant terram praescripti monasterii exerceat potestatem.* В грамоте Лоршу иммунитет распространяется на *homines... ipsius loci tam ingenuos quam servos* (ibid., № 176).

ставили их в значительной мере на одну доску с королевскими монастырями.

Еще резче сказывается эта тенденция королевской власти в тех «Оттоновских привилегиях», которые сводятся к пожалованию банна. Они проделали за время правления Оттона I известную эволюцию. Первые пожалования банна, содержащиеся в привилегиях Корвейскому монастырю и относящиеся к 40-м годам X в., полны той же двойственности, что и иммунитетные грамоты Оттона I: так, предоставление корвейскому аббату банна в 940 г. ограничивается наделением его лишь частным видом банна, а именно банном по отношению к жителям трех графств, которые должны являться по распоряжению аббата для выполнения работ по постройке бурга⁴⁰. Это так называемый бурговый банн. Первое пожалование судебного банна, относящееся к двум виллам того же королевского монастыря в Меппене, содержит обычный для иммунитетных привилегий запрет вхождения графов на территорию этих вилл для выполнения судебных функций и вместе с тем — предоставление судебной власти фогту⁴¹. Но в дальнейшем — особенно с 50-х годов — содержание привилегий в силу банна значительно расширяется; это их расширение идет, однако, рука об руку с предъявлением Оттоном I особых требований по отношению к одаряемым баннами, иммунитетами и прочими льготами церковным учреждениям. Совокупность этих требований в сочетании с упомянутыми привилегиями дала исследователям повод говорить о так называемой «епископальной системе» или «епископальной политике» Оттона I. Последнюю, как и вообще внутреннюю политику Оттона, отнюдь не следует, конечно, представлять себе в виде продуманной и последовательно проводимой стройной системы. Наоборот, как и внутренняя политика Генриха, это было в сущности лавирование королевской власти в период становления феодального государства между различными силами феодального общества. Поэтому ей присущ целый ряд противоречий.

Так, стремясь свести к минимуму сепаратизм герцогов, Оттон I в то же время практиковал политику компромиссных договоров с ними. Опираясь на церковь, Оттон I иногда вынужден был предоставлять земельные пожалования и делать значительные уступки крупным светским магнатам, причем в разных частях своего королевства ему приходилось ориентироваться то на церковные, то на светские круги феодального общества. Более того, в самой церковной политике Оттона I замечаются значительные колебания: он то поддерживает аббатства, то способствует укреплению епископств.

Однако все эти противоречия и колебания внутренней политики Оттона I, отражающие пестроту отношений в эпоху незавершенного феодального развития, не должны заслонять от нас основную ее тенденцию. Суть же заключалась в том, что королевская власть стремилась создать себе опору в лице церковных учреждений и свести к минимуму притязания герцогств. Поиски новой точки опоры (по сравнению с прав-

⁴⁰ Dipl. Ott. I, № 27.

⁴¹ Dipl. Ott. I, № 77: *bannum supra duas villas nominatas; iubemus ut nullus iudex publicus... exerceat potestatem iudiciariam nisi... legitimus advocatus.*

лением Генриха I и первым периодом правления Оттона I) и характеризуют тот поворот в политике королевской власти, о котором было сказано выше и который, в свою очередь, был подготовлен поворотом в ходе развития германского феодализма, а отчасти и совпал с ним.

Таким образом, «епископальная политика» Оттона I, которая возникла еще в 40-х годах X в., но окончательно сложилась в 50-х и 60-х годах, строилась с учетом охарактеризованных выше процессов феодального развития. Если оставить в стороне все противоречия, то в основном она сводилась к следующему. Оттон I жаловал церковным учреждениям изымаемые из ведения графов судебные округа, выходящие за пределы вотчины или даже вовсе не связанные с нею, превращая таким образом церковные вотчины, наделенные баннами и иммунитетом, в нечто, параллельное графскому округу; фогты таких округов приобретали иногда права графов, а иногда епископства и аббатства получали целые графства. Однако, сколько бы имперских ленов Оттон I ни раздавал аббатам и епископам, всегда наступал момент, когда лен возвращался к королю и мог быть им передан подходящему, с его точки зрения, лицу, не говоря уже о том, что церковные должности не были наследственными и, кроме того, выполняли особую, весьма специфическую функцию в тогдашнем феодальном обществе. Однако Оттон I не ограничивался раздачей привилегий епископствам и аббатствам. Он рассматривал наделенных ими епископов и аббатов как поданных, часто назначал епископов своею властью и замещал епископские кафедры своими родственниками (особенно с 50-х годов), переносил таким образом старинное право королей и светских лиц иметь собственные церкви с монастырями и приходских церквей на епископства.

Даже в тех случаях, когда королевские грамоты предоставляли тем или иным аббатствам право выбора аббатов, король оставлял за собою право передачи им королевского банна и фактически влиял на их назначение. Мало того, он требовал с епископов и аббатов несения гражданской и военной службы в пользу короля; и епископские вассалы, и сами епископы должны были участвовать в военных походах Оттона I (что было запрещено при Карле Великом). Следовательно, оборотной стороной «Оттоновских привилегий» можно считать кристаллизацию целого слоя церковных феодалов, всем или очень многим обязанных королевской власти и предоставлявших в ее распоряжение значительную военную силу своих вассалов. Конечно, эта кристаллизация была результатом упомянутых выше феодальных процессов, а не порождением королевской власти; но королевская власть использовала ее в своих интересах, что привело к ее усилению.

Однако, приняв епископальную систему, Оттон I должен был принять и ее последствия, в том числе и неизбежность санкционирования этой политики верховным главою католической церкви — папой. Правда, папство в тот момент переживало отнюдь не блестящую эпоху своей истории. Скорее наоборот, феодализация самой Папской области, зависимость пап от римской феодальной знати, выходцами из рядов которой они были, постоянные набеги сарацин на Италию, византийские притязания на южную ее часть и претензии на итальянскую корону то западнофранк-

ских, то восточнофранкских Каролингов (в конце IX в.), то герцогов Фриуля и Ивреи, то бургундского короля (в первой половине X в.) — все это привело к ослаблению папства и разобщению его с германским и французским духовенством, чему в свою очередь немало способствовала феодализация того и другого в обстановке постоянных набегов норманнов и венгров. Но ослабление реальной власти папы над французским и германским духовенством еще не означало, да и не могло означать полного забвения иерархической зависимости епископов и архиепископов как носителей духовного сана от главы католической церкви. Тем более, что еще жива была традиция Каролингской эпохи, когда папы санкционировали государственный переворот Пипина Короткого, короновали Карла Великого, а после его смерти при его бессильных преемниках пытались «Лже-Исидоровыми декреталями» 851—852 гг. непосредственно подчинить себе епископов и прекратить вмешательство светских лиц в управление церковными округами, а в лице Николая I (858—867) уже самовластно вмешивались в политику королевской власти.

Таким образом, упадок папства в конце IX — начале X в. был, во-первых, явлением сравнительно недавним, а во-вторых, вовсе не превращал духовное верховенство папы в какой-то фантом.

К тому же ведь Оттон своей епископальной политикой стремился не к усилению отдельных епископов или аббатов как самостоятельных феодалов (хотя он, конечно, раздавал им чисто феодальные привилегии), а к известной концентрации епископата и части монашества под эгидой королевской власти, а такое стремление к концентрации неизбежно ставило вопрос о взаимоотношениях германского духовенства, крепкими узами прикрепленного к трону, с его духовным главой — папой.

Поставить и последнего под такой же контроль королевской власти — это могло представляться Оттону не только весьма соблазнительным и заманчивым, но и практически необходимым и нужным, ибо такая зависимость папы от короля закрепляла бы зависимость от него его германских епископов. А осуществлению этого плана способствовало общее ослабление Италии к середине X в. Таким образом, в «епископальной системе» можно усматривать одну из причин вмешательства Оттона I в итальянские дела.

Другую группу причин следует искать в сфере торговых и поземельных связей Германии с Италией. Эти связи восходят еще к эпохе Каролингов, но сохраняются и в X в., причем торговля между обеими феодальными странами характеризуется преобладанием ввоза в Германию из Италии над вывозом из Германии. Из Италии шли венецианские шелковые ткани (через Павию), которые потреблялись представителями швабской знати, драгоценности и пряности, ввозившиеся частично в Италию с Востока и попадавшие в Майнц и Шпейер, а оттуда в Лондон, наконец, воск и благовония. Все это — предметы потребления светской и церковной знати.

Круг торговых связей между Италией и северными странами не исчерпывался торговым обменом с одной Германией; последняя нередко служила лишь передатчицей и посредницей в торговле между Англией, Фландрией и Италией. Так, из Англии через Германию проникало в Италию

олово, а также шерсть, а с другой стороны, в Англию ввозились через рейнские города восточные пряности, вниз по Рейну во Фландрию сбывалось вино из Эльзаса.

Кроме того, и германские товары попадали в Италию (например, ломбардские епископы приобретали саксонские седла). Насколько оживленным был этот обмен, видно хотя бы из такого, правда, изолированного, но весьма любопытного, факта, как дошедшее до нас свидетельство о поручениях, которые давал Оттон I богатому майнцскому купцу Лиутфреду в Византии. О том же говорит особое внимание Оттона I к регулированию обмена через альпийские перевалы. После образования в конце IX в. нового Бургундского королевства западные альпийские проходы (Большой и Малый Сен-Бернар, Мон-Сени), которыми пользовались Каролинги, ускользнули из-под власти Восточнофранкского королевства. Оттон I и его преемники пользовались уже восточными перевалами (Бренером, Септимером), и как раз Оттон I начал проводить ту торговую политику, которая завершилась при его преемниках и которую можно назвать централизацией альпийского обмена. Так, он, а затем и его преемники рядом привилегий отняли политические права в Верхней Реции у графов и передали их, а также заботы о перевалах и все связанные с этим пошлины и доходы епископству Хур (своеобразное применение епископальной системы в деле регулирования торгового обмена). Вместе с тем Оттон I пожаловал в 947 г. рыночные и монетные привилегии Сен-Галленскому монастырю.

Однако кроме торговых связей, Южная Германия тяготела к Италии и в силу переплетения поземельных владений южногерманских и североитальянских феодалов. Отдельные представители баварской знати, а также епископства Регенсбург, Пассау, Фрейзинг, аббатства Рейхенау и Сен-Галлен имели земельные владения по ту сторону Альп. Сен-Галлену принадлежало на берегу Лаго Маджоре аббатство Миссино, подаренное ему еще Карлом Толстым и поставлявшее вина и растительное масло; Рейхенау имел целый ряд владений в Ломбардии, откуда рейхенауские монахи получали через альпийские проходы вина, масло, каштаны и пр.⁴²

Отмеченные явления создавали двойную заинтересованность германской феодальной знати в итальянских походах Оттона I: с одной стороны, именно преобладание ввоза из Италии в Германию над вывозом стимулировало стремление к вооруженному захвату торговых путей и богатств Северной Италии, с другой стороны, на эти же захваты толкали и интересы крупного землевладения Швабии и Баварии. В закреплении торговых и поземельных связей с Италией были заинтересованы и светские землевладельцы Южной Германии (и даже южные и западные герцоги), и часть епископов с их вассалами (в частности рейнские епископы), т. е. и друзья, и недруги Оттона I. Это облегчало ему выполнение его намерений и планов, связанных с закреплением епископальной системы через господство над папством.

⁴² О торговых и поземельных связях Италии с Германией в раннее средневековье см. A. Schultze. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig, 1900.

В такой обстановке первый подходящий повод мог вызвать вмешательство Оттона I в дела Италии. Этот повод представился в середине X в. и был использован Оттоном для военного похода в Италию в 951 г.

5. ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА ОТТОНА I И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

С начала X в. шла борьба за итальянскую корону между герцогами Фриуля, бургундскими королями и герцогами Иврей. Владелец Нижней Бургундии Гуго из Вьенны после смерти бургундского короля Рудольфа II (в 937 г.) захватил управление Италией в свои руки и выдал дочь Рудольфа II Адельгейд за своего сына Лотаря. Бургундским королем сделался сын Рудольфа II Конрад. Однако на итальянскую корону заявил притязания также и герцог Иврей Беренгар II, внук фриульского герцога Беренгара I, который еще в 915 г. был коронован папой Иоанном X. Таким образом, в Италии происходила борьба двух герцогских коалиций — фриульско-иврейской и бургундской. После смерти Гуго и Лотаря Беренгар II и его сын Адальберт короновались в Павии короной Италии, а вдова Лотаря Адельгейд, которую Беренгар II хотел выдать замуж за Адальберта, сначала бежала в Каноссу (950 г.), а потом была посажена в темницу в Комо. В 950 г. она обратилась к Оттону с просьбой о помощи, и он считал для себя выгодным откликнуться на этот призыв.

Италия была ослаблена борьбой разных групп феодальной знати и разных претендентов на престол, а походы Генриха Баварского против венгров в 948—950 гг. дали ему повод укрепить свое влияние и в Ломбардии (осада Аквилеи и пребывание Генриха во Фриуле). Почва для вторжения германских феодалов в Италию была, таким образом, подготовлена и в самой Италии, не говоря уже об их собственной заинтересованности в нем. О ней свидетельствует уже состав участников первого итальянского похода Оттона. В нем приняли участие крупнейшие герцоги и архиепископы Южной и Западной Германии, а также ряд епископов и светских феодалов с их вассалами. Герцоги Швабии, Баварии и Лотарингии, архиепископы Майнца, Кёльна и Трира стояли во главе этого похода, который представлял собой весьма крупное завоевательное предприятие разных слоев германской феодальной знати. Однако уже в самом его начале интересы различных участников похода противоречили друг другу.

Генрих Баварский, брат Оттона, смотрел на этот поход как на продолжение своих выступлений против венгров и надеялся поживиться в Италии и усилить собственную власть и влияние как в Северной Италии, так и в Германии. Его соперником был герцог Швабский, сын Оттона, Лиудольф. Дядя завидовал своему племяннику, как наследнику престола, и опасался, как бы успехи в итальянском походе не усилили его позиции в самой Германии. Поэтому когда Лиудольф первым — еще до Оттона — двинулся в Италию, он принужден был вернуться из-за происков Генриха Баварского. После этого двинулся и сам Оттон с остальными герцогами, епископами и их вассалами. Его продвижение в Павию не

вызывало особых затруднений: как и при прежних попытках хорошо вооруженных завоевателей проникнуть в Италию, так и сейчас ломбардские магнаты переходили на сторону Оттона. К тому же почва была подготовлена походами Генриха Баварского и впечатлениями от летнего набега венгров. 22 сентября 951 г. Оттон уже принимал в Павии присягу местных представителей знати, а затем стал издавать распоряжения о королевских поместьях и приступил к раздаче привилегий — между прочим, целому ряду ломбардских и швейцарских монастырей (в том числе и Цюрихскому).

Он получил титул лангобардского короля и начал датировать годы своего правления по году завоевания Северной Италии. Но самое завоевание было, как показали последующие события, и неполным, и непрочным. Власть Оттона была признана даже не во всей Северной Италии (так, Равенна отказалась признать ее). Его посольство к папе и переговоры о римской короне успеха не имели. Кроме того, предстояла еще борьба с Беренгаром, который пока укрылся в одном из бургов Италии.

Между тем Оттон I после женитьбы на Адельгейд вернулся в начале 952 г. в Саксонию, оставив в Павии своего зятя Конрада Лотарингского. Однако, несмотря на успехи Конрада в этой борьбе, он и Лиудольф оказались обойденными: от итальянского похода больше всех выиграл сам Оттон и все более усиливавшийся Генрих Баварский, которому была передана в качестве марки территория Вероны и Аквилеи. Усиление Генриха в ущерб Лиудольфу послужило поводом к восстанию последнего в союзе с Фридрихом Майнцским и Конрадом Лотарингским. Лотарингская знать не поддержала Конрада, который своей прежней политикой вооружил ее против себя. Зато на сторону восставших перешли саксонские феодалы и часть баварских магнатов, недовольных усилением их герцога Генриха. Оттону пришлось осаждать Регенсбург и Майнц. Вместе с тем Оттон в самый разгар мятежа, верный принципам своей епископальной системы, назначил новым герцогом Лотарингии не светского феодала, а архиепископа Кёльнского.

В руках своего брата Бруно он соединил в 953 г. этот духовный сан с должностью герцога Лотарингского.

Но все эти мероприятия Оттона еще не подавили мятеж. Наоборот, в 954 г. Лиудольф и Конрад использовали в сепаратистских целях набег венгров на Баварию: Лиудольф облегчил им продвижение во Франконию и Лотарингию, где их поддержал Конрад, отомстивший таким образом не только Оттону, но и лотарингским феодалам.

Один лишь Генрих Баварский оказал сопротивление венграм. Однако вскоре после описанных событий, в результате которых венгры, опустошив ряд областей Восточной Франции, вернулись через Бургундию и Италию на родину, Конрад Лотарингский и Фридрих Майнцский, лишенные поддержки, вынуждены были признать верховную власть Оттона; только Лиудольф продолжал упорствовать, но после длительной вторичной осады Оттоном Регенсбурга, где заперся Лиудольф, и после сопротивления, оказанного ему Геро Железным, и Лиудольф принужден был сдаться. На рейхстаге в Ариштадте (в Тюрингии) в конце 954 г. Лиудольф и Конрад были помилованы, но должны были навсегда отказаться от

всяких притязаний на свои герцогства. Архиепископом Майнцским был назначен вместо умершего мятежного Фридриха Вильгельм, один из сыновей Оттона I.

Описанный нами мятеж Лиудольфа представляет собой, с одной стороны, типичное для Германии X в. герцогское восстание, как бы повторяющее восстание Эбергарда Франконского; с другой стороны, этот мятеж разыгрался в изменившейся политической обстановке, которая придавала ему новую окраску: королевская власть уже успела усилиться — отчасти в результате политики Оттона в первый период его правления, а отчасти вследствие удачного итальянского похода и укрепления епископальной системы Оттона. Последнее следует особенно подчеркнуть: ведь, за исключением Фридриха Майнцкого, епископы поддерживали Оттона и в борьбе с мятежниками, и в войнах с венграми. Им и их вассалам, а также помощи Генриха Баварского он и обязан своими успехами в подавлении мятежа. Неудивительно, что епископальная политика Оттона укреплялась во время мятежа, так же как и после него. В 953 г. Бруно назначен архиепископом Кёльнским, в 954 г. Вильгельм — архиепископом Майнцским, в 956 г. третий родственник королевского дома швабский клирик Генрих, ученик Бруно, получает Трирское архиепископство, а в 958 г. Зальцбургским епископом становится преданный Оттону баварский клирик из графского рода, соперник изгнанного предшественника — Герольда. Эта епископальная политика Оттона особенно усилилась после Римского похода 962 г. но уже и в 50-х годах налицо значительное расширение ее рамок.

Но вслед за подавлением мятежа Лиудольфа Оттону пришлось вновь давать отпор венграм, которые в 955 г. опять вторглись в Баварию и сначала осадили Аугсбург, а потом расположились в долине Леха, где их и разбил Оттон 10 августа 955 г. силами баварцев, франконцев, швабов, саксонцев, лотарингцев (под командой павшего в этой битве Конрада) и чешских рыцарей (под командой их герцога).

Решающую роль в этой битве сыграли баварское и швабское ополчения. Очень важна была, кроме того, помощь Аугсбургского епископа Удальриха, энергично защищавшего город, а также аугсбургских горожан, преследовавших по пятам бежавших венгров, в то время, как сам Оттон дошел до Регенсбурга. После победы на Лехском поле венгры перестали тревожить своими набегами западноевропейские страны. Эта победа и непосредственно предшествовавшее ей подавление мятежа Лиудольфа кладут грань тому периоду в правлении Оттона I, в течение которого устойчивость королевской власти подвергалась серьезным испытаниям в самой Германии.

Однако этот временный кризис оттоновской власти в Германии послужил поводом к усилению Беренгара в Италии, который повел там фактически независимую от Оттона политику, начал борьбу с верными Оттону епископами и светскими феодалами Ломбардии, и, кроме того, захватил Верону. В 956 г. был послан в Италию помилованный Оттоном Лиудольф, который одержал победу над сыном Беренгара Адальбертом. Но после смерти Лиудольфа в 957 г. господство Беренгара в Италии восстановилось.

Недовольные политикой Беренгара и местных феодалов, представители немецкой знати, пришедшей сюда с Оттоном во время его первого похода в Италию, отправлялись в Германию и там вели пропаганду в пользу нового похода в Италию. Но он состоялся не сразу — отчасти ввиду отсутствия единодушия в рядах германских феодалов, а отчасти потому, что Оттон был занят захватническими операциями на славянском Востоке, где он в 955—957 гг. (частично вместе с Геро Железным) жестоко подавлял восстания славян и куда предпринимал походы в 959 и 960 гг. Предпосылки нового похода в Италию были созданы политикой Беренгара II и Адальберта, с одной стороны, и заинтересованностью германской знати в Италии, а королевской власти — в господстве над папством, с другой стороны.

Повод к новому вмешательству не заставил себя долго ждать. В 960 г. папа Иоанн XII, который не смог удержать власть в Риме против Беренгара, обратился к Оттону с просьбой о помощи. На рейхстагах в Регенсбурге (960 г.) и Вормсе (961 г.) было решено идти на Рим. В 962 г. поход состоялся и привел к увенчанию Оттона I короной римского императора в соборе св. Петра 2 февраля 962 г.

Папа Иоанн XII, совершивший этот символический акт, был выходцем из рядов итальянской знати, сыном Альбериха, который происходил из рода маркграфов Камерино и как тиран правил Римом наподобие лангобардского военного вождя. Избрание сына Альбериха Октавиана папой под именем Иоанна XII представляло собою перенесение светской власти династии Альбериха на папский престол, т. е. известную форму светского герцогского господства над Римом в облиции папской духовной власти. Иоанн XII и рассматривал свою власть главным образом как продолжение в новой форме светской тирании Альбериха и потому мало пригоден был для роли духовного владыки германского епископата вообще и тем менее под эгидой королевской власти Оттона, которого он считал лишь временным союзником против Беренгара. Поэтому тотчас же после коронации Оттон и Иоанн XII отнеслись друг к другу с явным недоверием.

Оттон I сразу же заставил папу и высших должностных лиц Рима дать ему клятву (на останках св. Петра) в том, что они никогда не вступят в союз с Беренгаром и Адальбертом. Затем Оттон признал притязания папы на светские владения в Италии, но с сохранением суверенитета императора над ними и с требованием обязательной присяги папы императору после посвящения в сан, назначения постоянных *missi* в Италию и права непосредственной апелляции к императору. Не говоря уже об этих требованиях, всецело подчинявших папу императору, Оттон I ничем не помог Иоанну XII в осуществлении его территориальных претензий: часть признанных им за папой владений принадлежала тому и раньше, а часть Оттон был не в силах, да и не склонен был для него завоевывать. Таким образом, Оттон I стремился получить от Иоанна XII как можно больше, а дать ему как можно меньше. К тому же Оттон старался всячески привлечь на свою сторону итальянских епископов, расширяя их иммунитеты и раздавая им земельные пожалования, и сразу же начал самовластно распоряжаться церковными кафедрами в Италии (сме-

щение Равеннского архиепископа без ведома папы), т. е. перенес в завоеванную страну свою «епископальную политику».

Это привело к союзу Иоанна XII с Адальбертом, Византией и венграми против Оттона и к низложению Иоанна XII Оттоном, который потребовал при этом от римлян клятвы в том, что они никогда не будут выбирать папу без согласия императора.

Оттону пришлось вести трудную и длительную борьбу (962—966) с Иоанном XII, римскими баронами, свергнувшими ставленника Оттона — папу Льва VIII и выбравшими своего кандидата Бенедикта V (после смерти Иоанна XII в 964 г.), а также с Адальбертом и его сторонниками в Сполето, Камерино и Ломбардии. В ходе этой борьбы Оттон I неоднократно осаждал Рим, возводил на папский престол своих ставленников и жестоко подавлял восстания римской знати, например мятеж 965 г., приведший к свержению папы Иоанна XIII, избранного под давлением Оттона. В 965 г. вновь вспыхнуло движение итальянских графов, епископов и аббатов против Оттона под предводительством Адальберта. Его подавил швабский герцог Буркгардт при помощи алеманнских и итальянских воинов.

После победы над Адальбертом, расправы с мятежниками в Риме и восстановления Иоанна XIII (966) Оттон ищет опоры в Средней и Южной Италии, а также в связях с Византией, с одной стороны, и в учреждении новых епископств — с другой. Уже в 962 г. на синоде в соборе св. Петра было постановлено учредить Магдебургское архиепископство и епископство в Мерзебурге (на р. Белая Эльстер) с правом Оттона распоряжаться всеми чинами и десятинами с этих епископств (папская булла от 12 февраля 962 г.). Хотя архиепископы Майнца, Кёльна и Трира, Гамбурга и Зальцбурга и обязались оказывать Оттону помощь в осуществлении этого намерения, его проведение в жизнь задержалось надолго из-за противодействия со стороны Гальберштадтского епископа, не желавшего терять свою самостоятельность.

Эта рознь в среде самого епископата заставила Оттона долгое время довольствоваться лишь дарениями монастырям (в частности церкви св. Маврикия в Магдебурге). Только в 967 г., после укрепления положения в Северной и Средней Италии и победы над папством, Оттону удалось в силу постановления Равеннского собора провести в жизнь план основания Магдебургского архиепископства с подчинением ему епископств в Хавельберге (недалеко от впадения р. Хавель в Эльбу) и Бранденбурге и с правом Оттона учредить новые епископства в Мерзебурге, Цейце (на р. Белая Эльстер, притоке Заалы) и Мейссене на Эльбе.

Наряду с этим важным актом, закреплявшим результаты агрессии в славянских землях и в то же время весьма расширявшими рамки епископальной системы, Оттону удалось в Италии привлечь на свою сторону герцогов Капуи и Беневенто (братьев Пандульфа и Ландульфа), которые нуждались в поддержке Оттона для борьбы с враждебным им герцогом Салернским (Гизульфом), а также с Византией и сарацинами. Воспользовавшись союзом с этими двумя герцогами, Оттон и здесь повел свою обычную епископальную политику: церковь Беневенто получила иммунитет и стала митрополией, включившей в свой состав десять епископств.

Затем Оттон передал папе Равеннский экзархат, а папа короновал Оттона II при жизни его отца в Вероне (968).

Однако южноитальянские планы Оттона I успеха не имели. Византийский император Никифор Фока не хотел признавать ни прав Оттона на титул императора, ни его притязаний на вассальную зависимость от него Капуи и Беневенто, ни, тем более, его претензий на Апулию и Калабрию. Поход Оттона I в Южную Италию закончился полным его поражением. Никифор Фока послал флот к берегам Южной Италии, византийцы захватили в плен Пандульфа Капуанского, который был освобожден лишь после государственного переворота Иоанна Цимисхия (969), перешедшего к компромиссной политике по отношению к Германии. Оттон принужден был по договору с Иоанном Цимисхием отказаться от притязаний на Апулию, Калабрию, Салерно и Неаполь; вассальная зависимость от него Капуи и Беневенто была признана, а в 972 г. был заключен брак между Оттоном II и византийской принцессой Феофано, который рассматривался Оттоном как символ единения Западной и Восточной империи и как продолжение каролингской традиции, но который не имел в сущности никакого реального значения. В 972 г. Оттон I вернулся в Саксонию, где и умер в мае 973 г.

Его итальянская политика, продиктованная желанием королевской власти найти опору в епископате, а также алчными устремлениями южно- и западногерманской знати, представляет собой, как мы старались показать, определенную страницу в истории германского феодализма, попытку укрепления недостаточно устойчивой королевской власти в самой Германии путем захвата Италии и господства над папством. Но эта попытка привела к тому искусственному и, в свою очередь, неустойчивому объединению в одно государство Германии и Северной Италии, которое при каждом новом императоре разваливалось и требовало воссоединения. Так из незрелого германского феодализма родилась средневековая германская империя, получившая впоследствии столь же громоздкое и неуклюжее, сколь и неточное, название «Священной Римской империи германской нации». Дальнейшая история этой империи в X—XI вв., заполненная войнами за Италию в условиях феодализации в Германии и приводящая к неизбежному столкновению ее с папством, в значительной мере предопределяется эволюцией Германии при Оттоне I.

6. ГЕРМАНИЯ В КОНЦЕ X в.

Сын и преемник Оттона I Оттон II (973—983) вынужден был в течение всего своего кратковременного царствования вести непрерывную борьбу с локальными силами как в самой Германии, так и в Италии, в обстановке войн с датчанами (975), Францией, Чехией и Польшей. Только вел он ее с гораздо меньшим успехом, чем отец. Назначение Оттона, сына Рудольфа, герцога Швабии после смерти Буркгардта вызвало сильное недовольство Генриха Баварского, сына и преемника Генриха, брата Оттона I. Рост мощи баварского герцогства при Оттоне I в результате итальянских походов и временного компромисса королевской власти с

герцогствами вообще и с Баварией в частности, привел к тому, что при Оттоне II Бавария поднимала неоднократные восстания против короля, вступая в союз то с епископами Фрейзинга (974) и Аугсбурга (977), то с Болеславом Чешским и Мечиславом Польским. Одновременно (975) вспыхнуло восстание племянников прежнего лотарингского герцога Гизельберта в Геннегау. Оттон II опирался главным образом на силы Оттона Швабского и двух Бабенбергов — Берхтольда и Лиутпольда. После подавления этого мятежа и второго восстания — Генриха Баварского (976) — Оттон II лишил Генриха герцогства и передал его Оттону Швабскому, выделив из Баварии несколько марок: Нордгау (область к северу от Регенсбурга до границы Богемского леса), переданную Берхтольду, Восточную Баварскую марку (к востоку от Пассау и Линца по Дунаю), пожалованную Лиутпольду, и Каринтию с Вероной, объединенные в герцогство Каринтию, во главе которого был поставлен Генрих Младший, родич Баварского дома, сын Берхтольда.

Однако этот раздел баварских владений не был окончательным. После подавления нового мятежа Генриха Баварского, поднятого им совместно с Генрихом Младшим, и после победы над Болеславом Чешским Оттон II в 978 г. отправил в изгнание обоих Генрихов, конфисковал их баварские владения и пропавшие обильные земельные пожалования монастырям из этого земельного фонда, оставаясь, таким образом, верным церковной политике своего отца. Но, несмотря на это, победа Оттона II над враждебной ему герцогской коалицией оказалась эфемерной: последующие события вскоре свели ее на нет. В 978—980 гг. Оттону II пришлось выдержать трудную борьбу за Лотарингию с западнофранкским королем Каролингской династии Лотарем (954—985), который доходил до Ахена: он хотел взять в плен Оттона II, ответившего на эту попытку безуспешной осадой Парижа, окончившейся бегством Оттона II, преследуемого французскими войсками Гуго Великого. Правда, после этого безуспешного похода Оттона II на Париж Лотарь, несмотря на неудачу Оттона II, заключил с ним мир (980) и обещал отказаться от всяких притязаний на Лотарингию. Почти одновременно Оттон II одержал победу над Мечиславом Польским. Однако крайне неудачная итальянская политика Оттона II (980—983) в конце концов привела его к капитуляции перед локальными силами.

Оттон II хотел продолжить и завершить не удавшееся его отцу продвижение в Южную Италию. Но общая политическая ситуация в Италии отнюдь не благоприятствовала осуществлению этих планов. Так, в Риме в результате борьбы разных групп знати был свергнут и убит (974) папа Бенедикт VI, последний ставленник Оттона I. После ряда перипетий был вновь избран папой один из представителей рода Альбериха — Бенедикт VII (974—983), родственник Иоанна XII. Но и ему пришлось бежать в Равенну и просить помощи у Оттона II. Тем не менее ситуация в Риме, где шла непрерывная борьба за власть, не предвещала германскому королю ничего хорошего, тем более, что временный союз Византии с Германией, наметившийся при Иоанне Цимисхии и Оттоне I, теперь расстроился, так как Византия стремилась удержать в своих руках Апулию и Калабрию, верховенство над Салерно, Амальфи и Неаполем. К тому же в 976 г. происходили набеги сарацин из Сицилии на Апулию

и Калабрию. В такой обстановке поход Оттона II в Южную Италию мог быть успешным лишь в случае огромного превосходства сил, а такового у него, конечно, не было. Византийцы готовы были допустить скорее проникновение сарацин в Южную Италию, чем немцев: их не устраивала итальянская политика Оттона II, который в 981 г. после смерти Ландульфа Беневентского пытался объединить Салерно, Сполето и Камерино с Капуей и Беневенто в руках членов рода Ландульфа, чтобы отвоевать Салерно у Византии.

Прежде чем Оттон II достиг Южной Италии, ему пришлось столкнуться с восстаниями Венеции и Неаполя, а также с фактом соперничества Беневенто и Капуи. Несмотря на подавление этих восстаний, Оттон II вынужден был признать власть герцога Амальфи над Салерно и санкционировать отделение Капуи от Беневенто. Таким образом, Салерно пришло окончательно к ленным владениям Византии. Тем самым произошло сосредоточение ряда южноитальянских герцогств (Капуи, Беневенто, Салерно, Сполето и Камерино) в руках вассалов Оттона II, и рухнул план создания комплекса подвластных ему герцогств на границах византийских владений в качестве форпоста для дальнейшего продвижения в Южную Италию. Поход Оттона II в Южную Италию в 982 г. закончился весьма плачевно: несмотря на взятие Таренто, он потерпел 13 июля 982 г. жестокое поражение от сарацин в Калабрии, недалеко от Котроне. В битве пало много знатных вассалов Оттона II. Среди них, по словам Титмара Мерзебургского, — Аугсбургский епископ Генрих, маркграфы Берхтольд и Гунтер, предводитель франконского отряда Удо, три графа и прочие представители знати. Сам король с трудом спасся, добравшись частью вплавь, частью на греческом корабле до Россано, откуда прибыл в Салерно, а затем в Капую.

Однако, несмотря на столь катастрофическую неудачу, Оттон II продолжал носиться с планами нового южноитальянского похода, который, впрочем, так и не состоялся. В июне 983 г. в Вероне был созван имперский сейм, на котором присутствовали духовные и светские магнаты Саксонии, Франконии, Швабии, Баварии и Лотарингии, послы чешского князя, епископы, маркграфы и графы Ломбардии и римских областей. На этом многолюдном феодальном съезде было решено предпринять новый поход в Южную Италию против Византии и сарацин; избран был также преемник Оттона II — трехлетний сын его Оттон III, вместо которого во время южноитальянского похода должна была править в качестве регентши его бабка, мать Оттона II, — Адельгейд.

Оттон II купил согласие членов Веронского сейма на участие в походе и коронацию своего сына дорогой ценой: он принужден был вернуть опального Генриха Младшего и передать ему не только Баварию, но и Каринтию с Вероной; только Северная Баварская марка (Nordgau), будущая Австрия, была пожалована представителю преданного Оттону II рода Бабенбергов — Леопольду II. Швабию Оттон передал брату павшего в Калабрии Удо. Таким образом, Оттон II в конце концов капитулировал перед германскими герцогами, как и перед южноитальянскими.

И все-таки намеченный поход так и не состоялся. Уже самые приготовления к нему, несмотря на поддержку знати, протекали в крайне

напряженной атмосфере: в лангобардских герцогствах было весьма и весьма неспокойно, в Милане шла жестокая борьба между горожанами и епископом Ландульфом, который был изгнан и вернулся в город лишь в результате крайне не выгодного для него компромисса с миланцами, да и то после форменного боя. Между тем Оттон II (как и его отец) как раз опирался на епископов и аббатов Ломбардии, щедро одаряя их привилегиями и землями. К тому же он нуждался в помощи венецианского флота, а венецианцы были раздражены отменой Оттоном II дарованных им торговых привилегий (после победы византийской партии в самой Венеции над немецкой), а также запретом немецким купцам торговать с Венецией. Поэтому они отказались представить свои корабли в распоряжение Оттона II. Союз с Византией представлялся этому торговому городу более выгодным, чем поддержка Оттона II против Византии.

После безуспешной осады непокорной Венеции (983) Оттон II двинулся было на юг, но вынужден был поспешить в Рим ввиду предстоявшего избрания нового папы. Под давлением Оттона II им стал его ставленник Петр из Павии под именем Иоанна XIV. Одновременно на северо-востоке Германии поднялось восстание датчан и славян, успеху которого способствовал не только уход значительной части саксонского войска на помощь Оттону II в Италию, но и соперничество основанных Оттоном I восточных епископств, а также непомерная эксплуатация местного славянского населения этими епископствами. После смерти первого Магдебургского архиепископа (981) между Магдебургом и Мерзебургом вспыхнула такая жестокая вражда, что Оттону II пришлось принять решение об уничтожении Мерзебургского епископства и его разделе между Гальберштадтом, Цейцем, Мейсеном и Магдебургом. Таким образом, Оттон II капитулировал не только перед герцогствами, но и перед епископатом, этой твердыней оттоновской власти.

Славянские племена использовали ослабление власти Оттона II и несколькими решительными ударами свергли иго завоевателей; 29 июня 983 г. лютичи взяли Хавельберг и Бранденбург, которые как епископства, были уничтожены; ободриты напали на Гамбург. Одновременно датчане прорвались в Шлезвиг, который с трудом защищал предводитель саксонского отряда Бернгард. В результате Германия потеряла половину Северной марки и добрую половину территории Магдебургского архиепископства. Система заэльбских епископств и маркграфств, созданная Оттоном I, была разрушена. Намеченный в Вероне в 983 г. южноитальянский поход Оттона II так и не состоялся. Сам Оттон II умер в Риме 7 декабря 983 г. Его краткое правление привело к росту локальных сил (герцогств и епископата) в Германии и Италии, к несомненному ослаблению королевской власти и в сущности знаменовало крах южноитальянской политики империи. Несмотря на это, его сын и преемник Оттон III пытался — правда, столь же безуспешно, как и его отец, — продолжать ее.

Самостоятельное правление Оттона III началось лишь в 996 г., а до этого, как уже говорилось, ввиду его малолетства правила в качестве регентши его мать Феофано совместно с Адельгейд и Виллигисом, архиепископом Майнцским. Установление этого регентства далось с большим трудом — ему предшествовала попытка Генриха Баварского короноваться

в Саксонии. Период регентства был временем роста герцогского сепаратизма и усиления феодальных отношений внутри герцогств. Так, за это время весьма возросла власть Бернгарда в Остфалии и в остальной Саксонии, Генриха в Баварии, Конрада, а после его смерти Германа II — в Швабии, к которой примыкал и Эльзас. Вместе с тем шла непрерывная борьба герцогств с местной феодальной знатью — светской и духовной. Так, Генрих Баварский вел борьбу с епископом Регенсбургским, Бабенберг — с Вюрцбургским епископом. На Востоке произведено было дробление оставшихся за Германией территорий и выделены новые марки: кроме Биллунгской и Северной, еще Восточная (или Лужицкая), Тюрингская (или Мейссенская); они сделались совершенно независимыми от Саксонии и превращены были в имперские лены (Fahnlehen). Но заэльбские области, зависевшие от Северной марки, были совершенно утеряны Германией, так же как и Нижний Лаузиц. Однако правление самого Оттона III (996—1002) интересно не столько этими перестановками внутри Германии, сколько первыми симптомами усиления папства и первой попыткой германской королевской власти использовать это новое явление в своих интересах.

С середины и особенно с конца X в. начинается движение среди западноевропейского (главным образом французского) монашества за подчинение всех церковных учреждений непосредственно папству, освобождение монастырей от власти епископата и проведение в жизнь «Лже-Исидоровых декреталий». Это движение, являющееся выражением феодально-централизаторских тенденций хозяйства наиболее развитых и мощных слоев монастырского землевладения, связано с историей бургундского аббатства Ключи, по имени которого оно обычно и называется ключнийским движением.

Ключи основано было в 910 г., его второй аббат, Одо, установил правила, превосходившие своей строгостью даже принятый в этом аббатстве устав Бенедикта Нурсийского (VI в.), возобновленный и несколько видоизмененный в начале IX в. (при Людовике Благочестивом) Бенедиктом Анианским: кроме аскетических обетов молчания, умерщвления плоти, труда (в интересах монастырского хозяйства, но не личного обогащения), ключнийские монахи выдвигали также требования безбрачия и отказа от симонии, т. е. от «торговли дарами св. духа», под которой ключийцы разумели всякое приобретение духовного сана от любого светского лица (хотя бы и короля) за денежное вознаграждение или за обещание вассальной службы в результате земельного пожалования. Во второй половине X в., при аббате Майоле (948—994), Ключи уже превратилось в мощную конгрегацию; от него зависело около 40 монастырей в Бургундии, Восточной Франции и Северной Италии. Оттон II старался поддерживать хорошие отношения с Майолом и даже предлагал ему понтификат.

Ключийцы, однако, не ограничивали сферу деятельности рядами черного духовенства, но стремились внедрить свои правила и в среду белого духовенства. С идеологической стороны это стремление было протестом против «обмирщения церкви» и порчи нравов ее служителей, против того морального упадка, который явился естественным последствием превращения церковных должностных лиц в феодальных собственников. Но в

основе этого движения лежала борьба двух слоев феодального духовенства (епископата и монашества), двух типов церковных учреждений — епископств и аббатств, выступавших в качестве носителей противоположных тенденций феодального развития: епископства, а также прежние аббатства неклунийского типа стремились главным образом к увеличению своих привилегий и земельных владений, каждое для себя, и этому стремлению ставило некоторый предел лишь их особое положение в феодальном обществе в качестве церковных учреждений, а в Германии эта тенденция к феодальной децентрализации вылилась в рамки «епископальной системы» Оттона I, с которой она пришла лишь в неустойчивое и потому недолговечное, непрочное равновесие.

Между тем примкнувшие к клунийскому движению аббатства стремились использовать рационализацию монастырского хозяйства и вообще экономические успехи монастырского землевладения в целях феодальной централизации монашества как особого всеевропейского слоя духовенства, и при этом не только избавить его от опеки епископов, но подчинить и их единому центру в лице папства. Первую тенденцию можно назвать феодально-центробежной, вторую — феодально-центростремительной. Любопытно, что во Франции клунийцы уже в конце X в. вступили в конфликт с епископатом: его отражением являются известные «Реймские постановления» французских епископов (992), которые провозгласили как раз частичную независимость французского епископата от папства и в то же время необходимость его сплочения для совместных действий. Согласно «Реймским постановлениям», решения французских синодов не могли отменяться папством и епископы должны были совместно решать вопрос об отлучении от церкви. Перед нами, таким образом, попытка сплочения французского епископата в самостоятельную группу — как протест против клунийских притязаний. В Германии такая попытка была невозможна из-за господства епископальной системы. Однако от этих притязаний предстоял еще очень долгий путь до настоящего возвышения папства: при Оттоне III наблюдаются лишь первые его признаки, да и само клунийское движение далеко не сразу воздействует на папство. А пока германские короли еще господствуют над ним.

В 996 г., во время первого похода в Италию в сопровождении большого числа епископов (в том числе Виллигиса Майнцского) и их вассалов, Оттон III в согласии с ними наметил (после смерти Иоанна XIV) нового кандидата в римские первосвященники в лице молодого Бруно, внука Конрада Лотарингского и, следовательно, правнука Оттона I, со стороны матери. Бруно был сначала избран в Риме клиром и народом (3 мая 996), а затем (21 мая 996) в качестве папы Григория V короновал Оттона III римской короной в присутствии большого числа феодалов из разных стран Западной Европы. Но Григорий V (996—999) повел политику не немецкого епископа, а главы всей католической церкви. Так, он жестоко расправился с римским мятежом Кресценция, выдвинувшего антипапу (998), осудил архиепископа Магдебургского Гизелера за захват Мерзебургского епископства и запретил сдачу в срочную или наследственную аренду за денежный чинш церковных владений в Романье и Тусции. Оттон III поддерживал политику Григория V. Воспитанный в

духе византийских понятий об императорской власти, воспринятых им через Феофано, Оттон III стремился сочетать их с каролингскими традициями и мечтал о воссоединении двух монархий — восточной и западной, о синтезе императорской власти в древнеримском духе с папским церковным верховенством.

На выработку теократической программы Оттона III большое влияние оказал Герберт, ученый клирик из Оверни, один из самых образованных людей своего времени, учившийся в Барселоне и Реймсе, затем при Оттоне II получивший аббатство Боббио, возле Павии (980), а после смерти Оттона II бежавший в Реймс, где в 991 г. стал архиепископом и участвовал в выработке и утверждении упомянутых выше «Реймских постановлений». В 996 г. Герберт последовал приглашению Оттона III, покинул Реймс и был по требованию Оттона III назначен папой Григорием V на должность Равеннского архиепископа. С этих пор идейная ориентация Герберта меняется, и он, еще недавно один из авторов «Реймских постановлений», теперь все больше проникается клюнийскими принципами. В сочинении «Поучение епископам» Герберт высказывается против симонии и обмирщения белого духовенства.

Таким образом, его влияние на Оттона III внесло новую струю в теократическую программу последнего, окрасив его представления о сущности папской власти в тона клюнийских идеалов. В 997 г. Герберт был в Саксонии вместе с Оттоном III, устраивал при его дворе ученые диспуты, составил трактат по логике. Однако Оттона III отвлек от этих «ученых занятий» с наставником поход против славян, после которого он начал готовиться ко второму походу в Италию. Этот поход состоялся в 997 г., а в 999 г. после смерти Бруно папой стал Герберт под именем Сильвестра II (999—1003).

С 1000 г. Оттон III выбирает своей резиденцией Рим, живет в Авентинском дворце и совершает паломничества и путешествия по Италии, носясь с мыслью о завоевании Южной Италии. Но вместо этого ему приходится вести в 1001 г. бесплодную борьбу с восстанием в самом Риме, осада которого Оттоном III оказывается безуспешной. В то же время Беневенто и Капуя, Салерно и Неаполь отказываются признавать его власть. Оттон III умирает (1002) в момент полного крушения всех его утопических планов: ему не только не удалось учредить мировую монархию или захватить Южную Италию, но он даже не смог удержать того, что унаследовал от своего отца. При нем отпали южноитальянские герцогства, образовалось довольно сильное Венгерское государство, возросла самостоятельность Польши и был утерян еще ряд владений в восточных марках.

Между тем Сильвестр II повел энергичную политику. Выдвинув тезис о божественном происхождении папской, а следовательно, и вообще церковной власти, о примате ее над светской, он лишил сана Гизелера Магдебургского, восстановил Мерзебургское епископство, осудил за убийство одного епископа маркграфа Ивреи Ардуина, который был одним из крупнейших ломбардских герцогов. В лице Григория V и Сильвестра II папство впервые пытается вторгнуться в сферу взаимоотношений германской королевской власти с епископатом. Но с другой стороны, и коро-

левская власть в лице Оттона III, поддерживавшего обоих пап, впервые делает попытку использовать в своих целях клонийское движение и изменившуюся политику папства. В этом — реалистическое зерно утопической программы Оттона III.

7. ГЕРМАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

Оттон III умер в Романье в возрасте 22 лет. Его тело перевезли в Германию и похоронили в Ахене. По дороге траурный поезд, двигавшийся через Верону, неоднократно подвергался в Италии нападениям. Так последнее земное странствие юноши, мечтавшего о создании теократической монархии, подтвердило бессилие его политики: мертвого Оттона III так же мало боялись и уважали в Италии, как и живого. А в самой Германии за время его правления и особенно предшествовавшего ему регентства произошло усиление и некоторое перерождение феодальных и локальных сил. Наследование должностей и их феодализация, передача коронных владений в чужие руки, пожалование агентам королевской власти прав верховенства или их узурпация, использование этими агентами пожалованных им прав в собственных интересах — все это вместе взятое способствовало усилению крупных светских феодалов, т. е. создавало предпосылки для дальнейшей феодальной децентрализации. Эти феодалы приобретали власть, не уступавшую герцогской и частично даже как бы становились на место герцогов. Недаром Титмар Мерзебургский называет герцогов Швабии и Верхней Лотарингии самого начала XI в. «герцогами лишь по имени, а не на самом деле», подчеркивая этим, что они превратились из бывших племенных государей лишь в носителей герцогского титула, ставших по существу территориальными властителями феодального типа. Он же, а также авторы других хроник указывают на рост могущества феодалов внутри герцогств, на усиление представителей знати, которых хроники называют значительными, первыми (*primates et principes, optimates regni*).

Их роль в политической жизни Германии со времен Оттона III все усиливается, хотя плоды этого усиления скажутся лишь позднее, в XII в. Но уже сейчас они начинают оказывать влияние, в частности в вопросе об избрании короля. Генрих II (1002—1024), со стороны отца внучатый племянник Оттона, не был, однако, избран на общем феодальном съезде — его признали представители различных племен, которые одно за другим (сначала — саксонцы, затем швабы), отдались под его верховенство через несколько месяцев после коронации Генриха II Майнцским архиепископом Виллигисом при поддержке представителей Баварии и Франконии. Таким образом, выборы Генриха II решены были в сущности волею крупнейших магнатов отдельных герцогств.

Усиление их влияния обнаруживается и в характере внутренней политики Генриха II, полной колебаний и противоречий. Генрих II вошел в историю с репутацией покровителя церкви и после смерти был даже канонизирован. Но эта, может быть, отчасти и оправданная репутация не исчерпывает всех тенденций его внутренней политики. С одной сто-

роны, Генрих II действительно покровительствовал церковной реформе, поднял хозяйственное благосостояние монастырей и облегчил им, а также епископам борьбу с фогтами, которые к тому времени уже были нередко крупными феодалами, стоявшими не ниже графов, а иногда и вышедшими из их рядов. Так, он даровал епископам право свободного выбора фогтов, притом вовсе не как исключительную привилегию, со ссылкой на те вольности, которые уже получили все епископы Саксонии.

Вместе с тем при нем расширились права королевской власти в смысле назначения епископов и патроната над епископствами: до Генриха II германские короли имели полный патронат лишь над вновь основанными епископствами, а на те из них, которые возникли еще в римские или меровингские времена, распространялась лишь общая королевская защита, но не патронат, дававший право полного распоряжения ими. При Генрихе II специфический королевский патронат был перенесен на все епископства, и Генрих II в сущности назначал епископов своей властью. Наряду с этим он принужден был, однако, делать слишком большие земельные дарения в пользу монастырей, так что ко времени его преемника Конрада II церковь, по словам одного из хронистов, «пресытилась землями». Такая политика по отношению к церкви с одной стороны укрепляла, а с другой ослабляла королевскую власть. К тому же Генрих II жаловал привилегии и крупным светским феодалам, а также сделал им ряд весьма важных уступок. Тем самым он, подавляя одной рукой крупное светское землевладение, другой рукой сам насаждал его.

Итальянская политика Генриха II не была активной: в начале своего правления он короновался в Павии (после победы над претендентом на лангобардскую корону Ардуином), а в конце его совершил еще один поход в Италию, откликнувшись на призыв папы Бенедикта VIII, который просил у него помощи против Византии. Однако этот поход (1021—1022), как и прочие походы германских королей в Южную Италию, окончился неудачей. Генриху II не удалось продвинуться дальше Неаполя, откуда ему пришлось повернуть обратно. Кроме того, при Генрихе II началась борьба за обладание Бургундией и продолжались войны с Польшей и с Чехией.

Генрих II добился того, что бездетный бургундский король Рудольф III признал его будущим наследником Бургундского королевства (1018). Предварительно он принял подданство бургундских феодалов, взяв с них обещание не предпринимать без его ведома никаких важных мероприятий (1016). Однако окончательное присоединение Бургундии к Германии произошло позднее, при Конраде II. В борьбе с Чехией и Польшей Генрих II пытался изгнать польского князя Болеслава I Храброго из Чехии и заменить его своим ставленником, но успеха не имел и принужден был по миру в Бауцене (1018) признать за Болеславом Лаузиц (Лужицкая земля) и вообще все его территориальные приобретения.

Продолжателем внешней политики (но не внутренней) Генриха II явился его преемник Конрад II (1024—1039), граф из Франконии, правнук герцога Конрада Лотарингского.

Избрание этого короля, основателя Франконской, или Салической, династии, правившей в Германии в течение целого столетия (1024—1125),

произошло в Камба на Рейне 7 сентября 1024 г. при участии трех рейнских архиепископов, многих епископов и светских феодалов, целого ряда герцогов — Баварского, Швабского, Франконского (так называемого Конрада Старшего, родственника Конрада II), Верхне- и Нижнелотарингского и, может быть, некоторых других, а также в присутствии их вассалов и прочих свободных членов различных племен, санкционировавших выбор, произведенный знатью. Против Конрада высказались лишь лотарингские феодалы, но после его коронации 8 сентября 1024 г., произведенной Майнцским архиепископом Арибо, епископы Лотарингии тоже признали его власть. После коронования Конрад предпринял путешествие по Германии, принимая присягу у лотарингцев и саксонцев: саксонские феодалы присягнули ему на условиях признания им старинных юридических норм саксонского права ⁴³.

Таким образом, Конрад II, как и Генрих II, взомел на престол при активном участии феодальных сил, хотя это участие и приняло другие формы. Но самое правление Конрада II знаменовало новую попытку укрепления центральной власти. Конрад II произвел крутой поворот в политике королевской власти по отношению к церкви: продолжая политику Оттона I по отношению к герцогствам, он воспринял лишь ту сторону епископальной системы Оттона I, которая давала ему возможность самовластно распоряжаться делами епископств и аббатств, но прекратил раздачу им земель и привилегий в тех размерах, в каких ее практиковал Генрих II, а главное, он совершенно не считался с ключевыми идеями реформы церкви. Недаром его сын Генрих III впоследствии (не без изрядной дозы лицемерия) скорбел о душе усопшего родителя, которого ему пришлось признать повинным в столь страшном грехе, как симония. В самом деле, Конрад II взимал деньги за даруемые им церковные должности, т. е. практиковал совершенно очевидную симонию, и назначал на них своих родных или близких ему людей, но зато сурово расправлялся с непокорными ему епископами в Италии и Германии. Он не только не увеличил владений и привилегий крупных аббатств, но иногда, наоборот, подчинял их епископам и даже светским лицам (например, он передал аббатство Кемптен в распоряжение своего пасынка швабского герцога Эрнста). Зато Конрад II стремился привязать к себе мелких светских вассалов крупных сеньоров и короны. Уже вскоре после коронования он потребовал личной присяги ему со стороны всех, кто еще сохранил свободу («согласно старинному, но давно вышедшему из употребления обычаю», — как прибавляет Випо); под ними разумелись все, кто еще способен нести рыцарскую службу, т. е. по словам того же Випо, не только епископы, герцоги и «первые» в королевстве (*principe*), но и простые рыцари и даже все свободные, которые еще сохранили хоть какой-нибудь вес в обществе. Конрад хотел возобновить политику Генриха I Птицелова и Оттона I в первый период его правления; эта попытка вызвана была стремлением противопоставить какие-то социальные силы растущей мощи церковного землевладения.

⁴³ Ср. *Wipo. Vita Chuonradi imperatoris.*— MGH, SS, t. XI (Автор, священник из Бургундии, придворный капеллан Конрада II, написал биографию Конрада примерно в середине XI в.)

Империя и папство во время борьбы за инвеституру (XI—XII вв.)

После смерти Генриха III (1056) в Германии наступает период быстрого роста феодальных сил, стремившихся использовать малолетство нового короля Генриха IV (1056—1106) в своих интересах. После кратковременного регентства вдовы Генриха III, матери Генриха IV Агнесы (до 1062 г.) регентом и в то же время папским эрцканцлером провозглашен был архиепископ Кёльнский Аннон; его соперником в притязаниях на фактическое господство в стране стал другой крупный церковный магнат — архиепископ Бременский Адальберт. Их борьба друг с другом, дележ между ними самых богатых аббатств и монастырей представляет собой страницу из истории феодальных усобиц в Германии и знаменует усиление феодализации самого германского епископата, составлявшего долгое время главную опору королевской власти. А между тем ее носителю Генриху IV, выросшему в атмосфере феодальных усобиц, предстояло, вступив в самостоятельное управление государством, тотчас же столкнуться с очень серьезным недовольством политикой королевской власти, назревавшим в Саксонии.

1. САКСОНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1073—1075 гг. И ЕГО ПРИЧИНЫ

Это недовольство разных классов и слоев населения Саксонии политикой короля было результатом весьма сложных и своеобразных взаимоотношений между группами церковного и светского землевладения, между местной саксонской знатью и королевскими служилыми людьми — **министериалами**, наконец между феодальным классом Саксонии и **разными его слоями** с одной стороны и различными слоями саксонского крестьянства — с другой. Сложность и своеобразие этих взаимоотношений определялись особенностями предшествующего исторического развития саксонского герцогства.

В силу этих особенностей, которые нашли свое отражение в записях обычного права саксов начала IX в. (Саксонская правда) и XIII в.

(так называемое «Саксонское Зерцало»), а также в многочисленных хрониках и сборниках жалованных и дарственных грамот (картуляриях) саксонских монастырей, в Саксонии наряду с обширным слоем зависимого крестьянства, сложившегося в результате роста крупного светского, монастырского и королевского землевладения, в IX—XI вв. сохранился еще и слой мелких независимых земельных собственников, владевших своими аллодами по праву полной наследственной собственности, зачастую не обремененной никакими службами и повинностями. Эти мелкие аллодиальные собственники произошли, по-видимому, из некоторых опустившихся до положения лично свободных крестьян слоев бывшей племенной знати саксов, т. е. из части эделингов Саксонской правды: в то время как большинство саксонских эделингов складывалось в феодально-землевладельческий класс, низшие их слои опускались до положения крестьян, сохраняя за собой до поры до времени личную свободу и полную собственность на свои небольшие земельные владения.

Наличие такого слоя свободного крестьянства в Саксонии XI в., единодушно подтверждаемое всеми источниками, является, таким образом, результатом расслоения старой родо-племенной саксонской знати и ее превращения в класс феодальных землевладельцев, с одной стороны, и следствием замедленности этого процесса феодализации Саксонии — с другой. Если для остальных германских герцогств незавершенность феодализма, на которую мы указывали во введении к настоящей работе, характерна именно в начале X в., то для Саксонии, которая вошла в состав Каролингской империи позднее их да к тому же и раньше отличалась большим своеобразием общественного строя, эта незавершенность феодальных отношений сохраняется до второй половины XI в., т. е. до самого саксонского восстания 1073—1075 гг. и последовавшей за ним борьбы за инвеституру — двух событий, резко изменивших внутренний строй Саксонии.

Незавершенность феодализма, означавшая лишь его недоразвитость в некоторых направлениях, отнюдь не следует отождествлять с его отсутствием. Наоборот, рост феодальных отношений происходит в Саксонии именно в X—XI вв. довольно бурно, и как раз в середине XI в. как свободные, так и зависимые слои саксонского крестьянства испытывают натиск со стороны разных групп крупного землевладения. Толчок давало королевское землевладение, но так как оно стремилось в Саксонии сделать объектом своего воздействия и церковное землевладение, одновременно ведя борьбу с землевладением светским, то саксонское крестьянство вскоре почувствовало усиление эксплуатации не только со стороны королевских слуг — министерялов, но и со стороны крупных светских и церковных феодалов. Вот почему оно в начале восстания поддержало последних в их борьбе с королевской властью, а затем обратилось против них.

Исходным же моментом недовольства саксонского крестьянства (как и саксонских феодалов) послужила именно политика королевской власти в Саксонии. В чем же она заключалась?

До Оттона III включительно саксонские герцоги были королями Германии, и естественно, что они обладали большими земельными владениями.

ниями в том герцогстве, откуда происходили. Но уже при Оттоне III, тщетно пытавшемся осуществить идею имперской теократии, частные владения короля в Саксонии — королевские домены — потерпели немалый ущерб от светских феодалов. Преемники Оттона III Генрих II и Конрад II были признаны королями Германии в Саксонском герцогстве лишь при условии соблюдения ими правовых обычаев Саксонии (Landrecht).

Среди них были и некоторые обычаи, свойственные старинному родоплеменному быту саксов: право тяжущихся сторон самим выбирать свидетелей, выступающих в судебном собрании графского округа (особенность варварского права, отразившаяся во всех варварских Пrawdax), ограничение в правах наследования для детей, происшедших от смешанных браков между саксонцами и швабами. Несмотря на эти условия, фискальные потребности короны уже при Генрихе III привели к тому, что и в Саксонии введен был такой порядок судопроизводства, при котором судья сам избирал свидетелей и предлагал им вопросы. Этот порядок нарушал старинные вольности саксов, но зато обеспечивал королю значительное влияние на ход судебного процесса, а тем самым гарантировал ему регулярное поступление судебных доходов.

Второе условие также не соблюдалось Генрихом III, а между тем оно было очень важно для саксов, так как швабские министерiales короля, вступая в брак со свободными саксонскими женщинами, стремились передавать их имущество своим сыновьям, и оно, таким образом, уходило из рук саксонской родни жен этих министериалов.

К этому нарушению старинных саксонских обычаев присоединилась еще домениальная политика королевской власти. Уже Генрих II пытался увеличить средства короны путем строгого контроля за хозяйственными доходами королевских земель. Конрад II стремился вновь приобрести отчужденные ранее королевские владения и повысить доходность королевских имений — усадеб (pfälzce) и приписанных к ним земель, взяв за образец приемы точной регламентации доходов и поступлений в монастырских и других церковных вотчинах. Генрих III задумал сделать Гослар центром королевских доменов, а в кругах министериалов, группировавшихся вокруг юного Генриха IV, созрел план превращения этого богатого комплекса земельных владений возле Гарца (доставшегося королям франконской династии в наследство от королев предшествовавшей им саксонской династии) в королевскую резиденцию и укрепленный военный округ. В его пределах король хотел найти и источник финансовой мощи королевской власти. С 1056 г. по 1073 г. Генрих IV и его двор нигде не пребывали так часто и долго, как именно в Госларе и Гарцбурге.

Однако на содержание короля и его двора шли средства не только с королевских доменов, но и с тех церковных вотчин, которые король склонен был рассматривать как земли, находящиеся под его патронатом и особой властью в силу права короля основывать и иметь собственные церкви (Eigenkirchenrecht). К взиманию натуральных поступлений с церковных вотчин король счел нужным прибегнуть потому, что весьма значительная интенсивность поставок с королевских доменов не давала

возможности расширять их эксплуатацию, а между тем, несмотря на эту интенсивность, доходов с частных владений короля не хватало как для удовлетворения потребностей королевского двора и обширного слоя королевских министериалов, так и для увеличения королевской казны. Но и ресурсы королевских аббатств и монастырей и даже некоторых епископств тоже истощались: недаром именно епископы соседних с Госларом епископских округов (диоцезов) — Гальберштадтский, Гильдесгеймский, Магдебургский, стали самыми яркими сторонниками мятежников. Видя недостаточность ресурсов собственных доменов и церковных вотчин для осуществления его планов, Генрих IV потребовал от саксонской светской знати возвращения ему тех королевских владений, которые были отняты у короны в результате усадеб времен регентства, и, кроме того, принял конфискацию земель ряда непокорных светских феодалов Саксонии, чем сильно восстановил их против себя.

Под влиянием швабских министериалов короля многие имперские (т. е. непосредственно зависевшие от короля) аббатства, ранее розданные тем или иным светским феодалам, были вновь отобраны у них в пользу короны; под воздействием тех же министериалов с 1066 г. началась постройка укрепленных пунктов — бургов, снабженных швабскими гарнизонами и предназначенных для усовершенствования управления королевскими пфальцами не только в Саксонии, но и в Тюрингии. Их же влиянию следует, по-видимому, приписать и осуществление ряда фискальных мер по отношению к населению, а также меропрятий, направленных против знатного герцогского рода Биллунгов.

Вряд ли вся эта сознательная политика была делом молодого Генриха IV. Министериалы были кровно в ней заинтересованы, так как представляли собой слой королевских слуг, как раз в это время поднимавшихся на службе у короля из зависимого полусвободного состояния, и их обогащение (при сборе всяких поступлений и доходов) за счет церковных и светских феодалов Саксонии являлось одним из средств этого возвышения, как и политическое господство короны над саксонскими феодалами, осуществляемое через министериалов, выступавших и в качестве управителей королевских имений, и в качестве воинов в созданных по их же инициативе бургах.

Министериалы должны были тем более влиять на молодого короля, чем дальше были от двора саксонские магнаты, ненавидевшие этих зависимых слуг.

Антагонизм между саксонскими феодалами и швабскими министериалами Генриха IV ярко отразился в хрониках, в частности в хронике Ламберта Герсфельдского, который презрительно называет министериалов «людьми темного и низкого происхождения». Так политика Генриха IV в Саксонии возбудила против него и светских, и церковных феодалов этого герцогства, которые в одинаковой мере были раздражены и эксплуатацией или частичной конфискацией их владений, и возвышением королевских министериалов, к тому же еще выходцев из чужого герцогства. Поэтому известие того же Ламберта о том, что началу восстания предшествовал заговор «князей», т. е. крупнейших магнатов Саксонии, следует считать вполне достоверным.

Однако, как говорилось выше, в саксонском восстании значительную, если не определяющую, роль сыграло крестьянство. Чтобы понять эту роль, необходимо различать интересы зависимого и свободного саксонского крестьянства. Первое страдало главным образом от усиления эксплуатации со стороны светских и церковных феодалов, которые стремились переложить на плечи своих зависимых держателей все тяготы, связанные с требованиями королевской власти по отношению к феодалам. Но эта наиболее многочисленная часть саксонского крестьянства приняла участие в восстании позднее, и, по-видимому, именно она повернула острие мятежа против феодалов. Свободное крестьянство помимо уже описанных выше нарушений старинных вольностей всех свободных саксов, стояло перед угрозой закрепощения: если зависимое крестьянство было недовольно ростом взимавшихся с него повинностей, то свободные саксонские крестьяне были недовольны самим фактом их взимания, ибо до этого они, очевидно, не несли никаких повинностей в чью-либо пользу. Таким образом, и те и другие страдали от одного и того же процесса углубления феодальных отношений в Саксонии — с той, однако, существенной разницей, что для первых этот процесс означал усиление феодальной зависимости, а для вторых — ее возникновение. Министериалы королевских бургов требовали с окрестного населения оброков и барщинных повинностей, причем не одной лишь ручной барщины, но и так называемой «барщины с упряжкой», т. е. всякого рода работ, связанных с применением рабочей силы волов или лошадей. Кроме того, они взимали всякие поборы и пошлыны с тех лесов и пастбищ, которые рассматривались как угодья, расположенные в пределах королевских владений.

Что все эти требования предъявлялись именно к свободным крестьянам, с очевидностью явствует из следующих слов Ламберта: «Они (т. е. королевские министриалы.— *А. Н.*) заставляли жителей этого герцогства (т. е. Саксонии.— *А. Н.*) и притом многих лиц почтенного происхождения,— служить себе наподобие несвободных». В пользу такого понимания событий свидетельствует также и содержание той речи, которую Бруно Саксонский вложил в уста главного вождя саксонского восстания — крупного феодала Оттона Нордгеймского. На созданном саксонскими князьями в 1073 г. большом ландтаге в Вормслебене присутствовали, кроме феодалов, также рыцари и свободные крестьяне, и, конечно, только к последним мог обратиться Оттон с предостережениями, отражавшими реальное положение вещей, но в его устах служившими лишь средством демагогического заигрывания с народными массами: «Он (т. е. Генрих IV.— *А. Н.*) отнимает у вас сразу все, чем вы владеете, и, расточая ваше имущество в пользу пришлых людей (т. е. швабских министриалов короля.— *А. Н.*), повелевает вам, совершенно свободным, стать рабами никому неведомых лиц»¹.

Такое предостережение не могло относиться ни к мелким вотчинникам, которым не грозило немедленное закрепощение, ни к зависимым крестьянам, которые не владели собственными землями и уже утратили

¹ Bruno. De bello Saxonico, c. 25.— MGH, SS, t. V.

блую личную свободу (между тем Оттон Нордгеймский дважды подчеркивает ее наличие у тех, к кому он обращается: «Вас, свободных и свободнорожденных» — *liberos et ingenuos*). Как бы ни подчеркивать риторичность предостережений Оттона Нордгеймского, служивших в устах этого крупнейшего феодала средством демагогического заигрывания с народными массами, все же очевидно, что его риторика и демагогия (и то и другое, конечно, имело место) не могли быть безграничными и совершенно оторванными от жизни: они находили себе естественный предел в той самой исторически сложившейся обстановке, в которой они применялись: если бы свободных крестьян в Саксонии конца XI в. вовсе не было, то не к кому было бы обращаться с цитированными выше словами, а если бы они не представляли собою весьма заманчивую для феодалов боевую движущую силу восстания, то и демагогия Оттона Нордгеймского была бы лишена всякого смысла.

До 1074 г. в хрониках Бруно Саксонского и Ламберта Герсфельдского восставшие массы саксонского племени обозначаются терминами *ingenui*, *liberi* («свободные люди») и лишь после 1074 г., при описании второго периода восстания, — терминами *plebs*, *vulgus* («черный», «простой народ»), которые могли быть применены и к зависимому крестьянству. Однако встречающиеся у хронистов слова: *vulgus promiscuum* («простой народ всяческого звания», «толпа простых людей различного положения») указывают на пестроту социального состава восставшего крестьянства, тем более что этот «простой народ» хотел сбросить с себя для многих, по-видимому, еще новое и непривычное иго феодального господства (*iugum servitutis*). Бруно Саксонский жалуется на то, что «свободных людей» королевские министериалы принуждали к несению крепостных повинностей²; Ламберт Герсфельдский подчеркивает, что такая участь постигала «людей почтенного происхождения», т. е. свободных.

Именно свободные крестьяне могли привлекаться к постройке укрепленных королевских бургов (о чем рассказывает Бруно), ибо починка дорог и мостов и постройка укреплений входила в число повинностей свободных людей. На них же, очевидно, налагались королевские пошлыны за право пользования общинными угодьями³. Это усиливало процесс разложения еще не закрепощенных общин, что привело к фактическому лишению членов этих общин — свободных крестьян — неподеленных марковых земель. Бруно Саксонский подчеркивает, что «лишение крестьян плодов земных», т. е. части урожая, которую они вынуждены были отдавать в виде оброка королевским министериалам, приводило к утрате этими крестьянами их прежней свободы. Именно свободные крестьяне могли стремиться к сохранению своего социального положения и своего достоинства, как рассказывает Ламберт.

Эти и многие другие подобные данные ясно свидетельствуют о большой роли свободного крестьянства, особенно в первый период саксон-

² Ibidem: *plerosque ex his honesto loco natos, vilium mancipiorum ritu servire cogebant*.

³ *Lamperti Hersfeldensis Annales*, ed O. Holder-Egger. Berlin, 1955, p. 174: *tributa et vectigalia silvarum et camporum*.

ского восстания, когда крупные феодалы, по-видимому, опасались вовлечь в него зависимых крестьян. Но они были вовлечены в движение ходом самих событий после окончания первого этапа и сыграли — совместно со свободным крестьянством — серьезную роль на втором его этапе.

Большое недовольство вызывали и многочисленные злоупотребления королевских министериалов в Саксонии (в частности «умыкание» саксонских женщин, которое саксы рассматривали как оскорбление их народных прав и племенного достоинства чужаками-швабами). Генрих IV принужден был смотреть сквозь пальцы на эти злоупотребления своих министериалов, которых ненавидело местное население, справедливо считавшее их массовое внедрение в Саксонию угрожающим явлением.

Анализ внутреннего положения в Саксонии накануне восстания не только объясняет его причины, но и проливает свет на некоторые предпосылки такого явления общеимперского значения, как борьба за инвеституру. В самом деле:

1) королевские министериалы возвышаются как раз тогда, когда епископальная система, прочность которой уже ранее была подорвана политикой папства в XI в. и феодальными усобицами в Германии во время малолетства Генриха IV, оказывается перед перспективой близкого и неминуемого краха;

2) возвышение министериалов является, таким образом, не только результатом ее краха в процессе борьбы за инвеституру, но и предвестником этих явлений, ибо усиление епископата и его отрыв от короны еще до борьбы за инвеституру (в связи с последствиями политики Генриха III и усилением папства, а также с ростом феодально-центробежных тенденций в германском епископате в период регентства) шли параллельно с ростом влияния министериалитета;

3) стремление во что бы то ни стало укрепить королевский домен в Саксонии (между прочим, и путем использования частных прав господства короля над основанными им монастырями и епископствами) усилило отрыв епископата и монашества от короны, тем более что королевская власть в лице Генриха IV и его советников вела борьбу с феодализацией Саксонии феодальными же средствами, притом на чисто хозяйственной арене, а именно путем противопоставления интересов королевских доменов хозяйственным же интересам частных феодальных вотчин. Таким образом, анализ королевской политики и поземельных отношений в Саксонии позволяет различить два ряда тенденций: одни — взаимоотношение саксонских церковных и светских феодалов с разными слоями саксонского крестьянства, королем и его швабскими министериалами — вскрывают причины саксонского восстания и дальнейшей эволюции феодализма в Саксонии и связаны с особенностями ее внутреннего строя; другие — рост феодальной независимости епископата и монашества от королевской власти, возвышение министериалитета не только как королевского служилого слоя в Саксонии, но и как общеимперского сословия — выводят нас за пределы Саксонии и дают возможность вскрыть на саксонском материале общее направление развития феодального строя в Германии, а тем самым — и предпосылки борьбы за

инвеституру. Последняя тесно связана с саксонским восстанием по существу, а не только в силу внешнего хода событий.

* * *

В саксонском восстании можно выделить два основных этапа: с лета 1073 г. до февраля 1074 г. и с осени 1074 г. до 22 марта 1075 г.

Поводом к восстанию послужило недовольство герцогского рода Биллунгов и поддерживавших этот род крупных саксонских феодалов враждебной политикой короля по отношению к ним, которая выразилась в том, что Генрих IV после смерти саксонского герцога Ордульфа держал в заточении его сына Магнуса и захватил его родовое владение Люнебург. Однако уже на первом этапе восстания вскрылись и его более глубокие классовые пружины, о которых шла речь выше. В 1073 г. состоялся заговор крупнейших магнатов Саксонии — светских и духовных. В нем приняло участие и большинство саксонских епископов, за исключением Лимара Бременского, Эппо Наумбургского и Бенно Оснабрюкского, изгнанных из своих диоцезов их противниками и потому поддерживавших короля, а также Адальберта Бюрцбургского и Германа Бамбергского (впоследствии отлученного от церкви Григорием VII). Во главе заговора с самого начала стал лично обиженный Генрихом IV Оттон Нордгеймский, бывший баварский герцог, которого Генрих лишил герцогства, передав его представителю рода Вельфов. Оттон Нордгеймский имел владения и в Саксонии и пользовался большим авторитетом в среде саксонских феодалов.

После того как саксонские магнаты на съезде феодалов в Госларе (29 июля 1073 г.) в ответ на предложение Генриха IV отправиться вместе с ним в поход против поляков потребовали прекращения домогательской политики короля в Саксонии, королевский двор переехал в соседний Гарцбург. За этим последовал призыв Оттона Нордгеймского к восстанию на ландтаге в Вормслебене, и саксонцы расположились лагерем недалеко от Гарцбурга. Генрих IV предложил им разойтись, они же потребовали, чтобы были разрушены королевские бургы и возвращены отнятые у них права и свободы, т. е. чтобы были восстановлены те особенности общественного строя Саксонии, о которых шла речь выше. Ввиду отказа Генриха IV выполнить эти требования мятежники осадили Гарцбург, а Герман Биллунг стал осаждать захваченный королем Люнебург. Генриху IV пришлось бежать из Гарцбурга в Герсфельд, где он принужден был отдать распоряжение об освобождении Магнуса, за что Герман Биллунг снял осаду с Люнебурга.

Но это не привело к прекращению восстания. Наоборот, саксы заключили союз с раздраженными взиманием десятины тюрингами, которые обязаны были уплачивать ее королевскому ставленнику архиепископу Майнцскому Зигфриду, и начали планомерную осаду целого ряда королевских бургов. Более того, они перетянули на свою сторону такие крупные аббатства, как Герсфельд и Фульда, а затем заставили самого Зигфрида Майнцкого воздержаться от враждебных действий против мятежников, хотя это было ему явно невыгодно. Таким образом, восстание разрасталось.

В такой обстановке Генрих IV решил обратиться за помощью к недавно избранному (22 апреля 1073) новому папе Григорию VII, обещая ему изменить церковную политику в духе клунийской программы, в частности — канонически урегулировать спор о замещении вакантной кафедры Миланского архиепископа. Так события саксонского восстания переплетались с взаимоотношениями церкви и короля, папства и империи. Однако обращение Генриха IV (август 1073) оказалось безрезультатным. А между тем восстание ширилось и нашло отклик и поддержку среди некоторой части феодалов за пределами Саксонии.

В этот момент впервые выступает на арену политической жизни Германии новая сила — освобождающиеся от своих сеньоров или, по крайней мере, стремящиеся к освобождению от них города. В ноябре 1073 г. Генрих IV находит приют в прирейнском городе Вормсе, жители которого незадолго перед тем изгнали своего сеньора — епископа, враждебного королю. За эту поддержку Генрих IV пожаловал горожанам Вормса весьма значительные привилегии, освободив их от пошлин и признав независимость города от епископа. Но, чтобы подавить саксонское восстание, мало было поддержки даже целого ряда городов, а не только одного Вормса. Генриху IV удалось временно усмирить опасный для него мятеж лишь благодаря тому, что в противовес некоторым, в особенности светским, феодалам Германии, перешедшим на сторону мятежных саксонцев, короля поддерживали многие епископы Западной и Южной Германии, в частности швабские, баварские, рейнские епископы (в том числе архиепископ Кёльнский и архиепископ Майнцский). Тем самым епископальная политика предшественников Генриха IV все еще продолжала оправдывать себя даже в эти бурные годы, несмотря на уже наметившуюся глубокую трещину между епископатом и королевской властью. Тесная связь части епископата с короной сохранится и в первые месяцы борьбы за инвеституру.

При помощи названных сил, а также собственных вассалов и министериалов Генрих IV принудил саксов к сдаче, после того как обещанное папское посредничество не привело ни к каким результатам. Согласно условиям мира, заключенного в Герстунгене 2 февраля 1074 г., саксы обязывались подчиниться королю, который за это обещал им уничтожить все королевские бургы, возведенные в Саксонии; кроме того, саксам возвращались все их старинные вольности, права и обычаи, а руководителям восстания обещано было прощение за то, что они подняли мятеж против короля. Однако, когда начали разрушать королевские бургы, саксонское крестьянство, до сих пор лишь поддерживавшее феодалов в их борьбе против короля, выступило совершенно самостоятельно. При срытии королевского бурга в Гарцбурге саксонские крестьяне (по-видимому, зависимые, ибо они работали, выполняя частную повинность в пользу феодалов), разрушили не только самые укрепления, но и королевский дворец, церковь и гробницы с реликвиями.

По свидетельству Бруно Саксонского, «они устремились туда (т. е. в Гарцбург.— А. Н.) не только потому, что им было приказано, но и потому, что они давно сами этого жаждали, и уж, раз начав дело разрушения, не успокоились до тех пор, пока не увидели, что не оста-

лось камня на камне»⁴. Крестьянские руки сделали больше того, чего хотели от них господа. Крестьяне оказались последовательнее своих руководителей, и, когда те заключили мир с королем, продолжали энергично бороться с ним. Вскоре они поняли, что саксонские феодалы являются их врагами не в меньшей мере, чем швабские министерялы короля.

Исход первого этапа саксонского восстания вызвал недовольство не только крестьян, но и некоторых южногерманских и прирейнских феодалов, надеявшихся извлечь большие выгоды из подавления мятежа. К тому же немалую роль сыграла борьба разных групп и коалиций феодалов друг с другом. Так, Вельф Баварский был крайне недоволен обещанием короля вернуть Баварское герцогство Оттону Нордгеймскому, а Зигфрида Майнцского сильно смущал отказ Генриха IV от дальнейшего взимания десятины с тюрингов в пользу Майнцкого архиепископства. Но особенно раздражен был сам король, который объявил разрушение Гарцбурга саксонскими крестьянами нарушением условий мира в Герстунгене и на этом основании потребовал имперской войны против саксов. Так как саксы не сдались, а оказали вооруженное сопротивление, то осенью 1074 г. саксонское восстание вспыхнуло с новой силой.

На втором его этапе становится особенно ясной уже ранее наметившаяся тесная политическая связь между мятежниками и папством: послы саксов все время пребывают при дворе Григория VII, который стремится использовать саксонский мятеж, как орудие против Генриха IV. Второй этап восстания совпадает как раз с отлучением ближайших советников Генриха IV папой на февральском синоде в Риме (24—28 февраля 1075 г.) по обвинению их в симонии, что, конечно, временно ослабило позицию Генриха IV.

Однако вскоре сам Григорий VII испытал серьезную политическую неудачу в Ломбардии — разгром патарии в Милане и последовавшее за ним обращение миланцев к Генриху IV по спорному вопросу о замещении архиепископской кафедры. Это поражение не дало возможности Григорию VII в данный момент в достаточной мере использовать саксонцев против Генриха IV. 9 июня 1075 г. Генрих IV нанес решительное поражение саксам в битве возле Хоэнбурга на р. Унструте. Исход битвы решила помощь Вельфа Баварского с его вассалами, Рудольфа Швабского, австрийского маркграфа Эрнста и Готфрида Лотарингского.

Следовательно, второе саксонское восстание в отличие от первого было подавлено главным образом силами южногерманских светских феодалов, герцогов, графов и маркграфов («князей»), боявшихся усиления саксонских магнатов и особенно властного Оттона Нордгеймского. После битвы у Хоэнбурга он и прочие вожди саксонцев вместе с их конными вассалами бежали и заняли позиции в окрестностях Магдебурга. Здесь на многолюдном собрании всех участников мятежа произошел резкий конфликт между свободными саксонскими крестьянами и вождями восста-

⁴ Bruno. De bello Saxonico, c. 33: Sed rustici non quid iuberentur sed quid iam diu desiderassent, intendebant, a diruendo non quiescentes, donec lapidem super lapidem non remanere videbant.

ния — феодалами: крестьяне настаивали на продолжении борьбы и вполне обоснованно обвиняли своих недавних вождей в предательстве и трусости. Теперь справедливый гнев крестьян излился на головы тех, кто обещал им общую борьбу против якобы единственного их угнетателя, короля, но при первой реальной опасности готов был примириться с ним в целях совместной эксплуатации крестьянства.

Но было уже поздно: саксонские князья настаивали на сдаче, а крестьяне одни бессильны были продолжать борьбу, тем более что помощи ждать было неоткуда: Григорий VII в этот момент был настолько ослаблен разгромом папации, сопротивлением ему ломбардских епископов и борьбой с норманнами, что мог добиться согласия Генриха IV на переговоры об условиях сдачи саксонцев, лишь обещав короновать Генриха IV императором. Да и при этом условии король соглашался вести переговоры с папой лишь в присутствии тех германских князей, которые помогли ему одержать победу над саксами. Так в третий раз расстроилось предполагавшееся посредничество папы в столкновениях германского короля с саксонскими мятежниками. 22 октября 1075 г. саксонцы сдались на милость победителя, и Генрих IV конфисковал земельные владения руководителей восстания. Папа, правда, потребовал оособждения мятежных епископов, ссылаясь на то, что они боролись за канонический порядок в церкви против практиковавшейся Генрихом IV симонии, но это требование в тот момент реальных последствий не имело.

Так было подавлено второе саксонское восстание, и многие его участники были насильственно оторваны Генрихом IV от родной почвы и отправлены в Швабию, Баварию и даже в Бургундию и Италию. Однако саксонское восстание отнюдь не прошло бесследно: оно сыграло огромную роль в углублении феодальных отношений: его подавление и прямо, и косвенно (путем усиления феодалов) содействовало процессу дальнейшего закрепощения саксонского крестьянства и росту феодальной эксплуатации. Именно после подавления саксонского восстания 1073—1075 гг. в Германии *свободное крестьянское сословие*, говоря словами Маркса, «впадает в это время в унизительную зависимость, кроме Фрисландии и немногих других мест»⁵. К этим «другим местам» относятся некоторые округа Франконии, где еще сохранились остатки свободного крестьянства, которые в 1078 г. в противоположность саксонским крестьянам поддерживают Генриха IV против Рудольфа Швабского (это объясняется тем, что здесь отсутствовала характерная для Саксонии историческая ситуация). Кроме того, восстание привело к выявлению и группировке враждебных друг другу коалиций князей и феодалов по всей стране и посеяло раздоры и раскол в среде германского епископства и монашества. В этом смысле оно — прямая прелюдия к борьбе за инвеституру, с началом которой оно и непосредственно смыкается (вспомним позицию папы во время этого восстания!).

Из борьбы с мятежными саксонцами королевская власть вышла несомненно ослабленной, а между тем ей предстояла длительная и более суровая борьба с очень серьезным противником — папством. За время

⁵ «Архив Маркса и Энгельса», V, стр. 94.

регентства и первых лет правления Генриха IV папство очень усилилось — настолько, что в годы саксонского восстания оно в лице грозного и непреклонного Григория VII — уже противостоят королевской власти как самостоятельная и во многих отношениях превосходящая ее сила. Необходимо вернуться несколько назад и представить себе, как складывалась и развивалась эта сила в период от смерти Генриха III до начала борьбы за инвеституру (1056—1076) и как она тотчас же после описанных выше событий вступила в длительную и жестокую борьбу с германской империей, точнее — с королевской властью в Германии в лице Генриха IV.

2. ПАПСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

Клунийское движение, рост которого шел параллельно с феодализацией епископства и общим усилением феодальной децентрализации в Германии, немало содействовало возвышению папства в середине и второй половине XI в. Но если в 50-х и 60-х годах этого столетия папство медленно и постепенно высвобождалось из-под опеки империи, то начиная с 70-х годов оно устами Григория VII прямо и открыто заявило свои притязания на господство не только над германской империей, но и над всем христианским миром и тем самым объявило непримиримую войну господству светской власти над церковью, и прежде всего — «Священной Римской империи».

Это решительное выступление папства, конечно, не было личным делом Гильдебранда (будущего Григория VII) и его дальновидной политикой, когда он был субдиаконом римской церкви и фактическим вершителем ее судеб при пяти папах (примерно с 1049 по 1073 г.), как не было оно и личным делом этих пап. Оно было подготовлено процессом концентрации вокруг папства широких слоев черного духовенства во Франции, Бургундии, Италии и отчасти Лотарингии, а также временным частичным совпадением интересов монашества, мелкого рыцарства, некоторых средних слоев феодального класса (так называемых династов в Лотарингии и Южной Германии) с интересами ремесленников и части бюргерства ломбардских городов. В этом смысле политика Льва IX (1049—1054) по отношению к лотарингским аббатствам и их фогтам имела то же историческое значение, что и политика Александра II (1061—1073) по отношению к патарии в Ломбардии, т. е. к низшим классам населения ломбардских городов (главным образом ремесленникам-ткачам) и к низшему слою рыцарства — вальвассорам, к двум слоям, одинаково враждебным феодальному ломбардскому епископату, а потому поддерживавшим папство в его борьбе с ним.

К этому присоединилась еще и благоприятная для папства международная обстановка: завоевания норманнов на юге Италии дали возможность папам, начиная с Льва IX, опираться на военную силу, неизменно враждебную германской империи. Папство сумело прекрасно использовать создавшуюся обстановку и извлечь немалые выгоды и из роста феодальной децентрализации в Германии, и из успехов клуний-

ского движения, и из классовой борьбы в ломбардских городах, и из норманских завоеваний в Южной Италии. Это умелое использование обстоятельств надо отнести за счет личных талантов таких пап, как Лев IX и Александр II, и таких деятелей римской церкви XI в., как Гильдебранд, Гумберт, Петр Дамиани и др. Целым рядом организационных мероприятий (превращением отдельных норманских вождей, например Роберта Гвискара в 1059 г., в вассалов римской церкви, официальным союзом папы с вождями патарии в Милане) папство с конца 50-х годов XI в. непрерывно закрепляло и юридически оформляло достигнутые им успехи, одновременно создавая и идеологическое оружие в виде теории канонической инвеституры, подробно обоснованной в трактатах Гумберта и Петра Дамиани.

В ряду этих мероприятий очень важен избирательный закон папы Николая II от 1059 г. о выборах папы коллегией кардиналов-епископов лишь при последующем их одобрении низшим клиром и народом, «хотя и без ущерба влиянию и авторитету нынешнего короля и будущего императора Генриха IV и его наследников, поскольку они получают соответствующие права от папы». Таким образом, политика Григория VII строилась на тщательно подготовленной почве. Однако только его понтификат (1073—1085) привел к установлению полной самостоятельности папства, к окончательному отрыву его от империи в процессе борьбы с нею.

Самая обстановка избрания Гильдебранда характерна как показатель усиления партии церковной реформы в Риме: он был избран 22 апреля 1073 г., в день погребения папы Александра II, не в результате обсуждения его кандидатуры кардиналами-епископами, а затем остальными кардиналами при одобрении со стороны «клира и народа», как полагалось по избирательному закону Николая II, а под беспорядочные крики этого «клира и народа» (по одной версии — при участии клюнийского аббата Гуго, по другой — даже без его участия). Факт несоблюдения канонического порядка выборов при избрании папы был настолько очевиден, что его вынужден был признать и сам Гильдебранд: в одном из писем, написанном в начале его понтификата, он яркими красками рисует беспорядочный характер этой процедуры, стараясь, правда, подчеркнуть, что его выбрали неожиданно для него самого и чуть ли не насильно. «Внезапно,— говорит он,— начался страшный шум среди народа, и толпа, словно обезумев, набросилась на меня, не оставляя времени ни для возражений, ни для размышлений. Они насильно повлекли меня на апостольский престол, коего я далеко еще не достоин»⁶. Несмотря, однако, на смиренный тон последней фразы, совершенно очевидно, что Гильдебранд и его сторонники, в течение четверти века управлявшие делами папского престола, давно подготавливали избрание Гильдебранда. Самая беспорядочность выборов была, по-видимому, в какой-то степени сознательно инсценирована, чтобы избежать возможных протестов против избрания лица, не прошедшего высших ступе-

⁶ См. письмо к Виберту Равеннскому (*Monumenta Gregoriana*, ed. Ph. Jaffé. Bero-
lini, 1865, I, 3).

ней церковной иерархии и потому действительно «далеко еще не достойного» (с канонической точки зрения) занять апостольский престол. Смиранный тон Григория VII в цитированном письме, таким образом, не случаен — впоследствии папа старался *post factum* оправдать выборы и приписать им законный характер⁷.

Так или иначе, выборы Григория VII произошли без всякого участия приближенных германского короля Генриха IV, с которым у папства еще в 1072 г. возник конфликт из-за замещения кафедры Миланского архиепископа; они вызвали также резкое недовольство ломбардских и немецких епископов. Однако Григорий VII пока остерегался открыто разрывать с германским королем и подготавливал военную опору на юге Италии в лице норманского герцога Ричарда Капуанского и лангобардского герцога Ландульфа Беневентского: Григорий VII заставил их принести ему клятву вассальной верности, умело использовав борьбу герцогов с Робертом Гвискаром и Гизульфом Салернским. Роберт Гвискар отказался возобновить клятву вассальной верности папству, данную Николаю II в 1059 г. Зато в текст присяги Ричарда Капуанского Григорий VII внес любопытную оговорку, явно направленную против Генриха IV и его возможных попыток завязать связи с норманскими герцогами Южной Италии: «Я принесу также присягу вассальной верности и королю Генриху, когда ты или твои преемники побудят меня к этому, однако сохраняю при этом верность римской церкви»⁸.

Еще до заключения договоров с упомянутыми двумя герцогами Григорий VII приступил к организации военных сил в самой Папской области и создал особые рыцарские отряды, которым повелел охранять укрепленные пункты, а также села и города от враждебных действий соседей, в частности от возможных набегов норманнов (таких, например, как вторжение Роберта Гвискара в Папскую область в 1066 г.). При помощи этих отрядов Григорий VII не только вернул патримонию отторгнутые у него области, но и мог всегда подавить любое восстание римской знати или антигригорианской партии духовенства. Может быть, наличие у папы соответствующего войска сыграло немалую роль и в деле превращения двух южных герцогов в папских вассалов.

Вместе с тем Григорий VII продолжал политику Александра II в Ломбардии, поддерживая избранного миланскими патаренами архиепископа Атто и ведя борьбу с королевским кандидатом на эту должность Готфридом. При этом Григорий VII оказывал всяческую поддержку вождю патарии Эрлембальду. Всеми этими мерами Григорий VII стремился укрепить политическую мощь папства в Италии.

Вместе с тем он, в соответствии со своей теократической программой, предпринял ряд шагов для усиления международного политического авторитета папства. Исходя из идеи о том, что папа является заместителем апостола Петра и что «светский меч» (т. е. светская власть) лишь тогда исполняет свое провиденциальное назначение на земле, когда действует в полном согласии с «мечом духовным» (т. е. церковной вла-

⁷ См. *Commentarius electionis*.— *Ibid.*, II, 9.

⁸ *Ibid.*, I, 21.

стью) и «когда духовный меч смягчает силу светского», а тот заостряет силу «меча духовного», Григорий VII потребовал признания папской супрематии от светских христианских властителей Венгрии, Чехии, Польши, Испании, Скандинавии и Англии. Требования эти, правда, никем из них не были выполнены, а в Англии они привели несколько позднее даже к некоторым ограничениям влияния папской курии, которые были введены Вильгельмом I, совершившим в 1066 г. завоевание острова с благословения папы Александра II, но не имевшим никакого желания добровольно суживать свою власть в пользу папства.

Наряду с отказом от симонии и установлением особых церковных судов, разбиравших по нормам канонического права дела клириков и некоторые подсудные церковной юрисдикции дела мирян, Вильгельм Завоеватель ограничил право апелляции к римской курии и поставил признание папы феодалами Англии в зависимость от того, признает ли его король.

Однако требования Григория VII имели, во-первых, огромное принципиальное значение, а во-вторых, неизбежно должны были практически затронуть интересы, по крайней мере, одного из государей Западной Европы, и именно того, который претендовал на объединение Италии и Германии в одну империю и политика которого была особенно тесно связана с судьбами папства, т. е. короля Германии, который как император считался в то время главным носителем «светского меча», призванного оказывать помощь и повиновение «мечу духовному».

В основе упомянутого обращения Григория VII к государям Европы лежала определенная теоретическая программа, изложенная несколько позднее в знаменитом *Dictatus papae* (1075), а также в многочисленных посланиях Григория к духовным и светским князьям Германии. Эта программа отличается своим радикализмом и практической действенностью. Она представляет собой переработку идей теоретиков клюнийского движения (главным образом Петра Дамиани и Гумберта) и приспосабливает их к политическим потребностям папства как организатора новой, реформированной церкви. Согласно учению Петра Дамиани, «царство» и «священство» (*regnum et sacerdotium*) неразрывно связаны друг с другом. Разница между ними лишь та, что император действует оружием, а первосвященник — «духовным мечом», т. е. словом божьим. Однако в идеале они должны служить друг другу, т. е. интересам единого целого. При оценке смысла этого взаимного служения теоретики церковной реформы приходили к идее супрематии «меча духовного» на том основании, что слово божие, конечно, выше любых орудий светского принуждения, а священство, пекущееся во главе с папой о спасении душ человеческих, важнее для блага человеческого рода, чем империя, управляющая лишь телами своих подданных. Тем самым сторонники реформы из двух возможных видов теократии выбирали папскую и отвергали имперскую.

К этому присоединялось (а отчасти отсюда вытекало) отрицание любой инвеституры клириков светскими лицами (учение, особенно подробно развитое Гумбертом), ибо церковь, а следовательно и церковная должность, никоим образом не может составлять собственность какого бы то ни было человека, даже императора. Церковь принадлежит одному только

богу, и на ее служителях почит божия благодать, эманация которой может проистекать лишь от главы католической церкви — папы, и то только в силу того, что он является заместителем апостола Петра. Отсюда явствует, что только папа или папский легат имеет право посвящения клириков в духовный сан.

Из сочетания этих идей и родились те лаконичные и решительные тезисы, которые Григорий VII формулировал в своем *Dictatus papae*. Там выдвинуты в сущности три основных положения: 1) божественный характер римской церкви; 2) право ее главы на полное и бесконтрольное владычество над нею; 3) примат папства по отношению к империи, церкви по отношению к государству и всякой светской власти как таковой. Римская церковь, утверждалось в документе, основана самим богом и только им; ее первосвященник, если он канонически избран, является заместителем апостола Петра на земле, поэтому он один является вселенским главой христианской церкви. А так как она — установление божественное и, следовательно, непогрешима в прошлом, настоящем и будущем, то всякий, кто не согласен с римской церковью, уже в силу одного этого не может считаться верующим католиком. Глава церкви — папа — может не только смещать, перемещать и назначать епископов, перестраивать управление аббатствами и епископствами по своему усмотрению (например дробить или расширять их владения), но и отлучать кого угодно от церкви (даже в отсутствие отлучаемого), не считаясь с решением церковных соборов и запрещая верующим любое общение с отлученными. Ни один собор не может считаться вселенским без разрешения папы. Папа обладает, кроме того, высшей юрисдикцией в церковных делах и является высшей апелляционной инстанцией. Таким образом, папа господствует и над отдельными церковными учреждениями, и над отдельными представителями духовенства, и над различными его разрядами и, наконец, над совокупностью клириков, собравшихся на собор. Этому установлению безраздельного господства папы внутри католической церкви, направленному в значительной мере против феодально-центрибежных тенденций германского, французского и итальянского епископата (в частности, против епископальной политики германских королей), соответствует общее необычайно высокое место, отводившееся папской власти в разбираемом документе, а также провозглашение ее верховенства над светской властью.

Папа — высший авторитет на земле для всякого христианина, мирянина или клирика: без освящения его авторитетом не имеет силы ни одно каноническое установление. Никто не смеет отменять ни одно из его распоряжений, а он может отменять распоряжения любого лица. Он никем не может быть осужден, по его же распоряжению можно судить кого угодно. Имя его — единственное в мире, и только оно должно возглашаться в церквях. Все светские властители лобызают стопы папы, ибо он один может распоряжаться знаками императорского достоинства. Отсюда следует, что папа имеет право низлагать императоров и освобождать от присяги подданных императора в случае его неповиновения папе. Последнее Григорий VII специально обосновал через год после составления *Dictatus papae* в письме епископу Меца, где доказывал, что

он имел законное право отлучить Генриха IV от церкви, ибо заместитель апостола Петра имеет силу «вязать и решить», распространяющуюся на всех без исключения, в том числе и на светских государей⁹.

Изложенная программа папской теократии тесно связана с международными отношениями того времени и с притязаниями папства на роль высшего церковного и политического авторитета в тогдашней христианской Европе. Поэтому наряду с общими требованиями, Григорий VII высказывает различные конкретные пожелания: он призывает всех христиан оказать помощь Византийской империи против сарацин, строит планы изгнания сарацин из Южной Италии и в связи с этим развивает идею крестового похода, наконец, мечтает добиться воссоединения церкви путем подчинения восточной церкви папству.

Осуществить все эти планы и намерения было делом нелегким. Да и сама теократическая программа Григория VII была скорее совокупностью идеальных пожеланий, чем программой конкретных и реально осуществимых требований: мы видели, как холодно отнеслись к ней светские государи Европы. Правда, во Франции папской курии удалось добиться немалых успехов в борьбе с симонией, но это произошло позднее (при Урбане II и Пасхалии II).

Реальной и сравнительно быстро осуществимой была лишь та часть этой программы, которая касалась реформы самой церкви и непосредственно вытекала из клунийского учения, ибо она, как и само это учение, была подготовлена развитием феодальных отношений в X—XI вв. и всей предшествующей историей католической церкви. С другой стороны, эта реформа церкви была не только самой реалистической частью программы Григория VII, но и единственным действенным орудием для осуществления теократических идеалов. Практически Григорий VII занят был укреплением военной и материальной мощи папства в Италии и проведением в жизнь принципов celibата и канонической инвеституры клириков, как ее понимал Гумберт, а также борьбой с симонией; все его конфликты со светскими государями Европы (германским королем Генрихом IV, французским королем Филиппом I) разыгрывались именно на этой почве, а отнюдь не из-за неповиновения этих государей некоронованному теократическому монарху Европы, которым хотел быть, но в действительности не был папа, какими бы громкими декларациями Григорий VII на этот счет ни сопровождался эти конфликты.

Блестящий тому пример — взаимоотношения Григория VII с Вильгельмом Завоевателем, открытого разрыва с которым папа старательно избегал, несмотря на явное непризнание тем его теократических притязаний. Только Роберта Гвискара он решился отлучить от церкви — не за несоблюдение канонического порядка назначения епископов, а за политическое неповиновение папе. Но это объясняется тем, что Роберт в 1059 г. признал себя вассалом Николая II, а в 1066 г. не только нарушил клятву верности (которую он отказался возобновить и в 1073 г.), но и за-

⁹ Указанное письмо так и озаглавлено: «Против тех, кто неразумно утверждает, будто римский первосвященник не может отлучить императора от церкви (*contra illos qui stulte dicunt imperatorem excommunicari non posse a Romano pontifice*)».

хватил ряд владений папского патримония, т. е. выступил как непосредственный политический и военный противник папы, выступавшего в роли светского государя в Италии.

Проводя в жизнь реформу церкви как средство усиления папства, Григорий VII на двух февральских синодах 1074 и 1075 гг. добился того, что были запрещены сначала симония и конкубинат (1074), а затем и светская инвеститура клириков (1075). Постановления 1074 г. вызвали такую бурю негодования в среде белого духовенства в Германии, что папа повторил их в более категорической форме на синоде 1075 г. и пригрозил нарушителям отлучением от церкви. Кроме того, папа организовал агитацию среди светского населения Германии против симонии и браков белого духовенства. Согласно решениям 1075 г., Генриху IV было запрещено пожалование епископств, и вообще отменялась инвеститура клириков светскими лицами.

Посредством инвеституры верховный собственник церковных земель мог передать пожизненное право пользования ими вновь избранному духовному должностному лицу, сохраняя за собой право требовать с него исполнения лежавших на данных земельных владениях повинностей. Так как в Германии в силу веками складывавшегося права короля и светских лиц иметь собственные церкви таким верховным собственником земельных владений имперских аббатств и епископств был король, то с прекращением королевской инвеституры имперские церковные владения должны были превратиться из объектов, которыми пользовались церковные учреждения, в их полную собственность. Запрет светской инвеституры епископов угрожал королю не только утратой верховной собственности на церковные земли, но и тем, что он лишался службы королевских церковных вассалов. Ибо единственной юридической гарантией действительного исполнения повинностей, лежавших на епископских владениях, была клятва вассальной верности, которую приносили королю епископы в ответ на инвеституру. С ее отменой отпадала и клятва вассальной верности.

Понятно, что постановления синода 1075 г., не говоря уже о множестве других причин, должны были рано или поздно привести к разрыву папы с германским королем. К тому же Григорий VII на этом самом синоде отлучил от церкви пятерых ближайших советников Генриха IV, четырех германских и трех ломбардских епископов и, не ограничиваясь мерами воздействия по отношению к Германии, возобновил отлучение Роберта Гвискара и пригрозил отлучением французскому королю Филиппу I.

Выше уже говорилось, какую бурю негодования вызвали в среде белого духовенства Германии постановления папских синодов 1074 и 1075 гг. Когда архиепископ Майнцский Зигфрид выступил на синоде местного духовенства в Эрфурте (в октябре 1074 г.) с требованием celibата, его чуть не растерзали. Такая же неудача постигла Пассауского епископа, а также архиепископа Трирского Удо на съезде епископов Тульского диоцеза. Всюду епископы и священники единодушно жаловались на то, что папа вводит новые и малопригодные обычаи в жизнь католической церкви, что он налагает на ее служителей «бремена неудобосносимые», заставляя их жить в безбрачии по образу и подобию ангелов, в то время

как они — грешные люди, правда, призванные к исполнению священнических функций. Кроме целибата, большое возмущение германского духовенства вызывало требование суда над обвиняемыми в симонии епископами, который должны осуществлять их собратья. Так, 20 епископов Тульского диоцеза категорически отказались произнести такое осуждение, ссылаясь на то, что не их дело смещать тех, кого утвердил сам император. Отказ был высказан в столь резкой форме, что Удо Трирский просил папу впредь не обременять его подобными поручениями.

В том, что германское духовенство так реагировало на предписания нового папы, ярко отразилось стремление епископов к экономической самостоятельности и феодальной независимости от папства. А именно этого и хотел их во что бы то ни стало лишить Григорий VII. Задача облегчалась тем, что в ту пору многие германские епископы начали уже стремиться к феодальной независимости не только от папства, но и от королевской власти. Григорий VII учел это обстоятельство. Кроме того, он пытался в Германии (как и в Ломбардии) использовать недовольство низших слоев населения, подвергавшихся эксплуатации со стороны епископов. Папа возбуждал светских лиц против епископов, демагогически соблазняя их тем, что очищенная от ереси симонии церковь якобы будет печься лишь о небесных, а не о земных благах, и лицемерно заявляя в своих посланиях в Германию, что миряне (и даже женщины), понимающие необходимость проводимой им реформы церкви, лучше епископов-симониаков.

Не ограничиваясь этой пропагандой, Григорий VII вскоре после подавления Генрихом IV второго саксонского восстания обратился к нему с грозным предостерегающим посланием от 8 декабря 1075 г., в котором ставил ему в вину общение с отлученными в феврале 1075 г. советниками и епископами, а также нарушение канонического порядка избрания церковных должностных лиц. Письмо Григория VII начиналось весьма характерно для этого папы (обычно обращение папы к светскому лицу содержало в самом начале привет и благословение): «Григорий королю Генриху привет и апостольское благословение, если он будет оказывать апостольскому престолу послушание, как то и подобает христианскому государю». Столь странная форма благословения находит объяснение в содержании и тоне самого послания. Не одно только общение Генриха с отлученными вызывает у папы сомнения в том, достоин ли подобный король его апостольского благословения и имеет ли он право именоваться «христианским государем». Особенно возмущен Григорий VII пожалованием Генрихом IV спорной кафедры Миланского архиепископа клирику Теодальду, а также тем, что Генрих назначил без папской санкции двух своих ставленников из германских клириков на должность епископов Фермо и Сполето.

Другими словами, папу особенно беспокоило в политике Генриха IV его совершенно явное стремление после разгрома саксонского восстания укрепить власть путем возрождения епископальной системы Оттонов и Генриха III и ее распространения на Италию. Свое отношение к этой политике Григорий VII как нельзя более ясно выразил в следующих словах: «Вопреки постановлениям апостольского престола ты передал

церковные должности в Фермо и Сполето неизвестным нам лицам, словно человек может передавать или дарить кому-либо церковную должность или церковное учреждение» (по мысли Григория VII, это может сделать лишь бог или наделенный частицей божественной благодати папа).

Еще более грозно, чем это послание, звучали требования, которые папа велел передавать королю устно через послов и о которых мы узнаем из более позднего документа — из письма Григория VII ко всем христианам Германии (март 1076), объясняющего, почему Генрих IV отлучен от церкви. Оказывается, папские легаты передали королю требование покаяться в преступлениях и грехах (каких, точно не указано); в случае неисполнения этого требования папа угрожал не только отлучить Генриха IV от церкви, но и лишить престола. Это вызвало крайнее раздражение Генриха, и он решился на такой шаг, который оказался роковым для всей его политики, ибо был предпринят без достаточного учета реального соотношения сил.

3. ХОД БОРЬБЫ ЗА ИНВЕСТИТУРУ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Вместо того, чтобы ограничиться опровержением папских обвинений и протестом против угрозы смещения его с престола, Генрих IV решился на открытый и радикальный разрыв с папой. Решительность Генриха IV объясняется тем, что в конце 1075 г. и в самом начале 1076 г. его поддерживал целый ряд епископов и светских князей Германии, что выяснилось уже в ходе подавления саксонского восстания. Но Генрих не в состоянии был учесть крайнюю неустойчивость этих слоев, причины которой мы постараемся выяснить ниже.

В январе 1076 г. Генрих IV созвал имперских князей на съезд в Вормсе, где он хотел предложить им резко и определенно высказаться против папы. Так началась знаменитая борьба за инвеституру, тянувшаяся почти без перерыва около полувека (до 1122 г.).

Уже самый состав Вормского съезда должен был бы разочаровать Генриха IV и послужить предостерегающим указанием: на его приглашение откликнулись далеко не все германские князья. Из светских князей не явился почти никто, за исключением герцога Готфрида Лотарингского; не прибыли в Вормс также 24 епископа и 2 архиепископа. Зато явившиеся на зов короля 26 епископов (т. е. как раз половина приглашенных) 24 января 1076 г. составили резкое послание папе в духе пожеланий Генриха IV, причем помимо общего обращения всех епископов к папе каждый из них направил ему отдельную грамоту (*cartula*) за своей личной подписью с отказом в церковном послушании «брату Гильдебранду», как они именовали Григория VII.

Во главе епископов на Вормском съезде, который называют иногда и Вормским синодом, стояли два архиепископа — уже известные нам Готфрид Майнцский и Удо Трирский. В послании епископов на Григория VII возводилось много тяжких обвинений. Он обвинялся в том, что нарушил собственную клятву, якобы данную им Генриху III в бытность Гильдебранда советником папы и субдиаконом Римской церкви: никогда

не занимать самому апостольского престола и никому не разрешать занимать его без санкций императора (никаких данных о наличии подобной клятвы или присяги в источниках нет); кроме того, папу обвиняли в нарушении избирательного закона Николая II, составленного при его же участии (нарушение этого закона беспорядочным ходом избрания Григория VII, как мы видели, несомненный факт, но степень его участия в составлении этого закона до сих пор не выяснена).

Далее епископы подчеркивали, что, достигнув власти деньгами и оружием (намек на подкупы патаренов и на вооруженную помощь норманнов, а также на организацию папского воинства), Григорий VII стал вводить неслыханные новые порядки в церкви и окружил себя настоящим «женским сенатом» (имеется в виду сторонница и ближайшая советница Григория VII маркграфиня Тосканская Матильда, жена сторонника короля Готфрида Лотарингского, странным образом скрепившего своей подписью это послание, и мать ее Беатриса). К тому же он находится в слишком тесном дружеском общении с некоей особой женского пола (намек на ту же Матильду, притом лишенный всякого основания, если понимать его буквально).

Затем шли обвинения, отражавшие заинтересованность части германского епископата в отмене проводившейся Григорием VII реформы церкви; епископы указывали на то, что Григорий VII своей церковной политикой посеял семена небывалого раздора в церковном мире Италии, Германии, Испании и других стран Европы, что он, вызвавший к умиротворению и очищению церкви, вызвал в ней раскол и осквернил ее. Особенно возмущало их то, что Григорий VII попирает законные права епископов, смещая тех, кто получил должность из рук короля, и заменяя их никому неизвестными людьми темного и сомнительного происхождения, которых ему, Григорию, угодно именовать епископами. Письмо заканчивалось заявлением, что если Григорий VII не признает авторов послания законными епископами, то они с еще большим основанием не признают его законными папой и отказывают в каноническом послушании.

Генрих IV составил также два послания от своего личного имени — одно к римлянам, другое — к Григорию VII. В первом, адресованном «римскому народу и духовенству», король, сообщая содержание второго письма, предлагал римскому «клиру и народу» сместить Григория VII и организовать новые выборы, в результате которых при участии римских епископов и римского «народа» (т. е. представителей римской феодальной знати) должен быть избран новый папа, утвержденный императором. Во втором письме Генрих IV выступал в защиту германских архиепископов, епископов и священников, утвержденных королем, упрекая Григория VII в высокомерном презрении к ним и объявляя его низложенным с папского престола со ссылкой на постановление Wormского синода и на права римского патриарха, приобретенные им в 1061 г.

Во всех актах Wormского синода совершенно ясно видна основная их цель: стремление короля уберечь епископальную систему от посягательства папы и провозгласить примат императорской власти над папской. К этому присоединялось стремление части епископата к независимости от папства. Союз епископов с королем был временным, ибо епископы добива-

лись, собственно, полной феодальной самостоятельности — как по отношению к папе, так и по отношению к императору. Независимо от этого, однако, идея примата императорской власти, к тому же высказанная с такой запальчивостью и раздражением, неизбежно должна была встретить столь же резкий отпор со стороны папы. Так и случилось.

Григорий VII объявил короля отлученным от церкви и разрешил его подданных от присяги вассальной верности ему.

Папа заявил в своей грамоте, что так как Генрих восстал против апостольской церкви, то он именем апостола Петра запрещает ему править Германией и Италией и освобождает всех христиан от клятвы верности, принесенной ими королю, а также никому не разрешает впредь служить Генриху, как королю. И только после этого — вслед за кратким перечнем тяжких прегрешений Генриха против церкви — папа изрекает «анафему преступному королю» именем апостола Петра. Таким образом, низложение и отлучение короля мотивируются одним и тем же аргументом — неповиновением папе и восстанием против римской церкви, но отлучение выступает как следствие низложения, а не наоборот.

По-видимому, основным мотивом такой последовательности низложения и отлучения Генриха было желание папы подчеркнуть раздельность этих двух актов и независимость первого от второго, ибо в дальнейшем, после снятия отлучения с Генриха, его противники продолжали утверждать, что это еще не означает восстановления его политической власти. Весьма вероятно, что Григорий VII предвидел подобную возможность.

Все современники поняли постановление февральского синода 1076 г. как окончательное низложение короля, а не как временное отрешение его от должности впредь до снятия отлучения, ибо при последнем толковании оставалось непонятным одновременное освобождение подданных от клятвы верности королю. Такое понимание, очевидно, и соответствовало действительности — с той, однако, поправкой, что папа и в этом пункте стремился оставить за собой как можно больше свободы действий на случай возможного восстановления Генриха на престоле, если это окажется выгодным папе.

Как бы то ни было, Григорий VII не ограничился указанными мерами против короля: особым постановлением того же февральского синода 1076 г. он сместил и отлучил от церкви архиепископа Майнцского Зигфрида, а также тех из участников Wormского синода, которые добровольно присоединились к нему, и попытался привлечь на свою сторону некоторых немецких епископов, занимавших на этом синоде колеблющуюся позицию.

Попытавшись таким образом вбить клин в ряды германского епископата, сплоченность которого на стороне королевской власти была достаточно прочна, Григорий VII поспешил укрепить и свое положение в Италии. С этой целью он усилил папское войско в Риме, начал новые переговоры с норманнами, упрочил связь папского престола с вассалами маркграфини Тосканской Матильды и инспирировал возобновление патарии в Милане.

Генрих IV, узнав о своем отлучении, обратился в конце марта 1076 г. с личным посланием к Григорию VII, в котором в самых резких выражениях потребовал, чтобы папа отказался от апостольского престола.

Характерно уже самое вступление к этому дышащему ненавистью посланию: «Генрих, король не в силу захвата, а божьим соизволением, Гильдебранду, теперь уже не апостолическому папе, а лже-монаху». Заключение письма вполне соответствует вступлению к нему и всему его содержанию; Генрих требует низложения папы и провозглашает проклятие ему во веки веков. При этом Генрих IV упрекает Григория VII в насилиях над епископами, которых папа, по словам Генриха, попирает ногами, как рабов, в превышении власти и неуважении к королевскому достоинству. Ссылаясь на теорию божественного происхождения королевской власти, Генрих IV подчеркивает, что короля может судить только бог — недаром апостол Петр завещал всем бояться бога и чтить цари (императора). Григорий VII же нарушил завет апостола, чьим заместителем он себя считает: он не боится бога и потому не чтит короля. Огромная власть привела к высокомерию: видя, что он сильнее всех, Григорий VII вообразил, что он и умнее всех и может попирать законы божеские и человеческие. Между тем апостол Павел требовал твердо держаться священного писания и сказал по этому поводу следующее: «Если бы сам ангел с небес принес вам иную благую весть, чем принесли мы, апостолы (т. е. если он возвестил не то, что дано в евангелиях), то вы должны были бы провозгласить ему анафему». По мнению Генриха IV, церковная политика Григория VII так резко расходится со всеми законами, является таким вопиющим нарушением апостольских установлений, а сам Григорий, достигший власти при помощи оружия, так мало похож на «ангела с небес» (недаром его же соратник Петр Дамиани называл его «святым сатаной!»), что по отношению к нему анафема является актом совершенно естественным. Презрительно называя Григория не папой, а лже-монахом, Генрих заканчивает свое послание словами: «Сойди, сойди».

Шаги, предпринятые Генрихом, не только не оказали желаемого действия, но привели к противоположным результатам: уже весной 1076 г. началось отпадение целого ряда герцогов и епископов Южной Германии, а летом 1076 г. к ним присоединились бывшие вожди саксонского восстания. Этот факт столь быстрой изоляции королевской власти и возникновения враждебной королю коалиции светских и духовных князей всего через несколько месяцев после их решительного антипапского выступления на стороне короля во время Вормсского синода 1076 г. не может быть объяснен одним только папским отлучением и успехами папской агитации в Германии.

И то и другое сыграло, конечно, немалую роль, но основной причиной изоляции королевской власти следует считать изменение реального соотношения социальных сил в Германии.

Известно, что папство уже со времен Льва IX пыталось вступить в компромисс с южнонемецкими династиями, занимавшими должность фогтов на основе права светских владельцев иметь собственные церкви.

Однако при Григории VII положение несколько изменилось. Со времени проведения клюнийской реформы в Шварцвальдском монастыре Гирсау (или Гиршау) (в 1075—1077 гг.) по всей Южной Германии стали быстро распространяться реформированные монастыри, основателями ко-

горых были большей частью династы; они не только основывали новые монастыри, но и реформировали прежние.

В этих реформированных монастырях, даже после отказа основателя от прав собственности на земельные владения того или иного аббатства, за наследниками основателя все же закрепляется фогтство. Фогтство как политическая власть отделяется от права собственности на монастырские владения, но продолжает оставаться в значительной мере достоянием рода бывшего владельца монастыря. Юридически это объясняется тем, что полная независимость монастыря от королевской власти была невозможна без иммунитета с предоставлением высшей юрисдикции, а та могла выполняться только фогтом. Но на деле все зависело от реального соотношения сил между монастырями, династами, папством и королем. И Гирсау, и другие созданные или реформированные по его образцу монастыри Южной Германии остро ощущали иллюзорность папского патроната как гарантии от местных злоупотреблений фогтов (ввиду отдаленности средств воздействия) и поэтому вынуждены были вносить поправки в право свободного выбора фогтов, ограничивая эту «свободу» кандидатами из круга родни прежнего фогта, т. е. бывшего владельца монастыря.

К тому же монастыри и папство по-разному толковали «свободу» реформированных монастырей: папские привилегии трактовали ее как право папства распоряжаться освобожденными от королевской власти монастырями и приравнивали монастырскую свободу к папской собственности на данные монастыри, отождествляли *libertas* с *proprietas*; в противоположность этому монастырские документы, в частности грамоты, в которых прежние владельцы отказываются от прав собственности, толковали эту свободу как полную независимость от кого бы то ни было и полное право аббата распоряжаться монастырем по своему усмотрению.

Таким образом, тот тип «свободного аббатства» (*abbatia libera*), который выработался в 70-х — 80-х годах XI в., по юридическим признакам отличался от привилегированных монастырей времен Льва IX большей независимостью от династов: такие «свободные аббатства» не только становились под папский патронат и получали право выбора фогта из рода бывшего владельца монастыря, как было при Льве IX, но и добивались отказа этого владельца от всяких прав собственности на владения монастыря и провозглашали полную свою экономическую независимость (в смысле уплаты взносов, податей или выполнения повинностей) от папы, архиепископов и епископов в той же мере, как от короля, герцогов и династов. Пусть реальное соотношение сил часто делало такую структуру «свободного аббатства» неосуществимой на практике и заставляло монастыри и папство в равной мере делать ряд уступок фогтам из среды династов — во всяком случае, противоречие интересов между папством, реформированными монастырями и династами было значительно менее напряженным и острым, чем противоположность интересов всех этих трех сил каждой из них в отдельности политике королевской власти. Поэтому во время решительного столкновения короля с папством его противниками оказались многие аббатства, которые еще не успели провести у себя реформу и превратиться в *abbatia libera*, но всячески к этому стремились. Династы со своей стороны охотно содействовали насаждению

такого рода «свободных аббатств», так как они и в них все же сохраняли за собой доходную должность фогта, связанную с приобретением публично-правовой политической власти, и лишь делали уступку в виде отказа от права собственности, а кроме того, располагали этим в свою пользу папство. Чем бы ни завершился в дальнейшем спор между монастырями и династами из-за выборов и компетенции фогтов, тенденция к возникновению реформированных «свободных аббатств» пока лишь способствовала росту враждебности и тех и других королевской власти. А это отразилось и на колеблющейся позиции части епископата, интересы которого тесно переплетались с интересами монастырей, династов и герцогов.

* * *

К концу 1076 г. в Германии сложилась чрезвычайно неблагоприятная для Генриха IV обстановка. Значительная часть епископов покинула его, графы, принадлежавшие к слою династов, были его естественными противниками, так же как и герцоги. Если отдельные представители графских родов в силу вражды многих династов друг с другом временно и принимали сторону Генриха IV, то это не могло существенно изменить ту изоляцию, в которой очутился Генрих IV в конце 1076 г. Он мог рассчитывать лишь на поддержку министерялов и горожан, которой было явно недостаточно. В этой обстановке Генриху IV пришлось пойти на унижительные для него переговоры с севернемецкими епископами и светскими феодалами в Трибуре, близ Вормса. 16 октября 1076 г. светские и духовные феодалы в сущности предъявили Генриху IV своеобразный ультиматум, облеченный в форму пожелания, чтобы Генрих IV в течение года добился возвращения в лоно церкви. Если отлучение через год не будет снято с него, то Германия будет считаться лишенной короля, а до тех пор папа провозглашается чем-то вроде третейского судьи между королем и крупнейшими феодалами, которых в то время уже стали именовать «первыми в государстве» (*principes*).

Что этот исход осенних вормсских переговоров был в значительной мере инспирирован папой, видно не только из отведенной ему роли в ходе дальнейших взаимоотношений короля с магнатами, но и из того, как деятельно он готовился к осуществлению этой роли во время поездки в Германию. Григорий VII хотел изобразить дело так, что германский король поссорился с крупнейшими своими вассалами, а обязанность папы — выступить миротворцем и тем самым прекратить распрю, вызванную якобы только законным недовольством германских епископов и династов сопротивлением короля реформе церкви. В этой папской демагогии было, однако, зерно истины: оно заключалось в том, что королевская власть в конце 1076 г. действительно потеряла поддержку основных феодальных сил Германии, хотя это произошло вовсе не в результате возмущения епископов и графов непослушанием короля папе, а вследствие весьма реального расхождения интересов этих слоев феодального класса с интересами королевской власти. Но конфликт короля с папой, приведший к отлучению Генриха IV от церкви, конечно, послужил стимулом к быст-

рой кристаллизации накопившегося недовольства и резкому проявлению указанного противоречия.

Королевская власть, лишенная почти всякой поддержки, оказалась лицом к лицу с непомерно усилившимся папством, опиравшимся на проводимую им реформу церкви, на собственные военные силы в Италии, на ломбардскую патарию и на помощь вассалов маркграфини Матильды Тосканской.

Генрих IV отказался от мысли о приглашении папы в Германию (во исполнение принятых в Трибуре решений), а вместо этого сам двинулся за Альпы без войска, в сопровождении лишь ближайшей свиты и некоторых оставшихся ему верными вассалов. Не имея точных сведений о характере и составе двинувшихся с Генрихом сил, а также о целях его перехода через Альпы, Григорий VII на всякий случай укрылся в замке маркграфини Матильды в Каноссе (на границе Тусции и Ломбардии), где и решил дожидаться дальнейшего хода событий. В конце января 1077 г. Генрих IV прибыл в Каноссу и здесь разыгралась та позорная для короля сцена капитуляции перед папой, которая настолько запомнилась современникам и потомкам, что вошла в пословицу: с тех пор как Генрих IV простоял три холодных январских дня 1077 г. (25—28 января) в одежде кающегося грешника у стен знаменитого замка, слова «идти в Каноссу» стали синонимом унижительной капитуляции, соединенной не только с крахом политики данного лица, но и с полной утерей им человеческого достоинства. И эта репутация, установившаяся за «Каноссой» Генриха IV, вполне заслужена.

В самом деле, если он даже и стоял трое суток под открытым небом не постоянно, а с перерывами (для трапезы и ведения переговоров через посредников), если он находился и не у наружных ворот замка, а во внутреннем его дворе, имея возможность время от времени заходить в имевшуюся там часовню (как изображают дело наиболее достоверные хроники), то это — лишь бытовые подробности, несколько смягчающие суровость самой процедуры покаяния отлученного короля, но не меняющие сущности этого акта. А она заключалась в том, что вместо переговоров с папой король, всего только год назад низложивший папу и после этого третировавший его в своих посланиях как лже-монаха, вынужден был вымаливать отпущение грехов, обращаясь к нему не как светский властитель к духовному, не как политик к политику, а как рядовой кающийся грешник к духовному отцу. Ведь Генрих IV не просил у Григория VII в Каноссе ничего, кроме отпущения грехов и снятия отлучения. Всякие попытки истолковать это как ловкий дипломатический ход хитрого короля разбиваются о стену загадочного молчания папы относительно каких бы то ни было политических последствий Каноссы для королевской власти, так же как о крепкие стены этого бурга разбились бы все попытки Генриха IV добиться таких результатов.

После трехдневного сурового искуса Григорий VII повелел впустить заблудшего короля в замок и снял с него отлучение. За это Генрих IV должен был обещать полное повиновение папе в вопросах церковной реформы, а папа со своей стороны милостиво соизволил дать понять, что папское содействие в деле примирения короля с мятежными герцогами,

епископами и графами вполне возможно, если король выполнит свое обещание и будет вести себя хорошо.

Таково содержание документа, известного под названием *Promissio Canusina* («Обещание, данное в Каноссе»). Поражает полное отсутствие упоминания конкретных причин конфликта папы с королем: в нем нет речи ни об инвеституре епископов, ни о восстановлении Генриха IV на престоле, ни о возобновлении клятвы вассальной верности подданных королю. Такое полное отсутствие в тексте *Promissio Canusina* каких бы то ни было политических актов (и тем более именно тех, наличия которых, казалось бы, властно требовала создававшаяся ситуация) особенно знаменательно в связи с той формой, в которую было облечено отлучение и низложение Генриха IV Григорием VII на февральском синоде 1076 г. *Ведь там низложение и отлучение трактовались как два отдельных акта, причем второе было следствием первого, и к тому же текст документа давал основание рассматривать первое как окончательное низложение короля, а не как временное отрешение впредь до снятия отлучения: следовательно, снятие отлучения с Генриха в Каноссе могло считаться папской милостью, которая не обязывала его ни к каким дальнейшим политическим шагам по отношению к королю.* В соответствии с этим Григорий VII в письмах, направлявшихся в Германию, стремился всячески аннулировать возможное политическое значение Каноссы, подчеркивая, что он лишь уступил мольбам короля о возвращении его в лоно церкви и о спасении его души. Что же касается прочих обещаний, то он ему их не давал, а если и давал, то по обыкновению, лишь устно, и притом в форме как можно более неопределенной; вопрос же о восстановлении Генриха IV на престоле Григорий VII в этих письмах всецело передавал на усмотрение германских феодалов. А это значит, что если Генрих IV рассчитывал своим покаянием в Каноссе проложить себе путь к восстановлению на престоле, то он ошибся, ибо как раз то, что он выступил в Каноссе не как король, а как кающийся грешник, помешало ему достигнуть этой цели из-за политики Григория VII, заранее предусмотревшего такую возможность. Если же Генрих IV думал своим покаянием продемонстрировать враждебным феодалам Германии готовность выполнить их трибурский ультиматум, то он тем самым попал в искусно поставленную ими и папой западную, приняв за чистую монету их провокационное обещание признать его королем в случае снятия отлучения.

Каносса — жестокое поражение Генриха IV, а не удачный шахматный ход. Она в сущности ничего не дала ему, а лишь повторила ситуацию трибурских переговоров в октябре 1076 г. Отлучение-то было, правда, с Генриха снято, и тем самым одно из трибурских условий было как будто выполнено, но оно не повлекло за собою признания короля феодалами, ибо этому продолжал на деле противиться сам папа. Теперь всем стало ясно, что речь идет не только о конфликте Генриха IV с магнатами, но и конфликте его с папой. Но и эта ясность опять-таки ничего не дала Генриху IV и нисколько не облегчила его положение. Поэтому он в дальнейшем просто-напросто игнорирует те взаимные обещания, которые даны были в Каноссе, и прибегает к другим методам борьбы с феодалами Германии. Каносса — не есть шаг, который, сняв

с Генриха клеймо отлучения, якобы расчистил ему путь для борьбы за престол. Наоборот, это — величайшая ошибка Генриха, непомерно усилившая авторитет папства и долгое время очень мешавшая королю в дальнейшей борьбе.

Эту борьбу он повел уже иными средствами и продолжал ее, невзирая на повторные папские отлучения и не стремясь избавиться от них с помощью новых покаяний «каносского» типа. Избрание в 1077 г. антикороля в лице Рудольфа Швабского, к избранию которого папа в официальных актах отнесся нейтрально, а на деле — сочувственно, дало Генриху IV лишний повод формально обосновать свое решение отказаться от обязательств, взятых им на себя в Каноссе, — решение, принятое им, по видимому, еще до избрания Рудольфа. На съезде феодалов в Ульме Генрих IV объявил герцогов и магнатов Южной Германии, поддерживавших Рудольфа, предателями и начал форменную войну со своими противниками. Набирая военные силы из рядов рыцарей и министерялов, а отчасти из мелких свободных аллодистов, стоявших на переходной ступени между собственниками мелкопоместного и крестьянского типа и отправлявших военную службу на основах старинного народного ополчения (как это имело место, например, в Эльзасе в 1078 г.), Генрих IV искал социальной опоры в южногерманских городах, которые вели борьбу со своими епископами — сторонниками папы; он пытался реставрировать епископальную систему. Привлекая на свою сторону вновь назначаемых им епископов, которыми он заменял ставленников папы, Генрих IV, в то же время отнюдь не пренебрегал и услугами тех светских вассалов и герцогов, которые почему-либо находили для себя выгодным в данный момент перейти на сторону короля.

Подобными способами Генрих IV смог создать временный, пестрый по социальному составу, а потому и неустойчивый блок, в котором причудливо переплетались слои, органически заинтересованные в поддержке королевской власти (горожане, министерялы, мелкие рыцари, епископы, назначенные королем), со случайными попутчиками (многие епископы и светские вассалы) и даже с временными сторонниками из враждебного королю лагеря (представители некоторых групп династов). Однако, несмотря на всю разнородность и противоречивость тех социальных сил, на которые в этот период опирался Генрих IV, он после целого ряда поражений добился некоторых побед. Невзирая на повторное отлучение и низложение Генриха IV Григорием VII и на избрание нового антикороля, Генриху IV удалось использовать общеимперскую и международную обстановку, которая временно оказалась для него благоприятной. Сочувствие королю ломбардских епископов, отпадение вассалов маркграфини Матильды Тосканской и обострение давнишнего соперничества Равеннского архиепископства с папским престолом создало к началу 1080 г. возможность для успехов Генриха IV в самой Италии.

25 июля этого года Генрих объявил Григория VII низложенным и провел выборы антипапы (Климента III). Им стал архиепископ Равеннский Виберт, который сгруппировал вокруг себя всех представителей итальянского духовенства, недовольных григорианской реформой церкви, и создал сильную партию «вибертистов», в течение 20 лет угрожавшую

папскому престолу. Григорий VII реагировал на политику Генриха IV новыми и все более строгими запретами симонии, конкубината и светской инвеституры церковных должностных лиц (не только епископов, но и мелких служителей культа), а также весьма энергичной агитацией против признания Генриха IV как в Германии, так и в Италии.

Но из рук папы временно ускользает весьма важное оружие — военная помощь южноитальянских норманнов. Их вожди (в особенности Роберт Гвискар), имевшие собственные военно-политические интересы, лишь спорадически совпадавшие с интересами папства, как раз в начале 80-х годов XI в. устремились на Балканы в надежде осуществить свои мечты о завоевании богатой Византийской империи.

Их набеги на Византию не только лишили папу военной помощи норманских рыцарей, но и бросили Византию в ряды сторонников германской империи.

В 1081 г. Генрих IV опять перешел Альпы, но на этот раз с другими целями и с иными силами, чем в 1077 г.; имея на своей стороне ломбардских епископов, противников григорианской реформы, Генрих IV тотчас начал раздавать привилегии торговым городам Северной Италии. Византия оказала ему денежную помощь, а сохранившие верность вассалы Матильды были разбиты сторонниками Генриха IV. В 1084 г. Генрих IV осадил Рим и потребовал, чтобы Григорий VII увенчал его императорской короной. Ввиду категорического отказа Григория VII выполнить это требование Генрих IV вступил в Рим, предварительно принудив защитников города сложить оружие, и заставил антипапу Климента III короновать его (31 марта 1084 г.).

Григорий VII бежал в Салерно и призвал на помощь Роберта Гвискара, потребовав с него в этот критический момент исполнения клятвы вассальной верности папству. Роберт Гвискар тем охотнее откликнулся на этот призыв, что перспектива завоевания Средней и Южной Италии германским императором весьма мало отвечала его интересам. Появление норманнов положило предел кратковременному господству Генриха IV в Риме: уже в конце мая ему пришлось бежать оттуда, а норманские воины подвергли вечный город такому грабежу, что Григорий VII не решился вернуться в свою столицу — он так и умер в Салерно (25 мая 1085 г.), успев перед смертью на весьма малочисленном синоде еще раз подтвердить отлучение Генриха IV.

Смерть этого могучего и властного папы не стала решающей вехой в ходе борьбы за инвеституру, которая продолжалась еще около 35 лет с переменным успехом при королях Генрихе IV (ум. в 1106 г.) и его сыне Генрихе V (1106—1125) и при папах Викторе III (1086—1087), Урбане II (1088—1099) и Пасхалии II (1099—1118) и закончилась при императоре Генрихе V и папе Калликсте II компромиссным соглашением, известным под именем Вормсского конкордата (1122).

На этот период падают такие важные события и явления в жизни Западной Европы и Ближнего Востока, как I крестовый поход и связанный с ним рост левантйской торговли и товарно-денежных отношений в разных европейских странах, а также дальнейшее усиление папства как инстанции, идеологически оформившей крестоносное движение и начав-

шей извлекать материальные выгоды из своего положения признанного главы европейского духовенства.

Пред лицом этих событий борьба германских королей за сохранение епископальной системы в ее прежнем виде становилась все более и более безнадежной, особенно в обстановке усиления локальных сил в самой Германии в результате феодализации должности графа, а также приобретения епископами, аббатами и фогтами целого ряда политических прав. Этот процесс особенно бурно стал развиваться как раз во время борьбы за инвеституру, создававшей постоянно новые возможности для прямой узурпации феодалами политической власти, не говоря уже о тех пожалованиях, которые им непрестанно давали то короли и антикороли, то папы и антипапы.

Генрих IV еще целых 20 лет после смерти Григория VII пытался вести обреченную в конечном счете на неудачу борьбу с папством. Он испробовал самые различные средства, но не только не добился победы, а утратил поддержку в разных слоях феодального класса Германии и все более и более должен был рассчитывать на случайных союзников. Это — не только показатель краха политики самого Генриха IV, но и симптом глубоких изменений, происшедших за время его длительного царствования во всем общественном строе Германии, и в частности в недрах феодального класса. Ибо и его более удачливый и осторожный преемник — Генрих V, прошел через отлучение от церкви и восстание феодалов, а затем с помощью ряда компромиссов добился того, что борьба империи с папством затихла, да и то лишь благодаря временному удовлетворению интересов борющихся групп и слоев феодального класса. Это связано было главным образом с приобретением светскими и церковными феодалами земельных владений и политических прав.

Тем не менее оставалась почти непреодолимая трудность, заключающаяся в том неразрывном переплетении светского и церковного землевладения, которое возникло давно, но настолько усилилось за время борьбы за инвеституру, что делало почти неосуществимой всякую попытку размежевания владений и прав между церковными и светскими феодалами в связи с их отношениями к папству и империи.

Этот факт как нельзя лучше иллюстрирует обе предпринятые в этом направлении попытки: первая, неудавшаяся попытка разрубить этот Гордиев узел, заключалась в проекте Пасхалия II (1111), вторая, более удачная, хотя и весьма далекая от совершенства, — в Вормсском конкордате 1122 г.

Проект Пасхалия II явно покушался на самый принцип неразрывной взаимной связанности церковных и светских ленов (феодов), Вормсский конкордат, наоборот, брал за исходный пункт нерушимость этой тесной связи, а потому мог быть осуществлен. Зато он носил слишком уж половинчатый и компромиссный характер, чтобы его реализация могла стать устойчивой: он не был полностью проведен в жизнь именно из-за той основной его черты, которая обеспечила возможность хотя бы частичного его осуществления. Он постоянно нарушался постольку, поскольку лишь резюмировал в юридических формулах, устанавливавших права императора и папы по отношению к церковным учреждениям, итоги полувеко-

вой борьбы феодальных сил за церковные земли и тем самым отражал и санкционировал некоторый временный, с трудом достигнутый *status quo*, которому суждено было вскоре подвергнуться новым серьезным изменениям.

А это значит, что ни первая, ни вторая попытка не были в состоянии прекратить борьбу папства и империи. Согласно проекту Пасхалия II, папа должен был взять на себя обязательство возвратить императору все, что церковь получила от королевской или императорской власти в виде пожалований земель и прав со времен Карла Великого (с оговоркой о сохранении за церковью десятины, а также дарений частных лиц). Император же должен был раз и навсегда отказаться от светской инвеституры церковных должностных лиц. Таким образом, в случае осуществления этого проекта императорская власть получила бы в полную собственность все те королевские владения (а также некоторые владения королевских вассалов), которые на протяжении трех с половиной столетий (с конца VIII в. до начала XII) служили земельным фондом для пожалований в пользу церковных учреждений — епископств, аббатств, монастырей, соборных и приходских церквей. Тем самым королевское право «частной церкви» в случае проведения в жизнь этого проекта, как кажется на первый взгляд, не только восторжествовало бы, но и привело бы к секуляризации значительной части церковных земель в пользу королевской власти. Но оно восторжествовало бы лишь по отношению к прошлым королевским пожалованиям, так как на будущие времена король лишался всякого распоряжения церковными имуществами, а следовательно, и права иметь собственные церкви и основывать новые, т. е. терял «право частной церкви».

Зато «право частной церкви» светских феодалов потерпело бы полный крах, да и судьба возвращенных королю церковных владений из числа бывших королевских пожалований оставалась неясной. В сущности это означало бы не частичное торжество, а как раз полное и радикальное уничтожение «права частной церкви» во всех его видах. Отныне не должно было быть ни имперской церкви, ни частной церкви отдельных светских феодалов; устанавливалась лишь единая папская церковь. За отказ от имперской церкви королю была обещана компенсация в виде возвращения ему королевских церковных владений.

Таков реальный смысл этого проекта, представлявшего собой своеобразную попытку размежевания владений и прав между церковью и королевской властью, нечто вроде отделения церкви от государства в обстановке феодального общества. О структуру этого общества она и разбилась: проект вызвал крайнее недовольство не только духовных феодалов, естественно, не желавших отдавать свои феоды в полное распоряжение короля, но и многих светских магнатов, которые не были уверены в судьбе своих ленов из земельного фонда имперских церковных владений и к тому же опасались усиления королевской власти.

Чтение уже составленного текста папского и королевского обязательства в церкви св. Петра в Риме вызвало такую бурю негодования, что намеченная коронация Генриха V в 1111 г. не могла состояться. Проект Пасхалия II провалился, и борьба Генриха V с папством возобновилась

еще на целое десятилетие. В конце концов была заключен Вормсский конкордат 1122 г.

Согласно этому документу устанавливался разный порядок замещения церковных должностей для различных составных частей империи — для Германии с одной стороны, Италии и Бургундии — с другой. Хотя выборы епископов и аббатов духовенством должны были и в Германии (как и во всей империи) происходить по каноническим правилам, т. е. без симонии и без особого давления короны, в пределах Германии за королем признавалось право — в случае наличия двух кандидатов на одну и ту же должность — высказаться в пользу одного из них. Король должен был давать избранному клиром кандидату светскую инвеституру скипетром, т. е. вводил его во владение феодом, принадлежавшим данному епископству или аббатству, и лишь после этого папский легат должен был предоставлять данному духовному лицу церковную инвеституру кольцом и посохом, т. е. должен был произвести процедуру посвящения его в сан.

Таким образом, в Германии светская инвеститура должна была предшествовать церковной и за императором сохранялась некоторая доля влияния на выборы церковных должностных лиц, но только в исключительных случаях и притом при условии отказа от симонии и запрета неканонического проведения самой процедуры выборов. В Италии и Бургундии выборы должны были происходить без всякого участия императора или его агентов, которым даже запрещалось присутствовать на них. За выборами должна была следовать церковная инвеститура избранного кандидата, т. е. его посвящение в сан, и лишь через шесть месяцев после этого император мог ввести его во владение феодом в силу светской инвеституры скипетром. Следовательно, в Италии и Бургундии церковная инвеститура должна была предшествовать светской.

Таким образом, Вормсский конкордат представляет собой попытку компромиссного решения трех основных вопросов, вокруг которых шел спор между светской и духовной властью в эпоху борьбы за инвеституру (спор, отразившийся, между прочим, и в публицистике той эпохи — в трактатах сторонников папства и империи): 1) о порядке выборов церковных должностных лиц, 2) о правах папы и императора на инвеституру кольцом и посохом (посвящение в сан) и на инвеституру скипетром (ввод во владение церковным феодом), 3) о последовательности обеих инвеститур. Первый вопрос стал особенно важным после того, как отмена полной инвеституры духовных лиц, практиковавшейся раньше светскими властителями и королевской властью на основе «права частной церкви», отняла у императора присвоенное им неограниченное право назначения епископов и аббатов. Поэтому особенную остроту приобрела проблема влияния императора на выборы — путем личного присутствия или через его агентов. Вормсский конкордат дает, как мы видели, компромиссное решение этого вопроса, различное для Италии и Германии, лишая императора этого права в Италии и сохраняя за ним его остатки в Германии в сильно урезанном виде. Совершенно очевидно, что первый вопрос был тесно связан с двумя остальными; и они были решены в духе компромисса путем размежевания обеих инвеститур и их разной последовательности для Германии и Италии.

Анализ текста Вормского конкордата дает основания резюмировать сущность этого соглашения следующим образом: порядок, установленный конкордатом для Германии, отнимал у императора прежнее неограниченное право назначения епископов и аббатов, которым он фактически пользовался перед началом борьбы за инвеституру, а порядок, принятый в Италии, вовсе лишал императора всякого влияния на епископат, так как сохранение за ним прав на светскую инвеституру того или иного епископа через полгода после предоставления данному лицу духовной инвеституры было пустой формальностью. Таким образом, уже содержание самого текста компромиссного соглашения между папством и империей показывает, что империя проиграла борьбу за инвеституру. Еще более убеждает в этом анализ реального соотношения борющихся социальных сил и тех изменений, которые оно претерпело в ходе борьбы, ибо эти изменения отнюдь не исчерпываются их фиксацией в договорах и соглашениях.

Как ни важна была борьба папства и империи за осуществление идеала папской теократии или за имперские притязания на гегемонию в феодальной Европе¹⁰, ею далеко не исчерпывается сущность спора из-за инвеституры и его социально-политическая роль, тем более что притязания папства и империи в свою очередь в значительной мере порождались своеобразным ходом феодализации Германии и Италии. Если рассматривать спор из-за инвеституры под углом зрения эволюции германского феодализма, то он представится нам как борьба различных слоев германских феодалов друг с другом, с королевской властью и с папством. В этой борьбе естественными противниками королевской власти выступали прежде всего герцоги, ибо герцогский сепаратизм был исконным явлением истории германского средневековья, и для его подавления Оттон I в свое время и начал вести епископальную политику, которая в конечном счете привела к борьбе за инвеституру.

Однако к началу и особенно к середине XI в. в Германии сложился еще один слой светских землевладельцев, враждебный королевской власти, — уже упоминавшиеся династы, т. е. тот слой знати, который состоял из лиц графского ранга, захвативших в XI в. и сосредоточивших в своих руках важнейшие светские и церковные должности в графствах. Соединяя в одних руках вотчинные и публичноправовые привилегии, династы являются предшественниками будущих территориальных князей. Они же содействовали и разложению прежней системы графских административных округов, так как с XI в. они становятся крупными владетельными сеньорами, именующими себя по названиям своих бургов, а к XII в. феодализуют графскую должность настолько, что с начала XII в. из грамот исчезают всякие упоминания о графствах как государственных административных округах прежнего типа. Интересы династов были близки интересам герцогов, ибо и герцоги и династы переживали в XI в. сложный процесс перерождения, который отнюдь не исчерпывается таким явлением, как превращение государственных должностей в частные

¹⁰ Надо иметь в виду территориальную ограниченность этой борьбы, нашедшей лишь слабый отклик во Франции и в Англии.

феоды, или, иначе говоря, феодализация публичных прав. Герцоги и династы не просто усиливались как феодалы — они как раз были на пути к превращению из феодальных землевладельцев, трактовавших и свои должности в качестве феодов, в территориальных князей XII—XIII вв. Они стремились достигнуть соединения в своих руках обширных, по возможности округленных территорий, а также распространяющихся на эти территории прав политического господства (безразлично, частного или публичноправового происхождения). Осуществления этих стремлений династы добивались частью путем компромиссов с королевской властью, а частью путем прямой или косвенной оппозиции ей. Рост мощи папства в середине XI в., а затем начало борьбы между папством и империей усилили враждебность династов к королю, так как они нашли себе союзника в лице папства.

Таким образом, указанное перерождение прежней должностной феодальной знати в обстановке усиления папства было крайне невыгодно королевской власти. Недаром Генрих IV, по словам современников, предпочитал людей невысокого ранга и незнатного происхождения (*inferiores, vilissimi homines*) могущественным людям — всякого рода *potentes, majores* и *optimates*, в число которых, по словам одного хрониста, входили «епископы, герцоги и прочие знатнейшие в королевстве лица», т. е., по-видимому, династы.

Близости династов к папству способствовало и то обстоятельство, что они являлись обладателями должности фогтов во многих монастырях Южной и Западной Германии, а папство, как уже было выше указано, стремилось поставить эти монастыри в прямую зависимость от папского патроната.

К этому следует еще прибавить, что ни в одном из указанных лагерей не было полного единства. В частности, многие швабские династы были в острой вражде друг с другом. Так, например, два представителя рода графов Нелленбург (в том числе Эбергард) сражались на стороне Генриха IV, в то время как третий брат, Буркгардт, был ревностным сторонником создания реформированных монастырей в Швабии и противником королевской власти. Вот как один из современников изображает эту связь между основанием реформированных монастырей и борьбой разных групп знати друг с другом. «Так как всюду и всем угрожала война и никто не знал, когда его настигнет смерть или гибель от руки родного отца, сына или брата, то многие передавали свое имущество попечению божью и строили монастыри, а некоторые и вовсе покидали мир, посвящая себя служению богу»¹¹. В этих словах — не только реалистическое объяснение религиозного рвения династов, но и конкретное указание на противоречивость интересов, раздиравших в эту бурную эпоху каждую из борющихся друг с другом социальных групп.

Наша характеристика этих групп и их борьбы друг с другом была бы недостаточной, если бы мы не отметили еще одно исключительно существенное явление: борьбу епископов, назначавшихся папой, с епископами — ставленниками короля. Папа признавал законными епископами

¹¹ *Bertholdus abbas Zwifeldensis.* — MGH, SS, t. 10. Hannover, 1852.

только первых, король — только вторых; мало того, должности епископов во время «спора из-за инвеституры» подвергались своеобразному удвоению, ибо нередко на епископскую кафедру, уже занятую кандидатом, утвержденным королем, являлся новый претендент в лице инвестированного папой епископа (или наоборот). Папский ставленник смотрел на королевского как на презренного «симоника» (т. е. незаконного епископа, «купившего» свой сан за деньги или за вассальную присягу королю), а королевский кандидат считал папского епископа человеком, попирающим все исконные традиции феодальной церкви. Как бы то ни было, королевский кандидат стремился не допустить на свою кафедру папского кандидата и наоборот.

Нередко между двумя епископами, назначенными на одну и ту же кафедру, начиналась форменная феодальная война, в которой принимали участие и их вассалы, и зависимые держатели-крестьяне. А так как различные герцоги в этой борьбе становились на сторону то одной, то другой группы епископата и к тому же одни герцоги поддерживали короля, а другие — папу, то нередко происходило удвоение не только епископских, но и герцогских должностей. В течение полувековой борьбы за инвеституру короли и антикороли, епископы и антиепископы, герцоги и антигерцоги по всей Германии противостояли друг другу. Герцогства стали частью дробиться, частью перегруппировываться. Будущие территориальные княжества возникают не только из владений династов — графов и фогтов, они вырастают и в результате дробления герцогства, усиления независимости епископов. И герцоги, и графы, и фогты, и епископы, и монастыри стремятся приобрести не только феодальные права полного иммунитета, но также и публичноправовые полномочия, которые приводят к сочетанию в их руках вотчинной феодальной власти (*dominium*) с некоторыми чертами суверенитета, **своегоственного королевской власти**. И теперь, как и раньше, во время возникновения иммунитета, эта власть растет снизу, из недр самой феодальной вотчины.

Правда, этот процесс только начинается во время борьбы за инвеституру, но тем более важно не упустить из виду исходный момент территориализации Германии и начальную точку ее роста. Ибо как раз «борьба за инвеституру» в той мере, в какой она была борьбой разных феодальных сил друг с другом, способствовала завершению процесса феодализации Германии и в то же время переходу его в иное качество: будущий территориальный князь отличается от прежнего феодала, от вотчинника-иммунитета не только большими размерами и большей окруженностью его владений, но и тем, что он в их пределах — не просто частный собственник, присвоивший себе (или получивший в силу королевского пожалования) возможность применять внеэкономическое принуждение в юридической форме иммунитета, но и до известной степени суверенный государь, который имеет политическую власть в силу собственного права, а не королевского пожалования. Этот переход феодальных отношений в Германии в иное качество как раз на рубеже XI и XII вв. и составляет одну из важных особенностей в эволюции германского феодализма. Ее завершение запоздало сравнительно с ходом феодализации некоторых других западноевропейских стран (Франция, Анг-

лия), однако оно произошло в такой обстановке, которая не только содействовала этому завершению, но и создала известный поворот в дальнейшем развитии феодализма в сторону возникновения территориальных княжеств и политического распыления Германии.

Эта своеобразная обстановка была результатом того, что процесс завершения феодальной децентрализации Германии протекал в специфической форме той борьбы разных видов светского и церковного землевладения, которая и составляет социальную сущность так называемого «спора из-за инвеституры», и эта борьба совпала с ростом товарно-денежных отношений во всей Западной Европе и в Германии, в частности в эпоху I крестового похода и его ближайших последствий. Как раз в конце XI — первой половине XII в. в Германии (как и во Франции и Англии) растут города, ширится торговля (внутренняя и внешняя), усиливается колонизация, и все это дает возможность нарождающимся территориальным князьям накапливать материальные ресурсы. В то время как в Англии изначально сильная королевская власть смогла использовать развитие торговли и ремесла в своих интересах, а во Франции короли XII в. начинают преодолевать уже давно завершившееся феодальное дробление страны и именно поэтому извлекать материальные выгоды из роста торговли, приобретая новые источники доходов, в Германии, где феодальная раздробленность достигла наивысшей точки своего развития как раз в эпоху роста товарно-денежных отношений, они пошли на пользу нарождающимся князьям в большей мере, чем королевской власти. Борьба за инвеституру, таким образом, завершила незавершившееся еще дробление Германии на ряд территориальных ячеек, но и ход этой борьбы, и другие условия (рост городов и торговли) придавали этому дроблению своеобразное направление. Тем самым, однако, в значительной мере сведены были на нет централизаторские усилия прежних императоров.

Правда, в результате борьбы за инвеституру и папство не осуществило теократическую программу Григория VII, ибо оно не добилося полного и безраздельного господства над духовенством Германии, не говоря уже о духовенстве других стран. Но оно усилило свою власть над последним и ослабило влияние германского императора на епископат. Резкая грань между светскими и духовными магнатами после борьбы за инвеституру стерлась, и особая близость последних к королевской власти исчезла.

Тем самым крах епископальной системы стал совершившимся фактом, и бессильные попытки некоторых последующих императоров (например Фридриха Барбароссы) возродить ее лишь подчеркивают всю безнадежность подобных стремлений. А так как борьба за инвеституру вместе с тем способствовала возникновению территориальных княжеств в Германии, то можно с полным правом утверждать, что совершавшиеся в ходе этой борьбы процессы и события (завершение феодальной децентрализации и ее переход в территориализацию, ослабление королевской власти и, как результат всего этого, — поражение империи в борьбе с папством) наложили печать на всю дальнейшую историю Германии и ее ход, по крайней мере, до конца XIII и начала XIV столетия.

Империя и папство в XII—XIII вв.

В течение XII и XIII вв. в недрах германского феодального общества происходят процессы, которые приводят к территориальному распаду Германии, тенденции которого наметились в период борьбы за инвеституру. Но усиление и торжество этих тенденций происходят одновременно с новыми вспышками борьбы между папством и империей, которая разыгрывается в резко изменившейся международной и внутриимперской обстановке.

В эпоху крестовых походов, роста городов и товарно-денежных отношений во всех странах Западной Европы, возникновения централизованных феодальных монархий во Франции и в Англии, завершения феодального раздробления Германии и, наконец, исключительного усиления папства — политика германских императоров — как внешняя, так и внутренняя — уже не могла ограничиваться приемами, выработанными королевской властью в X и первой половине XI в.

Непомерно возросшая роль местных носителей политической власти — герцогов, графов и фогтов — ярко проявилась уже в правление Лотаря III, выходца из мощного рода саксонских властителей графов Супплинбургских (1125—1137), а также в царствование первого представителя династии Штауфенов Конрада III (1138—1152). При них началась борьба Штауфенов с Вельфами, которые в лице Генриха Гордого, а затем его сына Генриха Льва добились в конце концов сосредоточения в своих руках Саксонии и Баварии. В то же время усиливается влияние территориальных господ нового типа на выборы королей и на их политику.

Отрицательный итог политики Конрада III в смысле укрепления королевской власти как нельзя лучше сформулировал современный ему хронист в следующих словах, полных наивного недоумения: «Времена Конрада III были очень печальны — нужда, голод, убоицы. Конрад III был храбрый воин и благородный король, но по непонятному несчастному стечению обстоятельств при нем государство стало приходить в упадок»¹.

¹ Chronica regia Coloniensis.— Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1880, p. 88.

Для борьбы с новыми локальными силами, кристаллизовавшимися во время спора из-за инвеституры и тотчас после его окончания закрепившими свои успехи, нужны были новые средства, и прежде всего — в конкретной обстановке XII столетия — материальные ресурсы. Таким образом, не только внешняя, но в значительной мере и внутренняя политика Фридриха I определялась также и этой общеевропейской ситуацией. Фридрих I попытался наряду со старыми применить и новые приемы борьбы за укрепление королевской власти в Германии, но безрезультатно, так как сама задача централизации Германии становилась все более трудной.

1. ГЕРМАНИЯ ПРИ ФРИДРИХЕ I БАРБАРОССЕ

К новым приемам укрепления королевской власти, к которым Фридрих I Барбаросса вынужден был прибегнуть в самом начале своего длительного царствования (1152—1190), относится прежде всего заключение компромиссных договоров с крупнейшими герцогскими родами Германии — ближайшими предтечами сильных территориальных князей. Хотя компромиссы с ними и облекались в форму королевских пожалований, однако совершенно новым являлось не только содержание даруемых привилегий, но и то обстоятельство, что по существу они представляли собой не пожалования, а подлинные договоры двух политических сил — королевской власти и нарождающихся князей.

Фридрих I стремился, удовлетворив хотя бы временно притязания крупнейших из них, развязать себе руки для предстоящей борьбы за централизацию Германии и империи и за изыскание необходимых ему материальных ресурсов. И прежде всего он хотел таким путем обеспечить себе военную помощь (в форме вассальной военной службы) и тех князей, с которыми он договаривался, и их более мелких собратьев.

Особой грамотой 1154 г. Барбаросса не только признал за своим могущественным кузеном Генрихом Львом его право на обладание Баварией и Саксонией, но и предоставил ему широкие возможности бесконтрольного распоряжения теми заальбскими владениями в Мекленбурге и Померании, которые захватывал Генрих Лев в ходе непрекращавшейся военной агрессии против славян.

При этом Фридрих даровал ему и те права, которыми сам не обладал, а именно право самостоятельной инвеституры епископов, особенно важное в условиях завоевания. За дарованные Генриху Льву привилегии Фридрих потребовал от него вассальной военной службы во время итальянских походов императора. Через два года (в 1156 г.) Фридрих I отделил от Баварии Австрийское маркграфство и закрепил его за родом Генриха Бабенберга (с обширными привилегиями в сфере наследования и в области высшей юрисдикции), который зато обещал оказывать Фридриху военную помощь. Тем самым Фридрих провел своеобразное размежевание сфер территориального господства и затем начал создавать сферу собственного господства — не как император, а как территориальный князь.

Уже в 50—60-е годы XII в. он начинает умножать (и эта деятельность особенно усиливается в конце его царствования) личные владения во Франконии, Вюртемберге, Эльзасе, разными способами приобретая бывшие округа графской власти и власти фогтов. Обладание такими округами давало ему возможность реально пользоваться правами и полномочиями политического суверенитета уже не в качестве императора, власть которого на деле столь часто оспаривалась, а в качестве князя, мощь которого территориально ограничивалась рамками его владений, но в их пределах была сильнее, чем императорская власть. Присоединив к этим округам ранее приобретенные им савойские владения (благодаря браку с наследницей графства Франш-Конте), Барбаросса управлял ими при помощи своих министериалов, а не вассальной системы.

Принципиально новое в этом способе укрепления королевской власти (путем создания собственного княжества) заключалось — по сравнению хотя бы с доменальной политикой Генриха III или Генриха IV в Саксонии — именно в том, что Фридрих I стремился не к округлению частных вотчинных владений (как оба Генриха), а к организации территории с наличием никем не оспариваемых прав политического суверенитета, причем таких прав, которые вытекали не из общего (а потому в то время уже нередко проблематичного) верховенства императора над всеми землями империи, а из весьма конкретного источника специфической власти бывших местных обладателей данных земельных владений и прав — графов, фогтов и т. д. Аккумулируя в своих руках эту власть в пределах строго определенных территориальных рамок и в то же время уступая аналогичные права крупнейшим князьям Германии, Барбаросса тем самым приобретал (помимо императорской власти — территориально обширной, теоретически неограниченной, но по существу весьма шаткой и неустойчивой) — еще и власть князя. Фридрих I как бы становился в ряд других крупнейших князей Германии, с которыми мог теперь соперничать на локально ограниченной, но по существу гораздо более надежной и устойчивой почве княжеской власти.

Эта княжеская политика императора стала возможна во второй половине XII в. не только в силу уже далеко зашедшего процесса возникновения территориальных княжеств в Германии, но и ввиду оформления в особое сословие того слоя служилых людей — министериалов, который при Генрихе IV только начал выдвигаться на социально-политическую арену, а при Фридрихе Барбароссе уже приобрел большое политическое влияние в феодальном обществе средневековой Германии. Ибо управление личными владениями короля при помощи министериалов было в данное время той единственной формой их организации, которая давала возможность реально сохранять связанные с обладанием этими территориями права графской власти и гарантировать их от колебаний, проистекавших из случайностей раздачи должностей в наследственные лены, — колебаний, подтачивавших центральную власть того же Барбароссы как короля и императора.

Охарактеризованный нами процесс размежевания сфер территориального господства между королем и князьями при их военной поддержке короля способствовал в немалой степени также осуществлению основной

цели новой политики императорской власти — увеличению денежных средств короны. Этого Фридрих намерен был добиваться путем восстановления господства над богатыми североитальянскими городами. А обогащение казны в свою очередь было ему необходимо, особенно учитывая рост городов и товарно-денежных отношений, для того, чтобы иметь возможность, не ограничиваясь надеждой (далеко не всегда оправдывавшей себя) на военную службу вассалов, пользоваться услугами наемников во время военных походов и министерялов — в организации мирного управления империей и собственными княжествами, а тем самым хоть немного меньше зависеть от феодализировавших свои должности герцогов, графов и фогтов. Таким образом, и в военных делах и в административных Фридрих I комбинировал ленную систему с наемничеством, используя также оплачиваемых министерялов.

Наряду с этим он пытался пустить в ход для укрепления центральной власти и такое — не только старое, но уже устарелое — средство, как епископальная система, крах которой стал очевидным еще во времена Генриха V. Сначала пристрастно толкуя, а затем нарушая Вормский конкордат, Барбаросса не только давал повсеместно светскую инвентуру до посвящения епископов в сан, но и самовольно замещал епископские кафедры, а кроме того, настаивал на праве взимания доходов с вакантных кафедр и присвоения императором движимого имущества умерших епископов (так называемая сполнация). Но это стремление Фридриха I возродить ушедшую в прошлое епископальную систему не являлось простой реставрацией исконной традиции имперской политики, ибо оно было тесно связано с желанием получить доходы с ломбардских городов, где Фридрих I хотел вновь насадить послушных ему и им же инвестированных епископов. Следовательно, и это архаическое средство централизации должно было служить новым потребностям императорской власти в умножении ее денежных ресурсов. Однако именно оно-то и вовлекло Барбароссу в многолетнюю борьбу с ломбардскими городами и папством, которой суждено было сыграть роковую роль в его политике.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что политика Барбароссы была направлена главным образом к увеличению денежных богатств короны и к созданию собственного территориального княжества. В этом отношении она напоминает политику современных ему французских королей (Людовика VII, Филиппа II Августа), но с той огромной разницей, что они вели ее в условиях неуклонного укрепления королевской власти и продолжали в том же направлении политику своих предшественников (собрание домена, взимание доходов с церковных земель и городов), в то время как Фридрих I пускал в ход эти новые для германских императоров приемы в надежде сохранить те остатки реальной власти, которые еще можно было спасти, и имел опасных соперников в лице территориальных князей. Поэтому и ломбардская политика его потерпела крах, и строительство собственного княжества не сделало его самым сильным территориальным князем Германии (в отличие от французского короля, который в результате увеличения домена стал уже к концу XII в. самым мощным из крупных сеньоров Франции).

Политика Фридриха I Барбароссы, в особенности попытки возрождения епископальной системы и связанное с этим игнорирование Вормского конкордата, а также устремление в Италию в поисках источников денежных средств, должна была рано или поздно привести к новому столкновению императорской власти с папством.

Правда, первые годы правления Фридриха I ознаменовались как раз временным его сближением с папством. Оно произошло в конкретной международной обстановке конца 40-х — начала 50-х годов XII в. и прекратилось тотчас, как только изменилась эта обстановка. Дело в том, что в момент вступления на престол Фридриха I папство находилось в крайне затруднительном положении не только из-за враждебных отношений с Византией и норманнами, образовавшими сильное Сицилийское королевство на юге Италии, но и в результате вовлечения все более и более широких слоев римского населения (горожан, мелкого дворянства Кампании) в антипапское восстание, во главе которого в 1147 г. стал Арнольд Брешианский.

Арнольд вырос в Брешии, в обстановке североитальянской папации, но впоследствии много путешествовал, неоднократно изгонялся папами из Италии и жил то в швейцарских вольных городах (Цюрихе), то в Богемии, то во Франции, где слушал в Париже в 20—30-х годах Абельяра и проникся его рационализмом, а может быть даже, и выступал на его стороне против Бернара Клервоского (во время вторичного пребывания в Париже в 1139—1142 гг.). Арнольд стал очень ранним предтечей будущих глашатаев реформационных идей. Насколько можно судить по косвенным данным (ибо проповеди и выступления Арнольда либо не дошли до нас, либо так и не были им литературно оформлены и зафиксированы), Арнольд в последний период своей деятельности резко порвал с тем идеалом «бедной церкви» и аскетического образа жизни духовенства, который внедряла в среду папаренов папская агитация, демагогически требовавшая личной бедности и личной нравственности местных служителей культа во имя создания богатых церковных организаций (аббатств и епископств), входящих в состав мощной, иерархически *расчлененной и строго централизованной* католической церкви во главе с папством.

Такова была вытекавшая из григорианской реформы тенденция к построению универсализированной церкви в противоположность прежней феодально-раздробленной; папация должна была служить в ее руках лишь удобным орудием агитации среди городского населения против эксплуатации со стороны богатых священников-симониаков. Однако к середине XII в., после осуществления григорианской реформы и первой победы папства над империей в результате борьбы за инвеституру, ясно обнаружилось, что универсализированная католическая церковь является не менее (а в некоторых отношениях, может быть, и более) жестоким эксплуататором народных масс, чем прежняя децентрализованная церковь, и что квазидемократические идеалы бедности и аскетизма были в руках деятелей григорианской реформы лишь временным средством демагогической агитации. На почве разочарования в церковной реформе широких

масс городского, да и сельского населения как раз в XII в. в разных странах Европы (главным образом во Франции и Италии) растут сектантско-еретические движения, которым папство уже в XII, а особенно в XIII в. начинает противопоставлять политику основания монашеских орденов.

В атмосфере еретических движений становится понятной идеология Арнольда, которая, однако, отличалась от современных ему ересей более определенной практической направленностью против папства и отсутствием элементов созерцательного ухода от мира. Арнольд радикализировал аскетические идеалы патарии и стал проповедовать аскетизм не как орудие господства церкви над миром (концепция сторонников григорианской реформы), а как отказ церкви от всякой светской власти, от светской юрисдикции, участия в войнах и т. п. Тем самым он отрицал принцип церковной иерархии и папского верховенства и провозглашал идеалы раннехристианских общин. Из арсенала идей патарии Арнольд заимствовал отрицание симонии и приобретения духовными лицами светских ленов, но в противоположность программе патарии (поскольку она была связана с григорианской реформой) он выступал и против самого института монашества — не в меньшей мере, чем против симонистского белого духовенства и епископата, а это подрывало самые основы структуры католической церкви. Самое важное, однако, заключалось в том, что арнольдистский протест против григорианской церкви не ограничился выработкой враждебной ей религиозной идеологии или организацией секты, пассивно сопротивлявшейся церкви, а вылился в весьма активные и практически действенные формы.

Арнольд возглавил независимо от него начавшееся антипапское движение в Риме и пытался использовать его для осуществления своих идеалов. Управление Римской областью было отнято у папы и передано сенату (*sacer senatus*), наряду с которым должно было функционировать народное собрание на форуме (по античному образцу); низшее же дворянство Арнольд хотел преобразовать в особое сословие, вроде древнеримского сословия всадников.

Но ко времени вступления на престол Барбароссы в среде восставших уже обнаружились разногласия между радикальным крылом движения — арнольдистами, к которым примкнули беднейшие слои городского населения и отпавшие от епископов капелланы, а может быть, и некоторые слои обедневшего низшего дворянства, и их противниками — представителями городского патрициата и купечества, заседавшими в сенате. Этими начавшимися еще ранее разногласиями, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что одна группа восставших, — очевидно, умеренная, ибо арнольдисты мечтали о возрождении римской республики, — предлагала еще Конраду III принять корону римского императора не из рук папы, а из рук представителей мятежного римского сената. Конрад отверг это предложение, но оно было сделано вторично Фридриху Барбароссе, который тоже отказался принять его.

Тем временем (1152) среди восставших римлян одержала победу умеренная партия, и арнольдисты потеряли былое влияние, хотя Арнольд продолжал жить в Риме. В этой обстановке папа Евгений III (1145—

1153), которому пришлось в свое время бежать от арнольдистов из Рима, заключил с Фридрихом Барбароссой в 1153 г. в Констанце договор, согласно которому Фридрих обязался — за обещание, что он будет коронован императорской короной, — оказать папе помощь против его римских и норманских врагов. В 1154—1155 гг. Фридрих предпринял первый поход в Италию. Тем временем новый папа Адриан IV (1154—1159), вступивший на престол после кратковременного понтификата Анастасия IV, использовал раскол в рядах мятежников и ослабление арнольдистов и наложил в 1155 г. — впервые в истории папской столицы — интердикт на город Рим, сделав это на предпасхальной неделе, когда в Рим обычно съезжалось много пилигримов и купцов. Этим он хотел оказать давление на заседавших в сенате представителей крупного купечества. И папа действительно достиг цели: католическое духовенство накануне пасхи потребовало от сената начать хлопоты о снятии интердикта. Адриан IV согласился удовлетворить просьбу сенаторов, если они поклянутся, что изгонят Арнольда из Рима. Сенаторы дали клятву, интердикт был снят, и восстание было тем самым ликвидировано. Арнольд бежал на границу Тусции, но был схвачен агентами Барбароссы и выдан папе, а затем был подвергнут казни через повешение; тело его сожгли и пепел бросили в Тибр.

За эту услугу папству Фридрих был, согласно Констанцкому договору, увенчан императорской короной в 1155 г. Он предпочел освященную давней исторической традицией папскую коронацию получению императорской короны из рук римских горожан, хотя уже в то время, конечно, сознавал непримиримость интересов империи и папства. Более того, он выдал издавна враждебному империи папству такого противника папы, как Арнольд, вместо того чтобы попытаться использовать его в своих целях. Этим актом Барбаросса в самом начале царствования подчеркнул, что императорская власть, несмотря на ее исконную враждебность папству, так же, как оно, враждебна любым городским движениям в Италии, принимающим демократический характер. Но этим и исчерпывается кратковременное сближение Барбароссы с папством. Он не смог даже оказать папе обещанную помощь против сицилийского короля Вильгельма I, сына Рожера II, ибо под давлением сопровождавших Фридриха князей ему пришлось покинуть Италию. Папе удалось заключить договор с Вильгельмом I, который признал себя его вассалом, получив за это весьма важное право оказывать влияние на назначение епископов в Сицилийском королевстве.

Вскоре достаточно ясно проявились те общие тенденции политики Фридриха, которые неизбежно должны были привести к конфликту с папством. В противовес этим тенденциям один из папских легатов, кардинал Роланд, уже в 1157 г. на Безансонском сейме попытался объявить императорскую корону Фридриха папским бенефицием, ссылаясь не только на традицию коронования императоров папами и на теорию папской супрематии, но и на то, что Лотарь III в 1133 г. принял от папы в лен наследие Матильды Тосканской и получил инвеституру кольцом и посохом. Эти притязания папства вызвали гневную отповедь Барбароссы, заявившего, что никогда император не признает себя вассалом папы.

А через два года после сейма в Безансоне этот кардинал стал папою под именем Александра III.

Но уже до этого Фридрих I начал осуществлять свою ломбардскую политику, направленную на полное подчинение императору богатых городских коммун Ломбардии с целью извлечь денежные доходы путем взимания регалий. Эти регалии состояли, с одной стороны, из разного рода доходов короны (право на часть судебных штрафов, вытекавшее из высшей королевской юрисдикции, получение рыночных пошлин, портовых и таможенных сборов, взиманий с рудников, речного и морского судоходства, торговли, чрезвычайных податей и повинностей для римских походов императора и пр.), а с другой стороны — из элементов королевского суверенитета в виде высшей юрисдикции, исключительного права чеканки монеты и конфискации земельных владений, а также весьма важного права утверждения выборных должностных лиц, управлявших городами, т. е. консулов. Многие ломбардские города к середине XII в. достигли значительной экономической и военно-политической силы. Это относится особенно к Милану, который стремился даже подавить начинавшийся хозяйственный расцвет соседних, более слабых городов. Некоторые города Ломбардии отвоевали у своих сеньоров-епископов автономию с выборными консулами и стали наследниками регалий, розданных в свое время королевской властью в лен епископам и светским сеньорам.

Возвращение регалий короне представлялось Фридриху особенно выгодным именно теперь, когда денежная доходность регалий весьма возросла ввиду их перехода к богатым городам, а использование прав суверенитета дало бы ему политическое господство над городами, и, может быть, помогло хоть частично восстановить епископальную систему в Северной Италии. Поэтому Барбаросса потребовал от городов Ломбардии, и в первую очередь от Милана, возвращения ему всех регалий — со включением в содержание этого понятия и права утверждения должностных лиц. В ответ на отказ миланцев выполнить его требования он предпринял в 1158 г. военный поход в Ломбардию, осадил и взял Милан, лишил его всех принадлежавших ему особых привилегий и свел его положение к уровню обычного ломбардского города, сохранив за ним лишь жалкие остатки былой автономии.

Созванный Фридрихом I в том же году Ронкальский сейм, в состав которого входили болонские юристы — знатоки римского права и сторонники теории сильной королевской власти и централизованной феодальной монархии, — подтвердил законность требований Фридриха и придал им видимость юридического обоснования. За Фридрихом были признаны все регалии, которые когда-либо принадлежали не только германским императорам, но и франкским королям Каролингской династии, в том числе и право утверждения консулов, выборы которых без такого утверждения объявлялись недействительными. Мало того, соблюдение Ронкальских постановлений поставлено было под охрану особых должностных лиц императора — подеста, которых назначал в каждый город сам Фридрих из числа немецких министерялов, а не вассалов, чтобы не допустить феодализации этой должности. Так Фридрих пытался использовать в своих целях самую должность подеста, сложившуюся на почве городской жизни

Италии, и превратить ее в орган императорского контроля над исправным поступлением регалий.

Полностью провести в жизнь Ронкальские постановления оказалось нелегко. Прежде всего этому воспротивились сами города (несмотря на все попытки Барбароссы использовать противоречия между ними), а затем против политики Фридриха выступило папство, опасавшееся возвращения отнятых у городов регалий епископам и вытекавшего отсюда возможного возрождения епископальной системы в Северной и Средней Италии; наконец обе эти силы заключили союз против Фридриха. На сопротивление городов Фридрих натолкнулся тотчас же после Ронкальского сейма. В этом смысле зловещим предзнаменованием для всего хода его ломбардской политики мог послужить весьма симптоматичный эпизод — активный и упорный протест маленького города Кремы, стены которой Фридрих повелел снести за невыполнение его требований (а отчасти в угоду верной ему Кремоне) и которая выдержала 7-месячную осаду. Но Фридрих не обратил внимания на это серьезное предостережение, свидетельствовавшее о том, что на разногласиях между ломбардскими городами нельзя основывать итальянскую политику императора. А между тем в то же самое время готовились важные перемены и в папской столице.

После смерти Адриана IV папой был избран противник Фридриха Александр III (1159—1181). Фридрих, правда, попытался обезвредить весьма опасного для него папу, но неудачно. На созванном Фридрихом в 1160 г. в Павии синоде, состоявшем из послушных ему епископов, Александр III был объявлен низложенным и отлученным и его преемником признан избранный перед тем антипапа Виктор IV (1159—1164). В ответ Александр III отлучил не только Виктора IV, но и самого Фридриха I со всеми его советниками, а к концу 1160 г. все главные государства Западной Европы признали законным папой Александра III, так что Барбаросса остался в одиночестве со своим антипапой. Так началась новая, почти 18-летняя борьба папства и империи, которая тесно слилась с борьбой императора против автономии ломбардских городов.

Так как Милан всячески стремился обойти Ронкальские постановления, Барбаросса предпринял новый поход против него, закончившийся в 1162 г. полным поражением миланцев. Опыненный временным успехом, Фридрих расправился с непокорным городом с такой нелепой жестокостью, которая могла принести — и в будущем действительно принесла — только вред его собственной политике, не говоря уже о ее неоправданности по отношению к миланцам. Фридрих инсценировал целое судилище, заставил представителей города предстать пред его очами в одеждах кающихся преступников, с веревками на шее и заявил им, что они все заслуживают казни, но он милостиво дарует им жизнь, но они, тем не менее понесут наказание. Последствия монаршей «милости» не заставили себя долго ждать: Фридрих повелел просто-напросто уничтожить Милан. Город был до основания разрушен, стены его снесены, а территория превращена в совокупность деревенских поселений на императорском домене; в этих деревнях разместили жителей Милана, ставших теперь крестьянами, обязанными платить оброки и нести повинности со своих

держаний на императорских владениях. Чтобы символизировать полное уничтожение Милана, Фридрих приказал в довершение всего провести плугом борозду по земле, на которой еще недавно стояли городские здания.

Однако ломбардская политика привела к постепенному ослаблению вражды между ломбардскими городами перед лицом общей для них угрозы германского завоевания. Через два года после разрушения Милана, в 1164 г., Венеция, к тому времени превратившаяся уже в сильную торговую морскую республику и опасавшаяся, как бы политика Фридриха I не нарушила ее самостоятельность, привлекла разными средствами на свою сторону три имперских города — Верону, Падую и Виченцу — создала Веронский союз городов, опиравшийся на помощь сицилийского короля и византийского императора, которые в то время были в равной мере враждебны Барбароссе. Хотя Фридрих и пытался заручиться поддержкой английского короля Генриха II Плантагенета (у которого как раз в 60-х годах возник конфликт с церковью в лице Кентерберийского архиепископа Фомы Бекета) и взял с германских князей клятву никогда не признавать Александра III законным папой, тем не менее его римский поход 1167 г. оказался, несмотря на временные успехи, неудачным. Фридриху, правда, удалось взять Рим и вторично короноваться императорской короной, но бегство Александра III в Беневенто, а затем во Францию и эпидемия в войске Фридриха, унесшая около двух тысяч рыцарей, свела на нет все его — впрочем, весьма эфемерные и сомнительные — достижения.

Тем временем в Ломбардии под влиянием Венеции и папы образовался новый городской союз во главе с когда-то верной Фридриху Кремоной: в него вошли сначала четыре города, а потом число их возросло до восьми. Новый союз примкнул к прежнему, Веронскому союзу и начал общими силами восстанавливать разрушенный Милан. Это означало уже полное забвение городами всех ломбардских распри перед угрозой имперского нашествия. Попытка Фридриха, находившегося в то время в Павии, подавить оттуда разраставшееся и ширившееся городское движение привела лишь к тому, что он чуть не оказался запертым в Италии (поскольку были закрыты альпийские проходы) и смог пробраться в Германию только при помощи своего родственника — графа Савойского.

Оба союза городов сомкнулись в одну мощную Ломбардскую лигу, в которую вошло сперва 15, а затем 22 города². Она была создана для борьбы с Фридрихом I сроком на целых 20 лет. Города признали законным папой и своим руководителем Александра III, а Виктор IV потерял последние остатки того влияния, которым обладал. Ломбардская лига выстроила к юго-западу от Павии особую крепость, которая должна была мешать продвижению Барбароссы через принадлежавшие ему западные альпийские проходы, и назвала ее в честь папы Александрией.

Для продолжения борьбы и осуществления новых итальянских походов Фридрих мог рассчитывать только на военную помощь вассалов тех

² Важнейшие из них: Милан, Кремона, Бергамо, Брешия, Мантуя, Феррара, Верона, Виченца, Падуя, Лоди, Пьяченца, Парма, Модена, Болонья, Венеция.

епископов, которых он заставлял в свое время принимать сан от антипапы, да на силы личных вассалов и наемников. Новый итальянский поход Фридриха (1174) сначала привел к сдаче ломбардцев (1175), но предъявленные Фридрихом непомерные требования, в особенности предложение немедленно уничтожить крепость Александрию, вызвали новую вспышку возмущения и широкое движение против него, в котором на этот раз приняли участие не только города, но и назначенные Александром III ломбардские епископы. Положение Фридриха, который после одержанной в 1175 г. победы уже распустил часть своего вассального войска и всех наемников, стало критическим.

Тогда он обратился за помощью к Генриху Льву, который, в соответствии с вассальным договором 1154 г., участвовал в первом итальянском походе Барбароссы и оказывал ему и в дальнейшем некоторую военную поддержку. Однако Генрих Лев, весьма усилившийся к тому времени благодаря захватам на славянском Востоке, потребовал за свою помощь (которую он обязан был оказывать Фридриху в силу вассальных отношений) передачи в полное его распоряжение принадлежавшего императору саксонского города Гослара, имевшего очень большое значение ввиду находившихся там серебряных рудников. Барбаросса отверг это условие, как неприемлемое и не соответствующее взаимоотношениям вассала и сеньора, в особенности же неподобающее и неуместное по отношению к верховному сюзерену — императору. Ему ничего не оставалось, как дать бой ломбардцам, не дожидаясь ничьей помощи. В 1176 г. в битве при Леньяно (к северо-западу от Милана) пехота ломбардских городов (и в первую очередь миланская) нанесла тяжелое поражение конным рыцарям Фридриха Барбароссы. После этого города потребовали от Фридриха отмены императорской юрисдикции, признания за ними права сохранить свою крепость Александрию и ряда других уступок; ввиду возобновившихся раздоров между разными городами лига готова была даже отказаться от поддержки Александра III. Однако Фридрих и на этот раз (как обычно) переоценил свои возможности: раздоры среди ломбардских городов были не столь значительны, чтобы помочь ему выиграть уже безнадежно проигранную борьбу с ними (из-за регалий) и с папой (из-за возрождения епископальной системы в Италии). Когда вновь разгорелась борьба Кремоны с Миланом и Фридрих попробовал усилить разногласия между городами внезапным признанием в 1176 г. Александра III (вопреки происходившим переговорам с Лигой), то это ни к чему не привело: Фридрих уже не мог разыгрывать роль верховного судьи над враждовавшими городами — эта роль перешла к папе Александру III.

Папа облек заключение так называемого Венецианского договора с Фридрихом (1177) в унизительную для того форму: с Фридриха снималось отлучение, а он признавал папский суверенитет и выполнял символическую процедуру лобызания стопы папы (за столетие перед тем, в *Dictatus papae*, это рассматривалось как один из признаков непрерываемого папского верховенства над всеми светскими государями Западной Европы). Фридрих обязался заключить мир с Ломбардской лигой и обменяться с папой спорными землями.

Согласно условиям мирного договора с ломбардцами, заключенного в

Констанце, в 1183 г., Фридрих вынужден был признать законность существования Ломбардской лиги (которая не была распущена), как своеобразного государства в государстве, сохранив за собой лишь общий и верховный суверенитет, но не претендуя ни на инвеституру ломбардских епископов, ни на присягу верности со стороны членов Ломбардской лиги.

2. ГЕРМАНИЯ ПРИ ФРИДРИХЕ II ГОГЕНШТАУФЕНЕ

Сын Фридриха Барбароссы Генрих VI (1190—1197) примирился с возвращенным из изгнания Генрихом Львом, который провел годы изгнания в Англии у своего коронованного тестя Генриха II Плантагенета и которому были вновь переданы все его владения. Затем в длительной и тяжелой борьбе с пронорманским антигерманским движением в Сицилийском королевстве Генрих VI закрепил его за собою. Эта борьба вовлекла его в новые конфликты с папством и английским королем, сыном Генриха II Ричардом Львиное Сердце, из которых Генриху VI удалось выйти благодаря использованию противоречий между Ричардом и французским королем Филиппом II Августом, обострившихся после III крестового похода.

Тем временем в Германии подняли голову князья, что было на этот раз особенно опасно для короля, так как сблизились те две княжеские коалиции, на вражде которых строил свою игру Барбаросса, — а именно рейнско-кельнская и саксонская. За обеими группами стояла Англия, экономически связанная с Кельном и родственными узами — с Вельфами. К тому же Генрих VI своими попытками возродить епископальную систему вызвал раздражение и в среде епископата. С подавлением княжеских восстаний и сложными перипетиями постоянно менявшихся взаимоотношений с Вельфами связана вся внутренняя политика Генриха VI. Его попытка добиться наследственности королевской власти ценой ряда привилегий, которые он предоставлял князьям, оказалась безрезультатной — *князья отвергли его предложение*. Планы грандиозного крестового предпрятия, с которыми носился Генрих VI, не осуществились. После его смерти, при малолетнем сыне Генриха VI и Констанции Фридрихе Роже-ре (родился в Палермо в 1194 г.), Сицилийское королевство попало на целые полтора десятилетия под патронат самого мощного папы средневековья Иннокентия III (1198—1216 гг.).

В Германии в это время с новой силой вспыхивает вражда Вельфов с Штауфенами, вылившаяся в борьбу двух претендентов на престол — Филиппа Швабского, младшего сына Барбароссы, и Оттона IV, сына Генриха Льва. Иннокентий III сначала поддерживал Оттона, но после того как тот заявил притязания на Сицилийское королевство, папа отлучил Оттона от церкви, произнеся при этом крылатую фразу: «Жалею, что сделал его человеком». Папа выдвинул в противовес ему молодого сицилийского короля Фридриха II, который до тех пор находился под его опекой, а теперь достиг совершеннолетия. При поддержке папы и французского короля Филиппа II Августа Фридрих II короновался в 1212 г. короной германского короля, дав предварительно присягу вассаль-

ной верности папе (1211 г.), который вынудил у Фридриха юридически оформленное повторение всех обещаний Оттона IV, скрепленное согласием князей. Тем временем Оттон IV тоже вернулся в Германию.

Создавшееся положение ярко характеризуют следующие слова известного поэта Вальтера фон дер Фогельвейде: «Папа подвел двух немцев под одну корону для того, чтобы они принесли государству запустение и убоицы». Нужно лишь внести одну поправку: «папа и князья». Ибо это — как раз те две силы, которые больше всего выиграли за время новой борьбы Вельфов и Штауфенов в начале XIII в. Это ясно обнаружилось после поражения, нанесенного Филиппом II Августом коалиции английского короля Иоанна Безземельного и Оттона IV в битве при Бувине в 1214 г., когда судьба Оттона IV была предрешена, а Филипп II Август послал Фридриху II взятого в виде трофея орла на императорском знамени — в знак своего влияния на карьеру будущего нового императора. После смерти Оттона IV (1218) Фридрих II остался единственным законным претендентом на императорский престол.

Вместе с тем к концу понтификата Иннокентия III папство чрезвычайно усилилось. Ему удалось протянуть свои щупальцы во Францию, Англию, Испанию (в связи с успехами реконкисты), Прибалтику (в результате немецкой военной агрессии) и на Балканы (после IV крестового похода и основания Латинской империи), не говоря уже о хозяйничании пап в Германии и Сицилийском королевстве.

Одновременно с усилением международных позиций папства происходило изменение самой его структуры: централизация церковной юрисдикции в Риме, рост притязаний на юрисдикцию над светскими областями, увеличение денежных требований курии, злоупотребление дисциплинарной церковной властью и отлучениями, интердиктами и пр. Все это вызывало в начале XIII в. еще большее недовольство папством в низших слоях городского и сельского населения, чем в XII в., и, конечно, подтачивало устойчивость папской власти, несмотря на то, что были созданы (в противовес этому недовольству) новые ордена доминиканцев и францисканцев. Однако до начала упадка средневекового папства оставалось еще целое столетие, а сейчас, при Иннокентии III и его преемниках, оно переживало период своей наивысшей мощи, и никогда — ни раньше, ни позже — оно не было ближе к осуществлению теократической программы Григория VII, чем именно теперь, в первой половине XIII в. (при папах Иннокентии III, Григории IX и Иннокентии IV).

Тем временем германские князья все более и более определенно складываются в особое сословие, а сама Германия бесспорно вступает на путь превращения в совокупность территориальных княжеств.

* * *

Таким образом, Фридриху II предстояло действовать в резко изменившейся обстановке, сильно отличавшейся даже от ситуации времен Фридриха Барбароссы. И сущность этих изменений — усиление папства и городов в Италии, князей в Германии — была такова, что не предвещала ничего хорошего централизаторским стремлениям нового императора

(1220—1250). Но и сам деятель этой имперской централизации XIII в. резко отличался от своих предшественников. По воспитанию и привычкам Фридрих II (со стороны матери — внук Рожера II) — прежде всего сицилийский, а не германский король. Выросший в Палермо и воспринявший наряду с норманскими политическими традициями централизованного сицилийского феодализма также и византийские, арабские, а с другой стороны, итальянские и провансальские культурные влияния, Фридрих II, интеллектуально разносторонне одаренный и хорошо ориентированный во всех течениях тогдашней научной и философской мысли (при этом не только европейской, но и восточной — мусульманской и иудейской), и в то же время весьма склонный к поверхностному дилетантизму в науке и искусстве, был в еще большей мере дилетантом в политике. Это резко отличает его от Фридриха Барбароссы, несмотря на все его умственное превосходство над своим столь же, как и он, неудачливым дедом.

Слепо влюбленный в Сицилию («Бог иудеев, — говорил он, будучи во время крестового похода в Палестине, — не мог бы так хвалить страну, которую он дал своему народу, если бы знал Сицилию»), Фридрих II странным образом сочетал с широтою теоретического кругозора в вопросах общей политики какую-то чисто локальную ограниченность выходца из рода южноитальянских норманских герцогов и князьков, сколотивших себе целое королевство.

Интересами этого королевства он жил, его укрепление считал самой насущной практической своей задачей — даже тогда, когда был вынужден отчасти подчинять ее более широким целям общеимперской политики. Она в отличие от имперской политики Барбароссы производит такое впечатление, словно Фридрих II вел ее, либо преследуя конкретные интересы как сицилийский король, либо из каких-то теоретических соображений, мало общего имеющих с реальной политикой (хотя он весьма упорно боролся за осуществление этой «теории» на практике!). Это объясняется, конечно, не только личными свойствами Фридриха II как политика и не только теми традициями, в которых он вырос, но — в гораздо большей мере — еще и тем, что сама «Священная Римская империя германской нации» (это название укоренилось как раз при Барбароссе) все более переходила из сферы реального ее бытия как государства в сферу юридического умозрения и разного рода теорий относительно того, какой должна быть эта империя, иными словами, находилась на пути превращения из реальности в фантом. Но так как это была еще не последняя стадия такого превращения, то Фридрих II попытался оживить дряхлевшую империю; неудача его попытки приблизила завершение указанного процесса. Предпринимая эту попытку, Фридрих II поставил целью объединить Италию и Германию в единую империю наряду с централизацией Сицилийского королевства (что отчасти должно было служить средством для достижения этой цели, а отчасти осуществлялось совершенно независимо от нее) и предоставить Германию в распоряжение князей.

Можно сказать, что Фридрих II был больше всего сицилийским королем и южноитальянским герцогом, в меньшей мере — императором и уж

совсем в небольшой степени германским королем. И это справедливо, несмотря на все широковещательные лозунги его имперской политики, ибо реальная сила его (поскольку он ею обладал) была не в империи, а в Сицилийском королевстве. Для Фридриха II оно уже не было просто источником материальных ресурсов и вместе с тем таким территориальным княжеством, доходы которого помогли бы ему справиться с князьями в Германии. Наоборот, он и не думал всерьез подавлять стремление этих князей к самостоятельности, стараясь лишь ввести его в известное русло и отнюдь не собираясь во имя этого жертвовать богатствами Сицилии, которые он использовал в германской политике лишь один раз (для подавления восстания своего сына Генриха в 1235 г.) и которые ему были нужны и сами по себе, и для борьбы с папством за обладание Северной и Средней Италией. Таким образом, и в самой имперской политике Фридриха II, в стремлении объединить в единую империю Германию и Италию (*unio regni ad imperium*) наиболее важным составным элементом было для Фридриха II включение в эту империю именно Италии. Поэтому трудно говорить об итальянской политике германской империи при Фридрихе II — правильнее говорить об итальянской политике сицилийского короля и о германской политике итальянского властителя, носящего императорскую корону.

С Фридрихом II Германия как бы утрачивает носителя королевской власти, и центр тяжести империи перемещается при нем в Италию. Его имперская политика направлена не с севера на юг (как у его предшественников), а с юга на север. Опираясь на материальные ресурсы Сицилии, он стремится завладеть Средней и Северной Италией и обеспечить за собой хотя бы признание его суверенитета в Германии. Из сказанного отнюдь не следует, что имперская политика Фридриха II была недостаточно активной. Наоборот, она была чрезмерно агрессивной, тем более упорной, чем значительнее были стоящие на ее пути препятствия и чем более недостаточны были средства для их преодоления. И теория императорского верховенства у Фридриха II была более разработана, чем у кого бы то ни было из его предшественников, — в полном соответствии с тем переходом империи из реальности в область государственно-правовых умозрений, который мы отметили выше. Как раз Фридрих II стал глашатаем уходивших в прошлое идей общеевропейской феодальной империи с гегемонией ее итало-германского ядра над остальными государствами.

Заимствовав с византийского и мусульманского Востока идею обожествления императорской власти, Фридрих II попробовал скомбинировать ее с каролингскими традициями Западной Европы и с идеей сильной централизованной королевской власти, сложившейся в норманской Сицилии. Из сочетания всего этого он создал странный сплав, в котором мотивы восточной теократии причудливо переплетались с учением о двух мечах, светском и духовном, о верховенстве императора над королями как первого над равными и с чисто феодальными представлениями о господстве верховного сюзерена над своими вассалами. В многочисленных памфлетах и законодательных актах, которые, впрочем, в значительной мере принадлежат не самому Фридриху, а его канцлеру Петру из Ви-

неа, Фридрих II обращается к государям Европы с призывом поддержать его как верховного носителя светской власти в Западной Европе, т. е. как императора, в борьбе с папством, аргументируя тем, что если папа одержит победу над императором, то это облегчит ему подчинение своей власти прочих европейских государей. Те, однако, остались равнодушны к его призывам, ибо их интересовало совсем иное: они стремились к созданию централизованных феодальных монархий в своих странах, а идею империи считали (и совершенно справедливо) устаревшей и отжившей. Фридрих II этого не учел, и в этом заключается его первая крупная политическая ошибка. Но и в борьбе с папством идейные позиции Фридриха II были столь же слабы: папство в первой половине XIII в. выработало стройную богословскую и юридическую теорию, призванную оправдать его стремление к теократическому господству над Европой. Именно Иннокентий III перелил яростные и страстные, но теоретически совсем не обоснованные тезисы «неистового» Григория VII в чеканные формулы канонического права. Такой стройной концепции у Фридриха II, конечно, не могло быть, ибо империя не являлась основной и даже единственной инстанцией по «спасению душ». А ведь именно это составляло главную идеологическую силу католической церкви.

Из двух мыслимых (хотя реально одинаково неосуществимых) форм теократического объединения феодальной Европы — империи и папства — папская теократия была, во всяком случае, действенное имперской, особенно в XIII в., в эпоху укрепления централизованных феодальных государств. Фридрих II не понял этого, в чем и заключалась его вторая крупная политическая ошибка. Что мы имеем дело именно с такой двойной ошибкой, красноречиво свидетельствует тот факт, что Фридрих II не ограничился лавированием между различными социальными и политическими силами своего времени, а выдвинул широковещательный лозунг *unio regni ad imperium*, совершенно не считаясь с реальной возможностью осуществления этого замысла.

Препятствия, стоявшие на пути Фридриха II, были поистине колоссальны, а средства к их устранению, конечно, совершенно недостаточны. Для того чтобы объединить в единую империю Германию, Северную и Среднюю Италию и Сицилийское королевство, нужно было прежде всего совершенно сломить папство как политическую силу (притом мощное папство XIII в.) и захватить Папскую область. Затем предстояло подчинить власти императора города Средней и Северной Италии и, наконец, как-то справиться с князьями в Германии. Последнюю задачу Фридрих II с самого начала признал неосуществимой и потому вместо борьбы с немецкими князьями стал раздавать им привилегии; первые же две задачи он стал выполнять с яростью и настойчивостью человека, соединявшего в одном лице фанатика и дилетанта, деспота восточного образца и коварного территориального князя Южной Италии, преемника норманских завоевателей и сицилийских королей, предтечу итальянских тиранов XV—XVI вв. Поэтому Фридрих II принужден был с самого начала вести весьма различную — иногда даже прямо противоположную — политику в Сицилийском королевстве и в Германии.

Вопреки намерениям папства, которое всячески препятствовало возобновлению персональной унии Сицилии и империи и в лице Иннокентия III заставило Фридриха II дать обещание поручить Сицилию регенту папской ориентации при малолетнем сыне Фридриха — Генрихе VII, Фридрих II уже при следующем папе, Гонории III (1216—1227), провел в 1220 г. во Франкфурте-на-Майне коронацию Генриха VII именно германским королем, оставив Сицилию за собой. В том же году Фридрих II короновался императором и даровал важные привилегии духовным князьям Германии; в 1231—1232 гг. последовали аналогичные пожалования светским князьям. В отличие от своего деда, Фридриха Барбароссы, Фридрих II предоставлял привилегии не отдельным наиболее мощным представителям этого социального слоя, а совокупности князей (сначала духовных, а потом и светских) как корпорации, как сословию.

В 1220 г. Фридрих II уступил духовным князьям целый ряд весьма существенных прав королевского суверенитета: влияние на назначение епископов в пределах данного княжества; основание новых таможенных монетных дворов (которое императором отныне могло осуществляться лишь с согласия данного князя); частично — право короля на регалии, которые он мог с этих пор взимать лишь в строго определенные и заранее возвещаемые дни пребывания его и его двора на территории того или иного княжества (так называемые *Hoftag*); отчасти — право короля ставить любое лицо вне закона в силу лишения его королевского мира (*Achterklärung*), ибо это высшее проявление королевской юрисдикции должно было отныне механически следовать за церковным отлучением, налагавшимся духовным территориальным князем.

Кроме этих уступок, духовные князья получили ряд гарантий неприкосновенности их земельных владений и политических прав: их лены объявлены были не подлежащими отчуждению в пользу короля как их сеньора; король обязывался защищать духовные княжества от всякого рода притязаний со стороны светских владельцев, от злоупотреблений фогтов, от постройки бургов в пределах церковных княжеств против воли князей, от привлечения несвободных держателей духовных князей в ряды городского населения, а также от присвоения светскими властителями движимого имущества умерших клириков (т. е. от применения так называемого права сполий). Это право вытекало из верховенства некоторых светских князей над церковными учреждениями и принадлежало прежде всего верховному светскому властителю — королю.

Особенно настаивал на применении права сполий Фридрих Барбаросса. Фридрих II практически отказался от него, так же как и от пользования регалиями в Германии, из-за которого Барбаросса вел такую упорную борьбу в Ломбардии. За все эти привилегии на князей возлагалось лишь одно обязательство — военная помощь императору в его борьбе за Северную и Среднюю Италию. Так, Сицилия должна была дать Фридриху II денежные, а Германия военные средства для создания универсальной империи. В том же году Фридрих II сделал ряд, правда, менее значительных уступок и духовным князьям Средней и Северной Италии: он освободил итальянских епископов от ряда светских платежей и от судебной зависимости (главным образом за счет городов) и объ-

явил королевское «лишение мира» последствием церковного отлучения. Кроме того, духовные князья Италии получили право вооруженной борьбы с еретиками, которое индифферентный в религиозных вопросах император даровал им отчасти в угоду папству, а отчасти за обещание военной помощи при подавлении возможных мятежей против него самого.

Почти одновременно с этим Фридрих II приступил к реставраторской деятельности в Сицилии, направленной на восстановление и укрепление феодальной централизации Сицилийского королевства в духе Рожера II. Капуанские ассизы и Мессинские постановления 1220—1221 гг. носили прежде всего именно реставраторский характер: Фридрих подверг пересмотру старые грамоты и привилегии, изданные с 1189 г., т. е. когда Генрих VI боролся за Сицилию, во время регентства его матери Констанции, усадеб германских и норманских рыцарей и папского владычества в Сицилии (тем самым Фридрих пересмотрел и собственные пожалования, сделанные им в период несовершеннолетия). Многие акты он объявил недействительными. Он отменил также все установленные с 1198 г. пошлины на торговые сделки и рынки и все сборы с городов, так как они были введены в pontifikat Иннокентия III в интересах папской курии и к тому же нередко использовались местными властями. Итальянские города-республики лишены были торговых привилегий в Сицилии. Все построенные с 1189 г. баронские замки были уничтожены, а вместо них начато строительство королевских крепостей. Лены, способные поставлять воинов, ограждались от дробления, но в то же время Фридрих предписал использовать все возможности для конфискации ленов. Кроме того, он начал организацию нового сицилийского флота.

Все это было куплено ценою усиления классового господства князей в Германии, где в то же время осуществлялась и агрессия на славянский Восток. Фридрих II пытался повлиять на нее, даровав Любеку права вольного имперского города и пожаловав императорскую грамоту проникшему в Пруссию Тевтонскому духовно-рыцарскому ордену. Однако эта агрессия происходила независимо от Фридриха II, да и Тевтонский орден, как организация наполовину церковная, подчинялся в первую очередь папе, а не императору. Его вмешательство в эти дела носило чисто формальный характер, и он хотел этими актами лишь показать, что сохраняет за собой императорский суверенитет в Германии. А между тем уже появились первые предвестники нового серьезного конфликта между империей и папством.

Попытка путем военного захвата включить в состав империи Среднюю и Северную Италию (разумеется, пока еще кроме Папской области), внезапно предпринятая Фридрихом II в 1226 г., и вызванная ею стычка Фридриха с ломбардскими городами чрезвычайно встревожила папство, которое стало искать повода, чтобы обуздать опасного соперника. Такой повод не замедлил представиться: Фридриха обвинили в нарушении крестоносного обета, данного им в 1220 г. в связи с его коронацией императором.

В 1227 г. папа Григорий IX (1227—1241) отлучил Фридриха II от церкви за то, что он медлит с осуществлением этого обета. Отлучен-

ный Фридрих, даже не добиваясь снятия отлучения (какое резкое отличие от времен Генриха IV!), все же отправился в крестовый поход. Несмотря на противодействие папы, объявившего Фридриха не крестоносцем, а пиратом, на сношения патриарха Иерусалима с султаном, заговоры на Востоке в среде духовно-рыцарского ордена тамплиеров и вторжение папских войск в пределы Сицилийского королевства, Фридриху все же удалось довести до конца свой поход, в котором он сам был заинтересован больше, чем папа, так как временно отвоеванные им в 1229 г. города бывшего Иерусалимского королевства (Иерусалим, Вифлеем, Назарет и др.) были ему нужны для закрепления торговых связей Сицилии с Левантом.

Этот поход удался в значительной мере благодаря его тесным связям с мусульманским миром.

Однако за время пребывания Фридриха II на Востоке произошли важные события в Италии. Оставленный Фридрихом в качестве наместника Сицилии герцог Сполето Рейнольд перешел границы Папской области. В ответ Григорий IX разрешил подданных Фридриха II от присяги, призвал их к восстанию против короля и заключил союз с ломбардцами. Фридрих II, несмотря на свои крестоносные успехи, очутился в крайне затруднительном положении, напоминая положение Барбароссы после битвы при Леньяно. Дело спасло, да и то весьма относительно, лишь вмешательство германских князей, при посредничестве которых в 1229 г. был заключен мирный договор между Фридрихом II и Григорием IX (так называемый мир при Чепрано). С Фридриха было снято отлучение, но он вынужден был сделать ряд уступок в пользу духовенства в самом Сицилийском королевстве, а именно: изъять сицилийский клир из системы всеобщего обложения, а также из светской юрисдикции (кроме дел, связанных с ленными держаниями) и признать свободу епископских выборов в Сицилии. Само собой разумеется, что эти уступки резко противоречили всему направлению политики Фридриха II именно в Сицилии, которую он считал твердыней своей власти, и потому многие исследователи совершенно справедливо называют мир при Чепрано Каноссой Фридриха II.

Добившись временного примирения с папством, Фридрих II всего через два года после мира при Чепрано, в Мельфийских конституциях 1231 г., предложил целую систему мероприятий, касающихся вассальной службы, юрисдикции, администрации, торговли, финансов, обложения и пр. в духе централизации Сицилийского королевства, развивая и углубляя Капуанские ассизы и Мессинские постановления 1220—1221 гг. Разумеется, эта система могла быть осуществлена лишь потому, что Фридрих II имел возможность использовать те особенности феодального общественно-политического строя Сицилийского королевства, которые сложились давно в силу своеобразия его исторических судеб (роль западно-римских и византийских традиций, арабского господства на острове и норманского владычества в Южной Италии и Сицилии), и опирался на разработанное законодательство Рожера II, непосредственно заимствуя из него не только общие принципы, но и отдельные постановления. Как бы то ни было, в Сицилии (в отличие от Германии) Фридрих II вел ту самую

политику феодальной централизации, которую вели короли Англии и Франции в своих странах.

В Мельфийских конституциях Фридрих II прежде всего уделял огромное внимание организации в Сицилии государственных финансов, управление которыми было централизовано в особой «Великой курии по делам о расчетах». С этой целью он ввел государственную хлебную торговлю и учредил соляную, железную, шелковую монополию. По своей организации введенная Фридрихом II государственная хлебная торговля была тоже очень близка к монополии и покоилась на использовании производства королевских доменов. На домене (размер которого был увеличен в результате конфискации ранее отчужденных королевских земель) распаивались особые участки — *massariae*, предназначенные для сбора урожая пшеницы на вывоз, а кроме того, с остальных домениальных владений взималась опять-таки натуральная пошлина в размере $\frac{1}{12}$ части урожая (притом, не только пшеницы, но и льна, конопли и стручковых растений). Из скопившихся таким образом в государственных магазинах (складах, амбарах) запасов зернового хлеба снабжались гарнизоны крепостей, войско и флот, и сверх того еще оставалось большое количество зерна для государственного вывоза (причем корона еще и покупала зерно на вывоз). Частная хлебная торговля не была запрещена (в этом отличие установленного Фридрихом порядка от монополии), но государство получило право преимущественного сбыта зерна, так как еще до издания Мельфийских конституций, в 1224 г., Фридрих II запретил вывоз хлеба до погрузки государственных кораблей и их отправки. Этой мерой Фридрих II хотел приобрести возможность определять цены на хлеб, и она была направлена не столько против частных экспортеров зернового хлеба, сколько против Генуи, Пизы и Венеции, господствовавших в то время на сицилийском рынке.

Однако описанная организация хлебной торговли делала невыгодным рассчитанное на вывоз хлебопашество вне домена и тем экономически ослабляла крупных сицилийских землевладельцев — баронов. Зато соляная монополия наносила прямой ущерб интересам широких масс мелких потребителей. Поставленным во главе управления государственными солеварнями двум чиновникам владельцы частных солеварен обязаны были за известную компенсацию отдавать свою продукцию; так же должны были поступать и купцы, у которых скоплялось много соли, причем они получали за это возмещение в виде 8,3%. Рабочих государственных солеварен Фридрих II освободил от службы во флоте. Соляная монополия позволила Фридриху произвольно повысить цены на соль — оптовые в четыре раза, а розничные — в шесть раз, что было равносильно тяжелому косвенному налогу на потребителя.

Таможенный тариф 1231 г. установил государственный контроль над ввозом; всякий привозной товар должен был прежде всего поступать на государственные склады (в так называемые «магазины») и лишь со склада мог быть продан, причем продажа происходила под надзором чиновников. Покупатель должен был платить таможенную пошлину в 3% цены товара, а продавец уплачивал взнос в государственный «магазин» (в 3,3%). При этом некоторые привилегии по ввозу товаров в Сицилию

(подтверждавшие привилегии Вильгельма II) даны были генуэзцам, так как Фридрих II опирался на них в борьбе с ломбардцами. Римские купцы в виде исключения получили право беспопытной торговли, что объясняется стремлением Фридриха поддерживать хорошие отношения с папской курией после мира при Чепрано; зато венецианцы не получили никаких привилегий.

Система монополий и организация внешней торговли стояла в прямой связи с сицилийской податной системой. Прямая поземельная подать (*collecta*), которая введена была Фридрихом сначала на домене, а затем повсеместно, к концу его правления давала короне 13 тыс. унций золота годового дохода. К этой основной подати присоединялась целая система различных взиманий в виде косвенных налогов, таможенных пошлин, лагерных и портовых сборов, которые довершали политику монополий и давали Фридриху возможность опираться на наемное чиноуничество и наемное войско (между прочим, частично из сарацин), а следовательно, свести к минимуму военно-политическую роль крупных сицилийских феодалов — баронов.

Как ясно из изложенного, Фридрих II, этот автор любовных канцон по провансальскому образцу и «отец итальянской поэзии» (по выражению Данте), вдохновитель создания архитектурных сооружений, в которых некоторые не в меру увлекающиеся исследователи находят предвосхищение стиля Ренессанса, хорошо умел выкачивать денежные суммы из своего Сицилийского королевства и не стеснялся делать это ценой разорения якобы столь любимой им страны, где на почве вздорожания предметов первой необходимости начались даже волнения среди населения. Но это нисколько не противоречит тому, что Фридрих II смотрел на себя прежде всего как на сицилийского короля, да и в действительности в первую очередь выступал именно как таковой.

Ибо, во-первых, Фридрих свои «заботы» о Сицилии понимал в духе восточного мусульманского деспота или норманского южноиталийского тирана, а во-вторых, разорительная для населения податная и финансовая система служила в его руках средством преодоления феодальной децентрализации страны.

Последнее станет совершенно очевидным, если мы обратим более пристальное внимание на уже бегло отмеченную связь этой системы с организацией управления и военного дела в Сицилии согласно Мельфийским конституциям. Фридрих II построил административный аппарат Сицилийского королевства вне всякой его зависимости от ленной системы. Должностные лица королевской власти были не вассалами и даже не министерялами короля, а наемными чиновниками, которые должны были приносить королю присягу в усердном и добросовестном исполнении служебных обязанностей. И сама структура аппарата была не совсем обычна для феодального государства, ибо она сочетала в себе черты норманского централизованного феодализма с некоторыми особенностями византийских и арабских приемов управления. Во главе всего административного аппарата страны стоял верховный юстициарий (*magister justitiarius*). Он был председателем «Великой курии» (*Magna Curia*) по судебным делам и представлял высшую инстанцию в судеб-

ных делах о нарушении верности королю («оскорбление величества» или «преступление против величества» — *crimen laesae maiestatis*), в делах, касавшихся ленов, внесенных в особые списки государственного управления и потому обложенных соответствующими повинностями в пользу государства, и, наконец, в вопросах о размежевании сфер компетенции между разными властями и должностными лицами. К верховному юстициарию поступали все прошения на имя короля. Время от времени он выезжал в ту или иную из девяти провинций, на которые разделено было Сицилийское королевство, и тогда сам творил суд, а низшие судебные инстанции временно переставали функционировать (это напоминает выездные сессии английских «странствующих» или «разъездных судей» Генриха II Плантагенета).

Верховный юстициарий мог затребовать себе на рассмотрение любое судебное дело; при нем состояла Коллегия из четырех дворцовых судей. Во главе каждой провинции поставлен был юстициарий, соединявший в своих руках юрисдикцию по уголовным и высшим гражданским делам с функциями военными (созыв ополчения), административными (составление податных списков по взиманию прямой поземельной подати — коллекты). Судебную власть юстициариев в делах, касавшихся королевских баронов и их замков, несколько ограничивало лишь придворное собрание баронов, являвшееся последней инстанцией в решении этих дел, хотя в остальных чисто политических вопросах эти собрания сохраняли лишь совещательное значение, да и созывал их Фридрих редко. Их роль в юрисдикции над баронами объясняется принципом пэрства, в силу которого каждый член того или иного сословия, входившего в состав класса феодалов, мог быть судим лишь лицом равного с ним социального статуса: и рыцарей юстициарий мог судить лишь при участии рыцарей в качестве заседателей. Из последнего факта явствует, что пэрство в Сицилии было похоже на аналогичный институт в Англии XII в. Любопытный дополнительный штрих к характеристике должности провинциальных юстициариев в Сицилии вносит то обстоятельство, что они обязаны были разрешать все судебные дела в определенный срок (не больше, чем в течение трех месяцев).

Юстициариям были подчинены камерарии — сборщики поземельной подати и гражданские судьи нерыцарского городского населения, а им, в свою очередь, подчинялись байюлы (*bajuli*) — местные судьи, наделенные низшей юрисдикцией, полицейскими функциями и обязанностью осуществлять надзор за мерами и весом. Все эти должности были учреждены еще Рожером II. Однако Фридрих II не только реставрировал их, но и подвел под них более прочную материальную базу и сочетал их в стройную систему государственного управления, стремясь изгнать из нее всякие остатки феодальной децентрализации и характерного для феодализма смещения частного и публичного права. Тем не менее последнее отчасти дает себя знать в структуре сицилийской администрации (соединение различных функций — административных, судебных и военных — в руках одних и тех же должностных лиц).

И все-таки эта система управления резко отличается от замещения должностей по праву феодального держания. Недаром параллельно с ее

разработкой Фридрих II лишил баронов целого ряда публичноправовых функций и превратил взносы вассалов в постоянную всеобщую подать с рыцарских ленов.

Этой политике Фридриха в Сицилии соответствовали и другие его мероприятия. Так, он стремился (несмотря на условия мира при Чепрано) утвердить свое верховенство по отношению к сицилийскому духовенству и всячески ограничить самостоятельность городов, в которых назначал своих правителей, а в области судопроизводства он старался (не без влияния канонического права) заменить ордалии (так называемый «Божий суд») расследованием истины через присяжных (игравших роль свидетелей и следователей одновременно) и, кроме того, ограничивал применение судебных поединков. Тем самым Фридрих II проводил в Сицилии (правда, гораздо менее последовательно) в судебной сфере реформы, несколько напоминающие судебное законодательство Генриха II Плантагенета в Англии в 60-х — 70-х годах XII в. и Людовика IX во Франции в середине XIII столетия.

В Германии в это время неуклонно усиливалось могущество князей и вместе с тем росло противодействие этому усилению в среде бюргерства и королевского министерялитета. На эти две силы и пытался опереться сын Фридриха II, правитель Германии от его имени, — молодой король Генрих VII. Князья были недовольны его политикой и использовали первый представившийся для проявления этого недовольства повод: таким поводом послужило столкновение горожан Люттиха (Льежа) с их епископом и защита горожан Генрихом VII. Под давлением князей он вынужден был в 1231 г. издать Вормские привилегии, которые были через год подтверждены Фридрихом II во Фриуле.

Однако если для Фридриха подтверждение этих привилегий было продолжением сознательно проводимой политики по отношению к князьям, то для Генриха их пожалование стало вынужденной временной уступкой. Его расхождение с политикой отца проявилось уже в отказе явиться на гоффаг Фридриха II в 1231 г. в Равенну; лишь на пасху 1232 г. он прибыл в Аквилею, и, хотя Вормские привилегии были подтверждены в мае 1232 г., Генрих явно не сочувствовал этому. Между тем Вормско-Фриульские привилегии 1231—1232 гг. явно вскрывают тенденцию развития Германии в сторону «княжевластия» («Landesherrschaft»), и в них впервые отчетливо формулируется само это понятие. Привилегии, изданные почти одновременно с противоположными им по своей тенденции Мельфийскими конституциями, переносят уступку значительной части прав политического верховенства, дарованных Фридрихом II в 1220 г. немецким духовным князьям, на светских имперских князьях Германии, т. е. князей, считавшихся непосредственными держателями имперских ленов, непосредственными вассалами императора: светские князья получили право чеканки монеты и были изъяты из всякой посторонней, в том числе и королевской, юрисдикции; рыцари были непосредственно подчинены княжеской юрисдикции, а председатели низших земских судов, зависевшие некогда от графов, как агентов королевской власти, и судившие от имени короля по земскому праву (Landrecht), поставлены были в вассальную зависимость от князей.

Вместе с тем в этих привилегиях сказывается новая для германских королей (в частности для династии Штауфенов) черта политики Фридриха II — его враждебность к германским городам. Часть постановлений Фридриха в его Фриульских привилегиях имеет целью помешать расширению владельческих и судебных прав городов на сельскую округу и ослабить их освободительное влияние на крестьян-держателей соседних территориальных властителей; некоторые из этих постановлений берут под защиту территориальные княжества и их городские центры от конкуренции больших имперских городов. Фридрих II лишь там решался давать привилегии некоторым (большей частью имперским) городам, где это не противоречило интересам князей. Еще до Вормско-Фриульских привилегий Фридрих II запрещал городские союзы в Германии (в 1226 и в 1231 гг.), а в епископских городах — организацию цехов, выборы городских советов и вообще какие бы то ни было проявления городской автономии.

В те же годы Фридрих II возобновил и натиск на ломбардские города: он созвал в 1232 г. рейхстаг для восстановления имперских прав в Ломбардии, а когда города в ответ на это возродили Ломбардскую лигу и закрыли альпийские проходы, Фридрих объявил их вне закона и обратился к папскому посредничеству. Однако оно состоялось не скоро, и разрешение нового конфликта Фридриха II с ломбардскими городами было отложено на несколько лет (на его стороне осталось лишь несколько городов: Бергамо, Кремона, Парма, Реджио, Модена, Верона).

Антигородская и княжеская политика Фридриха II в Германии послужила одной из самых серьезных причин разрыва между ним и Генрихом. Другая причина, тесно связанная с первой, коренится в их различном отношении к ересям, точнее — к тому движению горожан и крестьянства против мощной универсалистской церкви, которое охватило как раз в 30-х годах XIII в. значительные части Германии и Италии и приняло идеологическую форму еретических течений. По своему мировоззрению Фридрих II, казалось бы, скорее всякого другого властителя своего времени должен был проявить терпимость к еретикам: ведь он сам так часто являлся «еретиком» в глазах папы и даже вошел в церковную легенду XIII в. как предсказанный в Апокалипсисе антихрист!

В самом деле, этот «вольнодумец», этот свободомыслящий «вольтерьянец» XIII столетия, которого (пусть неправильно!) считали автором притчи «о трех великих обманщиках» (Моисее, Христе, Магомете), отличался религиозным индифферентизмом и в достаточной мере моральной скептицизмом. Выполняя формально всю предписываемую католической церковью обрядность, он не был чужд и некоторым мусульманских обычаев: достаточно упомянуть хотя бы его чисто магометанский взгляд на брак (содержание гаремов с евнухами дома и в походах). Он дискутировал и переписывался с выдающимися христианскими, магометанскими и еврейскими учеными и мыслителями той эпохи, собирал их при своем дворе, создавая нечто вроде Академии. Он стремился сделать доступными для Запада произведения, написанные на греческом, древнееврейском и арабском языках, предписывая переводить их на ла-

тинский язык, и сам изучал их в подлинниках (путь к этому открывала его сицилийская «многоязычность»). Умственные интересы Фридриха лежали в сфере науки и искусства, а не в сфере религии. Автор известного трактата о соколиной охоте, содержащего ряд наблюдений по орнитологии, Фридрих II проявлял интерес также к астрономии (астрологии), медицине, математике, философии и в особенности — к правоведению. В эпоху рецессии римского права Фридрих открыл (по примеру Болоньи) университет в Неаполе, который должен был воспитывать для императора юридически вышколенных чиновников, чуждых «тлетворным» влияниям североитальянского духа политического свободолюбия.

Само собой разумеется, что у Фридриха II не было (да и не могло быть!) никакого стройного нецерковного философского мировоззрения. Но уже его индифферентизм и антиавторитарный скептицизм в вопросах веры доводил его до таких конюнктивных для католика мыслей, как отрицание бессмертия души, непорочного зачатия и пр. (в последнем обвинял его в одном из манифестов 1239 г. Григорий IX). И тем не менее этот «вероотступник» оказался злейшим гонителем еретиков! Человек, чуть ли не готовый уверовать в иудейского или мусульманского бога, как будто никак не мог допустить в пределах своей империи ни малейшего отступления от католической догматики (от которой постоянно отступал сам!). Этот факт лишний раз подтверждает справедливость той нашей мысли, что, несмотря на всю склонность Фридриха II ко всяческому теоретизированию (и политическому, и научно-философскому), теория и идеология играли в его политической деятельности гораздо меньшую роль, чем может показаться на первый взгляд. Его гонения на еретиков в 30-х годах объясняются чисто практическими соображениями: опасениями перед ростом городских и крестьянских движений и дипломатическим заигрыванием с Григорием IX, который был нужен Фридриху именно в 30-х годах для разрешения ломбардского конфликта и укрепления его позиций в Сицилии и Германии и который требовал от Фридриха помощи в подавлении ересей.

В борьбе с ними политические интересы Фридриха II и Григория IX совпадали.

Сектантско-еретическое движение в Италии в первой половине XIII в. обрело новую силу — как протест против учреждения папско-доминиканской инквизиции в Ломбардии и установления инквизиции в Сицилии (где она функционировала при ближайшем участии чиновников Фридриха, отдававшего тем самым своеобразную дань папству в своем собственном королевстве). Идеологически итальянские ереси XIII в. были связаны с хилиастическим учением проповедника-аскета конца XII в. аббата Иоахима дель Фиоре (Иоахима Флорского или Калабрийского) о трех эпохах в религиозном развитии человечества (царстве отца, сына и духа святого), а также с идеями спиритуалов — представителей радикального крыла францисканцев. Низшие слои населения итальянских городов охвачены были ожиданием конца мира, второго пришествия, явления антихриста и наступления тысячелетнего царства мира и справедливости.

Весьма важной чертой этого идеологического брожения была его социально-политическая направленность: оно выливалось в ряд городских восстаний, во главе которых становились проповедники еретических идей. Так, Иоанн из Виченцы сначала захватил власть в Болонье, а затем объединил под своим владычеством целый ряд городов Северной Италии (Падую, Виченцу, Тревизо, Феррару и Мантую); мятежники провозгласили его герцогом Вероны. Только раздоры между городами привели к его свержению. В 1234 г. (почти через 90 лет после Арнольда Брешианского) вспыхнуло восстание в самом Риме, где один из деятелей сектантско-еретического движения, Лука Савелли, избран был римским сенатором, объявил Тусцию и Кампанью собственностью римского народа и потребовал подчинения ему остальных городов этих областей. Папа Григорий IX вынужден был бежать из Рима, предварительно отлучив мятежных римлян от церкви и призвав на помощь всех христиан. Фридрих II на этот раз горячо откликнулся на папский призыв и начал форменную войну против римлян. Но как раз в это время разыгрались бурные события в Германии.

И в Германию проникло еретическое движение, которое нашло себе там благодарную почву в среде горожан и крестьянства, настроенных враждебно против папства и духовных князей и охотно воспринимавших учение спиритуалов. Такие эпизоды, как отказ штедингских крестьян платить десятину Бременскому архиепископу, представляют собою лишь одно из наиболее ярких проявлений этого недовольства. Оно охватило не только низшие слои городского населения, но и городское купечество, ибо свирепствовавший в Германии папский инквизитор Конрад Марбургский казнил по необоснованным обвинениям в ереси целый ряд представителей богатых и влиятельных фамилий рейнских горожан, что вызвало бурю возмущения в их среде. Под их давлением Генрих VII послал письмо папе с изложением жалоб на Конрада. Вскоре Конрад был убит народом, и это вызвало конфликт между папой и Генрихом VII. Последнее было очень некстати для Фридриха II, особенно в тот момент, когда он занят был подавлением восстания в Риме.

Между тем Генрих VII в 1234 г. провозгласил на Франкфуртском гофгаге земский мир, который должен был приостановить преследование еретиков в Германии. А затем Генрих поднял мятеж, направленный одновременно против германских князей и против папства — следовательно, и против собственного отца, который покровительствовал князьям и в данный момент поддерживал папу. В мятеже Генриха VII участвовали прежде всего горожане и королевские министериалы, но к нему примкнули и некоторые епископы и аббаты (Аугсбургский, Вормский, Вюрцбургский епископы и Фульдский аббат), а также некоторые представители графских фамилий и члены сословия «свободных господ», т. е. те династы, которые не рассчитывали собственными силами пробиться в сословие князей, а потому были враждебны им; кроме того, Генриха VII поддерживало и многочисленное рыцарство.

Несмотря на столь пестрый состав восставших, социально-политический смысл восстания совершенно ясен. Оно ничего общего не имело с обычными в предшествующей истории Германии мятежами против цент-

ральной власти, а наоборот, направлено было против раздробления Германии, против господства князей. Генрих VII выступил в этом мятеже как германский король, стремящийся к укреплению центральной королевской власти, а то обстоятельство, что ему пришлось облечь это стремление в форму восстания против императора, указывает на крайнюю слабость его позиции как германского короля перед лицом князей, которые за три года до этого вырвали у него Вормские привилегии, столь охотно подтвержденные и расширенные именно императором, его отцом и верховным главой всей империи (а значит. и Германии).

О том же свидетельствует и отмеченная пестрота социального состава восставших. В самом деле, если отвлечься от участия в восстании династов (которое можно считать в значительной мере случайным), то с очевидностью обнаружится слабость тех сил (горожане, министерялы, мелкое рыцарство), на которые мог опираться Генрих, по сравнению с мощью князей.

Подняв мятеж, Генрих VII как будто хорошо подготовил его: не рассчитывая всецело на одни только собственные силы и создавая слабость поддерживавших его социальных слоев, он искал помощи во Франции и вступил в союз с Миланом и Ломбардской лигой. Это должно было задержать появление императорских войск в Германии, так как города обещали закрыть альпийские проходы. Фридрих II реагировал на известие о восстании своего сына чрезвычайно быстро и решительно: он сам добился от Григория IX отлучения Генриха от церкви, предложив папе в заложники своего малолетнего сына Конрада (будущего Конрада IV), а затем, весной 1235 г., двинулся в Германию — сначала морем на галерах, далее — через Аквилею, Фриуль и Штирию. Он шел без войска, но с большими денежными суммами и богатствами своей казны. По словам хрониста, «за ним следовали целые квадриги золота и серебра, виссона и пурпура, шелка и драгоценной утвари, верблюды и мулы, обезьяны и леопарды, двигались сарацины и эфиопы, которые знали разные кунштюки и ремесла и охраняли деньги и драгоценности».

Характерно, что для того, чтобы побудить германских князей оказать ему помощь в подавлении восстания, в сущности в равной мере направленного и против них, и против него, Фридрих II принужден был обратиться к подкупу: до такой степени возросло к тому времени своеволие князей, так велика была их фактическая независимость!

Поведение Фридриха показывает, что при подавлении мятежа он рассчитывал главным образом на князей. И расчеты его оправдались: их поддержка помогла усмирить мятеж. Подавление восстания народных масс, принявшего форму сектантского движения, слилось для Фридриха II воедино с подавлением мятежа против князей и императорской власти. Ему пришлось собственными руками усмирять те самые социальные силы, которые издавна были исконной опорой центральной королевской власти, да и сейчас поддерживали бы ее, как только она отвернулась бы от князей, т. е. горожан, министерялов, рыцарство и крестьянство. Очевидно, Фридрих II считал поддержку этих слоев недостаточно для себя выгодной и не гарантирующей успеха; кроме того, он

ральной власти, а наоборот, направлено было против раздробления Германии, против господства князей. Генрих VII выступил в этом мятеже как германский король, стремящийся к укреплению центральной королевской власти, а то обстоятельство, что ему пришлось облечь это стремление в форму восстания против императора, указывает на крайнюю слабость его позиции как германского короля перед лицом князей, которые за три года до этого вырвали у него Вормские привилегии, столь охотно подтвержденные и расширенные именно императором, его отцом и верховным главой всей империи (а значит. и Германии).

О том же свидетельствует и отмеченная пестрота социального состава восставших. В самом деле, если отвлечься от участия в восстании династов (которое можно считать в значительной мере случайным), то с очевидностью обнаружится слабость тех сил (горожане, министерялы, мелкое рыцарство), на которые мог опираться Генрих, по сравнению с мощью князей.

Подняв мятеж, Генрих VII как будто хорошо подготовил его: не рассчитывая всецело на одни только собственные силы и сознавая слабость поддерживавших его социальных слоев, он искал помощи во Франции и вступил в союз с Миланом и Ломбардской лигой. Это должно было задержать появление императорских войск в Германии, так как города обещали закрыть альпийские проходы. Фридрих II реагировал на известие о восстании своего сына чрезвычайно быстро и решительно: он сам добился от Григория IX отлучения Генриха от церкви, предложил папе в заложники своего малолетнего сына Конрада (будущего Конрада IV), а затем, весной 1235 г., двинулся в Германию — сначала морем на галерах, далее — через Аквилею, Фриуль и Штирию. Он шел без войска, но с большими денежными суммами и богатствами своей казны. По словам хрониста, «за ним следовали целые квадриги золота и серебра, виссона и пурпура, шелка и драгоценной утвари, верблюды и мулы, обезьяны и леопарды, двигались сарацины и эфиопы, которые знали разные кунштюки и ремесла и охраняли деньги и драгоценности».

Характерно, что для того, чтобы побудить германских князей оказать ему помощь в подавлении восстания, в сущности в равной мере направленного и против них, и против него, Фридрих II принужден был обратиться к подкупу: до такой степени возросло к тому времени своеволие князей, так велика была их фактическая независимость!

Поведение Фридриха показывает, что при подавлении мятежа он рассчитывал главным образом на князей. И расчеты его оправдались: их поддержка помогла усмирить мятеж. Подавление восстания народных масс, принявшего форму сектантского движения, слилось для Фридриха II воедино с подавлением мятежа против князей и императорской власти. Ему пришлось собственными руками усмирять те самые социальные силы, которые издавна были исконной опорой центральной королевской власти, да и сейчас поддерживали бы ее, как только она отвернулась бы от князей, т. е. горожан, министерялов, рыцарство и крестьянство. Очевидно, Фридрих II считал поддержку этих слоев недостаточной для себя выгодной и не гарантирующей успеха; кроме того, он

и не был заинтересован в централизации Германии. А это значило, что он капитулировал перед территориальными князьями Германии, в то время как его сын Генрих VII еще пытался бороться с ними в союзе со старинными друзьями королевской власти, продолжая тем самым традиционную политику германских королей (вплоть до вступления на престол Фридриха Барбароссы).

Генрих VII был смещен и заключен в темницу (он умер через 7 лет в Апулии в 1242 г., когда его переводили из одной тюрьмы в другую; весьма возможно, что он покончил с собой). Вместо Генриха германские князья в 1237 г. по соглашению с Фридрихом II избрали «римским королем и будущим императором» 9-летнего Конрада IV. Но Конрад был лишь наместником Фридриха II в Германии, все более превращавшейся в руках Фридриха в административную область империи, искусственно перемещенную к югу, и лишен был и в дальнейшем всякой самостоятельности.

После подавления восстания Генриха VII Фридрих II провозгласил в 1236 г. Майнцский земский мир и использовал его для проведения ряда законодательных мероприятий в самой Германии. Впервые за все время своего правления Фридрих, такой любитель «законодательствовать», занялся оформлением государственного строя Германии, страны, в которой он до сих пор ограничивался раздачей привилегий. Но как раз эта попытка, больше чем какие бы то ни было другие его законодательные акты, страдает крайней отвлеченностью, абстрактным теоретизированием и юридическим формализмом, игнорирующим в теории то самое княжеское, которое поощрял и насаждал сам законодатель на практике. Эти мероприятия Фридриха производят такое впечатление, словно он сам сознавал их практическую невыполнимость и проводил лишь для виду, с целью поддержания хотя бы номинального авторитета. В самом деле, первый имперский закон на немецком языке, изданный Фридрихом II в 1236 г., закреплял за короной имперские регалии в Германии и пытался перенести в эту страну некоторые особенности государственного права Сицилии, явно неподходящие для Германии: учреждение должности постоянного имперского дворцового судьи — заместителя короля, введение регулярного суда с письменным делопроизводством и собиранием прецедентов императорских судебных решений и пр.

Если и можно рассматривать этот акт как стремление извлечь уроки из только что усмирённого мятежа и как запоздалую попытку юридического оформления верховенства императора над князьями, то его неадекватность сразу бросается в глаза. Достаточно сравнить имперский закон Фридриха II с политикой Генриха VII, пытавшегося опереться не на теорию императорской власти, а на реальные социальные силы, и политику самого Фридриха, который одновременно с изданием этого закона вернулся к излюбленному приему Барбароссы и принялся сколачивать собственное территориальное княжество в Германии, начав борьбу за Австрию и Штирию с последним представителем рода Бабенбергов — герцогом Фридрихом Непокорным. Вместе с тем он постарался откупить у короля Чехии обширные земли Штауфенов в Швабии и попытался

закрепить за собой северные форпосты к вновь открытому Сен-Готардскому перевалу.

Этим не исчерпываются мероприятия Фридриха, так или иначе связанные с подавлением восстания Генриха. Так как Фридрих II установил наличие прямых связей мятежников с ломбардскими герцогами, которые закрыли альпийские проходы, он использовал это как основание для того, чтобы обойтись без папского посредничества в разрешении ломбардского конфликта: он потребовал от германских князей выполнения вассальных имперских обязательств и заставил их принять участие в военном походе против ломбардцев (1237—1238), который решено было предпринять на Майнцском гофтаге 1237 г. Чтобы создать империю от Сиракуз до Фрисландии, Фридриху нужна была прежде всего послушная Ломбардия. Однако поход окончился неудачно для Фридриха и вовлек его в новый конфликт с папством.

После первой победы над миланцами в 1237 г. Фридрих II (по примеру своего деда Барбароссы) тотчас же потребовал от них сдачи на милость победителя, но это требование вызвало продолжение войны, которая приняла неблагоприятное для Фридриха течение. Воспользовавшись затруднительным положением Фридриха во время затянувшейся осады Брешии (1238), Григорий IX вторично отлучил его от церкви (1239), мотивируя это притеснениями, которые чинил Фридрих духовенству в Сицилии, и нарушениями папского верховенства над Сардинией. Истинная же причина нового отлучения связана с теми опасениями, которые внушала Григорию IX ломбардская и вообще северо- и среднеиталийская политика Фридриха.

Отлучение послужило началом новой длительной борьбы императора с папством, не прекращавшейся (если не считать двухлетнего случайного перерыва в 1241—1243 гг.) до самой смерти Фридриха. Папство имело тем больше оснований для недовольства Фридрихом II, что он задумал осуществить сицилийскую централизацию в Северной и Средней Италии, назначив своего сына Энцо генеральным викарием Италии с подчинением ему областных викариев, а в городах повел политику в духе Барбароссы, насаждая императорских подеста и лишая города всякой самостоятельности.

Эти мероприятия в случае их успеха грозили подорвать политическое господство папства в Италии. Между тем папство в действительности было сильнее империи и поэтому имело возможность не допустить этого. Правда, к середине XIII в. уже ясно наметилась и слабая сторона программ папской теократии. Для осуществления этой программы папство вынуждено было прибегать к таким средствам, которые частично обращались против него самого. Так, многолетние интердикты, налагавшиеся на целые области Италии, способствовали воспитанию поколения людей, выросших без повседневного исполнения обрядов католической церкви. Ереси и секты подтачивали ее здание изнутри, несмотря на деятельность орденов. Огромные богатства церкви и ее роль крупнейшего всеевропейского банкира создавали благоприятную почву для антипапской агитации; ее вели не только еретики, но и агенты Фридриха, который и лично нападал в своих письмах и памфлетах (частично при-

надлежащих Петру Винеюскому) на порочность духовенства и земные, материальные интересы церкви Христовой.

Однако программа самого Фридриха, как уже говорилось, имела еще меньше шансов на осуществление. В сути дела и папская, и имперская теократия как две полярно противоположные по структуре, но тождественные по целям формы преодоления феодальной раздробленности Западной Европы путем надгосударственной ее централизации должны были изжить себя в эпоху создания отдельных феодальных монархий, проводивших это преодоление феодальной раздробленности в рамках сословных государств (Англия, Франция, страны Пиренейского полуострова).

Но все же папская теократия в силу особой функции католической церкви в средневековом обществе оказалась гораздо более стойкой и жизнеспособной, чем имперская. Накануне краха последней и за 60 лет до серьезного поражения папства в начале XIV в., они вступили в смертельный бой друг с другом, сопровождавшийся, между прочим, и такой острой идеологической борьбой между ними, какой история не знала со времен спора за инвеституру. Недаром и расцвет папской и имперской публицистики падает именно на последнее десятилетие правления Фридриха II: перед тем как и империя, и папство испытали радикальное изменение всей своей структуры (второе на столетия позднее первого), они в решающей схватке исчерпали основные средства борьбы и все важнейшие идеологические аргументы, так что продолжение их угасающей борьбы в XIV в. вносит мало нового в историю политической мысли.

Последняя решающая схватка началась в 1239 г. — отлучением Фридриха II Григорием IX. В 1241 г. Григорий IX в ответ на действия Фридриха II в Северной Италии решил извлечь политические выгоды из провозглашенного им отлучения и добиться низложения императора. Для этой цели он повелел созвать в Риме большой собор из прелатов всей Европы. Но ему не суждено было состояться. Фридрих II помешал этому весьма своеобразным способом: наняв генуэзские и пизанские галеры, он разбил генуэзскую же флотилию, которая везла в Рим прелатов из Южной Франции, взял в плен 100 крупных представителей духовенства (в их числе двух кардиналов), а затем осадил Рим. Григорий IX умер в осажденной столице в том же 1241 г. Короткий понтификат Целестина IV и 19-месячная вакантность папской кафедры дали Фридриху II временную передышку, но за это ему пришлось выпустить всех захваченных деятелей церкви. В 1243 г. папой был избран генуэзец Синибальдо Фиески из рода графов Лаванья под именем Иннокентия IV (1243—1254). Он начал переговоры с Фридрихом и потребовал от него разрешить ломбардский вопрос и очистить территорию Папской области, обвинив императора в нарушении присяги. Фридрих же ставил условием очищения патримония снятие отлучения и всячески затягивал переговоры.

Между тем положение складывалось для него неблагоприятно: уже в 1243 г. ему отказал в повиновении город Витербо, что послужило сигналом к целому ряду городских восстаний против Фридриха II в Ита-

лии. Борьба с Витербо затянулась на целых четыре года, и победа над этим городом потребовала от императора таких усилий, что он однажды воскликнул: «Пока не разрушу Витебор, не успокоятся даже в гробу мои кости; стоя одной ногой в раю, я отдернул бы ее, чтобы отомстить Витербо». Пользуясь затруднениями Фридриха и тем, что значительная часть его войска стояла под стенами Витербо, Иннокентий IV бежал из Рима — сначала в родную Геную (морем, на генуэзских кораблях), а затем в Лион. Здесь он созвал в 1245 г. собор, на котором объявил Фридриха отлученным и низложенным, осуществив, таким образом, нереализованный план Григория IX. После этого Иннокентий IV развил сильнейшую агитацию в Италии и самой Германии, действовал подкупками, угрожал сторонникам Фридриха штрафами и наложением интердикта на их земельные владения. Он пустил в ход все ресурсы католической церкви — права и владения, налоги и десятины, крестоносные обеты и индульгенции, средства церковной дисциплинарной власти и канонический порядок замещения церковных должностей. Он использовал и финансовые, и политические средства борьбы, вел прямые войны с Фридрихом и в довершение всего провозгласил крестовый поход против Фридриха вместо похода против «неверных».

В результате деятельности нового папы связь немецких епископов с Фридрихом совершенно прервалась, и три крупнейших рейнских архиепископа (Майнцский, Кёльнский и Трирский) перешли на сторону Иннокентия IV, который стал назначать епископов и аббатов самочинно, даже без канонических выборов. В 1246 г. рейнские архиепископы под давлением папы выдвинули против Фридриха антикороля — ландграфа Тюрингии Генриха Распе. В Германии Фридриха поддерживали имперские и некоторые епископские города (несмотря на антигородскую политику Фридриха), ибо им, во всяком случае, было не по дороге с германскими духовными князьями и стоявшим за ними папством. Вместе с тем Фридрих в эти критические для него годы вернулся к мысли о создании территориального княжества в Германии и использовал смерть последнего Бабенберга — своего старого противника Фридриха Непокорного (1246) для того, чтобы присоединить к владениям Штауфенов Штирию и Австрию, а также Баварию. После смерти антикороля (1247) та же участь постигла и Тюрингию, а второй антикороль был еще слабее первого.

Однако все это не могло решить исхода борьбы, что, по-видимому, в тот момент сознавал и сам Фридрих, ибо как раз тогда он стал обращаться с призывами о помощи против папы к английскому королю Генриху III и французскому королю Людовiku IX, мотивируя это тем, что он как император — первый среди равных ему государей Европы, и если они допустят, чтобы папа безнаказанно отлучал и низлагал императора, то тем более бесцеремонно сможет он обращаться с ними самими.

Призывы его, как уже отмечалось, не нашли действенного отклика. Тем временем ширились городские восстания в Италии, мешавшие Фридриху возобновить личные переговоры с Иннокентием IV. Сначала восстала Парма, под стенами которой войска императора потерпели пораже-

ние (1248 г.), затем Равенна (со всей Романьей), Брешия и ряд других городов. Во время борьбы с городами был взят в плен при Модене сын Фридриха Энцо (1249) и заточен в болонскую тюрьму, откуда болонцы так и не выпустили его до самой смерти (1272). Правда, в 1249 г. Фридрих вновь отвоевал Романью с Равенной, а в 1250 г. — Парму, но ресурсы империи истощались. Это явствует из того, что после внезапной смерти Фридриха в самый разгар борьбы (конец 1250 г.) ни одному из его преемников не удалось добиться каких бы то ни было успехов: они не смогли укрепиться даже в Сицилии.

В течение 50-х—60-х годов сошли со сцены оба оставшихся сына Фридриха II — Конрад IV (1250—1254) и его сводный брат Манфред Сицилийский (погибший в Италии в 1266 г. в битве с Карлом Анжуйским), а также внук Фридриха II Конрадин (сын Конрада IV), который попытался захватить Сицилию, был разбит Карлом Анжуйским и казнен им в Неаполе в 1268 г. по требованию папской курии. Династия Штауфенов перестала существовать, и ее владения в Германии поделили между собою князья. Но вместе с тем отошла в прошлое и средневековая германская империя. После междоусобицы (1254—1273), в конце XIII и начале XIV в. она приобретает совсем иное обличье и превращается в совокупность княжеств. Если Фридриху II не хватило его сицилийских ресурсов и военной помощи германских князей для победы над богатыми итальянскими городами и папством, то политика королей и императоров XIV в. принимает другое направление и носит иной характер.

3. ИТОГИ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В X—XIII вв. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В XIV—XV вв.

К середине XIII в. в Германии не только юридически оформляется сословие духовных и светских князей, но складываются основные признаки территориального верховенства, княжеского суверенитета. Они сводятся в основном к следующему: территориальный князь обладает графскими полномочиями в сфере суда (высшая юрисдикция) и военного командования; ему принадлежит часть законодательной власти, а также исполнительная власть в виде административно-полицейских функций и связанного с этим права «вязать и решить», т. е. применять принудительную власть (*Zwing und Bann*), в X в. составлявшую основной признак королевского суверенитета. Князь приобретает право обложения своих подданных и право постройки укреплений с привлечением к выполнению этих работ населения данного княжества. Таковы основные признаки территориального верховенства имперских князей, и в частности тех крупнейших из них, которые после смерти Фридриха II фактически присвоили себе право избирать королей, а с середины XIV в. превратились в коллегию курфюрстов («князей-избирателей»). Известные элементы верховенства в более ограниченном объеме присущи были и некоторым графам, и представителям высшего дворянства (так называемым «свободным господам»), которые формально не входили в сословие

имперских князей, но фактически отличались от них лишь объемом своих полномочий, по существу представлявших собою проявление той же территориальной политической власти.

С другой стороны, уже в XI в. конституируется отдельное сословие министриалов, которое приобретает особое значение в XII—XIII вв. Министриалы выделились из несвободных обученных слуг короля и крупных феодалов, несших наряду с административной также военную службу. На их превращение в особое сословие оказала сильное влияние рыцарская служба вассалов. Министриалы были необходимы их господам, как должностной аппарат и военная сила, тем более что и в том и в другом отношении они как зависимые слуги составляли противовес вассалам. В XII в. они выходят из состояния несвободы, и разные их разряды сливаются с различными слоями класса феодалов, занимающими те или иные ступени в феодальной иерархии. Имперские министриалы отличаются по своему сословному положению от княжеских министриалов, права которых более ограничены и которые дольше сохраняют признаки несвободного происхождения. В середине XII в. министриалы настолько возвышаются, что в это сословие начинают вступать многие представители разоряющегося сословия «свободных господ», которые, впрочем, сохраняют и свои владения, и юрисдикцию, и право занимать должности графа и шеффенов (судебных заседателей). Отсюда эти права распространились и на некоторые разряды министриалов, что, в свою очередь, сыграло немалую роль в юридическом оформлении территориальных княжеств, так как дало князьям возможность заменять в пределах княжеств прежних графов-феодалов, давно превративших свои должности в наследственные лены, графами-министриалами, являвшимися лишь должностными лицами территориальных князей. А это очень усиливало позицию последних как по отношению к королю, так и по отношению к соперничавшим с ними феодальным силам.

Низшие разряды министриалов начинают постепенно сливаться с низшими разрядами рыцарства. В частности, в Северной Германии светские и духовные магнаты не хотели давать ленов вассалам, а предоставляли их только министриалам или тем, кто готов был вступить в сословие министриалов. В результате всех этих перемещений министриалы светских князей, прелатов (аббатов и епископов) и графов, будучи их ленными держателями, выбившимися из рядов несвободных, начали теперь занимать пятую ступень феодальной лестницы (наравне со «свободными господами»); они, в свою очередь, могли иметь зависимых от них министриалов, тоже несших конную военную службу. Эти министриалы занимали в таком случае шестую или седьмую ступень в вассальной иерархии наряду с рыцарями дворянского происхождения или их подвассалами.

Этим перегруппировкам в недрах господствующего феодального класса соответствовали и перегруппировки внутри крестьянства. Они были тесно связаны с целым рядом явлений: с изменениями в структуре господствующего класса и возникновением территориальных княжеств; с проникновением товарно-денежных отношений в помещичье и крестьянское хозяйство, с ростом немецкой агрессии на Восток в XII—XIII вв.

В первой половине XIII в. агрессия двух духовно-рыцарских орденов (Тевтонского и Ливонского), объединившихся к 1237 г., приводит к завоеванию ряда областей Прибалтики, населенных славянскими, литовскими и финскими племенами (Поморья, Пруссии, Ливонии, части Литвы и Эстонии), пока продвижение рыцарей не было остановлено Александром Невским в результате знаменитого Ледового побоища 5 апреля 1242 г. Однако германская агрессия не могла способствовать укреплению центральной королевской власти, ибо она лишь усиливала территориальное дробление Германии: владения ордена, номинально зависевшего от папы и в то же время получившего пожалования от Фридриха II, фактически были совершенно независимы. Завоевания ордена в Прибалтике создали как бы еще одно, и притом крупное, территориальное княжество в составе все более и более дробившейся империи, к тому же столь сильно выдвинувшееся за ее политические границы на северо-восток, что его возникновение лишь содействовало общему перемещению внутренних центров тяжести Германии с Запада на Восток. А это — наряду с неравномерным развитием товарно-денежных отношений в разных частях Германии — усиливало разобщенность различных экономических районов в пределах страны. Целый ряд вновь основанных или сильно выросших за это время городов Прибалтики (Бреславль, Штеттин, Любек, Гамбург, Висмар, Росток, Гданьск) вошли потом в «Великую Немецкую Ганзу» и создали особый северо- и восточноевропейский район торговли и городского развития, в отличие от прирейнского и швабско-баварского торгового района. Но рыцарская, монастырская и крестьянская колонизация Заэльбья и Прибалтики содействовала также возникновению различных аграрных районов, создав своеобразные условия аграрной эволюции на Востоке и разобщив завоеванные земли с Южной и Юго-Западной Германией. В XIII—XIV вв. можно наметить три таких основных района аграрной эволюции с весьма различным положением крестьянства в каждом.

Теснее всего была связана с колонизацией завоеванных областей Прибалтики Саксония, так как оттуда направлялась в новые земли основная масса крестьянских поселенцев. Это происходило потому, что саксонские феодалы под влиянием роста товарно-денежных отношений стали считать для себя невыгодным прежний вотчинный строй с его системой фиксированных повинностей и оброков, дававших — при наличии рынков сбыта в городах и при соответственном повышении доходности сельского хозяйства — слишком мало барыша. Под влиянием этих процессов они начали отпускать крепостных крестьян (латов) на волю, насильственно лишая их за навязанную им отступную плату наследственных земельных наделов. Разрушая таким образом прежние формы держаний, вотчинники становились непосредственными обладателями крестьянских участков и, соединяя несколько таких наделов (гуф) в одно целое, сдавали их в краткосрочную аренду мейерам, т. е. бывшим управляющим из тех же латов (а впоследствии — из министерялов и мелких рыцарей). Арендная плата сводилась главным образом к поставке хлеба на продажу, поэтому вотчинники стремились заключать с мейерами краткосрочные контракты с правом повышения арендной платы, что не мешало возникновению наследственной мейерской аренды с фиксированными чиншами.

Так сложилось в Саксонии усадебное предприятие мелководчинного типа во главе с арендаторами-мейерами, иногда сливавшимися с низшими разрядами рыцарства, в то время как «освобожденные» от земли, отпущенные без земли латы массами уходили в Заальбье и прочие завоеванные области. Там они вначале находили значительно более свободные отношения, чем в метрополии (до того, как там стало ликвидироваться крестьянское наделное хозяйство). Они обретали там личную свободу, получали право собственности и передачи своих наделов по наследству, уплачивали умеренный натуральный и денежный оброк вотчинникам и подать территориальному князю и несли некоторые государственные барщинные повинности. Такие отношения складывались в начальную пору колонизации на церковных и княжеских землях, а также на землях высшего дворянства.

Наряду с этими вотчинами на востоке существовали и рыцарские владения, предоставлявшиеся рыцарям князьями в лен за военную службу и состоявшие за 4—8 гуф, лежавших чересполосно вперемежку с крестьянскими наделами. С XIV в. начинается перерождение этого мелкого рыцарского землевладения. Оно вызвано возникновением и ростом хлебного экспорта из Прибалтики в Нидерланды, Англию и Скандинавию. Начало этому положил Тевтонский орден, собиравший чинши и десятины зерновым хлебом, и шел он через Гданьск, Любек и прочие ганзейские города, их расцвет в значительной мере объясняется именно им.

Эти процессы и привели в XV в. к превращению рыцарской вотчины в работающее на рынок поместье. В центре такого поместья — собственная барская запашка помещика, его барское хозяйство; само поместье в отличие от чересполосной вотчины других районов Германии занимает сплошную территорию. Помещик начинает стремиться к дальнейшему увеличению барской земли, захватывая оставшиеся без прямых наследников (так называемые «выморочные») или пустующие наделы, а также уменьшая владельческие права крестьян. Нужду в рабочих руках такой помещик старается удовлетворить, привлекая крестьян своей деревни, над которыми он вначале не имел никаких прав господства, к несению барщинных повинностей. Оброки отступают на задний план перед барщиной на территории барской запашки. А так как крестьяне бегут, то их начинают прикреплять к земле, ограничивая и даже уничтожая их личную свободу путем отмены права перехода, запрета вступления в брак без разрешения хозяина и т. п. Развиваются отношения наследственной поземельной и личной зависимости, зафиксированные в виде особого сословного права, регулирующего взаимоотношения помещика и его крепостных. Крестьянский участок становится придатком рыцарского владения. Так складывается крепостное поместье — прямой предшественник будущего юнкерского поместья Пруссии, строй которого подготовил возможность прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве в новое время.

Иначе идет аграрная эволюция в третьем из намеченных нами районов — в Южной и Юго-Западной Германии, где господствовала типичная крупная вотчина раннего средневековья. Здесь в связи с дифференциацией крестьянства происходит частичная замена барщины денежной рентой с сопутствующей этому процессу частичной ликвидацией барского

хозяйства на домене, который раздается по частям рыцарям и крестьянам за денежные и натуральные чинши. Вотчинник теперь сам уже не производит продукцию, а лишь получает фиксированную денежную и натуральную ренту.

В результате столь различных процессов аграрной эволюции, а также вследствие живучести очень архаических порядков в некоторых областях Германии, в разных ее районах складываются основные разряды крестьянства, состоящие из двух больших групп — свободных и несвободных крестьян, каждая из которых, в свою очередь, распадается на более мелкие подразделения. Свободные крестьяне могут быть свободными земельными собственниками, либо так называемыми «свободными держателями участков», за чинш, т. е. свободными чиншевиками. Первые вначале представляли собой мелких аллодистов, селившихся нередко в колонизированных областях (наряду с обезземеленными латами), но потом впадавших в ленную зависимость от вотчинников, на землях которых они селились, и превращавшихся в их зависимых держателей, подвластных их юрисдикции (находившихся под их фогтством). Вторые (так называемые *freie Hintersassen*) были в сущности мелкими свободными собственниками, вынужденными передавать себя и свои наделы под защиту вотчинника за чинш.

Несвободные крестьяне делились на две большие категории: зависимых по земле (*Grundhörige*) и лично зависимых (*Leibeigene*). Зависимые по земле лишены были права вступать в брак без разрешения феодала и права перехода. Их наследственные земельные держания, к которым они были прикреплены, обременены были различными повинностями, которые, однако, были фиксированы и могли быть повышены лишь решением вотчинного суда. Другому вотчиннику их продавали лишь вместе с их дворами. Лично зависимые, или холопы, несли нефиксированные повинности, не имели имущества и получали содержание от господина. Это — собственно дворовые крепостные. С уменьшением барской запашки они иногда превращались в зависимых по земле, так как им выделялись особые наделы, а иногда с разрешения господина уходили в города, где начинали заниматься ремеслами.

Параллельно идет процесс слияния низшей группы свободного крестьянства — «свободных чиншевиков» — с высшей группой несвободного крестьянства — зависимыми по земле держателями. Такое слияние имело место главным образом в Южной и Юго-Западной Германии, в то время как в колонизованных областях обе группы несвободного крестьянства сливались в однородную крепостную массу и все признаки личного холопства стали распространяться на зависимых по земле держателей. Как видим, перегруппировки в среде германского крестьянства связаны с различиями аграрной эволюции каждого из названных экономических районов.

В течение X—XIII вв., когда особенно сильны были имперские тенденции, Германия проделала путь от незавершенного феодализма к распадению на экономические районы и дроблению на ряд территориальных княжеств. С конца XIII — начала XIV в. Германия предстает перед нами как совокупность территориальных княжеств, подобно тому как в X в. она представляла собой совокупность герцогств.

Германия в XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. в истории Германии торжествуют те новые тенденции, которые наметились уже в XIII столетии: рост политической самостоятельности территориальных княжеств и городов, тесно связанное с этим распадение Германии на ряд все более разобщающихся экономических и аграрных районов, перемещение экономических и политических центров тяжести страны на восток — в Прибалтику, Чехию, Австрию. Соответственно перемещаются основные направления политики королевской власти, видоизменяется самый ее характер: итальянская политика германских королей в XIV в. играет несравненно меньшую роль, чем в X—XIII вв. (да и задача ее совсем иная), а в XV в. она и вовсе замирает; зато громадное значение приобретает политика королевской власти в Чехии и Австрии.

Основное изменение позиции королевской власти внутри страны заключается в том, что короли конца XIII — первой половины XIV в. выступают прежде всего как территориальные князья. Создание собственно княжества — теперь уже не одно из средств их политики, а основное ее содержание (хотя эта тенденция и пересекается другими, противоречащими ей устремлениями). Первые короли Габсбургской и Люксембургской династии — форменные собиратели земель, напоминающие удельных князей, и лишь со времен Карла IV, т. е. с середины XIV в., после того как это своеобразное собирательство успело принести свои плоды, германские короли — сначала Люксембурги, а потом Габсбурги — стремятся утвердить остатки своего бывшего верховенства над князьями. Но делают они это, опираясь на личные владения, которые теперь (в отличие от эпохи Штауфенов) представляют собой громадные сплошные комплексы, зачастую превосходящие по размерам территории отдельных князей (кроме самых крупных). Да и остатки политического суверенитета королевской власти теперь не так уж велики, и короли не дерзают их расширять и не посягают на права князей.

Самая смена на престоле в течение XIV—XV вв. представителей трех династий (Люксембургов, баварских Виттельсбахов и Габсбургов) есть в

то же время смена членов трех крупных княжеских родов, которая облегчалась тем, что с конца XIII в. до середины XV в. в порядке престолонаследия (которое было в X—XIII вв. выборно-наследственным) принцип выборности усиливается за счет принципа наследственности. Резкое изменение политической ситуации в стране сказалось уже в избрании на престол Рудольфа Габсбургского в 1273 г. После 19-летнего междуцарствия (Interregnum), во время которого разные группы князей поддерживали различных претендентов на германский престол (английского кандидата Ричарда Корнуэльского и французского ставленника Альфонса Кастильского), выборы Рудольфа означали политическую победу германских князей, которые предпочли всем возможным кандидатам члена их собственного княжеского сословия, т. е. равного им по сословному статусу человека, своего пэра.

В самом деле, по своему происхождению Габсбурги — типичный княжеский род, который усилился с начала XIII в. обычным для территориальных князей того времени способом — благодаря сосредоточению в его руках целого ряда графств и фогтств в Южном Эльзасе и Верхней Швабии, в частности в северо-западной части будущей Швейцарии, где Габсбурги пытались захватить район лесных горных кантонов вокруг Фирвальдштеттского озера. К моменту избрания Рудольфа Габсбурги успели приобрести значительные части бывших владений Штауфенов во время дележа их наследия между князьями, а кроме того, отняли кое-что и у верхнерейнских епископов. К концу XIII в. Габсбурги сделались одним из мощных княжеских родов Юго-Западной Германии, но их мощь была еще не настолько велика, чтобы угрожать другим князьям, а потому князья сошлись на кандидатуре Рудольфа (1273—1291).

Он использовал корону главным образом как средство умножения своих родовых владений и вообще руководствовался прежде всего габсбургскими интересами: его политика как территориального князя и была его королевской политикой. Он не стремился к вмешательству в итальянские дела. Сицилия и Южная Италия так мало интересовали его, что он не пошел навстречу даже предложению папы заключить союз против брата французского короля Людовика IX (1226—1270) — Карла Анжуйского, которому досталось Сицилийское королевство после гибели Штауфенов и который очень усилился, так как сделался графом Прованса и стал играть роль соединительного звена между Францией и Италией. Иными словами, Рудольф отказался от имперской политики. Мало того, и в самой Германии союзы территориальных князей и городов в поддержании мира играли большую роль, чем королевская власть. Рудольф охотно шел на то, что его королевский суверенитет и имперские права нарушались французскими королями Филиппом III (1270—1285) и Филиппом IV Красивым (1285—1314), которые за это обещали ему укрепить позиции Габсбургского дома в Бургундии. Благодаря победе Рудольфа над чешским королем Пржемыслом (Оттокар) II в. 1278 г. Габсбурги получили Австрию, вошедшую незадолго перед тем в состав державы Пржемысла.

С тех пор Австрия сделалась исходным пунктом для дальнейшего роста Габсбургских владений.

Но начатое Рудольфом собирание земель в руках Габсбургов было прервано тем, что после его смерти князя, в частности рейнские архиепископы, задававшие тон на королевских выборах, из страха перед возможным усилением Габсбургов избрали королем мелкого рейнского князька Адольфа Нассауского (1292—1298). Однако, хотя Адольф обещал князьям земельные дарения, и он пошел по пути Рудольфа и попытался увеличить личные владения в Тюрингии, используя тюрингенско-мейссенские уособы. Это восстановило против него чешского короля Вацлава II (сына Пржемысла), который, в свою очередь, стремился к расширению владений за Рудные Горы, а также многих князей. Против Адольфа составила́сь целая княжеская коалиция (из архиепископов Майнца и Кёльна, бранденбургских, саксонских и пфальцских князей), которая низложила его (Адольф погиб во время сражения в 1298 г.).

После него королем был вновь избран представитель династии Габсбургов — Альбрехт Австрийский (1298—1308), сын Рудольфа. Альбрехт продолжал территориальную политику отца, но потерпел ряд неудач. Стремление Габсбургов округлить свои владения путем соединения придунайских и верхнерейнских территорий вызвало еще до вступления Альбрехта на престол отпор со стороны швейцарских крестьян упомянутых выше кантонов, заключивших союз с городами Восточной Швейцарии. Враждебные Габсбургам короли других династий давали привилегии швейцарцам (первым начал проводить эту политику Адольф Нассауский в 1297 г., а затем ее продолжил Генрих VII Люксембургский). Альбрехт-Австрийский принужден был вступить в борьбу с швейцарцами и пал в битве с ними (1308). Помимо швейцарских земель, Альбрехт пытался положить руку то на голландское, то на чешское наследие — владение династии Пржемысловичей (после смерти внука Пржемысла II Вацлава III в 1306 г.), но в обоих случаях безуспешно.

В международной политике Альбрехт действовал выжидательно, осторожно и пассивно, лавируя между двумя крупнейшими политическими силами того времени — Францией и папством. Видя усиление Франции, Альбрехт сначала (в 1299 г.) заключил союз с Филиппом IV и тем самым предоставил Фландрии самой защищать себя от притязаний французского короля. Но после буллы папы Бонифация VIII (1302), направленной против Филиппа IV, Альбрехт подчинился папе, надеясь, по-видимому, таким путем обеспечить за Габсбургами наследственные династические права на германский престол. Однако последовавшая вскоре после этого победа Филиппа IV над папством (1303) и начавшееся в 1309 г. Авиньонское пленение пап свело на нет все усилия Альбрехта. После его смерти династия Габсбургов только через 130 лет опять становится правящим домом в Германии, а самого Альбрехта непосредственно сменяет на троне выходец из рода графов Люксембургских (небольшое графство между верховьями Мозеля и Мааса), Генрих VII (1308—1313). Князья избрали его как раз в противовес усилению Габсбургов, и он должен был, по замыслу князей, стать таким же бессильным преемником Альбрехта I, каким был Адольф Нассауский после Рудольфа Габсбургского. Но ожидания князей на этот раз не оправдались: Люксембургская династия оказалась сравнительно устойчивой и после короткого перерыва, когда пра-

вил Людовик Баварский, продержалась до 1437 г., выдвинув из своей среды таких сильных королей, как Карл IV и Сигизмунд.

Генрих VII — первый германский король после междоусобицы, который пытался возобновить имперскую итальянскую политику.

Однако к моменту его вступления на престол резко изменилась, даже сравнительно с 1273 г., и международная, и внутримперская обстановка. Прежде всего к этому времени упадок папской власти, предвестники которого появились уже в самый разгар папского могущества, т. е. в XIII в., стал свершившимся фактом. Переместившиеся в Авиньон папы сделались (начиная с Климента V) в значительной мере послушным орудием французских королей. Тем самым французская сословная монархия сумела одним ударом сокрушить папскую теократию, чего тщетно добивалась германская империя в течение двух столетий — со второй половины XI до середины XIII в. Это объясняется уже отмеченной выше нежизнеспособностью папской теократии в условиях роста централизованных феодальных монархий. Вполне естественно, что победа над папством выпала на долю одной из таких монархий (Франции), а не обессилевшей германской империи, имперская программа которой была еще более архаичной, чем папская теократия.

Как бы то ни было, во время авиньонского пленения пап за папством в сущности стояла Франция, а потому и борьба с папством затрагивала в той или иной мере интересы французских королей.

То же самое относится и к итальянской политике германских королей того времени: и она косвенно противоречила интересам Франции, так как новые хозяева Южной Италии, неаполитанские короли из анжуйского дома, после изгнания анжуйцев из Сицилии, которую захватили арагонцы, стремились распространить свою власть на Среднюю и Северную Италию; особенно активную политику проводил внук Карла I Роберт (1309—1343). Между тем анжуйцы были настолько тесно связаны с Францией, что можно говорить об итальянской политике французских королей в XIV в., которая, кстати сказать, оказалась (как и борьба с папством) тоже гораздо более успешной, чем германская политика в Италии. Франция не нуждалась в торговом посредничестве Германии и стремилась установить непосредственные торговые связи с Италией. Но еще до падения папства резко меняется отношение к королевской власти в самой Германии: германских королей избирают и низлагают князья, словно они присвоили себе роль папства; нет речи о стремлении королей к императорской короне, и ничего не слышно о папских отлучениях по их адресу.

Генрих VII попытался возродить старую и отжившую имперскую традицию: он добился у папы Климента V, мечтавшего о новом крестовом походе, чтобы возродить папское могущество, обещания короновать его императорской короной и начал готовиться к итальянскому походу. Этот поход в охарактеризованной выше международной обстановке не мог быть успешным. И это несмотря на то, что Италия крайне нуждалась в централизации, ибо состояла из ряда враждовавших между собою государств (Сицилийское и Неаполитанское королевства, папский патримоний, крупные города-государства, вроде Венеции, Генуи, Флоренции) и городских коммун, в которых к тому же кипела борьба гвельфов и гибеллинов,

давно превратившихся из сторонников папства и империи в городские партии, в свою очередь подразделявшиеся в разных городах на целый ряд различных более мелких группировок (как, например, черные и белые гвельфы во Флоренции).

В этой атмосфере и возникли призывы Данте к Генриху VII, как объединителю Италии. Однако они были и остались утопией: Италию не мог объединить король, не имевший прочной социальной опоры в собственной стране, не менее раздробленной, чем Италия, и к тому же стремившийся в сущности не к объединению, а к покорению Италии в духе имперской традиции, достаточно ненавистной всем итальянским городам-республикам. Кроме того, против Генриха VII были мощные анжуйцы и стоявшая за ними Франция. Папское обещание коронации представляло собой лишь попытку Климента V хоть в каком-нибудь вопросе выйти из-под французской опеки, но эта попытка оказалась неудачной. После того как Генрих VII был в 1312 г. коронован папским легатом, Климент V, находившийся в Авиньоне, под давлением Франции уже начал готовить отпор Генриху. Генрих VII заключил союз с сицилийским королем из арагонского дома, но, несмотря на это, ему не удалось продвинуться дальше Сиены, недалеко от которой он и умер в 1313 г. Однако его кратковременное правление подготовило длительную борьбу германского короля с авиньонским папством и Францией, развернувшуюся при преемнике Генриха VII — Людовике Баварском.

Людовик Баварский (1314—1347) происходил из княжеского рода Виттельсбахов, которому принадлежала Бавария и Восточный Пфальц (к западу от Австрии), а впоследствии также владения в Вормсской области и в северных провинциях Геннегау и Голландии. Людовик был избран на престол князьями, хотя на корону претендовал и другой кандидат — Фридрих Габсбург, сын Альбрехта I. Людовику пришлось вести с ним длительную борьбу, которая и послужила поводом к конфликту Людовика с авиньонским папством и Францией, хотя истинные причины этого конфликта лежали глубже и коренились в соперничестве Франции и Германии из-за влияния на Италию и из-за торговых сношений с нею.

После того как Людовик Баварский одержал в 1322 г. победу над Фридрихом Габсбургским, он потребовал, чтобы папа Иоанн XXII, косвенно поддерживавший Фридриха, признал законным королем Германии Людовика. Однако Иоанн XXII, сторонник французской ориентации, покровительствовавший анжуйцам в Неаполе и впоследствии назначивший викарием в Италии Филиппа Валуа (будущего основателя новой династии во Франции), отказался выполнить требование Людовика и изъявил желание выступить третейским судьей в споре между Фридрихом и Людовиком. Но это совсем не отвечало интересам Людовика и не входило в его расчеты. Поэтому вместо приглашения папы для разбора дела он заручился поддержкой гибеллинских городов Северной Италии и стал готовиться к борьбе с папой. Тогда (в 1323 г.) папа потребовал от Людовика, чтобы он в течение трех месяцев отрекся от престола, угрожая ему в противном случае отлучением, интердиктом и разрешением его подданных от присяги верности, а в 1324 г. папа привел свою угрозу в исполнение. Разыгрался конфликт, по своим внешним формам и особенно

по методам папского воздействия на германского короля, на первый взгляд так напоминающий борьбу папства и империи в XI—XIII вв. (плюс новое средство в руках папы по отношению к королю — интердикт).

Однако уже ответ Людовика на папское отлучение вскрывает всю глубину различия в характере этой борьбы, а также и в самой роли королевской власти в Германии в XIII и в XIV вв. Вместо рассуждений о божественном происхождении власти светского государя Германии и его суверенитете, как императора Людовик Баварский отвечает папе Саксонской апелляцией (Sachsenhäuser Apellation), которая обосновывает его права на корону совсем иными, новыми соображениями: короля Германии выбирают германские князья (в особенности те, которые уже закрепили за собою это право обычаем); их выбор дает ему основания претендовать и на императорскую корону; при двойных выборах дело решает меч, а не папский авторитет, а так как в данном случае меч решил спор в пользу Людовика, то претензии папы на роль третейского судьи являются совершенно необоснованными.

Как видим, Людовик хочет отвести папское вмешательство ссылкой на авторитет князей и княжеские выборы короля. Он чувствует себя княжеским ставленником. Подобные аргументы в устах Фридриха II были бы, конечно, совершенно невозможны, и по ним можно судить о том, какой путь проделало за это время княжевластие в Германии: из местных властителей, пусть полусуверенных, но все же локально ограниченных, германские князья к концу первой четверти XIV в. превратились (по крайней мере, в лице крупнейших из них) в вершителей политических судеб страны.

Отлучение Людовика и его Саксонская апелляция послужили началом его 23-летней борьбы с папством. В ходе этой борьбы сторонниками Людовика выдвинуты были и аргументы о примате светского государя над папой, но они трактовались не в духе прежней имперской теократии, а скорее в смысле феодально-сословной централизации в рамках определенного государства (в данном случае — Германии). Они связаны были также и с первыми зачатками программы реформирования самого папства. Так, Марсилиус Падуанский, автор знаменитого трактата «Defensor pacis», пропагандировавший при дворе Людовика Баварского учение о королевском суверенитете, выдвинул в то же время и идею подчинения папы церковному собору, а Саксонская апелляция содержит тезисы, продиктованные требованиями церковной реформы и борьбой со стяжательством папской курии.

В 1325 г. Людовик примирился с Фридрихом Габсбургским и даже сделал его своим наместником в Германии. Через два года после этого Людовик при поддержке гибеллинов дошел до Рима, а в 1328 г. в Риме было подтверждено его избрание римским королем, произведенное ранее в Германии. Затем римские горожане поставили его во главе города, а два отлученных папой епископа короновали его императорской короной. Как видим, Людовик Баварский воспользовался поддержкой восставших против папы римлян, которую в свое время отвергли Конрад III и Фридрих Барбаросса. Но вскоре римские горожане, познакомившись с истинными намерениями Людовика, стремившегося завоевать Италию,

превратились из его сторонников во врагов, а крупные города-государства Северной и Средней Италии за редкими исключениями и без того принадлежали к числу его противников. К тому же Людовик не получил никакой военной помощи из Германии. Поэтому в 1330 г. (после смерти Фридриха Габсбургского) он принужден был покинуть Италию, чтобы больше туда не возвращаться. Его завоевательные планы потерпели крах, и римская коронация в сущности ничего ему не дала.

Между тем первый французский король из новой династии Валуа Филипп VI (1328—1350) захватил пограничные епископства Туль и Верден и начал вести переговоры с Иоанном XXII о ломбардской короне. В столь неблагоприятной для Людовика международной обстановке его итальянская политика невольно отступила на задний план перед попытками увеличения территориальных владений Виттельсбахов: так, Людовик (совместно с Габсбургами) заявил притязания на Тироль и на часть люксембургских владений. Однако ему не удалось ни осуществить эти притязания, ни закрепить за своим родом наследственные права на германский престол. Когда Людовик после начала Столетней войны попытался использовать против папства английского короля Эдуарда III, папа выдвинул против него антикороля в лице Карла, внука Генриха VII Люксембургского.

Генрих VII еще в 1310 г., после ликвидации наследия Пржемысловичей, передал Чехию своему сыну Иоанну (Яну); сын Иоанна, Карл IV, в 1347 г. сменил на престоле свергнутого Людовика Баварского. Длительное правление Карла IV (1347—1378) znamenательно главным образом попытками нового конституирования королевской власти в обстановке растущей ее зависимости от князей-избирателей.

К моменту вступления на престол Карла IV на германских княжествах, особенно восточных, уже сказались результаты тех перемещений и перегруппировок, которые были вызваны немецкой агрессией на славянский Восток, а также внутренними процессами консолидации одних княжеских владений и дробления других. Так, Саксония, с одной стороны, переместилась к юго-востоку, заняв часть бывшей Восточной и Мейссенской марки, а с другой — подверглась дроблению, в результате которого из нее выделилось герцогство Саксония, включившее в себя как раз вновь захваченные области.

Самостоятельное значение приобрели на северо-востоке такие княжества, как Бранденбург, и такие области, как Силезия, Лужицкая земля, далее к югу от них — составные части бывшей чешской державы Пржемысловичей (Чехия, Моравия), а на юго-востоке, в придунайском бассейне — Австрия, Каринтия, Штирия, Крайна, Тироль. Во все эти заальбские и придунайские области продолжали проникать немецкие колонисты — духовенство, горожане и крестьянство. К сказанному выше о характере колонизации Прибалтики следует добавить, что как раз в Чехию (а также Польшу) в XIII—XIV вв. направляются из Германии епископы и клирики, министерялы и дворяне, чиновники, горожане и крестьяне, и в этих странах возникает ряд городов, внутренний строй которых конституируется по магдебургскому, нюрнбергскому, венскому праву. Вместе с тем на западной границе Германии все большую роль начинают

играть три крупнейших рейнских архиепископства и растет значение некоторых светских княжеств (Люксембург, Рейнский Пфальц, графство Бургундия), а на юге в борьбе с притязаниями Габсбургов складывается Швейцарский союз. Уже Генрих VII в 1309 г. сделал три лесных кантона вокруг Фирвальдштетского озера имперскими и назначил туда — в противовес Габсбургам — королевского фогта. Попытка Габсбургов подавить их самостоятельность силой привела к поражению Габсбургов и к основанию в 1315 г. швейцарской федерации в составе Ури, Швица и Унтервальдена, к которым присоединились в 1350 г. кантоны Люцерн, Цуг, Гларус и города Цюрих и Берн, продолжавшие борьбу с Габсбургами в течение всего XIV и XV столетия¹.

Если к этому прибавить еще такие факты, как возникновение союзов городов в XIV в. (политического союза швабских городов и торгового Ганзейского союза, окончательно оформившегося в середине XIV в.), то станет понятно, что в условиях территориальных перегруппировок, возникновения новых княжеств и новых политических образований, при все усиливающемся распадении страны на ряд экономических районов и весьма различных центров политического господства королевская власть могла найти действительную опору, лишь владея одним из таких центров и лавируя между обладателями других.

Таким центром для Карла IV (как и для всей Люксембургской династии) служила Чехия. Карл IV был наследственным королем Чехии, и его в качестве такового князя избрали на императорский престол. Его избрание объясняется не только враждебным отношением папства и князей к наследникам Людовика Баварского, но и тем, что Чехия являлась в то время богатой, цветущей страной и авторитет чешского короля стоял в империи высоко. Карл IV происходил со стороны отца из полутерманского, полуроманского Люксембургского графства, а со стороны матери был чехом и считал Чехию своей родиной, хотя и провел юность в Париже, где получил чисто французское воспитание. При нем продолжался экономический и культурный расцвет Чехии, начавшийся еще в XIII в.; в Праге был открыт в 1348 г. университет (правда, не чешский, а немецкий), и город украсился ценными произведениями архитектуры. Вместе с тем тогда же оформились отношения крепостной зависимости чешских крестьян и сказались отрицательные результаты немецкой колонизации, обострившие отношения между немецким и чешским духовенством, немецким и чешским дворянством, немецким и чешским бюргерством. Немецкое духовенство было проводником папского влияния в Чехии и накопило там огромные земельные и денежные богатства, так же как и немецкое дворянство.

Оба эти слоя немецких феодалов закрепощали и угнетали чешских крестьян, а немецкое бюргерство мешало чехам заниматься торговлей и ремесленным производством в городах.

Обострение указанных противоречий именно при Карле IV содало почву для чешского национально-культурного движения, усилившегося в кон-

¹ См. выше, гл. IV.

це XIV в., после смерти Карла, и вылившегося в начале XV в. (при преемниках Карла — Вацлаве и Сигизмунде) в мощное восстание широких масс чешских горожан и крестьян против немцев, империи и папства, а также против помещичьего произвола и основ феодального строя. Это восстание, известное под именем гуситского движения, составляет важнейшую страницу в истории Чехии, а не Германии. Мы упоминаем о нем в настоящем очерке с одной лишь целью — показать, что политика Карла IV в Чехии, несмотря на его особый интерес к своему королевству, определялась в значительной мере и его положением как германского короля и императора. В противном случае она не содействовала бы усилению тех процессов, которые через четверть века после смерти Карла вызвали проповедь Яна Гуса. Поэтому следует признать неправильной известную характеристику, которую дал Карлу IV Максимилиан I Габсбург: «отец Чехии и отчим империи». Ибо Карл IV, как уже указывалось, рассматривал Чехию как политический центр тяжести внутри империи, а не как самостоятельное государство с самобытным общественным строем и культурой. Кроме того, она была для него и важнейшим ядром его собственных княжеских владений, и его заботы о Чехии в значительной мере диктовались стремлением усилить основную опору владений Люксембургской династии. Эти династические мотивы чешской политики Карла IV сказывались и в том, что он увеличивал свои владения, присоединяя к ним соседние с Чехией территории — Силезию, Нижние и Верхние Лужицы, примыкающий к ним Бранденбург (приобретенный у сыновей Людовика Баварского) и, наконец, некоторые территории в Мейссенской марке и Верхнем (Восточном) Пфальце.

Таким образом и Карл IV вел политику собирания земель. Ей вполне соответствуют его компромиссы с более мелкими князьями, которых он хотел усилить в противовес Габсбургам. Так, он превратил в самостоятельные герцогства Мекленбург и Юлих (а также Люксембург, первоначальное родовое владение собственной династии), а Вюртембергскому графству обещал сохранение неделимости за признание вассальной зависимости от него.

Однако в отличие от своих предшественников Карл IV уже не мог ограничиваться этим, а вынужден был юридически оформить и закрепить два основных признака германского княжества XIV в.: 1) рост прав территориального верховенства внутри отдельных княжеств; 2) фактическую кристаллизацию определенной группы князей, предпрещавших выборы германского короля и императора. Таким юридическим оформлением этих двух явлений была «Золотая булла», изданная Карлом IV в 1356 г. Она узаконивала коллегия князей, наделенных особым правом избирать короля (поэтому они назывались князьями-избирателями, курфюрстами). В состав этой коллегии, по «Золотой булле», входили следующие семь курфюрстов (мы перечисляем их в том порядке, который соответствует последовательности подачи голосов): 1) архиепископ Трирский, 2) архиепископ Кёльнский, 3) король Чешский, 4) пфальцграф Рейнский (владелец Западного Пфальца, расположенного по обоим берегам среднего течения Рейна), 5) герцог Саксонский, 6) маркграф Бранденбургский, 7) архиепископ Майнцский.

Последний должен был созывать выборное собрание всей коллегии во Франкфурте-на-Майне. Так как избрание считалось действительным лишь при наличии большинства голосов, то голос Майнцкого курфюрста решал дело. Кроме того, он имел право испрашивать заранее согласие у других курфюрстов на ту или иную кандидатуру и узнавать мнение о ней. Такая роль фактического председателя коллегии курфюрстов вполне соответствовала большому авторитету Майнцкого архиепископа в среде германских князей XIV в.

Король избирался курфюрстами как *rex in imperatorem promovendus*, т. е. избрание предreshало увенчание данного кандидата не только королевской, но и императорской короной (осуществление одного из тезисов «Саксонской апелляции» Людовика Баварского). Вопрос о влиянии папы на выборы германского короля «Золотая булла» просто обошла молчанием. Это объясняется тем, что она была издана как раз в период ослабления авиньонского папства, когда Франция терпела поражения в Столетней войне.

«Золотая булла» предполагала превращение коллегии курфюрстов в постоянно действующий орган государственного управления и намечала ежегодный съезд курфюрстов сроком на один месяц (после пасхи) для обсуждения государственных дел в городе, избранном для этого по усмотрению короля. Однако данный пункт не был проведен в жизнь. Зато самый порядок выборов короля по «Золотой булле» фиксировал традицию, сложившуюся еще со времен Рудольфа Габсбургского. Выборы представляли собой в сущности контракт курфюрстов с королем. Коллегия курфюрстов выступала как корпорация, представлявшая империю, становившуюся между папой и королем, иногда даже низлагавшая короля (вспомним низложение Адольфа Нассауского в 1298 г.).

«Золотая булла» узаконивала и расширяла также права территориального верховенства в пределах княжеств. Правда, она распространяла их только на курфюршества, но предоставленные им привилегии оказали потом обратное влияние на претензии остальных князей. «Золотая булла» установила неделимость курфюршеств (с тем, чтобы светские курфюршества переходили по наследству к старшим сыновьям курфюрстов), передавала курфюрстам права на рудники, на чеканку собственной монеты, на взимание таможенных пошлин, на полную высшую юрисдикцию над их подданными, а также гарантировала им защиту от восстаний против них и от узурпаций их привилегий (такую же, какую имел сам король). Таким образом, согласно «Золотой булле», курфюршества рассматривались как полунезависимые государства в составе империи, объединившиеся тем, что являлись подданными короля и императора, и лишённые только права самостоятельно вести войны и заключать мир с иностранными государствами.

Через 10 лет после издания «Золотой буллы» Карлу IV удалось расширить западные имперские владения. Используя военные поражения Франции, он присоединил к империи графство Бургундию, в 1365 г. короновался бургундской короной, после чего территория бывшего королевства Бургундия (кроме Лионне и Виваре) опять отошла к империи. Граф Савойи получил от Карла IV викариат в Арелате, что превратило

временно Савойю в форпост империи против французского продвижения в Италию.

Эти западные приобретения Карла IV были тесно связаны с его итальянской политикой. Она отнюдь не составляла основного нерва его государственной деятельности. В начале своего длительного царствования Карл IV как будто склонен был продолжать традиции деда — Генриха VII и непосредственного предшественника — Людовика Баварского и усиленно добивался коронования императорской короной в Риме. Но добился он этого только через 8 лет после его избрания германским королем: в 1355 г. он венчался ломбардской короной, а затем был коронован по распоряжению папы Климента VI императором, но пробыл в Риме только один день, день коронации, затем провел несколько месяцев в Тоскане и больше в Италии не задерживался. После этого его деятельность в Италии прервалась более чем на десятилетие и возобновилась лишь тогда, когда наметилась перспектива возвращения пап из Авиньона в Рим и Карл IV счел выгодным для себя использовать эти намерения папства в своей борьбе с Францией.

В 1367 г. папа Урбан V покинул Авиньон, воспользовавшись ослаблением Франции, и переехал в Рим. Вслед за ним направился в Италию и Карл IV, который расчищал путь к восстановлению папского господства в Риме и в 1368—1369 гг. вел борьбу с врагами папы. Однако усилия Карла и папы оказались безуспешными. Урбану V пришлось вернуться в 1370 г. в Авиньон, и только следующий папа, Григорий XI, в 1377 г. окончательно перенес папский престол в прежнюю резиденцию.

Как видим, Карл IV в конце своего царствования пытался содействовать прекращению авиньонского пленения пап, но эти попытки независимо от их безрезультатности, можно скорее рассматривать как проявление антифранцузской, а не итальянской, политики Карла IV. Последняя была значительно слабее и бледнее, чем итальянская политика Генриха VII и Людовика Баварского и к тому же все более и более расходилась с его имперской политикой — в отличие от эпохи Штауфенов, когда имперская и итальянская политика совпадали друг с другом. Имперской политикой Карла IV являлась его чешская политика, и это лишний раз подчеркивает роль столь важного факта, как общее перемещение центра тяжести империи на восток.

Ко времени смерти Карла IV территориальные владения распределялись между двумя соперничавшими королевскими династиями в Германии следующим образом: Люксембургам принадлежали Чехия, Моравия, Силезия, Бранденбург, Лужицкая земля, марки по Эльбе и Одру, Пригниц; Габсбургам — северо-западные области Швейцарии (от Фрейбурга и Базеля до Констанца и Сен-Галлена, за исключением кантонов Швейцарского союза), Тироль, Каринтия, Штирия, Крайна, Австрия.

Это распределение владений отнюдь не оставалось неизменным, наоборот, в их составе постоянно происходили перемещения. Так, Бранденбург вскоре приобрел самостоятельность и выделился из состава люксембургских владений. Владения Габсбургов в течение XIV—XV вв. тоже несколько раз то аккумулировались, то распылялись с тем, чтобы потом вновь сосредоточиться в руках Габсбургского дома. Но важнее всего было

то, что с конца XIV в. в Чехии начинается движение за восстановление ее былой самостоятельности и выделение ее из империи. Чешское национально-культурное движение особенно усиливается при Вацлаве (1378—1400), сыне Карла IV, который был еще при жизни отца и под его давлением избран королем во Франкфурте-на-Майне и коронован в Ахене без вмешательства папы.

Вацлав был в большей мере чешским королем, чем Карл IV. Его политика не удовлетворяла князей, и он не удержался на императорском престоле: курфюрсты низложили его и выбрали королем не принадлежавшего к Люксембургской династии Рупрехта Пфальцского (1400—1410). Однако Вацлав, потеряв германскую и императорскую корону, продолжал оставаться королем Чехии до самой своей смерти (1419), а на императорском и германском престоле Рупрехта Пфальцского сменил другой сын Карла IV — брат Вацлава Сигизмунд (1410—1437), которым заканчивается Люксембургская династия в Германии.

При Вацлаве и Сигизмунде в Чехии произошли события первостепенной важности — гуситские войны (1419—1434), которые привели к длительному фактическому выделению Чехии из состава империи.

Сигизмунд, который осуществлял в Чехии политику германского короля и императора, объединявшего в своих руках Германию, Венгрию и Чехию, поддерживал католическую церковь и немецкое духовенство, дворянство и бюргерство, которые господствовали над местным населением. В результате предпринятых им многократных крестовых походов Сигизмунд ценой громадных усилий добился в 30-х годах разгрома таборитов, но последствия гуситского движения продолжали сказываться до середины и даже до конца XV в., а Чехия перестала играть роль политического центра тяжести империи, превратившись в полунезависимое государство, постоянно готовое поднять восстание против имперского господства (достаточно указать на ее роль во время Реформации, католической реакции и Тридцатилетней войны). Это изменение положения Чехии в империи нашло отражение и в том, что Люксембургскую династию сменила династия Габсбургов, что произошло как раз после разгрома таборитов и смерти Сигизмунда. Люксембурги без послушной им Чехии, основного ядра их родовых владений, очевидно, не имели достаточно реальной силы и не пользовались у курфюрстов надлежащим авторитетом.

Подавление гусизма было тесно связано с движением за умеренную соборную реформу церкви, которое явилось результатом перерождения папства в эпоху авиньонского пленения. Вызванное формально расколом (схизмой) в католической церкви (наличие двух пап — авиньонского и римского), оно написало на своем знамени: «Собор выше папы», и требовало умеренного преобразования церкви в противовес идеям радикальной Реформации, выдвинутой последователями Виклифа и Гуса. Констанцкий и Базельский соборы, состоявшие главным образом из прелатов и богословов, осудили идеи Реформации, добились казни Гуса (Констанцкий собор) и весьма содействовали подавлению таборитского движения (освятив крестовые походы Сигизмунда и заключив соглашения с утравистами — так называемые Базельские компактаты). Однако они лишь

провозгласили, но не реализовали идею примата собора над папой. Их фактическая роль свелась главным образом к подавлению реформационного движения, что привело к новому усилению папства — правда, уже на иной основе.

Соборное движение, имевшее прежде всего международное значение и потому выходящее за рамки настоящего очерка, занимает определенное место и в истории Германии,— постольку, поскольку оно протекало в атмосфере тесного сотрудничества католической церкви и императорской власти: Сигизмунд лично председательствовал в заседаниях соборов, и крупнейшие соборы (если не считать Флорентинского и Пизанского) происходили не только в пределах империи, но и на территории Германии. Тем самым уже при последнем императоре Люксембургской династии наметилось то единство интересов «Священной Римской империи» и католической церкви, которое оказалось столь характерным для политики Габсбургов и которое резко противоречит неизбежной враждебности папства и империи в X—XIII вв. (а отчасти в XIV в.). Эта радикальная перемена знаменует окончательное перерождение и империи, и папства. Империя как совокупность княжеств, управляемая коллегией курфюрстов и рейхстагом во главе с императором, нуждалась теперь в освящении ее суверенитета над княжествами авторитетом католической церкви, а та была заинтересована в военно-политической поддержке в борьбе с надвигавшейся Реформацией. Совпадение их интересов означало ослабление каждой из сторон в отдельности. В частности, государственный строй империи после издания «Золотой буллы» неуклонно ослабевал — по мере усиления роли отдельных княжеств, и все попытки приостановить этот процесс или внести в него хоть какие-нибудь коррективы на протяжении XIV—XV вв. неизменно терпели неудачу.

Важным органом управления, кроме коллегии курфюрстов в XIV—XV вв., был рейхстаг. В него входили представители двух правящих групп Германии — имперских князей и имперских городов. В число имперских князей, заседавших в рейхстаге, входили прежде всего сами курфюрсты, затем более мелкие имперские князья, независимые от курфюрстов и непосредственно подчиненные императору (некоторые графы), а также гроссмейстеры духовно-рыцарских орденов; имперскими городами назывались города, непосредственно подчиненные императору.

Если рассматривать курфюрстов и прочих имперских князей как два разных сословия (которые, однако, входили в одно общее сословие князей), то можно считать, что рейхстаг состоял из представителей трех сословий, или «земских чинов», как их называли в Германии.

Однако при любой их классификации необходимо помнить, что они не похожи на те три сословия, которые заседали во французских Генеральных штатах XIV в., в английском парламенте XIII—XIV вв. или в кортесах Кастилии и Арагона. В германском рейхстаге отсутствовали представители мелкого дворянства (рыцарства), а также бюргерства неимперских городов, т. е. «третьего сословия» в узком смысле этого слова. Духовенство заседало в рейхстаге лишь постольку, поскольку крупнейшие прелаты входили в состав княжеского слоя. Горожане не имели представителей в рейхстаге потому, что неимперские города зависели от князей и лишь

через их посредство — от императора. Таким образом, в германском рейхстаге собирались лишь представители высших слоев духовенства, светских феодалов и бюргерства и то не столько в качестве членов тех или иных сословий (или сословных группировок), сколько в качестве лиц, возглавляющих отдельные политические единицы (т. е. обладателей курфюршества и княжеств, бургомистров имперских городов).

Эта особенность структуры рейхстага, составлявшая его коренное отличие от Генеральных штатов и английского парламента, с одной стороны, придавала ему характер замкнутого аристократического учреждения, а с другой — сближала со своеобразным съездом различных полунезависимых государств, объединенных только их принадлежностью к империи.

Курфюрсты, князья и представители имперских городов рассматривали и решали вопросы отдельно и образовывали три разные палаты в рейхстаге. Рейхстаг обладал законодательной инициативой и правом вводить императору взимание налогов. Указы, изданные императором совместно с членами его дворцового совета (Hofrat), выносились на утверждение рейхстага; зато император имел право отклонить решение рейхстага или внести в него изменения; в последнем случае решение вторично обсуждалось в рейхстаге.

Исполнительная власть рейхстага была фактически очень слаба, так как его решения осуществлялись отдельными князьями на местах.

Некоторый корректив в аристократическую замкнутость общеперского представительного учреждения — рейхстага — вносили собрания земских чинов внутри княжеств — ландтаги. В ландтаги входили представители трех сословий данного княжества — духовенства, дворянства и горожан (а в некоторых княжествах — и свободного крестьянства), и они по своей структуре больше напоминали французские сословно-представительные учреждения, чем рейхстаг.

Таким образом, ландтаги несколько ограничивали власть князей внутри их княжества, в то время как рейхстаг воплощал в себе их господство в империи.

Территориализация Германии, зародившаяся в XII—XIII вв. в недрах германского феодального строя и явившаяся результатом выясненных выше особенностей его развития, привела в течение XIV—XV вв. к тому, что централизованное сословно-феодальное государство с представительными учреждениями (тип так называемой сословной монархии) сложилось *в пределах отдельных княжеств, а не в рамках империи или германского королевства. Княжества стали такими сословно-феодальными государствами, а Германия превратилась в их совокупность.* И это произошло как раз тогда, когда другие западноевропейские государства (Франция, Англия, Испания) готовы были вступить в фазу абсолютизма. Поэтому в дальнейшем тенденции централизации в Германии могли исходить только из отдельных княжеств, а не из все более и более распадавшейся империи.

Процесс ее распада продолжался и при новых королях из династии Габсбургов — при Альбрехте II (1438—1439), Фридрихе III (1440—1493), Максимилиане I (1493—1519).

После того как победа Сигизмунда над таборитами была куплена ценою фактического ослабления роли Чехии внутри империи, на престол был избран зять Сигизмунда, представитель Габсбургского рода Альбрехт II Австрийский, которому наследовал впоследствии его брат Фридрих III. К имперским землям Габсбургов отошли и бывшие владения Люксембургов. При Фридрихе III, который пытался возобновить итальянскую политику и короновался ломбардской короной в Милане и императорской в Риме, произошел временный распад Габсбургских имперских владений: мощное Бургундское герцогство, усилившееся в первой половине и в середине XV в., присоединило к своим владениям Люксембург и Нидерланды, датчане заняли Шлезвиг-Гольштейнию, поляки — Западную Пруссию, а Чехия при Георгии Подебраде и Венгрия при Матвее Корвине добились независимости.

Положение изменилось во вторую половину царствования Фридриха III, после победы французского короля Людовика XI над бургундским герцогом Карлом Смелым. Сын Фридриха III Максимилиан I благодаря женитьбе на дочери Карла Смелого Марии приобрел часть бургундских владений (другая часть отошла к Людовику XI). Впоследствии он получил и Нидерланды, так что его внук Карл V (от брака его сына с дочерью испанской королевской четы Изабеллы и Фердинанда), унаследовавший дедовские владения с обеих сторон, соединил в своих руках габсбургские земли в Германии, Нидерланды, Испанию (а также часть Италии и испанские колонии в Новом Свете) и стал родоначальником двух линий Габсбургов — германской (австрийской) и испанской. При Максимилиане I была сделана попытка реформы государственного строя империи.

Эта попытка вызвана была тем, что сами курфюрсты и князья почувствовали необходимость прекращения постоянных усобиц и создания более твердой системы центрального управления, особенно с ростом торговли и городов и усилением международных связей.

Вормский рейхстаг 1495 г. установил общий и вечный «земский мир» (т. е. запретил частные войны) и учредил «имперский верховный суд» (Reichskammergericht) по делам имперских подданных и подданных отдельных княжеств. Члены этого суда должны были назначаться курфюрстами и князьями (14 членов), а также городами (2 человека), а председатель — императором. Империя была разделена на десять округов. Во главе каждого двух округов поставили особых блюстителей порядка из числа князей, которые должны были приводить в исполнение приговоры верховного суда (в случае надобности — при помощи предоставленной в их распоряжение военной силы), состоявшей из конницы — по 4 тыс. всадников в каждом округе — и пехоты — по 20 тыс. пехотинцев на округ.

Реформа коснулась и общеимперских финансов, для увеличения которых решено было взимать особую подать на нужды управления империей — «имперский пфенниг». Однако эту реформу легче было прокламировать, чем провести в жизнь. Ее осуществлению противились многие князья, не исполнявшие постановления имперского верховного суда. Да и сам Максимилиан в противовес имперскому верховному суду уч-

редил в Вене «имперский дворцовый совет» (Reichshofrat) при императоре, стремясь гарантировать свои политические прерогативы от вмешательства общеимперского учреждения. И податная сторона реформы не удалась, так как «имперский пфенниг» поступал неисправно и очень трудно было обеспечить его взимание.

Так попытка курфюрстов и некоторых князей превратить империю в несколько более упорядоченное союзное государство разбилась о равнодушные большинство князей, которые заинтересованы были как раз в обратном — в том, чтобы империя превратилась в союз государств, притом государств все более и более самостоятельных. Вторая тенденция победила. Ее торжество в эволюции политического строя Германии находится в полном соответствии с дальнейшими успехами процесса экономической дезинтеграции страны и связанного с этим возникновения в ее пределах новых государств и городских союзов (помимо усиления отдельных княжеств и их превращения в государства, продолжающие, однако, оставаться в составе империи). Новыми государственными образованиями, стремившимися выделиться из империи, в XIV—XV вв. являются Швейцарский союз на юге, орденские земли в Прибалтике и Ганзейский союз городов на севере.

История Швейцарского союза в конце XIV в. в течение определенного периода тесно связана с историей городских союзов Юго-Западной Германии.

Имперские города заключали между собой союзные договоры (и даже вели войны) для борьбы с эксплуатацией со стороны императорской власти (в виде обложения их поборами, закладывания городских имуществ и т. п.). Кроме того, имперские города вынуждены были защищать свои интересы от посягательств князей, пытавшихся распространить и на них свою систему таможенных пошлин, а также от грабежей имперского рыцарства.

На почве таких взаимоотношений в XIV в. сложился Швабский союз имперских городов, к которому примкнули и вольные города: Аугсбург, Базель, Страсбург, Вормс, Шпейер, Майнц. В 1381 г. сложился Рейнский союз, включивший все города Эльзаса и четыре последних из перечисленных выше вольных города, направленный главным образом против рыцарства. Оба союза — Швабский и Рейнский — обещали друг другу помощь. В 1385 г. они заключили в Констанце соглашение о взаимной помощи со Швейцарским союзом. Но во время решительного столкновения его с Габсбургами в 1388 г. города не поддерживали швейцарцев, которые, несмотря на это, разбили войска австрийского герцога Леопольда Габсбургского, тогда как города потерпели поражение в борьбе с князьями, после чего последовал новый запрет городских союзов (1389). То сочетание интересов свободного от феодальной зависимости альпийского крестьянства, занимавшегося хлебопашеством и скотоводством, с торговыми интересами демократических городов Швейцарии, на котором и построен был Швейцарский союз, оказалось весьма прочным и устойчивым. Швейцарский союз и вырос в процессе борьбы крестьян за свою независимость от фогтов. Рано освободившись от этой зависимости, они сумели использовать благоприятные для них, и для швейцарских

городов географические условия горного района (обладание торговыми путями через альпийские проходы, отсутствие крупного вотчинного землевладения в высокогорных областях).

Кантоны и города Швейцарского союза превращаются в XV в. в торговых посредников между Францией и Германией с одной стороны, Италией — с другой, а альпийские стрелки начинают играть роль наемников на службе у разных государств Западной Европы. И то и другое способствовало тому, что швейцарцы оказались вовлечены в борьбу французского короля Людовика XI с бургундским герцогом Карлом Смелым и нанесли последнему решительное поражение в 1477 г. В 1499 г. император Максимилиан I вынужден был освободить Швейцарскую федерацию от государственного обложения и имперской юрисдикции, что означало фактический разрыв связей этой федерации с империей (окончательное ее выделение из состава империи произошло в 1511 г.).

Совсем другой характер носило северогерманское политическое объединение, завоевавшее полунезависимое положение в империи, — Ганзейский союз городов. Он сложился, как уже указывалось выше, на почве роста хлебного экспорта из Прибалтики в страны Северо-Западной Европы (Нидерланды, Скандинавию, Англию), но его дальнейшие судьбы весьма показательны для интересующего нас процесса выделения крупных политических образований из состава Германии и империи.

Первоначально «ганзы» возникли как союзы купцов, участвовавших во внешней, посреднической торговле; такие «ганзы» и их конфедерации налицо уже в XIII в., и уже тогда они ведут торговлю с Англией. Но в XIV в. они объединяются в одну большую организацию — Великую Северонемецкую Ганзу, которая в сущности складывается как союз городов для достижения монополии в транзитной торговле определенными видами сырья (главным образом хлеба и леса, а также рыбы, шкур, мехов и пр.).

Весьма скоро деятельность Ганзы охватывает обширный район — от Новгорода и Висбю на острове Готланде в Балтийском море до Брюгге и Гента во Фландрии. Ганза становится посредником в торговле таких стран, как Англия, Фландрия, Швеция, Дания, Северная Германия, русские северные города-республики (Новгород, Псков). В состав Ганзейского союза принимались только те города, в которых правили купеческие гильдии, т. е. города по преимуществу торговые; достаточно было в каком-либо городе цехам добиться господства в городском совете, чтобы этот город считался выбывшим из Ганзы. Ремесленное производство вообще играло в ганзейских городах второстепенную роль, и только последующий торговый расцвет Ганзы вызвал к жизни некоторые новые отрасли производства (например пивоварение в окрестностях целого ряда прибалтийских ганзейских городов). Ганзейские города начинают делиться на «трети» по территориальному признаку, но союз в сущности не имеет отчетливой структуры и организации, сохраняя свой исконный облик чисто торгового сообщества. Однако весьма существенно, что с середины XIV в. это сообщество начинает приобретать черты политического целого, вступающего в сношения с иностранными государствами независимо от империи.

В 1355 г. состоялся съезд всех «третей» и началась энергичная борьба за торговые привилегии ганзейцев во Фландрии, которая нуждалась в хлебе. В 1367 г. на почве борьбы за торговую монополию возник конфликт Ганзы с датским королем Вальдемаром IV Аттердагом. Этот конфликт вылился в вооруженное столкновение: на съезде 66 городов (впоследствии максимальная цифра членов Ганзейского союза доходила до 100), созванном в Кёльне, решено было объявить Дании войну. Она закончилась победой Ганзы. По миру в Штральзунде (1370) ганзейцы получили привилегии в Скандинавии, превращавшие их в монополистов транзитной торговли с скандинавскими государствами, а кроме того, приобрели ряд крепостей в Швеции и добились права голоса при замещении датского престола. В 1377 г. они получили важные привилегии в Англии. С тех пор Ганзейский союз играет роль своеобразного «государства в государстве» в составе империи, хотя он первоначально и не ставил себе политических целей. И в начале XV в. Ганза продолжает вести войны (с Данией), независимо от империи.

Политическая самостоятельность Ганзы не исчезла и тогда, когда внутри союза стал усиливаться областной антагонизм вендских, прусских и лифляндских городов; этот антагонизм особенно возрос в результате новой войны с Данией (в 20-х — 30-х годах XV в.), от которой выиграли вендские города, но разорились прусские и лифляндские (ввиду сокращения вывоза хлеба и леса). Цеховые восстания в ряде ганзейских городов (Любеке, Гамбурге, Висмаре и Росток) в начале XV в., конфликт с Кёльном в 60-х годах XV в. и, наконец, конкуренция Голландии и Англии с Ганзой в XVI в. — вот причины и предвестники торгового упадка Ганзы в XVI—XVII вв.

Однако и эти явления (так же как неоформленность политической структуры Ганзейского союза) не вносят существенного изменения в тот факт, что вся северогерманская торговля в течение XIV—XV вв. находилась в руках мощного союза торговых городов, который завоевал это монопольное положение оружием и вел войны и заключал мир с иностранными государствами, не испрашивая на то разрешения императора. А между тем этот факт объясняется не только силою Ганзы, но и слабостью империи и Германии как государства, точнее — сила Ганзы является одним из симптомов этой слабости и раздробленности Германии. Еще одним ее показателем можно считать фактическую оторванность от империи (в политическом отношении) владений Тевтонского ордена. Как известно, с XIV в. орден переживает упадок (особенно после польско-литовской унии), который завершается поражением рыцарей от объединенных славянских сил в битве при Грюнвальде в 1410 г. (где участвовал будущий вождь таборитов Ян Жижка) и уступкой Западной Пруссии полякам в 1466 г., но в течение всего этого периода орден выступает как самостоятельное государство, ведет войны и заключает соглашения, несмотря на номинальную зависимость от императора и каноническую — от папы.

Кроме указанных политических образований в составе империи, в Южной Германии растут в XV в. крупные города-республики (Нюрнберг, Аугсбург и др.), где возникают большие торговые фирмы всеевропей-

ского значения (Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров), ведущие международную торговлю широкого размаха и ссужающие денежные суммы в кредит папам и германским императорам. Это — носители капиталистических отношений в раздробленной феодальной Германии.

Как ясно из сказанного, Германия к концу XV в. распадается не только на курфюршества и отдельные территориальные княжества, все еще остающиеся в составе империи, но и на ряд полусамостоятельных «государств в государстве», имеющих тенденцию выделиться из империи, а также на несколько торговых и экономических районов, сохраняющих былую разобщенность и отличающихся неравномерностью хозяйственного развития.

Общее перемещение политического центра тяжести Германии на восток не усиливает, а наоборот, ослабляет ее единство.

Рост капиталистических отношений в городах Южной Германии не настолько силен, чтобы оказать объединительное влияние на всю германскую экономику и привести к аграрному перевороту и быстрой ликвидации феодальных отношений. Германия вступает в XVI век еще гораздо более раздробленной (и политически, и экономически), чем она была в конце XIII в., после краха итало-германской империи.

Новая Габсбургская империя — лишь бледная тень империи X—XIII вв. А так как и та к концу XIII в. утратила остатки прежнего облика, то можно сказать, что в XV в. империя стала «тенью тени».

Библиография

ИСТОЧНИКИ

- Badische Weistümer und Dorfordnungen. Bearb. von Karl Kollnig. Bd. 2. Stuttgart, 1968.
- Bündner Urkundenbuch. Bearb. von E. Meyer-Marthaler und F. Perret. Bd. 1—2. Chur, 1947—1956.
- Corpus der altdutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300. Hrsg. von H. de Boor und D. Haacke. Lahr (Baden), 1961—1970, Lieferung 40, 41, 47—52.
- Hamburgisches Urkundenbuch. Hrsg. vom Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg. Bd. 4. Hamburg, 1967.
- Hersbrucker Urbare. Hrsg. von R. Geiger und G. Voit. Nürnberg, 1965.
- Leges Alamannorum. Hrsg. von K. A. Eckhardt. Bd. 1. Einführung und Recensio Chlothariana (Pactus). Göttingen, 1958—1962.
- Lex Ribuaria. Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner. Hannoverae, 1954 (MGH, Legum sectio I, Leges nationum Germanicarum, t. 3, pars 2).
- Lex Salica. 100 Titel-Text. Hrsg. von K. A. Eckhardt. Weimar, 1953 (Germanenrechte, N. F., Abt. Westgerm. Recht).
- Niederdeutsche Breviertexte des 14. Jahrhunderts aus Westfalen. Untersucht und hrsg. von E. Rooth. Stockholm, 1969.
- Pactus Legis Salicae. Hrsg. von K. A. Eckhardt. Tl. 1—2. Göttingen, 1954—1955.
- Pactus Legis Salicae. Hrsg. von K. A. Eckhardt. Hannoverae, 1962 (MGH, Legum sectio I, Leges nationum Germanicarum, t. 4, pars 1).
- Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernstandes im Mittelalter. Gesammt und hrsg. von G. Franz. Berlin, 1967.
- Sachsenspiegel. Landrecht. Hrsg. von K. A. Eckhardt. Göttingen, 1955 (Germanenrechte, N. F.).
- Schlesisches Urkundenbuch. Hrsg. von der Hist. Kommis. für Schlesien. Bearb. von H. Appelt. Graz — Köln, 1963, Bd. I, Lfg. 1. 971—1246.
1. Schleuter. Ratinger Stadtbücher des 14. und 15. Jahrhunderts. Ratingen bei Düsseldorf, 1964.
- Die Schöffenspruchsammlung der Stadt Pössneck. Bd. 1—3. Weimar, 1957—1962.
- Schwabenspiegel. Kurzform. Mitteldeutschniederdeutsche Handschriften. Hrsg. von R. Grosse. Weimar, 1964 (MGH, Fontes iuris Germanici antiquae. Nova series, T. 5).
- Statuts, chapitres généraux et visites de l'Ordre de Cluny. Avec un avantpropos et des notes par D. G. Charvin. T. 1. Paris, 1965.
- Die Südtiroler Notariatsimbreviaturen des XIII. Jahrhunderts Tl. 2. Hrsg. von H. Voltolini und F. Huter. Innsbruck, 1951.
- Tiroler Urkundenbuch Bearb. von F. Huter. Bd. 1—3. Innsbruck, 1937—1957.
- Das Tennenbacher Güterbuch (1317—1344). Bearb. von M. Weber, G. Haselier, A. Schäfer (u. a.). Mit Registern von Friedrich v. der Ropp. Stuttgart, 1969.
- Die Traditionen, Urkunden und Urbare des Klosters Münchsmünster. Bearb. von M. Thiel und O. Engels. München, 1961.
- Das Urbar der «Waldmark» der Cisterce Heiligenkreuz 1431. Hrsg. von P. H. Watzl. Wien, 1966.
- Urbare und Wirtschaftsordnungen des Domstifts zu Bamberg. Tl. 1. Bearb. von E. Freiherr von Gutenberg. Aus dem Nachlass herausgegeben von A. Wendehorst (Veröffentlichungen der Gesellschaft für fränkische Geschichte, Bd. 7). Würzburg, 1969.
- Urkunden und Akten des Stiftes St. Georg zu Köln. Bearb. von A.—D. v. den Brincken. Köln, 1966.

Die Urkunden des Klosters Raitenhaslach. 1034—1350. Bearb. von E. Krausen. München, 1960.

Urkundenbuch des Klosters Frauensee. 1202—1540. Bearb. von M. Küther. Köln, 1961.

Urkundenbuch des Klosters Fulda. Bearb. von E. E. Stengel, Bd. I, Hälfte 1—2. Marburg, 1913—1956.

Urkundenbuch der südlichen Teile des Kantons St.-Gallen. Hrag. von F. Perret. Bd. I. Lfg. 1—10. Rorschach, 1951—1961. Das zweite Wismarsche Stadtbuch 1272—1297. Liber vel de impignoratione vel emptione seu venditione hereditatum vel aliorum. honorum. Bearb. von L. Knabe unter Mitwirk. von A. Düsing. Weimar, 1966.

ЛИТЕРАТУРА

Барг М. А. Проблема генезиса средневековой сеньории в современной буржуазной историографии.— «Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та», 1969, № 294, с. 24—69.

Бессмертный Ю. Л. Изучение раннего средневековья и современность.— «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 88—95.

Бессмертный Ю. Л. К изучению торговли в средневековой деревне XII—XIII вв.— «Средние века», вып. 25, 1964, с. 76—100.

Бессмертный Ю. Л. Некоторые проблемы социально-политической истории периода Каролингов в современной западно-европейской медиэвистике.— «Средние века», вып. 26, 1964, с. 104—116.

Бессмертный Ю. Л. О социальном значении новых форм земельных держаний в рейнской деревне XII—XIII вв.— «Средние века», вып. 24, 1963, с. 87—117.

Бессмертный Ю. Л. Структура держаний и системы обложения в крупных вотчинах Лотарингии в XIII в.— «Научные доклады высшей школы». Исторические науки. М., 1958, № 1, с. 108—130.

Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

Гришина О. И. О формах земельных держаний и права владения крестьян рейнской деревни XIV—XVI вв.— «Вестник Моск. гос. ун-та». История, 1967, № 3, с. 79—89.

Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы.— «Вопросы истории», 1968, № 4, с. 88—105.

Данилов А. И. К вопросу о роли светской вотчины в эпоху генезиса феодализма.— «Средние века», вып. XII, 1958, с. 118—131.

Данилов А. И. Немецкая деревня второй половины VII — начала IX в. в бассейне нижнего течения Неккара (по матери-

алам Лоршского картулярия).— «Средние века», вып. VIII, 1956, с. 97—124.

Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.

Данилов А. И. и Неусыгин А. И. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиэвистике ФРГ.— «Средние века», вып. XVIII, 1960, с. 114—137.

Доннерт Э. Данные немецких источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского.— «Средние века», вып. 27, 1965, с. 26—39.

Дядечкин В. Н. Структура и эволюция феодальной ренты в Верхней Австрии в XV — начале XVI вв.— «Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та», 1969, т. 449, с. 193—226.

Ермолаев В. А. Городское землевладение на территории Юнрибергского бурграфства в XV веке.— В кн.: «Средневековый город». Саратов, 1968, с. 77—93.

Колесницкий Н. Ф. Значение регалий в германском феодальном государстве XI — начала XII века.— «Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1963, т. 115. Всеобщая история, вып. 4, с. 161—183.

Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах.— В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1. М., 1968, с. 618—637.

Колесницкий Н. Ф. Особенности вассально-ленных отношений в Германии X—XIII вв.— «Средние века», вып. 32, 1969, с. 108—122.

Колесницкий Н. Ф. Саксонское восстание 1073—1075 гг.— «Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1968, т. 213. Всеобщая история, вып. 10, с. 21—79.

Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство (VI—XV вв.). М., 1967.

- Королюк В. Д.** «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма.— В кн.: «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Материалы симпозиума. 20—23 апреля 1966 г.)». М., 1967, с. 3—22.
- Королюк В. Д.** Польша и Германская империя в системе международных отношений Центральной и Восточной Европы во второй половине X—первой половине XI в.— В кн.: «Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968, с. 5—14.
- Корсунский А. Р.** Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Корсунский А. Р.** О статусе франкских колоний.— «Средние века», вып. 32, 1969, с. 26—27.
- Лыс Д. П.** Роль церкви во Франкском государстве.— «Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1969, с. 232. Всеобщая история, вып. 2, с. 28—61.
- Майер В. Е.** Вопросы аграрной истории Германии XIV—XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ.— «Средние века», вып. 26, 1964, с. 117—131.
- Майер В. Е.** Имущественное положение крестьян в Юго-Западной Германии на рубеже XIV—XV вв. (По статистическим данным графства Гогенберг 1392—1408 гг.).— «Средние века», вып. 28, 1965, с. 95—118.
- Майер В. Е.** Крупная издольная аренда на бывших доменальных землях в Германии в XIV—XVI вв. (преимущественно по материалам Вюртемберга).— «Учен. зап. Пермск. гос. ун-та», 1964, № 117, Ист. науки, с. 3—47.
- Майер В. Е.** Феодальное законодательство Германии XIV—XVI вв. об отчуждении крестьянских держаний.— «Учен. зап. Пермск. гос. ун-та», 1966, № 143, Ист. науки, с. 103—111.
- Мильская Л. Т.** Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
- Мильская Л. Т.** Социальный состав деревни в Юго-Западной Германии в VIII—IX вв.— «Средние века», вып. VII, 1955, с. 5—26.
- Неусыгин А. И.** Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. Немецкое издание: Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jahrhundert. Berlin. 1961.
- Неусыгин А. И.** Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1. М., 1968, с. 596—617.
- Неусыгин А. И.** Из истории земельной собственности в Боцене и его окрестностях в X—XII вв. (до превращения Боцены в город).— «Средние века», вып. 23, 1963, с. 20—39.
- Неусыгин А. И.** Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
- Неусыгин А. И.** К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллуда у алеманнов в VI—IX вв. (в связи с толкованием термина «генеалогия»).— «Средние века», вып. VIII, 1956, с. 55—69.
- Неусыгин А. И.** Новые данные по источниковедению Салической правды.— «Средние века», вып. XVII, 1960, с. 394—409; вып. 21, 1962, с. 212—237; вып. 25, 1964, с. 35—52; вып. 30, 1967, с. 41—60.
- Неусыгин А. И.** Основные проблемы истории свободного и зависимого крестьянства в Германии IX—XI вв. (в связи с важнейшими задачами их изучения).— «Средние века», вып. XIII, 1958, с. 5—26.
- Неусыгин А. И.** Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI вв. (К вопросу о процессе поглощения остатков свободного крестьянства).— «Средние века», вып. IV, 1953, с. 31—48; вып. V, 1955, с. 15—31.
- Неусыгин А. И.** Структура хозяйства дарителей Лоршского монастыря в VIII—IX вв. в Вормском округе.— «Учен. записки Моск. гос. ун-та», вып. 114, История, 1947, с. 42—58.
- Романова Е. Д.** Прекарий на землях Сен-Галленского аббатства в VIII—IX вв.— «Средние века», вып. XV, 1959, с. 66—87.
- Санчук Г. Э.** Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального немецкого государства.— В кн.: «Славяно-германские культурные связи и отношения». М., 1969, с. 231—245.
- Серовайский Я. Д.** О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве.— «Средние века», вып. 32, 1969, с. 48—60.

- Сказкин С. Д.* Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1958, № 2.
- Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях. (XV—XVI вв.). М., 1969.
- Смирин М. М.* Социальные отношения в горной промышленности Фрейбергского района Саксонии в 40—80-х годах XV в.— «Средние века», вып. 20, 1961, с. 121—150.
- Удальцова Э. В.* Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых.— «Вопросы истории», 1965, № 12, с. 143—151.
- Фризман Г. В.* Итальянская политика средневековой Германской империи в освещении западногерманской историографии.— «Средние века», вып. 30, 1967, с. 277—289.
- Чистозвонов А. Н.* Пересмотр концепций «кризисов феодализма» XIV—XV и XVII веков в бельгийской и нидерландской историографии.— «Вопросы истории», 1970, № 11, с. 80—96.
- Abel W.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1965.
- Abel W.* Die drei Epochen der deutschen Agrargeschichte. Hannover, 1962.
- Abel W.* Verdorfung und Gutsbildung in Deutschland zu Beginn der Neuzeit.— «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Frankfurt a. M., 1961, Jg. 9, Hf. 1, S. 39—48.
- Abel W.* Zur Entwicklung des Sozialprodukts in Deutschland im 16. Jahrhundert. Versuch eines Brückenschlags zwischen Wirtschaftstheorie und Wirtschaftsgeschichte.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Stuttgart, 1961, Bd. 173, Hf. 5, S. 448—489.
- Agricoltura e il mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo.* Spoleto, 1966.
- Alteuropa und die moderne Gesellschaft.* Festschrift für Otto Brunner. Göttingen, 1963.
- Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen.* Bd. 1—2. Konstanz — Stuttgart, 1964.
- Angermeier H.* Königtum und Landfriede im deutschen Spätmittelalter. München, 1966.
- Appelt H.* Die Kaiseridee Friedrich Barbarossas. Wien (u. a.), 1967.
- Aus Geschichte und Landeskunde.* Bonn, 1900.
- Aus Verfassungs- und Landesgeschichte.* Festschrift zum 70. Geburtstag von Th. Mayer, Bd. 1—2. Lindau — Konstanz, 1954—1955.
- Bader K. S.* Studien zur Rechtsgeschichte des mittelalterlichen Dorfes, Bd. 1—2. Weimar — Köln — Graz, 1957—1962.
- Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingereich. Wiesbaden, 1958.
- Blaschke K.* Bevölkerungsgang und Wüstungen in Sachsen während des späten Mittelalters.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Stuttgart, 1962, Bd. 174, Hf. 5, S. 414—429.
- Blaschke K.* Bevölkerungsgeschichte von Sachsen bis zur industriellen Revolution. Weimar, 1967.
- Boelcke W. A.* Zur Entwicklung des bäuerlichen Kreditwesens in Württemberg vom späten Mittelalter bis Anfang des 17. Jahrhunderts.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Stuttgart, 1964, Bd. 176, Hf. 4, S. 319—358.
- Bog I.* Dorfgemeinde, Freiheit und Unfreiheit in Franken.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Stuttgart, 1956, Bd. 168, N 1—2, S. 1—80.
- Bollnow H.* Studien zur Geschichte der pommerschen Burgen und Städte im 12. und 13. Jahrhundert. Köln — Graz, 1964.
- Born M.* Studien zur spätmittelalterlichen und neuzeitlichen Siedlungsentwicklung in Nordhessen. Marburg/Lahn, Geographisches Inst. der Univ. Marburg, 1970.
- Bosl K.* Franken um 800. Strukturanalyse einer fränkischen Provinz. München, 1959.
- Bosl K.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse der mittelalterlichen Welt. München — Wien, 1964.
- Bosl K.* Herrscher und Beherrschte im Deutschen Reich des 10.—12. Jahrhundert. München, 1963.
- Bosl K.* Die Sozialstruktur der mittelalterlichen Residenz- und Fernhandelsstadt Regensburg. Die Entwicklung ihres Bürgertums vom 9. bis 14. Jahrhundert.— In: «Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963—1964». Konstanz — Stuttgart, 1966, S. 93—213.
- Bosl K.* Über soziale Mobilität in der mittelalterlichen «Gesellschaft». Dienst, Freiheit, Freizügigkeit als Motive sozialen Aufstiegs.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1960, Bd. 47, Hf. 3, S. 306—332.
- Bosl K.* Wirtschaftlich-politische Beziehungen

- gen der Residenz- und Fernhandelsstadt Regensburg zum slavischen Osten.— In: «Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. Anlässlich des I. Internationalen Balkanologenkongresses in Sofia 26. VII.—1. IX 1966». München, 1966, S. 316—325.
- Bouttruche R.* Seigneurie et féodalité. L'apogée (XIe—XIIIe siècles). Paris, 1970.
- Brühl C. R.* Fodrum, gistum, servitium regis. Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich und in den fränkischen Nachfolgestaaten Deutschland, Frankreich und Italien vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Köln, 1968.
- Brunner O.* Souveränitätsproblem und Sozialstruktur in den deutschen Reichsstädten der früheren Neuzeit.— «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1963, Bd. 50, Hf. 2, S. 329—360.
- Bruns F. et Weczerka H.* Hansische Handelsstrassen. Textband. Köln—Craz, 1967.
- Bühler J.* Deutsche Geschichte, Bd. 1—3. Berlin, 1954.
- Burrell S. A.* Calvinism, capitalism, and the middle classes: some afterthoughts on an old problem.— «Journ. of mod. history». Chicago, 1966, vol. 32, № 2, p. 129—141.
- Les catégories en histoire.* Bruxelles, 1969.
- Chiesa e riforma nella spiritualità del sec. XI.* Todi, 1963. («Convegni del Centro di studi sulla spiritualità medievale», 6).
- Città, mercanti, dottrina nell'economia europea dal IV al XVIII secolo.* Saggi in memoria di Gino Luzzatto. Milano, 1964.
- Clavdetscher O. P.* Das Schicksal von Reichsgut und Reichsrechten in Rätien.— «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1967, Bd. 54, Hf. 1, S. 46—74.
- Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo*, 4. Pavia etc. 1967.— «Atti del 4 Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo». Pavia—Scaldasole—Monza—Bobbio. 10—14 sett. 1967. Spoleto, 1969.
- Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. 1. Karlsruhe, 1954.
- La conversione al cristianesimo nell'Europa dell'alto medioevo.* Spoleto, 1967.
- Die deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West.* Von A. von Brandt, P. Johansen, H. van Werveke e.-a. Hrsg. von L. Brandt. Köln—Opladen, 1963.
- Dirks M.* Das Landrecht des Kurfürstentums Trier. Seine Geschichte und seine Stellung in der Rechtsgeschichte. Köln u. a., 1965.
- Dirlmeier U.* Mittelalterliche Hoheitsträger im wirtschaftlichen Wettbewerb. Wiesbaden, 1966.
- Dollinger Ph.* Die Hanse. Stuttgart, 1966.
- Dollinger H.* Studien zur Finanzreform Maximilians I. von Bayern in den Jahren 1598—1618. Ein Beitrag zur Geschichte des Frühabsolutismus. Göttingen, 1968.
- Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire, IXe—XVe siècles). Essai de synthèse et perspectives de recherches, vol. 1—2. Paris, 1962.
- Ebner H.* Das freie Eigen. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Klagenfurt, 1969.
- Eckhardt K. A.* Zur Entstehungsgeschichte der Lex Salica. Festschrift zur Feier des 200-jährigen Bestehens der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. klasse. Berlin, 1951.
- Ettel P.* Die oberschwäbischen Reichsstädte im Zeitalter der Zunft Herrschaft. Untersuchungen zu ihrer politischen und sozialen Struktur unter besonderer Berücksichtigung der Städte Lindau, Memmingen, Ravensburg und Überlingen. Stuttgart, 1970.
- Engel F.* Die mecklenburgischen Kaiserbederegister von 1496. Mit einer Einleitung von R. Schmidt. Köln—Graz, 1968.
- Engel E. und Zientara B.* Feudalstruktur, Lehnbürgertum und Fernhandel im spätmittelalterlichen Brandenburg. Mit einer Einleitung von Müller-Mertens. Weimar, 1967.
- Epperlein S.* Bauernbedrückung und Bauernwiderstand im hohen Mittelalter. Zur Erforschung der Ursachen bäuerlicher Abwanderung nach Osten im 12. und 13. Jahrhundert, vorwiegend nach den Urkunden geistlicher Grundherrschaften. Berlin, 1960.
- Epperlein S.* Herrschaft und Volk im karolingischen Imperium. Studien über soziale Konflikte und dogmatisch-politische Kontroversen im Fränkischen Reich. Berlin, 1969.
- Erler A.* Bürgerrecht und Steuerpflicht im mittelalterlichen Städtewesen mit besonderer Untersuchung des Steuereides. (2. Aufl.). Frankfurt a. M., 1963.
- Europe aux IXe—XIe siècles.* Aux origines des états nationaux. Varsovie, 1968.
- Flaskamp F.* Hundertschaftsdörfer. Ein Problem der mittelalterlichen Siedlungsgeschichte.— «Archiv für Kulturgeschichte». Köln, 1968, Bd. 50, Hf. 1, S. 154—164.
- Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiéval. Paris, 1970.

- Fournial E.* Histoire monétaire de l'Occident médiéval. Paris, 1970.
- Fourquin G.* Histoire économique de l'Occident médiéval. Paris, 1969.
- Fourquin G.* Seigneurie et féodalité au moyen âge. Paris, 1970.
- Frauentörfel S. V.* Ideengeschichte der Agrarwirtschaft und Agrarpolitik. München, 1957.
- Füchtner J.* Die Bündnisse der Bodenseestädte bis zum Jahre 1390. Ein Beitrag zur Geschichte des Einungswesens, der Landfriedenswahrung und der Rechtsstellung der Reichsstädte. Göttingen, 1970.
- Genicot L.* Profilo della civiltà medioevale. Introd. di Cosimo D. Fonseca. Milano, 1968.
- Gerhard H. H.* Das Steuerwesen der Grafschaft Saarbrücken. (1321—1798). Saarbrücken, 1960.
- Germanen — Slawen — Deutsche. Berlin, 1968.
- Gesellschaft, Staat, Kultur in Bayerns Geschichte. München, 1965.
- Gesellschaft und Herrschaft. München, 1969.
- Goehrke C.* Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1968, Bd. 16, Hf. 1, S. 1—52.
- Goez W.* Der Leihzwang. Eine Untersuchung zur Geschichte des deutschen Lehnrechtes. Tübingen, 1962.
- Graff T.* Kaiserurkunde und Eigenkirchenrecht. Ein Beitrag zur Rechtsstellung der geistlichen Eigenklöster vornehmlich: nach den Diplomen der Ottonen und Salier.— «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung». Wien etc., 1970, Bd. 78, S. 63—72.
- Grüll G.* Der Bauer im Lande ob der Enns am Ausgang des 16. Jahrhunderts. Abgaben und Leistungen im Lichte der Beschwerden und Verträge von 1597—1598. Wien etc., 1969.
- Haase G.* Die Stadt des Mittelalters, Bd. 1—3. Darmstadt, 1969.
- Haase G.* Neue Untersuchungen zur frühen Geschichte der europäischen Stadt.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1959, Bd. 46, Hf. 3.
- Hansische Studien. Heinrich Sproemberg zum 70. Geburtstag. Red. durch G. Heits und M. Unger. Berlin, 1961.
- Hansische Handelsstrassen. Textband. Auf Grund von Vorarbeiten von F. Bruns. Bearb. von H. Weczerka. Weimar, 1967.
- Heinemeyer W.* «Beneficium—non feudum sed bonum factum». Der Streit auf dem Reichstag zu Besançon 1157.— In: «Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde», Bd. 15. Köln — Wien, 1969, S. 155—236.
- Herkenrath R. M.* «Regnum» und «Imperium». Das «Reich» in der frühstaufischen Kanzlei (1138—1155). Wien etc., 1969.
- Herrschaft und Staat im Mittelalter. Darmstadt, 1956.
- Hess W.* Hessische Städtegründungen der Landgrafen von Thüringen. Marburg/Lahn, 1966.
- Hildebrand W.* Besitz- und Standesverhältnisse des Osnabrücker Adels. 800 bis 1300. Göttingen, 1962.
- Hofmann H. H.* Bauer und Herrschaft in Franken.— «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Frankfurt a. M., 1966, Jg 14, Hf. 1, S. 1—29.
- Hoffmann H.* Von Cluny zum Investiturstreit.— «Archiv für Kulturgeschichte». Köln, 1963, Bd. 45, Hf. 2, S. 165—209.
- Homme et son destin d'après les penseurs du moyen âge. Louvain — Paris, 1960.
- Ius Romanum medii aevi. Auspicio Collegio antiqui iuris studiis provehendis, t. 1—2. Mediolani (Milano), 1961—1963.
- Kaller G.* Wirtschafts- und Besitzgeschichte des Zisterzienserklosters Otterberg 1144—1561. Heidelberg, 1961.
- Kienast W.* Der Herzogstitel in Frankreich und Deutschland (9. bis 12. Jahrhundert). München, 1968.
- Kirche und Gesellschaft im Ostseeraum und im Norden vor der Mitte des 13. Jahrhunderts. Visby, 1969.
- Klein E.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft. Ein Überblick. Stuttgart, 1969.
- Knobloch L.* Agrar- und Verfassungsgeschichte des Wormsgaues im Mittelalter. Worms, 1951.
- Krause H.* Königtum und Rechtsordnung in der Zeit der sächsischen und salischen Herrscher.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte». Germ. Abt., 1965, Bd. 82, S. 1—98.
- Le Bras G.* Institutions ecclésiastiques de la chrétienté médiévale. [Paris], 1959—1964.
- Le Goff J.* La civilisation de L'Occident médiéval. Paris, 1967.
- Lehnrecht und Staatsgewalt im deutschen Hochmittelalter. Hrsg. von W. Goetz. Göttingen, 1969.
- Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle. Bruxelles, 1968.
- Lopez R. S. and Raymond I.* Medieval trade in the Mediterranean world. N. Y., 1955.

- Lütge F.** Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Gesammelte Abhandlungen. Aus dem Nachlass hrsg. von E. Schremmer. Stuttgart, 1970.
- Lütge F.** Die mitteldeutsche Grundherrschaft und ihre Auflösung. 2. Aufl. Stuttgart, 1957.
- Lütge F.** Strukturelle und konjunkturelle Wandlungen in der deutschen Wirtschaft vor Ausbruch des Dreissigjährigen Krieges. Vorgetragen am 9. Mai 1958. München, 1958.
- Lütge F.** Strukturwandlungen im ostdeutschen und osteuropäischen Fernhandel des 14. bis 16. Jahrhunderts. Vorgetragen am 6. Dez. 1963. München, 1964.
- Metz W.** Das karolingische Reichsgut. Eine verfassungs- und verwaltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin, 1960.
- Metz W.** Staufische Güterverzeichnisse. Untersuchungen zur Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des 12. und 13. Jahrhunderts. Berlin, 1964.
- Die mittelalterlichen Stiftsurbare Kärntens.** Hrsg. von W. Fresacher. Bd. 1—2. Wien, 1968.
- Die mittelalterlichen Stiftsurbare des Bistums Brixen.** Hrsg. von Wolfsgruber, T. 1. Die ältesten Urbare des Benediktinerinnenstiftes. Sonnenburg im Pustertal. Wien, 1968.
- Mottek H.** Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriß. Bd. 1. Bis zur Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1959.
- Müller W.** Die Abgaben von Todes wegen in der Abtei St. Gallen. Ein Beitrag zur Rechtsgeschichte des sanktallischen Klosterstaates. Köln — Graz, 1961.
- Müller W.** Die Öffnungen der Fürstabtei St.-Gallen. Ein Beitrag zur Weistumsforschung. St.-Gallen, 1964.
- Müller-Mertens E.** Karl des Große, Ludwig der Fromme und die Freien. Wer waren die Liberi homines der karolingischen Kapitularien (742/743—832)? Ein Beitrag zur Sozialgeschichte und Sozialpolitik des Frankenreiches. Berlin, 1963.
- Müller-Mertens E.** Regnum Teutonicum. Aufkommen und Verbreitung der deutschen Reichs- und Königsauffassung im früheren Mittelalter. Berlin, 1970.
- Müller-Mertens E.** Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955.
- Neue hansische Studien.** Hrsg. von K. Fritze, E. Müller-Mertens, Y. Schildhauer, E. Voigt. Berlin, 1970.
- L'Occidente e l'Islam nell'alto medioevo,** vol. 1—2. Spoleto, 1965.
- Ogris W.** Der mittelalterliche Leihrentenvertrag. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Privatrechts. Wien — München, 1961.
- Pacaut M. Frédéric Barberousse.** Paris, 1967.
- Pacaut M.** Les structures politiques de l'Occident médiéval. Paris, 1969.
- Pannach H.** Das Amt Meissen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Studien zur Sozialstruktur. Verfassung und Verwaltung. Berlin, 1960.
- Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente.** Spoleto, 1962.
- Patzke H.** Die Entstehung der Landesherrschaft in Thüringen... Köln — Graz, 1962.
- Perspectives in medieval history.** London, 1963.
- Peyer H. C.** Das Reisekönigtum des Mittelalters. — «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1964, Bd. 51, Hf. 1, S. 1—21.
- Planitz H.** Die deutsche Stadt im Mittelalter. Graz — Köln, 1954.
- Prange W.** Siedlungsgeschichte des Landes Lauenburg im Mittelalter. Neumünster, 1960.
- Das Problem der Freiheit in der deutschen und schweizerischen Geschichte.** Lindau — Konstanz, 1955.
- Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht.** Berlin, 1966.
- Quellen zur Entstehung der Landesherrschaft.** Hrsg. von H. Patzke. Göttingen, 1969.
- Quellen zur ländlichen Siedlungs- Wirtschafts- Rechts- und Sozialgeschichte Mecklenburgs im 15. und 16. Jahrhundert.** Amt Crivitz. Vogtei Crivitz (mit Land Silesen) und Vogtei Parchim. Bearb. von P. Steinmann. Schwerin, 1962.
- Rabe H.** Der Rat der niederschwäbischen Reichsstädte. Rechtsgeschichtliche Untersuchungen über die Ratverfassungen der Reichsstädte Niederschwabens bis zum Ausgang der Zunftbewegungen im Rahmen der oberdeutschen Reichs- und Bischofsstädte. Köln — Graz, 1966.
- Reichskirche und Klosterreform vom 9. bis 11. Jahrhundert.** Ausgew. von G. Haendler. Berlin, 1963.
- Renouard Y.** Etudes d'histoire médiévale, vol. 1—2. Paris, 1968.
- Riedmann J.** Studien über die Reichskanzlei unter Friedrich Barbarossa in den Jahren 1156—1166. — «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung». Graz etc., 1967, Bd. 75, Hf. 3—4, S. 322—402; 1968, Bd. 76, Hf. 1—2, S. 23—105.
- Rittenbach W. und Seifert S.** Geschichte

- der Bischöfe von Meissen 968—1581. Leipzig, 1965.
- Rome et le moyen âge jusqu'en 1328. Par M. Meuleau, J. Le Goff, M. Arondel e. a. Paris, 1968.
- Schaab M. Die Zisterzienserabtei Schönau im Odenwald. Heidelberg, 1963.
- Schlesinger W. Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters, Bd. 1. Göttingen, 1963.
- Schlesinger W. Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte.— «Historische Zeitschrift». München, 1953, Bd. 176.
- Schlesinger W. Mitteldeutsche Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1961.
- Schlesinger W. West und Ost in der deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters.— In: «Festgabe für Paul Kirm zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern». Hrsg. von E. Kaufmann. Berlin, 1961, S. 111—131.
- Schlirer R. Weltherrschaftsgedanke und altd deutsches Kaisertum. Eine Untersuchung über die Bedeutung des Weltherrschaftsgedankens für die Staatsidee des deutschen Mittelalters vom 10. bis 12. Jahrhundert. 2. Aufl. Darmstadt, 1968.
- Schulz K. Ministerialität und Bürgertum in Trier. Untersuchungen zur rechtlichen und sozialen Gliederung der Trierer Bürgerschaft vom ausgehenden 11. bis zum Ende des 14. Jahrhunderts. Bonn, 1968.
- Schulze H. K. Adels herrschaft und Landes herrschaft. Studien zur Verfassungs- und Besitzgeschichte der Altmark, des ost-sächsischen Raumes und des hannoverschen Wendlandes im hohen Mittelalter. Köln — Graz, 1963.
- Schwarzmaier H. Königtum, Adel und Klöster im Gebiet zwischen oberer Iller und Lech. Augsburg, 1961.
- Schwind F. Stand, Probleme und Aufgaben der Landesgeschichte des Mittelalters in Hessen und im Rhein — Main — Gebiet.— «Rheinische Vierteljahrsblätter». Bonn, 1970, Hf. 1—4, S. 88—110.
- Schwöbel H. O. Der diplomatische Kampf zwischen Ludwig dem Bayern und der römischen Kurie im Rahmen des kanonischen Absolutionsprozesses. 1330—1346. Weimar, 1968.
- Seegrün W. Kirche, Papst und Kaiser nach den Anschauungen Kaiser Friedrichs II.— «Historische Zeitschrift». München, 1968, Bd. 207, Hf. 1, S. 4—41.
- Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch. Hrsg. von J. Herrmann. Berlin, 1970.
- Sociology and history. Theory and research. N. Y.— L., 1964.
- Sproemberg H. Mittelalter und demokratische Geschichtsschreibung. Berlin, 1971.
- Die Städte Mitteleuropas im 12. und 13. Jahrhundert. Schriftleitung W. Rausch. Linz, 1963.
- Steinbach H. Die Reichsgewalt und Niederdeutschland in nachstauferischer Zeit (1247—1308). Stuttgart, 1968.
- Stengel E. E. Abhandlungen und Untersuchungen zur Geschichte des Kaisergedankens im Mittelalter. Köln — Graz, 1965.
- Stromer W. Oberdeutsche Hochfinanz 1350 — 1450, Bd. 1—2. Wiesbaden, 1970.
- Structure of European history, vol. 2. N. Y., 1967.
- Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Linden — Konstanz, 1958.
- Studien zur Geschichte des Preussenlandes. Festschrift für E. Keyser zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Hrsg. von E. Bahr. Marburg, 1963.
- Thielen P. G. Die Verwaltung des Ordensstaates Preussen vornehmlich im 15. Jahrhundert. Köln — Graz, 1965.
- Töpfer B. Zu einigen Grundfragen des Feudalismus. Ein Diskussionsbeitrag.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Jg. 13, Hf. 5, S. 785—809.
- Universalismus und Partikularismus im Mittelalter. Berlin, 1968. («Miscellanea mediaevalia», 5).
- Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Konstanz — Stuttgart, 1966.
- La ville, pt. 1—2. Bruxelles, 1954—1955.
- Weis E. Ergebnisse eines Vergleichs der grundherrschaftlichen Strukturen Deutschlands und Frankreichs vom 13. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Wiesbaden, 1970, Bd. 57, Hf. 1, S. 1—14.
- Wernli F. Studien zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte, Bd. 1—2. Mettmensetten (Kanton Zürich), 1959—1960.
- Witzel F. W. Die Reichsabtei Fulda und ihre Hochvögte, die Grafen von Ziegenhain, im 12. und 13. Jahrhundert. Fulda, 1963.
- Wollasch H.-J. Die Anfänge des Klosters St. Georgen im Schwarzwald. Zur Ausbildung der geschichtlichen Eigenart eines Klosters innerhalb der Hirsauer Reform. Freiburg i Br., 1964.
- Wollasch H. J. e. a. Neue Forschungen über Cluny und die Cluniacenser. Hrsg. von G. Tellenbach. Freiburg i. Br., 1959.
- Zur Geschichte der Bayern. Hrsg. von K. Bosl. Darmstadt, 1965.

Часть третья

СТАТЬИ

К вопросу об исследовании общественного строя древних германцев

Работа посвящена общественному строю древних германцев *. Из этого не следует, однако, что автор имел целью исчерпать все явления и институты, характерные для древнегерманского общественного уклада, или дать подробное описание германского хозяйственного быта и германских «учреждений»; в его намерения не входило также изучение какой-нибудь одной стороны этого уклада.

Автор поставил два основных вопроса, то или иное решение которых могло содействовать выполнению основной его задачи — реконструкции своеобразия структуры древнегерманского общества как целого и раскрытия генезиса специфических особенностей этой структуры.

Являются ли древние германцы номадами или земледельцами? Свойственно ли древнегерманскому обществу социальное неравенство в той или иной его форме, и если да, то каковы причины и характер этого неравенства? Вот эти два вопроса, которые автор пытается решить в настоящей работе.

Постановка именно данных вопросов и именно в такой форме, конечно, в значительной мере подсказана ходом развития европейской историографии. Это не следует, однако, понимать в том смысле, что нами избраны те вопросы, которые почему-либо (возможно, в силу случайных до известной степени причин) оказались в центре внимания той или иной части европейских историков — безотносительно к тому, каково их значение для исследования занимающей нас проблемы.

Древнегерманское общество во всем его своеобразии, помимо того огромного конкретно-исторического интереса, который оно представляет, а может быть (и даже наверное!), именно в силу этого, является благодарным материалом для конкретизации наших представлений о процессе взаимодействия общественного человека и внешней природы. Ибо здесь этот процесс уже не настолько примитивен по своим формам, чтобы нельзя было констатировать наличие весьма серьезных социальных его последствий, и еще не настолько сложен, чтобы нельзя было разглядеть непосредственную связь между этими социальными последствиями

* Написано в 1928 г.

и породившими их причинами. Смысл поставленной таким образом задачи, конечно, не в том, чтобы сделать из общественного строя древних германцев иллюстрацию тех или иных взглядов автора работы на процесс взаимодействия общества и природы. Такое превращение объекта нашего изучения в конкретно-историческую иллюстрацию «надисторического» закона свелось бы к попытке навязать нашему материалу неприложимую к нему схему и тем самым отразилось бы неблагоприятно на конкретно-исторической и социологической стороне нашей задачи.

Изложенные соображения имеют целью лишь указать на тот факт, что изучение древнегерманского общества (в силу особенностей его структуры и его генезиса) способно открыть некоторые перспективы и в этом направлении, не предрешая пока вопроса о том, каковы эти перспективы. Правда, под углом зрения этой проблемы (воздействия общества на природу) мы подходили к самому изучению общественного строя древних германцев. Но данный угол зрения обусловил лишь постановку указанных двух вопросов (о земледелии и социальной дифференциации), а не их решение. То обстоятельство, что указанные вопросы оказались в центре нашего внимания, объясняется (помимо особенностей материала и того большого значения, которое придается этим вопросам в современной исторической литературе) также и нашим интересом к упомянутой проблеме.

Попытка решения вопросов о номадности или оседлости германцев и о формах их социального неравенства сводится к конкретно-историческому изучению древнегерманского общества во всем его своеобразии. Но это конкретно-историческое изучение следует провести так, чтобы его результаты могли составить Beitrag к решению социологической проблемы взаимодействия общества и природы. Социологическая задача совпадает, таким образом, с конкретно-исторической. Но самая возможность решения этой двуединой историко-социологической задачи обуславливается характером материала. Скудость источников, недостаточность исторических свидетельств о быте древних германцев заставляет исследователя обратиться к поискам таких методов изучения, которые позволили бы: 1) наиболее интенсивно использовать эти скудные источники и 2) при помощи комбинации всевозможных косвенных данных расширить самые рамки привлекаемого материала.

В поисках этих методов мы наталкиваемся на ряд приемов, уже выработанных наукой о германской древности, и нам предстоит сделать выбор, избрать тот метод, который представляется наиболее целесообразным средством для выполнения поставленной нами задачи. Среди этих приемов самый старинный и излюбленный — метод интенсивного, углубленного филологического изучения текстов германских экскурсов Цезаря и «Германии» Тацита.

Этот метод, господствовавший в науке в течение первых трех четвертей XIX столетия, нельзя не признать совершенно необходимым средством познания. В самом деле, знание и истолкование текстов писанных источников — первое необходимое условие для того, чтобы можно было приступить к дальнейшей работе. Однако в силу всем известной скудости фактов, их запутанности и противоречивости исключительное господ-

ство указанного метода вскоре само должно было обнаружить его недостаточность. Когда все возможные толкования были исчерпаны, мысль филологов стала вращаться в некоем заколдованном кругу: вместо того, чтобы доставить материал историку, они стали придавать самодовлеющее значение интерпретации того или иного слова или выражения Цезаря или Тацита, и их критическая работа начала превращаться в своего рода «искусство для искусства». И сами интерпретаторы, и следовавшие по их стопам историки временами забывали, что историк изучает не тексты сами по себе, а те реальные явления действительности, которые нашли свое отражение в этих текстах, что изучение исторических памятников — средство познания действительности, а не самоцель.

В результате такого забвения задач исторического исследования в изобилии появлялись противоречившие друг другу интерпретации, истинность которых была одинаково доказуема и недоказуема и которые способствовали скорее уяснению стиля Цезаря и Тацита, нежели хозяйства и социального строя древних германцев. Любопытные образчики такого рода интерпретации текстов дают два крупнейших и авторитетнейших комментатора «Германии» Тацита Баумштарк и Мюлленгоф, труды которых действительно во многом способствовали уяснению ряда запутанных текстов. И тем не менее мы находим у Мюлленгофа, например, следующее рассуждение. В гл. 25 «Германии» о рабах сказано: *Ceteris servis non in nostrum merem, descriptis per familiam ministeriis, utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aus pecoris aut vestis ut colono iungit, et servus hactenus paret: cetera domus officia uxor ac liberi* (конечно, *domini* — *A. H.*) *exsequuntur*¹.

Последняя фраза приведенного отрывка представляется Мюлленгофу противоречащей началу гл. 20 той же «Германии», где говорится о совместном воспитании детей раба и господина (*inter eadem pecora, in eadem humo degunt etc.*). Ибо гл. 25 указывает как будто на полное отсутствие домашних рабов у германцев (часть рабов сидит на земле, а работы по дому выполняют члены семьи господина), тогда как гл. 20 говорит о том, что дети раба и господина растут в одном доме. Толкование этой главы в том смысле, что речь идет в ней не об одном и том же доме, а лишь об одинаковой обстановке, одинаковых условиях жизни детей раба и господина, кажется Мюлленгофу натянутым.

Таким образом, остается лишь один способ примирить противоречие, а именно: признать, что и рабы гл. 25 могли наряду с оброком выполнять иногда и работы домашних рабов и что их дома находились неподалеку от усадьбы самого нобилия. В таком случае начало гл. 25 надо понимать лишь как противопоставление германского способа использования рабов резкому разделению их на *familia rustica* и *familia*

¹ Тацит. Германия, 25: «Рабов они используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей: каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если бы он был коловом, установленной мерой зерна, или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоит отправляемые рабом повинности. Остальные работы в хозяйстве господина выполняются его женой и детьми».

угбана у римлян. Германские рабы были и оброчными держателями, и домашними рабами одновременно.

Не входя в анализ этого толкования по существу, отметим лишь, что представление об усадьбе нобилиа, окруженной дворами держателей-рабов, платящих оброк и еще лично работающих на господина, представляет собой странную проекцию инамовской Villenverfassung в эпоху Тацита. Но не самая нереальность этой проекции важна для нас в данной связи, а метод Мюллэнгофа: ибо если даже его конструкция и верна, то он пришел к ней не потому, что совокупность данных о германцах убедила его в ее истинности, а создал ее *ad hoc* — только для того, чтобы объяснить противоречие между началом 20 и концом 25 гл. «Германии» — противоречие, кстати сказать, чисто словесное, а потому мнимое. Целые гипотезы, касающиеся древних германцев, создаются с единственной целью объяснить противоречие двух текстов Тацита, который, по убеждению комментатора, совершенно лишен общечеловеческой способности вступать в противоречие с самим собой, хотя бы даже словесное. Здесь не текст — средство познания действительности, а гипотеза комментатора о действительности — средство познания текста.

Еще более яркий образчик тех же самых приемов дают многочисленные попытки филологической интерпретации гл. 26 «Германии». Оставив в стороне все эти попытки, остановимся лишь на одном словечке: *in vicem*. Так как его значение в данном контексте с трудом поддается объяснению, то его пробовали интерпретировать в самых противоположных направлениях: одни (Гансен) склонны были переводить его «поочередно» и усматривать в тексте сообщение о поочередном занятии общинниками различных частей полевой марки; другие соединяли это слово с предыдущим *universis* (*Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur*) и, предлагая конъектуру *vicinis*, читали *ab universis vicinis* и переводили: «земля занималась под обработку целыми деревнями» (Вайц); третьи предлагали читать *invices* (Мюллэнгоф) и находили этот оборот очень редким и употребительным лишь в поэтической речи, четвертые (Допш) настаивали на чтении *invicem* и указывали на то, что в такой степени и в смысле «обоюдности, взаимности» это слово очень часто встречается у Тацита и в той же «Германии», и в «Истории», и в «Жизнеописании Юлия Агриколы».

И только один исследователь (М. Вебер) имел мужество признать, что из этого слова просто ничего нельзя извлечь. А между тем то или иное его толкование давало комментаторам повод решать столь важную проблему, как вопрос о наличии или отсутствии коллективного владения землею у германцев эпохи Тацита! В указанных дефектах чисто филологических толкований повинны не комментаторы, а сами тексты. Сознание их скудости и противоречивости побудило некоторых исследователей уже во второй половине XIX в. искать других источников познания, которые помогли бы им выйти из заколдованного круга филологических контrovers. В середине XIX столетия, когда археология представляла в распоряжение историка еще очень мало данных, касающихся общественного строя древних германцев, таким вспомогательным источником познания мог служить только сравнительно-исторический

метод. Вопрос о возможности его использования стоял и перед автором настоящей работы, поэтому мы позволим себе остановиться несколько подробнее на оценке этого метода.

Сравнительно-исторический метод может быть очень плодотворным в том случае, если он применяется при соблюдении следующих условий: 1) *объекты, подлежащие сравнению, должны быть качественно соизмеримы друг с другом*, т. е. их отличия друг от друга не должны носить столь глубокий, столь принципиальный характер, чтобы делать невозможным или неубедительным самое сравнение; 2) *сравниваемые объекты должны быть избраны таким образом, чтобы в силу указанной качественной их соизмеримости друг с другом можно было использовать не только черты их сходства, но и черты различия как материал, уясняющий своеобразие каждого из них* и в то же время позволяющий рассматривать их как индивидуальные вариации одного и того же основного типа (применительно к нашей задаче это значит, что общественный строй германцев следует сравнивать с общественным строем народа, развитие которого протекало в принципиально сходных естественных и культурных условиях и который в какой-то момент своего развития достиг примерно такого же уровня, что и германцы, — конечно, с неизбежными индивидуальными особенностями); 3) *сравниваемые объекты должны быть одинаково хорошо изучены*. Даже более того, тот народ, общественный строй которого сравнивается с германским, должен быть изучен значительно лучше, нежели германцы. Ибо цель и смысл такого сравнения как раз и заключаются в том, чтобы объяснить и истолковать неясные стороны общественного уклада древних германцев с помощью параллели с общественным строем другого народа, развитие которого протекало в сходных естественных и культурных условиях и о котором мы (в силу меньшей скудости и большей достоверности источников познания) знаем больше, нежели о германцах. Неизвестное познаешь через известное и менее известное — через более известное.

К сожалению, применительно к древним германцам ни одно из условий, позволяющих проводить плодотворное сравнение, на данной стадии развития исторической науки не может быть целиком выполнено. Есть народы, сравнение которых с германцами могло бы удовлетворить первым двум условиям (т. е. качественной соизмеримости и возможности подчеркнуть индивидуальные отличия, несмотря на принципиальное сходство), но строй этих народов (например кельтов или гомеровских греков) известен нам отнюдь не лучше, чем германцев. А те племена (например некоторые современные), чей общественный строй поддается более точному и всестороннему изучению, развивались в столь несходной с германцами естественной и культурной среде и стоят на столь отличном от них уровне хозяйственного развития, что попытка сравнения с ними германцев резко противоречит первому из указанных условий.

Тем не менее мы все же сначала намеревались построить свою работу в сравнительно-историческом плане, конечно, избрав в качестве материала для параллелей те народы, сравнение которых с германцами удовлетворяло бы первым двум условиям, т. е. кельтов или гомеров-

ских греков. Но этому намерению суждено было остаться невыполненным по следующей причине. Подобно тому, как историк изучает не тексты, а реальную общественную действительность, отражающуюся в них, так он и сравнивает не тексты с текстами, а один общественный уклад с другим. Следовательно, задача свелась бы к самостоятельному изучению общественного строя гомеровских греков и галлов эпохи Цезаря. Не говоря уже о том, что изучение каждого из них могло бы составить тему особой диссертации, осуществление такой попытки (если бы даже она и была практически выполнима) совершенно видоизменило бы смысл, цель и характер нашей работы и превратило бы ее из исследования общественного строя древних германцев в сравнительно-исторический обзор, вроде «The Heroic Age» Чэдвика. Ибо изучение кельтов и гомеровских греков неизбежно заняло бы самодовлеющее место в архитектонике работы, переместило бы центр тяжести ее и тем самым не облегчило, а помешало бы нам выполнить нашу основную задачу — исследовать структуру древнегерманского общества, как целого и раскрыть генезис этой структуры.

Изучение общественного строя кельтов и гомеровских греков само по себе представляет собою столь сложную и увлекательную конкретно-историческую задачу, что ее выполнение не могло бы послужить лишь материалом для освещения общественного строя древних германцев, а неизбежно заслонило бы от нас его изучение. *Задача социологическая не совпала бы с конкретно-исторической*, а надстроилась бы над ней и приобрела бы самодовлеющее значение.

Однако, перед нами была еще одна возможность применить сравнительно-исторический метод, а именно — использовать выводы этнологии и этнографии, касающиеся быта современных отсталых племен, и эту возможность мы не имели права отвергнуть вследствие одного лишь чисто теоретического убеждения в качественной несоизмеримости сравниваемых объектов — мы должны были проверить справедливость этого убеждения на практике. К счастью для автора, развитие современной исторической науки освободило его от обязанности самому изучать быт оседающих кочевников Центральной Азии или формы земледелия у папуасов для того только, чтобы убедиться в качественной несоизмеримости общественного строя этих народов с общественным строем древних германцев. Ибо в исторической литературе не раз проводились сравнения древних германцев с современными нам отсталыми племенами и с достаточной наглядностью обнаружилось, что требуемая качественная соизмеримость сравниваемых объектов в данном случае действительно отсутствует.

Приведем в качестве примера две работы, написанные уже в эпоху расцвета этнологической науки: книгу Гильдебранда «*Recht und Sitte auf den primitiveren wirtschaftlichen Kulturstufen*» (второе издание вышло в 1907 г.) и второй том «Всеобщей истории хозяйства» Кунова (1928). Первый автор — историк и социолог права, второй — этнолог, социолог и историк хозяйства. Гильдебранд пытается сочетать детальное филологическое истолкование текстов Цезаря и Тацита с выводами этнологии о культуре так называемых первобытных народов,

Кунов в основном делает акцент на выводах, приводя тексты лишь для иллюстрации своих мыслей. Оба совершенно по-разному расценивают уровень хозяйственного развития древних германцев, и в частности резко расходятся по вопросу об общинной собственности на землю у германцев, наличие которой Гильдебранд отрицает, а Кунов с оговорками признает. Кунов даже полемизирует с Гильдебрандом, упрекая его в том, что для него важны не факты, а собственные несостоятельные и произвольные конструкции.

Как видим, и методика использования писанных источников, и общие взгляды на уровень хозяйственного развития древних германцев у обоих авторов различны, во многом — прямо противоположны. И тем не менее неосторожное применение сравнительно-исторического метода приводит обоих к одной и той же логической ошибке: за доказанное принимается то, что как раз требуется доказать (*circulus vitiosus*), или же молчаливо вводится посылка, необходимая для заключения (*petitio principii*). Так, Гильдебранд утверждает², что германцы эпохи Цезаря являлись скотоводами и были знакомы лишь с примитивной формой земледелия (кочевое земледелие, при котором пахотные поля и деревни ежегодно переносятся на другие места), что земля у них — *res nullius* и они стремились приобрести ее не как вещь, а как пространство, как территорию. Все эти утверждения подкрепляются ссылкой на то, что именно такие отношения в сфере хозяйства характерны для оседающих кочевников.

Но для того, чтобы данная ссылка что-нибудь уяснила в хозяйстве древних германцев, нужно предварительно доказать, что оно действительно похоже на хозяйство кочевников.

А именно это и остается недоказанным, ибо впечатление о хозяйстве германцев Цезаря автор составил, исходя из чисто априорного допущения, что такое сходство должно иметь место, и из соответственного истолкования текстов.

Перед нами не органическое сочетание двух методов познания, а стремление поправить данные литературных источников выводами этнологии, не выполнив предварительной задачи и не попытавшись сначала реконструировать общественный строй древних германцев, исходя из одних только текстов, а потом сравнить его с общественным строем кочевников. Гильдебранд сравнивает не два общественных уклада различных народов, а источники, свидетельствующие об одном из них, с общественным строем другого. Тексты исторических памятников определенной эпохи сравниваются с реальной общественной действительностью совершенно иной эпохи и иного характера. Если бы Гильдебранд попытался представить предварительно общественный строй древних германцев независимо от этих сравнений, то, конечно, обнаружилось бы много пробелов из-за скудости данных, но, несмотря на это, в распоряжении ученого было бы все-таки достаточно материала, чтобы усомниться в самой правомерности сравнения германцев с оседающими кочевниками.

² R. Hildebrand. Op. cit., S. 45—57.

Подобные же сравнения делает и Кунов. Например, в V главе второго тома своей «Всеобщей истории хозяйства» он проводит параллель между германской и перуанской маркой: выбрав девять пунктов сходства, он, анализируя каждый, дает сначала подробное описание той или иной особенности перуанской марки, а затем отмечает, что эта особенность была или должна была быть присуща марке германской — *genau dasselbe gilt von den deutschen Markgenossenschaften* (стр. 149).

Таким образом, параллели в сущности не получается вовсе: ведь, перуанские марки привлекаются как аргумент в пользу наличия марковой общины у германцев, а то, что нам очень мало известно о последней, опровергается тем соображением, что поземельная община — явление, распространенное у всех народов земного шара. Тем самым вводится новая посылка (утверждение о всеобщей распространенности указанного явления), истинность которой еще нуждается в доказательствах и в проверке и которую любопытно было бы проверить, в частности, и на примере древних германцев. Но если так, то что же уясняет перуанская параллель в структуре германской марки? И зачем тогда раскрывать ее структуру во всем своеобразии, раз все и так уже понято на примере Перу?

Но и Кунов, подобно Гильдебранду, не довольствуется одной параллелью. Он для сравнения различных институтов между собой тоже берет материал из быта разных народов. Если германская марковая община сравнивалась с перуанской маркой, то хозяйство свевов у Цезаря сравнивается с хозяйством кафров, сомали и других племен, которые находятся, по словам Кунова, «на стадии развития пастушеских народов, занимающихся примитивным земледелием наряду со скотоводством» (стр. 169—173). Не говоря уже о том, что это сравнение убедительно лишь для тех, кто считает свевов эпохи Цезаря именно таким пастушеским народом (а это ведь как раз и требуется доказать), такой метод выбора параллелей из жизни самых разнообразных народов несостоятелен еще и по другой причине. Он исходит, очевидно, из определенного представления об обществе как системе элементов, хотя и связанных друг с другом, но способных выступать и изолированно; все различия в структуре разных обществ сводятся с этой точки зрения к различию комбинаций некоего вполне определенного числа постоянно повторяющихся элементов.

Таким образом, место идеи сменяющихся общественных формаций занимает плюралистическое представление об элементах и факторах бытия. Это отсутствие синтетического взгляда на общество и позволяет Кунову брать для сравнения один «элемент» из структуры одного общества, а другой — из структуры другого, совершенно непохожего на первое. Поэтому вполне справедливого упрека в некритическом использовании метода однологических параллелей, который Кунов делает Гильдебранду, сам Кунов заслуживает ничуть не меньше. Этот метод — принципиально вполне приемлемый — пока, на данной стадии развития науки, еще не удовлетворяет условию соизмеримости сравниваемых объектов. Весьма возможно, что дальнейшие успехи этнологии откроют нам такие формы общественной жизни какого-либо из современных отсталых пле-

мен, сравнение которых с общественным строем германцев окажется весьма плодотворным для изучения последних.

Но пока этого еще не сделано, и мы не могли воспользоваться указанным методом.

Тем не менее тексты все же очень скудны и какой-то выход из тесного круга филологических контrovers нужно было найти. Но прежде чем прибегать к сложным и часто опасным сравнительно-историческим параллелям, естественно было попытаться расширить самый круг писанных источников и вещественных памятников. Расцвет археологии за последние десятилетия настолько увеличил число последних, что можно использовать выводы из их изучения для понимания неясных сторон общественного строя древних германцев. Перемещение же центра тяжести толкования текстов с «Германий» Тацита на его «Анналы» и «Историю», с общих этнографических экскурсов Цезаря на его конкретные описания в значительной мере ослабляет неразрешимость филологических контrovers.

Конечно, автор настоящей работы столь же мало является специалистом в области археологии и лингвистики, как и в области этнологии; изучение этих дисциплин специально для данной темы представляло такие же трудности, как и самостоятельное исследование быта современных «малокультурных» народов. Автору пришлось воспользоваться лишь историческими выводами из археологических работ, что является несомненно большим минусом, ибо научная мысль ничего не должна принимать без самостоятельной критической проверки. Но, несмотря на сделанные оговорки, археолого-лингвистический метод применительно к исследованию древнегерманского общества имеет одно огромное преимущество перед сравнительно-историческими параллелями: археология не воссоздает общественного уклада какого-то другого народа, который нам пришлось бы сравнивать с общественным строем древних германцев и, таким образом, не совершает удвоения объекта и задачи изучения, а лишь увеличивает число конкретных данных о германцах. Пользование выводами археологии не приводит нас к необходимости поправлять тексты Тацита сведениями об общественных отношениях других народов, а лишь дополняет писанные источники вещественными памятниками. Оказываемые ею услуги скромнее, но зато прочнее. Привлечение ее данных ставит исследователя на более твердую почву. А систематическое использование конкретных описаний римско-германских военных столкновений (в «Записках о Галльской войне» Цезаря, «Анналах» и «Истории» Тацита) позволяет автору внести и нечто самостоятельное в разработку вопроса, ибо такое собирание всех материалов о германцах, заключенных в указанных описаниях, еще не было проведено в науке, хотя некоторые исследователи давно указывали на возможность и необходимость такого подбора данных и даже частично пользовались ими (особенно Фюстель де Куланж в своих «Recherches»³, а также и Дюпш).

³ N. D. Fustel de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire. 2e éd. Paris, 1894.

И в чисто методическом отношении это дает все же больше, чем может показаться на первый взгляд: хотя и самые тексты «Анналов» и «Истории», касающиеся германцев, не очень многочисленны, тем не менее в силу своего характера они позволяют сделать более достоверные выводы, чем общие этнографические экскурсы. Они дают возможность собрать ряд однородных упоминаний об одних и тех же явлениях (о земледелии, характере германских переселений, нобилитете и т. д.), а не ставят исследователя перед каким-то одним текстом, в котором содержится единственное описание какого-нибудь существенного явления (например способа распределения и обработки земли в гл. 26 «Германии») и из которого именно в силу этой его единственности почти ничего нельзя извлечь. Возможность подбора некоторого, хотя бы и сравнительно небольшого, количества однородных данных представляет собой все же известный, хотя, возможно, и не очень значительный, шаг вперед по сравнению с методом филологических контроверз.

Можно было попытаться расширить круг источников еще в одном направлении и привлечь некоторые более поздние памятники, относящиеся к общественному строю германских племен эпохи образования варварских королевств. Имеем в виду варварские Правды, и в частности *Lex Salica*. Привлечение этих памятников и внимательное использование содержащихся в них указаний на «пережитки» древних институтов могло бы осветить ретроспективно некоторые стороны общественного строя германцев эпохи Тацита. От их использования мы решили воздержаться по следующим соображениям. Во-первых, применение ретроспективного метода требует большой осторожности, ибо очень трудно бывает выделить из состава памятника то, что может быть названо «пережитками» старинных отношений. Во-вторых, целый ряд текстов из Правд (например, знаменитая глава *De migrantibus* в *Lex Salica*) дал повод к столь же многочисленным и трудно разрешимым контроверзам, как и гл. 26 «Германии». Весь смысл нашей работы в методическом отношении заключается именно в том, чтобы уйти от этих контроверз к более конкретным писаным и вещественным памятникам. А между тем, если бы даже глава *De migrantibus* облегчила, например, понимание гл. 26 «Германии», то все же здесь одна контроверза разрешалась бы при помощи другой, и трудность их решения усугублялась бы еще необходимостью применения ретроспективного метода. А использование последнего применительно к древним германцам вызывает у нас ряд сомнений, проистекших из наших представлений о характере и генезисе общественного строя германцев эпохи Тацита и его дальнейших судьбах. Изложим еще раз кратко основные линии нашей общей концепции, быть может, недостаточно рельефно выступающие в самой работе, где их затемняют детали.

Древнегерманское общество эпохи Цезаря и Тацита мы рассматривали не как сложившийся организм, не как застывшую систему, а как живое историческое образование, находящееся в состоянии непрерывного изменения и развития. Основной движущей силой этого развития является, на наш взгляд, взаимодействие данного общества и окружающей его природы. Характер этого взаимодействия определяется особенностями

внешней среды и уровнем развития, которого достигло общество в изучаемую нами эпоху. Естественные условия, в которых жили и развивались германские племена, были таковы, что, с одной стороны, давали германцам полную возможность достигнуть стадии оседлого хлебопашества, а с другой, ставили известные препятствия их переходу к новым, высшим формам хозяйственной жизни. Ибо ландшафт древней Германии, представлявший собою своеобразное сочетание лесистых гор и лесостепных территорий, ставил народу, находившемуся на стадии экстенсивного оседлого хлебопашества, непреодолимые препятствия к дальнейшей интенсификации хозяйства. Орудия воздействия германских хлебопашцев на природу были уже настолько сложны, что привели к использованию крупного рогатого скота в сельскохозяйственных целях и к употреблению сохи или плуга, но еще настолько примитивны, что не допускали возможность корчевки первобытных девственных лесов и их расчистки под пашню.

При сравнительной многочисленности племен, населявших древнюю Германию и при быстром росте населения эти своеобразные особенности внешней среды и внутренней структуры древнегерманского общества на данной стадии его развития приводили к перенаселению, а оно — к постоянным столкновениям с соседними племенами и к частым переселениям больших племенных масс или целых племен. Германцам постоянно приходилось браться за оружие: потребности самого земледелия непременно вынуждали их с оружием в руках завоевывать самую возможность заниматься земледелием.

Нередко германские племена сплачивались в грозные военно-переселенческие союзы, не прекращавшие своего движения до тех пор, пока им не удавалось завоевать достаточно обширную и пригодную для земледелия территорию, способную прокормить племя. Мирное оседание на этой территории, часто довольно длительное (вспомним маркоманское королевство в Богемии!), продолжалось до тех пор, пока племя вновь не наталкивалось на естественные преграды или на сопротивление соседей (в лице германских племен или кельтов и римлян) и пока периодически возникавшее перенаселение не вынуждало племя к новому переселению.

Если принять во внимание все своеобразие обстановки, то покажется вполне естественным, что германский «нобилитет» эпохи Тацита выделился как слой лиц, наиболее активно участвующих в процессе завоевания пригодных для земледелия территорий, а потому имеющих наибольшие шансы к сосредоточению в своих руках земельных владений и сверх того постоянно сохраняющих эти шансы в силу своей руководящей военной роли. Повторяем, эта связь нобилитета с войной не только не представляется странной, но скорее даже наоборот — странным было бы в охарактеризованной выше обстановке отсутствие такой связи. Ибо не война есть источник социальной дифференциации, а тот тип взаимодействия общества и природы, при котором война неизбежно становится средством, дающим этому обществу возможность продолжать свое воздействие на природу в прежних его формах и в прежнем направлении. И если война нередко приводила к временной деформации всего общественного уклада, то, с другой стороны, завоевание обширной, при-

годной для земледелия территории и последующее мирное оседание племени в ее пределах создавало новые могучие импульсы усложнения этого уклада.

Постоянные переселения и столкновения с римлянами и соседями позволяли нобилим сохранять господство внутри племени. Но те же самые явления порождали текучесть нобилитета, который не успевал резко отделиться от широкой массы рядовых свободных воинов и кристаллизоваться в класс крупных землевладельцев, эксплуатирующих рядовых свободных (*ingenui*) в качестве своих зависимых держателей. Классовые деления определенно наметились в древнегерманском обществе, но именно только наметились, а еще не осуществились. В таком незавершенном виде они оставались до тех пор, пока древнегерманское общество не вышло, наконец, из состояния перманентного военно-переселенческого движения, т. е. пока оно не перестало быть древнегерманским обществом со всеми его специфическими особенностями. Поэтому осторожнее говорить о социальном расслоении этого общества, чем о его делении на классы.

Противоречия классовых интересов в тесном смысле этого слова еще не имело в нем места, ибо социальная борьба сводилась к борьбе разных групп нобилитета друг с другом (причем иногда в нее втягивались и рядовые свободные), а не была борьбой эксплуатируемого класса с классом эксплуататоров. Да для такой борьбы не было еще достаточных предпосылок, ибо благосостояние племени продолжало держаться на личном труде рядового свободного воина-земледельца, лишь частично прибегавшего к использованию рабского труда. Поэтому источник социальной дифференциации древнегерманского общества никоим образом нельзя усматривать в рабовладении, ибо основная социальная противоположность в этом обществе не «рабы — свободные», а «свободные — знатные». Здесь еще не успела образоваться противоположность между классом, обладающим средствами и орудиями производства (в данном случае — землей и орудиями ее обработки), и классом, вовсе лишенным их. Поэтому и расслоение проходит по другой линии: не обладатели земли и орудий ее обработки надстраиваются над держателями этой земли, а слой лиц, обладающих средствами и орудиями производства в большей степени (нобили), надстраивается над группой лиц, обладающих ими в меньшей степени (*ingenui*).

Следует подчеркнуть, что эта разница в степени обладания орудиями производства не слишком велика — она, во всяком случае, неизмеримо меньше, чем аналогичное различие между вотчинником и его держателем эпохи раннего средневековья. Отношение древнегерманского племени к окружающей его природе являет собой пример сравнительно примитивного воздействия общества на природу — воздействия, еще не приводящего к резкому классовому членению этого общества по принципу эксплуатации одного класса другим. Древнегерманское племя эпохи Цезаря и Тацита находится на переходной ступени от бесклассового к классовому обществу — со значительным приближением к последнему.

Но древнегерманское общество не всегда пребывало в таком переходном состоянии. Эпохе постоянных миграций, продолжавшейся около

шести веков, предшествовала, по-видимому, эпоха мирной оседлости. О ней мы знаем, к сожалению, слишком мало, но даже те скудные (почти исключительно археологические) данные, которыми наука располагает, заставляют думать, что германцы уже тогда (т. е. за несколько столетий до н. э.) были уже земледельцами. Возможно, что уже в ту эпоху наметилась некая социальная дифференциация, сложилась какая-то — может быть, родовая — аристократия, которая послужила социальным материалом для возникновения тацитовского нобилитета. Но эпоха военных переселений совершенно видоизменила характер этой дифференциации и создала тот новый ее тип, который мы пытались охарактеризовать. Этот новый тип социальной дифференциации, отличавшийся некоторой расплывчатостью очертаний, оставался, однако, очень устойчивым до тех пор, пока сохранялась та неустойчивая обстановка, которая вызвала его к жизни. Но как только она исчезла, прекратил свое существование и этот тип социальной дифференциации, заменившийся более сложными формами строения уже чисто классового общества. А исчезла эта обстановка тогда, когда германские племена, сплотившись в обширные племенные объединения, основали ряд крупных варварских королевств на почве бывшей Римской империи, которая в силу целого ряда сложных исторических причин в течение нескольких столетий медленно, но верно шла по пути феодализации и распада. Завладев достаточно обширными и богатыми территориями, германские племена прочно осели в них. Так, называемое «великое переселение народов» было заключительным этапом длительной эпохи миграций. Новые хозяева, устранившиеся на старой культурной почве, быстро перешли к новым формам общественного строя. И им заглянул в глаза феодализм, ибо предпосылки феодализационного процесса, шедшего в разных направлениях были налицо и в строе Римской империи, и в общественном укладе завоевавших ее германцев. Только у тех их кристаллизации препятствовали постоянные военно-переселенческие движения; с их прекращением этот процесс пошел полным ходом. Как когда-то, общество разделилось на два основных класса — крупных землевладельцев и зависимых от них держателей. Но последние — социальные потомки тацитовских *ingenui*, а отнюдь не сервов. Именно этот слой *ingenui* разделился на две части: верхушка его примкнула к нобилитету и создала вместе с ним класс вотчинников, а низшие стали их зависимыми держателями. Таким образом, и исторически древнегерманское общество эпохи Тацита стоит на некоей грани, представляет собой звено длинной цепи, один конец которой теряется во мраке плохо изученной древности, а другой ведет нас в средневековую Европу, причем ближайшим к германцам соседним звеном этой цепи является феодальное общество раннего средневековья.

Военные союзы германских племен около начала нашей эры*

В изучении экономического быта и социального строя древних германцев в течение последних десятилетий произошел значительный и весьма существенный поворот. Успехи вспомогательных дисциплин (археологии и лингвистики) показали недостаточность прежних приемов чисто филологического исследования литературных источников и неточность тех представлений об общественном строе древних германцев, которые создались на основе такого исследования. Тем самым они косвенно содействовали оживлению интереса к конкретным данным литературных памятников.

Место общих этнографических характеристик «Германии» Тацита заняли, таким образом, конкретные наблюдения, рассеянные в описаниях римско-германских военных столкновений и содержащиеся в работах того же Тацита и других античных историков. Именно эти конкретные описания в настоящее время находятся в центре внимания исследователей. Вместе с таким перемещением интересов от одной группы источников к другой изменился и усложнился и самый метод изучения литературных памятников.

В настоящее время невозможно составить самостоятельное представление о древнегерманском обществе, не сделав предварительной попытки органически связать данные, содержащиеся в конкретных описаниях германцев у античных историков и географов, с выводами археологии и лингвистики. Уже один этот факт достаточно убедительно показывает, насколько обоснован и необходим тот пересмотр ходячих представлений о древних германцах, который происходит в настоящее время в европейской исторической науке. Будучи убежден в необходимости этого пересмотра и являясь сторонником того течения в немецкой историографии, представители которого этот пересмотр производят, автор настоящей статьи попытался согласовать свидетельства литературных памятников с данными, добытыми археологической и лингвистической наукой, и пришел при этом к некоторым общим выводам относительно хозяйства и соци-

* Впервые опубликовано в кн.: «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 3, 1929.

ального строя древних германцев. Эти выводы считаем необходимым¹ сформулировать здесь и предпослать нашей статье (хотя бы в краткой и потому голословной форме).

1. Весьма многие германские племена около начала нашей эры уже были оседлыми земледельческими племенами; это относится не только к прирейнским, романизированным или кельтизированным, германцам, но и к некоторым племенам внутренней Германии.

2. В техническом отношении древнегерманское земледелие представляло собой оседлое хлебопашество (Ackerbau, по терминологии Е. Гана), основанное на применении плуга и рабочей силы крупного рогатого скота. Германское хозяйство не обнаруживает глубокого сходства ни с хозяйством «чистых кочевников», ни с хозяйством скотоводов, переходящих к оседлому земледелию. В противоположность последним германцы культивируют не только быстро созревающий ячмень и просо (излюбленные злаки номадов), но и чисто земледельческие хлебные злаки (рожь, овес, полбу), имеют мало лошадей и очень ценят крупный рогатый скот. Обладание крупным рогатым скотом отнюдь не является у германцев делом беднейших членов племени, якобы вынужденных перейти к земледелию из-за невозможности кормиться за счет своих малочисленных стад мелкого скота. Скорее уж напротив: крупный рогатый скот имеет, может быть, несколько больший удельный вес в хозяйстве богатого германца, чем в хозяйстве его малоимущего соплеменника. Лошади вообще не играют слишком большой хозяйственной роли, а если и являются преимущественно домашними животными знатного германца, то исключительно потому, что германская знать носит резко выраженный характер *военной аристократии*. Правда, ряд фактов: экстенсивность германской системы сельского хозяйства и связанное с ней преобладание площади, занятой под пастбища и покосы, над площадью, занятой под пашни, большие размеры стад мелкого скота, — свидетельствуют о значительной, и притом самодовлеющей, роли скотоводства наравне с хлебопашеством.

Однако отмеченную роль скотоводства следует рассматривать не изолированно, а в связи со всей совокупностью явлений хозяйственного быта древних германцев. При таком рассмотрении становится ясным, что эта роль скотоводства доказывает не полуномадный характер германского хозяйства, а его техническую примитивность и что самодовлеющее значение скотоводства в хозяйстве древних германцев является относительным. Другими словами, древние германцы — не номады, не оседающие кочевники, но и не современные земледельцы европейского типа. Их земледелие — *это низший тип оседлого хлебопашества*, характеризующийся сочетанием его с сильно развитым, относительно самодовлеющим, но отнюдь не кочевым скотоводством.

3. Уже в эпоху Тацита в древнегерманском обществе можно констатировать довольно резкую имущественную дифференциацию. Материальную базу существования германского племени создавала мирная обра-

¹ Вся аргументация (т. е. весь ход мыслей и все толкования текстов) здесь по необходимости опускается.

ботка завоеванной земельной территории, торговля и военная добыча. А так как германцы были оседлыми хлебопашцами, то основным элементом, из которого складывался этот материальный фундамент и которым определялась вся его структура, являлся труд земледельца. В соответствии с этим имущественное неравенство имело наибольшее значение в сфере земле- и скотовладения.

4. Как показывает анализ социальной структуры древнегерманского общества, германское племя эпохи Тацита делилось на три основных социальных слоя. Высший слой (нобилитет) составляли привилегированные воины, являвшиеся вместе с тем и крупными земле- и скотовладельцами и представлявшие собой социальную верхушку класса рядовых свободных воинов (*ingenui*). Этот второй класс состоял из воинов-земледельцев, иногда выступающих и в качестве мелких землевладельцев. Наконец, третий, низший слой германского общества составляли лично несвободные и экономически зависимые земледельцы (сервы 25-й главы «Германий» Тацита), лишенные права ношения оружия, а потому не принимавшие никакого участия в деле военной обороны племени; по своему социальному положению к этому слою очень близко примыкали домашние рабы и вольноотпущенные.

Высший социальный слой древнегерманского общества (нобилитет) жил частью за счет продуктов труда низшего слоя (сервов-земледельцев и домашних рабов), частью за счет доходов военного происхождения. Материальное благосостояние среднего слоя (*ingenui*) покоилось отчасти на тех же основаниях, а отчасти — на личном земледельческом труде членов этого слоя и их семей. Соотношение между различными источниками существования рядового свободного германца (*ingenius*) варьировалось в зависимости от индивидуальных особенностей его имущественного и социального положения: чем богаче данный *ingenius* и чем больше у него военных заслуг, т. е. чем ближе стоит он по своему социальному положению к нобилитету, тем большее значение приобретают в его хозяйстве военные доходы и эксплуатация труда сервов. И наоборот, чем он беднее и незаметнее, тем в большей степени личный земледельческий труд его самого и его семьи составляет основу его хозяйственного благосостояния. Воины-земледельцы и воины-землевладельцы надстраиваются над несвободными земледельцами, не носящими оружия; но из среды первых все время непрерывно выделяется слой социально-привилегированных воинов-землевладельцев. Поэтому переходы между высшим и средним слоем текучи, тогда как между средним и низшим слоем существует довольно резкая грань.

5. Схематично ход процесса социальной дифференциации можно представить — в соответствии с вышеизложенным — так.

Ландшафт древней Германии, представлявший собой своеобразное сочетание лесостепных районов и непроходимых лесистых гор, давал слишком мало простора германскому экстенсивному хозяйству. А между тем сравнительно быстрый рост населения в условиях экстенсивного оседлого хлебопашества со значительной, до некоторой степени самодовлеющей ролью скотоводства требовал постоянного расширения занятых под обработку территорий. Но так как эта тенденция к территориальному

расширению наталкивалась на препятствия (необходимость расчистки девственного леса), которые на данном уровне развития техники оказывались непреодолимыми, то в древней Германии постоянно возникало перенаселение. Переход к интенсивному сельскому хозяйству был на тогдашней стадии культурного развития древних германцев невозможен.

Следовательно, у германского племени оставался только один выход — переселение.

Уже в I в. до н. э. мы застаем германские племена в состоянии неперестанного движения. Германские переселения происходили, конечно, не планомерно и сознательно, а бессистемно и стихийно, и частью они начинались под давлением случайных обстоятельств. Поэтому различные племена нередко переселялись одновременно в разных направлениях, так что их пути перекрещивались друг с другом; к тому же всякое переселявшееся племя должно было пройти через владения ближайших соседей, так что его переселение механически приводило в движение и соседние племена. Все это неизбежно должно было вести к столкновениям переселявшихся племен друг с другом и каждого из них — с его соседями. Поэтому древнегерманскому племени приходилось переселяться с оружием в руках, хотя его переселение и преследовало в сущности мирные хозяйственные цели.

Чем острее давало себя чувствовать перенаселение в древней Германии, чем большее количество германских племен втягивалось в водоворот переселенческого движения, и чем более обширные области это движение захватывало, тем все чаще и чаще мирные переселения превращались в военные нашествия. Ибо германским племенам, докатившимся в поисках новой родины до берегов Рейна и Дуная, приходилось уже сталкиваться не только со своими сородичами, но и с кельтами и римлянами, успешная борьба с которыми требовала особого напряжения военных сил германских племен.

Вполне естественно, что в таких условиях из среды свободных германцев стали выделяться те лица, которые играли наиболее выдающуюся роль в деле организации военной обороны племени, медленно передвигающегося вперед или в промежутках между переселениями наскоро обрабатывающего захваченную землю. Но чисто хозяйственные, земледельческие цели, преследовавшиеся этими переселениями и как нельзя лучше отражающие факт преобладания земледелия в хозяйстве древних германцев, создавали экономические предпосылки (захват земель и их раздел *secundum dignationem*) для превращения группы доблестных воинов в особый социально-привилегированный слой, в военно-аристократический класс крупных земле- и скотовладельцев. Так произошло социальное расслоение в общей массе свободных германцев, в результате которого начал складываться германский нобилитет. Происхождение низшего слоя древнегерманского общества даже гипотетически не может быть установлено с достаточной ясностью. Несомненно лишь одно: выделение нобилитета как класса, члены которого заняты преимущественно войной и лишь владеют землей, но не обрабатывают ее личным трудом, неизбежно предполагает возникновение на противоположном полюсе общества какого-то класса не обладающих собственной землей земледельцев, ра-

ботающих не только на себя, но и на нобилей. Эти земледельцы и суть германские сервы, сидящие на земле господина и платящие ему оброк. Следовательно, и их выделение в особый слой было каким-то образом связано с теми же явлениями, которые вызвали выделение нобилитета. А это значит, что дифференциация древнегерманского общества на три намеченных выше класса произошла на *военно-землевладельческой основе*.

Чтобы разобраться в структуре этого общества, необходимо, таким образом, твердо помнить, что германцы эпохи Цезаря и Тацита были *оседлыми земледельцами, которым приходилось постоянно братья за оружие*. Этот основной факт обусловил все своеобразие общественного строя этих воинственных земледельцев.

Но в жизни различных германских племен данный факт играл различную роль: и самая «жажда земли», и способы ее завоевания или обороны приобретали различные формы в зависимости от особенностей внешних условий существования и исторических судеб разных племен. И если эти локальные особенности не могут быть исчерпывающе охарактеризованы ввиду скудости тех данных, которыми располагает историческая наука, то в жизни некоторых племен можно все же подметить своеобразные черты общественного уклада и проследить их связь со своеобразными формами военной организации. Эти наблюдения легче всего произвести над наиболее воинственными племенами, особенности которых наиболее рельефно выступают в литературных памятниках. Анализ своеобразной структуры военных союзов свефов, херусков, батавов и военной организации хаттов в связи с изучением особенностей общественного уклада соответствующих племен может послужить средством конкретизации намеченных нами схем. Классическим примером «воинственного» германского племени могут служить свевы. В ходе своей бурной истории они дважды выступали в качестве организаторов мощных военных союзов: в первый раз в эпоху Цезаря, под руководством Ариовиста, во второй — в эпоху Августа, под предводительством Маробода.

С союзом Ариовиста, включавшим, помимо свефов, целый ряд родственных им племен (гарудов, маркоманнов, вангионов, неметов, седузиев) Цезарь столкнулся, как известно, в 58 г. до н. э., когда один из членов галльской депутации, представитель племени эдуев Дивитиак, обратился к Цезарю с просьбой оказать галлам помощь в их борьбе с германцами. Рассказ Дивитиака, рисующий яркую картину свевского завоевания Галлии, сразу вводит нас *in medias res*.

В этом рассказе характерно трехкратное подчеркивание одной и той же цели переселения германцев: сначала мы слышим, что они прельстились землями и образом жизни галлов²; далее мы узнаем, что Ариовист занял 1/3 часть секванского *ager*, самого лучшего во всей Галлии, а другую треть приготовил для племени гарудов, которым тоже нужно место для поселения (*locus ad sedes*)³; наконец, опасения Дивитиака,

² *Caesar. Commentarii de Bello Gallico* (далее — *Caesar*), I, 31: *agros et cultum et copias Gallorum homines feri ac barbari adamassent*.

³ *Ibidem*: *tertiamque partem agri Sequani, qui esset optimus totius Galliae, occupavisset*.

как бы германцы не наводнили всю Галлию, основаны опять-таки на том же соображении о преимуществах галльских земель перед германскими. Цель переселений свевов становится, таким образом, совершенно ясной: они ищут территорий, удобных в качестве постоянного местожительства, пригодных для земледельческого хозяйства и способных прокормить сравнительно многочисленное население. Каждое слово Дивитиака подтверждает справедливость такого толкования целей переселения свевов в Галлию. Ведь Галлия привлекает их не просто своей обширностью, а «высоким качеством ее полей»; это указание в применении к *земледельческой* Галлии может иметь только один смысл: германцев прельщает *плодородие* галльских пахотных полей.

Крупной ошибкой было бы считать вторжение свевов в Галлию нашествием кочевников на оседлое земледельческое племя. Нет, это — завоевание целой страны, предпринятое с целью прочно обосноваться в ней и использовать ее естественные и культурные богатства. Это явствует и из замечания о гарудах, и из страха Дивитиака перед возможностью полного вытеснения галлов германцами; ведь если бы речь шла о *временном* нападении германцев на Галлию, то галлам предстояло бы лишь переждать это нападение, а затем приняться за восстановление своего хозяйства. Между тем Дивитиак боится, что германцы навсегда останутся в Галлии, прочно осев на его родине. Трудно предположить, что свевы, завоевав Галлию, наводняют ее своими стадами, превратив в пастбища галльские пашни: если бы таковы были намерения свевов, то их не прельстило бы плодородие галльских пахотных полей и пригодность их для земледелия. А ведь именно пахотные поля (а не пастбища) имеет в виду Дивитиак, подчеркивая «высокое качество» полей, принадлежащих земледельцам-галлам. Очевидно, недаром сложился мощный военный союз Ариовиста: завоевание такой страны, как Галлия, и притом завоевание прочное, — дело грандиозное и непосильное для одного племени. Мы не хотим этим сказать, что союз Ариовиста с самого возникновения сознательно ставил себе эту цель, но, во всяком случае, толчком к его возникновению послужила необходимость для целого ряда племен искать обширную и пригодную для земледелия территорию. Этот толчок был тем сильнее и указанная необходимость ощущалась тем острее, что свевское племя было, как известно, одним из самых больших германских племен; прежняя родина свевов при быстром росте населения, по-видимому, довольно скоро оказалась не в состоянии прокормить их⁴. Перенаселение заставило их искать новую родину⁵. Эти поиски с оружием

⁴ Это предположение тем более вероятно, что передвижение свевов под предводительством Ариовиста было не первым (и не последним) их переселением: первоначально они обитали в области Эльбы и Шпрее; затем мы застаем их в нынешней Тюрингии и Саксонии, откуда часть свевов распространилась к юго-западу, заняв район Майна и Неккара. Очевидно, от племени свевов то и дело отрывались большие массы, которых перенаселение вынуждало искать новую родину.

⁵ Несомненно, что военно-переселенческим движением было захвачено не все свевское племя целиком: мы знаем, что часть свевов осталась за Рейном. Но, во всяком случае, под предводительством Ариовиста переселялись столь значительные массы (по словам Дивитиака, к 58 г. в Галлии было уже около 120 тыс. германцев),

в руках сплавивали вокруг свефов их более мелких сородичей, оказавшихся в аналогичном положении. Так сложился военный союз, которому предстояло решить трудную задачу — завоевать обширную, пригодную для земледелия страну. Средством решения этой задачи можно считать тот самый стихийный процесс военно-переселенческого движения, который, наконец, после 14-летнего странствования⁶, привел свефов в Галлию.

Свевский союз Ариовиста представляет собой *тип подвижного, переселяющегося военного союза германских племен*. Этот признак — подвижность — остается его характерной основной чертой и в эпоху владычества Ариовиста в Галлии. Все время происходит переселение в Галлию новых и новых племен из числа входящих в союз (вспомним переселение гарудов); процесс завоевания Галлии затягивается; новые хозяева медленно устраиваются на вновь обретенной родине.

Но переселение целого союза германских племен — явление в высшей степени сложное. Его содержание не укладывается в известную формулу: «германцы переселяются всем племенем, с женами, детьми и имуществом». Ибо такому переселяющемуся племени нужно во время переселения добывать средства к существованию и одновременно пролагать себе дорогу оружием и обороняться от нападений. Одним из средств для разрешения последней, чисто военной задачи служили набеги.

Надо полагать, что свефы не сразу снимались с места и не сразу уходили странствовать в поисках новой территории, как только прежняя оказывалась не в состоянии прокормить их. Переселению всего племени или значительной его части предшествовали, по-видимому, военные набеги наиболее боеспособных и воинственных его членов. Эти набеги имели двойное значение: во-первых, уходящие питались *per bella et raptus*, не обременяя собой племени; а во-вторых, они нащупывали почву, определяли то направление, в котором предстояло основной переселяющейся массе племени разыскивать новую родину. Военные поражения и победы отважных дружинников в столкновениях с соседями являлись своего рода компасом, стрелка которого неизменно указывала на линию наименьшего сопротивления. Набеги свевских дружинников предпринимались, конечно, не с той целью, с какой современное организованное войско высылает разведочные отряды, но эти набеги и их экономические результаты как нельзя лучше соответствовали назревшей хозяйственной потребности и облегчали наступавшее вслед за ними военно-переселенческое движение племени. Вероятно, в самом процессе этого движения наравне с военными схватками не на жизнь, а на смерть происходили и кратковременные набеги воинов, которых переселявшееся племя выделяло из своей среды.

что мы имеем все основания рассматривать это передвижение германцев как переселение свевских племен, а не только как ряд выступлений воинственных отрядов. Все или не все племя переселялось — это второстепенный и чисто количественный вопрос; важно установить тот факт, что в эпоху Ариовиста происходили крупные передвижения больших людских масс германского народа (и именно свевской его ветви), а отнюдь не только грабительские набеги дружинников. А этот факт, на наш взгляд, засвидетельствован Цезарем с достаточной ясностью (*Caesar*, I, 30—54; особенно I, 35).

⁶ *Ibid.*, I, 36: *invicti Germani... qui inter annos XIV tectum non subissent.*

Относительно свевов эпохи Ариовиста это можно утверждать со значительной долей достоверности⁷.

Само собой разумеется, что эти набеги, неизменно сопровождавшиеся грабежами и захватом добычи, тем самым содействовали накоплению имущества и, таким образом, отчасти разрешали не только чисто военные, но и хозяйственные задачи, стоявшие перед свевскими племенами в период их военно-переселенческого движения. Но именно только отчасти. Ибо для земледельческого племени военные грабежи представляли собой и слишком недостаточный, и слишком нерегулярный источник существования. Чтобы сохранить свою боеспособность и иметь возможность продвигаться вперед, чтобы просто-напросто не погибнуть за время переселения, свевы должны были в той или иной форме заниматься земледельческим трудом и в самом процессе военно-переселенческого движения. Но обстановка была крайне неблагоприятна для нормальной работы земледельца, ибо одни набеги храбрецов так же мало могли обеспечить успешность продвижения свевского племени, как и прокормить его. Не только отважными дружинникам, но и всем свободным и боеспособным членам племени то и дело приходилось браться за оружие, отрываясь от хозяйственного труда.

Военно-переселенческое движение, конечно, имело свои паузы, во время которых свевы и добывали средства к существованию обычными для земледельческого племени способами, но эти паузы были и непродолжительны, и, главное, непрочны. Под влиянием этой обстановки земледелие свевов подвергалось некоторой деформации. Таким и возник тот странный порядок сельскохозяйственных работ, который изображен Цезарем в 1-й главе IV книги и в 22-й главе VI книги его «Записок о Галльской войне»⁸.

Эти известные описания Цезаря⁹ создают такое впечатление, что каждый род, поочередно и ежегодно меняя место своего жительства и

⁷ Об этом свидетельствует не только судьба узипетов и тенктеров, но и многочисленные указания Цезаря на победоносное шествие свевов по владениям их соседей, которые в конце концов обычно уступали натиску свевов, тревоживших их своими набегами. Об узипетах и тенктерах, которым набеги свевов мешали заниматься земледельческим трудом, см.: *Caesar*, IV, 1.

⁸ Мы считаем возможным пользоваться в качестве материала для суждения о деформации земледелия у свевов не только 1-й главой IV книги, но и 22-й главой VI книги, ибо исключительная судьба переселявшейся части свевского племени, весь уклад жизни которой строился под знаком войны, несомненно, наложила свой отпечаток на изображение экономического быта и социально-политического строя прочих германских племен в «Записках» Цезаря, в особенности же — на «этнографические описания германцев вообще». И это тем более, что второй германский экскурс Цезаря был, по-видимому, составлен после опубликования (во всяком случае, после написания) первого и представляет собой, таким образом, его исправленное и дополненное издание. Ср. по этому поводу соображения Э. Нордена (*E. Norden. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*). Leipzig — Berlin, 1922, S. 484—488) и О. Шульца (*O. Th. Schulz. Ueber die wirtschaftlichen und politischen Verhältniss bei den Germanen zur Zeit des C. J. Caesar's*. — «Klio», XI, 1, 1911, S. 60—62).

⁹ *Caesar*, IV, 1: *sed privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet*, cp. VI, 22: *Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annis singulos gentibus*

занятую им под обработку территорию, должен в течение нескольких лет пространствоваться по всей площади данного округа, представляющей собственность племени. Но такого многолетнего кругооборота родовых групп вдоль всего занимаемого племенем округа не знает ни кочевое хозяйство, «ни кочевое земледелие», ни, тем более, оседлое хлебопашество.

Так как описанный Цезарем порядок представляет собой в хозяйственном смысле иррациональное явление, а подозревать достоверность самих описаний Цезаря нет достаточных оснований, остается лишь вместе с И. Гоопсом¹⁰ искать объяснения этого странного порядка вне сферы хозяйства и рассматривать его как некоторую деформацию земледелия, возникшую под влиянием своеобразных условий военно-переселенческого движения свевских племен. Недаром сам Цезарь дважды противопоставляет войну земледельческому труду: во втором германском экскурсе в качестве одной из причин описанного порядка земельных отношений германцев приведено то немаловажное соображение, что «он не дает им прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческую работу»¹¹. То же самое противопоставление — в несколько иной формулировке находим и в первом, свевском экскурсе Цезаря, причем здесь оно завершает описание тех изменений, которым подвергся социальный строй свевских племен, входивших в союз Ариовиста, и должно, по-видимому, служить объяснением причины этих изменений.

В свевском экскурсе¹² Цезарь сжато, но достаточно выпукло охарактеризовал тот способ, при помощи которого переселявшиеся свевы устраняли противоречие между двумя исключаящими друг друга необходимостями: одновременно заниматься обработкой земли и ее завоеванием и защитой. Но в то же время описанный Цезарем порядок создавал резкую деформацию социального строя свевов. Обычные подразделения внутри германского племени, разбивавшие его в мирное время на три намеченных выше социальных слоев¹³, оказались каким-то образом подчиненными новому, чисто профессиональному подразделению всего племени на две равные половины — на воинов и земледельцев. И хотя воины и земледельцы ежегодно меняли свои функции, тем не менее в каждый данный момент существования свевского союза сохранялось это основное деление свевского племени на две половины — деление, вызванное к жизни чисто военными надобностями.

В полном соответствии с отмеченной деформацией земледелия и социального строя свевов находятся и некоторые своеобразные особенности их политического строя.

cognationibusque hominum qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribunt atque anno post alio transire cogunt.

¹⁰ J. Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum. Strassburg, 1905, S. 511—520.

¹¹ Caesar, VI, 22: ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent.

¹² Ibid., IV, 1: sic neque agricultura, nec ratio atque usus belli intermittitur; cp. ibid., IV, 19.

¹³ Начатки имущественного неравенства и социальной дифференциации племени свевов на указанные слои должны были иметь место еще до того, как сложился военный союз Ариовиста.

Обстановка постоянных войн и переселений оказала заметное влияние на роль народного собрания и на характер власти вождя. Народное собрание, являющееся в мирное время, по-видимому, центральным органом всей жизни племени¹⁴, приобретает характер какой-то военной сходки, из среды которой знатные и отважные предводители вербуют в свои отряды охотников до опасных военных приключений¹⁵.

Иногда свевское народное собрание выступает, в изображении Цезаря, в качестве военного совета, разрешающего вопросы войны и мира. Так, во время первого перехода Цезаря через Рейн свевы создали народное собрание, которое выработало определенный план борьбы с неприятелем и разослало во все концы вестников для оповещения о принятом решении¹⁶. Военные функции народного собрания свевского племени подчеркнуты и выдвинуты Цезарем на первый план. Но оно по самой структуре своей, конечно, не в состоянии было осуществлять военное руководство длительным переселенческим движением свевских племен.

Это движение требовало концентрации военной и политической власти в одних руках. В своеобразной обстановке, создававшейся этим движением, знатный и талантливый военный вождь, дух, т. е. глава всех военных сил данного союза племен, неизбежно должен был превратиться в единоличного политического властителя этих племен. Такая метаморфоза и произошла с Ариовистом: власть Ариовиста была по происхождению своему несомненно чисто военной властью. Ариовист был тем самым военачальником, который, по словам Цезаря, избирался в военное время и имел неограниченную власть над жизнью и смертью своих подданных¹⁷. «Королем германцев» (*rex Germanorum*) Ариовист сделался лишь в силу того исключительного положения, в которое его поставило командование целым грозным военным союзом племен. Чтобы убедиться в могуществе Ариовиста, достаточно вспомнить, как разговаривал он с Цезарем¹⁸. Тон его переговоров свидетельствует не только о военной мощи племени свевов, но и о том положении, которое занимал в этом племени король Ариовист; они показывают, что политическое могущество Ариовиста было очень велико, но покоилось исключительно на его военном могуществе¹⁹.

Борьба Цезаря с Ариовистом окончилась, как известно, победой Це-

¹⁴ Хотя Цезарь и говорит, что «в мирное время у племени нет общего правительств» (*VI, 23: in pace nullus est communis magistratus*), тем не менее общее содержание 23-й главы VI книги и 19-й главы V книги «Записок о Галльской войне» заставляет предполагать, что народное собрание функционировало у германских племен эпохи Цезаря (в частности у свевов) и в мирное время.

¹⁵ *Caesar, VI, 23: Atque ubi quis ex principibus in concilio dixit, se ducem fore etc.*
¹⁶ *Ibid., IV, 19: Suebos... concilio habito nuntios in omnes partes dimisisse ut de oppidis demigrarent liberos uxores suaque omnia in silvis deponerent atque omnes, qui arma fere possent, unum in locum convenirent.*

¹⁷ *Ibid., VI, 23: cum bellum civitas aut illatum defendit aut infert, magistratus, qui e bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur.*

¹⁸ *Ibid., I, 34: Si quid ipsi a Caesare opus esset, sese ad eum venturum fuisse; si quid ille se velit, illum ad se venire oportere... etc. Cp. I, 44: Se prius in Galliam venisse, quam populum Romanum... Quid sibi vellit? cur in suas possessiones veniret?*

¹⁹ Об Ариовисте и его политическом могуществе см.: *Caesar, I, 31, 34, 36, 44.*

заря и изгнанием Ариовиста из Галлии. Созданный им военный союз распался, и свевские племена частью застряли на Майне и Неккаре, а частью (семноны) вернулись на свою первоначальную родину между Эльбой и Одером. Таким образом, свевские племена все же заняли более обширную территорию, чем та, которой они владели раньше. Если прибавить к этому, что значительная их часть была перебита во время столкновения с Цезарем, то станет понятным их сравнительно долгое временное пребывание во внутренней Германии, сделавшееся возможным благодаря уменьшению их численности и увеличению занимаемой ими территории.

Однако это благополучие свевов было лишь относительным и по самому существу носило временный характер: задача, стоявшая перед обширной группой свевских племен — завоевать большую страну, пригодную для ведения земледельческого хозяйства, — оставалась нерешенной. — она была лишь отодвинута событиями и временно утратила свою остроту. С увеличением численности свевов необходимость ее решения вновь должна была стать весьма настоятельной. И вот через полвека после распада военного союза Ариовиста возникает новый союз, во главе которого становится король маркоманнов Маробод. Таким образом, военный союз Маробода преследовал те же цели, что и военный союз Ариовиста; и подобно тому, как для Ариовиста средством осуществления этих целей служило переселение свевов и завоевание Галлии, так для Маробода этим средством послужило переселение маркоманнов и ряда родственных им свевских племен (квадов, семнонов, лангобардов, гермундуров) в нынешнюю Богемию (около 2 г. до н. э.). Но, несмотря на такое, казалось бы, поразительно полное совпадение целей и средств обоих военных союзов, самый процесс осуществления этих целей при помощи указанных средств протекал в обоих случаях совершенно своеобразно.

Переселение маркоманнов под предводительством Маробода произошло, в противоположность переселению свевов в Галлию, сравнительно быстро. Богемия была страной без хозяев (ее покинули кельтские племена бойев еще задолго до переселения маркоманнов)²⁰, поэтому военному союзу Маробода не пришлось предпринимать длительного передвижения с оружием в руках в поисках новой родины. По той же причине процесс его оседания совершился сравнительно безболезненно. Центр тяжести военной деятельности Маробода (которая началась, естественно, после оккупации Богемии) лежал в сфере оккупированной территории. Эти особенности в судьбе военного союза Маробода оказали влияние на некоторые черты хозяйственного уклада и социально-политического строя входивших в него племен. Марободу удалось организовать в Богемии целое свевско-маркоманнское королевство и создать для его защиты большое и дисциплинированное войско (70 тыс. пехотинцев и 4 тыс. всадников). В этом смысле королевство Маробода можно считать осуществлением неудавшейся попытки Ариовиста.

²⁰ *Vellejus Paterculus. Historia Romana* (далее — *Vell.*), II, 108.

Мирное оседание маркоманнов в Богемии, захваченной вооруженным путем, создавало благоприятные условия для имущественной дифференциации.

Маркоманны и свевы эпохи Маробода в отличие от севов времен Ариовиста могли тотчас после завоевания новой родины спокойно приступить к мирному хозяйственному труду, выставив на границах завоеванной страны войско для ее защиты. Поэтому неравномерность распределения земельной собственности в оккупированной стране, сопутствовавшая всякому германскому завоеванию, в Ариовистовой Галлии не могла принести достаточно определенных результатов, а в Марободовской Богемии, напротив, могла послужить основой резкой имущественной дифференциации. Население марободовской Богемии, несомненно, занималось мирным трудом — земледелием и торговлей с римлянами. Иначе — откуда бы взялись те «богатства свевского королевства», о которых повествует Тацит? Ведь, Катуальд, вторгшись в 19 г. н. э. в страну маркоманнов и ворвавшись в «столицу и расположенную близ нее крепость», «нашел там старую добычу севов, а также маркитантов и купцов из римских провинций», которых привлекла сюда возможность свободно торговать, а удержала жажда наживы денег, так что многие из них в конце концов «забыли свою родину и окончательно переселились в неприютельскую страну»²¹. А 30 с лишним лет спустя, когда преемник Маробода, назначенный Другом король Ванний, был в 51 г. н. э. изгнан из своей страны, «бесчисленные массы народу стекались туда, привлеченные слухами о богатствах свевского королевства, которые Ванний в течение тридцати лет умножал грабежами и сборами дани»²².

Несмотря на двукратное упоминание добычи и военных грабежей, ясно, что богатства свевской Богемии создавались не только ими — недаром же так много внимания уделяет Тацит торговле с римлянами. Свидетельство тацитовских «Анналов» об этой торговле вполне гармонирует с известным описанием гермундуров и их торговых сношений с Римом в 41-й главе «Германии» — описанием, основанным, по-видимому, на «*Bella Germaniae*» Плиния и относящимся поэтому как раз к 40-м — 50-м годам I в. н. э., т. е. к эпохе Ванныя. Безусловно, к этому времени значительная часть свевских племен, обитавших в Богемии, подверглась уже некоторой романизации (в особенности гермундуры); торговля с Римом, которая и была проводником и симптомом этой романизации, могла, конечно, воздействовать и на хозяйство севов.

Но этому, пока еще столь кратковременному воздействию вряд ли можно придавать значение решающего фактора в эволюции медленно и туго перерождающихся аграрных отношений, тем более, что речь идет не об издавна покорных и давно покоренных убиях, а о свевских племенах, военный союз которых под предводительством Маробода всего

²¹ Tac., *Annales*, II, 62; *Is valida manu fines Marcomannorum ingreditur... irrum-pit regiam castellumque iuxta situm... Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiatores reperti, quos ius commercii, dein cupido augendi pecuniam, postremum oblivio patriae suis quemque ab sedibus hostilem in agrum transtulerant.*

²² Ibid., XII, 29: *Nam vis innumera Ligii aliaeque gentes adventabant, fama ditis regni, quod Vannius triginta per annos praedationibus et vectigalibus auxerat.*

только за 30 лет до падения Ванния угрожал римскому могуществу на Дунае. Поэтому более правдоподобным является обратное предположение: прекращение военно-переселенческого движения и возвращение к мирному образу жизни по соседству с культурными римлянами явилось *причиной*, а не *следствием* романизации свевских племен. Чтобы сама эта романизация стала возможной, должна была быть предварительно решена та задача, которая стояла еще перед Ариовистом: «дикие» свевы должны были вновь обратиться в мирных пахарей, которыми они в сущности и были с очень давних времен.

Отмеченные особенности экономического быта свевов и маркоманнов эпохи Маробода наложили отпечаток на характер его политической власти и предопределили ход той своеобразной эволюции, которую она проделала. И Маробод, подобно Ариовисту, был в начале своей карьеры лишь военным вождем (*dux*), главою военного союза племен. И он выдвинулся, по-видимому, в результате того сочетания знатности и личной доблести, которое в обстановке постоянных войн обычно превращало особенно богатого, удачливого и воинственного германского нобиля в вождя целого племени (или союза таковых)²³. Но оккупация Богемии позволила ему выделить из среды своего военного союза большое регулярное войско. Это войско осуществляло оборону страны, в глубине которой маркоманские и свевские пахари возделывали землю и пасли свой скот.

Так Маробод, оставаясь вождем военного союза, сделался в то же время и правителем мирной страны, обладавшей, однако, достаточными военными силами, чтобы дать успешный отпор Тиберию в 6 г. н. э. Страна представляла собою могущественную германскую державу, и это обстоятельство, конечно, должно было благоприятно отразиться на политическом могуществе ее главы. Но оно основывалось еще и на других обстоятельствах: резкая имущественная дифференциация содействовала сосредоточению в руках Маробода земельных и иных богатств. Получая при распределении земли *secundum dignationem* лучшие и самые большие ее куски, король свевов и маркоманнов, имевший сверх того возможность накопить много движимого имущества, становился самым богатым и в социальном отношении самым влиятельным человеком в своей стране²⁴.

Вот этот второй этап в эволюции политической власти Маробода и отразился в характеристиках, данных ему Веллеем Патеркулом и Тацитом и относящихся к эпохе его владычества в Богемии. В этих характеристиках усиленно подчеркивается королевский характер власти Маро-

²³ Знатность Маробода и его исключительные военные таланты подчеркивают Тацит (*Germ.*, 42: *nobile Marobodui genus*), а также Веллей Патеркул (*Vell.*, II, 108: *Maroboduus genere nobilis, corpore praevalens, animo ferox, natione magis quam ratione barbaris*). О знатности Ариовиста см.: *Caesar*, I, 53.

²⁴ Вспомним, что свевские богатства, о которых повествует Тацит в «Анналах» (II, 62) и в состав которых входил так называемый Богемский клад в 200 сестерций (его происхождение приурочивается археологами к эпохе падения Маробода), были найдены в резиденции Маробода. Этот факт характеризует как степень имущественного благосостояния всего племени, так и степень обогащения его правителя и главы; находка 200 сестерций в одном месте указывает на значительную распространенность римской монеты в Богемии, в частности в резиденции Маробода.

бода. Тацит неизменно называет его королем²⁵. По словам Веллея Патеркула, он достиг среди своих соплеменников «*верховой власти*», и при том «не неустойчивой, насильно навязанной и случайной, а напротив, прочной и основанной на согласии подданных: он обладал твердой, определенной властью, королевским могуществом»²⁶.

Но это могущество Маробода оставалось прочным лишь до тех пор пока он совмещал в своем лице правителя и военного вождя, пока он не только правил Богемией и накапливал богатства, но и вел агрессивную военную политику, отражая наступательные и завоевательные попытки римлян (борьба с Тиберием в 6 г. н. э.). Когда же Маробод стал воздерживаться от столкновений с римлянами, предпочитая остаться нейтральным наблюдателем поражения Вара (в 9 г.) и борьбы Арминия с Германиком (в 15—16 гг.), чем портить добрососедские отношения с империей²⁷, его могущество начало колебаться. Столкновение его с военным союзом Арминия (в 17 г.), окончившееся вничью, явилось и поворотным пунктом в эволюции королевской власти Маробода²⁸. С того момента, как Маробод уступил пальму первенства «освободителю Германии» и принужден был вернуться в Богемию, не уничтожив конкурента и лишь упрочив свою репутацию «друга римлян», авторитет его упал. А вместе с тем и его королевская власть которая раньше была основана «на согласии подданных» (*ex voluntate parentium*), сделалась тягостной самим «подданным».

Новый поворот в карьере Маробода, знаменовавший начало последнего, третьего этапа в эволюции его политической власти, отметил Тацит, описавший столкновение двух военных союзов. Тацит подчеркнул, что «народ не любил Маробода за его королевский титул»²⁹. Через два года после битвы с Арминием Маробод был свергнут соплеменниками при содействии вождя готов Катувальда. Маробод пережил, таким образом, ряд превращений: из военного вождя союза племен в могущественного властителя германской державы, короля, из короля — в свергнутого тирана. Последнее наглядно обнаруживает военное происхождение политической власти короля Маробода, свергнутого силами оппозиции вскоре после того, как он отказался от активной военной политики (хотя бы и оборонительного характера)³⁰.

²⁵ Tac., Annales, II, 26; 44; 63.

²⁶ Vell., II, 108: ...*ex voluntate parentium constantem, inter suos occupavit principatum; et certum imperium, vimque regiam...* etc.

²⁷ Возможно, что этот поворот Маробода в сторону мирной политики по отношению к Риму был отчасти обусловлен укреплением торговых связей между населением маркоманской Богемии и римской провинции Реции.

²⁸ Cp. Tac., Annales, II, 44—46.

²⁹ Ibid., II, 44; *regis nomen invisum apud populares*. Как показывает пример Арминия (ibid., II, 88), словом *populares* обозначен здесь не низший социальный слой германского племени, не «народ» в узком смысле этого слова, а скорее, напротив, слой социально-привилегированных воинов.

³⁰ Германские нобилы, из которых состояла эта оппозиция и для которых военная доблесть и военный захват материальных благ служили источниками их привилегированного социального положения, не могли спокойно смотреть на то, как Маробод, накапливая мирными путями (в частности путем торговли с римлянами) огромные богатства, добивался господства над тем социальным слоем, выходящим из

Интересной параллелью к свевским союзам Ариовиста и Маробода является военный союз херусков. Этот союз под предводительством Арминия надолго сломил могущество римлян в Германии (поражение Вара в 9 г.), успешно боролся с Германиком (в 15—16 гг.) и со своими северо-восточными соседями (17 г.), а также с союзом Маробода. Самый размах военной деятельности Арминия, а также некоторые замечания Тацита свидетельствуют о том, что знаменитый «освободитель Германии» вел борьбу с Римом не только военными силами племени херусков, но и силами ряда союзных с ними племен. О составе военного союза Арминия известно, к сожалению, очень мало. Имеются указания на то, что в него входили фозы³¹ и что незадолго перед столкновением его с Марободом к нему примкнула даже часть свевских племен — семноны и лангобарды. После смерти Арминия (21 г.) союз, во главе которого стояли херуски, начал, по-видимому, распадаться; во всяком случае, дальнейшая история херусков есть история постепенного падения военного могущества этого племени³².

Военный союз Арминия по своим целям представляет собой нечто среднее между союзом Ариовиста и Маробода. Ариовист стремился завоевать обширную и пригодную для земледелия территорию, способную прокормить свевские племена. Маробод, захватив такую территорию, ставил целью удерживать ее в своих руках, давая отпор вожделям римлян. Арминий искал третьего пути: не захватывая чужих областей, он в то же время не допускал римлян к захвату германских земель. Его политику можно определить как своего рода неосознанное проведение принципа: «Германия для германцев». Быть может, перенаселение не так резко давало себя чувствовать в стране херусков, чтобы вынуждать их к поискам новой родины, но достигло уже таких размеров, что властно требовало защиты старой родины от всяких чужеземных посягательств на нее.

В соответствии с целями, которые ставил военный союз Арминия, приобретали своеобразный характер и его военные выступления. В них принимало участие, по-видимому, не все племя, а лишь наиболее боеспособные его группы. Вхождение ряда племен в военный союз Арминия выражалось лишь в том, что каждое племя выделяло на помощь Арминию своих воинственных «князей» с их дружинами, в то время, как основная масса племени оставалась на родине, ведя обычный образ жизни и не принимая непосредственного участия в войне. Поэтому военные выступления Арминия и исходили из территориально вполне определенного центра — из исконной области расселения херусков: херуски обитали в I в. н. э. в средней и южной части нынешнего Ганновера,

которого он сам являлся, тем более что Маробод опирался на свое положение военного вождя свевских племен, функции которого он фактически почти перестал выполнять.

³¹ В «Германии» Тацит говорит о былом подчинении фозов херускам (*Tac., Germ., 36: Tracti ruina Cheruscorum et Fosi, contermina gens, adversarum rerum exaequo socii sunt, cum in secundis minores fuissent*).

³² Ср. *Tac., Annales, XI, 16; Germ., 36: Ita qui olim boni aequique Cherusci, nunc inertes ac stulti vocantur: Chattis victoribus fortuna in sapientiam cessit*.

т. е. занимали территорию, расположенную между Везером и Эльбой (в районе среднего течения этих рек), к северо-востоку от Гарца и к востоку от Тевтобургского леса. Недалеко от границ этой территории и происходили столкновения римских легионов с Арминием: Тевтобургский лес, долины по берегам Везера, болота, расположенные между Везером и Эмсом, — вот тот «театр военных действий», на котором разыгрывалась борьба херусков с римлянами.

Основная, в сущности оборонительная, цель, преследовавшаяся военным союзом Арминия, определила и избранную им военную тактику. Чтобы изгнать из Германии римских завоевателей, обладавших дисциплинированным регулярным войском и превосходивших германцев техникой, недостаточно было только обороняться, отражая неприятельские атаки. Необходимо было в свою очередь переходить в наступление, используя все возможности для дезорганизации противника. Могучим средством этой дезорганизации римлян явилось в руках Арминия умелое использование естественных географических особенностей Германии. Учитывая неприспособленность римлян к местным условиям, к сражениям среди лесов и болот, Арминий, пользуясь недоступными для тяжеловесных римских легионов путями сообщения, постоянно обходил их с тыла, заставлял принимать сражения в неудобной болотистой местности и нападал на них внезапно из засады, скрывая свою конницу до поры до времени на склонах лесистых холмов. Эта тактика Арминия, ярко изображенная Тацитом в его «Анналах»³³ является еще одним аргументом в пользу той мысли, что в военных выступлениях союза Арминия принимали участие лишь наиболее воинственные группы входивших в него племен: ясно, что вся масса племени не могла участвовать в столь сложной, искусной и упорной борьбе, протекавшей в такой исключительной обстановке. Эта обстановка обусловила, по-видимому, и ряд успехов Арминия. Отрадив очередное нападение римлян или произведя очередную атаку на них, он мог быстро продвинуться в глубь своей сравнительно недалеко расположенной родины, чтобы оттуда в случае надобности с новыми силами ударить на противника.

О хозяйственном быте херусков имеется очень мало данных. Но есть основания предполагать, что и херуски были племенем земледельческим. Об этом свидетельствует не только их военная тактика, но и тот факт, что воины Арминия перед сражением с Германиком в 16 г. обещали перебежчикам из числа римских легионеров дать на все время похода «жену, участок земли (*ager*) и сто сестерций ежедневного жалованья»³⁴. Характерно, что римские солдаты отвечали им следующими словами: «Погодите, придет день битвы, тогда мы сами завладеем вашими землями (*ager*) и уведем ваших жен»³⁵. Ясно, что херуски могли предлагать римским перебежчикам только то, что они имели сами и что вхо-

³³ Tac., Annales, I, 63—65; II, 5; 11; 14; 19.

³⁴ Ibid., II, 13: ...conjuges et agros et stipendii in dies donec bellaretur sestercios centenos.

³⁵ Ibidem: Veniret dies, daretur pugna; sumpturum militem Germanorum agros, tracturum conjuges.

дило в круг привычных для них представлений: агеи они, очевидно, расценивали очень высоко, не ниже жены и римских денег.

Отмеченный факт содержит намек и на личное богатство Арминия: ведь предложение денежного жалования и земельного надела римским перебежчикам сделано было от имени Арминия³⁶. Кроме этого намека, мы не имеем никаких прямых свидетельств об имущественном положении вождя херусков. Можно лишь гипотетически утверждать, что постоянные военные столкновения херусков с их соседями и с римлянами должны были создавать благоприятные условия для накопления движимого (в частности денежного) имущества в руках дружинников и их вождей.

Власть главы военного союза херусков Арминия также пережила характерную эволюцию, отличающуюся от эволюции власти Маробода тем, что средний этап последней (длительное обладание королевским могуществом) вовсе отсутствовал, а начальный этап был чрезвычайно продолжительным, охватив почти всю карьеру Арминия, за исключением ее трагического конца. Арминий руководил деятельностью объединившихся передовых отрядов нескольких германских племен; из совокупности этих отрядов и состоял, собственно, его военный союз. Смертельная опасность, требовавшая объединения военных сил этих племен, была налицо — и эта потребность в объединении выдвинула знатного, храброго и талантливого князя херусков на роль главного военачальника, своего рода «главнокомандующего». Арминий — типичный германский вождь, *dux*. Война породила его исключительное могущество, и оно должно было прекратиться с окончанием войны. Вполне естественно, что союз Арминия, не стремившийся к завоеванию новых территорий и преследовавший лишь одну цель — изгнание римлян из Германии, должен был с достижением этой цели прекратить свое существование. Изгнав Германика, добившись искусной тактикой отозвания его в Рим, Арминий в сущности выполнил свою миссию. Поэтому его стремление к королевской власти, обнаружившееся после ухода римлян, восстановило против него нобилитет племени херусков и привело к гибели самого Арминия от руки его родных³⁷. В мирном быту херусков не было достаточно серьезных предпосылок к возникновению такого исключительного единовластия³⁸. Арминий так и умер военным вождем, ибо его власть исчерпала сама себя в процессе успешной борьбы с Римом. Эта борьба, производившаяся силами

³⁶ *Тас.*, *Annales*, II, 13: *Arminii nomine pollicetur*.

³⁷ Гибель Арминия Тацит изображает так: *Arminius regnum affectans libertatem popularium adversum habuit, petitusque armis cum varia fortuna certaret, dolo propinquorum cecidit* (*Тас.*, *Annales*, II, 88). Как явствует из слов Тацита, в число *propinques*, боровшихся со стремлением Арминия к политическому единовластию, входили и его родные (*propinqui*). Отсюда следует, что слово *propinques* никоим образом не может обозначать народную партию; какая же это народная партия, в которую входят знатнейшие роды племени? Более правдоподобно обратное предположение, что Тацит имеет здесь в виду слой социально привилегированных воинов, т. е. нобилитет.

³⁸ Лучшее тому доказательство — пример племянника Арминия Италика, назначение которого королем херусков в 47 г. вызвало ожесточенную борьбу между двумя группами нобилитета (сторонниками и противниками Италика) и который в конце концов был изгнан херусками. Ср. *Тас.*, *Annales*, XI, 16—17.

наиболее боеспособных групп племени, не мешала мирному населению вести свое хозяйство и потому не вызвала столь резкой деформации земледелия и социального строя, как можно наблюдать у свевов эпохи Ариовиста. По крайней мере, наши источники молчат о подобной деформации общественного строя херусков.

Через полвека после смерти Арминия в Северной Германии вновь возник военный союз, ставивший себе те же цели, за которые боролся знаменитый «освободитель Германии». Но деятельность нового союза протекала в совершенно иной политической обстановке, а потому и средства, пускавшиеся в ход его вождями, были совсем иными. Мы имеем в виду батавский военный союз германских и галльских племен, главным вождем которого был Юлий Цивилис. И Цивилис, подобно Арминию, стремился к защите своей родины от посягательств на нее со стороны римлян. Но батавы в отличие от херусков уже задолго до возникновения военного союза Цивилиса подверглись романизации и в течение долгого времени являлись верными союзниками римлян. Поэтому для них эта защита заключалась не в военной обороне своей территории, а в освобождении ее от ига римского владычества. Единственным средством достижения поставленной цели являлось при таких условиях восстание.

В 69 г. во время гражданской войны между сторонниками Веспасиана и Вителлия, вспыхнул грандиозный батавский мятеж, давший выход долго сдерживаемому недовольству германских племен притеснениями римлян, в особенности жадностью и злоупотреблениями римских чиновников³⁹. Мятеж, быстро разрастаясь, охватил к началу 70 г. большой район от Самбры, Шельды, Мааса и Рейна до Эмса, причем в него оказались втянутыми не только приморские племена батавов, каннинефатов и фризов, но и некоторые племена Бельгии и внутренней Германии. Восставшие быстро объединились в военный союз под предводительством Цивилиса. В него вошли: из германских племен — батавы, каннинефаты, фризы, бруктеры и тенктеры, кугерны (потомки переселенных в 8 г. до н. э. на левый берег Рейна сугамбров), некоторые правобережные племена, из кельтизированных германцев — нервии и тунгры, из галльских племен — треверы и лингоны⁴⁰. Характерной особенностью батавского военного союза является непрерывное расширение его состава путем вступления в него новых, и притом союзных римлянам, племен — признак того, что это союз, глава которого избрал своим средством мятеж, сам возник из мятежа: так, в 70 г. к Цивилису примкнули стариннейшие и испытаннейшие союзники римлян — убии⁴¹.

Возникновение батавского военного союза привело к двухлетней борьбе римлян с батавами, окончившейся победой римлян. Оставляя в стороне перипетии этой борьбы, подробно описанной Тацитом в IV и V книгах его «Истории», отметим, что и Цивилис, точь-в-точь как более полвека назад Арминий, стремился использовать слабые стороны и неуязвимы в жизни Римской империи: Арминий сыграл на административной

³⁹ Cp. Tac., Hist., IV, 14.

⁴⁰ Ibid., IV, 15, 22, 26, 55 etc.

⁴¹ Ibid., IV, 65—66, 77 etc.

бестактности Вара и неумении римлян приспособиться к германской природе, Цивилис — на гражданской войне между претендентами на римский престол и связанном с нею разложении легионов. Но в противоположность Арминию Цивилис имел все шансы (в случае успеха восстания) достичь королевской власти: в жизни батавов уже до мятежа 69—70 гг. были налицо условия, благоприятствовавшие возникновению политического единовластия. Постоянные сношения с римлянами и кельтами усиливали и ускоряли процесс накопления богатств в племени, углубляли имущественную дифференциацию. Например, Тацит подчеркивает, что не только у батавских вождей и князей, но и у многих свободных рядовых членов племени скоплялись в довольно большом количестве римские деньги. Рассказывая о злоупотреблениях чиновников Вителлия, призывавших к оружию небоеспособных батавов (стариков и инвалидов), Тацит отмечает, что они впоследствии отпускали их за деньги. Следовательно, несправедливо призванные батавы имели в своем распоряжении столько денег, что могли даже ввести в соблазн римских чиновников, которым описанный у Тацита способ вымогательства казался, очевидно, небезвыгодным ⁴².

Но «мирный» образ жизни батавов содействовал не только накоплению движимого имущества — он создавал условия для естественного роста имущественной дифференциации на почве земле- и скотовладения. Неравномерное распределение земельной собственности (раздел земель *secundum dignationem*), происходившее при первоначальной оккупации вновь завоеванной территории и закладывавшее основы этой дифференциации, приводило в атмосфере постоянных войн и в обстановке длительного мирного оседания племени к весьма различным последствиям: в первом случае эта неравномерность постоянно стиралась, возникая вновь и вновь исчезая; во втором случае она, наоборот, упрочивалась и усиливалась. Вожди, князья и вообще знатнейшие члены такого осевшего племени имели возможность увеличивать свои земельные владения и стада в результате естественного роста их собственного политического и социального удельного веса внутри племени. Так было с маркоманнами и свевами в Богемии, так было и с батавами. И если о земельных владениях Маробода мы можем судить лишь по намекам, то о земельных богатствах Цивилиса есть прямое свидетельство Тацита: он рассказывает, что после подавления мятежа Церялис опустошил батавский остров, но попал под «поля и усадьбы Цивилиса»; по словам Тацита, Церялис «поступил так, пуская в ход известную уловку полководцев» ⁴³. Эта уловка заключалась, очевидно, в том, что сохранение имущества неприятельского вождя рассматривалось как награда за якобы состоявшееся молчаливое и обоюдное соглашение с ним. Римский военачальник хотел, по-видимому, заручиться расположением Цивилиса. И если он для дости-

⁴² Tac., Hist., IV, 14: Jussu Vitelli Batavorum juvenus ad dilectum vocabatur, quem suapte natura gravem onerabant ministri avaritia ac luxu, senes aut invalidos conquiendo, quos pretio dimitterent.

⁴³ Ibid., V, 23: Cerialis insulam Batavorum hostiliter populatus agros villasque Civis intactas nota arte ducum sinebat.

жения такой цели не нашел лучшего пути, чем пощадить усадьбы и поля батавского вождя, то это указывает на то, что именно они и составляли самое ценное имущество Цивилиса, сохранность которого была для него наиболее существенна.

Упоминание о земельных богатствах Цивилиса у Тацита, таким образом, отнюдь не случайно: оно соответствует всему, что Тацит сообщает о батавском племени. Опираясь на культурные приобретения батавов, сделанные ими в течение долгого их пребывания на берегах Рейна, по соседству с кельтами, Цивилис мог бы организовать независимое галло-германское государство (это и было его затаенной мечтой, как ясно из слов Тацита)⁴⁴. Резкая имущественная дифференциация и концентрация земельных богатств в руках военной знати (и в его собственных руках) могли бы создать базис для прочной королевской власти Цивилиса и в мирное время, особенно если бы он оказался в состоянии поддерживать военную мощь и активность созданного им союза германских и галльских племен. Победа римлян и подавление мятежа положили конец грандиозным планам Цивилиса.

И все же Цивилис уже во время самого мятежа успел приобрести некоторые права, присущие скорей королевской власти, чем власти военного вождя. Так, перед началом восстания Цивилис вместо созыва народного собрания, разрешавшего вопросы войны и мира и санкционировавшего объявление войны, ограничился созывом совещания «знатнейших лиц в племени и храбрейших из народа»⁴⁵. Цивилис, очевидно, хотел сохранить подготовку мятежа в строжайшей тайне от римлян. Созывать народное собрание в такой обстановке было опасно, но обойтись вовсе без его санкции было, по-видимому, невозможно. Поэтому Цивилис и избрал средний путь: он созвал предварительное совещание знатных, пригласил на него и тех из рядовых свободных германцев, доблесть которых позволяла доверить им важную политическую тайну. Цивилис, таким образом, произвольно ограничил состав народного собрания: он превысил свою чисто военную власть и вмешался в политическую жизнь племени, потому что этого требовало успешное выполнение военных задач. Отсюда видно, что власть Цивилиса находилась на некоторой переходной ступени развития от военной власти вождя (*dux*) к политической власти короля.

Интересный пример германского племени, не входившего ни в один военный союз, но тем не менее пережившего известную деформацию всего общественного уклада под влиянием постоянных войн, дают хатты. Хатты, одно из самых могущественных племен внутренней Германии, жили первоначально в области реки Эдер, а впоследствии заняли территорию нынешнего Гессен-Нассау. Границы их страны имели форму треугольника, юго-западный конец которого упирался в Рейн (около Таунуса, между реками Майном и Ланом), а восточный — в верхнее течение реки

⁴⁴ Ibid., IV, 17: Sic in Gallias Germaniasque intentus, si destinata provenissent, valdidissimarum ditissimarumque nationum regno imminabat.

⁴⁵ Ibid., 14: Civilis primores gentis et promptissimos vulgi specie epularum sacrum in nemus vocat. Народ (vulgus), фигурировавший здесь у Тацита, — это, конечно, слой свободных рядовых германцев (*ingenui*).

Верра; северная граница области расселения хаттов проходила приблизительно по линии реки Димель (левый приток Везера). В течение долгого времени хатты в общем сохраняли оседлость в пределах этой исконной их родины. Стремление к расширению своих владений проявилось у них лишь в попытках покорения соседних племен — поэтому в войнах и набегах хаттов принимало участие не все племя, а лишь часть его, что и привело в условиях постоянных войн к некоторой деформации земледелия и социального строя хаттов.

Как мы знаем из «Анналов» Тацита, хатты уже в начале первого века н. э. (рассказ Тацита относится к 15 г.) были явно земледельческим племенем и имели поселки, деревни, пахотные поля⁴⁶. Однако в соответствующих главах своей «Германии» Тацит делает акцент преимущественно на их воинственность⁴⁷. Подчеркивая преобладающее значение пехоты у хаттов, он подробно останавливается на характеристике их военной тактики, отмечая дисциплинированность хаттских воинов, которые умеют подчиняться своим вождям и ведут правильные систематические войны вместо обычных беспорядочных набегов прочих германских племен. И вот это-то описание храброго, воинственного и дисциплинированного народа завершается изображением удивительного, на взгляд Тацита, обычая, являющегося специфической особенностью племени хаттов. Из среды хаттских воинов выделяется особый слой, отличительный признак которого — необычайная храбрость. Эти храбрейшие хатты, достигнув совершеннолетия, дают обет не брить бороды и не стричь волос до тех пор, пока они в первый раз не победят в бою врага. Некоторые из них носят еще и железное кольцо и, не довольствуясь первой победой над врагом, выполняют свой обет до глубокой старости. Описание обычая Тацит заканчивает следующей фразой: «У них нет дома, ни поля, вообще никакой заботы; к кому они приходят, за счет того они и питаются, расточители чужого и своего, пока бессильная старость не сделает их неспособными к столь суровой доблести»⁴⁸.

Главы «Германии» Тацита, посвященные хаттам, восходят к «Германским войнам» Плиния, а потому отличаются значительной точностью во всем, что касается изображения военных порядков и обычаев. Конечно, Тацит, по справедливому замечанию Э. Нордена, «снабдил все свое описание некоторыми философскими рассуждениями и заключил его в такое стилистическое одеяние, особенный блеск которого великолепно отражает изумление автора перед этим примитивным героизмом»⁴⁹. Однако эта стилизация ни в коей мере не колеблет достоверности тацитовского описания, основанного на точных источниках — на личных наблюдениях Плиния, особенно интересовавшегося военными порядками и обычаями германских племен.

⁴⁶ Tac., *Annales*, I, 56: *reliqui omissis pagis vicisque in silvas disperguntur*: Caesar incenso Mattio (id genti caput) aperta populatus vertit ad Rhenum.

⁴⁷ Tac., *Germ.*, 30—31.

⁴⁸ Ibid., 31: *Nulli domus aut ager, aut aliqua cura; prout ad quemque venere, aluntur, prodigi alieni, contemptores sui, donec exsanguis senectus tam durae virtuti impares faciat.*

⁴⁹ E. Norden. *Die germanische Urgeschichte in «Tacitus Germania»*, S. 270.

Отбросив рассуждения и стилистические красоты, мы получаем все же вполне определенное впечатление, что речь идет о воинственном племени, сохранившем в наибольшей чистоте германскую *dura virtus*. Из всего контекста тацитовского описания хаттов ясно, что последняя его фраза относится не ко всему племени в целом и *даже не ко всем хаттским воинам*, а лишь к храбрейшим из них, к тем самым, которые отпускают себе волосы и носят железное кольцо. Эти храбрецы, не имеющие «ни дома, ни пахотного поля», явным образом противопоставлены каким-то лицам, за счет которых они живут и которые, очевидно (ибо это с логической неизбежностью следует из предыдущих соображений), имеют и дома, и пахотные поля. И самое противопоставление «расточителей своего и чужого» лицам, кормящим этих расточителей за свой счет, и цитированное выше место из «Анналов» не оставляют сомнения в том, что у рядовых членов племени хаттов были и *domus*, и *ager*, и *aliqua suga*. На долю храбрейших хаттов выпали функции военной защиты племени, поэтому их, этих «расточителей», столь любезно принимают у себя хатты-земледельцы, и по той же причине «храбрейшие» хаттские воины не образуют замкнутого целого, а располагаются постоем у своих сородичей. Конечно, и те, как все свободные германцы, носили оружие и были воинами, но из среды хаттов выделился особый слой, основной и единственной профессией которого была война. Перед нами как бы в неполном и незавершенном виде то же разделение земледельческих и военных функций, которые наблюдали у цезаревских свевов⁵⁰, только форма его иная: вместо ежегодной смены функций, происходящей между двумя половинами племени,— здесь постоянное разделение труда, приводящее к отделению *некоторых групп* социального слоя привилегированных воинов от земледельцев и к полному разрыву всяких связей этих групп с землею. Но и та и другая форма представляет собою в сущности известную деформацию земледелия и социального уклада, вызванную военными надобностями.

Единоличная королевская власть у хаттов вовсе отсутствует. И это не случайно. Подобно херускам времен Арминия, хатты вели войны и производили набеги силами наиболее воинственных и боеспособных групп племени. Но в отличие от войн херусков, борьба которых с римлянами продолжалась довольно короткий срок и преследовала определенную цель, войны хаттов тянулись долго и носили характер мелких и крупных столкновений с соседями и римлянами. Это длительное хроническое состояние войны, в котором пребывало оседлое земледельческое племя хаттов, не покидавшее своей родины, вызвало к жизни внутри слоя социально-привилегированных воинов особые группы, совершенно непричастные к земледелию и даже не имеющие собственного хозяйства. А так как перед хаттами не стояла необходимость решения крупных военных задач (вроде переселения в поисках новых территорий или организации обширного независимого государства), то они не создали никакого союза племен и у них не было почвы для возникновения единоличной власти

⁵⁰ *Caesar*, IV, 1; 19.

военного вождя, которая могла бы превратиться в единоличную королевскую власть.

Предыдущие соображения позволяют наметить три основных типа военных союзов германских племен эпохи Цезаря и Тацита: 1) подвижной, переселяющийся союз, характерным признаком которого следует считать тот факт, что в военно-переселенческое движение втянута если и не вся людская масса входящих в союз племен, то, во всяком случае, весьма значительная ее часть (союз Ариовиста, союз Маробода в эпоху переселения); 2) оседлый союз, активно обороняющий оккупированную территорию, завоеванную им новую родину (союз Маробода в эпоху оседания маркоманнов в Богемии); 3) оседлый союз, активно обороняющий исконную родину от притязаний римлян или соседей (союз Арминия) или освобождающий ее от чужеземного владычества (союз Цивилиса).

Своеобразие каждого из этих типов военных союзов порождается особенностями внешних условий жизни и исторических судеб руководящих ими племен и оказывает, в свою очередь, влияние на их хозяйство и социально-политический строй. Военные союзы первого типа отличаются известным упрощением общественного строя входящих в них племен; союзы второго типа создают, напротив, условия, усложняющие социальную структуру племени и благоприятствующие даже развитию единоличной королевской власти; меньше всего изменений в общественный уклад древнегерманских племен вносят военные союзы третьего типа. Но повторяем, эти изменения зависят не только от своеобразия структуры того или иного военного союза, но и от особенностей предшествующего исторического развития составляющих его племен.

Итак, анализ особенностей германских военных союзов дает нам возможность составить представление о своеобразии общественного строя некоторых германских племен и тем самым проверить наши предварительные общие выводы, сделанные без учета локальных и племенных уклонов от основного типа. Этот анализ, на наш взгляд, подтверждает справедливость следующих положений: 1. Древние германцы были оседлыми хлебопашцами, которых *потребности самого оседлого хлебопашества* (на данной ступени его развития) *вынуждали к постоянным войнам и переселениям*. 2. Королевская власть развивается у германцев обычно из власти вождя крупного военного союза; условиями, благоприятствующими ее развитию, следует считать резкую имущественную и социальную дифференциацию в соединении с высокой оборонительной или наступательной военной активностью данного союза.

«Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки*

«Величие Макса Вебера как ученого заключается в том, что он создал такую науку о культуре, в которой история связана с систематикой и которая поэтому не укладывается ни в одну из обычных методологических схем; но именно благодаря этому она указывает новые пути специальному исследованию». Так определяет Г. Риккерт значение М. Вебера как искателя новых путей в области научного творчества. Этот отзыв, помещенный в предисловии к четвертому немецкому изданию известной работы Г. Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий», в высшей степени любопытен. В нем есть намек на нечто большее, чем простая оценка М. Вебера. Риккерт как будто готов признать, что его формальное деление всех видов человеческого познания по их логической структуре на «науки о природе» и «науки о культуре», деление, в теоретической неопровержимости которого он, по-видимому, убежден, преодолевается Вебером на практике, в самом процессе его историко-социологической работы.

Что такое в самом деле это веберовское «соединение истории и систематики» с точки зрения Риккерта? Есть ли это наука об обществе, рассматривающая его, как природу, т. е., по терминологии Риккерта, «естественная наука об обществе»? Очевидно, нет, ибо сам Риккерт называет созданную Вебером науку наукой о культуре. Но если так, то каким же образом неповторимое своеобразие явлений культуры, интересующее историка именно в этой своей неповторимости, способно выносить тяжкие оковы веберовской систематики? С точки зрения Риккерта, это могло бы быть возможным только в одном случае: если бы Веберу удалось создать «генерализирующую науку о культуре». Но уже попытка построения такой науки была бы в известной мере преодолением риккертовской «логики наук о культуре», ибо Риккерт, признавая законность общих понятий и генерализирующего метода в науках о культуре, выдвинув даже целую категорию «относительно-исторических понятий», представляющих собой элементы «общего» в исторической науке, неизменно считал, однако, целью исторического познания именно индивидуальное, свое-

* Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», 1927, № 9 и 12.

образное, неповторимое — то, что он обозначил термином «исторический индивидуум». Что же, преодолел ли Вебер Риккерта и в этом пункте? Является ли и для него, как для Риккерта, целью историка познание исторического индивидуума или, наоборот, и самое понятие об этом последнем видоизменяется соответственно некоторому перемещению целей познания? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо подвергнуть анализу конкретные историко-социологические работы Вебера и его логическую теорию¹.

В постановке этих вопросов мы совершенно сознательно исходили из Риккерта, ибо из его логики исходил и сам Макс Вебер. Она служила ему основной ориентирующей нитью в его чисто логических исследованиях, отзвуки ее влияния слышатся иногда и в его конкретно-исторических работах. Но чем дальше шел Вебер в своем стремлении устанавливать связи, существующие между различными, подчас самыми отдаленными явлениями и сторонами общественной жизни, чем шире становился размах его историко-социологического творчества, тем все больше и больше закручивалась путеводная нить риккертовой логики, следуя изгибам сложного, извилистого пути исследовательской работы историка Вебера. На практике он все дальше и дальше отходил от Риккерта, и в его грандиозных историко-социологических обобщениях чувствуется влияние совсем другой философской концепции, противоположной Риккерту и всему неокантианству, — влияние исторического материализма. Но, во-первых, это влияние было не пассивно воспринято Вебером, а очень своеобразно им переработано; во-вторых, оно не вытеснило влияния Риккерта, а переплелось с ним, превратив ориентирующую нить Риккерта в сложный клубок оригинальных и интересных мыслей.

Распутать этот клубок, выделить обе струи в творчестве Вебера и определить основное направление его эволюции — вот задача настоящей работы. Для ее выполнения необходимо отдельно рассмотреть его труды по истории и социологии и его статьи по логическим вопросам: помимо разнородности проблем и объекта исследования в тех и других, этого требует и характер поставленной нами задачи, ибо в методологии и логике Вебера все время господствует влияние Риккерта, а в его истории и социологии сильно влияние Маркса. Мы начнем наше рассмотрение именно с социологии Вебера для того, чтобы получить представление о его методе, а уж затем ознакомиться с гносеологическим и логическим обоснованием этого метода. Первая часть статьи будет, таким образом, посвящена методике и методологии (не логике!) историко-социологической работы Вебера; чисто логические вопросы, которые неизбежно возникнут при рассмотрении этой методики, мы здесь лишь наметим: они послужат материалом для второй части, где будет дано подробное их освещение.

Однако социология Вебера весьма своеобразна и размах его научного

¹ Настоящая работа не имеет целью дать исчерпывающее всестороннее освещение научного творчества М. Вебера во всем его объеме. В намерения автора не входило также чисто историческое изучение генезиса его мировоззрения. Задача предлагаемой статьи значительно уже — выделить из богатого идейного наследства М. Вебера то, что представляется автору особенно ценным, и указать, какие выводы могут быть сделаны из некоторых идей и методологических приемов М. Вебера.

творчества необычайно велик: в его поле зрения входит и аграрная история древности, и эволюция средневекового и античного города, и типы господства и подчинения, и хозяйственная этика мировых религий, и социологические основы музыки, и многое другое. К тому же и самый характер историко-социологических работ Вебера не оставался неизменным: его последние социологические исследования (некоторые главы по смертному труду, «Хозяйство и общество», особенно вводная, абстрактная его часть) написаны в новой манере, довольно сильно отличающейся от его прежних методических приемов. Здесь он хочет быть прежде всего социологом, и его систематика, его «классификация различных «элементов» и «типов» «человеческой деятельности» доведена до таких пределов, что Риккерт со своей точки зрения имел бы право упрекнуть его в привнесении «натурализма» в историю, т. е. в естественнонаучном рассмотрении общества как природы. Такой упрек был бы правомерен не только с точки зрения Риккерта, но и с точки зрения исторического материализма, ибо в этой веберовской социологии последней формации есть что-то от позитивизма, и если бы не исключительное историческое чутье Вебера, она грозила бы превратиться в обычную социологию, устанавливающую *generelle Regeln des Geschehens* и мало заботящуюся об их конкретном историческом содержании. Вебер, правда, пытался наполнить эти «правила» таким содержанием, бесмерно усложняя самую их формулировку и вводя в нее ряд конкретно-исторических оговорок, но от этого они все же не перестали быть общеобязательными «правилами».

Приведенные соображения заставляют нас отказаться от анализа той социологии, которую Вебер пытался конструировать в незаконченном своем труде «Хозяйство и общество». Для разрешения нашей задачи гораздо больший интерес представляют те работы Вебера, в которых ему удалось соединить историческое и социологическое освещение исторических явлений, ибо в них Вебер стоит на почве истории, предлагая чрезвычайно оригинальные способы и методы решения ее конкретных проблем.

Мы изберем в качестве объекта рассмотрения две такие работы: «Протестантская этика и дух капитализма» и «Город» (последняя вошла впоследствии в «Хозяйство и общество», но была написана задолго до этого труда и независимо от него, а потому резко выделяется своей конкретностью и историчностью). Первая из названных работ может служить иллюстрацией того, при помощи каких приемов и с каким успехом устанавливает Вебер связь различных сторон общественного целого, вторая дает представление о сравнительно-историческом методе Вебера.

I. МАКС ВЕБЕР КАК ИСТОРИК И СОЦИОЛОГ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИЙ»

Статьи о «протестантской этике и духе капитализма» были впоследствии включены Вебером в состав его трехтомной «Социологии религий»², куда, кроме них, вошла еще большая незаконченная работа «Хозяйственная

² «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie», I—III. Tübingen, 1920—1924 (далее — RS).

этика мировых религий»³; в ней Вебер рассматривал конфуцианство и таоизм, индуизм и буддизм, а также иудаизм, устанавливая тесную связь этих религий с социальным и политическим строем Китая, Индии и древней Иудеи. Введение к этой работе и предварительные замечания, предпосланные всем трем томам «Социологии религий», дают представление о задачах Вебера и постановке вопроса и помогают многое уяснить в содержании интересующего нас исследования о протестантизме.

Вопросы, подлежащие разрешению в «Социологии религий», Вебер считает проблемами всемирной истории. Но современный человек, дитя европейской культуры, неизбежно должен трактовать подобные проблемы с вполне определенной точки зрения, подсказанной ему всем ходом развития этой культуры. Его интересует прежде всего следующий вопрос: «Какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе и только здесь имели место такие явления культуры, которые, как мы это, по крайней мере, охотно себе представляем, развивались в направлении, получившем универсальное значение?» (RS, I, S. 1).

Почему только на Западе еще за несколько столетий до н. э. начался процесс возникновения современной науки с ее специфическими особенностями — рациональным доказательством в геометрии, математическим обоснованием естествознания, рациональным экспериментом, прагматической историей и т. д. и т. п.? Ведь в древнем Вавилоне и Египте, в Индии и Китае также существовала наука; она накопила массу фактических наблюдений и, однако, была лишена указанных особенностей, появившихся отчасти в древней Греции, а отчасти в эпоху Возрождения. Как объяснить это?

Почему, несмотря на более тонкое развитие музыкального слуха у других народов, только европейцы создали рациональную гармоническую музыку, нотное письмо и соответствующие инструменты: орган, рояль, скрипку?

Почему только европейцы рационально использовали физические и технические принципы в архитектуре, скульптуре и живописи и создали особый, ранее неизвестный стиль в этих областях искусства?

Почему только на Западе возникло сословное государство и сопутствующие ему явления — армия юридически образованных специалистов-чиновников и специалистов-ученых?

Эти вопросы можно было бы продолжать до бесконечности. Однако Веберу важно не только ставить вопросы, но и добиться ответа на них. Поэтому он ограничивает свою задачу разрешением только одного, и для его целей самого важного, из возможных вопросов: почему только на Западе, и притом только в новое время, возникла специфическая форма капитализма?

Европейская наука и искусство, европейское сословное государство и чиновничество зародились еще в греко-римскую эпоху, но лишь в новое время развились и проявились вполне их особенности, отмеченные Вебером и отличающие их от аналогичных явлений других эпох и стран. То же самое в еще большей мере относится к современному

³ «Wirtschaftsethik der Weltreligionen».

капитализму. Его специфическими особенностями Вебер считает: а) стремление к непрерывно возобновляющейся прибыли, к рентабельности, и б) рационально-капиталистическую организацию формально свободного труда с вытекающим из нее основным классовым противоречием пролетариата и буржуазии (S. 7 и 9).

Соединение этих особенностей не имело места нигде и никогда, кроме Европы нового времени. Правда, везде и всегда существовало стремление к барышу (и даже к возможно высокому денежному барышу), но оно само по себе ничего общего не имеет с капитализмом; оно свойственно all sorts and conditions of men всех эпох и народов: и кельнерам, и врачам, и кучерам, и деятелям искусства, и кокоткам, и взяточникам-чиновникам, и солдатам, и разбойникам, и нищим (S. 4). Называть всякое стремление к денежному барышу «капиталистическим духом» (как делает, например, Brentano), значит отказываться от точных и однозначных понятий, а пытаться подводить под одну категорию такие разнородные явления, как приобретение добычи и приобретательство современного фабриканта, значит, по мнению Вебера, сознательно лишать себя возможности установить специфические признаки современного капитализма, отличающие его от других хозяйственных форм (S. 4—5. Anm. 1). А это ведь самое важное для историка.

Впрочем, и еще некоторые черты, присущие современному капитализму, встречались в других странах и в другие эпохи. Таково стремление ориентировать хозяйственную деятельность на сравнение полученного денежного эффекта какого-нибудь предприятия с вложенным в него капиталом при наличии точного учета баланса, т. е. Kapitalrechnung. Эта черта свойственна, например, средневековой коммende, в основе которой обязательно лежит калькуляция (S. 5—6). Вебер, придающий огромное значение рационализации хозяйства как одному из конститутивных признаков капитализма, склонен и такие предприятия, основанные на Kapitalrechnung, но лишенные прочих признаков современного капитализма, называть капиталистическими.

«В этом смысле, — говорит он, — капиталистические предприятия существовали во всех культурных странах земного шара, о хозяйстве которых мы имеем документальные свидетельства: в Китае, Индии, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах древности точно так же, как и в новое время» (S. 6).

В различные эпохи и в разных странах существовал «капитализм» плантаторов, грюндеров, крупных спекулянтов, кондотьеров и авантюристов. Вебер готов называть все это «капитализмом», ибо отказывать указанным явлениям в таком наименовании, по его мнению, можно лишь из чисто терминологических соображений, а потому и спор об этом был бы лишь спором о терминах. Но, чтобы широкое употребление термина «капитализм» не превратилось в злоупотребление им, необходимо каждый раз отдавать себе ясный отчет в том, о какой форме капитализма идет речь. В дальнейшем ходе исследования Вебера занимает та специфическая, нигде более не встречающаяся форма капитализма, которую он называет «современным капитализмом». При изучении связи протестантской этики и капиталистического духа речь будет идти не о капитализ-

ме вообще, а именно об этом капитализме, т. е. о той его форме, которая характеризуется, согласно определению, отмеченными выше признаками.

Как возник «буржуазный приобретательский капитализм» с его рациональной организацией свободного труда и как возникла западноевропейская буржуазия во всем ее своеобразии? (S. 10). Как возник специфический «рационализм» современной европейской культуры, присущий ей во всех ее проявлениях, и почему он свойствен именно ей и только ей? — Вот центральная проблема не только «Социологии религий» Макса Вебера, но и всей исследовательской работы его жизни. Однако Вебер не разрешил, да и не пытался разрешить ее целиком. Она сыграла в его трудах лишь роль той основной точки зрения, с которой он рассматривал конкретные исторические процессы и явления и которая определяла направление исследования. Каждый такой процесс, изученный постольку, поскольку он имеет отношение к возникновению современного капитализма и рационализма западноевропейской культуры, представляет лишь частичный материал для уяснения общей проблемы. Западноевропейский рационализм обусловлен и экономически, но «его возникновение, — говорит М. Вебер, — зависело также от способности и предрасположенности людей к известным видам практически рационального жизненного поведения» (S. 12). «Там, где эта склонность встречала психологические препятствия, развитие хозяйственно рационального жизненного поведения наталкивалось на серьезное внутреннее противодействие. А важнейшими формирующими элементами жизненного поведения в прошлом были везде магические и религиозные силы и связанные с ними этические представления о долге».

В «Социологии религий» Вебер и ставит задачу изучить эти «формирующие элементы жизненного поведения» в связи с экономическими условиями их развития. Но в разных частях своего труда Вебер по-разному подходит к разрешению этой задачи. В «Хозяйственной этике мировых религий» он строит параллельные ряды развития различных религий, сравнивая процесс возникновения и эволюции конфуцианства, буддизма и иудаизма; при этом он подчеркивает историческое своеобразие каждого из процессов, коренящееся в своеобразии того типа взаимоотношений «формирующих элементов жизненного поведения» и социально-экономических условий их развития, который характеризует каждую из упомянутых религий.

Во введении к работе Вебер намечает различные типы взаимоотношения религиозно-этических представлений и социально-экономического фундамента, им соответствующего. Исходя из психологии тех или иных общественных слоев или групп, он, однако, никогда не останавливается на чисто психологическом истолковании религиозных явлений в духе социальной психологии. Наоборот, проникнуть в эту психологию, понять ее он считает необходимым для того, чтобы, уяснив сущность внутренних движущих мотивов религиозного развития, быть в состоянии связать его с определенной социальной средой и объяснить, почему оно протекало так, а не иначе, и почему оно в этой среде и только в ней должно было протекать именно так.

Интерпретация религиозной психологии и идеологии является здесь орудием в руках историка и в качестве такового служит ему хорошую службу. Ибо прежде, чем сводить ту или иную идеологическую надстройку к ее экономическому базису, необходимо знать, какова природа того, что сводишь, т. е. необходимо хорошо понять содержание и внутреннюю сущность подлежащей объяснению идеологии. Только после того, как содержание идеологии понято и правильно интерпретировано, приобретает смысл и ценность и объяснение ее генезиса из совокупности социально-экономических (производственных) отношений, составляющих ее базис. Ведь указание на наличие того или иного базиса способно объяснить лишь генезис данной идеологии, но не в состоянии заменить анализа ее содержания. Оно может дать ответ на вопрос «почему», но не на вопрос «что», а следовательно, для того чтобы указание на базис приобрело конкретный смысл и стало действительным объяснением происхождения данной идеологии, необходимо предварительно исследовать ее содержание при помощи логической и психологической его интерпретации. Только после такого исследования можно поставить вопрос, в каких социально-экономических условиях выросла эта идеология и почему она в этих условиях должна была стать именно такой, какова она есть? Ибо иначе и в самом сведении к базису будет заключаться известная доля произвола: раз неизвестно, какова природа «надстройки», то трудно решить, из какого «базиса» она произошла.

Этими чисто методическими соображениями несомненно руководствовался Вебер в «Социологии религии», хотя он сам, может быть, и формулировал бы их, используя несколько иные термины⁴. Намечая типы взаимоотношения религиозных представлений и социально-экономических условий их развития, Вебер начинает с самых общих разграничений и указывает на различие этических понятий высших и низших классов общества: у первых их социальное бытие (действительное или такое, каким они себе его воображают) дает пищу их понятиям о чести; у вторых эти понятия питаются верой в особую их миссию, что является следствием их неудовлетворенности своим социальным бытием. Для членов низших классов «их ценность в собственных глазах,— говорит Вебер,— коренится в представлении о том, чем они должны были бы быть..., и тем самым эта ценность становится по ту сторону их самих, а ее достижение представляется в виде заданной богом задачи» (RS, I, S. 248). Этим объясняется большое влияние этической проповеди пророков на социально угнетенные массы.

⁴ Сказанному отнюдь не противоречит известное замечание Маркса: «Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,— не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, стр. 383). Наши соображения вовсе не имеют целью доказать, что нахождение «земного ядра... религиозных представлений» может и должно заменить «выведение их из данных отношений реальной жизни»; мы хотим лишь указать на то, что оба метода, намеченных Марксом, требуют предварительного изучения содержания самих религиозных представлений и структуры религиозных форм.

«Но своеобразие великих религиозно-этических систем,— продолжает Вебер,— определялось гораздо более индивидуальными общественными условиями, чем простой противоположностью господствующих и подчиненных» (S. 249). В поисках этих индивидуальных общественных условий Вебер обращается к установлению классового характера религий, усиленно подчеркивая, правда, что «те обещания, которые содержит та или иная религия, отнюдь не являются простым рупором классовых интересов» (S. 249).

Однако, несмотря на это предупреждение, Вебер считает, что каждому классу исторически соответствовала определенная религиозная идеология, и, наоборот, каждая идеология имеет своего носителя в лице того или иного класса. Вначале, при своем возникновении, каждая из великих мировых религий (христианство, иудейство, ислам, конфуцианство, индуизм, буддизм) представляла собою своеобразную систему рационализации всех представлений о мире, а также всего жизненного поведения верующих. Но всякой религии в большей или меньшей степени присущи и иррациональные элементы. Они приобретали с течением времени все большее и большее значение: чем дальше шла научная рационализация теоретических представлений о мире и практического поведения, тем все более выдвигались на первый план иррациональные предпосылки всякой религии, коренящиеся в психике соответствующих социальных слоев.

Связь этих иррациональных предпосылок с классовыми интересами гораздо более тесна и непосредственна, чем связь с ними самой религиозной догмы, самого учения той или иной религии. Ибо эти предпосылки данной религии «прямо были обусловлены интересами тех социальных слоев, которые являлись носителями данной методики жизненного поведения в решающий момент ее кристаллизации» (S. 253).

Так, в тех случаях, когда носителем религии становилась интеллигенция, иррациональные элементы ее сокращались потребностью интеллектуализма в сверхчувственном: прежняя картина мира, основанная на примитивной магии, свойственной многим религиям в начальном периоде их развития, как бы раскалывалась надвое: рациональному познанию природы и способов овладения ее силами (т. е. науке) противостояла вера в потустороннее божественное начало, которое нельзя выразить словами. А можно только почувствовать в процессе мистического переживания. Таким образом, религия интеллигенции принимала характер созерцательной мистики (ср. буддизм и соответствующие элементы в средневековом христианстве и иудействе).

Жречество, как носитель религиозных представлений, склонно к монополизации в своих руках всех средств религиозного спасения и к присвоению особой благодати. Поэтому в религиях, социальным носителем которых является жречество, очень сильна ритуальная регламентация и контроль индивидуальных религиозных переживаний вообще и мистических в особенности (ср. индуизм).

Чиновничество рассматривает религиозный долг как служебную обязанность или как социальную обязанность граждан государства и членов данного сословия: оно презирует непрактичное стремление к потусторон-

нему и опасается конкуренции жречества. Поэтому религии, носителем которых является чиновничество, отличаются полным отсутствием созерцательности и мистицизма, а также резким рационализмом. Но этот рационализм в области практического поведения создает этику пассивного приспособления к потребностям жизни, а не творческого, действенного вмешательства в житейские отношения, направленного к их преобразованию (ср. конфуцианство).

Рыцарство чуждо мистики, но лишено потребности и умения рационально овладевать силами природы и общественными отношениями, поэтому оно является носителем религии судьбы. И у магометан, и у гомеровских греков рок наделяется сверхъестественным могуществом и способностью властно вмешиваться во все явления посюсторонней, земной жизни человека. Выступает ли этот рок в виде божественного провидения, как у магометан, или в качестве Мойры, одинаково повелевающей и людьми, и богами, — и в том, и в другом случае религия рыцарства является фаталистической религией.

Крестьянство, экономическое бытие которого в значительной мере, и притом почти непосредственно, зависит от сил природы, от естественных условий, склонно к магии с некоторыми прорывами в область мистического экстаза (состояние одержимости, искусственно вызываемое плясками и опьянением). Поэтому крестьянство редко создает самостоятельные религиозные системы, но представляет благодарный социальный материал для религий, основанных на магии и ритуальной регламентации.

Буржуазия, — и соответствующие ей классы феодального и античного общества (купцы, ремесленники) — наложила отпечаток своих интересов и своей психологии на некоторые существенные элементы целого ряда мировых религий. Тем не менее существует религия, социальным носителем которой является буржуазия *par excellence* — религия активного мирского аскетизма, связанная с верой в пророка — посланника божия. Мирской аскетизм свойствен, правда, не только буржуазии: его элементы можно найти в религиях, носителями которых были и другие социальные слои: знать и крестьянство (религия Заратустры), рыцарство (ислам) и т. д. Но только буржуазный мирской аскетизм сделал те специфические выводы из представлений о пророке-посланнике, которые так характерны для протестантизма и с которыми мы познакомимся в дальнейшем, при изложении «Протестантской этики и духа капитализма». То обстоятельство, что носительницей мирского аскетизма стала именно буржуазия, Вебер склонен, по-видимому, объяснять особенностями ее положения в процессе производства. Вот что он говорит об этом: «Все существование буржуазии покоилось на техническом и экономическом овладении силами природы и людей и на учете этих сил. Правда, переданная по наследству техника жизненного поведения могла и у представителей буржуазии окаменеть и застыть, отлившись в традиционные формы, как это и случалось нередко повсюду. Но как раз у них... была возможность создать этически рациональную регламентацию жизни, исходя из тенденции к техническому и экономическому *рационализму*» (RS, I, S. 256—257).

Намеченные Вебером соответствия религиозных систем и интересов их социальных носителей позволяют ему дать классовую характеристику мировых религий: он определяет буддизм как религию странствующих монахов, созерцательно настроенных и неприемлющих мира аскетов (один из видов религии интеллигенции). Иудейство является, по его мнению, религией городского народа — пария, однако в средние века оно подверглось известной переработке под руководством «своеобразного слоя литературно и ритуально образованных людей, которые были представителями рационалистической мелкобуржуазной интеллигенции пролетарского типа» (S. 240) (другой вид религии интеллигенции). Индуизм был религией касты литературно образованных жрецов; конфуцианство представляло собою этическую систему слоя литературно образованных, рационалистически настроенных чиновников; ислам был на первых порах «религией воинов, завоевателей мира, религией рыцарского ордена, дисциплинированных борцов за веру». Наконец, христианство, возникшее как учение странствующих ремесленников (S. 240), так и осталось преимущественно городской буржуазной религией; его главная арена — западноевропейский город во всем его своеобразии (S. 239—240).

Сравнительно-историческим изучением этих религий (за исключением христианства) и их социальных носителей и занимается Вебер в «Хозяйственной этике мировых религий». Она является, таким образом, работой типологической, но в совершенно особом смысле этого слова. Ибо она не представляет собой систематической типологии религий. «Она типологична лишь в том смысле, — говорит о своей работе сам Вебер, — что рассматривает только те особенности исторически реальных религиозных этик, которые типичны и важны в связи с вопросом о великих противоречиях хозяйственных мировоззрений, и оставляет в стороне все остальное». «Она должна особенно резко выявить те черты, которые свойственны данной религии в противоположность другим и которые вместе с тем существенны для нашей постановки вопроса» (RS, I, S. 265). Считаю нелишним уже здесь отметить, что такое рассмотрение исторических явлений по степени их важности для разрешения той или иной интересующей автора проблемы, т. е. рассмотрение их сообразно той роли, которую они играли в создании интересующего его феномена, сущность коего сконструирована им чисто логически, Вебер называет идеально-типическим рассмотрением. Таким образом, самое построение труда о «Хозяйственной этике» идеально-типично. Несколько иной характер носит работа, посвященная протестантизму как религии буржуазной *par excellence*.

К ее изложению и истолкованию мы сейчас и обратимся.

2. ОСНОВНЫЕ ИДЕИ РАБОТЫ «ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА».

Эта работа предназначена служить материалом для решения основной проблемы, интересующей Вебера, — проблемы происхождения современного капитализма. Давая, подобно прочим работам Вебера, лишь частичный

материал для изучения некоторых сторон этой проблемы, она, однако, сильно отличается от исследования о хозяйственной этике мировых религий тем, что в ней эта проблема составляет непосредственный объект изучения. Речь идет здесь не о хозяйственном строе Китая, Индии и древней Иудеи, как антитезе современного капиталистического хозяйства, а именно об этом последнем. По своему построению «Протестантская этика и дух капитализма» — работа не типологическая (в указанном выше смысле), а конкретно-историческая. Как же подходит Вебер к решению этой проблемы, какая сторона ее интересует его и, наконец, в чем видит он саму проблему? «Современный капиталистический строй хозяйства, — говорит Вебер, — это огромный космос, в который каждый индивидуум как бы вырастает с самого своего рождения и который для него — по крайней мере, как для индивидуума — представляется данным в качестве фактически неизменного целого, в котором он принужден жить. Капитализм навязывает отдельному лицу нормы хозяйствования» (RS, I, S. 37).

И в другом месте: «Он представляет собой могущественный космос современного строя хозяйства, покоящегося на технических и экономических предпосылках механического машинного производства; он определяет при помощи принуждения, превосходящего силы индивидуума, стиль жизни всех, кто с самого рождения попал в водоворот его развития, а не только тех, кто принимает непосредственное, прямое участие в экономической приобретательской деятельности» (S. 203).

Но ведь этот «космос» представляет собой, по мнению Вебера, нечто в высшей степени своеобразное, специфическое. Как же он возник? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, необходимо предварительно отдать себе отчет в том, что же нужно для того, чтобы этот «космос» мог возникнуть и развиваться. Как явствует из всего хода мыслей Вебера, он считает, что капитализму нужны, во-первых, особые, совершенно специфические формы хозяйственной организации, которые мы обычно называем «капиталистическими», а во-вторых, хозяйствующие субъекты, проникнутые совершенно своеобразной хозяйственной идеологией, которую Вебер называет «капиталистическим духом» (принося, между прочим, свои извинения за этот термин, звучащий, по его мнению, несколько претенциозно) (S. 30).

Вебер не задается вопросом о происхождении капиталистических форм хозяйственной организации, его интересует процесс возникновения той хозяйственной идеологии, которую он называет «капиталистическим духом». Правда, в одном месте Вебер как будто бы прямо заявляет, что происхождение капиталистических форм хозяйства является следствием возникновения капиталистического духа: «Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма, — говорит он, — есть в первую очередь не вопрос о происхождении капиталистически используемых запасов денег, а вопрос о развитии капиталистического духа. Там, где он зарождается и начинает действовать, он создает себе денежные запасы как орудие своей деятельности, а не наоборот» (S. 53). Но если приглядеться к этому заявлению более внимательно, то обнаружится, что Вебер в сущности не ставит вопроса о происхождении капиталистических

форм хозяйства и направляет острие против тех экономистов и историков, которые склонны объяснять возникновение капитализма накоплением имущества, как это делали, например, Брентано, Белов и отчасти Зомбарт в своей теории аккумуляции городской земельной ренты. Вебер хочет сказать: нет, не из накопления имущества возник капитализм (ибо в таком случае почему он не возник в античном мире или в эпоху Каролингов?), а само это накопление должно было протекать в каких-то весьма своеобразных условиях, для того чтобы вызвать к жизни современный капитализм. Смысл цитированного заявления Вебера станет нам совершенно ясным лишь после того, как мы в ходе дальнейшего изложения ознакомимся с тем конкретным содержанием, которое Вебер вкладывает в свое понятие «капиталистического духа». Поэтому мы пока оставим его в стороне и возобновим изложение хода мыслей Вебера.

Итак (мы воспользуемся здесь опять словами самого Вебера) «теперешний капитализм, господствующий ныне в хозяйственной жизни, воспитывает и создает в процессе экономического отбора тех хозяйствующих субъектов — предпринимателей и рабочих, — которые ему нужны» (S. 37). Но как возникли эти своеобразные типы хозяйствующих субъектов, т. е., какова была их хозяйственная психология и идеология в самом начале капиталистического развития и под влиянием каких условий она сложилась, — вот центральная проблема данного исследования Вебера. Эту проблему можно формулировать, применяя терминологию Вебера, еще и следующим образом: как возник «капиталистический дух»? Однако Вебер намерен проследить не все условия его возникновения, а лишь одно из них. А именно: он ограничивает свою задачу изучением религиозных элементов той идеологии, которая впоследствии, претерпев ряд превращений, стала идеологией промышленного капитализма и его главного носителя — современной промышленной буржуазии.

Это, однако, отнюдь не следует понимать так, будто Вебер хочет дать религиозное объяснение генезиса капитализма: он самым категорическим образом и в самых резких выражениях отвергает такое толкование своих намерений. «Я вовсе не хочу, — говорит он по этому поводу, — защищать тот безумно доктринерский тезис, согласно которому капиталистический дух мог возникнуть лишь в результате известных влияний Реформации или — более того — даже капитализм как хозяйственная система якобы является порождением Реформации. Такую точку зрения делает невозможной раз навсегда уже одно то обстоятельство, что некоторые существенные формы капиталистического хозяйствования, как это всем известно, значительно старше Реформации. Здесь должно быть лишь установлено: играли ли, между прочим, и религиозные влияния какую-нибудь роль (и какую именно) в процессе качественной чеканки и количественной экспансии капиталистического «духа» и какие конкретные стороны культуры, покоящейся на капиталистическом базисе, восходят к ним. При этом ввиду невероятного хаоса перекрещивающихся взаимных влияний, идущих от материального фундамента реформаторских культурных эпох, от собственных им форм социальной и политической организации и от их духовного содержания, можно поступать лишь следующим образом: прежде всего нужно исследовать, существует ли некоторое «срод-

ство»⁵ между известными формами религиозной веры и этикой профессий и призвания и в каких именно пунктах оно существует (RS, I, S. 83)

Связь между религиозными учениями Реформации и тем, что Вебер называет «капиталистическим духом», была подмечена уже давно, задолго до Вебера. Он сам указывает своих предшественников (Лэвли, Метью Арнольда) и, неоднократно ссылаясь на Эд. Бернштейна, подчеркивает, что он был первым исследователем, четко сформулировавшим эту связь в следующих словах: «аскетизм есть буржуазная добродетель» (S. 192, Anm. 2; S. 160, Anm. 1).

Но Вебер идет дальше: он хочет не только наметить и сформулировать эту связь, но и показать ее закономерность и объяснить ее. «Neu» ist also nicht, daß hier dieser Zusammenhang behauptet wird... sondern umgekehrt seine ganz unbegründete Anzweiflung. Es gilt ihn zu erklären (S. 28, Anm. 3)⁶. Каким же образом Вебер вообще пришел к такой постановке вопроса? Какие исторические факты заставили его и его предшественников обратить внимание именно на религиозные элементы той идеологии, которая впоследствии стала так характерна для капиталистической буржуазии нового времени? С анализа этих фактов Вебер начинает свою работу. В ходе дальнейшего изложения мы последуем за ним, передавая его мысли и его аргументацию в том порядке, которого он сам придерживается.

Как показывает профессиональная статистика европейских стран со смешанным в отношении вероисповедания населением, капиталисты и предприниматели, а также квалифицированные рабочие большей частью являются протестантами, а не католиками. Этот, на первый взгляд, поразительный факт, по-видимому, легко поддается объяснению: достаточно указать лишь на то, что как раз самые богатые города Центральной Европы были в XVI в. на стороне Реформации; потомки их зажиточных обитателей, принявших протестантизм, унаследовали их привилегированное экономическое положение. Из их рядов вышла значительная часть современных предпринимателей, которые и оказались, таким образом, по своему вероисповеданию протестантами. Однако это простое объяснение отнюдь не исчерпывает вопроса. Ибо остается все-таки непонятным, почему же как раз экономически наиболее прогрессивные области Европы и самые богатые ее города оказались столь восприимчивыми к протестантизму и так сильно предрасположенными к Реформации?

Ведь Реформация означала не уничтожение господства церкви в общественной жизни, а лишь замену одной его формы другой, и притом замену чисто формального, а потому очень удобного и практически мало заметного господства церкви радикальной и очень тягостной церковной регламентацией всего жизненного поведения. «Как же случилось,— спрашивает Вебер,— что как раз в экономически наиболее развитых странах буржуазное среднее сословие, находившееся тогда в состоянии экономи-

⁵ Wahlverwandtschaft.

⁶ «Установленная нами здесь связь отнюдь не является чем-то «новым»..., разительно обратное, а именно: совершенно необоснованные сомнения в правильности этого тезиса».

ческого подъема, не только терпело ранее неизвестную ему пуританскую тиранию, но даже защищало ее с таким геройством, которое буржуазные классы как таковые редко проявляли до этого и никогда более не проявили впоследствии?» (RS, I, S. 20—21).

И почему в настоящее время в Германии католики редко являются не только крупными предпринимателями, но и фабричными рабочими? Последние рекрутируются в подавляющем большинстве из рядов протестантов, между тем как католики обычно избирают себе какое-либо ремесло.

Мало того, по отношению к католикам в Германии не оправдывается даже то эмпирическое наблюдение, что религиозные и национальные меньшинства, лишённые возможности участвовать в политической жизни, обычно обращаются к приобретательской деятельности. И не только в Германии, но и в Англии, и в Голландии, где католиков одно время преследовали, они не проявили склонности к капиталистической и индустриальной деятельности. Протестанты — и как господствующий, и как подчиненный слой населения, и как большинство, и как меньшинство — везде и всюду обнаруживали и обнаруживают тяготение к экономическому рационализму, в то время как католики не проявили его ни в качестве большинства, ни в качестве меньшинства (RS, I, S. 23).

Уже испанцы XVI столетия знали, что «ересь, т. е. нидерландский кальвинизм, способствует развитию торгового духа». И немецкий ученый нового времени Готейн был прав, когда солидаризировался с ними и называл кальвинистскую диаспору «школой капиталистического хозяйства». Во французских гугенотских церквях основное число прозелитов составляли монахи, кушцы и ремесленники. Протестанты были носителями капиталистической идеологии и в католических странах (например во Франции). Во всех течениях протестантизма выступает одна и та же специфическая особенность: «персональное совпадение виртуозной капиталистической деловитости с самыми интенсивными формами набожности, пропитывающей и регулирующей всю жизнь данных лиц и групп» (S. 26). Это совпадение особенно характерно для кальвинизма и как раз для тех направлений англо-американского пуританизма и немецкого протестантизма, которые отличались повышенно отрицательным отношением к радостям жизни, т. е. для квакеров, пиетистов, меннонитов. Из этого явствует, что объяснение родства капиталистических черт протестантской идеологии с ее религиозными особенностями следует искать именно в самом содержании протестантской набожности, причем нужно исследовать не только ее религиозный идеал, но и то практическое влияние, которое этот идеал оказывал на жизненное поведение его адептов. Еще Монтескье сказал об англичанах, что они «превосходят все остальные народы мира в трех весьма существенных отношениях: в набожности, торговле и свободе».

«Не стояло ли их превосходство в области приобретательской деятельности в какой-нибудь связи с тем рекордом набожности, который признает за ними Монтескье?» — спрашивает Вебер, указывая тем самым то направление, в котором он будет искать решение ранее поставленного вопроса о причинах восприимчивости буржуазии к протестантизму. «Стоит

только поставить вопрос именно так, — продолжает Вебер, — и перед нами встанет целый ряд возможных отношений, пока еще не вполне осознанных, а лишь смутно воспринятых. Наша задача и будет теперь заключаться в том, чтобы то, что сейчас пронесится перед нашим умственным взором в неясных очертаниях, формулировать с такой отчетливостью, какая вообще достижима при анализе неисчерпаемого многообразия, заключающегося в каждом историческом явлении» (S. 29—30). Итак, предстоит вскрыть родство религиозного учения протестантизма с капиталистической идеологией. А для этого необходимо уяснить ее содержание, дать себе отчет в том, что такое «капиталистический дух».

Но «капиталистический дух» представляет собой «исторический индивидуум», т. е. «комплекс связей, которые существуют в исторической действительности и которые мы в понятии соединяем в одно целое, под углом зрения их культурного значения» (RS, I, S. 30). Такое историческое понятие Вебер считает невозможным дефинировать по схеме *genus proximum, differentia specifica* и предпочитает уяснить его содержание в ходе исследования. Но для предварительной иллюстрации того, о чем будет идти речь, он приводит выписки из двух сочинений Бенямина Франклина: «Необходимые предостережения для тех, кто хотел бы разбогатеть» (1736) и «Советы молодым купцам» (1748)⁷. Так как эти цитаты необходимы для понимания самого предмета исследования, то и мы воспользуемся ими как исходным пунктом изложения дальнейшего хода мыслей Макса Вебера.

«Помни, что время — деньги, — говорит Франклин, — тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по 10 шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает у себя в комнате, должен, если он расходует на себя всего только 6 пенсов, учесть не только этот расход, но считать, что он истратил, или, вернее, выбросил сверх того еще 5 шиллингов. Помни, что кредит — деньги. Если кто-нибудь оставляет у меня еще на некоторое время деньги, после того как я должен был заплатить их ему, то он дарит мне свои проценты или дарит мне столько, сколько я могу заработать при их помощи за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умеет хорошо пользоваться им. Помни, что деньги по природе своей плодородны и способны порождать новое. Деньги могут родить деньги, и их отпрыски могут породить еще больше и так далее. 5 шиллингов, пущенные в оборот, дают 6, а если эти последние опять пустить в оборот, будет 7 шиллингов 3 пенса и т. д., пока не получится 100 фунтов стерлингов. Чем больше у тебя имеется денег, тем больше денег порождают они в обороте, так что выгода растет все быстрее и быстрее. Кто убивает супоросую свинью, тот уничтожает все ее потомство, вплоть до тысячного ее члена. Кто изводит одну монету в 5 шиллингов, тот убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов стерлингов. Помни, что, по пословице, хороший плательщик — господин кошелька каждого человека. Тот, о ком известно, что он всегда аккуратно уплачивает в условленное время, может

⁷ B. Franklin. Necessary hints to those that would be rich; *idem*. Advice to a young tradesman.

всегда занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны. А это иногда бывает очень выгодно.

Наряду с прилежанием и умеренностью ничто не помогает в такой степени молодому человеку завоевать себе положение в жизни, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятые тобою займы деньги хотя бы на один час сверх условленного срока, чтобы гнев твоего друга не закрыл для тебя навсегда его кошелек.

Следует учитывать самые незначительные действия, оказывающие влияние на кредит. Удары твоего молотка, которые твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяют в него спокойствие на целых шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдным столом или услышит твой голос в трактире в то время, когда ты должен был бы работать, то он на следующее же утро напомним тебе о платеже и потребует свои деньги в тот момент, когда у тебя их не окажется.

Кроме того, аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, т. е. что ты не только пунктуальный, но и честный человек, а это увеличивает твою кредитоспособность.

Берегись считать своей собственностью все, что ты имеешь, и жить соответствующим образом. В этот самообман впадают многие люди, имеющие кредит. Чтобы избежать его, веди точный учет твоих издержек и поступлений. Если ты дашь себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий хороший результат: ты обнаружишь, какие изумительно маленькие издержки могут вырастать в огромные суммы, и ты заметишь, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем»⁸.

«За 6 фунтов стерлингов годового процента ты можешь получить в пользование 100 фунтов, если только ты известен как человек умный и честный. Кто тратит без всякой пользы один грош в день, тот тратит бесплодно 6 фунтов стерлингов в год, а это — плата за право пользования 100 фунтами стерлингов. Кто ежедневно тратит часть своего времени стоимостью в один грош — пусть это будет всего несколько минут, — тот теряет в общей сумме дней возможность использовать 100 фунтов стерлингов в течение года. Тот, кто бесплодно растрчивает время стоимостью в 5 шиллингов, теряет 5 шиллингов и мог бы с тем же успехом бросить их в море. А кто теряет 5 шиллингов, теряет не только эту сумму, но все, что можно было бы заработать, вложив ее в дело; а это могло бы составить к его старости довольно значительную сумму»⁹.

Так проповедует моралист Франклин. Как стала возможна моральная проповедь такого содержания? И что в этой проповеди делает ее проявлением «капиталистического духа»? Конечно, не стремление к наживе, не скупость и алчность, ибо эти черты сами по себе характерны как раз для хозяйственной идеологии докапиталистических эпох. Из них складывается этика традиционализма, с которым капиталистическому духу в его победоносном шествии пришлось вести жестокую борьбу. Две основные осо-

⁸ B. Franklin. Advice to a young tradesman.

⁹ B. Franklin. Necessary...

бенности проповеди Франклина делают ее классическим образчиком капиталистической идеологии: идея призвания (Beruf) как цели жизни и сверхличная трансцендентная концепция наживы.

Каждый человек должен выполнять свой долг; этот долг заключается в том, чтобы быть дельным работником в своей профессии, чтобы знать твердо свое место, призвание и работать во имя его и только во имя его не покладая рук. Применительно к купцу и предпринимателю это понимание долга модифицируется следующим образом: следует работать, чтобы процветала человеческая деятельность данной профессии, т. е. нужно наживать деньги для того, чтобы наживать еще деньги, и т. д. Нажива денег — самоцель; «человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, а не приобретательство служит человеку как средство удовлетворения его материальных потребностей» (RS, I, S. 35—36). На вопрос, для чего же «надо делать из людей деньги», Франклин, сам уже неверующий, отвечает, однако, в своей автобиографии библейским изречением, которое ему часто повторял его отец-кальвинист: «Если ты увидишь человека дельного в выполнении своего призвания, то поставь его превыше королей». «Приобретение денег, поскольку оно протекает в легальной форме, при современном хозяйственном строе является результатом и выражением деловитости человека в своем призвании, и эта деловитость составляет альфу и омегу всей морали Франклина» (RS, I, S. 36).

Нажива денег как самоцель противопоставляется всякому непосредственному их потреблению, «освобождается от всяких евдемонистических или гедонических точек зрения и становится по отношению к «счастью» или «выгоде» отдельного индивидуума чем-то совершенно трансцендентным и даже просто иррациональным». Итак, трансцендентное понимание наживы и Beruf тесно переплетаются в своеобразном хозяйственном этосе Франклина (S. 35). «Это — рационализация во имя иррационального (с некапиталистической точки зрения. — А. Н.) жизненного поведения». Ибо понятие «рациональный» многозначно «Нечто является иррациональным не само по себе, а с определенной рациональной точки зрения. Для нерелигиозного человека иррационально всякое религиозное жизненное поведение, так же как для гедониста — аскетический образ жизни; но если мерить эти типы жизненного поведения по масштабу их собственной ценности, то они представляются как различные виды рационализации жизни» (S. 35, Anm. 1).

Но именно поэтому развитие «капиталистического духа» нельзя рассматривать только как частное явление в общем процессе развития рационализма. «Ибо жизнь можно рационализировать с весьма различных точек зрения и в очень различных направлениях» (этот простой, но часто забываемый тезис Вебер рекомендует ставить во главу угла всякого исследования о рационализме). «Рационализм — историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей» (S. 62). Может существовать и существовал в действительности рационализм, враждебный «капиталистическому духу». «Нас интересует здесь происхождение как раз иррациональных элементов понятия Beruf» (S. 62). С точки зрения личного счастья, конечно, совершенно иррациональна та мотивировка,

которой современный капиталист мог бы обосновать смысл своей бесконечной погони за наживой, а именно — что он не может жить без своего дела и постоянной работы в нем. Ибо такая мотивировка означает в сущности, что человек живет для своего дела, а не наоборот. А между тем «идеально-типический» капиталистический предприниматель не имеет, собственно говоря, почти никакого личного удовлетворения, кроме «иррационального ощущения хорошо исполненного призвания» (S. 55). (Стремление к власти над людьми свойственно, по мнению Вебера, лишь немногим романтикам и поэтам среди капиталистов и является, как и стремление к роскоши и личному богатству, признаком декаданса, проявлением упадка капиталистической идеологии.)

Современный капиталист лишен всяких остатков религиозности, так же как и Франклин уже был лишен их. В наше время капиталистическая идеология является лишь продуктом непосредственного приспособления к потребностям капиталистического хозяйства, и мировоззрение здесь ни при чем. «Капиталистический дух нашел в современном капиталистическом предприятии наиболее адекватную себе форму, так же как капиталистическое предприятие нашло в нем наиболее адекватную своим потребностям духовную движущую силу» (RS, I, S. 49). Но в эпоху возникновения «капиталистического духа» его связь с потребностями хозяйственного развития была значительно сложнее; она была опосредствована религиозными мотивами.

Откуда взялось в самом деле это «иррациональное ощущение исполненного долга»? И не было ли оно в свое время гораздо более осознанным и рациональным, чем теперь? Как объяснить, что в Массачусетсе XVIII в. и в некоторых американских колониях XVII в. уже сложилась капиталистическая идеология, несмотря на то, что там господствовали мелкобуржуазные отношения, крупные промышленные предприятия почти отсутствовали, банки были лишь в зародыше и всей экономике этих колоний постоянно грозил натурально-хозяйственный коллапс? И как объяснить исторически, что в центре капиталистического развития тогдашнего мира, во Флоренции XIV—XV вв., в этом рынке денег и капиталов всех крупнейших политических сил, считалось нравственно сомнительным или только терпимым то, что рассматривалось как содержание нравственно похвального и даже обязательного образа жизни в Пеннсилвании XVIII в.? (S. 60). Другими словами: почему во Флоренции, в этом крупном банковском центре, католические богословы только терпимо относились к деятельности купцов, а церковь хотя и шла навстречу материально связанным с нею денежным силам итальянских городов, но считала именно «дух приобретательства» позорным.

На все эти вопросы Вебер ищет ответа в истории и содержании тех религиозных мотивов, которые были формирующими моментами иррациональных составных частей капиталистической идеологии. При этом он формулирует свою основную точку зрения на роль и значение этих мотивов следующим образом: «Этика, коренившаяся в религии, обещает за обусловленное ею поведение психологические премии (не экономического характера), которые являются чрезвычайно действенными до тех пор, пока жива религиозная вера... Лишь постольку, поскольку эти пре-

мии действуют, и притом, что самое главное,— лишь в том, уклоняющемся от учения богословов направлении, в котором они действуют, религиозная этика приобретает самостоятельное влияние на жизненное поведение и через него — на хозяйство» (RS, I, S. 38; Anm. 1; S. 40).

Однако эти психологические премии могут быть весьма различны. Реформация создала своеобразные премии, неизвестные католичествому,— премии за мирскую работу человека в его Beruf. Она чрезвычайно усилила нравственный акцент именно на этой работе и тем самым создала самое понятие Beruf в современном его значении. В теперешнем немецком слове Beruf, как и в английском calling, означающем и профессию, и призвание одновременно, звучит наряду с другими мотивами и религиозный мотив — представление о поставленной богом задаче. Подобное понятие Beruf отсутствовало как у католических народов, так и у народов классической древности — поэтому почти во всех древних и решительно во всех новых языках нет соответствующего слова для обозначения этого понятия. Лишь в древнееврейском и латинском языках имеются слова, приближающиеся по своему значению к немецкому Beruf. То, что на немецком языке обозначается этим словом, т. е. «длительная деятельность человека в какой-либо профессии», которая обычно является для него вместе с тем и источником дохода, а тем самым длительной экономической основой его существования, на латинском языке выражают наряду с бесцветным словом opus и слова: officium, munus, professio (RS, I, S. 63, Anm. 1; S. 64). Последние термины по своему этическому содержанию нередко приближаются к немецкому Beruf; но глубокая разница между ними и понятием Beruf заключается в том, что они лишены всякой религиозной окраски и имеют исключительно посясторонний смысл.

Первую религиозную концепцию понятия Beruf дал Лютер. Но и у него оно все-таки оставалось до известной степени традиционно окрашенным. По Лютеру, Beruf — это то, что человек должен принимать как божеское установление, которому он должен пассивно подчиняться. Эта идея даже перевешивает у Лютера представление о Beruf как о главной и единственной задаче человеческой жизни, активное разрешение которой в процессе неустанного труда задано богом. Дальнейшее развитие ортодоксального лютеранства усилило это пассивное толкование понятия Beruf. Правда, и такое толкование уже внесло нечто новое, но это новое носило чисто негативный характер: лютеранская концепция Beruf лишь уничтожила примат аскетического долга над мирскими обязанностями, но она не была враждебна проповеди послушания по отношению к властям и пассивного приятия данной житейской обстановки. Только кальвинизм и пуританство покончили с остатками традиционализма в толковании понятия Beruf и создали такую его концепцию, которая и послужила религиозной основой капиталистической психологии и идеологии.

Это не значит, конечно, что Кальвин или основатели пуританских сект (Менно, Фокс, Уэсли) сознательно ставили себе целью пробуждение «капиталистических интересов, но и чисто этические программы. «Исходным пунктом их жизни и деятельности было спасение души,— говорит Вебер.— Их этиче-

ские цели и практические результаты их учения всецело коренились именно в этом исходном пункте и были лишь следствиями чисто религиозных мотивов». Но «культурные воздействия Реформации явились в значительной мере как непредвиденные и нежелаемые самими реформаторами последствия их работы; они часто были очень далеки от того, что проносилось перед умственным взором реформаторов, а иногда и прямо противоположны их намерениям». «Наше исследование,— прибавляет Вебер,— могло бы послужить скромным вкладом в решение вопроса о том, как вообще действуют идеи в истории, и могло бы дать материал для конкретной иллюстрации этого процесса» (RS, I, S. 82). Это заявление Вебера совершенно закономерно, ибо в следующей части своей работы он дает блестящую характеристику того, как идеи пуританства сыграли огромную роль в истории, превратившись постепенно в свою собственную противоположность под давлением потребностей экономического развития.

Вебер ставит в связь с происхождением «капиталистического духа» следующие направления протестантизма: 1) кальвинизм, получивший в XVI—XVII вв. распространение в Нидерландах, Англии и Франции; 2) пиетизм, выросший на почве кальвинизма в Англии и Голландии и в конце XVII в. слившийся в лице своего немецкого представителя Шпенера, с лютеранством; 3) методизм, возникший внутри англиканской церкви в середине XVIII в.; 4) перекрещенство и вышедшие из него секты. Всем этим направлениям свойственны были аскетические черты. И все-таки они не были резко отграничены не только друг от друга, но даже и от неаскетических церковных учений Реформации: кальвинизм и перекрещенство, вначале враждебно противостоявшие друг другу, в конце XVII в. тесно соприкоснулись в баптизме, и уже в английском индипендентстве между ними существовал целый ряд переходов, сближавших их друг с другом.

Практическая нравственность всех этих направлений была одинакова. И все же необходимо изучить те различные догматические корни ее, которые впоследствии стали отмирать, но сначала имели большое значение. Только их изучение дает возможность понять, до какой степени вся религиозная и практическая этика протестантов определялась идеей потустороннего и как эта идея, модифицируясь в ходе развития, привела к неожиданным психологическим результатам, которые продолжали оставаться в силе и после смерти самой идеи. Ибо хотя религиозное переживание, как и всякое иное, по природе своей иррационально, тем не менее очень важно знать, какова та система мыслей, которая направляет эти переживания по определенному руслу. Не религиозная догма сама по себе интересует Вебера, а ее влияние на иррациональные элементы протестантизма. Они в их практическом проявлении и оказываются в центре его внимания. Вебер изучает все намеченные выше направления протестантизма, но так как религиозная и хозяйственная этика каждого из них представляет собой более или менее ослабленную вариацию того основного лейтмотива, который яснее всего звучит в кальвинизме, то мы ограничимся здесь именно его характеристикой.

Как известно, самой характерной особенностью кальвинизма является учение о предопределении. Вебер задается вопросом, в чем заключалось

историческое значение этого догмата, как он произошел и каково его содержание¹⁰. Исходным пунктом кальвинистского учения о предопределении является своеобразная концепция бога и мира. Она в свою очередь, объясняется своеобразием кальвинизма, как активной религии спасения. В основе кальвинизма лежит представление о том, что человек может действовать в жизни, надеясь на всемогущую объективную силу бога, являющегося источником всего. И у Кальвина, и у Лютера в начале их религиозного развития было два представления о боге: милосердный спаситель Нового завета как-то сочетался у них с деспотическим *Deus absconditus*. Но если у Лютера первый вытеснил в конце концов второго, у Кальвина, наоборот, победил второй.

Его победа имела огромное значение для дальнейшей эволюции кальвинизма. Кальвинистский бог — трансцендентное существо, абсолютно свободное в своей воле, которая понятна людям лишь настолько, насколько он этого хотел. Почему он хотел так, а не иначе, людям никогда не может и не должно стать понятным. Всякие попытки в этом направлении — дерзость, богохульство и грех. Бог действует по своим особым законам, свойственным его непостижимой для нас сущности. Он открывает нам лишь фрагменты вечной истины; мир противостоит богу, как дело его рук, и изучение этого мира может открыть людям те частицы божественной истины, которые бог хотел сделать доступными их пониманию: по делам творца можно познать его величие, но лишь в той мере, в какой он сам хотел этого. Поэтому кальвинизм не ставит никаких границ свободному естественнонаучному исследованию природы. По той же причине богу угодно и устройство социального космоса, в котором живут люди, ибо он создал мир и людей исключительно для своей славы, для прославления себя, и потому ему угодна деятельность людей, направленная к совершенствованию людского общежития.

Но все сотворенное людьми само по себе несовершенно. Богу угодна лишь деятельность, направленная к усовершенствованию того, что является делом рук людских, но не самые ее результаты. Ибо в этой деятельности выражается стремление человека к совершенству, к богу. У человека нет способов иначе проявить его, как путем работы в этом несовершенном, греховном людском космосе. Но, работая в нем, он должен помнить, что работает не для него, а во имя других высших целей. Всякое превращение социальной деятельности в самоцель есть греховное обожествление рукотворного.

В этом противопоставлении трансцендентного, самовластного, самодержавно-деспотического бога погрязшим в грехе людям и их несовершенным творениям уже заключен собственно *in pace* весь догмат предопределения. Наша мысль станет еще более ясной, если мы вспомним, что кальвинизм ведь представляет собой одну из религий спасения души, а следовательно, грозный деспотический бог должен каким-то образом выступить в роли спасителя несовершенных, греховных людей, которых он по непостижимой для них причине создал таковыми. Как же мыслимо

¹⁰ Источниками для характеристики кальвинизма ему служат: «Westminster Confession» 1647 г., и богословские трактаты Бейли, Ричарда Бакстера, Бениана и др.

превращение этого бога в спасителя? Вот этот логический скачок и выполняет догмат предопределения.

«Для проявления своего величия,— читаем мы в «Westminster Confession» (гл. III, № 3),— бог одних предназначил (predestinated) к вечной жизни, а других к вечной смерти. Тех людей, которых бог предназначил к жизни, он избрал еще до основания мира для вечного блаженства во Христе, и сделал он это по вечным и неизменным основаниям, во исполнение своего таинственного решения и свободного хотения своей воли» (№ 5).

Итак, вот каким образом грозный бог обращается в спасителя: он спаситель лишь для некоторых, для тех, кого он — совершенно произвольно и по непостижимым соображениям — избрал для вечной жизни, т. е. для потустороннего блаженства. Остальных он проклял и осудил. Он сделал это не за грехи или заслуги людей, а просто потому, что так хотел. Мало того, он не дал людям никаких средств для приобретения избранности и даже не указал никаких признаков, по которым человек мог бы судить о том, избран он или проклят, и мог бы отличить избранных от осужденных среди своих спутников на жизненном пути. Ни проповедник, ни церковь, ни крещение, ни исповедь не могут служить орудием спасения: к церкви принадлежат ведь и осужденные. Правда, «вне церкви нет спасения», но это не значит, что церковь способна стать его орудием или дать уверенность в избранности. Каждый верующий должен принадлежать к церкви лишь для того, чтобы не противиться воле божией: ибо бог во славу свою создал и церковь и опять-таки для той же цели заставил осужденных принадлежать к ней наравне с избранными. Удостовериться в своей избранности здесь, в течение мирской, земной жизни, вообще нельзя никоим образом: ведь эта избранность относится к потусторонней жизни, а потому дерзко было бы и помышлять о том, чтобы приоткрыть завесу потустороннего мира и проникнуть в тайные решения бога. Даже Иисуса Христа далеко не каждый христианин может считать спасителем и искупителем своих грехов, ибо Христос умер только за избранных.

Ближайшим психологическим результатом этой суровой богословской концепции явилась исключительная, дотоле неслыханная внутренняя отъединенность индивидуума (RS, I, 93).

Каждый христианин одиноко идет по своему пути навстречу вечному спасению или вечной гибели. Уже эта, так сказать, первичная концепция учения о предопределении имела важные последствия в области практической этики. Она создала, во-первых, очень своеобразное отношение верующего к окружающим его людям, а во-вторых, оригинальное толкование понятия *Veruf*. Человек, считающий себя верующим христианином, должен надеяться только на бога и отнюдь не полагаться на людей: «Проклят тот, кто надеется на людей»,— это изречение Иеремии сочувственно цитирует Шпангенберг (S. 96, Anm. 3)¹¹. Наряду с таким своеобраз-

¹¹ Любовь к ближнему должна служить лишь прославлению бога, а не того, что рукотворно; поэтому, любя ближнего, следует заботиться не столько о личном счастье этого ближнего, сколько о том, как бы лучше угодить богу. Этот ход мыслей привел к следующему тезису, толкующему любовь к ближнему таким образом, что она

разным человеконенавистничеством на христианской подкладке и в тесном сплетении с ним резко выступает прославление неустанной работы христианина в его Beruf. Мы уже знаем, что богу угодно устройство рукотворного; но это устройство должно происходить методично, систематически и притом носить чисто деловой и безличный характер, т. е. оно должно протекать в рамках определенного Beruf — иначе ему грозит опасность превратиться из работы *ad maiorem Dei gloriam* в деятельность, направленную к устройению социального космоса во имя его собственных задач (в *Kreaturvergötterung*). Как видим, здесь не бог существует для человека и его спасения, а наоборот, человек для бога и его славы.

Но эти две особенности кальвинистской этики, только что отмеченные нами, безмерно усилились и заострились после того, как догмат предопределения пережил некоторую эволюцию.

В эпоху Реформации интересы потустороннего мира оказывали могущественное воздействие на психику религиозного человека. Как же могла выносить широкая масса верующих пуритан суровую богословскую концепцию, которая не давала даже возможности избранным сознавать себя таковыми в отличие от осужденных? Кальвин считал себя орудием бога и был уверен в своей избранности. Но не у всех могла быть такая прирожденная уверенность, и учение о предопределении осталось бы религией для немногих и не сыграло бы той крупной исторической роли, которую ему суждено было сыграть, если бы не был поставлен и разрешен вопрос о том, как можно приобрести сознание своей избранности.

Конечно, в самой постановке этого вопроса заключается уже известное смягчение догмата предопределения, но она отнюдь не означает отказа от него, ибо новая концепция этого догмата гласит: нельзя приобрести избранность, нельзя даже точно и раз навсегда удостовериться, избран ты или нет, но можно приобрести сознание избранности, которое равняется не знанию, а скорее ощущению своей угодности богу. Это ощущение и есть *certitudo salutis* кальвинизма второй формации; приобретение этого ощущения сделалось жизненной целью верующих кальвинистов.

В кальвинистской богословской литературе были намечены два способа достижения *certitudo salutis*. Первый заключался в следующем: каждому верующему предписывается в качестве его религиозного долга считать себя избранным, а все сомнения толковать как дьявольские искушения. В постоянной, непрекращающейся борьбе с этими искушениями, в их непрестанном преодолении и достигается религиозно-этическое оправдание самого сознания избранности. Этим путем пошли так называемые «святые», которые рассматривали свою избранность как своего рода сословное качество (здесь аналогия с «сословием» аскетов в католической церкви). Но гораздо большее историческое значение имел второй способ достижения *certitudo salutis* — при помощи неустанной работы в своей про-

превращается в свою прямую противоположность: «Добрые дела, совершаемые для какой бы то ни было иной цели, кроме прославления бога, греховны» («Hanserd Knollys Confession», West Chester (Pa), 1827, ch. XVI.— RS, I, S. 100, Ann. 2).

фессии. К этому способу богословская мысль кальвинизма пришла следующим путем: божия церковь, церковь избранных, незрима. Но общение бога с избранными все же происходит, и притом оно может происходить в двух формах: избранные служат либо сосудами божества, либо его орудиями. Лютер склонен был представлять себе общение с богом в первой форме, но Кальвин решительно отверг ее на том основании, что *finitum non est sara infiniti*. Бог лишь проявляет себя в избранных, действует в них и через них. «Их деятельность проистекает из веры, данной им в силу милости божией, а эта вера в свою очередь обнаруживает свое божественное происхождение в характере той деятельности, которая из нее проистекает» (RS, I, S. 108).

Из Библии и отчасти из самого миропорядка можно почерпнуть некоторые указания на то, какие именно дела угодны богу. Конечно, никакими, даже самыми «богоугодными делами» нельзя себе купить вечное блаженство; но при их помощи можно освободиться от страха за него. Для этого необходим систематический самоконтроль своего ощущения избранности, но не пассивный, а активный контроль: не исповедь Лютера, время от времени возобновляющая утерянное или восстанавливающая поколебленное сознание избранности, а каждодневное практическое разрешение одного и того же вечного вопроса «Избран я или нет?» в самом процессе систематической работы во славу божью. Все, что делается здесь, на земле, делается для потусторонних целей и только в их свете получает смысл. Но именно поэтому вся земная деятельность должна быть рационализирована до последней степени, ибо только тогда она сможет выражать то стремление рукотворного к совершенству, которое угодно богу. Бог требует делания добра, возведенного в систему (S. 114), превращенного в идеал земного угождения потустороннему богу. Поэтому один-единственный грех уничтожает все. Все делается во славу божью (*omnia in maiorem Dei gloriam*), и каждый день верующий член незримой божией церкви должен спрашивать себя: «Избран ли я?» — и отвечать: «Да, я делаю угодное богу — *ergo*, я избран». Это — декартовское *cogito ergo sum*, перенесенное в этическую сферу (S. 115).

Итак, в учение о предопределении привнесен был со временем новый мотив: доказательства, испытания своей избранности. Уже Августин высказал, по преданию, следующую мысль: *Si non es praedestinatus, fac ut praedestineris*. (S. 111, Anm. 1), и эта мысль *mutatis mutandis* была воспринята кальвинистами. Логически из догмата предопределения можно было бы вывести фатализм. Но психологически вышло нечто противоположное ему, и именно благодаря идее испытания избранности (*Be-währung*): «как раз в отказе от фатализма избранные (*electi*) доказывают и испытывают свою избранность» (S. 111, Anm. 4). Эта идея испытания избранности прочно сохранилась в психологии протестантских народов: отзвуки ее ясно слышатся в следующем изречении Гете: *Wie kann man sich selbst kennen lernen? Durch Betrachten niemals, wohl aber durch Handeln. Versuche deine Pflicht zu tun, und du weisst gleich, was an dir ist. — Was aber ist deine Pflicht? Die Forderung des Tages*¹².

¹² «Как познать самого себя? Только не путем наблюдения над собой, а отда-

Это совпадение не удивительно: Гёте ведь жил в эпоху роста промышленного капитализма, а учение об испытании избранности посредством работы в *Begrüf*, как мы скоро увидим, вполне отвечало потребностям капиталистического развития.

Охарактеризованную выше религиозную этику кальвинизма Вебер называет мирским аскетизмом.

Основные особенности этой этики: преодоление *status naturae* путем передачи себя в руки божии, систематическая работа во славу божию, преобладание постоянных мотивов психики над искусственно подавляемыми аффектами — свойственны всякому аскетизму, в том числе и католическому, внемирскому аскетизму. Ведь каждый католический монах воспитывался как работник божий. Но глубокая пропасть лежала между католическим и пуританским аскетизмом: кальвинисты были монахами, оставаясь в миру. Если католики из монахов делали божьих работников, то кальвинисты, наоборот, божьих работников превращали в монахов. Их «избранные», становясь аскетами и оставаясь в миру, проникались ненавистью и презрением к ближним, не умевшим в процессе аскетического труда и самоконтроля дать доказательства своей избранности. «Бог помогает тому, кто сам себе помогает» — этот девиз сделался основным нравственным принципом их отношения к людям.

Да и самый контроль своей избранности выливался в неслыханно мирские формы. Место исповеди заняли религиозные дневники, которые должны были содержать точный отчет об отношениях между верующим и богом, причем Бакстер и Бениан сравнивали их с отношениями между кредитором и должником. И над всем этим тяготел Дамоклов меч потусторонней осужденности, которая уже наверное грозит всякому, не умеющему доказать свою кредитоспособность по отношению к богу.

Эта идея предопределенности «потусторонней» жизни резко отличает кальвинистское предопределение от магометанского фатализма. В исламе считалась предопределенной вся земная жизнь человека, поэтому магометанская «судьба» напоминает греческую Мойру, и практическим последствием магометанского фатализма могла быть лишь военная, рыцарская храбрость, но отнюдь не рационализация жизни (*RS*, I, S. 102, Anm. 2). Между тем кальвинист в земной жизни свободен: предопределена только потусторонняя его жизнь. Но она бросает огромную тень на всю его земную жизнь, которая становится лишь приготовлением к потусторонней участи. «Рационализация жизненного поведения в миру под знаком потустороннего, — говорит Вебер, — была последствием концепции *Begrüf*, созданной аскетическим протестантизмом. Христианский аскетизм, вначале убегавший от мира в уединение, уже господствовал в форме церкви над миром, отрекаясь от него в стенах монастыря. Но при этом он оставлял в неприкосновенности естественный, непринужденный характер мирской повседневной жизни. Теперь он вступил на житейское торжище, захопнул за собою ворота монастыря и принялся пропитывать своей методикой

ваясь делу. Попробуй исполнить свой долг, и сразу узнаешь себе цену. В чем же долг? В требовании дня» (*И. В. Гёте. Из моей жизни. Поэзия и правда. М., 1969, стр. 3*).

как раз мирскую повседневную жизнь, преобразуя ее в рациональную жизнь в миру, но не от мира сего и не для этого мира» (S. 163).

В своей характеристике тех изменений, которые претерпели религиозные идеи пуритан в ходе дальнейшего развития и которые сыграли большую роль в формировании капиталистического духа, Вебер исходит из аскетического движения второй половины XVII в. Он хочет дать представление о том, каковы были идеи, господствовавшие в этом движении накануне превращения религиозного мирского аскетизма в капиталистический утилитаризм. Этим объясняется и выбор источников: по этой причине Вебер оставляет в стороне постановления гугенотских синодов и баптистскую литературу, сосредоточивая внимание преимущественно на английском пуританине XVII в. Ричарде Бакстере (1615—1691), признанном богослове того времени, вышедшем из кальвинизма, и привлекая лишь для параллели трактаты представителя пиетизма Шпенера, квакера Барклея и др.

Во многих богословских трактатах пуритан XVII в., особенно в работах Бакстера, очень сильны «антимаммонистические тенденции»; учение Бакстера с капиталистической точки зрения, разумеется, должно казаться отсталым. «Но,— говорит Вебер,— я как раз и хочу показать, как, несмотря на «антимаммонистическое» учение, дух этой аскетической религиозности, точно так же, как и в монастырском хозяйстве, породил экономический рационализм потому, что эта религиозность премировала самое главное — аскетически обусловленные, рациональные импульсы поведения» (RS, I, S. 165, Anm. 3).

Запомнив хорошенько эту весьма существенную оговорку, последуем за Вебером.

Основной лейтмотив всех рассуждений Бакстера — работа. Она выполняет две одинаково важные функции: 1) дает в руки человеку могучее орудие против всяческих плотских (в том числе и сексуальных) искушений и 2) делает осмысленным земное странствие верующего, становясь самоцелью, а тем самым и основной целью его жизни. Выполняя первую функцию, работа оберегает верующего от опасности впасть в *status naturae*, в обожествление рукотворного. Ибо наслаждение земными радостями ради наслаждения ими — величайший грех; греховно «искусство для искусства», эротика во имя эротики, богатство для богатства. Греховно и инстинктивное бессознательное стремление к этим земным радостям. Греховна любовная страсть, ведущая к бездейтельному наслаждению радостями чувства и чувственности; но законный и степенный брак на всю жизнь, брак не по любви и не по расчету, а по рассудку — угоден богу, ибо он становится средством прославления бога путем усиленного производства здорового и работающего потомства; жизнь в таком браке тоже превращается в один из видов работы во имя божие и во славу божью — недаром сказано: «Плодитесь и размножайтесь».

Точно так же наслаждение богатством, «почивание на лаврах» приобретенного или неумеренное расходование его для личных надобностей греховно, методический же труд по приобретению богатства угоден богу. Ибо потребление богатства отрывает от стремления к святой жизни: «вечный покой святых» возможен лишь в потустороннем мире; в земной

жизни покой — не признак святости, а наоборот, знамение греховности и осужденности; тот, кто «почиет на лаврах», тем самым показывает, что он не принадлежит к числу избранных, что он охотно поддается искушению заменить тяжкий труд прославления бога делами своими — гораздо более легким трудом обожествления рукотворного. Греховно стремление к барышу ради барыша; но это же самое стремление как средство прославления бога и служения ему свято. Если верующему и разрешается иногда «погружаться в искусства, в науки, предаваться мечтам и страстям» (ибо слаб человек), то это, во всяком случае, не должно ничего стоить. Человек ведь — только управитель божьего имущества и не должен расточать его иначе, как во славу Божию.

Некогда было сказано: «отдайте кесарю кесарево, а богу — божье». Ничто не может быть столь враждебно пуританству, как эта евангельская формула. Нет на свете ничего, что принадлежало бы кесарю; все — и сам кесарь, и царство его — принадлежит богу. «Отдайте богу и божье, и кесарево, ибо все — божье», — так можно было бы перефразировать в пуританском духе евангельское изречение. Но отдавать себя богу нужно, оставаясь в миру и работая в нем, ибо бог так хотел: он поставил слабых людей блюстителями своего великого дела и обратился к ним не с христианской, а с грозной Заратустровой заповедью: *Werdet hart!* («Будьте стойкими»). И главное: *Arbeitet hart!* («Трудитесь стойко!»). Каждый час должен принадлежать богу. Потеря времени — величайший грех. «Отсутствие желаний на земле недостижимо, — говорит один из пуританских богословов, — и оно недостижимо именно потому, что бог не хотел этого» (RS, I, S. 166, Anm. 2). Поэтому следует не избегать желаний, а направлять их в сторону, угодную богу, т. е. работать. Здесь работа, как видим, становится уже самоцелью. Воздержание от плотских искушений — первая функция работы — создало единообразный стиль жизни, привело все к одному знаменателю: «Та могучая тенденция к униформированию всего стиля жизни, которая ныне вызывается капиталистическими интересами стандартизации производства, — говорит Вебер, — имеет свою идеальную основу в отрицании „обожествления рукотворного“» (S. 187—188).

Работа хорошо выполнила свою первую функцию — служить оградой от земных вождельствий: она зажала в железные тиски аскетического долга личное потребление. Но, пожалуй, еще важнее была вторая ее функция, ибо работа как самоцель развязала руки безграничному производству ради производства. Все, что способствовало личному потреблению, признавалось греховным обожествлением рукотворного; все, что развивало и толкало вперед производство, награждалось религиозной премией — сознанием избранности, объявлялось богоугодным делом и священной обязанностью верующего. «Собственность считалась одиозной в феодально-сеньориальной форме ее потребления, но не сама по себе» (S. 176, Anm. 3).

Изречение апостола Павла: «Не трудящийся да не ест», — которое Фома Аквинский толковал в духе необходимости работы для поддержания жизни общества и его членов, Бакстер относил не к целому, не ко всему роду человеческому как таковому, а к каждому индивидууму, како-

во бы ни было его имущественное и социальное положение. И богат должен трудиться: его богатство отнюдь не освобождает его от выполнения заповеди апостола Павла: и он не должен есть, не работая. Пусть он материально не нуждается в зарботке, но в религиозном отношении труд так же необходим ему, как и бедняку. Ибо для всех без различия бог приготовил *Beauf*, и работа в нем — веление, исходящее от бога и предписывающее индивидууму действовать во славу божью. «Этот как будто бы незначительный нюанс,— говорит Вебер,— имел очень серьезные психологические последствия и был связан с дальнейшим развитием того провиденциального толкования экономического космоса, которое было свойственно уже схоластике» (S. 172). Уже Фома Аквинский считал разделение труда и деление общества на профессиональные группы проявлением божественного мирового плана. Но, по мнению Фомы Аквинского, люди включены в этот космос чисто случайно, *ex causis naturalibus*. Для Лютера пребывание каждого индивидуума в том положении, в которое его поставил бог, стало религиозным долгом. По учению пуритан, провиденциальную цель разделения труда можно узнать по его плодам. О них Бакстер распространяется «высоким штилем», напоминаям апофеоз разделения труда у Адама Смита. «Вне определенного *Beauf*,— говорит Бакстер,— человеческий труд является лишь непостоянной и случайной работой, и человек больше тратит времени на лень, чем на работу»; «тот, кто работает в *Beauf*, выполняет свою работу в известном порядке, в то время как другие находятся в состоянии постоянной запутанности, и их дела не знают ни времени, ни места»; «поэтому определенный *Beauf* — самое лучшее для всякого человека» (S. 174).

Можно, конечно, работать одновременно в разных *Beuf* и даже менять свой *Beuf*. Но это позволительно в том случае, если делается с богоугодными намерениями, т. е. с целью совместить несколько наиболее полезных *Beuf* или взяться за новый, который представляется более полезным, чем прежний. «Полезность данного *Beuf*, его соответствующая богоугодность,— говорит Вебер,— измеряется, правда, в первую голову нравственными масштабами, а затем степенью важности для общества тех благ, которые производятся в этом *Beuf*, но в качестве третьего и практически самого важного критерия выступает частнохозяйственная его доходность» (S. 175).

В пуританской литературе неоднократно подчеркивается, что бог нигде не повелевает любить ближнего *больше*, чем самого себя; он заповедал лишь любить ближнего, как самого себя. А следовательно, существует и долг любви к самому себе. Так, если кто-нибудь знает, что сумеет лучше распорядиться своим имуществом, чем его ближний, а значит, и лучше употребить его во славу божью, то долг любви к ближнему отнюдь не может предписать ему отдать этому ближнему свое имущество (S. 175, *Ann.* 2). «Если бог указывает вам путь, на котором вы без ущерба для вашей души или для других можете законным образом нажать больше, чем другим путем,— говорит Бакстер,— и если вы отклоняете это указание божие и выбираете менее выгодный путь, то вы убиваете одну из целей вашего призвания, отказываетесь быть управляющим бога и принимать его дары, чтобы иметь возможность употребить их для него, если

он того потребует. Не для плотского наслаждения и греха, но для бога должны вы работать, чтобы быть богатыми» (S. 176) ¹³.

Этот утилитаризм явился психологическим последствием безличного толкования любви к ближнему, о котором была речь выше: экономический космос создан богом во славу божью, и поэтому, поскольку принимаются во внимание и посюсторонние цели, бог хочет благополучия целого, безличной выгоды. Мы видели уже, как эта безличная выгода сочетается с личной путем привнесения потусторонних целей и утверждения их примата и господства над целями посюсторонними. Правда, эта личная выгода тоже носит безличный и вначале чисто религиозный характер: приобретение личного богатства во имя безличных и сверхличных целей (устроения социального космоса и служения богу) является платой за вечное блаженство в потустороннем мире. Но в ходе дальнейшего развития эти религиозные корни утилитаризма стали постепенно отмирать, а параллельно с этим отмиранием безличный, абстрактный характер приобретательской деятельности все более и более становился одним из принципов капиталистического производства. На переходной стадии этого процесса «провиденциальное толкование шансов прибыли стало лишь этически преобразовать интересы делового человека (*Geschäftsmensch*), точно так же как резкое подчеркивание аскетического значения определенного *Beruf* стало служить лишь средством этического преобразования современного чиновничества» (S. 178).

Этот процесс начался, как мы знаем, с религиозного апофеоза работы. Но на смену апофеозу труда пришел апофеоз наживы. Та мысль, что человек — управляющий божьего имения, в ходе капиталистического развития конкретизировалась следующим образом: человек — «машина для приобретательства»; чем больше имущество, тем сильнее ответственность перед богом. Параллельно с этой эволюцией идей шла эволюция капиталистических отношений: хозяйственная жизнь предприятия становилась независимой от личного хозяйства предпринимателя; частный капитал резко отделялся от капитала, вложенного в дело. Этот процесс превращения человека в слугу капитала сопровождался в религиозной области представлением о «деле», о «предприятии» как о *corpus mysticum*. Человек, все более и более превращавшийся из управляющего на службе у бога в машину на службе у капитала, должен был выполнять какой-то категорический императив, который становился тем иррациональнее, чем дальше заходило отмирание религиозных его корней. «Основное положение аскетизма: *entsagen sollst du*, *sollst entsagen*, — говорит Вебер, — в капиталистической его форме звучало так: *erwerben sollst du*, *sollst erwerben*» (S. 190, Anm. 1) ¹⁴.

Мирской аскетизм привел к психологическим последствиям, которые оказались противоположными его собственным исходным точкам зрения,

¹³ Богатство как результат выполнения профессионального долга, призвания, не только этически дозволено, но даже обязательно. Притча о том рабе, который зарыл свой талант в землю, казалось, прямо говорила именно об этом. Хотеть быть бедным, с точки зрения пуританина, то же самое, что хотеть быть больным.

¹⁴ «Отречься должен ты, отречься»; «приобретать должен ты, приобретать» (ред.).

и в то же время вытекали из них с такою логической необходимостью, что даже на этих последствиях лежит яркая печать их аскетического происхождения. Капитализм, конечно, секуляризировал в конце концов мирской аскетизм, который, по удачному замечанию Вебера, своей эволюцией как бы иллюстрирует справедливость известного изречения гетевского Мефистофеля, с той только разницей, что аскетизм хотел добра, а создал зло! Aber hier war nun die Askese die Kraft, die «stets das Gute will und stets das Böse schafft» — das in ihrem Sinn Böse; den Besitz und seine Versuchungen (S. 191—192)¹⁵. Образование капитала путем принудительной аскетической бережливости (S. 192) — вот результат мирского аскетизма! Этого ли хотели его первые пророки и проповедники? Конечно, Кальвин и первые кальвинисты и не помышляли об этом. Но уже у Бениана (1628—1688) мы находим следующую аргументацию: «Надо сделаться религиозным, чтобы стать богатым», ибо почему человек стал религиозным, безразлично» (S. 197, Anm. 1). Таким образом, к мирскому аскетизму более поздней поры парафраз изречения Мефистофеля приложим лишь в том смысле, что он стремится к религиозному освящению приобретательства, а создает в конечном счете совершенно иррелигиозный буржуазный этос.

Это понимал и от этого предостерегал верующих основатель секты методистов, богослов XVIII столетия Джон Уэсли (1703—1791): «Я опасаясь того, — писал он, — что чем больше растет богатство, тем все уменьшается значение религии. Поэтому я не вижу, как по всему ходу вещей могло бы стать возможным длительное пробуждение истинной религиозности. Ибо религия неизбежно должна порождать усердие в труде и бережливость, а эти качества не могут произвести ничего иного, кроме богатства. Но с увеличением богатства растут гордость, страсти и любовь к мирскому во всех ее формах. Как же возможно при таких условиях, чтобы методизм, т. е. религия сердца, сохранился в своем теперешнем состоянии цветущего дерева? Методисты везде становятся прилежными и бережливыми; следовательно, их имущество растет. А соответственно растут и их гордость, страсти, плотские и мирские наслаждения, высокомерие в жизни. Форма религии остается, но дух ее постепенно исчезает. Неужели нет никакого способа задержат этот продолжающийся упадок чистой религии? Мы не должны препятствовать людям быть прилежными и бережливыми. Мы должны предостеречь всех христиан, чтобы они все-таки наживали и сберегали то, что они могут, т. е. в результате становились богатыми».

Затем Уэсли предостерегает приобретателей от скупости и советует им «не только наживать, но также и давать все, что они могут» (S. 196—197).

Как видим, Уэсли, который не только понял связь мирского аскетизма и капиталистического духа, но и обрисовал процесс отмирания религиозных корней этого последнего, не смог предложить ничего иного, кроме компромисса буржуазного этоса с евангельскими добродетелями. Кто

¹⁵ «Однако здесь аскеза являлась той силой, «что без числа творит добро, всему желая зла». (И. Гёте. Фауст... Пер. Б. Л. Пастернака. М., 1953, стр. 90); зло в ее понимании — это имущество со всеми его соблазнами» (ред.).

стал победителем в этом союзе двух неравных сил, показало победоносное шествие промышленного капитализма в XVIII—XIX вв. Оно же обусловило и компромиссный характер рассуждений Уэсли. «Семнадцатое столетие — эта эпоха кипучей религиозной жизни — завещало своему наследнику-утилитаристу чудовищно спокойную, фарисейски спокойную совесть в процессе наживы денег» (S. 198). «Сознавая себя избранником божьим и чувствуя на себе его благословение,— говорит Вебер,— капиталистический предприниматель... мог и считал своим долгом следовать преобладательским интересам. Могущество религиозного аскетизма отдавало в его распоряжение трезвых, совестливых, чрезвычайно трудоспособных рабочих, прочно державшихся за работу, как за богоугодную цель жизни» (S. 198) ¹⁶.

«Интересы бога и работодателя сливаются,— продолжает Вебер,— даже Шпенер, обычно советующий оставлять время для размышлений о боге, считает само собою разумеющимся, что рабочие должны удовлетворяться самым незначительным количеством свободного времени даже в воскресенье» (S. 198, Anm. 2). «Средневековая этика не только терпела нищенство, но даже прославляла его в форме нищенских орденов». «На долю пуританского аскетизма выпало участие в том жестоком английском законодательстве о бедных, которое произвело решительное изменение в этой области. И он мог принимать участие в нем, ибо протестантские секты и строго пуританские общины действительно не знали бедных в своей среде» (S. 199—200). «Протестантский аскетизм легализировал эксплуатацию специфической готовности рабочих к труду, ибо он и денежное приобретательство предпринимателя истолковал как *Beruf*» (S. 200).

«Толкование работы, как призвания (*Beruf*) стало столь же характерным для современного рабочего, как соответствующий взгляд на приобретательство для предпринимателя» (S. 201). «Деятельность Бакстера в общине Киддерминстер является типическим образчиком того, как аскетизм воспитывал массы, приучая их к работе и — выражаясь марксистскими терминами — к производству прибавочной стоимости и как он тем самым впервые сделал возможным применение их труда в капиталистических формах производства (в домашней промышленности и в ткачестве)» (S. 200, Anm. 3). «Аскетизм лишил труд его поустороннего мирского очарования и придал ему потустороннее направление. Работа в *Beruf* как таковая стала считаться угодной богу. Безличность современного труда, его бедная радостями бессмысленность, с точки зрения индивидуума, здесь пока еще остается религиозно преображенной. Капитализму в эпоху его возникновения нужны были рабочие, которые позволили бы себя экономически эксплуатировать во имя совести. Теперь он стал властелином и может заставить их быть готовыми к труду и без потусторонних премий» (S. 200, Anm. 4). «Пуританин *хотел* быть человеком определенной профессии, мы *должны* быть им» (S. 203).

¹⁶ И при этом религия давала ему успокоительную уверенность в том, что неравное распределение благ земных есть дело божественного провидения (впоследствии эта уверенность также превратилась, конечно, в фарисейство).

Этим заканчивается — мы хотели бы сказать: на этом месте обрывается — исследование Вебера о протестантизме. Он сам, по-видимому, живо чувствует всю фрагментарность своей работы. Ибо в заключение он намечает задачи, стоящие перед исследователем, который пожелал бы продолжить начатую им работу в том же направлении. По мнению Вебера, следовало бы показать значение аскетического рационализма и для содержания социально-политической этики, проанализировать его отношение к гуманистическому рационализму, к развитию философского и научного эмпиризма, а затем проследить исторически по отдельным странам его эволюцию от первых средневековых его начатков до превращения в чистый утилитаризм. «Только таким путем можно было бы установить степень культурного значения протестантского аскетизма в его отношении к другим пластическим элементам современной культуры» (S. 205). После этого уяснилась бы и зависимость протестантского аскетизма от всей совокупности общественных, в особенности экономических, условий.

Эта грандиозная программа осталась невыполненной. Перед нами лишь фрагмент, намечающий только одну сторону связи религиозных и экономических явлений. Обратимся же к анализу этого фрагмента как образчика методических приемов Вебера, применяемых им в ходе его конкретной, историко-социологической работы.

3. АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕБЕРА О ПРОТЕСТАНТИЗМЕ СО СТОРОНЫ МЕТОДА

Та основная проблема, под углом зрения которой Вебер рассматривает соответствие религиозной этики протестантизма «капиталистическому духу», есть проблема возникновения современного капитализма. Не следует упускать из виду, что вся его социология религий имеет целью уяснить некоторые стороны этой проблемы. Какие же именно? В процессе изложения историко-социологических построений Вебера перед нашим умственным взором все время вырисовывался какой-то знакомый, но несколько неопределенный в своих очертаниях силуэт мыслителя, как бы незримо руководящего Вебером. Это несомненно — силуэт Маркса. Постараемся понять, почему он казался нам столь неопределенным и как бы неуловимым, попытаемся уловить и зафиксировать его очертания и тем самым установить, что идет от Маркса в интересной работе Вебера (а от него в ней немало — гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд).

Прежде всего, от Маркса — интерес к упомянутой основной проблеме и самое представление о капитализме как об исторически сложившемся, своеобразном строе хозяйства, не имеющем полных аналогий в прошлом. Только это понимание историчности капитализма как общественной формации, столь ясно обнаруженное Вебером в его предварительных замечаниях к «Социологии религий», и сделало возможным постановку вопроса о происхождении капитализма в качестве центральной проблемы всей этой работы.

Как известно, и Маркс задавался вопросом о генезисе капитализма. Маркса привел к этому вопросу анализ производственных отношений

капиталистического общества. «Мы видели, — писал он, — как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счет прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, по-видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» — по А. Смит), — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом»¹⁷.

В чем видит Маркс сущность этого процесса? В отделении производителей от средств и орудий производства, в создании класса «свободных» рабочих — «свободных» в двояком смысле: с одной стороны, не принадлежащих к средствам производства (как, например, рабы и крепостные), а с другой стороны, лишенных средств производства, «освобожденных» от них¹⁸. Этот процесс отделения производителей от средств и орудий производства Маркс и считает основным двигателем капиталистического развития. Вопрос о возникновении капитализма есть для него вопрос о причинах и ходе этого процесса. «Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? — спрашивает Маркс и отвечает: «Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде»¹⁹.

Как было указано выше, и Вебер считает это наличие класса формально «свободных» рабочих и классовой противоположности «буржуазия — пролетариат» конститутивным признаком современного капитализма. И для него, следовательно, вопрос о генезисе капитализма мог бы быть вопросом о происхождении этого классового противоречия и о возникновении «свободного» труда, если бы он поставил себе целью проследить генезис социально-экономического содержания капитализма. Но его интересовала другая сторона проблемы. Его занимал вопрос о генезисе хозяйственной идеологии господствующего класса капиталистического общества — той идеологии, которую он считает столь же характерной для этого общества, как и его экономические формы. Так пришел Вебер к своему понятию «капиталистического духа» и к вопросу о возникновении этого «духа».

В этой постановке вопроса еще нет решительно ничего похожего на философский идеализм. Она была бы идеалистичной, если бы Вебер вкладывал в понятие «капиталистического духа» какое-либо мистическое содержание, ничего общего не имеющее с капиталистической хозяйст-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 725.

¹⁸ Там же, стр. 726.

¹⁹ Там же, стр. 770.

венной действительностью, или если бы он считал «капиталистический дух» фактором, определяющим всю структуру капиталистического общества, и именно поэтому стремился бы проследить генезис этого «духа». Но, как мы видели, «капиталистический дух» Вебера (в отличие от зомбартского) — в высшей степени реальный исторический феномен, представляющий собой известную совокупность норм хозяйственной этики, приемов и методов хозяйствования.

Происхождение «капиталистического духа» Вебер отнюдь не склонен отождествлять с происхождением капитализма вообще. Напротив, он неоднократно подчеркивает, что это — лишь одна сторона проблемы; его интересует просто-напросто именно эта ее сторона, и он исследует ее, создавая всю неизбежную фрагментарность такого исследования. В главе о первоначальном накоплении Маркс поставил вопрос об объективных предпосылках капитализма, т. е. о предпосылках капиталистического строя хозяйства, — Вебера занимает вопрос о его субъективных предпосылках, т. е. о предпосылках капиталистического строя мышления. Но и постановка этого второго вопроса отнюдь не была чужда Марксу; он только не занимался этой стороной проблемы специально, но все же успел сделать ряд намеков и в этом направлении.

«Для общества товаропроизводителей, — читаем мы в I томе «Капитала», — всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме (in dieser schlichten Form) частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии (entsprechendste Religionsform) является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях (in seiner bürgerlichen Entwicklung), каковы протестантизм, деизм и т. д.»²⁰

«Т' прямо предназначено для чужого потребления, — говорит Маркс во II томе «Капитала», в главе об обращении денежного капитала. — Поэтому у истолкователей меркантилистской системы (в основе которой лежит формула: $D-T \dots P \dots T'-D'$) мы находим весьма пространные проповеди о том, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, сколько потребляет рабочий, и что данная капиталистическая нация должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же, напротив, должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви»²¹. По мнению Маркса, «Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни»²². Последняя мысль высказана Марксом в примечании, а в тексте, к которому это примечание относится, Маркс цитирует анонимную бро-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 89.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 69.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 285, прим. 124.

шюру конца XVIII в.; в этой брошюре идет речь о том, что усиленный труд в течение шести дней недели — такое же божеское установление, как и отдых на седьмой день ²³,

Характерно, что Маркс говорит: протестантизм сыграл крупную роль в генезисе капитала уже по одному тому, что увеличил число рабочих дней. Значит, он допускал мысль о крупной роли протестантизма в создании других, более существенных сторон капиталистических отношений. И он был совершенно прав, ибо увеличение числа рабочих дней — факт второстепенный сравнительно с той грандиозной ломкой общественных отношений, которая и составляет процесс возникновения капитализма. Но в чем же еще мог усматривать Маркс значение протестантизма для возникновения капитала? Не в создании ли того психологического типа, который нужен был капитализму и который мог сложиться лишь в результате ломки всей традиционной психики? На этот вопрос у Маркса нет прямого ответа, а есть лишь намек на ответ. Этот намек чувствуется в слове «традиционные праздники»: Маркс как бы хочет подчеркнуть факт ломки бытовой и религиозной традиции и ту роль, которую сыграл протестантизм в этой ломке. Но дальше подобных предположений мы не можем идти за отсутствием точных данных; нам важно лишь указать, что и Маркс не только высказывал мысль о соответствии протестантской религии буржуазным общественным отношениям, но и подчеркивал роль протестантизма в самом генезисе капитала.

В прочих приведенных нами цитатах Маркс совершенно определенно говорит о протестантизме как о порождении капитализма. В первой он делает ударение на абстрактном характере общественных отношений при капиталистическом строе и на абстрактном характере соответствующей им религиозности. Это замечание не случайно брошено Марксом именно в главе о товарном фетишизме, ибо как раз в этой главе Маркс вскрывает безличность и сверхличность людских отношений в капиталистическом обществе. Вспомним, что говорит Вебер о сверхличном характере пуританского индивидуализма в религии и хозяйстве (личное служение сверхличному богу в обществе путем деятельности, носящей сверхличный характер), — и сходство подмеченного Марксом и Вебером основного соответствия покажется разительным! Мы оставляем здесь пока в стороне вопрос о том, как объясняют Маркс и Вебер это соответствие, с какой стороны они к нему подходят, и намеренно фиксируем внимание на самом факте совпадения подмеченного ими обоими соответствия. Ибо, как увидим дальше, этот факт важнее всего для уразумения ценного в Вебере.

Упомянутое совпадение идет еще дальше: Маркс ставит аскетизм в связь с *produktive Konsumtion*, т. е. с приматом производства над потреблением, он заставляет протестантизм бороться с традиционализмом — точь-в-точь как это делает Вебер! И, наконец, самая идея Вебера о безличности накопления на заре капитализма — разве она не представляет собой модификации идеи Маркса о безличности капитала как общественной категории? Влияние Маркса на Вебера в постановке вопроса

²³ «An Essay on Trade and Commerce etc». London, 1770.

о генезисе капитала и о роли протестантизма в этом генезисе совершенно несомненно ²⁴.

Действительное расхождение между Вебером и Марксом начинается лишь с того момента, как Вебер приступает к выяснению этой роли протестантизма. Ход мыслей Вебера примерно таков: капитализму нужна была в эпоху его возникновения определенная хозяйственная психология и идеология. Но не он создал ее, или, точнее: он создал ее из материала, уже существовавшего до возникновения капитализма, — из материала религиозных верований. Последние развивались, следуя собственной внутренней закономерности, но, конечно, испытывая на себе и влияющие окружающей общественной обстановки. Но это не была обстановка капиталистического общества, ибо развивавшиеся по собственным законам религиозные учения Реформации создали субъективные предпосылки капитализма еще до сложения капиталистического общества. Капитализм лишь заставил служить себе эти уже ранее созревшие предпосылки, эти психические качества и идеологические устремления, которые в значительной мере были порождением протестантизма. Поэтому у Вебера нередко можно встретить выражения вроде следующего: «Там, где появляется капиталистический дух, он создает себе денежные богатства как средства и орудия своей деятельности, а не наоборот» (RS, I, S. 53), или: «Аскетический протестантизм принялся пропитывать своей методикой повседневную жизнь и преобразовывать ее» (S. 163).

Конечно, подобные формулировки, как и тот ход мыслей, который они выражают, очень далеки от Маркса. Но в большую ошибку впал бы тот, кто пожелал бы усмотреть в них философский идеализм, перенесенный на почву истории. Вебер — не идеалист и не материалист; он отвергает всякое философское рассмотрение общественного развития, пре-

²⁴ В одном только, впрочем весьма малосущественном, пункте Маркс и Вебер расходятся в оценке протестантизма, но и это расхождение несомненно основано на недоразумении — на том, что Маркс, специально не исследовавший этого вопроса, отождествил хозяйственную идеологию Лютера с хозяйственными учениями протестантизма и пуританства вообще. Маркс совершенно правильно подчеркивает некапиталистический характер лютеранства, вернее — его отсталость как капиталистической идеологии, и ставит в связь Лютерову проповедь умеренной торговли не с промышленным капитализмом, а с накоплением сокровищ. Вебер, оценивая Лютера как компромиссного мыслителя, остановившегося на полпути между католицизмом и пуританством, между хозяйственным традиционализмом и капиталистическим духом, идет, как видим, по столам Маркса. Но Маркс делает в этой связи несколько неожиданное заявление: «Впрочем, собиратель сокровищ, поскольку его аскетизм связан с деятельным трудолюбием, по своей религии в сущности — протестант и еще более пуританин». И вслед за тем приводит цитаты из книги Лютера *«Bücher vom Kaufhandel und Wucher»*, 1524. Это отождествление пуританства с идеологией накопления сокровищ встречается у Маркса только в одном месте: в сочинении «К критике политической экономии» (гл. II, § 3а — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 113). В «Капитале» пуританство рассматривается именно как идеология промышленного капитализма. Поэтому мы считаем себя вправе скинуть со счетов отождествление пуританства с идеологией образования сокровищ. Приведенное замечание Маркса по поводу Лютера интересно нам тем, что в нем еще раз подчеркнута связь протестантского аскетизма и повышенной работоспособности и оценка Лютера составляет как бы прообраз его оценки у Вебера.

небрежительно называя его «философией истории» или «метафизикой». Его позиция — эмпиризм, но не бессознательный, а намеренный, принципиальный. Единственная философская дисциплина, которую он считает возможным приводить в связь с эмпирической социологией и историей, — это логика. Но связь между ними остается и должна оставаться чисто формальной: логика ничему не учит, ничего не предписывает, не создает никаких исторических законов, не навязывает историку никаких правил, не предлагает ему никаких методов исследования. Она только изучает структуру тех понятий, при помощи которых эмпирическая наука исследует эмпирическую действительность. Логика истории анализирует те понятия, которыми историки фактически пользуются в своей работе. Она может делать открытия, но не ее дело заниматься изобретениями; она лишь уясняет историку методику его собственной работы.

Вебер всячески стремился изгнать из эмпирических наук об обществе элементы оценки — политической, историко-культурной, религиозной, моральной и эстетической. А во всякой философии, по его мнению, неизбежно содержатся оценочные суждения того или иного порядка, и поэтому попытка поставить ту или иную эмпирическую дисциплину в связь с философией неизбежно вносит в нее чуждые ей черты, нарушающие ее строго эмпирический характер. Этот интеллектуальный ригоризм Вебера, доходящий у него до последних мыслимых пределов, объясняет и его тяготение к формальной логике Риккерта, которое, на первый взгляд, кажется несколько странным и стоящим в противоречии с его собственной практической методикой. Из этого же ригоризма проистекает и принципиальный эмпиризм Вебера.

С точки зрения этого эмпиризма всякие философские суждения о том, что составляет базис общества и его надстройку, представляются лишь метафизическим гипостазированием логических категорий, которые сами по себе (как, например, категории базиса и надстройки) могут быть прекрасными орудиями познания до тех пор, пока их применяют, сознавая ограниченность их значимости. Вебер сам удачно сформулировал свою принципиально эмпирическую точку зрения в следующих словах: «Я отнюдь не намерен, — говорит он на последней странице своей «Протестантской этики», — поставить на место односторонне-материалистического каузального толкования культуры и истории столь же одностороннее спиритуалистическое каузальное их толкование. И то и другое толкование одинаково возможно, но оба одинаково мало помогают выяснению исторической истины, когда претендуют на то, чтобы служить не предварительным, а заключительным этапом исследования» (RS, I, S. 205—206).

Последняя оговорка Вебера отнюдь не является уступкой ненавистой «метафизике»: Вебер хочет лишь сказать, что «односторонне-материалистическая» и «односторонне-идеалистическая» точки зрения могут служить ценными эвристическими орудиями, удобными аспектами рассмотрения эмпирической действительности, но не могут являться целью этого рассмотрения. Методологическая позиция, охарактеризованная самим Вебером в цитированной нами формуле, неизбежно привела бы всякого другого, логически менее последовательного и исторически менее чуткого, уче-

ного к теории факторов. Но Вебер твердо стоит на почве принципиального эмпиризма. Теория факторов (о которой он прямо нигде ничего не говорит) молчаливо отвергается им, как метафизическая концепция. Ведь принять ее — значило бы для Вебера попеременно возводить в степень метафизических субстанций то материальные, то духовные причины исторических явлений, т. е. постоянно становиться то на точку зрения материализма, то на точку зрения идеализма, — и притом в философском, а не в чисто методологическом их значении. А это значило бы, что интеллектуальный ригоризм Вебера утратил бы всякий смысл. Поэтому Вебер не дает никакой теории взаимодействия факторов, у него нет последовательного философского плюрализма. Он лишь эмпирически, казуально рассматривает взаимодействия конкретных исторических явлений.

Когда ему приходится ставить вопрос о связи явлений из различных сторон общественной жизни (а изучением этой связи он занимается во всех своих конкретно-исторических работах), он лишь указывает на соответствие, прослеживает его исторические корни, но не дает философского его объяснения. Объяснение, даваемое в таких случаях Вебером, исчерпывается обычно тем, что он указывает, как и почему складывалось это соответствие, если проследить его генезис под каким-нибудь одним углом зрения (если предположить, скажем, что религиозные явления послужили на этот раз причиной экономических или наоборот).

При этом Вебер отнюдь не думает, что так оно и было в действительности. Он лишь задается целью показать, как представится нам исторический процесс, рассмотренный так, «как если бы» он определялся религиозными или экономическими факторами. Но это «как если бы» — не «фикция», не простая «игра ума»: оно — эвристическое орудие, дающее возможность установить, какова на самом деле была в каждом данном случае доля причинного влияния религиозных явлений на экономические и наоборот ²⁵.

Поэтому Вебер всегда и говорит в таких случаях не о взаимной обусловленности разных сторон общественного целого, принимающей форму закона, а об их адекватности друг другу. «Капиталистическая форма хозяйства, — говорит он, например, — и дух, в котором оно ведется, находятся, правда, в отношении постоянной адекватности друг к другу, но не в отношении «закономерной» зависимости друг от друга. И если мы все-таки обозначаем здесь то мировоззрение, которое ... стремится к профессионально-систематическому и рационально-законному добыванию прибыли, предварительным термином: «дух (современного) капитализма», — то это происходит по той исторической причине, что это мировоззрение нашло самую адекватную форму в современном капиталистическом предприятии, а капиталистическое предприятие нашло в этом мировоззрении самую адекватную духовную движущую силу своего развития» (RS, I, S. 49).

²⁵ Отсюда ясно, что этот прием эмпирического рассмотрения исторических явлений ничего общего не имеет с «фикционализмом» в духе Файхингера и его «Философии «как бы»», («Philosophie des Als-ob»), которая представляет собой в сущности метафизическую концепцию.

В некоторых других местах «Социологии религий» Вебер обозначает связь различных сторон общественной жизни еще более неопределенным словом *wahlverwandt*. Так, он считает нужным исследовать *Wahlverwandtschaften*, существующие между известными формами религиозной веры и этикой призвания (S. 83); кальвинизм представляется ему *wahlverwandt* психологии капиталистических предпринимателей (S. 145); он намечает *Wahlverwandtschaften* между буржуазией и определенными типами религиозности (S. 256). Число примеров можно было бы увеличить, но в этом нет надобности: все они свидетельствуют об одном и том же, а именно о том, что Вебер опасается говорить о закономерной взаимной обусловленности различных сторон общественной жизни, стараясь заменить прямые указания на наличие такой обусловленности возможно менее определенными высказываниями об «адекватности» и «внутреннем родстве». Правда, как увидим дальше, и эта «адекватность» имеет у Вебера вполне реальный смысл и даже ставится им в тесную связь с причинностью. Но она, во всяком случае, не тождественна той зависимости, которая может быть выражена в форме закона.

Мы оставляем пока в стороне анализ категорий «адекватности» и «объективной возможности» у Вебера. О них будет еще речь впереди. Здесь мы хотели только подчеркнуть принципиальный эмпиризм Вебера и его сознательный отказ от философии общества, ибо в этом и заключается, собственно, самое глубокое — и, пожалуй, единственное глубокое, — отличие Вебера-социолога от Маркса. Однако оно остается у Вебера отличием в сфере гносеологической и оказывает сравнительно мало влияния на его конкретную историко-социологическую работу — во всяком случае меньше, чем можно было бы ожидать.

Это происходит потому, что Вебер и здесь нередко становится на свою излюбленную позицию — «как если бы». В некоторых местах «Социологии религий» он как будто рассуждает примерно следующим образом: «Допустим, что я — не принципиальный эмпирик, а сторонник исторического материализма. Как должен я в таком случае рассматривать соотнесения между религиозными и экономическими явлениями? Так-то и так-то (далее идет рассмотрение, по духу очень близкое к материалистическому). Но все это — лишь эвристический прием. Я вовсе не убежден в примате базиса над надстройкой и в прочих постулатах исторического материализма. Я воспользовался ими только для того, чтобы удобнее осветить ряд исторических явлений: я только на первое время нарядился в философские одеяния материализма. Теперь, когда они сослужили мне ту весьма ограниченную, хотя и важную, службу, которую могли сослужить, я сбрасываю их с себя и вновь заявляю: я не верю в то, что они могут служить какую угодно службу, что при помощи этих волшебных одеяний можно проникнуть «и в нищую хату, и в царский чертог». Я эмпирик; чисто эмпирические цели ставлю я себе и даже философские средства пускаю в ход только для достижения этих эмпирических целей».

Эта фантастическая, но, как нам кажется, довольно правдоподобная речь, вложенная нами в уста Вебера, ясно показывает, что на практике его эмпиризм насковзь пропитан философским влиянием Маркса. И даже

тогда, когда Вебер не пользуется философскими средствами как эвристическим приемом, его практические выводы поражают своей близостью к Марксу, и не будь его методологических заявлений, можно было бы принять его за бессознательного последователя Маркса, не отдающего себе отчета в собственной методике. Но Вебер достаточно часто и вполне сознательно пользуется категориями исторического материализма как эвристическим приемом, и часто на время превращается в сторонника исторического материализма. Как объяснить иначе такое, например, общее суждение Вебера, которое странно звучало бы в устах эмпирика, никогда не прибегающего к философским категориям: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи руководят непосредственно поступками людей» (RS, I, S. 252)? Как объяснить иначе то обстоятельство, что Вебер рассматривает связь различных сторон общественной жизни всегда под углом зрения «базиса — надстройки»?

Отвергая принципиально исторический материализм как метафизическую концепцию, называя свою «Протестантскую этику» «положительным преодолением материалистического толкования истории»²⁶, Вебер на практике широко пользовался категориями Маркса. И сколько бы он ни говорил о том, что это — лишь эвристический прием, факт остается фактом. Ведь приемы и методы тоже обязывают. И в них есть своя логика, связывающая того, как пользуется ими. Сознательно применяя марксистские категории, как средства для своих целей, невольно приходишь к марксистским выводам, ибо между целями и средствами исторического познания существует теснейшая связь. И Вебер в конкретной исследовательской работе неоднократно приходил к марксистским выводам. То, что кажется в них немарксистским, относится больше к формулировке, чем к содержанию, и нередко легко поддается «переводу на марксистский язык». Мы приведем сейчас несколько примеров, сделаем несколько опытов такого «перевода».

Вебер часто пользуется в своих социологических работах понятиями «харизма» и «повседневность». Харизматическим господством он называет такой тип господства, который психологически основан на каких-либо качествах властителя, выходящих за пределы обычного и повседневного. «Харизма» иррациональна и враждебна всякому традиционализму; ее психологический источник — авторитет властителя и авторитетность и неоспоримость его высказываний, а отнюдь не уважение к правовым или политическим нормам. Маг, религиозный пророк, цезаристский властитель, предводитель охотничьего племени, военный вождь, глава партии — вот основные разновидности типа харизматического властителя.

«Харизме» противостоит «повседневность», т. е. обычный строй жизни, медленно слагавшийся в ходе исторического развития. С этой точки зре-

²⁶ По словам Марианны Вебер, Макс Вебер читал в Венском университете в 1917—1918 гг. лекции по социологии религий под заглавием: «Позитивное преодоление материалистического понимания истории» («Die positive Überwindung der materialistischen Geschichtsauffassung»). Ударение делалось при этом на слове «позитивный». Негативную критику исторического материализма Вебер считал бесплодной и жестоко обрушился за нее на Штаммлера. Ср. *Marianne Weber. Max Weber. Ein Lebensbild*. Heidelberg, 1950; 1-е изд. — Tübingen, 1926.

ния влияние Кальвина в Женеве, например, имело своим психологическим источником харизматические качества самого Кальвина как религиозного реформатора, в то время как власть римского папы носила традиционалистский характер и имела свои корни в «повседневности». При поверхностном взгляде на эту классификацию она может показаться бесцельной, причудливой и идеалистичной. Однако она имеет очень мало общего с идеализмом и является в руках Вебера прекрасным орудием историко-социологического исследования. При более внимательном ознакомлении с этой классификацией обнаруживается, что под «повседневностью» Вебер понимает исторически сложившийся экономический строй данного общества, а под «харизмой» — те явления духовного порядка, которые выражают идеологию и психологию нового хозяйственного строя, идущего на смену старому.

Противопоставлением «харизмы» и «повседневности» Вебер стремится выразить борьбу отживающих общественных форм с новыми, вырастающими из них и выходящими в качестве первых своих предвестников харизматических властителей, этих идеологов нового. Их появление всегда знаменует, по Веберу, эпоху перелома, революции. Но революция по самому существу своему враждебна всякому традиционализму, всему тому, что веками отливало в определенные формы и застыло в них. Поэтому-то Вебер и обозначает тот старый экономический порядок, с которым борется харизма, словом «повседневность». Ибо оно достаточно широко для того, чтобы вместить в себя различные типы этой борьбы; оно дает лишь общие рамки, в которых удобно размещаются конкретные исторические явления.

Наше толкование понятий «харизма» и «повседневность» отнюдь не является насилием над Вебером; оно не навязывает ему мыслей, чуждых и не свойственных его социологии. Наоборот, сам Вебер называет «повседневностью» именно хозяйственную действительность (RS, I, S.261) и противопоставляет ей «харизму» именно в указанном выше смысле. Мало того, он набрасывает даже общие контуры процесса превращения «харизмы» в повседневность. Процесс этот, по Веберу, заключается в следующем: харизматический властитель, резко порывающий с традиционными формами экономического быта, вначале относится отрицательно ко всякой традиции, ко всякому быту как таковому. Но как только его деятельность находит отклик в массах, так сейчас же в ней начинают появляться известные элементы традиционализма. Вначале они малозаметны, но постепенно вместо старой традиции создается новая: политический властитель обрывает целым штатом нового чиновничества, военный вождь — штатом новых генералов и командиров, партийный руководитель собирает вокруг себя все более многочисленную партию, религиозный пророк создает в конце концов новую церковь. Люди, окружающие харизматического властителя, вербуются из новых общественных слоев, идущих на смену старым; он сам — homo novus, и новые люди окружают его. Да и самое создание новой традиции возможно лишь путем приспособления к новым потребностям экономического развития. Это в сущности и есть содержание процесса Veralltäglichung der Charisma.

Говоря о религиозной харизме, Вебер замечает: «Характер тех уступок, которые представители виртуозной религии спасения вынуждены были делать повседневной религиозности, определяет в первую очередь характер религиозного влияния харизмы на повседневность; а эти уступки делались для того, чтобы завербовать материальные и идеальные интересы масс» (RS, I, S. 261). В переводе на марксистский язык эта формулировка Вебера будет звучать примерно так: религиозная харизма вынуждена приспособляться к потребностям повседневности, т. е. религия вынуждена приспособляться к потребностям экономического развития, и чем лучше она к ним приспособляется, тем больше она влияет на экономику. Другими словами, религия может оказывать влияние на экономическую жизнь, лишь приспособляясь к ней: она приспособляется для того, чтобы влиять на нее, и влияет потому, что сумела к ней приспособиться.

Блестящий пример такого влияния религии на экономическое развитие через приспособление к его потребностям дает нам историческая судьба пуританизма в изображении Вебера. Марксист сказал бы, что здесь перед нами — обратное влияние надстройки на базис. Вся работа Вебера о протестантской этике представляет собой, с точки зрения марксизма, анализ такого обратного влияния. Вот — первый образчик того, как близко иногда подходит к марксизму практическая методика Вебера и как его формулировки о базисе и надстройке иногда лишь терминологически отличаются от Марксовых. Другой, еще более яркий пример находим в формулировках Вебера, посвященных связи религии, хозяйственной этики, хозяйственного строя и жизненного поведения верующих.

«Хозяйственная этика, — говорит Вебер, — не есть простая функция форм хозяйственной организации, но она одна отнюдь не создает эти формы из себя. Никакая хозяйственная этика никогда не была детерминирована только религиозно. Само собою разумеется, что она в высшей степени обладает собственной закономерностью, обусловленной естественно-географической и исторической обстановкой... Но, во всяком случае, одной из детерминант хозяйственной этики (мы подчеркиваем: одной из них!) является религиозная обусловленность жизненного поведения.

Но и характер этой религиозной обусловленности жизненного поведения, конечно, в свою очередь, в сильной степени определяется экономическими и политическими моментами, которые воздействуют на него в рамках данной географической, политической, социальной, национальной обстановки. Стремление изобразить эти зависимости во всех подробностях было бы равносильно плаванью по безбрежному морю. Поэтому в нашем изложении может идти речь только о попытках выделить определяющие элементы жизненного поведения тех социальных слоев, которые сильнее всего повлияли на практическую этику данной религии» (RS, I, S. 238—239).

Здесь Вебер строит большое четырехэтажное здание: «экономическая и историческая обстановка» составляет нижний этаж его; далее идет «жизненное поведение», потом «хозяйственная этика» и, наконец, религия и религиозная этика. Вебер считает невозможным проследить все взаимосвязи этих переплетающихся сфер общественной жизни, усилен-

но подчеркивает их взаимную обусловленность и как будто становится практически на точку зрения плюралиста. А между тем, если разобраться в ходе его мыслей, они приведут нас к уже знакомым выводам. В самом деле. Экономические условия, по Веберу, иногда и непосредственно определяют характер хозяйственной этики. Но это далеко не всегда бывает именно так. Даже более того, всегда хозяйственная этика отчасти определяется и религиозными моментами, влияющими на жизненное поведение людей. Но самое влияние религии на жизненное поведение, а через него на хозяйственную этику, в свою очередь, обусловлено экономически (вспомним приспособление «харизмы» к «повседневности»!)

Таким образом, экономика может влиять на образ жизни, а через него на хозяйственную этику опосредствованно, т. е. через религию. Или: экономика определяет характер того влияния, которое оказывает религия на жизненное поведение людей, а через него — на хозяйственную этику. А отсюда следует: экономика редко влияет на хозяйственную этику непосредственно, а большей частью — опосредствованно. Следовательно, заявление Вебера о том, что «хозяйственная этика не есть простая функция хозяйственных форм», вовсе не содержит отрицания зависимости «надстройки» от «базиса» — его надо понимать, очевидно, так: «хозяйственная этика есть сложная функция хозяйственных форм». В отрицательной формуле Вебера логическое ударение надо делать, по-видимому, не на слове «функция», а на слове «простая».

В приведенных суждениях Вебера хозяйственная этика играет роль «надстройки», «базис» обозначается в общем виде — как экономическая обстановка, а конкретно, — как «социальный слой». Между «базисом» и «надстройкой» вдвигается ряд промежуточных звеньев, усложняющих построение и придающих ему предельную историческую насыщенность. При этом «надстройка» разложена на составные части и ближе всего к базису оказывается один из ее элементов: через религиозную обусловленность жизненного поведения влияет тот или иной социальный слой на характер соответствующей ему хозяйственной этики. Вебер как будто склонен относить к характерным признакам социального слоя не только экономическое положение его и жизненное поведение его членов, но и его идеологию. Как не вспомнить здесь тонкого замечания Трельча о том, что в самом базисе у Вебера заключены элементы надстройки?²⁷

²⁷ Впрочем, Трельч несколько преувеличивает значение подмеченного им нюанса в толковании «базиса» и «надстройки» у Вебера и объясняет его по-своему. Вот что он говорит: «Великие периоды истории культуры действительно лучше всего характеризовать по отличительным чертам их базиса. Эта характеристика станет еще более обоснованной, когда будет показано, что в самом базисе уже находится нечто своеобразное в духовном отношении, свойственное данной культуре, и оно придает особые оттенки и особое направление даже самым элементарным явлениям жизни». В качестве образчиков такого толкования базиса Трельч проводит понятие «капиталистического духа» у Зомбарта и Вебера. Нам представляется, что замечание Трельча в большей мере относится к первому, чем ко второму, особенно в той формулировке, в которую он его облек (см. *E. Troeltsch. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922, S. 350, Anm. 176; ср. также S. 345*).

По существу и в этом нет ничего, что решительно противоречило бы пониманию «базиса» и «надстройки» у самого Маркса,— если только не придавать этой особенности Веберова толкования Марксовых категорий того метафизического оттенка, который стремится придать ему Трельч. Маркс ведь различал «класс в себе» и «класс для себя» и считал развитым, сложившимся классом лишь тот, который является носителем определенно выраженной идеологии, т. е. обладает классовым самосознанием. Подобно этому Вебер различает «материальные» и «идеальные» интересы и противопоставляет те и другие идеям (S. 252); последние, по его мнению, устанавливают лишь вехи того пути, в пределах которого динамика интересов определяет поступки людей.

Охарактеризованный нами ход мыслей мы встречаем еще раз в рассуждениях Вебера об отношении рациональных элементов религии спасения души (ее «учения») к иррациональным ее элементам (вере). Рациональные концепции бога (особенно надмирского личного бога) складывались, по Веберу, под влиянием исторических причин. Вебер подчеркивает значение социальных моментов в формировании религиозной догмы и влияние этой догмы на эмоциональные элементы религии — в противовес некоторым исследователям, которые склонны придавать решающее значение только последним. «Рациональные элементы религии, ее учение,— говорит Вебер,— ... имеют тоже свои закономерности (развития), и религиозная программа спасения души, вытекающая из тех или иных представлений о боге и мире, тоже имеет иногда очень серьезные последствия в деле формирования практического жизненного поведения» (RS, I, S. 258—259).

Здесь перед нами, по-видимому, опять то же знакомое соотношение разных элементов базиса и надстройки. «Учение» религии, ее догма определяется социальными моментами и, в свою очередь, оказывает влияние на практическое жизненное поведение. Другими словами, «базис» (т. е. «социальные моменты», под которыми следует разумеать социальных носителей данной религии) определяет характер одной части надстройки (т. е. религиозной догмы), а она оказывает влияние на другие ее части (т. е. на эмоциональное содержание религии, на ее веру) и через это влияние опосредствованно воздействует на жизненное поведение. Все это опять-таки поддается переводу на марксистский язык.

Но тут невольно возникает вопрос: к чему такая сложность? Если построения Вебера действительно так близки к Марксову толкованию «базиса» и «надстройки», как нам это представляется, то почему Вебер вводит так много промежуточных звеньев? Почему у него столько перекрещивающихся взаимных влияний, почему надстройка разложена на составные элементы и они поставлены в такие причудливые сочетания друг с другом и с базисом? Почему, наконец, и базис разложен на элементы и вместо привычных для марксиста классовых интересов фигурируют «материальные» интересы (определяемые социальным положением) и интересы «идеальные» (заинтересованность известных социальных слоев в обладании некоторыми духовными ценностями — например определенной религиозной квалификацией)? (ср. RS, I, S. 252;

253, 259—260). На все эти вопросы можно дать очень простой ответ. Сложность построений Вебера проистекает не из его склонности к «гимнастике ума» и не из желания во что бы то ни стало поставить свою терминологию на место терминологии Маркса — она вызывается самими потребностями и задачами историко-социологического исследования. В знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс дал гениальную схему взаимоотношений различных сторон общественного целого. Пока речь идет об основных принципах общественного развития, эта схема прекрасно выполняет свое назначение, не нуждаясь ни в какой конкретизации. Но когда исследователь хочет приступить к анализу конкретных исторических процессов, оставаясь на почве Марксова учения о «базисе» и «надстройке», ему *volens nolens* приходится усложнять эту схему, наполняя ее живым содержанием исторической действительности. Так должен поступать не только всякий ученый, близкий к марксизму, но и всякий подлинный марксист, ибо только при такой конкретизации Марксовых формул они приобретают свойственную им гибкость и диалектичность, ничего не теряя в своем принципиальном значении.

Для нас неважно в данной связи, признает или не признает их принципиальное значение Вебер. Пусть он не признает их. Но из этого еще не следует, что марксизм должен отвергнуть все его попытки конкретизировать абстракции и категории Маркса — попытки, которые он предпринял, применяя эти категории в процессе исследовательской работы. Наоборот, марксизм должен принять их, сохраняя философское значение учения Маркса во всей его неприкосновенности. Ибо попытки Вебера представляют собой очень поучительный пример того, как можно соединить широкие социологические обобщения с величайшей конкретностью исторического изложения, как можно материалистически (по методу, по крайней мере) анализировать тончайшие нюансы идеологии, ни на минуту не впадая в схематизм... Все это заслуживает внимания марксистов, которые могут и должны использовать конкретную методiku Вебера, поставив ее в рамки Марксова учения и соответственно видоизменив некоторые ее особенности. Принятие конкретно-исторической методики и методологии (отнюдь не логики!) Вебера, выросшей в сущности из марксизма..., способно оказать ему большую услугу в области исторического исследования, Ибо в том-то и состоит главная заслуга Вебера перед наукой..., что он дал образчики удачного исторического анализа взаимоотношения различных сторон общественного целого и сделал это на практике, а не в теории, широко используя при этом учение об обратном влиянии надстройки на базис. В этом смысле он — по духу, если не по букве — является последователем Маркса на почве истории.

И еще в одном смысле Вебер испытал на себе сильное влияние Маркса. Несмотря на свою враждебность к Гегелю, он изображает эволюцию религиозных идей пуританства диалектически: исходя в своем развитии от известного пункта, эти идеи, как мы видели, переходят в иное качество — религиозная этика мирского аскетизма превращается в хозяйственную этику капитализма. Трёльч также подметил диалектич-

ность историко-социологических построений Вебера и дал даже характеристику его работ в главе о марксистской диалектике. Вот что пишет Трёльх по этому поводу: «Макс Вебер... заявил, что он методологически примыкает к Риккерту, а это означает отказ от всякого диалектического или органологического понимания развития... Но в его практической исследовательской работе преобладает интеллектуальное воззрение больших социологических комплексов и обширных взаимозависимостей развития. В этом пункте на него оказал, по-видимому, глубокое и длительное влияние именно Маркс»²⁸.

Но помимо этих черт методики Вебера, роднящих его с Марксом, в его конкретно-исторических работах, и в частности в «Социологии религий», встречаются следы методологии Риккерта, а также методические приемы, составляющие особенность самого Вебера и резко отличающие его от всех прочих мыслителей и исследователей в области общественных наук. Обратимся теперь к этим совершенно своеобразным приемам Вебера. Мы ограничимся исключительно методологическим и методическим их разбором. Говоря об «историческом индивидууме», «идеальном типе», «адекватной обусловленности» и т. д., мы будем иметь в виду не чисто логическую структуру этих категорий и не их гносеологическое значение, а исключительно их применение в практике исторической исследовательской работы. Мы сознательно ограничиваем нашу задачу, ибо для установления различия между логикой и эмпирической социологией Вебера необходимо предварительно ясно представить себе сущность методики и методологии Вебера не в ее чисто теоретическом обосновании, а в практическом ее проявлении.

При первом ознакомлении с социологией религий Вебера может сложиться такое впечатление, что Вебер исходит не из понятий «общества», а из Риккертова понятия «исторического индивидуума». Именно он, а не общество как целое составляет как будто объект исследований Вебера. Кажется, что познание «исторического индивидуума» является главной его целью. Но уже самое сравнение того толкования, которое Вебер придает на практике понятию «исторического индивидуума», с тем его определением, какое мы находим у Риккерта, показывает, что это первое впечатление ошибочно. Для Риккерта «исторический индивидуум» — «многообразие, ценное благодаря своему своеобразию»²⁹. Он становится объектом исторического познания потому, что целью исторического рассмотрения культуры, по Риккерту, является именно уловление неповторяемого, своеобразного и индивидуального как такового, а цель науки определяет ее характер. Субъект формирует объект. Он преодолевает интенсивное и экстенсивное многообразие культурной действительности при помощи отнесения явлений к их культурной ценности, которое дает ему возможность строить из материала этой действительности исторические индивидуумы, отличающиеся единством, несмотря на заключенное в них многообразие. Это единство есть в то же время и неповто-

²⁸ E. Troeltsch. Op. cit., S. 368.

²⁹ Г. Риккерт. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903, стр. 417.

ряемость, ибо именно она и превращает данное многообразие культурных явлений в «исторический индивидуум». Такое превращение происходит благодаря тому, что то или иное явление, имеющее неповторимое культурное значение, становится центром данного многообразия путем теоретического отнесения данного явления к общезначимой ценности. В соответствии с этим Риккерт дает следующее определение «исторического индивидуума»: *Endlich konnten wir das historische Individuum als die Wirklichkeit bestimmen, die sich durch bloß theoretische Beziehung auf einen allgemeinen Wert zu einer einzigartigen und einheitlichen Mannigfaltigkeit für jeden zusammenschliesst*³⁰. Историческое познание этого индивидуума Риккерт представляет как разложение его — при помощи все того же теоретического отнесения к ценности — на существенные и несущественные составные части.

Итак, главные отличительные признаки «исторического индивидуума» Риккерта: 1) неповторяемость и своеобразие, 2) единство в многообразии. Как бы ни был сложен по своему составу исторический индивидуум, главное в нем все же остается неповторимым, и именно это не повторимое делает его индивидуумом. Более того, Риккерт склонен считать «историческими индивидуумами» в строгом смысле этого слова (или абсолютно-историческими понятиями) только те индивидуумы, которые своеобразны и неповторимы во всех своих частях; остальные он относит к особой группе относительно-исторических понятий.

Совсем не то у Вебера. Он, правда, воспринял у Риккерта понятие «исторического индивидуума», но сильно модифицировал его. В социологии религий Вебер определяет исторический индивидуум как комплекс связей в исторической действительности, которые мы в понятии соединяем в одно целое под углом зрения их культурного значения (RS, I, S. 30). Место «отнесения к общезначимой ценности» заняло здесь гораздо более неопределенное понятие «культурного значения»; отмечена сложность исторического индивидуума, которую Вебер не устает подчеркивать чуть ли не каждый раз, когда о нем заходит речь (ср. RS, I, S. 264—265).

Какова сложность его состава в представлениях Вебера, показывает уже тот факт, что он называет «историческим индивидуумом» объект, к которому прилагает обозначение: «капиталистический дух». А между тем сложность структуры «капиталистического духа» такова, что в него входят не только своеобразные и неповторимые элементы, но и некоторые повторяющиеся черты. Вебер в своей работе показал, из каких своеобразных модификаций повторяющихся мотивов складывается та идеология, которую он назвал «капиталистическим духом». Такой «исторический индивидуум» Риккерт в лучшем случае поместил бы в группу относительно-исторических понятий, *Kollektivbegriffe*. Но Вебера как

³⁰ *H. Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 5. Aufl. Tübingen, 1929, S. 337. «И наконец, мы определили исторический индивидуум как действительность, которая путем чисто теоретического отнесения ее к общезначимой ценности складывается для каждого в неповторимое и единое многообразие...» — Ред.).*

раз и интересуют именно они. Он на практике совершенно игнорирует Риккертово деление понятий на абсолютно- и относительно-исторические (Individual- и Kollektivbegriffe) и тем самым выходит за пределы учения Риккерта об историческом индивидууме. Это понятие оказывается недостаточным для его основной цели — нахождения повторяющегося в своеобразном, общего в индивидуальном, поэтому он оперирует понятием «идеального типа».

Идеально-типическое понятие представляет собою усиление известных черт данной совокупности культурных явлений до степени утопичности. При этом отыскиваются именно те ее черты, которые являются наиболее характерными и существенными для нее и в то же время в различной мере свойственны и другим культурным явлениям. Именно по этой последней причине идеальный тип и является типом. Он, кроме того, представляет собой идеальный тип потому, что указанные черты взяты в их идеальном виде, т. е. в том виде, в котором они никогда не могут существовать ни в какой конкретной действительности, но который они примут, если логически продумать их до последних пределов.

Мы пока оставляем в стороне вопрос о том, на каких основаниях производится выбор таких черт и их возведение в идеальность. Здесь важно лишь отметить, что идеально-типическая конструкция представляет собой своего рода масштаб или (как в одном месте выражается Вебер) аппарат для измерения действительных отношений. Мы уже указывали в начале нашей работы, что вся «социология религий» построена идеально-типически. Теперь мы познакомились с некоторыми отдельными идеально-типическими понятиями Вебера. «Харизма», «повседневность», «традиционализм» и т. п. — все это понятия идеально-типические: они не совпадают ни с какой действительностью и являются, как мы видели, усилением некоторых черт, присущих различным комплексам культурной действительности одного и того же рода и каждому из них в отдельности (вспомним различные виды харизматического господства). Идеальный тип есть, конечно, общее понятие, особый вид изолирующей абстракции. Но Вебер называет идеальными типами не только общие понятия, приложимые к повторяющимся элементам различных культурных явлений. Он идет еще дальше: для него «идеальными типами» являются сплошь и рядом понятия, приложимые к вполне определенным и своеобразным историческим феноменам. С его точки зрения, идеально-типичны такие понятия, как «капиталистический дух», «протестантская этика» и т. д. Больше того, даже экономические категории буржуазного общества, установленные Марксом, и Марксовы эволюционные построения Вебер прямо называет идеально-типическими. Для него и «капитализм» — идеально-типическое понятие³¹. Начиная с этого пункта, Вебер окончательно покидает почву Риккертовой логики. Ибо по ней такое расширительное толкование идеального типа вдвойне неправомерно: во-первых, нельзя прилагать недействительные, утопичные, фантастические категории к живому и реальному целому — историческому индивидууму; во-

³¹ См. M. Weber. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1922, S. 204—205.

вторых, нельзя познать этот индивидуум при помощи общих понятий, каковыми несомненно являются «идеальные типы». Поэтому их можно прилагать лишь к составным частям исторического индивидуума, заключающим в себе элементы общего, но не к самому индивидууму как таковому, ибо его можно охарактеризовать лишь индивидуальным, а не общим понятием.

Это расхождение Вебера с Риккертом дало повод Шельтингу упрекнуть Вебера в непоследовательности, заподозрить в двусмысленности его понятия идеального типа³². Но упрек основан на недоразумении. Шельтинг думает, что Вебер во что бы то ни стало хочет остаться на почве Риккертовой логики. Оставаясь на ее почве, он, конечно, впал бы в противоречие, прилагая идеальные типы к совершенно неповторимым историческим индивидуумам. Но в том-то и дело, что Вебер как историк и социолог преследует свои цели, резко отличные от тех целей, которые ставит себе идеальный историк, нарисованный Риккертом. Вебер вовсе не стремится познавать неповторяемое индивидуальное только в его неповторяемости. Напротив, он ищет в каждом своеобразном историческом целом повторяющихся черт и особенностей, которые в иных комбинациях, в другой форме, в более или менее развитом виде могут войти в состав иного, столь же своеобразного исторического целого. Вот для этой цели ему и нужны идеальные типы: они позволяют находить абстрактно-типическое в индивидуальном, не превращая его в экземпляр родового понятия, т. е. сохраняя в неприкосновенности всю его индивидуальность.

«Мы намеренно рассматривали идеальный тип,— говорит Вебер,— как конструкцию, которую создает наше мышление для того, чтобы измерять... индивидуальные связи, т. е. связи, имеющие значение в их своеобразии, как, например, христианство, капитализм и т. д. Мы сделали это для того, чтобы устранить ходячее представление, будто в области культурных явлений абстрактно-типическое тождественно абстрактно-родовому (*abstrakt gattungsmässig*). Такое совпадение не имеет места»³³. Вебер и показывает на практике, как абстрактно-типическое может сочетаться с индивидуальным: его идеально-типическое построение связи протестантской этики и «капиталистического духа» дает яркое представление об индивидуальных особенностях процесса зарождения современного капитализма. Но оно в то же время вскрывает и ряд общих элементов, характерных для связи религиозной и хозяйственной этики вообще, оно уясняет самую структуру этой связи и позволяет использовать ее знание для широких типологических построений социологии религий. Познавание общего открывает у Вебера путь к познанию индивидуального, и наоборот. Рукою Вебера стерта резкая грань, проведенная Риккертом между индивидуальным и общим. Все индивидуальное и «неповторяемое» состоит из общего, и своеобразие разных индивидуальных кон-

³² A. v. Schelting. Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaften von M. Weber etc.— «Archiv für Sozialwiss.», 1922, H. 3, S. 732—735 ff.

³³ M. Weber. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 201.

стелляций сводится к своеобразию их структуры; их неповторяемость становится, таким образом, относительной.

С другой стороны, общее дано нам в истории только как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого. Чтобы познать общее как таковое, необходимо выделить его из целого ряда таких исторических целых, найдя в них то, что является общим для них всех. Чтобы познать индивидуальное как таковое, надо выделить те его стороны, которые общи различным индивидуальным констелляциям, и затем понять тот принцип их связи друг с другом, который составляет особенность данной констелляции в отличие от других. Все это, как видим, бесконечно далеко от Риккерта.

И еще в одном существенном пункте Вебер отошел от него. У Риккерта самый объект исторической науки формируется познающим субъектом в понятие «исторического индивидуума». Без этого формирования и до него никакого «индивидуума» нет, а есть лишь интенсивное и экстенсивное многообразие действительности. «Идеальный тип» Вебера ничего не формирует в том смысле, что он ничего не создает заново. Он лишь ориентирует исследователя в действительности, ничего не предписывая ей. Он — орудие познания исторической действительности, взятое из нее самой. Результаты исследования, предпринятого при помощи этого орудия, могут дать, правда, целую идеально-типическую картину (например, картину связи пуританской или конфуцианской религии с соответствующей хозяйственной этикой); такое широкое идеально-типическое построение может стать и целью историка. Не следует только принимать его за самую действительность.

Можно построить и идеально-типическую картину развития. Вебер проделывает такой опыт в одном месте «Социологии религий», где он строит ряд ступеней религиозного неприятия мира и намечает ряд конфликтов религии спасения души с различными сторонами общественного строя сменяющихся эпох — с родовым бытом, экономическим и политическим порядком, с эстетической, эротической и интеллектуальной сферой (ср. RS, I, S. 542—565). Каждая из этих ступеней конструирована Вебером идеально-типически, и последовательность их дает представление об общем направлении развития. Это представление, конечно, статично, а не диалектично, но Вебер и рассматривает его в данном случае лишь как схему, служащую ориентиром (S. 536). Мы видели на примере «Протестантской этики», что в тех случаях, когда идет речь о цели познания, Вебер на практике изображает процесс развития диалектически.

Чаще всего Вебер применяет в своих работах один, особый вид идеально-типического понятия: он конструирует идеальный тип рациональных человеческих действий. Такая конструкция исходит из следующих предпосылок: люди вкладывают в свои действия известный смысл, известные представления о цели; поступки, направленные к достижению целей, они рассматривают как средства. Историка эти субъективные представления людей интересуют, конечно, не с телеологической, а только с каузальной точки зрения. При этом речь идет не о психологии индивидуумов, а о логическом построении субъективного смысла их действий.

Стараясь понять этот субъективный смысл человеческих действий, историк рассматривает их субъективную цель как то представление о желаемом результате поступков, которое на практике является причиной этих поступков. Люди действуют, однако, в известной общественной обстановке; их деятельность только в том случае может иметь осязаемые результаты, когда она ориентируется на объективные общественные условия. Поступки, основанные на точном знании и использовании этих условий, Вебер называет «рациональными». Но эта «рациональность» может быть названа объективной только в том случае, если учет общественных условий был сделан правильно и поэтому поступок имел тот эффект, который и был целью совершившего его лица.

Далеко не всегда это бывает так. Весьма часто субъективная рациональность не совпадает с объективной. Часто и отдельные лица, и целые общественные группы и классы действуют, учитывая объективную возможность успеха, и все же не достигают его. Это происходит тогда, когда в общественной жизни имеются условия, препятствующие успеху именно этих действий и не поддающиеся учету с точки зрения данных лиц или классов. Им кажется, что они действуют рационально, ибо они ориентировались на «объективную возможность», но в действительности их действия иррациональны. Ведь категория «объективной возможности» обнимает лишь совокупность тех шансов, которые могут — в силу объективных общественных условий — осуществиться в действительности; но они могут и не осуществиться, ибо всегда налицо может оказаться действие причин, меняющих общественную ситуацию. В тех случаях, когда совокупность возможных условий, благоприятных данному историческому явлению, перевешивает действие условий, препятствующих ему, Вебер говорит об «адекватной обусловленности» этого явления.

Но возможен и другой случай: препятствующие данному явлению условия могут быть так сильны, что они модифицируют его характер до неузнаваемости. «Рациональный» идеальный тип может служить орудием ориентировки во всех этих запутанных причинных связях. Он конструируется следующим образом: берется совокупность действий или устремлений лица или общественной группы, рационально направленных к достижению определенных целей; этим действиям и устремлениям историк на основании понимания их субъективного смысла мысленно сообщает величайшую степень внутренней последовательности и рациональности, какая только возможна в объективной действительности, отвлекаясь от всех условий, способных нарушить ее. Так поступает Вебер с «протестантской этикой»: подробно характеризуя внутренний субъективный смысл религиозного движения пуританства, он прослеживает ход мыслей и представлений носителей пуританской этики, выделяя основные ее черты и доходя до последних, логически возможных из нее выводов. Так получается «идеальный тип» протестантской этики; по тому же методу конструируется идеальный тип «капиталистического духа».

Но это — лишь первая ступень построения. Вслед за тем нужно внести корректив в идеально-типическое понимание протестантской этики, т. е. учесть те общественные условия, которые могли видоизменить ее характер, изображенный только что в его идеально-типической простоте.

Такими условиями оказываются экономические процессы, приведшие к зарождению современного капитализма. На третьей ступени построения дается анализ перерождения протестантской этики и указывается, как она сыграла историческую роль именно благодаря этому перерождению. Переродившаяся протестантская этика вступает в тесную связь с «капиталистическим духом», входит в него как его составная часть и как один из формирующих его элементов. Этой модифицированной протестантской этике, превратившейся в «капиталистический дух», условия капиталистического развития становятся уже не враждебными, а самыми благоприятными из всех возможных общественных условий, и в то же время их действие так сильно, что перевешивает действие возможных неблагоприятных условий. В этом смысле (в смысле наибольшей степени возможной благоприятности) Вебер и говорит об адекватности «капиталистического духа» строю капиталистического предприятия. В этой адекватности нет, таким образом, решительно ничего метафизического.

И еще одно наблюдение позволяет сделать «Социология религий». Та черта исторического явления, которую Вебер кладет в основу идеально-типического понятия и которую он усиливает до абсолютности, избирается отнюдь не произвольно. Ее выбор основан на категориях объективной возможности и причинности: самыми существенными чертами «протестантской этики» Вебер считает те, которые имели или могли бы иметь наибольшее культурное значение, т. е., собственно говоря, те, которые сыграли или могли бы сыграть в силу объективных общественных условий наибольшую роль в истории ³⁴.

4. «ГОРОД» ВЕБЕРА ³⁵

Если «Протестантская этика и дух капитализма» дает пример идеально-типических построений Вебера, то его работа о городе представляет собой образчик сравнительно-исторического исследования. Правда, если рассматривать всю «Социологию религий» Вебера в целом, то и она представится как сравнительно-историческая типологическая работа, в которую «Протестантская этика и дух капитализма» входит составной частью. Недаром «Хозяйственная этика мировых религий» имеет следующий подзаголовок: «Опыты по сравнительной социологии религий» («Vergleichende religionssoziologische Versuche»). С другой стороны, и в работе о городе немало идеально-типических построений. Но ударение в этих двух работах лежит на разных методических приемах. В «Социологии религий» оно сделано на идеально-типических построениях, в «Городе» — на сравнительно-исторических. В «Социологии религий» Вебер сравнивает различные типы связи хозяйственной этики и религий, предварительно

³⁴ Еще один образчик рационального или «телеологического» идеального типа Вебер дает в «Zwischenbetrachtung» (RS, I, S. 536—573); в начале этой статьи он формулирует сущность такого идеально-типического построения (S. 536—538).

³⁵ В этом разделе А. И. Неусыхин высказывает ряд мыслей, более подробно развитых в его ранней статье «Социологическое исследование Макса Вебера о городе». См. ниже, стр. 479—489 (ред.).

сконструированные им идеально-типически; сравнение идет здесь за идеально-типическим построением. В «Городе» сравниваются не столько идеальные типы различных явлений, сколько сами эти явления, причем идеально-типические понятия играют преимущественно ориентирующую роль. И в «Социологии религий», и в «Городе» Вебер ищет повторяющиеся черты в своеобразных исторических явлениях, ищет общее в индивидуальном, но в первом случае его больше занимает анализ индивидуального, во втором — нахождение общих черт различных индивидуальных процессов.

Поэтому мы считаем необходимым дать беглую характеристику методических особенностей работы Вебера «Город». Мы охарактеризуем ее лишь в самых общих чертах и приступим прямо к ее анализу, не излагая содержания самой работы и предполагая, что оно известно.

В этой работе Вебер строит параллельные ряды развития. Вслед за определением самого понятия «город» он набрасывает сначала в общих чертах эволюцию античного полиса и средневекового города, сопоставляя полис с городом средневековой Италии и делая несколько экскурсов в область истории города в переднеазиатских странах. Этот общий сравнительно-исторический обзор приводит Вебера к тому выводу, что, несмотря на все различия, полис и город итальянского средневековья имеют одну чрезвычайно существенную общую черту, очень многое уясняющую в своеобразном параллелизме их исторического развития. Эта общая черта заключается в том, что и полис, и итальянский средневековый город представляют собою тип города-государства.

Но этот общий вывод мало удовлетворяет Вебера. Ему представляется необходимым не только указать основное сходство, но и вскрыть основные различия между полисом и итальянским средневековым городом. Кроме того, ему нужно показать сходства и различия в эволюции средневекового города в различных странах Европы; большее или меньшее удаление городской эволюции в данной стране средневековой Европы от итальянского типа дает масштаб для измерения степени ее удаленности от типа городской эволюции античного полиса.

Для улавливания всей сложности и пестроты этих параллельных эволюционных рядов Вебер, начиная с третьей главы, сильно усложняет свое построение. Он вводит идеально-типические понятия *Produzententadt* и *Konsumentenstadt*, *Geschlechterstadt* и *Plebejerstadt* и рассматривает при их помощи типические процессы развития города в разных странах и различные отрезки этих эволюционных процессов. *Konsumentenstadt* — это такой тип города, в котором приобретательские шансы производителей (ремесленников и купцов) определяются наличием на месте крупных потребителей. Социальный состав таких потребителей может быть весьма различным. Это могут быть сеньоры и их вассалы (*Fürstenstadt* средневековой Европы), чиновники (Пекин), крупные землевладельцы-рантье, проживающие в городах доходы со своих земельных владений (Москва до 1861 г.), наконец, представители городской знати, получающие городскую земельную ренту в результате монопольного положения принадлежащих им городских земельных участков в процессе обмена, т. е. косвенным образом — в результате развития торговли и ре-

месла (последний вид города распространен был во все времена, особенно в древности; нередко он встречается и в средние века). Производительная деятельность ремесленников, населяющих город типа *Konsumentenstadt*, является только средством пропитания, ибо ремесленники такого города живут лишь производством на местных крупных потребителей.

Противоположный тип города представляет собой *Produzentenstadt*. Здесь приобретательские шансы производителей (ремесленников) определяются наличием в городе специализированной мелкой промышленности. Эта мелкая промышленность может выступать в разных формах: в форме мануфактурного или фабричного производства, работающего на внегородских потребителей (тип современного фабричного города; пример — Эссен) или в форме специализированного ремесла, сбывающего свои продукты в самом городе, а отчасти и за его пределами (примерами могут служить многие азиатские, античные, средневековые города). В средневековом городе типа *Produzentenstadt* потребителями продуктов ремесла являются не столько вотчинники и рантье, сколько ремесленники других профессий. Благодаря высокому развитию специализации, ремесленники одних цехов живут здесь главным образом за счет производства, рассчитанного на ремесленников других цехов: их производительная деятельность определяется не потребительскими надобностями непродвигавших слоев населения, а главным образом потребительскими надобностями производителей же.

К этим двум основным идеально-типическим понятиям города, исходящим из его экономической структуры, Вебер присоединяет два промежуточных типа: *Händlerstadt* и *Gewerbestadt*. Город типа *Händlerstadt* представляет собой разновидность *Konsumentenstadt*, а город типа *Gewerbestadt* — разновидность *Produzentenstadt*. В городах типа *Händlerstadt* крупными потребителями и в то же время хозяевами-работодателями являются купцы; производители работают на них. Таким образом, приобретательские шансы потребителей-купцов определяются сбытом на местном рынке чужих продуктов или сбытом на иноземном рынке продуктов, произведенных в городе. *Gewerbestadt* представляет собой такой подвид *Produzentenstadt*, в котором мелкая специализированная промышленность выступает в форме ремесла.

Как видим, та основная черта, которая взята из исторической действительности, усилена до степени абсолютности и положена в основу идеально-типических понятий *Konsumenten-* и *Produzentenstadt*, сводится к характеру приобретательских шансов производителей. Другими словами, критерием образования двух противоположных идеальных типов города послужил Веберу характер производственных отношений. Ибо Вебер прежде всего задается вопросом: кто производители и на кого они производят? И этот критерий положен в основу образования не только «экономических», но и «социальных» идеальных типов города. Ведь ответ на вопрос: на кого производят? — конкретно каждый раз зависит от своеобразия социальной структуры города. Конечно, во всех городах всех времен и народов имелись и производители, и потребители. Но различные города можно отнести к типу *Konsumentenstadt* или *Produzentenstadt* по тому признаку, какой слой производителей или потребителей имел

наибольший удельный вес в жизни города. При преобладании землевладельческой знати имеем *Konsumentenstadt*, при преобладании ремесленников или рабочих — *Produzentenstadt* (или *Gewerbestadt*), торговцев — *Händlerstadt*. А это значит, что «социальные» идеальные типы города вытекают из «экономических», являются, так сказать, идеально-типическими построениями второго порядка. Ибо *Geschlechterstadt* — это такой город, в котором господствует городская аристократия, выделившаяся из бюргерства. Таким образом, это «идеально-типическое» понятие служит целям конкретизации социальной структуры *Konsumentenstadt*, а *Plebejerstadt* — такой город, в котором преобладают торговцы или ремесленники: это идеально-типическое понятие конкретизирует социальную структуру *Produzentenstadt*.

Но вторая пара «идеальных типов» служит не только коррелятом к первой. Она дает, кроме того, возможность ориентироваться в разных стадиях городского развития — ведь его движущими силами была борьба различных социальных слоев внутри города. Изображая эту борьбу, Вебер делит ее на две основные стадии. В первой стадии город находится обычно в руках родовой аристократии, которая приобретает господство в процессе борьбы города с сеньорами — следовательно, в тот момент, когда город окончательно складывается в автономную корпорацию, т. е. возникает как таковой, он отличается всеми характерными чертами *Geschlechterstadt*. Во второй стадии город находится в руках торговцев и ремесленников; *Plebejerstadt* является, таким образом, результатом борьбы городской знати с торгово-ремесленными слоями. Город эволюционировал от *Geschlechterstadt* к *Plebejerstadt*, и эта эволюция в той или иной форме протекала именно в данном направлении и в античном полисе, и в средневековом городе.

При помощи этих идеально-типических понятий Вебер рассматривает обе стадии развития города в античном мире и разных странах средневековой Европы, причем рассматриваются конкретные процессы городского развития разных стран и эпох опять-таки сравнительно-исторически. Однако теперь эти процессы сравниваются уже не только сами по себе, но и по степени приближения их стадий к намеченным выше «идеальным типам»³⁶. А так как в основу этих «идеальных типов» положено представление о том или ином характере производственных отношений, то естественно, что процессы городского развития и его стадий рассматриваются под углом зрения этих отношений.

Структура производственных отношений, а следовательно, и социальная структура города в разных странах и в разные эпохи, — вот, собственно, основная тема работы Вебера о городе. «Идеальные типы» служат целям ориентировки в пестроте и сложности социальной структуры античного и средневекового города. Но они дают в этом случае лишь путеводную нить. Следуя ей, Вебер объясняет ход социальной борьбы внутри города чисто каузально. Сочетание сравнительно-исторического и идеально-типического способа рассмотрения городского развития позволяет ему

³⁶ Cp., главу III *Die Geschlechterstadt im Mittelalter und in der Antike*; гл. IV. *Die Plebejerstadt*; гл. V. *Antike und mittelalterliche Demokratie*.

четко и рельефно выделить и общие, и своеобразные черты эволюции города в разных странах, показывая относительное своеобразие различных процессов, изучая их, как весьма своеобразные вариации сходных мотивов. Идеально-типический метод дает ему возможность избежать при этом всякой вульгаризации и схематизма, резко подчеркнуть именно черты различия в сравниваемых процессах и в этом различии найти опорные пункты для осторожных аналогий. Так, сопоставляя античный полис и средневековый итальянский город, Вебер показывает, как, несмотря на сходство основной линии развития (от *Geschlechterstadt* к *Plebejerstadt*) и политической структуры (и тут и там «город-государство»), в социальной структуре коренились глубокие различия, повлиявшие на весь характер эволюции и сказавшиеся в своеобразии «городской, хозяйственной политики» полиса и итальянского города. И в древней Греции, и в средневековой Италии аристократия состояла из землевладельцев-рантье, принимавших участие в торговых делах и предпринятиях только своими капиталами, но не занимавшихся лично коммерческой деятельностью (Вебер называет их *Gelegenheitsunternehmer*). Но в то время, как городская демократия средневековой Италии состояла из ремесленников или промышленных безработных, демократия полиса рекрутировалась из рядов деклассированного крестьянства. К тому же полис возник как «береговая община воинов», и потому в нем сильны были военные традиции, сложившиеся в борьбе с базиливами, которая привела в Греции и Риме от городского единовластия к магистратуре; средневековый город боролся, правда, со своими городскими сеньорами, но военный момент в этой борьбе даже в средневековой Италии играл гораздо меньшую роль, чем в античной Греции. Поэтому средневековый бюргер — преимущественно *homo oeconomicus*, в то время как гражданин полиса *homo politicus*. Основное классовое противоречие всякого средневекового (в том числе и итальянского) города — рантье (землевладельцы, предприниматели, купцы) и ремесленники; основное классовое противоречие античного полиса — городские боеспособные патриции (землевладельцы-рантье), выступающие в качестве кредиторов, и крестьяне, являющиеся их должниками и находящиеся под постоянной угрозой обезземеления. Структура аристократии довольно сходна (отличие заключается лишь в военном могуществе античной городской аристократии), но структура демократии в корне различна.

При помощи тех же приемов Вебер сопоставляет городское развитие средневековой Италии, Германии, Франции, Англии, показывая относительное своеобразие возникновения города в каждой из этих стран, его социальной структуры и эволюции. При этом Вебер исходит здесь из итальянского города как основного типа, сравнивая с ним немецкий, французский, английский город. Итальянский город достиг наибольшей самостоятельности, некоторые итальянские города стали даже и в политическом отношении городами-государствами. Английский город почти никогда не пользовался полной автономией. Между этими двумя полюсами Вебер располагает немецкие и французские города, достигавшие той или иной степени корпоративной автономии. Для ориентировки в этих сопоставлениях Вебер пользуется еще одной парой идеально-типических поня-

тий: береговой город (Küstenstadt) и континентальный, промышленный (Binnen- und Industriestadt).

Сравнение городской эволюции в разных странах средневековой Европы приводит Вебера к следующему основному выводу: несмотря на все различия, круг развития средневекового города в одном отношении универсален: «в эпоху Каролингов города были почти исключительно только округами управления с известными особенностями сословной структуры, и в современном патримониальном государстве они вновь сильно приблизились к этому положению и выделяются лишь корпоративными правами; в промежутке между этими двумя эпохами они везде были в той или иной мере коммунами с автономной хозяйственной политикой»³⁷.

Характеризуя импульсы хозяйственной политики средневекового города и античного полиса, Вебер опять пускает в ход обе пары противоположных идеально-типических понятий и прилагает их к разным стадиям развития в разных странах. Городская хозяйственная политика определяется: 1) тем, является ли город преимущественно *Produzentenstadt* или *Konsumentenstadt*, или же носит двойственный потребительски-производственный характер (что нередко имело место в средневековье); 2) своеобразием социальной структуры города; 3) его отношением к округе. Учитывая все эти условия и прилагая к хозяйственной политике на разных стадиях развития полиса и средневекового города обе пары идеально-типических понятий, получим: хозяйственная политика средневекового города ранней и поздней поры (т. е. политика средневекового *Konsumenten* — *Geschlechterstadt* на первой стадии и средневекового *Produzenten*- и *Plebejerstadt* на второй стадии); хозяйственная политика античного полиса ранней эпохи (эпохи *Plebejer* — *Produzentenstadt*).

Но сказанное еще недостаточно объясняет причины той исключительной исторической насыщенности, которой отличается работа Вебера о городе, несмотря на ее типологический характер. Выше мы подчеркнули сочетание сравнительно-исторического и идеально-типического методов в этой работе и попутно указали, что социальную борьбу внутри города Вебер рассматривает чисто каузально. Мало того, он рассматривает ее совершенно так же, как это делается в самом специальном историческом исследовании. Каждый конкретный процесс развития итальянского, немецкого, античного и пр. города изображен каузально и рассмотрен конкретно-исторически со всем тем вниманием к индивидуальному и своеобразному, какого он заслуживает. И это-то конкретно-историческое, каузальное рассмотрение отдельных процессов вставлено в рамки сравнительно-исторических параллелей, освещенных идеально-типически: оно — не простой материал для этих параллелей, а, наоборот, их живое историческое содержание. Картина вставлена в известные рамки, написана на известном фоне, но от этого она не только не теряет ни одного из своих оттенков, но, напротив, выигрывает в яркости и выразительности.

В этом сочетании каузального, типологического и идеально-типического рассмотрения конкретных процессов и заключается весь секрет истори-

³⁷ *M. Weber. Wirtschaft und Gesellschaft*, S. 574.

ческой насыщенности «эмпирической социологии» Вебера и широты ее социологического кругозора. Этим объясняется и то обстоятельство, что, взявшись за такую скользкую тему, как «город вообще», Вебер не впал в вульгарный социологизм и не стал, например, сравнивать современные города с античными по каким-либо чисто формальным признакам, как это любят делать представители некоторых специфически социологических дисциплин. Вебер с самого начала строго ограничил самое понятие города, о котором идет речь в его работе: он изучает «город» как явление своеобразное, чем-то отличающееся от прочих общественных явлений данной эпохи и страны. Поэтому он рассматривает город как автономную корпорацию, как коммуну с самостоятельной хозяйственной политикой и по этой причине оставляет в стороне города современности и эпохи Каролингов, а также римские города и города азиатского Востока. Самый характер задачи, самая постановка вопроса в работе Вебера уже обуславливает необходимость изучения города в контексте всего общественного строя данной эпохи и страны. Таким образом, Вебер изучает не «город вообще», а сравнивает города вполне определенных, исторически сложившихся общественных формаций, рассматривая городское развитие как одну из сторон общего процесса эволюции этих формаций.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нам остается подвести итоги и наметить задачи дальнейшего изучения Макса Вебера.

Анализ двух его социологических работ обнаружил своеобразие его методики. Изучение общественных явлений и исторических процессов под углом зрения «базиса — надстройки» осложнено у Вебера «идеально-типическими» построениями и сравнительно-историческими параллелями. Те промежуточные звенья, которые он вдвигает между «базисом» и «надстройкой», дают ему возможность конкретно изобразить опосредствованное влияние первого на второе во всей его сложности. А «идеальные типы» служат ориентирующей нитью, при помощи которой можно разобраться в этой сложности. Благодаря их умелому применению Вебер не только улавливает сложные взаимоотношения общественных явлений, но и отыскивает в них основные линии развития, служащие ему для широких типологических построений.

Эти основные линии выступают сквозь пеструю ткань конкретных причинных связей, но так, что эта ткань видна во всей ее наглядности и во всем ее историческом своеобразии. Схема не поглощает без остатка историческую действительность (как обычно бывает со схемами и как случилось, например, со схемами Зомбарта и Бюхера), и конкретное изображение этой действительности не нарушает стройности схемы. Тем самым практически разрешен вековой спор социологии с историей и показано, что, с одной стороны, нет и не может быть никакой научной социологии, которая не строилась бы на фундаменте истории, а с другой стороны, всякая научная история не может удовлетвориться одним только изображением неповторяемого и своеобразного. Его изображение вхо-

дит, конечно, в задачи истории, но отнюдь не является единственной ее целью, ибо история стремится не только изображать индивидуальное само по себе, но и отыскивать общее в индивидуальном и индивидуальное в общем.

Таким образом, можно было бы сказать, перефразируя слова Марианны Вебер, что Макс Вебер в своей методической практике преодолел не исторический материализм, а Риккертову логику наук о культуре. Заимствовав логические предпосылки своей исследовательской работы у Риккерта, Вебер в течение всей жизни все более и более удалялся от изображения неповторяемого как самоцели — он шел к социологическому освещению исторических явлений, и на этом новом пути его руководителем оказался Маркс, «категории которого он умел применять, как редко кто иной»³⁸, объявив их, правда, лишь эвристическим приемом. Это преодоление Риккерта на практике удалось Веберу в значительной мере благодаря применению «идеально-типических» понятий. Кроме того, «идеально-типический» характер схем Вебера и каузальный контроль этих схем позволили ему сочетать их с точным изображением конкретных процессов во всей их индивидуальности.

Таким образом, «идеально-типические» понятия в двух отношениях сыграли существенную роль в методической практике Вебера. Как же мыслил себе сам Вебер логическую структуру «идеально-типических» понятий? Являются ли эти понятия изобретением Вебера или только его открытием, которое дало ему возможность сознательно применять их благодаря точному анализу их логической структуры, заменившему бессознательное пользование ими у его предшественников? Как представлял себе Вебер теоретически связь «идеально-типического» и каузального рассмотрения исторических явлений? И наконец, какие особенности логической структуры «идеальных типов» дали ему возможность преодолеть логику Риккерта на практике и избежать схематизма?

Ответа на эти вопросы мы будем искать в логике Макса Вебера. Ее разбор составит содержание второй части нашей работы³⁹.

³⁸ Ср. K. Leichter. M. Weber als Lehrer und Politiker.— «Der Kampf», 1926, № 9, S. 378; A. Salomon, M. Weber.— «Die Gesellschaft», 1926, № 2, S. 142—143.

³⁹ Этот замысел А. И. Неусыхина остался неосуществленным (ред.)

Социологическое исследование Макса Вебера о городе*

В своей рецензии на последнюю книгу А. Допша¹, Белов назвал ее «критическим обзором накопившейся литературы и исследований» и признал за ней ценность лишь постольку, поскольку она является таковым. Ибо остальное — попытка решения ряда основных вопросов позднеримского и раннесредневекового развития — представляется Белову возможным лишь на основании ряда конкретных локальных и совершенно микроскопических исследований. Пока они не сделаны, попытки итоговых работ могут повести лишь к поспешным и недостоверным обобщениям, ибо таким работам в данной области еще не пришло время, они слишком рано появились (*verfrüht*), а потому и обречены заранее на неудачу².

Мы невольно вспомнили этот суровый приговор крупного немецкого историка, когда приступили к чтению работы социолога Макса Вебера о городе. Ибо, если слишком рано делать даже чисто исторические конкретные сопоставления, то неужели настало время для серьезной научной, т. е. построенной на точном материале исторических знаний и фактов, социологии? Однако к Веберу суровый приговор Белова не приложим. И эта неприменимость его зависит как от темы, так и от метода Вебера. Как ни сложны и запутаны некоторые специальные вопросы, входящие в общую проблему возникновения городского строя (античного и средневекового), тем не менее ряд исследований все же многое уяснил и известное представление об основных линиях развития все-таки создал; в этом отношении Вебер находится в более благоприятном положении. Но конечно, не только в этом дело.

Метод Вебера, его подходы к занимающим его проблемам таковы, что позволяют ему делать обобщения без риска заранее обречь свою попытку на неудачу. Вебер, по справедливому замечанию Ясперса³, всегда мыслит

* Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», 1923, № 8—9. Автор дает характеристику книги: *M. Weber. Wirtschaft und Gesellschaft*, II. Teil, Kap. VIII. Die Stadt. Tübingen, 1922.

¹ *A. Dopsh. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung*, I—II. Bd. Wien, 1918—1920.

² «Historische Zeitschrift», 120, 2. Hf., 1919, S. 327—334.

³ *K. Jaspers. Max Weber. Rede*. Tübingen, 1920.

конструктивно, социологически, но при этом остается конкретным, так как понимает, что для абстрактной социологии время еще действительно не настало. Вот в этом-то соединении социологических устремлений и конструктивного мышления с ощущением конкретной исторической действительности и заключается своеобразие Вебера, который на всем протяжении своей работы является и социологом, и историком одновременно. Лучшим способом охарактеризовать его метод представляется нам ознакомление с теми приобретениями и результатами, к которым пришел Вебер, ибо ведь по тому, насколько хорошо достигнута цель, мы можем судить о пригодности средств ее достижения. Для этого мы изберем узкий круг вопросов — трактовку средневекового города у Вебера, привлекая его экскурсии в область античной истории в качестве параллелей или контрастов, на фоне которых резче выделяются специфические черты средневекового города.

1. ГОРОД И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

I

Макс Вебер начинает свою работу с определения понятия города и конструирования возможных его типов. Но, как мы сейчас увидим, и это понятие, и эти типы не представляют собой каких-либо предвзятых схем, а, напротив, исходят из конкретной действительности и помогают в ней ориентироваться. В экономическом смысле, по мнению Вебера, «можно лишь там говорить о городе, где туземное, местное (*ortsansässige*) население удовлетворяет экономически существенную часть своих ежедневных потребностей на местном же рынке, и притом в значительной части продуктами, произведенными туземным же населением или населением ближайших окрестностей для сбыта на рынке (стр. 514).

Таким образом, существенным признаком города в экономическом смысле является «наличие регулярного обмена благ на месте самого поселения в качестве существенной составной части получения прибыли и удовлетворения потребностей жителей, т. е. наличие «рынка»» (стр. 514). «Город есть рыночное поселение» (*Marktansiedelung*).

Но это еще далеко не все, так как определение касается лишь экономической стороны дела. А между тем город есть сложный комплекс явлений, он — определенное живое, конкретно-историческое образование, которое надо охватить во всем его многообразии. Города суть «поселения с сильно выраженным, по крайней мере относительно, торгово-промышленным характером», к которым приложим целый ряд признаков, а именно — наличие: 1) укрепления, 2) рынка, 3) собственного суда и права объединения бюргеров, 4) характера корпоративности (*Verbandscharakter*) и связанной с ним автономии и автокефалии.

Не все города, которые мы знаем, обладают всеми этими признаками. Так, современные азиатские города и города древнего Востока никогда не были самостоятельными общинами, автономными корпорациями, ибо этому мешала ритуальная связанность членов одного рода или даже од-

ного племени⁴. Поэтому мы имеем здесь лишь отдельные корпорации внутри города, но не город, как корпорацию. Однако все города Запада,— как в древности, так и в средние века,— соответствовали в той или иной степени данной выше характеристике, т. е. представляли собой не только место развития ремесла и торговли в экономическом смысле, укрепление, а иногда гарнизон в политическом отношении и судебный округ в административном, но и известную корпорацию в правовом отношении (*eine schwurgemeinschaftliche Verbrüderung*) (стр. 534).

Для античного и средневекового города в отличие от восточного, характерно то обстоятельство, что он является союзом бюргеров, составляющим общественную организацию официального характера и снабженным особыми органами,— бюргеров, находящихся к тому же в одинаковом правовом положении (стр. 529).

Таков западноевропейский город в готовом, сложившемся виде. Но как он образовался, как возник? Этот старый вопрос, породивший огромную литературу и пять-шесть гипотез его возможного решения, играет большую роль и у Вебера. Но как к самому определению города, так и к вопросу о его происхождении он подходит все с той же точки зрения, учитывающей всю сложность и многообразие явления, называемого городом. «При анализе этого процесса,— заявляет Вебер с самого начала,— надо строго различать формально-правовую его сторону от явлений, существенных с политической и социологической точки зрения, что не всегда делалось в споре разных теорий городского развития друг с другом» (стр. 535).

Город в хозяйственном смысле надо отличать от города в административно-политическом смысле. В последнем особенно существенны два момента: 1) то обстоятельство, что город с самого начала был крепостью и местом нахождения гарнизона, и 2) особые отношения военно-политического характера, в частности принцип самоэкипировки войска.

Предшественниками городских крепостей были сеньориальные бургы (*herrschaftliche Burgen*), которые почти везде, где имело место городское развитие, были тесно связаны с ним (в древнем Китае, Индии, в Египте и Месопотамии, в гомеровской Греции, у этрусков, кельтов и германцев). Эти бургы, особенно распространенные в англо-саксонской Англии, были важны для господина тем, что обеспечивали ему военное господство над страной (стр. 515). Город как особое политическое образование (*politisches Sondergebilde*) примыкал обычно к такому бургу, принадлежавшему королю, знатному господину или союзу таковых. Экономически заинтересованное в обмене плодами промышленной деятельности население, естественно, скоплялось здесь. Рынок и бург примыкали друг к другу, совпадая локально; так было в средние века и в эпоху античного «полиса».

⁴ Так, в Китае, Японии и Индии вовсе не существовало города как автономной корпорации с населением из бюргеров, как носителей определенных сословных привилегий. Были гильдии, профессиональные объединения (Япония), чиновники, сословные организации (Китай), касты (Индия), но не автономные общины.

Это отнюдь не значит, однако, что город произошел из бурга или из сеньориальной вотчины. «Ойкос»⁵ и рынок сосуществовали в городе, но как две равные силы, иногда вступавшие в борьбу, иногда устанавливавшие между собой известную общность интересов на экономической почве. Ибо владелец бурга — он же и представитель ойкоса в городе — боролся обычно лишь с политическим, но не с экономическим развитием города. В экономическом отношении город, как рынок, давал, ведь вотчиннику возможность взимать со своих держателей денежные оброки, так как представлял собой для них локальный рынок сбыта их продуктов; к тому же вотчинники приобретали благодаря рынку возможность продавать натуральные оброки своих держателей. Поэтому в средние века основание городов было часто выгодной в хозяйственном отношении операцией (*Städtegründung* — *Erwerbsgeschäft*) в противоположность древности, где оно первоначально являлось военным делом, основанием города-крепости (*militärische Festungsstadtgründung*).

Столкновение экономических интересов «ойкоса» и рынка начиналось лишь в том случае, если вотчинник стремился перейти к собственному промышленно-ремесленному производству, что обычно становилось возможным лишь при наличии достаточного количества рабочей силы.

Однако далеко не так мирно обстояло дело в сфере политических взаимоотношений между бургом и экономически заинтересованным населением примыкавшего к нему города. История этих взаимоотношений — очень важный пункт в эволюции городских учреждений (*Verfassungsgeschichte*) (стр. 521), в свою очередь, очень сильно повлиявший и на социально-экономическую структуру города. В то время как в Элладе и Риме имело место соединение нескольких общин, синойкизм, покоившийся на слиянии нескольких родов (*gentes*), средневековый бюргер вступал в городскую корпорацию как индивидуум, а не как бывший член какой-либо общины. Правда, средневековый город, как и античный, представлял собой, между прочим, и религиозный союз (*Kultverband*), но христианская община была вероисповедным объединением отдельных верующих, а не ритуальным союзом родов (стр. 534).

Бюргеры, уже более или менее сплоченные в определенные объединения, — результат позднейшего развития. Вначале бюргеры противостояли сеньору как масса лиц, заинтересованных в рынке и рыночном обмене, и город зачастую принадлежал сеньору. Если рассматривать дальнейшее развитие города с чисто формальной точки зрения, то эта масса лиц превращалась в автономную корпорацию бюргеров, где каждый был *Rechts- und Dinggenosse*, т. е. активным и равноправным членом общины, лишь в результате политических привилегий со стороны сеньоров.

Конечно, такие привилегии всегда имели место: мы уже указывали на выгодность основания городов для сеньора. Но существовали и иные пути и способы создания или возникновения городских корпораций. К тому же самый способ возникновения, взятый формально, как чисто юридическое явление, еще не выясняет и не исчерпывает всего процесса воз-

⁵ «Ойкос», собственно, значит дом; в научной литературе этот термин принят для обозначения большого самодовлеющего хозяйства «дома».

никновения города. Кроме законного способа создания городской корпорации — сверху, существовал и незаконный — снизу, путем акта корпоративного объединения (*Vergesellschaftung*) со стороны бюргеров, так называемое *conjuratio*. Нередко оба способа комбинировались, и привилегия являлась в результате *conjuratio*. Классической страной *conjuratio*, истинной их родиной была Италия, особенно большие итальянские и отчасти немецкие города (Генуя, Кёльн); поэтому мы остановимся несколько подробнее на ходе этого процесса в Италии.

До возникновения *conjuratio* город-бург представлял собой арену действия различных социально-политических сил: епископ и его окружение, должностные лица светских вотчин с властью вотчинно-политического характера (*Amtsgewalten*), крупные городские ленники, вольноотпущенные из бывших министриалов короля и епископов, их городские и сельские подвассалы, родовые землевладельцы с аллодиальной собственностью, владельцы внегородских бургов с их свободной и крепостной клиентеллой, профессиональные союзы производительных классов городского общества, — словом, как говорит Бебер, *hofrechtliche, lehenrechtliche, landrechtliche, kirchliche Gerichtsgewalten nebeneinander*⁶. *Conjuratio* конечно, упрощало эту сложность, вливало ее в известные формы; оно приводило к союзу всех тех, кто обладал военной мощью, к объединению местных землевладельцев, к обеспечению известных правовых гарантий (*Rechtspflege*) в интересах горожан и, наконец, «к монополизации экономических шансов» (стр. 537).

Все это, конечно, было завоевано не сразу: образование *conjuratio* еще не тождественно приобретению всех этих прав и возможностей. В начале городом по-прежнему управлял сеньор-епископ, но при участии собрания горожан. Но уже в конце XI в. выступают на сцену *consules* — ежегодно сменяемые должностные лица, номинально выборные от всех горожан, фактически — выбираемые лишь определенными слоями аристократии. Эти лица на первых порах нередко происходили даже из среды бывших судебных чиновников епископа. *Consules* присвоили себе значительную долю в области управления, суда и военной власти. Над ними существовал, однако, контроль, осуществлявшийся особой комиссией мудрых — *sapientes*, (*credenza*), состоявшей частью из бывших шеффенов, частью из членов аристократических родов (*Honoratioren*); фактически в эти комиссии входили представители фамилий, наиболее могущественных в военно-экономическом отношении.

На этой стадии была явно заметна тенденция к известному социальному компромиссу: все наиболее влиятельные слои населения стремились поделить между собой, пропорционально их силе, места в городском совете и различные городские должности. Вскоре, однако, обнаружилось, до какой степени все движение проникнуто противоленными тенденциями, т. е. направлено против какой бы то ни было политической зависимости от городского сеньора. А так как он был обладателем бургов и раздат-

⁶ «Вотчинные, ленные, земские, церковные, судебные власти рядом друг с другом» (стр. 537).

чиком ленов, то движение направилось, естественно, против ленной формы этой зависимости.

Консулы, эти новые сопроводители сеньора, должны были ни в коем случае не принимать ленов ни от него, ни от своих бывших господ, и не коммендироваться им в качестве вассалов (стр. 537). Цель ясна: исключить возможность личной и экономической заинтересованности консулов и их зависимости от вотчинников, которая могла бы отразиться на их административном поведении или политической позиции.

Первым важным политическим завоеванием этого противовотчинного и противосеньориального движения было запрещение представителям аристократии (сеньорам или королю) строить бургы внутри городского округа. Это запрещение осуществлялось как законным, так и насильственным путем, и его результатом было то обстоятельство, что бург, расположенный внутри города, становился городским бургом. Сеньорам и рыцарям оставалось лишь строить бургы вне города и его округа и отсюда в случае недовольства угрожать городу, что они впоследствии и делали. Но об этом речь будет идти ниже. Сейчас нам важно отметить еще одно крупное завоевание бюргерства, на этот раз уже в юридической области,— создание особой городской юрисдикции, процессуальной процедуры и городского права. «Право бюргеров,— пишет Вебер,— было сословным правом сотоварищей общины, связанных присягой. Его компетенции подлежали в силу принадлежности к сословию городских бюргеров или зависимых от них держателей» (стр. 538).

В Германии, в крупных городах, развитие шло аналогично. Так, в Кёльне и Магдебурге вначале во главе управления стоял епископ с шеффенами, которые впоследствии превратились из его чиновников в представителей городской коммуны, к тому же поставленных под контроль представителей *conjuratio* (стр. 538). В Страсбурге к концу XII в. епископа как главу города сменил городской совет, состоявший из представителей бюргерства *jurati* и пяти министериалов епископа (стр. 541). В южногерманских городах шультгейс, чиновник, назначаемый или, по крайней мере, утверждавшийся сеньором, долгое время оставался шефом города, так что город мог избавиться от этого контроля, лишь покупая эту должность (стр. 541). С XIII в. во всех брабантских, ирландских и голландских городах наряду с шеффенами, назначаемыми графами, выступают на сцену представители бюргерства — *jurati* и бюргермейстер с коллегией. На первых порах эти отношения везде колеблются, и фактическое соотношение сил (*Punkte der faktischen Machtverteilung*) еще очень мало и слабо регулируется формально (стр. 538—539).

Но и во Франции возникновение городских корпораций (*Stadtgemeinde*) происходило путем узурпации со стороны союзов бюргеров, купцов и городских рентнеров и их объединения либо с живущими в городе рыцарями (на юге Франции), либо с братствами (*confraternitates*) и цехами ремесленников (на севере) (стр. 539). В Англии типичной формой городского объединения была торговая гильдия с монополией мелкой торговли внутри города. Это не значит, однако, что города произошли из гильдий: напротив, гильдии возникли в городах (стр. 539), а наряду с ними возникали и «чисто экономические, расчлененные по профессиям»

организации — цехи (rein-ökonomische, beruflich gegliederte Einungen: Zünfte) (стр. 540).

Какими же средствами располагал город для достижения всех этих завоеваний? Ведь они часто были действительно завоеваниями в буквальном смысле этого слова, т. е. результатом ожесточенной борьбы, так что ссылка на социально-политическое значение или влияние городской знати, на экономическую мощь зажиточных слоев недостаточна. Здесь выступает военно-политический момент: в то время как на Востоке (Персия, Азия, Индия) солдаты не обладали орудиями войны, что имело последствием «военную безоружность подданных» (militärische Wehrlosigkeit der Untertanen) и «горожане были невоенным элементом» (der Bürger war der Nicht-Militär), на Западе, как раз напротив, ввиду отсутствия профессиональных войск, особенно на первых порах, господствовал принцип самоэкипировки войска: как крестьянские и рыцарские войска, так и городская милиция строились по этому принципу. Поэтому сеньор представлял значительную силу лишь в сравнении с каждым отдельным своим подданным или с их небольшими группами. Стоило ему, однако, вызвать недовольство или противодействие всей их массы, — и он становился слабым, ибо это была масса вооруженных и боеспособных людей. А такое противодействие возникало, конечно, когда сеньор предъявлял экономические требования, казавшиеся почему-либо слишком тяжелыми, особенно требования денежных платежей. Факт возникновения сословий на Западе — и только здесь — объясняется этим обстоятельством, — пишет Вебер, — и точно так же объясняется возникновение корпоративных и автономных городских общин.

Предъявление экономических требований со стороны сеньора особенно естественно по отношению к горожанам; ведь мы видели, что основание города сеньор рассматривал нередко как выгодное предприятие. С другой стороны, так же естественно, что как раз горожане, достигшие уже большой экономической силы, не хотели быть объектом целей сеньора. А так как они были в то же время вооруженными людьми, то в силу именно этого соединения в их руках военной и экономической мощи им и удалось добиться своей цели и создать городскую автономию. «Все conjugationes, — пишет Вебер, — были объединениями вооруженных слоев городского населения. Это было решающим в положительном смысле моментом» (стр. 543).

Если мы попробуем задать себе теперь вопрос, к какой же теории возникновения городского строя средних веков примыкает Вебер, нам трудно будет сразу на него ответить. Следя за построением нашего автора, мы даже вовсе забыли бы о существовании этих теорий, если бы он сам в одном месте вскользь не напомнил нам о них. Этим мы вовсе не хотим умалить значение упомянутых гипотез: может быть, только на их основе и стало возможно построение Вебера. Но как далеко он ушел от них! Город не произошел ни из вотчины, ни из общины, ни из бурга, ни из рынка, а из того, и другого, и третьего одновременно — вот как можно охарактеризовать его вывод. Или, точнее: город, и в частности средневековый город, возник как результат сложных, перекрещивающихся процессов — экономических, социальных и военно-политических — и

сразу же выступил на сцену в виде сложного комплекса явлений, в котором нашли себе место те различные силы развития, которые его создали и вызвали к жизни. Дело обстоит не так, что корнем, исходной точкой роста города было то или иное явление — цех, рынок, бург и т. д., — а из него путем постепенного усложнения вырос стебель и на нем расцвел цветок — сложившийся город во всем его многообразии и своеобразии. Нет, как раз наоборот: все силы развития, все элементы, из которых построился город, даны в самом начале процесса. Самый процесс заключался лишь в их дальнейшем развитии и известном комбинировании этих элементов в определенную систему, называемую городом.

Интересно отметить, что и Допп в втором издании своей работы «Хозяйственное развитие Каролингской эпохи» склонен считать основами городского развития те же явления, что и Вебер (рынок, бург, общину, вотчину). Это легко объяснимо: ведь такое построение напрашивается само собой как попытка подвести итоги четырем главным теориям городского развития (общинной, вотчинной, рыночной и бурговой). Такую попытку делают и Допп, и Вебер. Но какая глубокая разница! В то время как Допп не идет дальше того простого наблюдения, что в каждой теории есть зерно истины, Вебер связывает их положительные результаты в одну широкую и цельную картину. Эта картина явилась результатом сопоставления различных черт и явлений, присущих разным городам — как античным, так и средневековым.

Если, однако, сделать дальнейший шаг к конкретизации построений, то придется разделить города на разные группы, причем произвести это деление в различных направлениях — в экономическом, социальном, военно-политическом. В первом случае критерием или основанием деления будет служить преобладание тех или иных целей экономической деятельности (потребительных или производительных), во втором — та или иная форма взаимоотношений основных слоев городского населения, наконец, в третьем — та или иная степень военно-политической мощи города. В форме такого подразделения на виды и группы удобно описать и осветить все многообразие городской жизни в разные времена, а затем на основании такого описания попытаться сформулировать понятие городского хозяйства и объяснить смысл, причины и цель хозяйственной политики городов (Stadtwirtschaftspolitik). При этом надо, однако, все время твердо помнить, что «типы» городов не соответствуют в каждом случае какой-либо исторической конкретности, а суть лишь разрезы действительности, искусственно произведенные в целях удобства описания и классификации, что в одном и том же конкретном городе могут совмещаться черты различных типов и что, наконец, переходы везде текучи (Die Übergänge sind überall flüssig — любимая фраза Вебера).

II

В экономическом отношении Вебер делит город на две основные группы: город потребителей (Konsumentenstadt) и город производителей (Produzentenstadt). Это не значит, конечно, что в Konsumentenstadt живут только потребители, а в Produzentenstadt — только производители; и те

и другие имеются налицо в городах обоих типов. Но в Konsumentenstadt шансы на прибыль (Erwerbschancen) для производителей или купцов определяются присутствием на месте крупных потребителей (Grosskonsumenten), как бы различно они ни были экономически организованы, т. е. эти шансы косвенно или прямо зависят от покупательной силы княжеских или иных крупных домов.

Различные Konsumentenstädte отличаются друг от друга в зависимости от того, какие именно социальные слои являются крупными потребителями. В роли таких Grosskonsumenten могут выступать либо сеньоры со свитой из вассалов (Fürstenstadt), либо чиновники (пример — Пекин), либо крупные землевладельцы — рантье, проживающие в городах доходы со своих владений (Москва до 1861 г.), либо, наконец, городские рантье, т. е. представители городской аристократии, в руках которой сосредоточиваются городские земельные ренты (städtische Grundrenten), обусловленные монопольным положением городских земельных участков в процессе обмена (durch monopolistische Verkehrslage von Stadtgrundstücken bedingt) и, таким образом, косвенно имеющие своим источником как раз городское ремесло и торговлю (последний вид был очень распространен во все времена, особенно в древности и в средние века). Для Produzentenstadt, напротив, характерно то обстоятельство, что рост населения и покупательная сила его покоятся либо на наличии фабрик или мануфактур, обеспечивающих городские территории (современный тип — Эссен), либо на наличии промышленной деятельности в форме ремесла (Gewerbe in Form des Handwerks), причем товары высылаются вовне (nach auswärts versendet werden — der asiatische antike und mittelalterliche Typus). «Это — ремесленный город (Gewerbestadt), в котором крупными потребителями являются предприниматели или торговцы и рантье, а массовыми потребителями — рабочие и ремесленники». Ему противостоит город торговцев (Händlerstadt), где покупательная сила крупных потребителей покоится либо на том, что они прибыльно сбывают (detaillieren) на местном рынке чужие продукты (Gewandschneider средних веков), либо, напротив, местные продукты продают за пределы города, либо, наконец, приобретая чужие продукты, сбывают их сами вовне, при помощи применения складочного права (Stapelung) на месте или без такового (города — посредники торговли — Zwischenhandelsstädte).

Итак, и здесь, и там мы имеем потребителей и производителей, причем последние, как само собой разумеется, являются, конечно, везде в то же время и потребителями. Но важно то, от чего зависит Erwerbschancen, а следовательно, и покупательная сила населения: определяется ли она присутствием вотчинников и рантье, образующих рынок для ремесла, дающих ему работу и тем самым заработок ремесленникам, становящимся также в первую очередь потребителями, или же она объясняется наличием сильно развитого ремесла, реализующего свою продукцию и на местном рынке, и в окрестности и дающего покупательную силу занятому им населению. В первом случае, если брать его в типическом виде, не соответствующем вполне конкретной действительности, ремесленная деятельность служит лишь средством пропитания и поддержания Existenzminimum для занятого им населения, т. е. ремесленники живут за счет

тех средств, которые перепадают им от представителей знати в виде платы за их товары или в виде заработка (в случае работы на заказ). Здесь ремесленник ближе к типу рабочего, чем к типу предпринимателя, хотя бы даже мелкого.

Во втором случае ремесленник производит в конечном итоге в расчете не столько на вотчинников и рантье, сколько главным образом на своих же собратьев — ремесленников и торговцев, только другой профессии. Специализация и профессиональное разделение труда в этом случае зашли уже далеко: ремесленники одних цехов становятся покупателями товаров, произведенных другими, т. е. потребителями продуктов промышленного производства, а не только приобретателями средств пропитания. Деньги, вырученные за работу, идут уже не только на потребительные цели, но и на производственные; ремесло является особым видом мелкой промышленности, и производительная роль ремесленников имеет большее значение в экономической жизни города, чем их потребительная роль. Ремесленники в этом случае — по преимуществу производители, и город есть *Produzentenstadt*.

Итак, принадлежность города к тому или иному экономическому типу в значительной мере зависит от социальной природы городского населения: при преобладании в городе землевладельческой аристократии имеем город потребителей (*Konsumentenstadt*), при преобладании ремесленников — город производителей (*Produzentenstadt*), а при преобладании торговцев — *Händlerstadt*. А отсюда, в свою очередь, следует, что намеченные типы могли соответствовать различным стадиям развития города: первый тип — той стадии, которую Вебер называет в дальнейшем городом аристократических родов (*Geschlechterstadt*), а второй тип — стадии плебейского города (*Plebejerstadt*).

Но и население плебейских городов не состоит исключительно из одних ремесленников, так же как и город аристократических родов — из одной землевладельческой аристократии. Социальная структура городского населения очень сложна, а потому типические черты города потребителей и города производителей большей частью соединяются в одном и том же конкретном городе. Этим объясняется, может быть, и некоторая двойственность хозяйственной политики городов, о которой речь еще впереди и которая несомненно стоит в связи с пестротой социального состава городского населения, отражая интересы различных его слоев. Нам предстоит поэтому поближе познакомиться с социальной структурой и социально-политическим развитием средневекового города.

Мы указывали только что на пестроту социального состава городского населения. Это легко объяснимо, если принять во внимание, что и в средние века, и в древности и в странах Передней Азии город был поселением, которое возникало путем скопления в одном пункте жителей, переселявшихся сюда из разных областей, и которое держалось исключительно благодаря этому постоянному притоку из деревни (стр. 527). Поэтому в средневековом городе можно найти и вольноотпущенных, и крепостных, и рабов, и знатных вотчинников, и их дворовых людей, и чиновников (*Hofbeamte*), министерялов и воинов, монахов и священников (стр. 527). Так было, однако, лишь на первых порах. Вскоре из

этой пестроты стали выкристаллизовываться определенные слои, в разные периоды городской истории задававшие тон городской жизни. Прежде всего, сами вотчинники скоро уразумели выгоду использования своих крепостных и рабов в качестве рентного фонда (Rentenfond). Последние обучались ими ремеслу, а затем отпускались на рынок для свободного сбыта своих продуктов при условии уплаты господину некоторого оброка (Leibzins), составлявшего, по-видимому, известную долю заработка или дохода ремесленника.

Естественно, что эти бывшие крепостные, таким образом, постепенно эмансипировались от своей прежней зависимости: так город издавна сделался местом постепенного перехода из состояния несвободы к свободе путем денежно-хозяйственной и промышленной деятельности. Это не значит, что городские ремесленники произошли именно из этих крепостных, используемых в качестве рентного фонда: ведь приток сельского населения приносил с собой весьма разнообразные элементы — не только несвободные, но и свободные. Важно лишь отметить, что и сословная политика средневекового города в ранние эпохи его существования способствовала возникновению принципа: «Городской воздух делает свободным» (Stadtluft macht frei), ибо, на первых порах, когда арена промышленной деятельности была еще очень широка, всех звали в города, охотно давали новым поселенцам права бюргеров (иначе обстояло дело впоследствии, когда эта арена сузилась и город замкнулся, но об этом ниже).

Далее: внутри городского населения стали намечаться две различные тенденции развития: одна вела к социальной нивелировке и к сплочению городских жителей в одно целое в противовес внегородской вотчинной аристократии, другая — к выделению из состава бюргерства особой городской аристократии. Несмотря на то, что в политической борьбе городов с их сеньорами явно сказывалось влияние первой тенденции (вспомним *conjuraciones*), во внутренней социальной жизни города победила вторая. В результате как средневековый, так и античный город пережил ряд стадий социально-политического развития, начиная с господства городской аристократии, проходя этапы бурной борьбы ее с различными слоями ремесленников и торговцев и кончая той или иной формой преобладания некоторых слоев демократии. Первую из этих стадий, как уже говорилось, Вебер называет *Geschlechterstadt*, вторую — *Plebejerstadt*.

Самые эти стадии и процесс перехода от одной к другой носили весьма различный характер. Нас интересуют здесь, главным образом, следующие типы: 1) античный, преимущественно греческий, город (*polis*), 2) средневековый итальянский город, 3) английский средневековый город и 4) континентальный город средних веков. Общим для всех этих типов признаком социально-экономической природы аристократических родов (*Geschlechter*) является, во-первых, то обстоятельство, что их социальная мощь покоится на землевладении, на доходах, возникших не из собственной промышленной деятельности, и, во-вторых, особый аристократический образ жизни (стр. 544). Но в разных странах и в разные времена конкретные черты этой аристократии и история ее борьбы с плебсом были, конечно, различны. В Италии возвышение аристократии было вызвано в значительной мере финансовыми потребностями военной, коло-

ниальной и торговой политики, которая сделала необходимым привлечение патрициата к управлению (стр. 545). Поэтому, например, в Венеции *dux*, назначавшийся ранее из Византии, стал начиная с 726 г. избираться знатью, сделался дожем и начал, в свою очередь, борьбу со знатью, стремясь превратиться в *басилевса*. Дожд сам был крупным вотчинником и крупным купцом (*Grossgrundherr und Grosshändler*), являлся ставленником той же знати, и его возвышение вначале выражало собой первую стадию возвышения знати. Однако знать пересиливает монархические тенденции дожа, и в XI в. начинается ограничение его власти со стороны знати, в руках которой концентрируется путем накопления имуществ «денежно-хозяйственная и политическая сила» (*geldwirtschaftliche Vermögensbildung und politische Macht*) (стр. 545).

Дальнейшее развитие ознаменовано выделением из среды знати Большого совета, принимающего решения, и Малого — управляющего (1187). Назначение дожа узкой выборной комиссией из среды нобилей (вместо прежних выборов), фактическое ограничение выбора городских чиновников и должностных лиц лишь из рядов узкого круга фамилий и даже закрытие списка последних (1297—1315), солидарность интересов и особая техника управления (краткосрочность должностей, коллегиальность и отсутствие бюрократизма) делали эту узкую массу, этот тонкий слой нобилей, разбогатевших на заморских предприятиях экономического и политического характера, очень сплоченной и дисциплинированной.

На примере Венеции особенно ясно видно, какое большое значение имела именно внегородская колониальная политика города для усиления и развития аристократии. Венецианские нобили, так же как и их античные собратья, не были купцами по профессии. Это были, наоборот, большей частью рантье — землевладельцы, которые наживались в связи с расцветом заморской торговли, дававшей им возможность благодаря их земельным богатствам внутри и вне города извлекать большие денежные доходы именно в качестве рантье, а иногда и путем косвенного участия в предприятиях (*Gelegenheitsunternehmer*).

В других итальянских городах, где монопольное положение городской торговли вовне не было столь определено, а потому общность интересов не была столь ясна, шла непрестанная борьба между отдельными представителями аристократии, между различными аристократическими фамилиями. Результатом этой борьбы явилось некоторое возвышение непривилегированных слоев знати, которые раньше были исключены из участия в управлении, и известный компромисс между двумя группами: выбор особой комиссией из нобилей чиновника, долженствовавшего представлять интересы второй группы. Этот чиновник — *подеста* — приглашался обычно из среды нобилей какой-либо чужой городской корпорации сроком на год и облакался высшей судебной властью, а иногда и правом военного командования, — конечно, под контролем городского совета.

Однако с конца XII — начала XIII в. начинают заявлять свои права совсем иные, неаристократические классы населения итальянских городов — так называемый *popolo*, народ. В экономическом смысле *popolo*, как и массы немецких торговцев и ремесленников, объединенных в цехи,

состоял из различных социальных элементов — прежде всего его можно разделить на предпринимателей и ремесленников. Вождями масс в борьбе против нобилей выступали главным образом первые. Они финансировали борьбу и создавали «клятвенные объединения цехов»⁷, направленные против аристократических фамилий, а ремесленники лишь поставляли массы, людские резервы для боевых действий. В Италии *popolo* в XIII в. составлял особую общину внутри города (*mercadanza* или *credenza*), особое государство в государстве.

Во главе этой общины стоял так называемый *capitanus popoli*, ежегодно избираемый и приглашаемый извне, наподобие подеста, и несший весьма важные функции, игравший большую роль в городе. Так, он жил в особом укрепленном помещении, имел свою милицию, свои органы управления. Рядом с юрисдикцией подеста выступает юрисдикция капитана как представителя купечества, т. е. особый, отдельный суд по делам купцов и ремесленников (стр. 563). Подеста не имел права вмешиваться в судебные тяжбы между пополанами, и нередко «капитан» приобретал всеобщую юрисдикцию, конкурировавшую с полномочиями подеста, становился кассационной инстанцией для жалоб на приговоры последнего. Представители цехов при «капитане» (*anziani*) претендовали на право защищать членов *popolo* перед судом. Больше того, каждая из обеих городских общин — городская коммуна и *popolo* — имела особые статуты, и иногда *popolo* добивался того, что решения коммуны имели силу лишь с его согласия и, следовательно, отмечались в особых статутах.

Наконец, «капитан» стал участвовать в целях контроля в заседаниях коммунальных коллегий, получил право в отсутствие подеста созывать бюргеров и приводить в исполнение решения совета, начал принимать участие в управлении финансами (особенно в распоряжении имуществом осужденных) и в контроле над ними, а иногда и в управлении войском. Словом, формально он был ниже подеста, фактически — сильнее его. В случае успеха такая политика приводила к полному исключению знати из участия в городском управлении, ибо ведь должности «пополанов», таким образом, становились недоступными для нобилей, в то время как коммунальные должности делались все более доступными для членов *popolo*.

Но это было лишь чисто формальным, кажущимся исключением; на самом деле на должности «пополанов» все же проникали представители нобилей — для этого им стоило только гарантировать политическое подчинение со своей стороны и записаться в какой-либо цех, что не мешало им оставаться теми же аристократами, которыми они были и до этого. Так аристократизировался самый состав цехов. Надо, однако, иметь в виду, что здесь идет речь о зажиточных, так сказать, буржуазных слоях *popolo*, о так называемом *popolo grasso*, с семью главными цехами которого (цехи нотариусов, судей, врачей и прочих «либеральных профессий», оптовых торговцев, менял и т. д.) произошло вскоре слияние знати, вступившей в цех. С тех пор все должностные лица избирались

⁷ Eidverbrüderungen der Zünfte.

из среды этих цехов, и лишь после ряда восстаний стали принимать участие в управлении — по крайней мере формально — и 14 цехов так называемых *porolo minuto*, т. е. цехи мелких ремесленных предпринимателей (*gewerbliche Kleinunternehmer*).

Но вовсе лишённые собственности на орудия производства слои ремесленников (подмастерья), опиравшиеся зачастую в своей борьбе с *porolo grasso* на нобилей, — ибо противоположность интересов цехов мелких ремесленников интересам предпринимательских цехов очень резко сказывалась при развитой и мануфактурной организации производства⁸ (*Verlagssystem*), — нигде не достигали власти на долгое время. Да это и понятно: цехи, которые с самого их возникновения использовались городской коммуной для привлечения к участию в разных работах по обслуживанию нужд городского управления, стали особенно важны для города в финансовом и административном отношении. с тех пор как в их среде появились крупные предпринимательские и интеллектуальные силы.

Совсем другое дело «пролетарский слой странствующих ремесленников» (*die proletarische Schicht der wandernden Handwerksburschen*) (стр. 564). Он долгое время не был нужен городу как корпорации, а потому везде и стоял за бортом государственного корабля, в то время как *mercadanza*, вначале представлявшая собой неполитический союз купцов и ремесленных предпринимателей, все более и более становилась нормальной формой политической организации *porolo*. И хотя основная тенденция развития всего движения *porolo* заключалась в стремлении к организованной защите его интересов перед городским судом и властями, находившимися в руках аристократии, раздробленность самой знати давала ему возможность пользоваться для своих надобностей и военными силами части рыцарства.

Однако и «широкие массы низших слоев ремесленников», заинтересованные «в регулировании приобретательской деятельности в смысле мелкобуржуазной политики пропитания» (*Regelung des Erwerbes im Sinne kleinbürgerlicher Nahrungspolitik*) (стр. 572), если и не достигали политической власти непосредственно, косвенно являлись одним из факторов, создававших своеобразную форму этой власти — тиранию, которая в Италии носила название синьории. Она возникла в процессе борьбы *porolo* со знатью, и ее поддерживал, кроме слоя беднейших ремесленников, еще и ряд других социальных слоев. При синьории власть находилась обыкновенно в руках представителя какой-либо зажиточной фамилии, которая тем самым резко выделялась из массы прочих подобных фамилий, становясь над ними.

Целый ряд причин давал пищу синьории: мирный характер бюргерства, отвыкшего от военной службы, рационализация военной техники и образование профессиональных войск, а также развитие и преуспеяние

⁸ Система, при которой купец или предприниматель (нередко это одно и то же лицо) поставляет материал целому ряду рабочих либо просто дает им работу, заказ; он — единственный, монопольный покупатель их изделий, т. е. скупщик (ср. *K. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. XV. Aufl., Bd. I. Tübingen, 1920, S. 185—186*).

тех групп в среде знати, которые — как, например, рантье и ростовщики — были и социально, и экономически заинтересованы в наличии «двора» в городе. Те же причины создавали некоторые шансы к преобразованию синьории в наследственное патримониальное княжество, возникновение которого можно считать пунктом, завершающим цикл развития итальянских городов. Развитие итальянских городов, замечает по этому поводу Вебер, которое шло от города как составной части патримониальных и феодальных союзов через период самостоятельного господства знати, приобретенного революционным путем, затем через господство цехов к синьории и, наконец, пришло вновь к городу как составной части относительно рациональных патримониальных союзов, — это развитие не имеет себе полной аналогии в остальном средневековом Западе (стр. 574). Зато на первый взгляд поразительно сходно с только что бегло намеченной социально-политической эволюцией итальянских городов шло развитие в древней Греции и в Риме.

Начать с того, что экономическая структура аристократических фамилий была очень сходной: и там, и здесь это главным образом рантье и предприниматели, лишь косвенно участвующие в делах своими капиталами (*Gelegenheitsunternehmer*, по терминологии Вебера), но не купцы (самая работа купца считалась, как известно, унижительной, даже позорной для родовитого человека, особенно в древности). Так же сходна и история борьбы аристократических фамилий и родов с плебсом в Риме и демосом в Афинах. Итальянские «капитаны» напоминают римских трибунов или спартанских эфоров. Мелкие ремесленники и в античном городе также редко достигали власти, а тем более господства. Следствием демократизации античного города было то же проведение в жизнь и закрепление официального характера городских политических союзов и перемена в системе городского управления — создание краткосрочных должностей. Сходно и явление тирании — везде, впрочем, локально ограниченное.

Но наряду с этими сходными чертами имеется и ряд крупных различий. Прежде всего основным классовым противоречием античного полиса является противоположность не рантье и ремесленников, а городских патрициев, имеющих в своих руках средства вооруженной защиты, как кредиторов и ростовщиков, и крестьян как должников. Далее: полис — это береговой город, береговая община воинов (*eine Küstensiedelungsgemeinschaft von Kriegerern*): он еще делится на фило и фратрии — остатки первоначальных военно-сакральных подразделений наподобие «сотен» древних германцев (стр. 557). Средневековый город есть по преимуществу (за исключением некоторых итальянских городов) город сухопутный, и возник он иначе.

Другое отличие — в окружающей обстановке: античный город боролся с базилиевсами, и возникновение римского сената и магистратов или афинского ареопага есть результат постепенного превращения городской царской власти в годичную магистратуру; средневековый город боролся со своим городским сеньором. Если, однако, несмотря на все эти различия, мы наблюдаем здесь и так много сходства, то причина тому в особом характере как итальянского, так и античного города: и тот и другой — правда, в весьма различной степени — не просто города, но горо-

да-государства (Stadtstaaten). Остальные средневековые города — средне-европейские и североευропейские — имели гораздо меньше сходных с античным городом черт, чем итальянские.

Так, например, английские города проделали совершенно своеобразный цикл социально-политического развития, обусловленный большой силой королевской власти в Англии. В Англии еще более, чем в других странах Европы, города были вначале бургмами и обладали властью над городской округой (Stadtmark). Но после норманского завоевания (XI в.) бурги стали строиться преимущественно вне городов, и города все более и более становились поселениями, ориентированными главным образом на экономику (ökonomisch-orientierte Körperschaften) (стр. 548). Короли смотрели на них как на опору против феодальных сил и на объект обложения. Conjuraciones протекали в Англии обычно в форме образования гильдий, которые и правила фактически городом. И в Англии города, конечно, нередко получали привилегии от короля, но эти привилегии так же, как и conjurationes, не делали город автономной корпорацией: это были обычные сословные привилегии внутри сословного государства — и только.

Итак, английские города представляли собой сначала принудительные союзы (Zwangsverbände), которые королевская власть облагала различными налогами и повинностями. Затем в результате раздачи им королевских привилегий они стали экономически привилегированными сословными городами бюргеров-землевладельцев с очень ограниченной автономией. Наконец, фактические заправила в городе — гильдии — были признаны и королевской властью, и им было поручено даже управление финансами. Но военная слабость городов и сила королевской власти привели к тому, что в Англии так и не возникло понятие территориальной городской общины (gebietkörperschaftlicher Gemeindebegriff) (стр. 550). Это обстоятельство повлияло и на социальную структуру и эволюцию английского города. Мы знаем уже, что в Италии борьба города с сеньором за политическую и юридическую самостоятельность была в то же время и социальной борьбой ремесленников с землевладельческой знатью. В Англии эта политическая борьба протекала гораздо более вяло и заглушенно, а потому там не было и такой резкой классовой борьбы внутри города: город находился обычно в руках купеческой олигархии, которая с возникновением парламента и развитием интерлокальных связей и интересов объединилась в сословие бюргеров. Но это объединение вылилось не в форму отдельных городских корпораций бюргеров, а в форму бюргерского сословия в национальном масштабе [ein interlokaler, nationaler Bürgerstand], — пишет Вебер (стр. 551).

На континенте, и в частности в Германии, социальная борьба в городах развивалась во многом аналогично итальянским городам. И там городской совет вначале находился в руках знатных городских фамилий, но вскоре цехи сделали носителями недовольства со стороны выключенных из участия в управлении групп бюргеров — недовольства, нередко переходившего в революцию. И в Германии цехи не были однородны по своему социальному составу: движение цехов и здесь в значительной мере означало выступление против городской буржуазии, против землевладель-

ческой аристократии. Поэтому начало борьбы цехов со знатью совпадает с периодом наибольшего усиления города вовне и политической самостоятельности внутри.

Однако в Германии «клятвенное объединение бюргеров», напоминающее *conjuraciones*, было преходящим явлением: дело кончалось либо приемом представителей цехов в городской совет, либо полным растворением всего бюргерства в цехах. Но даже в том случае, когда в цехи вступало действительно все бюргерство, включая сюда и аристократические фамилии, такое растворение носило в значительной мере формальный характер и отнюдь не было тождественно полной демократизации города: ибо патриции, попадая в цехи, завоевывали их изнутри, отодвигая на задний план купцов, лично занимавшихся торговлей, в пользу рантье-аристократов.

Согласно теории, право вхождения в цехи приобреталось ученичеством, а на практике оно покупалось или даже передавалось по наследству. «Отчасти внутри цехов зияли экономические и социальные противоречия, — говорит Вебер, — а отчасти, и это в большинстве случаев, цехи представляли собой исключительно союз «избранных» джентльменов, объединившихся для замещения городских должностей из их среды» (стр. 560). Таковы главные особенности средневекового города средней Европы.

Если мы теперь бросим еще раз беглый взгляд на основные отличия античной городской демократии и античного города от города и городской демократии средних веков, то они выступят особенно рельефно в двух планах: 1) в средневековом городе представителем низших слоев населения, материально не обеспеченных и нуждающихся масс, был ремесленник-подмастерье, т. е. безработный в области промышленного труда; в античном городе таковым являлся пролетарий, т. е. бывший владелец земельного участка, впоследствии обезземеленный и политически деклассированный; 2) в то время как античный город сам был носителем высшей военной техники, город средних веков, несмотря на наличие бурга, противостоял в военном отношении могуществу короля, сеньоров, рыцарей: поэтому средневековый бюргер был по преимуществу *homo oeconomicus*, а античный — *homo politicus*. Последнее обстоятельство обусловлено все тем же основным различием: полис есть город-государство, каковым редко являлся средневековый город (за исключением городов Италии). Как ни велики отличия в ходе эволюции средневековых городов различных стран Европы, но в одном пункте, в одном отношении «круг развития», по мнению Вебера, универсален: «в эпоху Каролингов города были, — говорит он, — не чем иным — или почти не чем иным, — как административными центрами управления отдельных округов (*Verwaltungsbezirke*) с известными особенностями сословной структуры; в средневековом патримониальном государстве они вновь значительно приблизились к этому положению и выделяются лишь своими особыми корпоративными правами. В промежуточные периоды своего развития они были везде в той или иной степени коммунами с автономной хозяйственной политикой» (стр. 574). Что означает первая часть этого определения средневекового города, т. е. в чем заключалась городская автономия, мы уже

знаем в общих чертах; но мы еще не уяснили второй его части, т. е. не раскрыли значения и содержания хозяйственной политики города. К ее разбору мы сейчас и обратимся.

III

Вопрос этот сложен и спорен — тем более важно и интересно познаться с тем, что дает точка зрения Вебера для его уяснения. Об особом городском хозяйстве и городской хозяйственной политике говорят обычно применительно к тому периоду городского развития, когда господство в городском управлении принадлежало цехам. О политической роли цехов нам уже приходилось попутно говорить. Но цехи, которые Вебер определяет как «расчлененные по профессиям, чисто экономические объединения»⁹, были в значительной мере носителями городской хозяйственной политики. Однако Вебер предостерегает от смешения ее с городским хозяйством и от конструирования городской экономической политики в виде особой ступени хозяйственной эволюции народов — наподобие того, как это делал в свое время Бюхер.

Сущность и основное содержание городской экономической политики средних веков Вебер видит в следующем: в результате всего предшествовавшего процесса исторического развития для средних веков даны определенные условия городского хозяйства, которые можно было бы называть естественными для этой эпохи (в чем они заключаются, сейчас увидим). Эти-то естественно данные условия экономической политика средневекового города и стремится зафиксировать, применяя целый ряд мер и средств хозяйственного регулирования. Делает она это в интересах обеспечения непрерывности и дешевизны массового питания, а также постоянства шансов на прибыль (*Erwerbschancen*) для ремесленников и купцов. Каковы эти естественные условия, каковы меры, принимаемые для их фиксации, и, наконец, каково взаимоотношение экономических интересов различных слоев городского населения — вот основные вопросы, которые возникают при этом. Ответ на них должен конкретизировать наше представление об экономической политике средневекового города. «Естественные» условия, о которых только что шла речь, заключаются: 1) в определенном характере производства, которое представляет собой в техническом отношении ремесло (*Handwerk*), в организационном отношении — мелкую промышленность, уже разделенную на отрасли и профессии, но еще бедную капиталом или даже вовсе лишенную его¹⁰, и в экономическом отношении — *Lohnwerk*¹¹ или *preiswerkliche Kundenproduktion*¹²; 2) в определенном отношении города к окрестности, к го-

⁹ Beruflich gegliederte, rein ökonomische Einungen.

¹⁰ Spezialisierter kapitalloser oder kapitalschwacher Kleinbetrieb.

¹¹ Lohnwerk — работа (за определенное вознаграждение) на заказчика-потребителя, являющегося одновременно поставщиком и иногда производителем сырого материала, необходимого для работы (ср. *K. Bücher. Op. cit., S. 175*).

¹² Preiswerkliche Kundenproduktion — работа на сбыт, производимая при помощи собственных орудий и рассчитанная на определенный круг потребителей; продукт труда, слагающийся из собственного сырого материала ремесленника и его рабочей силы, продается им за определенную цену (ср. *K. Bücher. Op. cit., S. 183*).

родской округе, население которой является, с одной стороны, поставщиком продуктов сельского хозяйства на городской рынок, а с другой стороны — покупателем городских товаров и ремесленных изделий на том же рынке. Таким образом, городской рынок есть тот узел, в котором сплетаются два важных для города качества сельской округи — как района сбыта и как поставщика предметов питания. Таковы «естественные условия».

Теперь поставим следующий вопрос: как происходит хозяйственное регулирование этих условий и чем оно вызывается?

Мы уже указывали на то, что всякий город есть в той или иной мере и *Produzentenstadt* и *Konsumentenstadt* — и город производителей, и город потребителей. Поэтому всякая политика, направленная на регулирование отмеченных выше естественных условий, неизбежно должна носить двойственный производственно-потребительский характер, должна стремиться удовлетворять как производительные, так и потребительские интересы городского населения. Так, например, надзор за доброкачественностью и за сбытом товаров исходит отчасти из соображений охраны потребителей, особенно поскольку этот надзор является одновременно и контролем над ценами, а отчасти и из необходимости поддержания определенной репутации фирм, производящих и сбывающих эти товары.

Взаимоотношения города и сельской округи носят тоже двойственный характер: с одной стороны, городская экономическая политика стремится принудить окрестных крестьян покупать все им необходимое в городе, что делается явно в производительных интересах города, т. е. в целях обеспечения городского ремесленникам района сбыта для их продуктов. Теми же соображениями вызываются и различные формы борьбы с конкуренцией сельских ремесленников — например разрешение продавать изделия на рынке только городским ремесленникам, состоящим в одном из цехов данного города. С другой стороны, однако, та же политика стремится принудить городских производителей продавать товары только на городском рынке и препятствует предварительной покупке кем-либо этих товаров вне рынка, что диктуется уже потребительскими интересами города. Целям охраны потребительских интересов служит и так называемое складочное право (*Stapelrecht*), т. е. обязательство купцов держать на городском рынке товары (как местные, так и ввозные) до тех пор, пока не будут удовлетворены все городские потребители, а также и связанный со складочным правом *Stapelzwang*, т. е. принуждение ввозить какой-либо товар (например, хлеб) преимущественно в данный город¹³. Несомненно, что, кроме этих интересов производителей и потребителей, хозяйственная политика города отражает еще и классовые интересы различных социальных слоев городского населения и в значительной мере определяется ими. Так, в интересах ремесленников ведется борьба с возникновением различных форм капиталистической зависимости, иногда запрещается система скупки и мануфактуры (*Verlagssystem*), устанавливается контроль над капиталистическими займами (*Kapitalleihe*), производится

¹³ Cp. K. Bücher. Op. cit., S. 124 и K. Riezler. Über Finanzen und Monopole im alten Griechenland. Berlin, 1907, S. 83.

регулировка сбыта и поставка сырья; в интересах местных городских купцов делается попытка провести монополию в посреднической торговле и завоевать привилегии во внешней торговле. «Эти основы городской хозяйственной политики,— говорит Вебер,— в главных своих чертах имеются налицо почти всюду, они варьируются лишь благодаря большому числу возможностей весьма различных компромиссов между разными сталкивающимися интересами» (S. 573).

Однако это еще далеко не все: то или иное направление хозяйственной политики средневекового города определяется не только экономическими целями потребления и производства и классовыми интересами разных слоев городского населения, но и размерами района приложения промышленной деятельности города (*Erwerbspielraum*). То, что было сказано выше о городской экономической политике, относится к тому периоду развития городов, когда этот район был слишком тесен для промышленной деятельности городского населения, когда круг негородских потребителей благодаря более быстрому промышленному развитию города сравнительно с деревней стал непропорционально узким по отношению к кругу городских производителей, которым грозило перепроизводство и недостаток средств к существованию. Чтобы как-нибудь избежать этого, они начали распространять и на производственные отношения самого ремесла свою «мелкобуржуазную политику пропитания», ограничивая число подмастерьев и монополизировав места мастеров для известных слоев местных жителей.

Это означало, что ремесло самоограничивается, само ставит рамки дальнейшему увеличению числа занятых в нем лиц, чтобы таким образом, путем выключения из своей среды целого ряда социальных элементов, спасти самое свое существование. Если посмотреть на это самоограничение ремесла с другой его стороны, то дело сведется к тому, что сельская округа не в состоянии прокормить возросшее торгово-промышленное население, и этот недостаток не в силах возместить даже торговля между отдельными частями страны, ибо успешное участие в ней города зависит в свою очередь от монопольного положения городских купцов данного города во внешней торговле, а его далеко не всегда удавалось достигнуть.

Исследователь греческого городского хозяйства К. Ризлер¹⁴ дает нам великолепную параллель к этому явлению в древнегреческом полисе: «С достижением предела доходов, даваемых местным сельским хозяйством,— говорит он,— достигается и предел того количества населения, которое может прокормиться на родине, т. е. в родном городе»¹⁵. Вебер тоже привлекает для параллели со средневековым античный город — только он берет его в несколько иной период его существования, а именно: в ту эпоху, когда в античном мире уже было налицо разделение труда (в производственном смысле) между отдельными областями и местностями, когда усиливались обменные связи и в результате этих процессов внутри греческого полиса начали развиваться такие хозяйственные тен-

¹⁴ См. К. Riezler. Op. cit.

¹⁵ Ibid., S. 84.

денции, которые должны были стать в резкое противоречие к формам его политической организации как маленького государства.

Но хотя обменные связи и росли и развивались, отсутствие крупного объединяющего государства исключало возможность какого бы то ни было их регулирования в государственном масштабе. Маленький городок противостоял здесь не только своей сельской округе, но и целому ряду заморских стран, представлявших собой главным образом поставщиков сельскохозяйственных продуктов. Поэтому греческий город этой эпохи, как справедливо замечает Рицлер, страдал не столько от перепроизводства, сколько от недостатка ввоза и от недопроизводства: античный город перерос рамки своей окрестности не только экономически, как это было в средневековой Европе, но и политически: он был с самого начала государством, которое, естественно, не могло просуществовать исключительно за счет собственного сельского хозяйства и собственного ремесла. С развитием внешней торговли и обмена эта невозможность сказалась особенно резко. Именно этот обмен плюс отсутствие объединяющей государственной организации и обусловил собой недостаток средств пропитания в городе, а не слишком быстрое развитие ремесла внутри города, как было в средние века. Город древней Греции страдал как от развития обмена, так и от недостаточности его развития: ему нужно было ввозить из-за границы (т. е. из других городов-государств) много продуктов как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, а сделать это ему было очень трудно, так как в силу недостаточности развития обменных связей он не обладал ни необходимой для этой цели экономической мощью как торговый центр, ни политическим могуществом как государство.

Что же касается развития внутригородской промышленности, то она была в древней Греции следствием отмеченных выше явлений: она развивалась в результате повышенного спроса на ремесленные изделия, и продукты ее производства в свою очередь нуждались в сбыте вовне. Городу предстояло, по мнению Рицлера, так или иначе попытаться справиться с возникавшей таким образом задачей: совместить хозяйственные потребности, вызванные развитым, но не урегулированным обменом, с политическими формами маленького города-государства.

Рицлер намечает два возможных пути, два способа разрешения этой задачи: 1) либо попытка преодоления былого самодовления полиса путем экономического, а иногда и политического завоевания тех стран, с которыми необходимо было установить обменные связи (пример: Афины, Делосский союз), 2) либо, напротив, возвращение к былой автаркии полиса (пример: Спарта). Вебер рассматривает преимущественно первую из намеченных Рицлером возможностей. Обратимся и мы сначала к ней.

Указывая на уже известную нам разницу в социальной структуре полиса и средневекового города (там — знать и массы обезземеленных и задолжавших крестьян, здесь — вотчинники и ремесленники), Вебер отмечает, что интересы низших классов населения полиса были главным образом потребительными интересами и все более становились таковыми в процессе развития полиса. Если в раннюю пору и заметны начатки цеховых организаций, то в классическую эпоху демократии они совер-

шенно исчезают и их место занимают деления по демам и трибам. «Свободные союзы» городов эпохи демократии не носили характера цехов, так как не были объединениями ремесленников с монополистическими целями.

Недостаточность продукции свободного ремесла для удовлетворения государственных надобностей вызвала развитие рабского ремесла, успешно конкурировавшего со свободным. Гоплитный строй войска, часто отвлекавший граждан — и горожан, и крестьян — от их работы для исполнения воинских обязанностей, заставлял гоплита оставлять на своей земле рабов: они были для него так же необходимы, как держатели для средневекового рыцаря. Такое развитие рабского труда в случае организации цехов, несомненно, принудило бы свободных ремесленников принимать в них и рабов, что, однако, оказало бы плохую услугу политическому значению цехов. А мы ведь видели уже, как важно было оно и для их хозяйственного процветания. Те слои населения, которые стояли во главе городского движения в средние века, т. е. живущие в городе крупные предприниматели и ремесленники мелкокапиталистического типа¹⁶, не были у власти в античном городе. «Ибо подобно тому, как античный капитализм, — говорит Вебер, — ориентировался преимущественно политически — на государственные доходы, постройки, государственный кредит, расширение государственной территории и добычу пленных (рабов), на привилегии для промышленной деятельности и земельные пожалования, на заморскую торговлю и подати с подчиненных государств, — точно так же и античная демократия, т. е. крестьяне, составлявшие ядро войска гоплитов, была заинтересована больше всего в завоевании земель для поселения, а городская мелкая буржуазия — в прямых или косвенных рентах из карманов зависимых общин». «Цеховой политике в средневековом духе не дали бы возникнуть уже одни только интересы дешевого обеспечения войска гоплитов, состоявшего главным образом из землевладельцев» (стр. 587).

Как видим, Вебер все время имеет здесь в виду полис, устремившийся к завоеванию необходимых ему территорий, вышедший за пределы автаркии. Это обстоятельство и ряд только что отмеченных особенностей античного города делали невозможной экономическую политику в стиле средних веков, но в то же время создавали почву для иного рода хозяйственной политики. Ее проводили, например, эсимнеты в Афинах, и она состояла в следующем: принимались меры против продажи крестьянских земель представителям городской знати и против ухода крестьян в города; ограничивались работоторговля и посредническая торговля, а также роскошь; иногда ограничивался, а иногда и вовсе запрещался вывоз хлеба и зерна. Все эти мероприятия, говорит Вебер, «в значительной мере означают мелкобуржуазную городскую хозяйственную политику, соответствующую экономической политике средневековых городов» (стр. 570).

¹⁶ «Stadtsässige bürgerliche Grossunternehmer und die kleinkapitalistischen Handwerker».

Столь велики различия между средневековым и античным городом в тот период его развития, который берет Вебер, и в том случае, когда попытка преодоления автаркии хоть в какой-то степени удастся при сохранении той же экономической основы (как было в древнем Риме, который здесь имеет в виду Вебер).

Во втором из намеченных Рицлером случаев это различие гораздо меньше и черты сходства выступают яснее. В хозяйстве города, стремящегося вернуть себе поколебленную обменом автаркию, появляются некоторые черты, очень сходные со средневековым городом. «Отрасли производства, необходимые для местного потребления, — говорит Рицлер, — должны быть созданы внутри города»¹⁷. Начинается вмешательство городских властей в процесс образования рыночных цен, издаются законы против скупки товаров, появляются складочное право, запрещение вывоза предметов, существенных для государства или для потребления и производства, ограничение права покупки земельной и прочей недвижимой собственности. «Задача полиса как кормильца горожан заключается в том, чтобы всячески защищать их, как потребителей и производителей, против всех негорожан»¹⁸.

При этом не следует, однако, упускать из виду, что причины и условия, породившие экономическую политику античного и средневекового города, во всяком случае, различны: в то время как в древности она была вызвана расширением обменных связей, которые полис не мог использовать вследствие своих особенностей маленького города-государства, в средние века ее направление определялось сужением района приложения промышленной деятельности городского ремесла.

* * *

Мы изложили основные линии сложного и многостороннего исследования Вебера.

Резюмируем те выводы, к которым он пришел:

1. Средневековый город есть рыночное поселение, являющееся в то же время укрепленным пунктом и автономной корпорацией.

2. Происхождение города надо мыслить себе не в виде постепенного развития всех этих признаков из какого-либо одного начала, а в виде ряда сложных, перекрещивающихся процессов — социально-экономических и военно-политических. В частности, корпоративную автономию город приобрел в результате вооруженной борьбы горожан с сеньором, борьбы, ставшей возможной в силу господства принципа самоэкипировки войска. Эта борьба в свою очередь сильно повлияла на социально-экономическое развитие города.

3. Средневековый город, как и всякий иной, есть одновременно и город потребителей (Konsumentenstadt), и город производителей (Produzentenstadt) с большим или меньшим уклоном в сторону то одного, то другого.

¹⁷ K. Riezler. Op. cit., S. 84.

¹⁸ Ibid., S. 85.

4. Степень и характер этого уклона зависят от характера социальной структуры города, которая очень сложна и разнообразна. Средневековый город составил первоначально из комбинации рыночного и бургового, вотчинного населения, а потому в нем можно различить три основных класса: а) землевладельцев и рантье всякого рода, б) купцов, в) ремесленников. Последние в свою очередь подразделяются на ремесленную буржуазию и подмастерьев-рабочих. Социальная борьба, носящая в то же время и политический характер, ибо она является борьбой за господство в городе, за участие в городском управлении, разыгрывается вначале между сеньориальными землевладельческими элементами и рыночными. Затем она продолжается внутри последних между различными слоями ремесленников и купцов.

5. В процессе этой борьбы и по мере развития ремесла возникает особая хозяйственная политика города, которая ставит своей целью хозяйственное регулирование «естественных условий» в производственно-потребительных интересах городского населения. При этом внегородские сословные различия игнорируются и деревня рассматривается как объект хозяйственной политики города. Упомянутые выше «естественные условия» суть: а) специфический характер производства — слабость капитала в ремесле; б) наличие известной взаимной зависимости города и сельской округи. Направление и характер регулирования этих «естественных» условий определяется: а) двойственностью социально-экономической структуры города как совокупности производителей и потребителей; б) столкновением классовых и сословных интересов разных слоев городского населения; в) размерами районов сбыта для продуктов городского ремесла.

Попытка резюмирования и даже изложения такой работы, как труд Вебера, по необходимости упускает из виду всю тонкость, сложность и многосторонность ее построения, давая лишь самые основные, общие выводы. От живого организма остается скелет, но, может быть, по этому скелету легче ориентироваться и в самом организме.

Теперь нам предстоит, пользуясь знакомством с конкретным содержанием работы Вебера, поближе рассмотреть его метод.

2. МЕТОД МАКСА ВЕБЕРА («ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ»)

Изложенное нами исследование о городе составляет лишь небольшую часть обширной социологической работы Вебера: «Хозяйство и общество», работы, которая содержит в себе, помимо конкретно-исторических глав, и большое абстрактно-социологическое введение, намечающее основные понятия социологии и ее конечные задачи. Поэтому говорить о методе Вебера — значит говорить о его социологии.

Мы будем иметь в виду именно его специфическую, веберовскую социологию, а не социологию вообще и анализировать ее в конкретных достижениях по вопросу о городе и его эволюции, а не в ее теоретических декларациях, обещаниях и намерениях.

Но термин «социология» принадлежит к числу тех многозначных слов, которые могут выражать большое количество самых разнообразных, иногда даже противоположных понятий. Более того, даже самая правомерность употребления этого термина и самое право на существование социологии как особой науки постоянно оспаривались... И тем не менее, несмотря, с одной стороны, на очень распространенное отрицательное отношение к социологии, а с другой, на весьма малоудовлетворительные результаты большинства делавшихся до сих пор попыток построения социологических систем, социология все же стоит в центре внимания всех, кто изучает общественные явления, и всякое социологическое их рассмотрение вызывает особый интерес. Все это показывает, что потребность в социологии назрела, но средств к ее удовлетворению еще недостаточно.

Однако и эти средства, т. е. имеющиеся в распоряжении конкретных исторических дисциплин материалы, могут быть использованы весьма различно. Отсюда и разница в понимании существа социологии. Чтобы охарактеризовать специфические черты социологии Вебера, мы вынуждены будем поэтому сначала отграничить ее от ряда других «социологий». Довольно обычное понимание сущности «социологии» сводится к тому, что это — абстрактная, теоретическая, систематическая наука об обществе как таковом, как об известной системе взаимосвязанных элементов. Эта наука занимается только обобщением накопленных конкретными дисциплинами фактов, выводя из них определенные законы развития общества. При этом, конечно, сейчас речь идет уже не об общих законах эволюции всяких обществ, а — со времен Маркса — о законах развития каждого данного общества.

Мы говорили уже о том, что потребность в такого рода социологии назрела, но при всех попытках ее построения должное принималось за сущее, желаемое за достигнутое. Творцы социологических систем полагали, что достаточно только обобщить все известные факты, постулировать подмеченные взаимозависимости явлений в виде законов развития — и социология готова. Те немногие мыслители, которые составляли исключение, в сущности и не оставили никаких социологических систем, а дали лишь методологические указания.

Вебер не занимается очерченным выше видом абстрактной социологии (почему и как — об этом ниже). Он не склонен заниматься и его разновидностями: так, он не устанавливает обязательных для всех народов фаз и ступеней развития в духе Бюхера или Зомбарта и в этом отношении солидаризируется с Марксом¹⁹. Правда, в теоретической ча-

¹⁹ Ср. следующее категорическое заявление Маркса из «Письма в редакцию «Отечественных записок»» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19, стр. 120, 121): «Ему (моему критику.— *А. Н.*) непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются... Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня.... события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универ-

сти своей книги он противопоставляет социологию, которая «создает идеально-типические понятия и ищет универсальных законов всего происходящего, истории, стремящейся к каузальному анализу индивидуальных явлений»²⁰.

Каковы бы ни были, однако, цели социологии в понимании Вебера, нас интересуют не они, ибо социология до сих пор и страдала именно тем, что очень хорошо ставила себе задачи и очень плохо их выполняла. Поэтому социология Вебера занимает нас не как новая система или теория, а как метод, практически применимый в целях более или менее широкого освещения и истолкования исторических явлений. Вебер как раз тем и отличается от прочих социологов, что при выполнении социологических задач результаты его работы характеризуются гораздо большей конкретностью, большей близостью к истории, чем обычно. И, однако, пропасть между заданием и выполнением не так уж велика, и его работы носят всегда социологический характер. В чем же дело? Почему же Вебер — социолог даже в конкретных своих исследованиях?

Несомненно, что история есть основа всего обществоведения, ибо ведь история есть наука о развитии человеческих обществ во всей их конкретности. Поэтому науки систематические, как политическая экономия, теория права и пр., невозможны без соответствующих конкретно-исторических дисциплин. Это ясно. Так же ясно и то, что и социология возможна только на почве истории, и не только в том смысле, что история есть объект социологии, черпающей из нее материалы для абстрактных построений, но и в ином смысле, утверждающем более тесную связь между социологией и историей. Социология есть переведенная на язык общих понятий история. Разница между социологией и отдельными систематическими общественными науками (как политическая экономия) лишь в том, что последние переводят на язык общих понятий конкретные явления отдельных сторон процесса общественного развития, а первая — процесс развития общества в целом.

Однако и построение такой социологии можно ставить себе задачей лишь в виде конечной цели всякого конкретного исследования; между нею и им необходимо вдвинуть ряд промежуточных звеньев, проделать ряд предварительных работ. Это и делает Вебер. Он пишет историю под знаком социологии, он на пути к ней, но сознательно самоограничивается. И это дает хорошие результаты, ибо, да позволено будет здесь это естественнонаучное сравнение, прежде чем строить теории эволюции видов, необходимо уяснить себе их сравнительно-морфологическое строение. Вебер и занимается такой сравнительной анатомией или эволюционной морфологией: изучая различные виды одного и того же явления — города, он сравнивает их между собой в процессе их развития. При этом

сальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности». Достаточно сопоставить эти слова Маркса с данной выше характеристикой метода Вебера, чтобы убедиться в том, что последний идет к социологии в значительной мере по пути, проложенному Марксом, несмотря на серьезные разногласия с ним в других пунктах.

²⁰ Die Soziologie bildet Typenbegriffe und sucht generelle Regeln des Geschehens («Wirtschaft und Gesellschaft», S. 9).

сравнении выступают известные сходства и различия: античный город развивался в форме города-государства, итальянский — в несколько аналогичной форме, среднеевропейский — уже иначе, хотя также достигал корпоративной автономии; английский вовсе лишен был ее.

Это — не фазы, не схемы, не стадии, это — ряд сопоставлений, ценность которых заключается в том, что они уясняют сущность каждого из сопоставляемых явлений, и не только по сходству, но и по контрасту. Причем не только итальянский город уясняется из сравнения со сходным с ним античным, но и отличный от него английский, конечно при условии наличия известных элементов сходства. Этот прием Вебера основан на том простом свойстве нашего мышления, что всякое понятие познается нами путем отграничения от других сходных или отличных понятий. Таким образом Вебер собирает, классифицирует, описывает, сопоставляет ряд конкретных исторических процессов. Уже одно это выводит его за пределы специального исторического исследования и делает его работы, по крайней мере, сравнительно-историческими обзорами.

Но Вебер ведь не только описывает, но и объясняет, т. е. устанавливает известные — причинные — связи между явлениями. Будучи самостоятельным исследователем во многих областях, которые он затрагивает, Вебер на основе конкретного изучения составляет впечатление о конкретном ходе того или иного исторического процесса и в сравнительно-историческом обзоре описывает этот процесс в виде ряда причинно связанных друг с другом явлений. Такое причинное, объяснительное описание может опять-таки производиться весьма различными путями.

Исследователь может задаваться целью объяснить весь сложный комплекс явлений из какого-либо одного корня, из одного начала, одной основной причины (например, город произошел из бурга, рынка, вотчины или общины). Такой прием, который мы позволим себе назвать дурным монизмом, вызывается, конечно, потребностью найти хоть какое-нибудь объяснение явлению, но невольно влечет за собой известное насилие над фактами: в интересах цельности построения невольно появляется стремление ослабить те черты явления, которые не мирятся с гипотезой автора — например, отодвинуть на задний план общинные элементы средневекового города, если автор — противник общинной теории, или, напротив, вотчинные элементы, если он противник теории вотчинного происхождения городов.

Конечно, несмотря на все недостатки такого метода, он представляет шаг вперед уже в том смысле, что дает возможность подойти к явлению с определенной точки зрения и таким образом подчеркнуть и осветить то ту, то другую его сторону, до того остававшуюся неосвещенной. Можно идти и обратным путем — вместо одного «начала» взять в качестве исходных пунктов несколько «начал», т. е. рассматривать несколько исторических явлений, предшествующих данному, требующему объяснения явлению, в виде основных его причин. При применении такого приема каждая сторона или черта объясняемого явления будет выводиться из соответствующей ей основной причины или «начала», причем эти стороны сложного комплекса останутся раздробленными, мало связанными друг с другом (так, происхождение города, поскольку он бург, объясняется из

наличия бурга, поскольку он рынок — из понятия рынка и т. д.). Такой метод, который мы позволим себе назвать дурным плюрализмом, очень часто встречается у историков. Очень видные немецкие историки Дюпш и Белов стоят на такой методологической позиции. Когда речь идет о процессе эволюции общества, эти «начала» или движущие «причины» нередко превращаются в «факторы» или «движущие силы» исторического развития. При этом их метафизический характер выступает, пожалуй, еще яснее (факторы экономический, социальный, политический и т. д.).

Конечно, если покинуть почву объяснительного описания и перейти к абстрагированию, то можно избрать и иной путь, отличный от двух предыдущих: можно вовсе оставить всякие «начала» и «факторы» и говорить лишь о содержании и форме общественного развития (о базисе и надстройке), принимая развитие производительных сил в процессе борьбы общественного человека с природой за тот основной стержень, диалектическое движение которого и представляет собой, в переводе на язык социально-политических и правовых отношений, процесс общественной эволюции. Здесь диалектическое развитие производительных сил — не причина, не фактор, а то содержание, которое и есть само историческое развитие, облекающееся в соответствующие ему формы социальной, политической, правовой структуры общества. Подобного рода материалистический монизм можно, конечно, только приветствовать. Но одно дело постулировать его в принципе, как теорию, а другое дело применить к объяснению всего многообразия конкретной действительности, как метод. Чтобы можно было приступить к такому конкретному применению этого метода, нужно проделать сложную и тонкую предварительную работу. Ее-то и пытается выполнить Вебер.

Мы уже видели, из каких соображений он отказался покамест от заоблачных вышей абстракции и предпочел ограничиться рядом исторических сопоставлений. Описывая конкретные виды городов, Вебер не пытается вывести их путем насилия над фактами из того или иного «начала» или «фактора» либо из нескольких таких начал. У него нет никакой теории происхождения городов, а есть лишь история этого процесса, или, вернее, история ряда таких процессов. И когда Вебер указывает на роль экономических, военно-политических, социальных, правовых, даже религиозных процессов в развитии города, речь идет не о ряде отдельных факторов и даже не о взаимодействии факторов: Вебер говорит о взаимодействии явлений. Он дает нам не теорию взаимодействия факторов, которая была бы, конечно, неудовлетворительной, а историю взаимодействия многообразных явлений, переходящих одно в другое, сливающихся друг с другом, противоречащих друг другу и сталкивающихся между собой. Это, если хотите, тоже плюрализм, но не тот — принципиальный, сбивающийся на эклектику, бессильный что бы то ни было объяснить и зато способный все, что угодно, запутать, а плюрализм совсем особого рода: во-первых, он не только не противоречит возможности абстрактно-социологического построения, но, напротив, расчищает дорогу к нему, объединяя ряд явлений и процессов, этот сложный переплетающийся клубок, в некое целое; во-вторых, он помогает ориентироваться в конкретной действительности тем, что наглядно показывает механику этого сложного взаимо-

действия, в то же время несколько не упрощая его и имея, таким образом, возможность оттенить и изобразить всю пестроту отношений не хуже, чем это делается в специальном историческом исследовании. Это тот самый плюрализм, который еще Гёте выразил в следующих словах: *Kein Lebendiges ist ein Eins, immer ist's ein Vieles*²¹.

Ясно, что здесь нет никакого противоречия ни с социологией, ни с методом: если все живое не «однородно», а «многообразно», то это еще не значит, что оно не есть целое и не может быть рассмотрено как таковое. Напротив, то, что обычно называется конкретно-историческим и социологическим методом, сливается здесь в один метод, который сам Вебер довольно удачно называет «эмпирической социологией». Этот термин может показаться внутренне противоречивым лишь в том случае, если под «социологией» понимать исключительно абстрактно-систематическую науку и твердо верить в возможность ее построения из одних общих понятий, без предварительного приведения в порядок данных конкретного исследования.

Таким образом, мы подошли к другому пункту в методологии Вебера: его отношению к конкретным, специальным, локальным историческим исследованиям. Мы позволим себе быть краткими в этом вопросе. Ясно, что только пользуясь конкретно-локальным методом, можно надеяться достигнуть каких-либо результатов при исследовании специальных проблем исторической науки. Также ясно, однако, и другое: время от времени необходимы работы, подводящие итог ряду таких исследований и тем самым дающие толчок к новым исследованиям. Важно только, чтобы они появлялись своевременно, т. е. когда накопилось достаточно материала и основывались именно на конкретном изучении, а не на работе фантазии. И если рассматривать труд Вебера как работу историческую, то она вполне удовлетворяет этим двум условиям. Поэтому эмпирическая социология Вебера не только не противоречит локальной истории, но, напротив, находится с ней в самой тесной связи. Зато такое противоречие действительно имеет место тогда, когда социолог или иной представитель систематической дисциплины слишком теоретичен, заботится только о чистоте своих понятий, а историк, как представитель конкретной науки, недостаточно продумывает общие понятия или же просто пренебрежительно относится к ним, как к роскоши²². Вебер чужд подобной узости. Его работа о городе — ценное историческое исследование. А в социологическом отношении она тоже только выигрывает от того, что не устанавливает «универсальных законов всего происходящего», ибо пока это еще невозможно; можно и должно стремиться к этому. Работы, подобные разбираемой нами, представляют собой конкретные попытки такого рода, делают первые шаги на пути к социологическому освещению исторических явлений. И в этом — их огромная ценность.

²¹ «Живое никогда не бывает однородно, оно всегда многообразно» (ред.).

²² Это противоречие особенно ярко отразилось в любопытном споре Дюппа с Зомбартом по поводу второго издания «Современного капитализма». См. *Grünberg's Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung*, 1919, Jg. IX, Hft. 2—3.

Приложение

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИИ

Проблемы исторического мышления*

1. ОТГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДАЧИ

А. Историческое мышление — не историзм. Историзм — универсальное мировоззрение, стремящееся 1) либо истолковать весь мир как исторический процесс (в этом повинна отчасти и марксистская диалектика), т. е. перенести категории исторического движения на движение космическое, 2) либо применить историческую методологию, перенести известные принципы исторического изучения в чуждые области (историзм Дарвина — Геккеля в биологии, историческая школа права, историческая школа политической экономии и т. д.). Историческое мышление остается на почве исторического процесса. Это *историзм в истории* — и только.

Б. С другой стороны — историческое мышление не тождественно ни простому эмпиризму, ни чистому логицизму. В отличие от первого оно ставит себе задачи, выходящие за пределы конкретного исторического исследования, в отличие от второго — не ограничивается чисто формальным анализом понятий, которыми оперирует историческая наука.

Историческое мышление есть особый тип научно-философского мышления, являющийся продуктом понимания различных исторических образований во всей их конкретности, т. е. в их своеобразии и общности *одновременно*. При этом историческое мышление возникает там, где эти образования (в которых общее неразсторжимо переплетено с частным, повторяющееся с неповторяемым, родовое и типическое с индивидуальным и своеобразным и т. д.) рассматриваются как живые, подвижные и *движущиеся вечно* (об этом ниже!) звенья единой цепи (или нескольких единичных цепей — все равно!).

Итак, историческое мышление еще не есть ни мировоззрение общего порядка, ни даже мировоззрение чисто историческое; оно — не философия

* Фрагмент представляет собой программу и отчасти тезисы задуманного исследования о природе исторического мышления, его своеобразии, границах и возможностях. К сожалению соответствующие тексты в архиве ученого обнаружить не удалось, но и самый план работы очень интересен по постановке проблемы и намеченному пути исследования. Написано 1 июля 1931 г.: карандашные вставки и пометки — от 3 августа 1932 г. (в квадратных скобках). Печатается по рукописи с незначительными сокращениями.

истории, но и не простая совокупность методов и приемов исследования. Оно — *на той грани, где совокупность методов* спонтанно — под давлением новых точек зрения, требующих пересмотра ставшего неподвижным исторического материала и его оживления, — *перерастает в новое отношение к миру исторических явлений*. Историческое мышление есть, таким образом, тот аспект, тот особый, лишь историческим рассмотрением вырабатываемый угол зрения, под которым мыслятся все исторические и общественные явления (поскольку они берутся как исторически подвижные — значит, не в стиле «Социологии» Зиммеля или «Wirtschaft und Gesellschaft» М. Вебера); только в том случае, когда они мыслятся *sub specie* исторического мышления, они и могут дать материал для построения философии истории или философии общества (но не историзма как универсального мировоззрения!). В этом именно смысле историческое мышление — историзм на почве истории и только. Оно — подвижная система, вечно меняющаяся сеть для уловления чередующихся конкретностей, с одной стороны, и установления общих перспектив — с другой.

В. Задача работы — показать *in concreto* основные проблемы исторического мышления путем анализа его *возможностей и границ*, путем указания, в каких областях общественного бытия и в какой мере оно уместно и необходимо. В отличие от «проблем историзма» Трёлча здесь имеются в виду «*проблемы исторического мышления*» (в уже расшифрованном смысле); в отличие от «*границ естественнонаучного образования понятий*» Риккерта цель настоящей работы — уяснить границы исторического, но опять-таки не «образования понятий» (формально-логический признак), а *мышления* (признак теоретико-познавательный). При этом, анализируя задачи и место исторического мышления в самой истории, надлежит отграничить историю от смежных сфер — политики, искусства, метафизики и проч.; при этом отграничении не забыть о двусмысленности слова «история»: история как процесс и история как наука. Нужно все время расчленять и синтезировать оба понятия, ибо «союз их кровный, не случайный»: история как наука — порождение исторического процесса, но его понимание невозможно без некоторого абстрагирования от этого родства, хотя полное его забвение умерщвляет историческую науку (здесь зерно истины гегелевского самопознания мирового духа). Настоящая работа — в конце концов — Beitrag к вопросу: для чего нужна история как наука?

II. ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

А. История как процесс. Исторический процесс, современный историку, т. е. еще не имеющий *ни одного* завершенного этапа, рассматривается обычно как «политика», как «современность». Тот же процесс — по завершении хотя бы ближайших этапов — начинает все более становиться «достоянием истории», и чем больше завершено этапов, тем в большей мере. Уже из этой условности грани между прошлым и современностью, историческим процессом и «политикой» (в смысле процесса, а не методики или науки) видно тесное родство истории с политикой как двух процессов, продолжающих друг друга и меняющихся местами (се-

годняшняя политика завтра станет историей; но сегодняшняя история вчера была политикой). Но все же есть пункт, где история и политика резко разорваны: это — самый момент перехода от вчера к сегодня, от сегодня к завтра. Другими словами: разница между историей и политикой (как процессами!) не в том, что история — прошлое, а политика — современность, а в том, что история *обращена* в прошлое, а политика *обращена* в будущее; или: один и тот же процесс, мыслимый как *imperfectum*, а следовательно, и как *futurum*, есть политика, а мыслимый как *perfectum*, — история.

Б. Историческая наука и политическая деятельность (теория политической деятельности). Сказанным до известной степени определяется их взаимоотношение. Момент разрыва практически лежит на *границе будущего*: историческая наука не дает прогнозов, а лишь *подводит* к самому «прыжку»; политическая теория не может *изменить* ход завершившегося исторического процесса, но сообщает ему *вечную подвижность*, каждый раз заново истолковывая преемственность современной политики и прошлой истории (как процесса). Однако исторические аналогии — не уроки, не рецепты для политического деятеля, а лишь материал для самопознания и ориентировки [ср. Hegel. *Philos. d. Geschichte...*]. Историческое мышление применительно к политической теории есть известная школа ума и только, т. е. методически выработанное умение исторически мыслить о современности, другими словами — вставлять и ее, как звено, в общен историческую цепь. Однако самые поступки политика диктуются не этим самопознанием, а лишь ориентировкой в данной современной ситуации во всей ее конкретности [ср. Hegel]; поскольку это самопознание помогает такой ориентировке, поскольку историческое мышление облегчает понимание современной ситуации как звена общен исторической цепи, постольку оно полезно; но оно становится вредным, когда превращается в самоцель, загораживая от политика современность, откуда он, собственно, и должен черпать силы, как Антей от соприкосновения с землей. С другой стороны, историку полезна и необходима ориентировка в современности как средство расширения поля зрения, удлинения цепи, ее превращения из замкнутой в открытую. Но он и ее стремится включить в историю как процесс, т. е. установить преемственность, а отнюдь не строить из нее будущий, «завтрашний» исторический процесс. *Всякая попытка преодолеть разрыв истории и политики* (как процессов) в пункте, где «сегодня» становится «завтра», *неосуществима* в том смысле, что *никогда не может быть научно убедительна*, т. е. не может быть выражена в терминах чисто исторического мышления, а между тем все попытки такого рода всегда стремятся быть научно убедительными...

III. ИСТОРИЯ И МЕТАФИЗИКА

(а) философия; б) учение о ценностях. Разработать аналогично § II. Материал: а) Гегель; в) Кант, Риккерт, Вебер.

IV. ИСТОРИЯ И ИСКУССТВО

Интеллектуализм и интуитивизм. История как творческий процесс — Бергсон, «люди сами делают историю» — Маркс.

Привлечь Шпенглера.

V. ИСТОРИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Маркс, Вебер, Tönnies. Во всех пунктах различать историю как процесс и историческую науку и анализировать историческое мышление применительно к этому различию.

VI. ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

VII. ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

З а к л ю ч е н и е. Своеобразие исторического мышления в отличие от политического, метафизического, естественнонаучного, художественного [NB.] («мышление образами» как «идеально-типическое» мышление в смысле М. Вебера). Его место в общей системе человеческого мышления.

1.VII 1931.

М а т е р и а л:

- А. 1) Kant
2) Hegel («Philos. d. Gesch.»)
3) Marx u. Engels
Б. 4) М. Weber и литература о нем
5) Simmel
6) Tönnies
7) Dilthey
8) М. Scheler
9) Troeltsch
10) Rickert.

В центре:

- 1) Kant u. Hegel
2) Marx u. Max Weber

По каждому вопросу брать наиболее показательные иллюстрации из того или иного мыслителя; следя за ходом его мысли, уяснять *собственные* мысли, но [зачеркнуто] привлечь лишь *ad hoc*.

В. М. ЛАВРОВСКОМУ

4.VI 1966

Дорогой Владимир Михайлович!

Вашу статью в «В. И.» * прочел и, к сожалению, не могу во всем согласиться с Вами: *единство* естественнонаучного и исторического метода еще не есть их *тождество*. В исторической науке и предмет познания

* См. В. М. Лавровский. К вопросу о предмете и методе истории как науки.— «Вопросы истории», 1966, № 4 (ред.).

(общество!), а следовательно, и метод конечно, имеют специфические особенности, которые необходимо учитывать, признавая при этом единство методов всякой науки, ибо она всегда стремится к установлению причинных закономерностей. Но закономерности эти носят различный характер даже в разных областях естественных наук (например в биологии и в квантовой механике), не говоря уже об истории и прочих общественных науках. Конечно, некоторые математические приемы исследования (например применение счетных машин к объектам, требующим статистического обследования) могут быть очень полезны, как *техническое орудие*. Но это же не метод в широком смысле слова! Превратить историю в математику невозможно.

30.VI — 1.VII 1966

Дорогой Владимир Михайлович!

Пришел конец моей медлительности, и я понемногу приступаю к ответу на Ваши теоретические письма.

1. Само собой разумеется, что существует известное единство метода всех наук, ибо иначе они не были бы науками. Но это единство сводится лишь к констатированию этого факта, т. е. того факта, что наука есть вид человеческого мышления, стремящегося к установлению закономерностей. Поэтому, конечно, не нужно *противопоставлять* одни науки другим, но их необходимо *сопоставлять* и при этом *разграничивать*, т. е. находить относительные (не абсолютные) различия между ними.

2. Вы правильно признаете специфичность *предмета* истории. Предмет истории — развитие общества, а общество сильно отличается от объекта исследования всех других наук (биологии, физики, химии и больше всего — математики). Это легко иллюстрировать примерами: ни одно явление общественной жизни нельзя, вопреки Л. Толстому, ни превращать в дифференциалы, ни интегрировать (да и самые эти выражения у Толстого играют роль метафор — не более того). Ни одно явление общественной жизни не может быть рассмотрено ни в микроскоп, ни в телескоп, не может быть разложено на мельчайшие составные элементы (наподобие атомов и их частиц) *.

Наконец, в истории невозможен эксперимент — в том точном значении этого слова, в каком он ежедневно и многократно применяется в физике и химии (а частично и в биологии). Поэтому счетные и кибернетические машины могут быть применены в истории весьма ограниченно, т. е. первые лишь там, где памятники содержат обильный цифровой материал, а вторые — только по заданию исследователя, который опять-таки работает не при помощи кибернетики, а посредством интеллектуальной интерпретации исторических процессов и их причин, а также и последствий.

3. Тем самым мы незаметно перешли от объекта исторической науки к ее методу. Уже из сказанного ясно, что он обладает какими-то осо-

* См. статью: А. И. Уваров. Структура теории исторической науки. — В кн.: «Основные вопросы методологии и историографии исторической науки», вып. 3. Томск, 1965.

бенностями; пусть его своеобразие относительно, оно все-таки очень важно, вернее — оно-то и делает историю именно историей. Историк не только стремится к установлению общих законов исторического развития общества, но устанавливает и конкретное течение различных исторических процессов, а для этого требуется установление также и индивидуальных каузальных связей (о Риккертe советую здесь забыть: он тут, по-моему, ни при чем!). Меня, признаться, несколько удивило Ваше отрицание причинной закономерности в пользу функциональной связи: «Очерки» Р. Ю. Виппера были написаны под сильным влиянием Маха и Авенариуса; с тех пор делалось много попыток применить понятие функциональной связи к изучению общества (например В. А. Базаровым и А. А. Богдановым), но в общем каждый раз неудачно. Да это и понятно: функция — понятие математическое (т. е. сугубо абстрактное); оно с успехом применяется в некоторых областях физики и химии, поскольку математика является их методом (впрочем, наряду с этим физика и химия оперируют и причинной закономерностью).

Что же может дать абстрактное понятие функции в столь конкретной эмпирической науке, как история, — к тому же изучающей такой сложный объект, как общество с его не менее сложными подразделениями, группами и формами (классами, народами, государствами и т. д.)?

4. Я все-таки думаю, что (выражаясь устарелыми терминами) «генерализирующий» и «индивидуализирующий» методы могут быть совместимы в истории (интересно, что Вам ответил в свое время Д. М. Петрушевский?). Я иду даже дальше и думаю, что они совмещаются и во многих естественных науках, особенно в так называемых исторических (в астрономии, геологии, палеонтологии, общей биологии). Кстати, не этим ли объясняется выражение Маркса: «естественно-исторический?»

3—5.VII

Астрономия применяет физико-математические законы к изучению звезд и планет («генерализация»), но в то же время исследует особенности разных галактик, созвездий, комет, планет и т. д. («индивидуализация»). В биологии Дарвин, на которого Вы указываете, построил общую эволюционную теорию, доказав, что виды и разновидности подвержены изменчивости и закреплению изменений путем наследственности; этим он внес исторический метод в естествознание, но не доказал возможность биологии как науки в Вашем смысле. Но почти одновременно с ним заложил основы генетики Мендель, а теперь генетика стала частью биохимии и оперирует «генерализирующим» методом. Выходит, что Дарвин работал как раз больше путем «индивидуализирующим», так как законов (в смысле физико-математическом) наследственности и изменчивости он так и не открыл; он шел путем накопления огромного количества фактов, наблюдения и рассуждений. Тем не менее обобщения Дарвина — это самая подлинная наука, хотя и не математическая. Вы говорили мне по телефону: «не историческая наука», а «история как наука». В этой формуле сквозит представление, что настоящая наука только та, которая пользуется математикой, и что задача — превратить историю в таковую. Но это представление, в свою очередь, основано на абсолютизации математиче-

ского метода одной группы наук — главным образом, физико-химических, абсолютизации, вызванной колоссальными успехами этих наук за последние 60—70 лет. Но правомерна ли такая абсолютизация только на основании их успехов? И кто доказал, что эти науки — «настоящие», а гуманитарные науки до сих пор были «второй сорт» и теперь их надо превратить в подлинную науку?

5. Тут мы подошли к самому главному кругу вопросов, который в Вашем письме, к сожалению, не затронут. Он очень сложен, и я смогу только наметить основные пункты.

Во-первых, только в общественных науках (и в частности в истории) исследователь до известной степени со-природен объекту исследования. Историк — член общества, и изучает он общество — правда, общество прошлого, однако — при всех отличиях от современного — все-таки общество. И притом исследует он его со стороны специфически людских социальных связей и взаимоотношений (а не как физиолог или анатом, тоже изучающий человека, но со стороны его органической, а не социальной природы). Коротко говоря, историк — общественный человек, изучающий общественного человека; тем самым история есть путь общественного самопознания человека (на это указывал еще Вико). С этим обстоятельством связаны сложнейшие проблемы: наличие «предпосылки» у всякого историка, ее неизбежность и в то же время нежелательность (а иногда и желательность), вопрос о субъективности и объективности (ведь если бы историк не был членом современного общества, он совсем не мог бы судить о прошлом обществе, т. е. без известной субъективности не было бы и объективности).

Во-вторых, исторический процесс *необратим* (в отличие от процессов физико-химических). Понятие *времени* в истории специфично: оно течет всегда в одном направлении, т. е. вперед в будущее (независимо от прогресса или регресса); оно и есть этот заполненный живой тканью событий и состояний единый исторический процесс. Несмотря на наличие повторяемости в некоторых отношениях (отсюда — возможность «генерализации»), история никогда не возвращалась вспять (химическую реакцию можно повторять в ту и другую сторону — разложения или соединения — сколько угодно раз). Пример: Английская и Французская революции в конкретном их течении не повторяются никогда, хотя в их закономерностях есть много общего и можно построить социологию революций.

Р. С. В упомянутой статье А. И. Уваров, между прочим, пишет: «Так как история занимается макротелами, то ей не нужна математическая точность».

Д. М. ПЕТРУШЕВСКОМУ

18.II 1912 (Томск)

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич!

...Размышляя о Ваших работах, Дмитрий Моисеевич, я пришел к тому выводу, что они все без исключения отличаются той основной чертой, которую я отметил в одном из прошлых писем, говоря о «Восстании

Уота Тайлера», а именно — наличием конкретно-исторического синтеза, более того — живым ощущением полной невозможности изображать исторические явления вне такого синтеза, вне контекста исторического процесса (например, развития феодализма в Западной Европе). В разных работах эта черта сказывается по-разному, в зависимости от поставленной себе автором задачи, но всюду она является господствующей. Так, в «Восстании Уота Тайлера» этот конкретный синтез строится непосредственно на архивном материале. Иное — в «Очерках по истории средневекового общества и государства»; интересно провести в этом отношении параллель между ними и «Очерками из экономической истории средневековой Европы». В первых «Очерках» дается сначала широкая картина перерождения всего общественного строя Западной Римской империи, а потом прослеживаются как будто три варианта варварской государственности в связи с процессом возникновения феодализма.

Но это — не просто «варианты» каких-либо заранее намеченных типов или стадий: это — обобщение *конкретного* хода развития каждого из трех варварских государств во всей его характерной однократности, но при этом так, что в ее изображении отчетливо выступили общие линии эволюции варварской государственности.

Читая и перечитывая эти три очерка (а их можно много раз перечитывать, как художественное произведение, несмотря на то, что они написаны с присущей их автору чрезвычайной строгостью научного изложения), выносишь такое впечатление, что общие закономерности каждого исторического процесса только и могут быть поняты путем наглядного (не в буквальном смысле, а в смысле Deuten и Verstehen) изображения самого конкретного течения этого процесса в определенных условиях времени и места. А создать у читателя такое впечатление — это ведь и значит показать ему данный процесс под знаком подлинно исторического мышления.

Можно выполнить эту задачу не только путем обобщения собственно исследования архивного материала (как в «Восстании Уота Тайлера»), но и путем построения рядов развития не в стиле *специального* изучения *одного* события и его причин (хотя бы и весьма отдаленных и широко трактованных), а в духе изучения нескольких параллельных процессов, не теряющих, однако, от их сопоставления ничего из своей индивидуальности. Сказанное относится и к главе о Риме. В ней с особенной яркостью *показана*, и притом средствами *научноисторического мышления*, а не приемами художественной изобразительности (что — вопреки распространенному мнению — значительно легче), сложность перерождения империи во всей ее конкретности и *тем самым* дано, как мне кажется, единственно адекватное решение общей проблемы падения Римской империи.

Я хочу сказать: «единственно адекватное решение» — не в том, конечно смысле, что ее *по существу* нельзя решать иначе, а в том смысле, что *методологически* и *логически* она решена единственно адекватным исторической действительности способом; а именно: вместо готовых формул ее решения, или перечисления отдельных причин упадка империи, или перечня его признаков дается *целостное постижение процесса*: читатель дол-

жен пробежать его умственным взором во всей его взаимной переплетенности, оформить этот ход в конкретных *понятиях* для того, чтобы в них самих и почерпнуть понимание *смысла* процесса.

Хотя Вы, может быть, со мною и не согласитесь, но мне представляется, что подобный метод исторической *интерпретации* ближе всего к гегелевскому «*конкретному понятию*», как близок к нему и «идеальный тип» М. Вебера, несмотря на протесты автора, не склонного к гегелевской метафизике. Как бы то ни было, но Вы сдержали свое обещание: искать и находить индивидуальное в общем и общее в индивидуальном. Один из Ваших учеников — Н. А. Машкин — говорил мне не раз, что, несмотря на наличие обширной новой литературы о падении Римской империи, первая глава Ваших «Очерков» не только не устарела, но до сих пор представляет собою лучшее из всего, что написано по этому вопросу. Говоря так, он имел в виду именно отмеченную выше методологическую ее особенность. Но эта особенность характерна и для *всех* Ваших работ, в том числе и для «Очерков из экономической истории». Там — задача иная и, может быть в *некоторых* отношениях более смелая, чем в первых «Очерках» (почему эта работа и осталась до сих пор совершенно непонятой), — дать не параллельные ряды, а *как бы восходящую линию развития средневекового общества* и притом дать каждый этап или *каждое звено этой непрерывной цепи на различном конкретном материале*: после очерков о Риме и германцах дается средневековое поместье на примере Франкского государства, а затем *эволюция средневекового поместья изображается на примере Англии*, и, наконец, показаны основные черты средневекового города.

Конкретный материал для каждого этапа избран так, чтобы дать наиболее типичное (в смысле «идеально-типического»), но при этом вскрыть и индивидуальную сущность: так, средневековое поместье охарактеризовано на каролингском материале именно потому, что Каролингское государство — колыбель общеевропейского феодализма, а эволюция поместья — на материале Англии именно потому, что там наиболее ярко, глубоко и полно совершился процесс перерождения феодального поместья. Глава о городе замыкает книгу (так же, как главы о Риме и германцах ее открывают) *потому, что город вносит нечто новое в историю средневекового общества и может быть рассмотрен как явление общеевропейского порядка: он стоит в конце «экономической истории средневековой Европы», подобно тому как синтез римских и германских институтов — в ее начале. Получается как бы ряд горных вершин и перевалов: через них, переходя с одного перевала на другой, но вовсе не исчерпывая все «пути и перепутья» средневековой истории (что и невозможно и, может быть, не нужно), читатель, идя вслед за автором, может окинуть своим духовным оком всю ту горную цепь, отдельные (важнейшие и притом наиболее отличающиеся друг от друга) вершины которой конкретно изобразил автор. Так «Очерки» слагаются в целостную картину, в своеобразную рельефную карту процесса экономического развития средневековой Европы.*

Целостность картины характерна и для «Очерков из истории средневекового общества», но в «Очерках из экономической истории» больше

идеально-типического; да и самое изложение носит более обобщающий характер; автор как будто в большей мере поднимается на вершины и парит над материалом, чем через него проходит. Это не мешает, однако, тому, что в работу вставлены чисто специальные этюды и экскурсии (о *Capitulare de villis*, о Фоме Аквинском), как бы подчеркивающие то прохождение через конкретику, которое дает право на это «парение», но нисколько не нарушающие, а лишь более выпукло оттеняющие общий фон картины.

Единую восходящую линию развития намечают и «Очерки из истории английского государства и общества», но там построение дано скорее в духе «Очерков из истории средневекового общества», отличие от них лишь в этой «единой линии» — от англо-саксонского периода до английского парламента XIII—XV вв. но это объясняется тем, что тут дается история учреждений одной страны. Между тем в тех двух книгах одна и та же тема — *эволюция Западной Европы в целом и ее феодальных государств* (в одной книге — до IX в., а в другой — до XV в.) *трактруется различно* в смысле применения разных методологических приемов.

Однако, несмотря на эту разницу, всем Вашим работам присуще стремление давать построения исторических процессов, ибо для Вас история — это не только описание и установление фактов (как, к сожалению, до сих пор думают многие наши историки и в том числе многие московские медиевисты), но и не создание готовых схем и формул, а постижение при помощи методов строго научного исследования закономерностей явлений прошлого в их живой связи друг с другом и в их целостности.

Эта особенность и придает всем Вашим работам (не только перечисленным выше, но и «Великой Хартии вольностей» «Обществу и государству у Гомера» и отдельным статьям) особую *философскую* насыщенность и глубину, конечно, не в смысле построения в них какой-либо метафизической или гносеологической системы, а в смысле *философского устремления*, которое позволяет сквозь ткань исторического исследования и изложения усматривать как бы самую сущность исторического процесса. Отсюда и особая стройность архитектуры Ваших работ, доставляющая эстетическое наслаждение; только это не «эстетизм» изложения, а интеллектуальная красота самой мысли, возникающая невольно потому, что мысль схватывает живую закономерность явлений, и это так же эстетически положительно воспринимается, как наличие пропорций в живописи, скульптуре или архитектуре или как чеканка ритма в стихах. Думается, что именно эти черты так ценил в Ваших работах Густав Густавович, который столь справедливо и заслуженно высоко оценивает их в предисловии к своей книге «История как проблема логики».

Я недавно здесь, в Томске, перечитал его замечания на Ваши «Очерки из экономической истории» (вернее, мой краткий конспект их) и нашел, что они очень интересны и что его тезис: «историк и в своем исследовании, и в результате, итоге его кончает тем, с чего начал, — *интерпретацией*» — весьма уместен по отношению к Вашим работам (помните его отзыв на 15 страницах машинописи, присланный Вам весной 1928 г.?). В связи с перечитыванием этого отзыва я заинтересовался его

работами, прочел «Явление и смысл», начал читать книгу «История как проблема логики», а потом перешел к Ильину «Философия Гегеля»), Франку («Предмет знания», и, наконец, углубился в самого Гегеля (гл. обр. «Большую логику» и «Феноменологию» — здесь все это есть по-немецки), но ограничился пока лишь проверкой цитат, приводимых в подстрочных примечаниях у Ильина. Все эти занятия, к которым я с чрезвычайным и внезапным рвением приступил в первой половине июня, были прерваны началом заочной сессии в ТГУ и Пед. ин-те, экзаменами и пр.

Простите, Дмитрий Моисеевич, если недостаточно ясно изложил свои скромные соображения о Ваших поистине замечательных исторических трудах: я стремился лишь к тому, чтобы выразить свое отношение к ним и показать, почему они так много дали мне и всем Вашим ученикам, читателям и почитателям. Желаю Вам от всей души всего самого лучшего и — главное — поскорее поправиться. М. Н. и Лена шлют Вам сердечный привет. Душевно рад за Л. В. Черепнина. Буду ждать от Вас писем. Преданный Вам

Ваш А. Неусыхин

Р. С. Простите, что перепутал в одном месте этого письма страницы.

*На конверте рукой Д. М. Петрушевского: «Отзыв А. И. Неусыхина о моих работах» *.*

Т. И. РАЙНОВУ

10. VI 1956

...Очень Вам благодарен за прочтение моей книги и за рецензию на нее... должен пока ... сказать вот что:

1. Меня — не как автора данной книги, а как научного работника — интересует даже не столько зарождение феодальных отношений, сколько *переходный период*, который может протекать (и реально протекает) как между родо-племенным и феодальным строем, так и между родо-племенным и рабовладельческим, так, наконец, и между рабовладельческим и феодальным строем. Меня занимают главным образом именно эти «между», хотя я, конечно, отдаю себе отчет в том, что они каждый раз протекают с известными отличиями, в зависимости от того, между чем и кем они стоят.

2. Однако, несмотря на это, я полагаю, что при всех этих отличиях (часто весьма значительных) все же остаются некоторые характерные особенности, социологически присущие всякому переходному периоду от бесклассового общества к классовому или от примитивного типа классового общества (рабовладельческий строй) к более сложному его типу (феодальный строй). Более того, я убежден в том, что этот «переходный период» представляет собою если не отдельную общественную формацию, то во всяком случае весьма своеобразный тип производственных отноше-

* По свидетельству М. Н. Неусыхиной, Д. М. Петрушевский в последний год жизни обратился к А. И. Неусыхину с просьбой дать отзыв о его работах. Публикуемое письмо — ответ А. И. Неусыхина на эту просьбу; письмо возвращено А. И. Неусыхину родными Д. М. Петрушевского после его кончины.

ний с особыми — именно ему имманентно присущими закономерностями развития, которые и готовят переход к следующему, более сложному типу производственных отношений, т. е. переход от родо-племенного строя либо к рабовладельческому, либо к феодальному (переход от рабовладельческого строя к феодальному оставляю пока в стороне, так как он содержит много осложняющих моментов и вообще не является чистым примером «переходного периода» в том смысле, в каком я говорил о нем выше).

3. Конечно, кроме имманентных закономерностей развития каждого такого «переходного периода» — закономерностей повторяющихся, а потому социологических, — в ход развития врываются как бы извне конкретно-исторические процессы, составляющие особенность развития данного народа или данной страны в определенное время их истории.

4. Но эти конкретно-исторические процессы (хоть они нарушают «чистую» социологическую закономерность) составляют самую душу исторического развития, а потому и являются для меня, как для историка, самыми важными. По этой причине я должен был избрать темой своей работы какой-то определенный конкретно-исторический переходный период, а тем самым уже самая моя специальность предопределила выбор: для меня это мог быть только переходный период от родо-племенного строя к феодальному, так как рабовладельческий строй я никогда специально не изучал.

5. То обстоятельно, что моя работа посвящена именно переходу от первобытнообщинного строя к феодальному, а не первобытнообщинному строю как таковому (в котором я тоже недостаточно разбираюсь как специалист), и привело к тому, что моя докторская диссертация и была посвящена более узкому, но зато более определенному кругу вопросов и называлась «Собственность и свобода в варварских Законах». Хотя в ней отсутствует многое такое, что я считаю существенным и что вошло в качестве дополнения в книгу, тем не менее *основной ход мыслей* относительно особенностей развития конкретно-исторического переходного периода от родо-племенного строя к феодальному, как мне кажется, наметен в диссертации яснее, чем в книге, где он осложнен (а иногда и затмнен) многими посторонними элементами. Вскоре после защиты диссертации, т. е. в 1946—1947 гг., у меня был составлен подробно разработанный план продолжения диссертации в духе исследования собственности и свободы по другим варварским Законам. Однако этот план остался неосуществленным, так как мне пришлось повернуть острие в сторону возникновения крестьянства как класса...

6. В самом начале первой главы книги у меня было сказано, что я изучаю своеобразное переходное общество с особыми, ему присущими закономерностями развития. В предисловии (написанном позднее) и во многих главах книги (в том числе и в первой) я неоднократно подчеркиваю, что основным предметом моего исследования является именно переходный период от родо-племенного строя к феодальному (в одном месте — кажется, в последней главе — я, насколько помню, даже указываю, что термин «первобытнообщинный строй» для моих целей непригоден).

7. Из вышеизложенного ясно, как меня радует то обстоятельство, что

Вас больше всего заинтересовали главы III—V: ведь именно эти главы посвящены наиболее архаическим отношениям переходного (но уже не первобытнообщинного, точнее — «общинного без первобытности») периода, а как раз эти отношения более всего меня интересуют. К тому же главы IV и V почти целиком заимствованы из диссертации (я сам, как автор, придаю наибольшее значение главе IV — о саксах, где больше всего — о «позитивной свободе»), а глава III представляет очень сильно расширенную главу из диссертации (расширена она главным образом за счет конкретного толкования текстов, которое для меня, конечно, весьма существенно).

8. Вы совершенно правы, что гл. I могла бы быть и последней, но так же верно и то, что она может быть и первой. На мой взгляд, от нее вообще можно было бы отсечь всю вторую половину, начиная с вопроса о римской и «варварской» технике хлебопашества и кончая историографическим очерком, который, согласитесь, выглядит, как ненужный привесок. Относительно последней главы Вы тоже совершенно правы: это скорее проспект-набросок будущей работы, чем что-либо готовое и законченное. Но это опять-таки произошло все от того же неизбежного поворачивания острия в сторону возникновения крестьянства (теперь сектор и институт включили в 5-летний план новую мою монографию — о положении свободного и зависимого крестьянства в Германии в X—XI вв., так что мне, очевидно, суждено до конца дней моих двигаться по этой стезе).

Примите все изложенное не столько как возражения на Ваши замечания (которых я еще жду с большим интересом), сколько как своеобразную «авторскую исповедь». Сколько можно написать таких «авторских исповедей»!

Я очень, очень тронут Вашим вниманием к моему опусу. Вы — первый критик, откликнувшийся на него по существу, и я Вам очень благодарен за эту истинно дружескую услугу.

М. И. ЛЕВИНОЙ

23.VII 1942 (Томск)

...Надеюсь, Вы поймете меня, если я скажу Вам, что общение со студентами и аспирантами (особенно в ИФЛИИ) было одним из самых значительных явлений моей жизни, более того — были целые полосы жизни, когда оно всецело наполняло меня, когда я жил им в полном смысле этого слова. И произошло это как-то непреднамеренно, даже неожиданно для меня самого: ведь я всегда стремился к творческой научно-исследовательской работе (стремлюсь к ней и сейчас) более, чем к педагогической деятельности. Но должен Вам признаться, что когда мне в ифлийский период моей жизни говорили друзья (а иногда и сами аспиранты и студенты), что преподавание «мешает» моей научной работе, то я, как будто совершенно искренне соглашаясь с ними, всем существом моим живо, хоть и недостаточно отчетливо и осознанно, ощущал, что нечто во мне внутренне протестует против этого рассуждения. В самом деле, как может «мешать» что-либо, раз оно дает человеку живое и ничем не заменимое ощущение реальности его брэнного и преходящего бытия? Пой-

мите, я вовсе не добивался этого ощущения сознательно, по рационалистически составленному плану (да разве на *таких* путях возможно?), но оно как бы само приходило каждый раз, когда я с головой погружался в студенческий доклад, в семинарские прения, в подготовку и произнесение лекции, наконец — и это самое для меня главное — в психологию творчества, в своеобразие интеллекта и внутреннего мира занимавшихся у меня студентов или аспирантов. Тут я вдруг обретал понимание смысла и цели жизни, которого тщетно искал в одиноких раздумьях и созерцаниях, в творениях философов, поэтов, живописцев, композиторов... Конечно, в моей работе было много разочарований — главным образом от сознания недостаточности моих сил, зачастую прямой неспособности удовлетворить все запросы жаждущей знаний молодежи. Как часто приходилось внутренне краснеть за неудачно произнесенную (хотя как будто и приготовленную добросовестно) лекцию или за лекцию не по моей специальности, которую все-таки нужно было прочесть! Как часто просто пугала пропашь между поставленной задачей и способом ее — увы! столь несовершенного выполнения!

Поэтому мне и в голову не могло прийти никогда, что участники Вашего семинара или кто бы то ни был из студентов ИФЛИ еще как-то «недооценивают» мою работу, ибо мне представлялось всегда (да я и сейчас убежден в этом), что мои слушатели большей частью ее переоценивали (как это видно и из Вашего милого письма). Но я всегда старался не поддаваться этой переоценке — и все-таки, несмотря на все это, *главное* сохраняло свою силу: взаимное понимание и сочувствие, которое создавало почву для научного и человеческого общения.

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать!

За это сочувствие, которое давало мне сознание хотя бы какой-то полезности моей работы (несмотря на наличие в ней колоссальных недостатков), я бесконечно благодарен студенчеству и аспирантам ИФЛИ. И в частности Вам — за то, что Вы столь прямо и искренне высказали его в Вашем письме, тем более, что я знаю, как трудно говорить другому в лицо подобные вещи и как трудно их слушать, несмотря на то, что у говорящего в исключительные минуты бывает потребность высказывать их, а у слушающего — затрудненность, заторможенность восприятия того, с чего лучше не снимать печати молчания, размягчается, тает от сознания исключительности той «пограничной ситуации», в которой оба находятся.

А мы живем в исключительное время, в такой подлинно «пограничной ситуации», т. е. как бы подводящей нас вплотную к последним границам и пределам человеческого бытия. Ведь не каждый день и не каждый год я считал возможным сказать прямо в лицо Вам, бывшей участнице моих семинаров, о моей собственной педагогической работе то, что я говорю сейчас! Но печати молчания сломаны не нами, и если в тот момент, когда они сломались, между нами происходит такой обмен мыслей и

чувств, обмен, подтверждающий прочность связей между преподавателем и учениками, как между живыми людьми, то значит, Маргарита Иосифовна, мы уже победили все кошмары, какие способны создать история: фашизм *будет* разгромлен в 1942 году, и мы встретимся с Вами и другими ифлийцами (конечно, не со всеми...) — я уверен в этом. И если Я. Д. Серовайский пишет мне, стоя на карауле, что он ждет с нетерпением письма, в котором я обещал ему прислать выписки из Halban-Blumenstock'a по вопросу о земледелии у салических франков и о толковании главы «Об аллодах» в Салической правде, то я твердо знаю: да, в те годы, когда я общался с Я. Д. Серовайским и подобными ему студентами, я был счастлив, хотя, может быть, и не осознавал этого. Но возможно, что подлинное счастье и есть то, которое не сознаешь, ибо ведь истинное счастье — не в ощущении удовольствия или даже восторга, блаженства, а в чувстве связи людей друг с другом и с миром*; а это чувство, когда оно настоящее, редко выражает себя вовне, редко поддается выражению, и его обычно осознаешь лишь *post factum*. Но тогда убеждаешься в том,

Что сей несбыточной мечты **
И на полжизни не хватило,
Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
Что все уж не мое, а наше
И с миром утвердилась связь.

Под этим углом зрения разве могли мне студенты «мешать»?!

[продолжение письма] 27.VII 1942

...Чтобы быть и психологически подлинным, и научно плодотворным, всякое творчество в области науки должно отвечать на какой-то запрос души его субъекта и в то же время стремиться к созданию объективных научных ценностей. Обе эти задачи должны быть при этом синтезированы.

Разумеется, и «запросы» могут быть очень различны, и объективная ценность результатов творчества может лежать в самых различных плоскостях. Во всяком случае, ее негативный предел ясен: она никак не может заключаться в накоплении известного количества напечатанных на машинке и переплетенных в картон сотен страниц, именуемых диссертациями. Позитивно же она лишь в «одном беспредельном находит себе предел», ибо овеществляет «крылатую мысль» человека, его «дерзание в науке». «Запросы» могут и непосредственно быть связаны с внутренним миром творящего субъекта, и опосредствованно: например, изучение аграрного строя раннего средневековья доставляет интеллектуальное наслаждение (несмотря на удаленность от непосредственной связи с внутренним миром любого познающего субъекта) именно тем, что позволяет

* М. б., это чувство вовсе даже и не счастье, а нечто другое — проникновение в истинное бытие мира, откуда и ощущение реальности собственного бытия?

** О счастье как о блаженстве.

уловлять закономерности исторического процесса в сфере, куда менее всего проникает субъективная заинтересованность исследователя, столь часто искажающая объективные результаты исследования (отсюда и интерес многих к быкам и свиньям знаменитого аббата Ирминона, столь удивлявший, как Вы, наверно, помните, нашу милую, но несколько наивную лаборантку в историческом кабинете ИФЛИ). Погружение в мир идей прошлого ближе к непосредственным нашим запросам, но именно поэтому нередко оставляет неудовлетворенность у людей, любящих строгое научное мышление, ибо *der Geist der Zeiten* часто оказывается лишь маской того, что Гёте назвал *der Herren eigener Geist*.

И все-таки задача согласования внутренних запросов познающего субъекта и объективной ценности результатов творческого познания остается: она неимоверно трудна, но не невозможна; во всяком случае, она возможна и необходима как идеал, к которому надлежит стремиться. Поэтому история — одна из труднейших наук: *она хочет быть и самой объективной, и самой субъективной наукой одновременно* (в разъясненном выше смысле хорошей субъективности, т. е. близости творчества к внутреннему миру творящего). Ибо *она представляет собою мышление человека об общественном человеке прошлого в терминах и этого прошлого, и того настоящего, к которому принадлежит познающий субъект*; никакое историческое познание невозможно без этого сочетания, но оно должно быть произведено очень тонко и осторожно, ибо оно всегда — на волосок от Сциллы сухого «описания фактов», внутренне незаинтересованного и потому лишенного мысли, и от Харибды «политики, опрокинутой в прошлое», или навязывания этому прошлому чего-то в роде *der Herren eigener Geist* и пр.

Но, оставляя даже в стороне эту сложнейшую методологическую проблему, надо сказать, что научное творчество *во всех* областях (не только в истории) требует некоей незаинтересованности личного порядка — не в смысле отсутствия связи с внутренним миром исследователя, а в смысле частичного подчинения его объективным задачам познания. И научное творчество (как всякое другое творчество, а кроме того, — как и созерцание, и общение с людьми) требует *всего* человека — и на то время, что он им занят, поглощает и наполняет его целиком, так что остальные части души живут в это время словно независимой и даже какой-то побочной жизнью (но это только так кажется!). Недаром один ученый (историк и социолог) так определял пафос истинно научного творчества: «Столетия прошли для того, чтобы была сделана конъектура вот именно в этом месте этого текста; столетия пройдут словно только для того, чтобы утвердилась истинность этой конъектуры. Сделал ее я, но не во мне тут суть. Я лишь тот пункт, через который проходит эта объективная необходимость развития науки; но я — не просто «пункт», а живой человек, и мне отрадно сознавать, что линия прошла именно через меня и притом благодаря моим собственным усилиям. Правда, то, что сделал я, могли бы сделать и другие, но в данном случае это сделал именно я».

Даже если отвергнуть эту суровую концепцию как гиперболу (хотя я сомневаюсь в том, чтобы тут было преувеличение), все же придется признать, что подлинно научному творчеству свойственны черты самоот-

речения, доходящего до аскетизма. (А подлинно художественному творчеству они разве не свойственны? Да и какой вид творчества вообще лишен их?). Тот же ученый говорил: особенность научного творчества в том, что всякое произведение или открытие ученого всегда хочет быть «преодоленным», ибо наука идет неудержимо вперед, и, ergo всякий серьезный ученый *хочет*, чтобы его труды послужили лишь этапом в этом достижении, и он счастлив, если они оказались неизбежным (значит, объективно нужным) этапом. Здесь — уже отличие от художественного творчества, которое стремится к «вечности» своих созданий. Тем самым мы подошли к проблеме творчества и созерцания. Ибо прежде всего созерцание содержится обильными дозами в самом процессе научного творчества, и оно-то сообщает ему ту интимную близость к внутреннему миру, которая умеряет его неизбежный суровый аскетизм. Но главное даже не в этом, а вот в чем: созерцание — такой же коррелят к научному творчеству, как оно — к общению с людьми, к внутренней коммуникации с ними. Ибо оно лишь тем отличается от научного творчества, что не дает осязаемых результатов, ибо не овеществляет достигнутое; но самый процесс мышления и постижения происходит так же. Это — как бы те элементы созерцания, которые содержатся в самом процессе научного творчества (как и художественного, и философского; но нам здесь важно, что они имеются и в научном творчестве, ибо это нередко оспаривается), но вырванные из него и обретшие самостоятельное бытие. Однако, приобретя его, они тем самым уже меняют свое качество, ибо не хотят ни в каком смысле ни оформления и овеществления, ни увековечения, даже хотя бы в форме неизбежно преодолеваемого этапа эволюции науки. Тем самым дано, как мне кажется, и двойное обоснование отрицательного решения вопроса о способности научного творчества содействовать преодолению бренности путем увековечения: оно не способно выполнить эту задачу: 1) потому, что стремится к самоопределению своих собственных овеществлений, а 2) потому, что упирается в созерцание, вовсе чуждое стремлению к овеществлениям и увековечениям (хотя бы временным) *.

Но научное творчество тоже способно дать ощущение реальности бытия (собственного и мирового). Однако только что сказанное заставляет меня усомниться в правомерности связывания служения науке с самым высоким «честолюбием». функция его — совсем иная (т. е. функция этого служения во внутреннем мире человека). Как же согласовать творчество с созерцанием? Это трудно (хотя и так близко одно к другому), и я, конечно, не имею никаких готовых рецептов ни для себя, ни для других. Да откуда бы я их взял, когда почти все умы человечества трудились над этим, но не пришли к решению... Укажу лишь на намек — в стихотворении А. К. Толстого: «Земля цвела»:

Старинной ты загадки разрешение
В таинственном здесь видишь полусне:
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине.

* Тут противоречие лишь словесное («временное увековечение»).

Как видите, решение возможно, но оно эмоционально, а не интеллектуалистично. Возможно и согласование всех трех сфер: научного (и всякого иного) творчества, созерцания и живого общения между людьми. Добро, истина, красота были и остаются величайшими внутренними устремлениями человека, к которым каждый приобщается в меру своих сил. Так я снова возвращаюсь к тому, с чего начал в первом письме: коричневая чума не в силах истребить это влечение в человеке; немецкий фашизм будет разгромлен ..., и на его развалинах свободолюбивые народы Европы напишут слова великого национального (и в то же время такого общечеловеческого!) поэта той страны, которая сумела выдержать на своих могучих плечах главный удар фашистского зверя, этого кровавого «мифотворца» XX в., еще имеющего наглость притязать на какую-то особую, «мистическую» мудрость:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!..

1922

Культурная катастрофа античного мира или столкновение двух культур?— «Печать и революция», 1922, № 8, стр. 8—22.

1923

К вопросу об элементах капитализма в средневековом обществе.— «Печать и революция», 1923, № 5, стр. 21—37.

Социологическое исследование Макса Вебера о городе.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 8—9, стр. 219—250.

(Рец.) *Большаков А. М.* Лекции по русской истории. Введение в изучение истории. М.— Пг., 1923, 284 стр.— «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 175—176.

(Рец.) *Лозинский С. Г.* Средние века. Очерк социально-экономической жизни средневековья. Пг., 1922, 191 стр.— «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 197—198.

(Рец.) Материалы по истории революционного движения на Западе. Вып. 2. 1848 год. М., 1923, 108 стр.— «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 169—170.

(Рец.) 1848—1923. К 75-летию революции 1848 г. Сборник статей. М., 1923, 239 стр.— «Печать и революция», 1923, № 5, стр. 195—197.

(Рец.) *Шпенглер О.* Деньги и машина. Пг., 1922, 74 стр.— «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 212—214.

1924

К вопросу о взаимодействии общественного человека с внешней природой.— «Печать и революция», 1924, № 4, стр. 35—44 (псевдоним Н. Александров).

Новый опыт построения систематической истории хозяйства.— «Архив Маркса и Энгельса», т. I, 1924, стр. 425—435.

(Рец.) *Адоратский В. В.* Научный коммунизм Карла Маркса. М., 1923, 146 стр.— «Печать и революция», 1924, № 3, стр. 166—167.

(Рец.) *Бюхер К.* Работа и ритм. М., 1923, 312 стр.— «Красная новь», 1924, № 4, стр. 348—350.

(Рец.) *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. (Географическая теория прогресса и социального развития). М., 1924, № 6, 255 стр.— «Печать и революция», 1924, № 6, стр. 172—175.

(Рец.) *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. Пг., 1924, 160 стр.— «Печать и революция», 1924, № 1, стр. 209—211.

1925

(Рец.) *Борхардт Ю.* История хозяйственного быта Германии, ч. 1. До конца династии Гогенштауфенов. Николаев, 1924, 131 стр.; ч. 2. От конца эпохи Гогенштауфенов до крестьянских войн. М., 1924, 270 стр.— «Печать и революция», 1925, № 5—6, стр. 396—399.

(Рец.) *Бюхер К.* Восстание рабов 143—129 гг. до Р. Х. Л., 1924, 127 стр.— «Печать и революция», 1925, № 8, стр. 184—186.

(Рец.) *Бюхер К.* Очерки экономической истории Греции. Л., 1924, 138 стр.— «Печать и революция», 1925, стр. 205—208.

(Рец.) *Дживелегов А. К.* Крестьянские движения на Западе. М., 1923, 189 стр.— «Печать и революция», 1925, № 3, стр. 228—230.

(Рец.) *Грацианский Н. П.* Западная Европа в средние века. Источники социально-экономической истории. М.—Л., 1925, 92 стр.— «Печать и революция», 1925, № 8, стр. 189—191.

(Рец.) *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного человека. М., 1924, 336, стр.— «Печать и революция», 1925, № 4, стр. 198—201.

(Рец.) «Средневековый быт». Сборник статей под ред. О. А. Добиаш-Рождественской, А. И. Хоментовской и Г. П. Федотова. Л., 1925, 278 стр.— «Печать и революция», 1925, № 5—6, стр. 394—395.

(Рец.) *Тарасов Н. Г.* и *Моравский С. П.* Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XVII вв. М., 1925, 146 стр.— «Печать и революция», 1925, № 1, стр. 205—207.

1926

Алеманны — БСЭ, 1-е изд., т. 2, стб. 197 (без подписи).

(Рец.) *Анциферов Н. П.* и *Анциферова Т. Н.* Книга о городе, ч. 1. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л., 1926, 224 стр.— «Печать и революция», 1926, № 3, стр. 187—189.

(Рец.) *Анциферов Н. П.* и *Анциферова Т. Н.* Книга о городе, ч. 2. Современные города. Л., 1926, 228 стр.— «Печать и революция», 1926, № 6, стр. 164—165.

(Рец.) *Зомбарт В.* Социология. Л., 138 стр.— «Печать и революция», 1926, № 5, стр. 175.

(Рец.) *Лозинский С. Г.* Классовая борьба в средневековом городе. Л.—М., 1925, 156 стр.— «Печать и революция», 1926, № 1, стр. 180—182.

(Рец.) *Розенталь Н. Н.* Исторический путь Запада. Историко-беллетристический сборник. Л., 1926, 368 стр.— «Печать и революция», 1926, стр. 154—156.

(Рец.) *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М.— Л., Госиздат, 1926, 159 стр.— «Печать и революция», 1926, № 3, стр. 162—163.

1927

Материальная культура древних германцев.— В кн.: «Социальная история средневековья». Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удадьцова, т. 1. М.— Л., 1927, стр. 35—46 (раздел Б. Вводный очерк).

Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев.— «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», 1927, т. 2, стр. 25—49.

«Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 9, стр. 113—143; № 12, стр. 111—137.

Белов Г.— БСЭ, 1-е изд., т. 5, стб. 334—335 (без подписи).

«Социальная история средневековья». Сборник источников под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удадьцова. Т. 1. Раннее средневековье. М.— Л., Госиздат, 1927, 254 стр. А. И. Неусыхиным переведены латинские тексты о германцах, за исключением «Германии» Тацита, написан вводный очерк.

1928

Вебер М.— БСЭ, 1-е изд., т. 9, стб. 129—131.

1929

Общественный строй древних германцев. М., РАНИОН, 1929, 229 стр.

Военные союзы германских племен около начала нашей эры.— «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», 1929, т. 3, стр. 109—128.

Вотчинная теория.— БСЭ, 1-е изд., т. 13, стб. 370—371 (без подписи).

Гельдерлин Ф.— БСЭ, 1-е изд., т. 15, стб. 94—95.

Германцы.— БСЭ, 1-е изд., т. 16, стб. 424—432.

Герцинский лес.— БСЭ, 1-е изд., т. 16, стб. 495.

Гехштеттеры.— БСЭ, 1-е изд., т. 16, стб. 588—589 (без подписи).

Гидальго и Костиля.— БСЭ, 1-е изд., т. 16, стб. 540 (без подписи).

Гиддингс.— БСЭ, 1-е изд., т. 16, стб. 641 (без подписи).

Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Обзор хозяйственного развития от примитивного собирающего хозяйства до развитого капитализма. Т. 1. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. Пер. А. И. Неусыхина и А. И. Рубина. Под ред. В. К. Никольского. М.— Л., Госиздат, 1929, 554 стр.

1930

Готы.— БСЭ, 1-е изд., т. 18, стб. 545—546 (совместно с Н. П. Грацианским. Без подписи).

Гумлович.— БСЭ, 1-е изд., т. 19, стб. 814—815.

Гунны.— БСЭ, 1-е изд., т. 19, стб. 823—824 (без подписи).

Гуфа.— БСЭ, 1-е изд., т. 20, стб. 58.

1931

Джайнизм.— БСЭ, 1-е изд., т. 21, стб. 731—732 (без подписи).

1933

Зелигер Г.— БСЭ, 1-е изд., т. 26, стб. 559—560.

Зом.— БСЭ, 1-е изд., т. 27, стб. 153 (без подписи).

1937

«Древние германцы». Сборник документов. Сост. Б. Н. Граковым, С. П. Моравским и А. И. Неусыхиним. Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937, 222 стр.

1939

Итальянская политика германской империи в X—XIII вв. в современной фашистской историографии.— В кн: «Против фашистской фальсификации истории». М.— Л., АН СССР, 1939, стр. 156—186.

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. 1. М., Учпедгиз, 1939, 360 стр. А. И. Неусыхиним подобраны, переведены и прокомментированы документы к разделу «Древние германцы», за исключением «Германии» Тацита.

1942

Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.— «Средние века», вып. I, 1942, стр. 20—42.

1945

Исторический миф третьей империи.— «Уч. зап. Моск. гос. ун-та», 1945, № 81, стр. 55—115.

Свобода и собственность в варварском обществе по Салической правде.— «Изв. АН СССР», серия истории и философии, 1945, т. 2, № 4, стр. 253—265.

1946

Дмитрий Моисеевич Петрушевский (Опыт характеристики).— «Средние века», вып. II, 1946, стр. 12—28.

Н. П. Грацианский как историк средних веков.— «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 99—103.

Понятие свободы в эдикте Ротари.— «Средние века», вып. II, 1946, стр. 82—113.

Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществе.— «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 82—99.

Собственность и свобода в варварских Правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы V—VIII вв.). Докторская диссертация (машинопись). М., 1946.

1947

Структура хозяйства дарителей Лоршскому монастырю в VIII—IX вв. в Вормском округе.— «Уч. зап. Моск. гос. ун-та», 1947, вып. 114. История, стр. 42—58.

1948

Der Freiheitsbegriff im Edikt des Rothari.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., 1948, Bd. 66, S. 64—110.

1949

(Ред.) «Хрестоматия по истории средних веков». Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. 2-е изд. Т. 1. М., Учпедгиз, 1949, 404 стр. 3-е изд. М., 1953.

1953

Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X веках.— «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 31—48; вып. V, 1954, стр. 15—31.

1954

(Рец.) *Смирин М. М.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, 416 стр.— «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 157—160.

1955

К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса.— «Средние века», вып. VI, 1955, стр. 5—33. Рец.: *Stepánek M.*— «Československý časopis hist.». Praha, 1956, roč. 4, № 1, s. 159.

Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.).— В кн.: «Из истории социально-политических идей. Сборник статей. К 75-летию акад. В. П. Волгина». М., АН СССР, 1955, стр. 102—121.

1956

Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., АН СССР, 1956, 420 стр. Рец.: *Немировский В. А.*— «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 170—175; *Данилов А. И.*— «Средние века», вып. X, 1957, стр. 219—228; *Rubin B.* Die Langobarden bei Neussychein.— In: *B. Rubin.* Die grosse Völkerwanderung in der sozial-ökonomischen Sicht der Sowjetunion.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» München, 1957, Bd. 5, Hf. 1—2, S. 247—248; *Tumieniecki K.*— «Kwartalnik historyczny», R. 64, N 3, 1957, s. 111—

116; *Kudrna J.* — «Pravnik», 1957, N 9; *Neubert H.* — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, N 5, S. 1165—1171; *Modzelewski K.* — «Przegląd hist.». Warszawa, 1959, t. 50, zeszyt. 2, s. 364—370; *Horváth P.* — «Szazodok». Budapest, 1962, N 3—4, 667—669 old.

К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у алеманнов в VI—IX вв. (в связи с толкованием термина «генеалогия»). — «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 55—69.

1957

Германия в IX — начале XII в. — В кн.: «Всемирная история», т. III, М., 1957, с. 172—179.

Германия в XII—XIII вв. — Там же, стр. 375—386.

Италия в X—XI вв. — Там же, стр. 179—184.

Италия и папство в XII—XIII вв. Раздел I. — Там же, стр. 387—397. Полабские славяне. — Там же, стр. 231—232.

Развитие феодализма в Испании и Реконкиста. Португалия. — Там же, стр. 401—411.

Раннефеодальные государства в Испании VI—XI вв. (за исключением подраздела «Арабское владычество в Испании в VIII—XI вв.»). — Там же, стр. 204—211.

(Рец.) *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, 374 стр. — «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 194—198.

(Ред.) *Мильская Л. Т.* Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957, 211 стр.

1958

Основные проблемы истории свободного и зависимого крестьянства в Германии IX—XI вв. (в связи с важнейшими задачами их изучения). — «Средние века», вып. XIII, 1958, стр. 5—26.

(Ред.) *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958, 367 стр.

1959

(Ред.) *Колесницкий Н. Ф.* Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.) М., 1959, 234 стр.

1960

Н. П. Грацианский как историк-медиевист. — В кн.: *Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. Разделы 1, 3, 4, М., 1960, стр. 3—9; 19—48.

Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 1. — «Средние века», вып. XVII, 1960, стр. 394—409.

О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуаз-

ной медиевистике ФРГ.— «Средние века», вып. XVIII, 1960, стр. 114—137 (совместно с А. И. Даниловым).

(Ред.) *Грацианский Н. П.* Из социально-экономической истории западного средневековья. Сборник статей. М., 1960, 408 стр.

1961

Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jahrhundert. Berlin, 1961, 598 S.

Рец.: *F. G.* — «Československý časopis hist.» Praha, 1961, N 6, s. 897; *Laube A.* — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1962, N 7, S. 1734; *Lütge F.* — «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Frankfurt a. M., 1962, Hf. 2, S. 243; *Ludloff R.* — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Bd. 2. Berlin, 1962, S. 249—253; *Werner K. F.* — Nachtrag «Historische Zeitschrift», Sonderheft, № 1. München, 1962; *Labuda G.* — «Roczniki hist.», t. 29. Poznań, 1963, s. 271—273; *Génicot L.* — «Revue d'histoire ecclésiastique». Louvain, 1963, N 2, p. 595—598; *Dollinger Ph.* — «Revue historique», 1964, t. 232, p. 447—448 (в обзоре: «L'économie, la paysannerie, les villes. Histoire d'Allemagne au Moyen Age»).

(Рец.) *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959, 542 стр. — «Средние века», вып. 20, 1961, стр. 225—239.

(Рец.) *Hauck K.* Die geschichtliche Bedeutung der germanischen Auffassung von Königtum und Adel. — In: «XI-e Congrès international des sciences historiques. Rapports. III», p. 96—120. «Средние века», вып. 20, 1961, стр. 294—300.

1962

Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 2. — «Средние века», вып. 21, 1962, стр. 212—237.

(Рец.) *Мильская Л. Т.* Очерки по истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962, 154 стр.

1963

Из истории земельной собственности в Боцене и его окрестностях в X—XII вв. — «Средние века», вып. 23, 1963, стр. 20—39.

Рец.: *Hellmann M.* — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1965, Bd. 3, Hf. 3, S. 467.

(Рец.) *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступит. статья, пер. и комм. Е. Ч. Скрижинской. М., 1960 — «Византийский временник», т. XXII, 1963, стр. 304—319.

1964

Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М. «Наука», 1964, 331 стр.

(Рец.) *Серовайский Я. Д.*—«Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 162—164; *Neubert H.*—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Jg. 13, Hf. 3, S. 548; *L. D.*—«Studii. Revistă de istorie. București, 1965, N 4, p. 970—972; *Padmińska Z.*—«Kwartalnik historii kultury materialnej». Warszawa, 1966, № 1, s. 166; *Boba I.*—«Amer hist. rev.». Richmond, 1968, vol. 74, № 1, p. 130—131.

Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 3.—«Средние века», вып. 25, 1964, стр. 35—52.

1965

(Рец.) *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XII вв. М., 1962, 379 стр.—«Средние века», вып. 27, 1965, стр. 196—215.

1966

Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым.— В кн.: «Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова». М., АН СССР, 1966, стр. 23—25.

(Рец.) *Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, 186 стр.—«Средние века», вып. 29, 1966, стр. 289—299.

1967

Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).—«Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 75—87. Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 4.—«Средние века», вып. 31, 1968, стр. 45—48; 59—63.

(Рец.) *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, 284 стр.

1968

Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1. М., 1968, стр. 596—617.

Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к феодальному (тезисы доклада); Заключительное слово.—«Средние века», вып. 31, 1968, стр. 45—48; 59—63.

(Рец.) *Л. А. Котельникова.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв.—«Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 162—166.

Посмертные издания трудов А. И. Неусыхина

1970

От античности к средневековью.— В кн.: «История Италии», т. 1. М., «Наука», 1970, стр. 9—70.

(Рец.) Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. По северофранцузским и западнонемецким материалам. М., 1969.— «Вопросы истории», 1970, № 5, стр. 178—182. (перевод в «Social Sciences», 1970, vol. 2, p. 173—176; публ. на англ., франц., исп. яз.).

1971

(Рец.) Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв.— «Средние века», вып. 34, 1971, стр. 305—312.

1974

Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.— В кн.: «Ежегодник германской истории. 1973». М., 1974.

ЛИТЕРАТУРА ОБ А. И. НЕУСЫХИНЕ

К шестидесятилетию А. И. Неусыхина.— «Средние века», вып. XI, 1958. Неусыхин Александр Иосифович.— СИЭ, т. 10, 1967, стб. 143.

Александр Иосифович Неусыхин (некролог).— «Вопросы истории», 1969, № 12.

Памяти профессора Александра Иосифовича Неусыхина (1898—1969).— «Средние века», вып. 32, 1969, стр. 3—4.

А. И. Данилов. А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог.— «Средние века», вып. 32, 1969, стр. 5—12

Zum Gedenken (некролог).— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1970, № 3, S. 419.

[А. И. Неусыхин. Справка].— «Social Sciences», 1970, vol. 2, p. 176—177 (публ. на англ., франц., исп. языках).

З. Янель. Памяти Александра Иосифовича Неусыхина.— «История СССР», 1970, № 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВН — Вопросы истории
СВ — Средние века
L. Al. — Leges Alamannorum, Bd. 1—2. Göttingen — Witzenhausen, 1958—1962
L. Baiuv. — Lex Baiuvariorum. München, 1926
L. Fris. — Lex Frisionum.— MGH, Legum Sectio I, t. III. Hannover, 1863
L. Rib. — Lex Ribuaria. Hannoverae, 1954
L. S. — Lex Salica. Weimar, 1897
L. Sax. — Leges Saxonum.— MGH, Legum sectio I, t. V. Hannoverae, 1875
L. Thur. — Lex Thuringorum.— MGH, Legum sectio I, t. IV. Hannoverae, 1868
Li — Liutprandi leges.— MGH, Legum sectio I, t. IV. Hannoverae, 1868
MGH — Monumenta Germaniae Historica (SS — Scriptores)
Ro — Edictum Rothari.— MGH, Legum sectio I, t. IV. Hannoverae, 1868

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрамсон М. Л. 5, 21
 Август Гай Октавиан 394
 Августин Аврелий 436
 Авенариус Р. 508
 Агнеса, жена Генриха III 276
 Адальберт Бременский 276
 Адальберт Вюрцбургский 283
 Адальберт, сын Беренгара II 261, 263—265
 Адельгейд, дочь Рудольфа II Бургундского 261, 262, 264, 265, 268, 269
 Адольф Нассауский 350, 357
 Адриан IV, папа 318, 320
 Айстульф 80, 81, 167, 170, 173, 178—183, 186, 191
 Аларих 225
 Александр II, папа 287—290
 Александр III, папа 319—322
 Альберих, отец Иоанна XII 264
 Альбрехт I Австрийский 350, 352
 Альбрехт II Габсбург 361, 362
 Альфонс Кастильский 349
 Альфред 137, 139, 147, 150, 204, 206, 208
 Аммиан Марцеллин 47, 218
 Аннон 276
 Аппиан 218
 Ардуин 272, 274
 Арибо 275
 Ариовист 222, 224, 394—402, 404, 407, 412
 Аромий 222, 403—408, 411, 412
 Арнольд Брешианский 316—318, 337
 Арнольд Метью 425
 Арнульф, внук Людовика II Немецкого, франкский император 229
 Арнульф Баварский 241, 242, 245, 247
 Атила 226
- Атто 289
 Аэций 226
- Бабенберги, род 267, 268, 339, 342
 Базаров В. А. 508
 Бакстер Р. 433, 437, 438, 443
 Барклей Р. 438
 Баумштарк А. 379
 Бейли Р. 433
 Беатриса, мать Матильды Тосканской 296
 Белов Г. 424, 472, 499
 Бенедикт V, папа 265
 Бенедикт VI, папа 267
 Бенедикт VII, папа 267
 Бенедикт VIII, папа 274
 Бенедикт Аннанский 270
 Бенедикт Нурсийский 270
 Бенно Оснабрюкский 283
 Бениан Д. 433, 437, 442
 Бергсон А. 505
 Беренгар I, герцог Фриуля 261
 Беренгар II, герцог Ивреи 261—264
 Беренд Р. 44, 66
 Бернар Клервоский 316
 Беригард 269, 270
 Бернштейн Эд. 425
 Бертольд Баварский 247, 249
 Бертольд, аббат 309
 Бертольд Бабенберг 267, 268
 Бессмертный Ю. Л. 5, 20
 Биллунги, род 279, 283
 Блок М. 25
 Блюме Ф. 72, 77, 88
 Богданов А. А. 508
 Бозо 245
 Болеслав I Храбрый, польский князь и король 274
 Болеслав I Грозный, чешский князь 250, 267

* В указатель не включены фамилии из библиографических разделов. Фамилии ученых и деятелей нового времени выделены курсивом.

- Бонифаций VIII, папа 350
 Бореицус А. 119
 Брентано Л. 417, 424
 Брукнер В. 140, 142
 Бруннер Г. 58, 72, 106, 109, 112, 121, 130, 131, 135, 136, 140, 149, 154, 158, 163
 Бруно, внук Конрада Лотарингского см. Григорий V
 Бруно Кёльнский 262, 263
 Бруно Саксонский 280, 281, 284, 285
 Бурггардт Нелленбург 309
 Бурггардт Швабский 240—242, 247, 265, 266
 Бюхер К. 470, 485, 489, 490, 496

 Вайц Г. 63, 111, 119, 380
 Валуа, династия 354
 Вальдемар IV Аттердаг 365
 Вальдон 155
 Вальтер фон дер Фогельвейде 324
 Ванний 401, 402
 Вар Публий Квинтилий 403, 404, 408
 Вацлав, чешский князь 245
 Вацлав II 350
 Вацлав III 350
 Вацлав IV (Венцеслав) 356, 359
 Веллей Патеркул 218, 400, 402, 403
 Вельф Баварский 285
 Вельфы, род 216, 283, 312, 323, 324
 Вебер Макс 15, 380, 413—427, 429—432, 437—474, 477—479, 481, 482, 486—489, 491—500, 504—506, 511
 Вебер Марианна 452, 471
 Веспасиан Тит Флавий 407
 Виберт Равеннский 288, 303
 Видукинд 108, 109, 165, 240, 242—245, 248—250
 Викильф Дж. 359
 Вико Дж. 22, 509
 Виктор III, папа 304
 Виктор IV, папа 320, 321
 Виллигис Майнцский 269, 271, 273
 Вильгельм I Завоеватель 290, 292
 Вильгельм I Сицилийский 318
 Вильгельм II Сицилийский 332
 Вильгельм Майнцский 263
 Виноградов П. Г. 9, 15, 71, 87, 96, 97, 104, 112, 114, 141—143, 154, 156, 158, 163
 Випо 275
 Виппер Р. Ю. 9, 12, 508
 Вителлий Авл 407, 408
 Виттельсбахи, род 348, 352, 354
 Виттих В. 40, 108, 110, 112, 130, 140, 142, 157

 Габсбурги, династия 348—350, 354—356, 358, 361, 362
 Гальбан-Блюменшток А. 40, 56, 59, 60, 63, 65—68, 173
 Ган Е. 391
 Гансен Г. 380
 Гаральд Синезубый 250
 Гартман Л. М. 142, 189
 Гаупт Э. Т. 119
 Гегель Г. В. Ф. 457, 505, 506, 513
 Гекк Ф. 40, 41, 104—117, 119, 121—124, 126—128, 130—139, 141, 150—160, 163
 Геккель Э. 503
 Гельдерлин И. Х. Ф. 8
 Генрих I Птицелов 213, 234, 239, 240—250, 258, 275
 Генрих II 214, 273—276, 278
 Генрих III 213, 214, 275, 276, 278, 282, 287, 294, 295, 314
 Генрих IV 214, 216, 276, 278—280, 282—289, 292—298, 300—305, 309, 314, 330
 Генрих V 214, 216, 304—306, 314
 Генрих VI 216, 323, 329
 Генрих VII, сицилийский и германский король, сын Фридриха II 326, 328, 334, 335, 337—340
 Генрих VII Люксембургский, германский император 350—352, 354, 355, 358
 Генрих II Плантагенет 216, 321, 323, 333, 334
 Генрих III, английский король 342
 Генрих Аугсбургский 268
 Генрих Бабенберг 313
 Генрих Баварский 250, 261—263, 266, 267, 269, 270
 Генрих Гордый 312
 Генрих Лев 216, 312, 322, 323
 Генрих Младший 267, 268
 Генрих Распе (Тюрингский) 342
 Генрих Трирский 263
 Генрих, брат Оттона I 247, 249, 266
 Георгий Подебрад 362
 Герберт Равеннский см. Сильвестр II
 Герман Биллунг 250, 283
 Герман Кёльнский 241
 Герман I Швабский 246, 248
 Герман II Швабский 270
 Германих, сын Друза 403, 405, 406
 Геро Железный 247, 249, 250, 262, 264
 Герольд Зальцбургский 263
 Гессельс Дж. 43, 44, 57—60, 62, 65—67
 Гёте И. В. 436, 437, 442, 500, 518
 Геффкен Г. 43, 44, 46, 57—59, 64—67
 Гизелер Магдебургский 271, 272
 Гизельберт Лотарингский 245, 247, 248, 267
 Гизульф Салернский 265, 289
 Гильдебранд см. Григорий VII
 Гильдебранд Р. 382—384
 Гонорий III, папа 328
 Гоопс Е. 398

Горм Старый 246, 250
Готфрид Лотарингский 285, 295, 296
Готфрид Майнцкий 289, 295
Гохштеттеры 365
Грацианский Н. П. 156
Григорий V, папа 271, 272
Григорий VII, папа 283—298, 300—305, 311, 324, 327
Григорий IX, папа 324, 329, 330, 336—338, 341, 342
Григорий XI, папа 358
Гримоальд 167, 172, 183, 186
Гримм Я. 139
Гуго Великий 245, 248, 267
Гуго Вьеннский 261
Гуго Реймский 248
Гуго, клюнийский аббат 288
Гукбальд 108, 111, 158, 165
Гумберт 288, 290, 292
Гутрум 204, 208
Гус Ян 356, 359
Гутман Ф. 108, 112
Гунтер 268

Данилов А. И. 7, 11, 15, 27, 30
Давте Алигьери 332, 352
Дарвин Ч. 503, 508
Дивитиак 394, 395
Допш А. 380, 385, 472, 479, 499, 500
Друз 401

Евгений III, папа 317

Жижка Ян 365

Зибс Т. 131
Зигфрид Майнцкий 283, 285, 293, 297
Зигфрид Саксонский 247
Зиммель Г. 504, 506
Зомбарт В. 424, 470, 496, 500

Изабелла Испанская 362
Икель 158
Ильин И. А. 513
Иннокентий III, папа 323, 324, 327—329
Иннокентий IV, папа 324, 341, 342
Ино 141, 147, 204, 206, 207
Иоани X, папа 241, 261
Иоани XII, папа 264, 265, 267
Иоани XIII, папа 265
Иоани XIV, папа 269, 271
Иоани XXII, папа 352, 354
Иоани Цимисхий 266, 267
Иоанн из Виченцы 337
Иоанн (Ян), сын Генриха VII Люксембургского 354
Иоахим дель Фиоре (Иоахим Флорский или Калабрийский) 336

Ираклий 227
Ирминон 518

Калликст II, папа 304
Кальвин Жан 431, 433, 435, 436, 442, 453
Кант И. 505, 506
Каплан А. Б. 21
Карл I Анжуйский 343, 349, 351
Карл Великий 59, 91, 132, 162, 165, 185, 228, 229, 232, 233, 235, 239, 240, 254, 255, 258, 259, 306
Карл II Лысый, король франков 155, 228, 237
Карл III Толстый, король франков 229, 260
Карл III Простоватый, французский король 245
Карл IV, германский император 348, 354—359
Карл V, германский император 362
Карл Мартелл 240
Карл Смелый 362, 364
Карломан 229
Каро Г. 156, 236
Каролинги, династия 156, 218, 228, 229, 231, 232, 234, 239, 241, 245, 247, 253, 254, 259, 260, 267, 319, 470, 488
Кассий Дион 218
Катуальд 401, 403
Керн 60, 61
Климент III, папа 303, 304
Климент V, папа 351, 352
Климент VI, папа 358
Клотильда Бургундская 227
Кнут 139
Ковалевский С. Д. 5
Конрад I 234, 239
Конрад II 274, 275, 278
Конрад III 145, 312, 317, 353
Конрад IV 338, 339, 343
Конрад Бургундский 261
Конрад Лотарингский 262, 271, 274
Конрад Марбургский 337
Конрад Франконский (Старший) 275
Конрад Швабский 270
Конрадин 343
Константин Великий 229
Констанция, жена Генриха VI 323, 329
Косминский Е. А. 12
Котельникова Л. А. 21
Кресценций 271
Кунов Г. 382—384

Лаванья, род 341
Лавровский В. М. 14, 506, 507
Ламбард 148
Ламберт Герсфельдский 279—281
Ланглау Ш. 22

Ландульф Беневентский 265, 268, 289
 Ландульф Миланский 269
 Лев III, папа 132, 228
 Лев VIII, папа 265
 Лев IX, папа 287, 288, 298, 299
 Левина М. И. 5, 8, 12, 16—19, 515, 517
 Леопольд II Бабенберг 268
 Леопольд Габсбург 363
 Либерман Ф. 40, 41, 83, 124, 137—140, 147—150, 164, 204, 206, 207
 Лимар Бременский 283
 Лиудгар 132
 Лиудольф Швабский 261—263
 Лиутпольд Бабенберг 267
 Лиутпранд 73, 78—81, 84, 130, 134, 167—174, 176, 177, 179—182, 184—191, 205, 248
 Лиутфред 260
 Лотарь I 228, 229
 Лотарь II 228
 Лотарь III Супплинбургский 215, 312, 318
 Лотарь, западнофранкский король 267
 Лотарь, сын Гуго Вьеннского 261
 Лука Савелли 337
 Лавли 425
 Людовик I Благочестивый 228, 254, 270
 Людовик II Немецкий 155, 228, 229
 Людовик IV Дитя 229, 234, 247, 248, 251
 Людовик VII 315
 Людовик IX 334, 342, 349
 Людовик XI 362, 364
 Людовик Баварский 351—358
 Люксембурги, династия 348, 350, 356, 358—360, 362, 363
 Лютер Мартин 431, 433, 436, 440, 448
 Магнус Лагобетир 146, 203
 Магнус, сын Ордульфа Саксонского 283
 Магомет (Мухаммед) 335
 Майоль, аббат 270
 Максимилиан I Габсбург 356, 361, 362, 364
 Манфред Сицилийский 343
 Мария, дочь Карла Смелого 362
 Маркс К. 15, 30, 36, 38, 165, 192—198, 210, 286, 414, 419, 444—448, 451, 452, 456—458, 460, 471, 496, 497, 505, 506, 508
 Маробод 222, 394, 400—404, 406, 408, 412
 Марсиль Падуанский 353
 Матвей Корвин 362
 Матильда Тосканская 296, 297, 301, 318
 Маурер К. 125, 127—129, 134—137, 145, 146, 151, 153, 204
 Мах Э. 508
 Машкин Н. А. 511
 Мейер Э. 132, 137, 158
 Мендель Г. И. 508

Менно Симонс 431
 Меркель И. 46, 68, 106, 112
 Меровой 227
 Меровинги, династия 156, 228, 232, 235, 253
 Мечислав (Мешко) I 267
 Мильская Л. Т., 5, 7, 21
 Монтекье Ш. Л. 426
 Моравский С. П. 9
 Морозовец Е. А. 9
 Мэтленд Ф. В. 40, 149, 206
 Мюлленгоф К. 379, 380
 Неусыгин А. И. 3—5, 7, 32, 42, 78, 156, 169, 201, 464, 471, 513
 Неусыгина М. Н. 5, 513
 Никифор Фока 266
 Николай I, папа 259
 Николай II, папа 288, 289, 292, 296
 Нитард 107—110, 123, 165
 Норден Э. 397, 410
 Огнева-Неусыгина Е. А. 5
 Одоакр 226
 Октавиан, сын Альбериха, см. Иоанн XII
 Ордульф Саксонский 283
 Орест 226
 Оттон I 213, 214, 239, 245—253, 255—267, 269, 271, 275, 308
 Оттон II 266—270, 272
 Оттон III 268—273, 277, 278
 Оттон IV 216, 323, 324
 Оттон Нордгеймский 280, 281, 283, 285
 Оттон Фрейзингенский 241
 Оттон Швабский 266, 267
 Пандульф Капуанский 265
 Пастернак Б. Л. 442
 Пасхалий II, папа 292, 304—306
 Петр Дамиани 288, 290, 298
 Петр Винецкий 326, 341
 Петр из Павии см. Иоанн XIV
 Петрушевский Д. М. 9—11, 14, 22, 508, 513
 Пипин Короткий 58, 228, 229, 259
 Плиний Старший 218, 223, 224, 401, 410
 Плутарх 218
 Поллок Ф. 40, 206
 Пржемысл (Оттокар) II 349, 350
 Пржемысловичи 354
 Птолемей Клавдий 224
 Райнов Т. И. 513
 Рамм К. 40, 147, 148, 164, 206
 Ратхис 180, 182, 183, 185, 191
 Рейнольд Сполетский 330
 Риккерт Г. 413—415, 449, 458—462, 471, 504—506, 508
 Рильке Р. М. 8, 9, 14

Рихтгофен К. 111, 112, 119, 132, 137, 165

Рицлер К. 490—492, 494

Ричард Капуанский 289

Ричард Корнуэльский 349

Ричард Львиное Сердце 323

Роберт Анжуйский 351

Роберт Гвискар 288, 289, 292, 293, 304

Роберт Сильный 245

Роберт, брат Эда Парижского 245

Робертины, род 245, 248

Рожер II 318, 325, 329, 330, 333

Роланд, кардинал 318

Ромул Августул 226

Ротари 20, 21, 29, 48, 49, 58, 65, 68, 70—89, 91, 92, 94, 95, 97, 101—104, 122, 130, 133—137, 139, 140, 142, 167, 168, 170, 171, 176, 177, 184, 186—188, 202, 204, 205, 209

Рудольф II Бургундский 245, 261

Рудольф III Бургундский 274

Рудольф Габсбург 349, 350, 357

Рудольф Фульдский 108, 109, 111, 143, 165

Рудольф Швабский 285, 303

Румер Б. О. 8

Рупрехт Пфальцкий 359

Самаркин В. В. 21

Сеньобос III 22

Серовайский Я. Д. 517

Сиагриий 227

Сигизмунд, германский император 351, 356, 359, 360, 362

Сильвестр II, папа 272

Синибальдо Фиески см. Иннокентий IV

Сказкин С. Д. 5

Слуцкий Е. Е. 8, 32

Смит А. 440, 445

Страбон 218

Стюарт Хьюз Г. 25

Танкмар 247

Тацит Корнелий 46, 47, 71, 102, 144, 166, 218—224, 228, 378—380, 382, 384—388, 391, 392, 394, 401—410, 412

Теодальд 294

Теодорих Великий 226

Тиберий (Клавдий Нерон) 402, 403

Тилье 106, 115, 163

Титмар Мерзебургский 243, 268, 273

Толстой А. К. 519

Толстой Л. Н. 507

Трёльч Э. 455, 457, 458, 504

Тройа К. 96, 189

Тютчев Ф. И. 8

Уваров А. И. 507, 509

Удальцов А. Д. 12, 156

Удо Трирский 293, 295

Удо, предводитель франконского отряда 268

Уитред 139, 204

Урбан II, папа 292, 304

Урбан V, папа 358

Уэсли Дж. 431, 442, 443

Файтингер Х. 450

Феофано 266, 269, 272

Фердинанд V 362

Филипп I 292, 293

Филипп II Август 315, 323, 324

Филипп III 349

Филипп IV Красивый 349, 350

Филипп VI Валуа 352, 354

Филипп Швабский 216, 323

Флодоард 244

Фокс Дж. 431

Фома Аквинский 439, 440, 512

Фома Бекет 321

Франк С. Л. 513

Франклин В. 427—430

Фридрих I Барбаросса 215, 216, 311, 313—325, 328, 329, 340, 353

Фридрих II 216, 323—343, 345, 353

Фридрих III 361, 362

Фридрих Габсбург 352—354

Фридрих Майнцкий 247, 248, 262, 263

Фридрих Непокорный 339, 342

Фуггеры, род 365

Фюстель де Куланж Н.-Д. 22, 385

Хильдеберт 246, 247

Хильдерих 227

Хильперик 48, 57, 58—64, 67, 68, 169, 197, 201, 202

Хлодвиг 47—49, 227, 228, 230—232, 235

Хлойо 227

Хлотарь I, король франков 60, 61

Хлотарь, кентский король 83, 139, 150

Целестин IV, папа 341

Цералис 408

Цивилис Юлий 222, 407—409, 412

Черепнин Л. В. 513

Чэдвик Г. М. 40, 147, 206, 382

Шевеленко А. Я. 21

Шельтинг А. 461

Шпангенберг А. Г. 434

Шпенглер О. 505

Шпенер Я. 438, 443

Шпет Г. Г. 512

Шрёдер Р. 105, 112, 116, 158

Штауфены, династия 215, 216, 312, 323, 324, 335, 339, 342, 343, 348, 349

Шульц О. Т. 397

Эбергард Нелленбург 309
Эбергард Франконский 239, 246—248
Эд Парижский 245
Эдмунд 137
Эдрик 83, 139, 150
Эдуард III 354
Эдуард Исповедник 150
Эдуард, кентский король 138
Энгельс Ф. 30, 36, 38, 194, 196, 198, 286,
419, 445, 446, 448, 496
Энцио 340, 343
Эппо Наумбургский 283

Bouquet M. 155
Dilthey W. 506
Ficker J. 95
Jaffé Ph. 241, 244
Keyser R. 134, 135
Leichter K. 471
Munch P. A. 134, 135
Rappenheim M. 87, 95

Эрлембальд 289
Эрнст Австрийский 285
Эрнст II Швабский 275
Этельберт 208
Этельстан 139, 204

Юлий Цезарь Гай 218, 223, 224, 378,
382—386, 388, 394, 396—400, 402,
411, 412

Ясперс К. 472

Salomon A. 471
Scheler M. 506
Schultze A. 87, 260
Seebom F. 147
Seeliger G. 254
Tönnies F. 506
Waas A. 254

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Л. Т. Мильская. А. И. Неусыхин — ученый, педагог, человек	7
Ю. Л. Бессмертный. Некоторые черты А. И. Неусыхина как исследователя	20

Часть первая

СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА В ВАРВАРСКИХ ПРАВДАХ (ОЧЕРКИ ЭВОЛЮЦИИ ВАРВАРСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В V—VIII ВВ.)

Введение	35
Глава первая. Свобода и собственность в варварском обществе по Салической правде	42
1. Свобода и полусвобода. Проблема знати	42
2. Характер собственности	50
Глава вторая. Понятие свободы в эдикте Ротари	71
1. Fulcfree и haamund	71
2. Расслоение в среде свободных лангобардов (liberi) и рост земельных дарений	82
Глава третья. Саксонские фрилинги и эделинги (в свете фризских, англосаксонских и скандинавских параллелей)	104
1. Постановка вопроса и основные контroversы	105
2. Liberi и nobiles в их взаимоотношении	115
3. Литы	157
Глава четвертая. Перерождение варварского общества по лангобардским Правдам VIII в.	167
1. Изменения в структуре собственности	167
2. Успехи классообразования и отмирание родо-племенной свободы	177
Глава пятая. Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществах	192

Часть вторая.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА (ДО XV В.)

Введение	213
Глава первая. Германия в период раннего средневековья (до ее выделения из империи Каролингов)	218
1. Древние германцы	218
2. Переселение народов. Образование и распадение Франкского государства	225

Глава вторая. Германия в X—XI вв.	234
1. Характеристика германского феодализма в X в. и особенности феодального развития Германии	234
2. Возникновение феодального Германского королевства в X в.	239
3. Политическая история Германии до середины X в.	246
4. Рост политической власти феодалов и предпосылки итальянской политики Оттона I	251
5. Итальянская политика Оттона I и его преемников	261
6. Германия в конце X в.	266
7. Германия в первой половине XI в.	273
Глава третья. Империя и папство во время борьбы за инвеституру (XI—XII вв.)	276
1. Саксонское восстание 1073—1075 гг. и его причины	276
2. Папство во второй половине XI в.	287
3. Ход борьбы за инвеституру и ее последствия	295
Глава четвертая. Империя и папство в XII—XIII вв.	312
1. Германия при Фридрихе I Барбароссе	313
2. Германия при Фридрихе II Гогенштауфене	323
3. Итоги истории Германии в X—XIII вв. и перспективы ее развития в XIV—XV вв.	343
Глава пятая. Германия в XIV—XV вв.	348
Библиография	367
Часть третья.	
СТАТЬИ	
К вопросу об исследовании общественного строя древних германцев	377
Военные союзы германских племен около начала нашей эры	390
«Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки . . .	413
I. Макс Вебер как историк и социолог	415
1. Общая характеристика «Социологии религии»	415
2. Основные идеи работы «Протестантская этика и дух капитализма» . . .	422
3. Анализ исследования Вебера о протестантизме со стороны метода . . .	444
4. «Город» Вебера	464
5. Заключительные замечания	470
Социологическое исследование Макса Вебера о городе	472
1. Город и его эволюция	473
2. Метод Макса Вебера («Эмпирическая социология»)	495
Приложение	
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИИ	501
Библиография трудов А. И. Неусыхина	521
Литература об А. И. Неусыхине	529
Список сокращений	530
Указатель имен	531

Александр Иосифович Неусыхин

Проблемы европейского феодализма

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*

Художник *Е. В. Терехов*

Художественный редактор *Ю. П. Трапакос*

Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 27/III 1974 г.

Подписано к печати 13/V 1974 г.

Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1.

Усл. печ. л. 39,49. Уч.-изд. л. 42,5.

Тираж 2600. Т-06561. Тип. зак. 328.

Цена 3 р. 08 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10